

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2019. № 438. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 438. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Акимов А.С. Традиции изображения «усадебной культуры» в рассказе А.Н. Толстого «Девушки»	5
Алексеева С.В., Доброго А.С., Кониная А.А., Чернова Д.А. К вопросу о механизмах распознавания кириллических букв при чтении: роль типа шрифта	11
Власов М.С., Савостьянов А.Н., Сычев О.А., Сапрыгин А.Е. Движения глаз при чтении предложений с глобальной синтаксической неоднозначностью на английском языке носителями русского языка: эффект имплицитной просодической границы	19
Зиновьева Е.И., Дракулич-Прийма Д. <i>Лукавый и лукав</i> в русской и сербской языковых картинах мира	30
Каверзина Н.П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПРФ и ЛДПР)	40
Каминская Ю.В. «Пушкинский» и «ахматовский» тексты в романе В.В. Набокова «Пнин»	45
Царегородцева О.В., Резанова З.И. Влияние различий грамматической категоризации на концептуализацию объектов: русско-татарское языковое взаимодействие	54

ФИЛОСОФИЯ

Берестов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: типы значений терминов	62
Бровкин В.В. Перипатетики и период раннего эллинизма	74
Вознюк Е.Б. Синхронный и диахронный типы диалога культур	80
Маслов Д.К. Защитная функция «диалектической стратегии» в пирронизме	86
Миронов В.А. Специфика взглядов западных исследователей на проблему научного статуса геологического познания в период XX–XXI вв.	93

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Дьякова Е.Г. «Честная сбалансированность» или самостоятельность: проблематизация дискурса совещательно-консультативных органов в отечественной и американской административных традициях	97
Колесова О.В., Минаев Н.Н., Оплаканская Р.В. Университетские города Сибири: тенденции развития, проблемы, перспективы	106

ИСТОРИЯ

Бровина А.А. Северная база АН СССР в истории освоения Европейского Севера России (1933–1941 гг.)	112
Воропанов В.А. Состав коллегий окружных судов в Тобольской и Томской губерниях во второй четверти XIX в.: итоги развития «региональной» группы дореформенной судебной бюрократии	124
Жолудева Н.Р. Мусульмане во Франции: жизнь мусульманских кварталов Парижа	132
Мамкина И.Н. Формирование педагогического сообщества в Восточной Сибири	138
Миронов В.В. Б. Бузан и Английская школа международных отношений	143
Пасс А.А. Организационная структура кооперативного «бизнеса» в СССР (1950-е гг.)	151

CONTENTS

PHILOLOGY

Akimov A.S. Traditions of Description of “Estate Culture” in Aleksey N. Tolstoy’s Story “Devushki”	5
Alexeeva S.V., Dobrego A.S., Konina A.A., Chernova D.A. On Cyrillic Letters Recognition Mechanisms in Reading: The Role of Font Type	11
Vlasov M.S., Savostyanov A.N., Sychev O.A., Saprygin A.E. Eye Movements in Reading Russian Sentences with Global Syntactic Ambiguity in L1 Russian Learners of L2 English: An Implicit Prosodic Boundary Effect	19
Zinovieva E.I., Drakulić-Priima D. “Lukavyi” and “Lukav” in Russian and Serbian Language Pictures of the World	30
Kaverzina N.P. The Discursive Representation of the Past in the Text of a Political Party Program (Based on the Programs of the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party of Russia)	40
Kaminskaya Yu.V. Pushkin’s and Akhmatova’s Personal Texts in Vladimir Nabokov’s Novel <i>Pnin</i>	45
Tsaregorodtseva O.V., Rezanova Z.I. Only Mother Tongue Matters: The Effect of Grammatical Gender on the Conceptualization of Objects in Tatar-Russian Bilinguals	54

ФИЛОСОФИЯ

Berestov I.V. Application of Walter Edelberg’s Perspectivist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part II: Types of Term Meanings	62
Brovkin V.V. Peripatetics and the Period of Early Hellenism	74
Voznyuk E.B. Synchronic and Diachronic Types of Cross-Cultural Dialogue	80
Maslov D.K. Defensive Function of Pyrrhonic Dialectical Strategy	86
Mironov V.A. Specifics of the Western Researchers’ Views Relating to the Problem of the Scientific Status of Geology in the 20th and 21st Centuries	93

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Dyakova E.G. “Fairly Balanced” or Independent: Problematization of the Discourse on Consultative Bodies in the Russian and American Administrative Traditions	97
Kolesova O.V., Minaev N.N., Oplakanskaya R.V. Siberian University Cities: Trends of Development, Challenges, Opportunities	106

HISTORY

Brovina A.A. The Northern Base of the USSR Academy of Sciences in the History of the Development of Russia’s European North (1933–1941)	112
Voropanov V.A. The Membership of District Courts in Tobolsk and Tomsk Provinces in the Second Quarter of the 19th Century: Results of the Development of the “Regional” Group of Pre-Reform Judicial Bureaucracy	124
Zholudeva N.R. Muslims in France: The Paris Life of Muslim Quarters	132
Mamkina I.N. The Formation of Teachers’ Community in Eastern Siberia	138
Mironov V.V. Barry Buzan and the English School of International Relations	143
Pass A.A. The Organization Structure of Cooperative “Business” in the USSR (1950s)	151

Токмурзаев Б.С. Колонизация Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в.	163
Храмцов А.Б. Списки членов управ как источник о личном составе городских служащих (на материалах Томской губернии начала XX в.)	172

ПЕДАГОГИКА

Коваль Л.Н., Алексеева Е.Н., Шевченко А.М. К вопросу мотивационной направленности личности в студенческом спорте	176
Усачёв Н.А., Сурнин Д.И., Хорошева Т.А. Статистический анализ деятельности Министерства спорта Самарской области в рамках реализации программы «Доступная среда»	180
Шустова И.Ю. Со-бытийный подход к воспитанию школьников	186

ПРАВО

Андреева О.И., Трубникова Т.В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия	194
Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Проблемы конкуренции коллизионных норм в юридической науке и практике	201
Данилов И.Б. Организация городских бюджетов Сибири в период НЭПа в условиях политического противостояния городских советов и коммунальных отделов	210
Дементьев Д.В. Правовое регулирование приоритетности бюджетных расходов	216
Кудрявцева А.В., Морозова Ю.А. Немотивированность как основание к отмене и изменению судебного решения в кассационной и апелляционной инстанциях	222
Петров А.В., Зырянов А.В. О некоторых методологических подходах в юридических исследованиях (философский, натуралистический, позитивистский подходы)	227
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	236

Tokmurzayev B.S. Colonisation of the Steppe Krai in the Socio-Political Discourse of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries	163
Khramtsov A.B. Lists of City Council Members as an Information Source on City Civil Servants (A Case Study of Tomsk Province of the Beginning of the 20th Century)	172

PEDAGOGICS

Koval L.N., Alexeeva E.N., Shevchenko A.M. On the Direction of Personal Motivation in Student Sport	176
Usachev N.A., Surnin D.I., Khorosheva T.A. Statistical Analysis of the Activities of the Samara Region Ministry of Sport Within the Framework of the Accessible Environment Program	180
Shustova I.Yu. A Co-Existence Approach to Character Building at School	186

LAW

Andreeva O.I., Trubnikova T.V. A Court's Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences	194
Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. The Intricacy of Competition of Conflict Rules in Legal Science and Practice	201
Danilov I.B. The Organization of City Budgets of Siberia During the NEP in the Conditions of Political Opposition of City Councils and Municipal Departments	210
Dementev D.V. Legal Regulation of the Priority of Budget Expenditures	216
Kudryavtseva A.V., Morozova Yu.A. Lack of Reason as a Basis for the Cancellation and Change of the Court Decision in the Cassation and Appeal Instances	222
Petrov A.V., Zyryanov A.V. On Some Methodological Approaches in Legal Research (Philosophical, Naturalistic, Positivist Approaches)	227
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	236

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

А.С. Акимова

ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ «УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ» В РАССКАЗЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ДЕВУШКИ»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129).

Рассматривается влияние литературной традиции изображения усадеб на творчество А.Н. Толстого. На примере рассказа 1913 г. «Девушки» впервые ставится проблема внутренних контактов писателя с И.А. Гончаровым. Применяемые в исследовании биографический, социокультурный и текстологический подходы к изучению текстов позволяют выявить сюжетные и текстовые аллюзии на роман И.А. Гончарова «Обрыв».

Ключевые слова: «усадебный текст»; интертекстуальность; И.А. Гончаров; А.Н. Толстой; текстология; социокультурный контекст.

Картину литературных влияний на А.Н. Толстого пытались создать и современники писателя, и исследователи его творчества. Наиболее полное представление о его связи с русской литературной традицией дает монография А.М. Крюковой. «...в творческом облике А.Н. Толстого, – отмечает исследователь, – воплотилась отечественная традиция, причем не только как точка отсчета, поиск пути к самому себе, но как навсегда сохранившийся в его творческом составе художественно-идеологический центр...» [1. С. 86]. Личные впечатления и наблюдения, зафиксированные в дневнике писателя, оформляются в рассказы, в которых критики видели «любопытную контаминацию литературных влияний» [2. С. 88]. А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Г. Успенского, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Наиболее часто исследователи творчества Толстого обращаются к проблеме влияния Гоголя, что не является, по словам А.М. Крюковой, «случайным или “выборочным”... мощное влияние классика подчинило <...> все другие формы и проявления его связей с отечественной литературной традицией; внутренние контакты писателя с Достоевским, Тургеневым, Л. Толстым, Чеховым осуществлялись в его творчестве через гоголевскую художественно-идеологическую меру...» [1. С. 86].

Связь прозы Толстого с русской культурой начала XX в. и с русской национальной традицией изобразила О.А. Богданова на примере рассказа «Утоли моя печали» (1915), где писатель показал зародившийся еще в конце XIX в. разрыв между «столичной журнально-книжной литературой и животворящей национальной традицией, в которую на равных правах вписаны и земля, и православная вера, и дворянская усадьба, и церковь допетровской постройки» [3. С. 18]. Таким образом, в усадебных текстах 1910–1914 гг., по справедливому утверждению М.В. Глазковой, «феномен русской усадьбы получает новое воплощение» [4. С. 3]. Под «усадебным текстом» понимается «группа изоморфных в формальном и содержательном отношении конкретных текстов, выступающих в качестве его вариантов, которые

образуют сложное сочетание системных и внесистемных элементов инвариантного текста» (см.: [5. С. 161]). Усадьба становится не только местом действия событий, но композиционным и семантическим центром, определяющим расстановку действующих лиц, художественные приемы и интертекстуальные связи произведения. В последнее время изучению «усадебного текста» русской культуры придается большое значение. Об этом свидетельствует и переиздание монографии В.Г. Щукина «Миф дворянского гнезда: Геокультурологическое исследование по русской классической литературе» (1997), в которой рассматриваются зарождение и трансформация мифологии дворянской усадьбы, а также ее слагаемые (мифологема «сад», усадебные топоры «окно», «темные аллеи», «пустые комнаты» и др.).

Ряд писателей, чье влияние испытал А.Н. Толстой, можно продолжить именем И.А. Гончарова. Присутствие Гончарова в художественном мире Толстого наиболее явно в рассказах 1913 г. «Трагик» и «Девушки», местом действия которых становится уединенная усадьба. Наряду с рассказами Толстого 1909 г. «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь», циклом «Заволжье» (1909–1910), романами 1911 и 1912 гг. «Чудаки» («Две жизни») и «Хромой барин», повестью «Приключения Растегина» (1913) рассказы «Трагик» и «Девушки» можно причислить к «усадебным текстам» писателя. Так, например, действие рассказа «Трагик», основанного на произошедшем с режиссером Малого театра И.С. Платоном случае, происходит в неотапливаемом усадебном доме, за которым присматривает родственник хозяев, promovший актер-трагик, Иван Степанович Кривичев [6. С. 109–116].

Рассказ «Девушки» был опубликован в 1913 г. в еженедельном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Живое слово» с подзаголовком «Рассказ гр. А.Н. Толстого» и подписью: «Гр. Алексей Н. Толстой» [7. С. 2–4]. В дальнейшем он вошел в три издания «Сочинений» Толстого в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (том 3 в издании 1913 г. и его переизданиях 1917 и 1918 гг.) и

больше при жизни автора не публиковался. Рассказ «Девушки» вошел в третий раздел тома под названием «Минувшее» наряду с такими рассказами, как «Портрет», «Смерть Налымовых», «Однажды ночью», «Катенька (Из записок офицера)», «Соревнователь», «Яшмовая тетрадь» и «Злосчастный». Действие рассказа, как и других произведений, составивших раздел «Минувшее», по замечанию Л.М. Поляк, перекидывается «в знакомые дворянские усадьбы» [2. С. 90].

В центре повествования – усадьба Липки и ее обитатели: тетушка Анна Матвеевна и ее племянницы сестры Перовы, красавицы Варя и Анюта. Их уединение нарушает прибывший в губернию из Петербурга поручик в отставке Иван Васильевич Кремер. Подогреваемый разговорами о женщинах «нечеловеческой красоты», любопытством и пари, он придумывает деловой предлог и отправляется в Липки. В описании усадьбы и ее обитателей заметно влияние не Тургенева, а именно Гончарова. Интерес к его прозе мог быть вызван рядом мероприятий, связанных с празднованием 100-летнего юбилея со дня рождения писателя.

Юбилей Гончарова широко отмечался в июне 1912 г. В «Русских ведомостях» (1912. 6 июня) появился ряд публикаций в связи с чествованием памяти писателя (Б.п. «Москва, 6 июня». С. 1; Игнатов И. «Поэзия покоя. (И.А. Гончаров. 1812–1912)». С. 2–3). В заметке без подписи на первой полосе газеты (Б.п. «Москва, 6 июня». С. 1) вспоминались «картины, типы, фигуры, бытовые особенности, изображенные знаменитым романистом, характерные для своего времени, но теперь значительно изменившиеся или исчезнувшие» [8. С. 1]. Среди первых назывались общественные и семейные отношения, понятие о достоинстве, к последним причисляются «русская обломовщина» и «русская адуевщина», т.е. бюрократизм, брезгливое отношение ко всему живому и меняющемуся. В обстоятельной статье И. Игнатова «Поэзия покоя (И.А. Гончаров. 1812–1912)» [9. С. 2–3] рассматриваются гончаровские образы с точки зрения знаменитой речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). Автор статьи не находит в них ни Гамлета, ни Дон-Кихота, в них «есть кто-то еще, какой-то третий, который не похож на них, и этот третий или характеризует человека целиком, или примешивается к Дон-Кихоту, чтобы вместе с ним давать различные вариации человеческих типов», – это спокойный и ленивый оруженосец Санчо Панса, «существо жаждущее покоя, ценящее его и способное им наслаждаться» [Там же. С. 2]. Трагедия тургеневских Гамлетов, по мысли критика, заключается в конфликте природы оруженосца с сознанием Дон-Кихота. В женских образах Тургенева, напротив, сознание Санчо Пансы борется «с требованиями донкихотской природы» [9. С. 2]. Гончаров – «поэт людей нераздвоенных», как пишет Игнатов, один из элементов их натуры, их природы – Санчо Панса – не противоречит требованиям сознания, не вступает с ним в конфликт, что создает мирную и спокойную атмосферу изображенных Гончаровым помещичьих усадеб. «“Затишье”, – скромная помещичья усадьба, с патриархальными нравами, с мирными стремлениями, – была у Тургенева местом глубокого трагизма, неосуществленных порывов,

оскорбленных стремлений. В Обломовке ничего подобного нет, нет противоречий, нет неосуществленных мечтаний. Тихие, спокойные Санчо Панса мирно пребывают в состоянии неподвижности, и нет такого Дон-Кихота, который спугнул бы мирное настроение, потребовал бы оруженосца к деятельности» [9. С. 2].

Этот мир патриархальной старинной усадьбы с ее повседневными заботами и простой жизнью на фоне природы воссоздает Толстой в рассказе «Девушки». Его герои варят варенье, судятся с крестьянами и принимают гостей, они рано ложатся, ни с кем не знают («себя соблюдают») и читают по вечерам вслух роман «Обрыв» Гончарова – это мир, словно списанный с усадьбы Малиновка и ее обитателей: бабушки, Татьяны Марковны Бережковой и сестер Веры и Марфеньки. Как и в романе Гончарова, в начале рассказа Толстой дает краткую характеристику провинциального губернского города, живущего слухами и сплетнями. Основное же действие перенесено в усадьбу.

Следуя традиции усадебной прозы, он подготавливает и гостя, и читателя к ее появлению. «Тихой, сонной рысью пробирался Райский, в рогожной перекладной кибитке, на тройке тощих лошадей, по переулкам, к своей усадьбе», – описывает дорогу героя Гончаров. Вслед за ним читатель видит вьющийся из трубы дымок, кровлю старого дома и осеняющий его сад. Как видим, традиционному для русской литературы описанию дороги главного героя (вспомним пушкинского «Евгения Онегина», «Мертвые души» Гоголя, героев Льва Толстого и др.) отводится незначительная роль. Кроме того, Иван Васильевич Кремер, герой рассказа Толстого «Девушки», в продолжение четырехчасового пути дремал, поэтому автор ограничивается ироничным замечанием: «Действительно, если слушать, как крутится, захлебываясь, железное кольцо колокольчика, глядеть на ровную, зеленую, желтую, вдаль вспаханную степь, вглядываться в зыбкие волны пара на горизонте и думать – ей-богу не стоит, заведут такого созерцателя подобные мысли в трудные места» [10. С. 315]. Подъезжая к усадьбе, путешественник видит «зеленые бока оврагов, глиняные водомоины, прудки, на склонах скот, отраженный в воде, и вдалеке темный кудрявый сад и в нем купол беседки» [Там же]. В глубине лужайки появляется старый, «обветренный от непогоды» дом; виднеется балкон, кипящий самовар на круглом столе, перекинутый через балюстраду турецкий шарф и белая туфелька; из сада доносится запах цветов и влаги. Упоминание видневшейся беседки не случайно: она отсылает к беседке-ротонде – месту свиданий Веры и Марка Волохова в романе Гончарова «Обрыв». Также это могло быть связано с юбилейными торжествами: 6 (18) июня 1912 г. в Винновке, имении дворянского рода Киндяковых, по заказу последней его представительницы Е.М. Перси-Френч по проекту архитектора А.А. Шодэ была открыта беседка-ротонда в дорическом стиле с четырехгранным обелиском. Замысел романа «Обрыв» возник у Гончарова именно в усадьбе Киндяковых, где писатель гостил летом 1849 г., а прообразом усадьбы Бориса Райского Малиновка послужило имение Киндяковых. Н.А. Державин писал: «Местность, связываемая с гончаровским “Обрывом”, находится в полуго-

ра верстах от города и известна у симбирских жителей под названием “Киндяковки”, полученным ею от фамилии прежних ее владельцев. В настоящее время Киндяковкой владеет г-жа Перси-Френч, заботливо относящаяся к сохранению рощи, парка, усадьбы и обрыва к Волге в том виде, в каком все это было во время посещения Киндяковки Гончаровым и в каком все это изображено им в своем бессмертном романе» [11. С. 872]. Таким образом, упоминание беседки и описание дороги героя связывают рассказ «Девушки» Толстого с романом Гончарова «Обрыв».

Помимо аллюзии сюжетного уровня – неожиданный приезд незнакомого мужчины в усадьбу, где уединенно живут девушки-сироты и их тетушка (у Гончарова – бабушка), Толстой активно использует текстовые аллюзии. «Чорт возьми, а вдруг они – рожь!» [10. С. 315], – думает Кремер, подъезжая к усадьбе Липки. Тревожные мысли героя рассказа отсылают к размышлениям Райского, решившего навестить свою двоюродную бабушку в усадьбе Малиновка. «Бабушка! – с радостью воскликнул Райский. – Боже мой! она зовет меня: еду, еду! Ведь там тишина, здоровый воздух, здоровая пища, ласки доброй, нежной, умной женщины; и еще две сестры, два новых, неизвестных мне и в то же время близких лица... (“барышни в провинции! немного страшно: может быть уроды!” – успел он подумать, поморщась...)» [12. С. 122].

В тексте рассказа Толстого встречаются и имплицитные цитатные аллюзии, в частности, упоминание оставленной у порога маленькой белой туфельки, которую подбирает Кремер и после тщательного осмотра («Туфля маленькая, с высоким подъемом, значит, нога стройная и полная. Носок зашаркан от беготни по траве... а внутри следы краски... от красного чулка...» [10. С. 316]) решает взобраться по осине в комнату девушек, чтобы отдать хозяйке. На лакированный башмак Марфиньки с красной сафьянной отделкой и с пряжкой обращает внимание на прогулке Райский: «Ты любишь щеголять, Марфинька: лакированный башмак!» [12. С. 176].

Хранит мир усадьбы Липки и оберегает девушек от гостей тетушка Анна Матвеевна. Тетушка – «сморщенная старуха в наколке» – недоверчиво осматривает гостя: «Вам что угодно, мы не принимаем, – спросила старуха, держась за косяк, – брови у нее поднялись, и смирные глаза глядели с новым страхом на черные подусники гостя...» [13. С. 142]. Текст журнальной публикации в «Живом слове» Толстой переработал для издания третьего тома «Сочинений» в 1913 г., как и другие произведения, которые сначала публиковались в периодической печати, а затем были включены в собрание сочинений писателя. В журнале «Живое слово» она, увлеченно рассказывая о тягбе с крестьянами, забывает о госте: «Потом спохватилась, угостила чаем и, наконец, принесла свечу, глядя, как Иван Васильевич ест лепешки» [7. С. 2]. В «Сочинениях», благодаря замене «и, наконец, принесла свечу, глядя» на «с умилением глядела», на первый план выходят ее хозяйственность и распорядительность: «Потом спохватилась, угостила чаем и с умилением глядела, как Иван Васильевич ест лепеш-

ки» [13. С. 142–143]. В «Сочинениях» Анна Матвеевна сентиментальна, но в меру, по сравнению с журнальным текстом здесь на первый план выходят ее хозяйственность и распорядительность. На вопрос Кремера о племянниках она «смирно... на глазах у нее стояли слезы, и старушечьи губы опустились углами вниз» [Там же. С. 143]. В журнале расчувствовавшуюся старушку прерывает Кремер: «Раненько завтра подниматься, – окончил он после молчания, – я пожалуй, пойду спать...» [7. С. 3]. В «Сочинениях» эти слова отсутствуют, тетушка тотчас произносит: «В угловой, батюшка, ляжете, а закуску на ночь с бабой пришлю...» [13. С. 143].

Традиционный усадебный быт и порядок в доме, поддерживаемый усилиями тетушки, навевают скуку и вызывают противоречивые чувства молодых обитателей усадьбы Липки, красавиц Вари и Анюты. С образами сестер, читающих «Обрыв» и размышляющих о своей природе, связан мотив искушения и грехопадения: «Какие мы ангелы... вот роман читаем...» [10. С. 318], – говорит Анюта; «И я тоже страдаю, потому что мы земнородные... – отвечает ей сестра. – Пойми – каждая девушка хранит небесный огонь. А мужчина смертный – его дело похитить огонь, а наше хранить. Вот почему к нам лезут со всех сторон...» [Там же].

Небольшой правке в «Сочинениях» подвергается описание комнаты сестер: в журнале «Живое слово» был обозначен цвет шторы в комнате девушек – красный, который в «Сочинениях» снимается автором как неточная деталь в описании белой комнаты сестер. Варя и Анюта читают роман Гончарова «Обрыв», и «падение» его героини, Веры, заставляет младшую, Анюту, усомниться в правильности их образа жизни. Таким образом, через чтение «Обрыва» в жизнь девушек входит актуальный в начале XX в. «женский вопрос», который наряду с «половым вопросом» стал широко обсуждаться представителями образованной элиты в 1889 г. в связи с распространением рукописи повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» [14. С. 223–225]. «Половой вопрос» стал постоянной темой обсуждения широкой аудитории после революции 1905 г., когда проблемы насилия, беспорядков и вожделения привели к «сексуальному кризису». «На протяжении последних 10–15 лет, – писал психиатр А.Н. Бернштейн в 1908 г., – половой вопрос изучается со всевозможных точек зрения – биологической и экономической, социальной и моральной, юридической и патологической, гигиенической и религиозной; и наоборот, вопросы этики и права, политической экономии и философии пересматриваются с точки зрения половой жизни» [15. С. 5]. В рассказе Толстого «половой вопрос» затронут в разговоре девушек, далеких от дискуссий, разворачивающихся в столице. Легкомысленный комментарий «падения» героини Гончарова, данный младшей сестрой Анютой («...ты сама видишь, писатель вывел самых лучших девушек и все-таки одна не выдержала...» [10. С. 318]), вызывает отповедь старшей, Вари:

«– Какая ты ничтожная, как хочется тебе всей этой будничной гадости... Неужто ты не в силах сломить желание; ужасно. У каждой из нас *словно жернов*

привешен (курсив мой. – А.А.)... Будь сильной, Анюта; ведь если в лесу с тобой повстречаются волки, ты не захочешь, чтобы съели тебя...» [Там же].

Слова Вари отсылают к Евангелию от Матфея («...а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской» – Мф. 18:6), а также к «опытам над Марфенькой» Райского, к бесплодным попыткам над ее развитием. Каждая его попытка соблазнить невинную

и непосредственную Марфеньку заканчивается провалом: «Как он ни затрагивает ее ум, самолюбие, ту или другую сторону сердца – никак не может вывести ее из круга ранних, девических понятий, теплых, домашних чувств, логики преданий и преподанных бабушкой уроков» [12. С. 248].

Работая над текстом рассказа для «Сочинений», Толстой вернулся к образу Анюты, убрав из разговора девушек ее беспокойство и неуверенность, оставив только любопытство:

Журнал «Живое слово»	«Сочинения» (изд-я 1913, 1917, 1918 гг.)
«– Сегодня, право, Анюта, не узнаю тебя, – ответил голос читавшей, – ты взволнована... Неужто тебе нужна вся эта грубость... – Конечно, нет... А любопытно...» [7. С. 3]; «– Варя, погадай, мне беспокожно» [Там же]	«– Сегодня, право, Анюта, не узнаю тебя, – ответил голос читавшей, – ты взволнована... Неужто тебе нужна вся эта грубость... – Все-таки любопытно...»; «– Варя, погадай мне» [13. С. 145]

Последняя фраза героини («Конечно, нет... А любопытно...») была изменена Толстым на задумчивое: «Все-таки любопытно» [13. С. 145], а ее просьба погадать: «Варя, погадай, мне беспокожно» [7. С. 3], в издании «Сочинений» стала проще и эмоционально нейтральной: «Варя, погадай мне» [13. С. 145]. Причина сомнений Анюты не только в прочитанном романе, но и в природной чувствительности и эмоциональности героини, которая в «Сочинениях» автором, как и ее беспокойство, снимается. Толстой убирает характеризующую ее возбужденность деталь – «до слез»: при появлении в комнате Кремера она «смеялась этому до слез, тряся пальцами» [7. С. 3]; в «Сочинениях» стало: «смеялась этому, тряся пальцами» [13. С. 148].

Описания, связанные с поведением Вари в присутствии Кремера, автор также снимает. Так, например, смех и усмешка появлялись у нее при виде неожиданного вошедшей и заставшей с ними гостя тетюшки: «У стены, заложив руки от смеха, стояла Варя, как всегда в мягких туфлях, кривя тонкие губы усмешкой» [7. С. 3], где «от смеха» и не имеющая отношения к повествованию деталь («как всегда в мягких туфлях») сокращается автором: «У стены, заложив руки, стояла Варя, как всегда, но кривила тонкие губы усмешкой» [13. С. 148], что придает образу большую цельность, а описываемой сцене с Кремером – ясность.

Характеры толстовских героинь соответствуют предложенным Гончаровым образам: Варя, чуткая и предчувствующая опыт, как Вера, которая уже «угадала или уследила перспективу впечатлений, борьбу

чувств и предугадывает ход и, может быть, драму страсти, и понимает, как глубоко входит эта драма в жизнь женщины» [12. С. 386]. Младшей, «бессознательной девочке» Анюте, которая своей непосредственностью и эмоциональностью напоминает Марфиньку, она пытается объяснить: «Конечно, и для нас придет день, как и для всякой девушки, так уж лучше не думать о нем, не ждать, оттягивать... Из умных станем мы обыкновенными, из прозорливых слепыми... знаем роды и смерть...» [10. С. 318].

Идиллическое описание патриархальной жизни в усадьбе Липки создается не только при помощи образов тетюшки-хозяйки, главной фигуры в доме, и определяющих жизнь его обитателей таких физиологических явлений, как еда и сон (выпив молока, сестры рано отправляются спать), но и благодаря архаичным лексическим средствам. В первой публикации рассказа в журнале «Живое слово», как и в прижизненных изданиях «Сочинений» Толстого, встречались две формы: она «прочла документ, усадила гостя и, дотрогиваясь до его колена, принялась пространно рассказывать о тяжбе своей с крестьянами...», где «дотрогиваясь» – устаревшая форма написания слова «дотрагиваться» [16. С. 484]. Другое слово связано с описанием крестьянки Анисьи, которая принесла Ивану Васильевичу холодный ужин: «Немного погодя вошла высокая и просторная баба...».

Становится очевидным, что правка для «Сочинений» носила смысловой характер. Как и в других рассказах этого периода, Толстой вносил изменения, связанные с образом главного героя.

Журнал «Живое слово»	«Сочинения» (изд-я 1913, 1917, 1918 гг.)
«новый земский начальник, гвардии-поручик в отставке», назначенный «на участок, в который входило село и усадьба Липки» [7. С. 2]	«новый чиновник, поручик», назначенный «в губернию» [13. С. 140]

Как видим, в «Сочинениях» должность героя и звание – чиновник, поручик – обозначены более просто, что, вероятно, ассоциировалось с известными героями русской классической литературы, на которую в поисках героя рассказов 1911–1914 гг. Толстой в это время ориентировался. Поручиками были герой «Невского проспекта» Н.В. Гоголя, Нехлюдов в «Вос-

кресении» Л.Н. Толстого, Дмитрий Карамазов Ф.М. Достоевского. Как и другой поручик, Вулич из лермонтовского «Героя нашего времени», Кремер испытывает судьбу. В тексте «Живого слова» дважды упоминалось пари, которое Иван Васильевич заключил в городе: «Между прочими сплетнями рассказали и о липкинских сестрах, – обозвав их на этот раз

женщинами нечеловеческой красоты. Иван Васильевич загорелся. На именинах у предводителя подогрел себя еще невероятным пари, и вскоре, придумав деловой предлог, поехал в Липки» [7. С. 2]. Второе упоминание о заключенном пари увидеть таинственных красавиц («Иван Васильевич живо подбежал к окну, просунулся в сад и стал слушать; потом дернул плечами и закусил усы, раздумывая, как бы удобнее выполнить пари» [Там же]) в «Сочинениях» было снято автором: «Иван Васильевич живо подбежал к окну, просунулся в сад и стал слушать, раздумывая, как бы увидеть девиц» [13. С. 143].

Двойное пари заключают и герои Гончарова – Райский и Марк: Марк убежден, что Райский первым влюбится в Веру; влюбится Вера, предлагает ответное пари Райский.

В рецензии на «Сочинения» В. Смельский назвал раздел «Минувшее», в который вошел рассказ «Девушки», лучшим [17. С. 327]. Автор другого отзыва на книгу, говоря о любви Толстого к новизне, «экстравагантным встречам и дерзновенным положениям», объясняет, в чем проявляются эти свойства: «Одного героя он заставляет гнаться с ножом в руке за любимой девушкой (“Трагик”). Другого заставляет объясняться в любви с верхушки осины (“Девушки”) <...> И он при всяком удобном и неудобном случае торопится проявить свой боевой темперамент. Говоря другими словами, это писатель, полный здорового восхищения жизнью. Ему нравится ее стук и треск. Нравятся молодые девушки, живые цветы и маленькие радости, разлитые в природе» [18. С. 666]. В прижизненной критике неоднократно отмечалась странность и алогизм по-

ведения героев Толстого и, в частности, неправдоподобие образов раздела «Минувшее», куда вошел рассказ «Девушки», что заставляли задуматься – существуют ли они. Так, по мнению рецензента «Русского богатства», «это мертвецы, беззаботно разгуливающие в живой толпе живых людей, это именно *призраки*, странные архаические обломки, покинувшие свои музейные витрины и вмешавшиеся в дела сегодняшнего дня» [19. С. 357]. Не только дневниковые записи Толстого этого периода, но и исследования последних лет свидетельствуют о том, что его герои имели (или могли иметь) прототипы [20].

В усадебной прозе Толстого, и в частности в рассказе «Девушки», отражены типичные для культуры рубежа веков процессы: стремление сохранить дворянско-крестьянскую «усадебную культуру», с одной стороны, и «подвести итог полуторавекового ее расцвета» [5. С. 272] – с другой. Действие рассказа, как и многих других произведений писателя этого периода (1909–1914 гг.), например, «Соревнователь» или «Яшмовая тетрадь», «Утоли моя печали» и «Трагик», происходит в усадьбе. Все они «пронизаны характерным для эпохи настроением пассаизма – направления в литературе и искусстве начала XX в., отмеченного пристрастием к минувшему, прошлому и недоверчивым отношением к настоящему и будущему» [21. С. 10], но в развитии усадебной темы Толстой следует традиции русской литературы XIX в., и в частности усадебной прозы Гончарова, о чем свидетельствует и небольшое вступление с описанием провинциального города и дороги героя, а также патриархально-идиллическое описание жизни усадьбы Липки и ее обитателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова А.М. А.Н. Толстой и русская литература. (Творческая индивидуальность в литературном процессе). М. : Наука, 1990. 260 с.
2. Поляк Л.М. Алексей Толстой – художник. М. : Наука, 1964. 461 с.
3. Богданова О.А. Рассказ А.Н. Толстого «Утоли моя печали» в контексте русской культуры // Алексей Толстой: диалоги со временем. М. : Литературный музей, 2017. Вып. 2. С. 9–19.
4. Глазкова М.В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
5. Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М. : РОССПЭН, 2007. 610 с.
6. Акимова А.С. Истоки и трансформация образа актера в рассказе А.Н. Толстого «Трагик» (1913) // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 109–116.
7. Толстой А.Н. Девушки // Живое слово. 1913. № 2. Январь. С. 2–4.
8. Русские ведомости. 1912. 6 июня.
9. Игнатов И. Поэзия покоя (И.А. Гончаров. 1812–1912) // Русские ведомости. 1912. 6 июня. С. 2–3.
10. Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: в 15 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1949–1953. Т. 2.
11. Державин Н.А. На родине И.А. Гончарова (К столетию рождения знаменитого романиста // Исторический вестник. 1912. Т. 128, № 6. С. 869–877.
12. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997–... Т. 7.
13. Толстой А.Н. Сочинения: в 10 т. М. : Кн-во писателей в Москве, 1913. Т. 3. С. 140–149.
14. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М. : «ТЕРРА»–«TERRA», 1996. 571 с.
15. Бернштейн А.Н. Вопросы половой жизни в программе семейного и школьного воспитания. М. : Тип. Т-ва Кушнерев и К°, 1908. 31 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : «ТЕРРА»–«TERRA», 1995. Т. 1.
17. Смельский В. <Рецензия> // Литература и искусство (приложение к газете «День»). 1913. 2 декабря. С. 327.
18. [Б.п.] Толстой Ал.Н., гр. Т. III. «Книгоиздательство» писателей в Москве», 1913 // Бюллетени литературы и жизни. 1914. № 21. Июль. С. 665–667.
19. [Б.п.] Гр. Алексей Н. Толстой. Сочинения. Т. III // Русское богатство. 1914. № 2. Февраль. С. 357–359.
20. Громова Т.А. Симбирские прототипы героев А.Н. Толстого в повести «Приключения Растегина» // Краеведческие записки : сб. науч. тр. обл. науч. конф. «История и современность». Ульяновск, 2006. Вып. 12. С. 166–174.
21. Богданова О.А. «Усадебная культура» в русской литературе XIX–начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. 2 (13). С. 14–26.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

Traditions of Description of “Estate Culture” in Aleksey N. Tolstoy’s Story “Devushki”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 5–10.

DOI: 10.17223/15617793/438/1

Anna S. Akimova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Keywords: “estate text”; intertextuality; I.A. Goncharov; A.N. Tolstoy; textology; socio-cultural context.

The article examines the influence of the literary tradition of portraying manors on the works of Aleksey N. Tolstoy. On the example of the 1913 story “Devushki” [Girls], the problem of internal contacts of the writer with Ivan Goncharov is first raised. The biographical, sociocultural and textological approaches to the study of texts used in the study make it possible to reveal the plot and text allusions to Goncharov’s *Obryv* [The Precipice]. As a result of the analysis of the periodicals and the study of the cultural life of the beginning of the century, it was found that the story was not only influenced by the novel but also by events dedicated to the writer’s 100th birthday, widely celebrated in 1912, and by discussions of the early twentieth century related to the “sexual issue”, touched upon in the novel and actualized with the writing of *Kreytserovaya sonata* [Kreutzer Sonata] by Leo Tolstoy. Consequently, Tolstoy’s story “Devushki” reflects processes typical for the culture of the turn of the century: the idealistic image of the past and the desire to preserve the “estate culture”. The story reflected predilection for the past and distrust of the present, characteristic for the epoch, which allows to consider it in the context of the writer’s estate prose and to talk about the continuation of the tradition of nineteenth-century Russian literature and, in particular, Goncharov’s “estate prose”. Tolstoy’s orientation to the tradition of depicting the aristocratic manor, developed in the Russian literature of the 19th century and, in particular, in Goncharov’s prose, manifests itself both at the content level and at the compositional one. In the story, the author recreates the world of a patriarchal manor with its daily worries and life against the backdrop of nature. His characters make jam, are at law with peasants, receive guests, they go to bed early, do not know anyone and read Goncharov’s novel *Obryv* in the evenings. This is the world, as if written off from the estate of Malinovka and its inhabitants, grandmothers, Tatyana Markovna Berezhkova and the sisters Vera and Marfen’ka. Like in the novel, at the beginning of the story Tolstoy shows the life of a provincial town, living with rumors and gossip, the main action is transferred to the estate. In the estate prose of Goncharov and Tolstoy, the motive of the path of the main hero acquires great importance, during which he has the opportunity not only to feel the vastness of his native spaces, but also to think about the purpose of his path and prepare himself for the perception of the estate and its inhabitants.

REFERENCES

1. Kryukova, A.M. (1990) *A.N. Tolstoy i russkaya literatura. (Tvorcheskaya individual'nost' v literaturnom protsesse)* [A.N. Tolstoy and Russian literature. (Creative individuality in the literary process)]. Moscow: Nauka.
2. Polyak, L.M. (1964) *Aleksey Tolstoy – khudozhnik* [Alexey Tolstoy as an artist]. Moscow: Nauka.
3. Bogdanova, O.A. (2017) Rasskaz A.N. Tolstogo “Utoili moya pechali” v kontekste russkoy kul'tury [A.N. Tolstoy’s story “Soothe my sorrows” in the context of Russian culture]. In: Radomskaya, T.I. (ed.) *Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: dialogues with time]. Is. 2. Moscow: Literaturnyy muzey.
4. Glazkova, M.V. (2008) “Usadebnyy tekst” v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka (I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, A.A. Fet) [“Estate Text” in Russian literature of the second half of the 19th century (I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, A.A. Fet)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Shchukin, V.G. (2007) *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya: issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey* [The Russian genius of education: research in the field of mythopoetics and the history of ideas]. Moscow: ROSSPEN.
6. Akimova, A.S. (2017) The Origins and Transformation of the Image of Actor in A.N. Tolstoy’s Story “The Tragedian” (1913). *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 4 (43). pp. 109–116. (In Russian).
7. Tolstoy, A.N. (1913) Devushki [Girls]. *Zhivoe slovo*. 2. January. pp. 2–4.
8. *Russkie vedomosti*. (1912) 6 June.
9. Ignatov, I. (1912) Poeziya pokoya (I.A. Goncharov. 1812–1912) [The poetry of rest (I.A. Goncharov. 1812–1912)]. *Russkie vedomosti*. 6 June. pp. 2–3.
10. Tolstoy, A.N. (1949–1953) *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo khud. literature.
11. Derzhavin, N.A. (1912) Na rodine I.A. Goncharova (K stoletiyu rozhdeniya znamenitogo romanista [In the homeland of I.A. Goncharov (Towards the centenary of the birth of the famous novelist)]. *Istoricheskiy vestnik*. 128(6). pp. 869–877.
12. Goncharov, I.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 7. St. Petersburg: Nauka.
13. Tolstoy, A.N. (1913) *Sochineniya: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 3. Moscow: Kn-vo pisateley v Moskve. pp. 140–149.
14. Engel'shteyn, L. (1996) *Klyuchi schast'ya. Seks i poiski putey obnoveniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Keys of happiness. Sex and the search for ways to update Russia at the turn of the 20th century]. Moscow: “TERRA”–“TERRA”.
15. Bernshteyn, A.N. (1908) *Voprosy polovoy zhizni v programme semeynogo i shkol'nogo vospitaniya* [Sex life issues in the program of family and school education]. Moscow: Tip. T-va Kushnerev i K°.
16. Dahl, V.I. (1995) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: “TERRA”–“TERRA”.
17. Smel'skiy, V. (1913) <Retsenziya> [<Review>]. *Literatura i iskusstvo*. (Supplement to the Newspaper Den'). 2 December. pp. 327.
18. [Anon.] (1914) Tolstoy A.I.N., gr. T. III. “Knigoizdatel'stvo” pisateley v Moskve”, 1913 [Count Tolstoy A.I.N., Vol. III. “Publishing of writers in Moscow”, 1913]. *Byulleteni literatury i zhizni*. 21. July. pp. 665–667.
19. [Anon.] (1914) Gr. Aleksey N. Tolstoy. Sochineniya. T. III [Count Aleksey N. Tolstoy. Writings. Vol. III]. *Russkoe bogatstvo*. 2. February. pp. 357–359.
20. Gromova, T.A. (2006) Simbirskie prototipy geroev A.N. Tolstogo v povesti “Priklyucheniya Rastegina” [Simbirsk prototypes of A.N. Tolstoy’s characters in the story “Rastegin’s Adventures”]. In: Volodina, Yu.K., Borodina, O.E. & Gismatulin, M.R. (eds) *Kraevedcheskie zapiski* [Local Lore Notes]. Is. 12. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya.
21. Bogdanova, O.A. (2010) “Usadebnaya kul'tura” v russkoy literature XIX – nachala XX veka. Sotsiokul'turnyy aspekt [“Estate Culture” in Russian literature of the 19th – early 20th centuries. A socio-cultural aspect]. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 2 (13). pp. 14–26.

Received: 17 September 2018

УДК 81'23

С.В. Алексеева, А.С. Доброго, А.А. Кониная, Д.А. Чернова

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ РАСПОЗНАВАНИЯ КИРИЛЛИЧЕСКИХ БУКВ ПРИ ЧТЕНИИ: РОЛЬ ТИПА ШРИФТА

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02135 «Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов».

Рассматривается процесс парафовеальной обработки букв кириллического алфавита с учетом типа шрифта: моноширинного и пропорционального. Исследование выявляет, что а) точность распознавания букв в изоляции значительно выше, чем в составе последовательности, независимо от типа шрифта; б) тип шрифта влияет на точность распознавания буквы в составе последовательности, но не в изоляции: пропорциональный шрифт Georgia более разборчив, чем моноширинный шрифт Courier New.

Ключевые слова: чтение; распознавание букв; разборчивость шрифта; регистрация движений глаз; методика невидимой границы.

Влияние шрифта на восприятие текста: история изучения

Вопрос о том, как воспринимаются при чтении типографские характеристики текста, начал исследоваться еще в первой трети XX в.: в 1929 г. Д.Г. Патерсоном и М.А. Тинкером [1] была предпринята первая попытка определить, как на скорость чтения влияет тип шрифта и размер кегля.

Что касается размера, то, по данным Патерсона и Тинкера, быстрее всего читался текст, набранный 10-м кеглем. Это касалось особенностей чтения распечатанного на бумаге текста: исследования чтения с экрана [2] выявляют, что более читаемым является кегль 12. Для детей и людей старшего возраста шрифт должен быть крупнее (14–18-й кегль) [3].

Выделяется два ключевых показателя, характеризующих шрифт: разборчивость (legibility) и читаемость (readability). Разборчивость отражает то, насколько легко или трудно распознать отдельную букву, а читаемость – насколько легко или трудно прочитать набранный данным шрифтом текст.

Степень разборчивости, например, можно оценить, фиксируя, в какой момент при постепенном ухудшении освещения или размера кегля букву станет невозможно распознать. Шрифт неразборчив, если буквы похожи друг на друга и их трудно различить. Так, для латинского алфавита показано, что нижний регистр разборчивее верхнего, потому что в нем буквы сильнее отличаются друг от друга, по этой же причине курсив несколько снижает скорость чтения по сравнению с прямым шрифтом [4]. Степень читаемости же оценивают, измеряя скорость чтения и / или качество понимания текста, набранного данным шрифтом.

Еще одним показателем может выступать субъективная оценка читающего – насколько удобным или неудобным для восприятия ему кажется шрифт. Например, в исследовании [2] шрифты Arial, Courier и Georgia были признаны самыми удобными для восприятия (по сравнению с Comic Sans, Verdana, Century Schoolbook,Tahoma) с точки зрения субъективной оценки читающих, при этом различий в скорости чте-

ния текстов, набранных этими шрифтами, не наблюдалось.

Итак, в исследованиях XX в. использовался метод субъективной оценки, замера скорости и качества понимания прочитанного. Новая эпоха в исследованиях чтения началась с появлением технологии регистрации движений глаз (айтрекинга), которая позволяет следить за тем, как люди читают в режиме реального времени. В целом движения глаз – важнейший физиологический параметр, отражающий степень когнитивной нагрузки наряду с частотой сердечных сокращений, дыханием и состоянием мозга [5].

Известен ряд базовых параметров движений глаз, таких как средняя длительность фиксации или средняя величина саккады, доля пропусков и доля возвратных движений глаз. На эти параметры оказывают влияние как лингвистические, так и типографские характеристики текста. Так, объем единовременно воспринимаемой информации (perceptual span) при чтении слева направо (например, в европейских языках) составляет 3–4 символа до точки фиксации и 14–15 символов после, а при чтении справа налево (например, в иврите), соответственно, наоборот. При этом в языках с иероглифической письменностью (например, в китайском) этот объем значительно меньше; кроме того, данный показатель сильно варьируется в зависимости от навыка чтения. Длина саккады обусловлена как лингвистическими, так и окулomotorными факторами. В частности, она зависит от средней длины слова в языке (7–9 символов в английском, 2–3 символа в китайском), – таким образом, при увеличении ширины букв окулomotorная система подстраивается под новые параметры и длина саккады в угловых градусах увеличивается [6]. Тем не менее размер и тип шрифта могут оказывать существенное влияние на эти параметры.

При регистрации движений глаз также возможен и учет и такой параметр, как количество морганий: увеличение количества морганий в минуту может свидетельствовать об усталости читающего, и с этой точки зрения также является важным показателем для оценки удобочитаемости шрифта [7]. При чтении мелким шрифтом человек более внимательно фокусируется на тексте, в то время как текст, набранный

крупным шрифтом, бегло просматривается; при этом, поскольку за одну фиксацию захватывается меньше символов, когнитивная нагрузка на читающего с увеличением шрифта возрастает [8].

Одним из ключевых является вопрос влияния типа шрифта на особенности его восприятия. В целом различные виды шрифтов разделяются на группы по таким признакам, как наличие засечек и ширина букв. Шрифты с засечками (serif), как, например, Times New Roman или Georgia, имеют короткие перпендикулярные штрихи в конце каждого элемента буквы, а шрифты без засечек (sans serif), или так называемые гротескные шрифты, как, например, Arial или Verdana, таких штрихов не имеют. С точки зрения ширины букв шрифты подразделяются на моноширинные, как Courier или Lucida, все буквы которых имеют одинаковую ширину, и пропорциональные, как Arial или Times New Roman, в которых ширина буквы зависит от ее геометрической формы.

Большая часть исследований в области удобочитаемости шрифтов ставит задачей определить, какая из групп легче для восприятия. В большинстве работ значимой разницы в скорости между засечковыми и гротескными шрифтами обнаружить не удается: [9–11]. В исследовании [12] отличия в скорости чтения обнаружены не были, но была выявлена разница в качестве понимания прочитанного (Georgia оказался удобнее, чем Verdana). Ряд исследований обнаруживают разницу в восприятии засечковых и гротескных шрифтов при чтении в затрудненных условиях. Так, по данным [13], при низкой освещенности текст, набранный гротескным Swiss, читается значительно быстрее, чем текст, набранный шрифтом с засечками Dutch, в то время как в условиях высокой освещенности такой разницы не выявлено. В исследовании [9] показано, что засечки улучшают распознавание при обычном размере кегля, но при уменьшении размера кегля, напротив, затрудняют его. В исследовании [14] продемонстрировано, что гротескные шрифты повышают удобочитаемость текста для людей с нарушениями чтения.

Моноширинность традиционно считается фактором, ухудшающим распознаваемость шрифта, рекомендации дизайнерам [15] призывают избегать моноширинных шрифтов, хотя ряд исследований показывает, что в некоторых случаях они могут облегчить восприятие текста людям с нарушениями чтения [14]. Кроме того, моноширинный Courier традиционно используется в программировании и считается более удобным для восприятия программного кода.

Большая часть исследований чтения, проводимых с помощью метода регистрации движения глаз, ставит задачей описать влияние лингвистических (а не типографских) характеристик на особенности восприятия текста. Чаще всего в исследованиях чтения используют Courier как наиболее распространенный моноширинный шрифт, это дает возможность контролировать и число символов, и длину слова в пикселях одновременно [16–19]. Главным образом это облегчает проведение экспериментов с методикой невидимой границы [20], поскольку при подмене одного слова другим в момент пересечения взором невидимой границы не меняется длина строки.

Тем не менее влияние типа шрифта на окуломоторные характеристики также представляет значительный интерес. Так, в исследовании [21] сравнивались показатели движений глаз при чтении текста, набранного моноширинным шрифтом Consolas и пропорциональным шрифтом Georgia. Выяснилось, что при чтении текста, набранного шрифтом Georgia, участники исследования делают более длительные фиксации, в то время как при чтении текста, набранного более «плотным» Consolas, длительность фиксации меньше, но их количество больше. Таким образом, о преимуществе в скорости чтения говорить нельзя, однако в окуломоторном поведении читающего проявляется существенная разница.

Масштабное исследование, направленное на изучение восприятия изолированных символов для разного типа шрифтов, описано в [22]: участникам исследования предъявлялись отдельные символы разных шрифтов на две секунды с инструкцией нажать на кнопку, когда буква будет распознана. Рассматривалось три шрифта с засечками (Times, Georgia, Courier) и три шрифта без засечек (Arial, Tahoma, Verdana), регистрировались такие параметры, как диаметр зрачка, количество фиксаций, средняя длительность фиксаций, общая длительность просмотра буквы. Выяснилось, что различные типы шрифтов имеют разное влияние на окуломоторные параметры. Так, минимальный диаметр зрачка наблюдался при восприятии букв шрифта Verdana, а максимальный – Times New Roman, т.е. Verdana требует меньшей аккомодации глаза. Количество фиксаций было минимальным для шрифта Verdana и максимальным для шрифта Tahoma, т.е. наличие и отсутствие засечек не оказывает влияние на этот параметр. Средняя длительность фиксаций была минимальной для шрифта Verdana и максимальной для шрифтов Georgia и Courier – это дает основания предполагать, что символы шрифта с засечками требуют более длительных фиксаций. При этом общая длительность просмотра минимальна для Georgia и Verdana и максимальна для Times – это может объясняться тем фактом, что шрифты типа Times и Arial были изначально разработаны для чтения текста на бумаге, в то время как Georgia и Verdana разработаны специально для чтения с экрана. Исследование, предпринятое в [23], сопоставляет восприятие именно этих четырех шрифтов уже не на материале изолированных символов, а на материале текстов, и приходит к выводу, что гротескный шрифт Verdana способствует более высокой скорости чтения и меньшему количеству регрессий по сравнению с другими шрифтами и, соответственно, может быть признан наиболее удобочитаемым для латинского алфавита.

Восприятие кириллических шрифтов

В последние годы ведутся и исследования восприятия шрифтов на материале кириллического алфавита. Предпринимаются попытки оценить удобочитаемость около 20 существующих шрифтов на основе целого ряда геометрических параметров, таких как наличие и ширина засечки, контрастность, пропорци-

ональность, внутрибуквенный просвет [24, 25]. Исследуются психофизиологические особенности восприятия шрифтов различных типов (Times New Roman, Arial, Book Antiqua, Comic Sans MS) с применением методик электроэнцефалографии и регистрации движений глаз при чтении [26].

Однако исследования на материале кириллического алфавита немногочисленны, а их результаты противоречивы: часть экспериментов показала, что шрифты без засечек имеют преимущество над шрифтами с засечками в части удобства распознавания [25], в то время как другие настаивают на большей удобочитаемости шрифтов с засечками [24, 26] или не выявляют разницы в восприятии шрифтов того и другого типа [27].

Комплексное исследование, в ходе которого проверялась не только скорость, но также качество понимания и запоминания прочитанного, а также психофизиологические параметры чтения, выявило, что шрифт Times New Roman за счет наибольшей распространенности наиболее удобен для запоминания текста, а шрифт Arial наиболее удобен для смысловой передачи информации, однако вызывает утомление при длительном чтении. Наиболее подходящим для длительного чтения оказался шрифт Book Antiqua, читающийся с наибольшей скоростью и имеющий высокие показатели понимания текста. Результаты электрофизиологического исследования показали, что наиболее предпочтительной для концентрации внимания является гарнитура Times New Roman. Наихудшие значения по всем параметрам были выявлены у гарнитуры Comic Sans [26].

Таким образом, на материале кириллического алфавита проведены некоторые исследования читаемости шрифтов разных типов, но не проводилось исследование разборчивости этих шрифтов, т.е. особенностей распознавания и идентификации букв, набранных соответствующим шрифтом.

В задачу настоящего исследования входит сопоставление разборчивости моношириного шрифта Courier New и пропорционального шрифта Georgia. Мы выбрали эти два шрифта по следующим причинам. Как сказано выше, Courier New – это самый распространенный шрифт, который используется в oculomotorных исследованиях чтения. Шрифт Georgia относится, как и Courier New, к шрифтам с засечками, но при этом он специально разработан для чтения с экрана [23].

Экспериментальное исследование

В рамках данного исследования был проведен эксперимент с задачей идентифицировать букву, предъявленную в парафовеальной области.

Четкость воспринимаемого изображения является максимальной лишь в небольшой области сетчатки – ее называют центральной ямкой или фoveей, – где сконцентрировано наибольшее количество светочувствительных рецепторов [28]. Фовеа соответствует области изображения размером до 2° угловых градусов зрительного поля (до 2° визуального угла) относительно точки фиксации (3–4 символа). На расстоянии

от 2 до 5° визуального угла справа и слева от точки фиксации взгляда (до 15–20 символов с каждой стороны) находится область парафовеи с менее четкой разрешающей способностью. Таким образом, в целом границы области фовеи и парафовеи составляют 10° визуального угла. За пределами этих областей начинается область периферии, где человек практически ничего не воспринимает [29, 30]. Процесс распознавания символов при чтении начинается еще на этапе парафовеальной обработки [31], следовательно, изучение распознавания букв именно в парафовеальной области может представлять существенный интерес.

В задачу эксперимента входило описание механизмов распознавания буквы, в том числе проверка гипотезы о влиянии типа шрифта на точность распознавания символа. В случае, если буква распознается как целое, шрифт не будет оказывать влияния на точность распознавания. Если же буква распознается по своим отличительным чертам, то шрифт окажется важным критерием при идентификации букв. Такой результат ожидается на основании того, что разные шрифты подчеркивают разные элементы букв: в частности, в шрифте Georgia больший акцент сделан на вертикальных элементах [32].

Кроме того, планировалось сопоставить, насколько распознавание букв в окружении (имитации слова) отличается от простой идентификации визуального объекта, т.е. является ли распознавание букв в составе символической последовательности более сложным процессом, чем распознавание букв в изоляции.

Материал исследования

Материалом исследования были 33 строчные буквы русского алфавита. В первом случае эти буквы были предъявлены в окружении, т.е. каждая из них была окружена знаками «*» с обеих сторон (например, «*ф*», «*б*»), а во втором случае – в изоляции (например, «ф», «б»). Использование символов «*» по бокам буквы помогает получить эффект «буквы внутри слова», т.е. приблизить задачу эксперимента к обычному чтению.

Дизайн эксперимента

Одной из методик исследования идентификации букв и символов в парафовеальной области является методика невидимой границы [20]. Она состоит в следующем: по обеим сторонам от фиксационного креста, располагающегося в центре экрана, находятся невидимые линии (границы); при этом слева или справа от креста (левее или правее невидимой границы) показываются стимулы; как только взгляд участника эксперимента пересекает эту левую или правую границу, стимул исчезает. Таким образом, участник не успевает сфокусировать взгляд на стимуле, и стимул всегда обрабатывается в парафовеальной области. Считается, что эта область составляет от 2 до 5° визуального угла справа и слева от точки фиксации взгляда [30]. На основании предыдущих исследований [33] было принято решение показывать стимулы на расстоянии 5° визуального угла (справа или слева) от точки фиксации

взора. Каждая буква русского алфавита предъявлялась 10 раз, из них 5 раз по правую сторону от точки фиксации и 5 раз по левую сторону. Каждый участник исследования видел все 33 буквы русского алфавита по 10 раз, т.е. всего было 330 предъявлений.

Были созданы четыре версии эксперимента в зависимости от шрифта и условия предъявления буквы. В первой версии участники эксперимента идентифицировали буквы Georgia при показе в изоляции. Во второй версии использовался тот же шрифт, но буквы были предъявлены в окружении звездочек. Третья и четвертая версии эксперимента повторяли первую и вторую соответственно, только при этом буквы были набраны шрифтом Courier New.

Оборудование

Для проведения эксперимента использовался аппарат для регистрации движений глаз SR Research Eyelink 1 000 plus с камерой, расположенной под монитором. Участник эксперимента находился в расслабленном состоянии, голова фиксировалась специальной рамкой, позволяющей максимально точно регистрировать параметры движений глаз. Запись движений глаз шла в монокулярном режиме и чередовалась так, чтобы каждый глаз был записан по 5 раз. Положения глаз регистрировались каждые 1 мс (1/1 000 Гц). Для показа стимулов использовался монитор на базе электронно-лучевой трубки ViewSonic Graphics Series G90fB с частотой обновления картинки 120 Гц и разрешением 800×600 пикселей. Буквы были набраны 18-м кеглем черным цветом на белом фоне. Размер буквы составлял 0,65° визуального угла. Участники исследования находились на расстоянии 81 см от монитора.

Эксперимент был создан при помощи программного обеспечения Experiment Builder, разработанного в компании SR Research и поставляемого вместе с регистратором движения глаз. Исчезновение буквы происходило, когда глаза пересекали невидимую границу. Левая и правая невидимая граница располагались на расстоянии 483 и 615 пикселей от левой границы экрана соответственно. После называния появившейся буквы тем или иным участником исследования треккер создавал аудиофайл для конкретной буквы.

Участники

В эксперименте приняли участие 48 человек (10 мужчин) – по 12 в каждой из четырех групп: буквы были предъявлены либо шрифтом Georgia, либо Courier New, либо в изоляции, либо в окружении. Возраст участников исследования составлял 18–26 лет, у всех было нормальное или скорректированное до нормального зрение и высшее гуманитарное образование. Все участники были носителями русского языка, не имели заболеваний, связанных с нарушениями чтения, и не знали о цели проводимого эксперимента.

Процедура эксперимента

Перед участником эксперимента ставилась задача назвать букву, которую он увидит на экране. После

прохождения процедур калибровки регистратора движения глаз и валидации (проверки качества калибровки) участнику предлагалось пройти тренировочную сессию, в которой ему предъявлялось шесть букв для тренировки, далее начиналась основная часть эксперимента.

Участник смотрел на фиксационный крест, после чего предъявлялся стимул справа или слева от креста на расстоянии 5° визуального угла. Дизайн эксперимента предполагал наличие невидимой границы по соответствию, правой или левой границам креста, и как только участник переводил взгляд на появившийся стимул, тот исчезал и появлялась надпись «Назовите букву».

Эксперимент состоял из 10 блоков, чередующих запись правого и левого глаза. Перед каждым блоком проводились калибровка и валидация соответствующего глаза участника. В каждом блоке участнику предъявлялись 33 буквы русского алфавита, причем порядок и сторона предъявления варьировались в случайном порядке. Как только участник называл букву в микрофон, его ответ записывался и предъявлялся следующий стимул. Длительность эксперимента составляла около 40 мин.

Анализ результатов эксперимента

Для проверки ранее сформулированных гипотез о влиянии шрифта и типа предъявления на точность распознавания буквы был проведен статистический анализ с использованием смешанной логистической регрессии (GLMM), в котором зависимой переменной была точность ответа (правильно / неправильно), а независимыми переменными – способ предъявления буквы, шрифт, сторона предъявления и взаимодействие между способом предъявления и шрифтом (фиксированные эффекты). Все фиксированные эффекты были введены в модель в виде «скользящего контраста» (sliding contrast). Это было сделано для того, чтобы интерсепт (*intercept*) полученной модели представлял собой среднее по всем включенным в модель фиксированным эффектам. При этом в качестве исходных уровней для наших эффектов выступали: Georgia (шрифт), предъявление в окружении (способ предъявления буквы), предъявление слева (сторона предъявления).

Что касается случайных эффектов, мы начали с базовой модели, которая содержала только случайные эффекты для среднего (*intercept*) по каждому участнику и предъявленной букве. Далее для определения оптимальной модели мы пошли по пути «снизу вверх»: мы добавляли новый случайный эффект и сравнивали модели с разным количеством случайных эффектов при помощи отношения правдоподобия (likelihood ratio test) [34]. В итоге в нашу оптимальную модель вошли случайные эффекты для среднего (*intercept*) по каждому участнику и предъявленной букве, а также случайный наклон для каждого участника по стороне предъявления буквы и случайный наклон для каждой предъявленной буквы по способу предъявления и шрифту предъявления буквы.

Мы использовали язык программирования R для статистической обработки данных. Смешанные логи-

стические регрессии были построены при помощи библиотеки lmer4 [35]. Сравнение моделей проводилось при помощи функции anova.

На рис. 1 показана разница в точности идентификации изолированных букв и букв в окружении.

График был построен при помощи библиотеки ggplot2 для среды R на основе частичных эффектов (partial effects). Под частичными эффектами подра-

зумеваются результаты моделей без дисперсии, связанной со случайными факторами, а также факторами и взаимодействиями, которые были введены в модели в качестве контроля. В нашем случае таким контрольным фиксированным эффектом была сторона предъявления буквы. Выделение частичных эффектов было осуществлено при помощи функции keeprf [36].

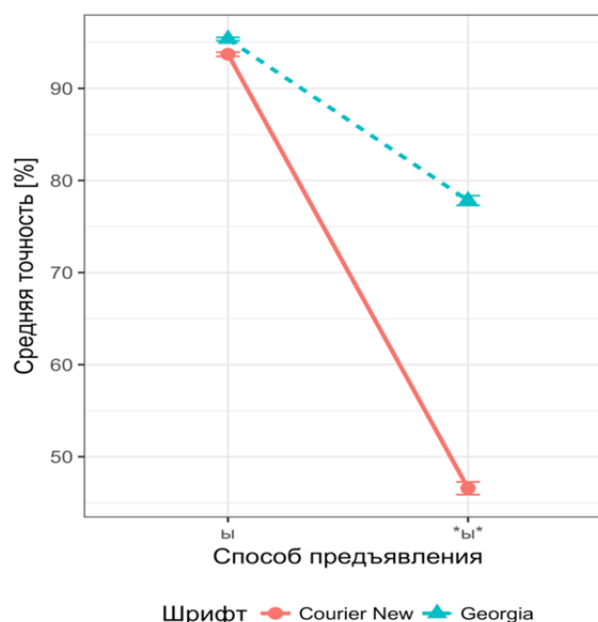

Рис. 1. Точность идентификации букв в зависимости от шрифта и способа предъявления

Было обнаружено, что и способ предъявления, и шрифт оказывают значимое влияние на точность ответа ($p = 0,002$ и $p < 0,001$ соответственно). Получается, что в окружении (средняя точность идентификации букв 65%) распознавание букв идет хуже, чем в изоляции (средняя точность идентификации букв 94%), а шрифт Courier New (средняя точность идентификации букв 69%) значительно менее разборчив, чем шрифт Georgia (средняя точность идентификации букв 87%).

Кроме того, найдено значимое взаимодействие между факторами «шрифт» и «способ предъявления» ($p = 0,002$). При исследовании этого взаимодействия обнаружилось, что в изоляции шрифты не отличаются в точности распознавания, в то время как в окружении ситуация обратная.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в ходе эксперимента продемонстрировано влияние типа шрифта на распознавание букв кириллического алфавита: выявлено, что пропорциональный шрифт Georgia является более разборчивым при обработке буквенных последовательностей по сравнению с моноширинным шрифтом Courier New. Это соотносится с данными, полученными на материале латинского алфавита: так, в [22] показано, что для идентификации букв, набранных этим шрифтом, затрачивается минимальное количество времени по сравнению с другими шрифтами, а в [21] — что при чтении текста, набранного пропорциональным шрифтом Georgia, про-

изводится меньше фиксаций, чем при чтении текста, набранного моноширинным шрифтом Consolas. В данном же исследовании демонстрируется повышение не скорости, а точности распознавания букв. Указанные преимущества могут объясняться тем, что геометрически литеры пропорционального шрифта отличаются друг от друга сильнее по сравнению с моноширинным, а также тем обстоятельством, что шрифт Georgia разработан специально для чтения с электронного, а не бумажного носителя. В дальнейшем представляется целесообразным сопоставить на материале кириллического алфавита точность распознавания засечковых и гротескных пропорциональных шрифтов между собой. Кроме того, можно выдвинуть предположение о целесообразности использования пропорциональных, а не моноширинных шрифтов в экспериментальных исследованиях чтения (за исключением экспериментов с использованием методики невидимой границы) ввиду большей разборчивости пропорциональных шрифтов.

Помимо особенностей конкретных шрифтов, в эксперименте также выявлены некоторые общие закономерности визуальной обработки графем. В частности, показано, что идентификация букв в изоляции идет значительно точнее, чем в окружении, независимо от типа шрифта: это широко известный краудинг-эффект (crowding) [37]. Поскольку роль шрифта была выявлена именно при предъявлении символа в окружении, что имитирует распознавание буквы в составе слова, то можно говорить о том, что шрифт влияет на то, как буквы распознаются при чтении слов.

Результаты смешанной логистической регрессии для точности идентификации буквы

Модель	glmer(accuracy ~ side + exp_type + font + exp_type:font. + + (1 + font + exp_type letter) + (1 + side s_id), data, family='binomial')			
	Estimate	SE	Z-value	p
Интерсепт	1,809	0,243	7,440	<0,001
Сторона Предъявления _{слева} (side)	0,377	0,090	4,186	<0,001
Способ предъявления _{около} (exp_type)	2,397	0,277	8,661	<0,001
Шрифт _{Georgia} (font)	-0,932	0,307	-3,037	0,002
Способ предъявления (exp_type): Шрифт (font)	1,144	0,367	3,114	0,002
Случайные эффекты:				
Участники (s_id)	Тип	Var	SD	Corr
	(Интерсепт)	0,382	0,617	
Буквы (letter)	Сторона Предъявления (наклон)	0,271	0,520	0,18
	Интерсепт	0,644	0,282	
	Шрифт (наклон)	0,619	0,272	-0,42
	Способ предъявления (наклон)	0,354	0,164	0,21; -0,54

Примечание. Значимые эффекты выделены полужирным шрифтом.

Ранее при изучении точности идентификации букв латинского алфавита были получены свидетельства как в пользу того, что буквы распознаются по определенным чертам [37], так и в пользу того, что они воспринимаются как единое целое – инвариант – вне зависимости от регистра и шрифта [38]. Полученные нами на

материале кириллического алфавита данные – влияние шрифта на точность распознавания буквы в окружении, но не в изоляции – свидетельствуют о том, что при предъявлении в составе последовательности происходит анализ отдельных черт буквы, а в изоляции буква распознается как единый зрительный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Paterson D.G., Tinker M.A. Studies of typographical factors influencing speed of reading. II. Size of type // Journal of Applied Psychology. 1929. Vol. 13. P. 120–130.
2. Bernard M., Lida B., Riley S., Hackler T., Janzen K. A comparison of popular online fonts: Which size and type is best? // Usability News. 2002. Vol. 4. P. 1–11.
3. Bernard M., Liao C., Mills M. Determining the best online font for older adults // Usability News. 2001. Vol. 3 (1).
4. Tinker M.A. Influence of simultaneous variation in size of type, width of line, and leading for newspaper type // Journal of Applied Psychology. 1963. Vol. 47 (6). P. 380–382. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/h0043573>
5. Kramer A.F. Physiological metrics of mental workload: A review of recent progress // D.L. Damos (Ed.). Multiple-task performance. London : Taylor & Francis, 1991. P. 279–328.
6. Rayner K. Eye Movements and Attention in Reading, Scene Perception, and Visual Search // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2009. Vol. 62. P. 1457–1506. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17470210902816461>
7. Slattery T.J., Rayner K. The influence of text legibility on eye movements during reading // Applied Cognitive Psychology. 2010. V. 24 (8). P. 1129–1148. URL: <http://dx.doi.org/10.1002/acp.1623>
8. Chu S., Paul N., Ruel L. Using eye tracking technology to examine the effectiveness of design elements on news websites // Information Design Journal. 2009. Vol. 17 (1). P. 31–43.
9. Arditi A., Cho J. Serifs and font legibility // Vision Research. 2005. Vol. 45, is. 23. P. 2926–2933.
10. Beymer D., Russell D., Orton P. An eye tracking study of how font size and type influence online reading // People and Computers XXII: Culture, Creativity, Interaction. Proceedings of HCI 2008 : the 22nd British HCI Group annual conference. 2008. Vol. 2.
11. Perea M. Why does the APA recommend the use of serif fonts? // Psicothema. 2013. Vol. 25, № 1. P. 13–17. DOI: 10.7334/psicothema2012.141.
12. Boyarski D., Neuwirth C., Forlizzi J., Regli S.H. A study of fonts designed for screen display // CHI'98 Conference Proceedings. 1998. P. 87–94.
13. Yager D., Aquilante K., Plass R. High and low luminance letters, acuity reserve, and font effects on reading speed // Vision Research. 1998. Vol. 38. P. 2527–2531.
14. Lidwell W., Holden K., Butler J. Universal Principles of Design, Revised and Updated: 125 Ways to Enhance Usability, Influence Perception, Increase Appeal, Make Better Design Decisions, and Teach through Design. Rockport Publishers, 2010. 272 p.
15. Rello L., Baeza-Yates R. Good fonts for dyslexia. In Proceedings of the 15th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility (ASSETS '13). ACM, New York, 2013. DOI: 10.1145/2513383.2513447 URL: <http://0-doi.acm.org.wncln.wncln.org/10.1145/2513383.2513447>
16. Hautala J., Hytsnd J., Aro M. Dissociating spatial and letter-based word length effects observed in readers' eye movement patterns // Vision Research. 2011. Vol. 51 (15). P. 1719–1727. URL: <https://doi.org/10.1016/j.visres.2011.05.015>
17. Inhoff A.W., Eiter B., Radach R., Juhasz B. Distinct subsystems for the parafoveal processing of spatial and linguistic information during eye fixations in reading // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. Section A. 2003. Vol. 56 (5). P. 803–827. URL: <https://doi.org/10.1080/02724980244000639>
18. Kliegl R., Grabner E., Rolfs M., Engbert R. Length, frequency, and predictability effects of words on eye movements in reading. European Journal of Cognitive Psychology. 2004. Vol. 16 (1–2). P. 262–284. URL: <https://doi.org/10.1080/09541440340000213>
19. Reingold E.M., Reichle E.D., Glaholt M.G., Sheridan H. Direct lexical control of eye movements in reading: Evidence from a survival analysis of fixation durations // Cognitive Psychology. 2012. Vol. 65 (2). P. 177–206. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2012.03.001>
20. Rayner K. The perceptual span and peripheral cues in reading // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7 (1). P. 65–81. URL: [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90005-5)
21. Rayner K., Slattery T.J., Belanger N.N. Eye movements, the perceptual span, and reading speed // Psychonomic Bulletin & Review. 2010. Vol. 17 (6). P. 834–839. DOI: 10.3758/PBR.17.6.834.
22. Banerjee J., Majumdar D., Pal M.S., Majumdar D. An eye movement study for identification of suitable font characters for presentation on a computer screen // Journal of Human Ergology. 2010. Vol. 39. P. 15–21. URL: <https://doi.org/10.11183/jhe.40.47>
23. Josephson S. Keeping Your Readers' Eyes on the Screen: An Eye-Tracking Study Comparing Sans Serif and Serif Typefaces // Visual Communication Quarterly. 2011. Vol. 15. P. 67–79. DOI: 10.1080/15551390801914595

24. Токарь О.В., Зильберглейт М.А., Литунов С.Н. Оценка удобочитаемости шрифта на материале официального документа // Омский научный вестник. 2009. № 2 (80). С. 246–249.
25. Васюта С.П., Хамула О.Г. Влияние скорости чтения шрифта на удобство восприятия текста в электронных изданиях // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. Вып. 3 (16). С. 56–61.
26. Морозова Л.В., Мушин И.Н. Психофизиологическая специфика восприятия печатного шрифта // Arctic Environmental Research. 2013. № 3. С. 76–85.
27. Akhmadeeva L., Tikhvatullin I., Veytsman B. Do serifs help in comprehension of printed text? An experiment with Cyrillic readers // Vision research. 2012. Vol. 65. P. 21–24. DOI: 10.1016/j.visres.2012.05.013.
28. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М. : Когито-центр, 2014. 128 с.
29. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // Psychological bulletin. 1998. 124 (3). P. 372–422.
30. Schotter E.R., Angele B., Rayner K. Parafoveal processing in reading // Attention, Perception, & Psychophysics. 2012. Vol. 74. P. 5–35. DOI: 10.3758/s13414-011-0219-2.
31. Rayner K., Bertera J.H. Reading without a fovea // Science. 1979. Vol. 206. P. 468–469.
32. Friedl F., Ott N., Stein B. Typography: when, who, how. Konemann, Cologne, 1998.
33. Bouma H. Visual Recognition of Isolated Lower-Case Letters. Vision Research. 1971. Vol. 11, is. 5. P. 459–474.
34. Yan M., Zhou W., Shu H., Yusupu R., Miao D., Krügel A., Kliegl R. Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language // Cognition. 2014. Vol. 132 (2). P. 181–215.
35. Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. Vol. 67 (1). P. 1–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.18637/jss.v067.i01>.
36. Hohenstein S., Kliegl R. Semantic preview benefit during reading // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2014. Vol. 40. P. 166–190.
37. Bouma H. Visual interference in the parafoveal recognition of initial and final letters of words // Vision Research. 1973. Vol. 13 (4). P. 767–782.
38. Polk T.A., Farah M.J. A simple common contexts explanation for the development of abstract letter identities // Neural Computation. 1997. Vol. 9 (6). P. 1277–1289.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2018 г.

On Cyrillic Letters Recognition Mechanisms in Reading: The Role of Font Type

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 11–18.

DOI: 10.17223/15617793/438/2

Svetlana V. Alexeeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mail@s-alexeeva.ru

Aleksandra S. Dobrego, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alexa2104@mail.ru

Alena A. Konina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: alena.konina@gmail.com

Daria A. Chernova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: chernovadasha@yandex.ru

Keywords: reading; letter recognition; font legibility; eye movements; invisible boundary; Russian.

This article investigates processing of Cyrillic letters with regard to the font type: monospaced (Courier New) or proportional (Georgia). The aim of the experiment was to describe letter recognition mechanisms during reading by testing whether the font type influences the accuracy of letter identification. Given that visual object recognition during reading begins at the step of parafoveal processing (that is, before the eyes actually move to it), the experiment focused on identifying a letter in the parafovea. Thirty-three lowercase letters of the Russian alphabet were used in the study. We had two versions of the experiment. In the first case, these letters were crowded, that is, each of them was surrounded by asterisks “*” (for example, “*ф*”), and in the second case they were isolated (for example, “ф”). Usage of the asterisks “*” imitates a letter within a word, and therefore allows us to bring the experimental conditions closer to real reading. Forty-eight people took part in the experiment. They were asked to name the letter on the screen. The experimental design included the invisible boundary paradigm: that is, hidden lines (boundaries) are placed between a screen-centered fixation cross and a target letter, presented to the left or to the right. As soon as the subject’s gaze crosses the boundary, the letter disappears. Thus, the subject does not have time to focus on the stimulus, and it is always processed in the parafovea. This parafoveal region is considered to be 2–5° of visual angle to the right and to the left of gaze fixation point. Based on previous studies, the authors have decided to show the stimuli at 5° of visual angle to the right and to the left of the fixation cross. They found that both the presentation type and the font have a significant effect on recognition accuracy ($p = 0.002$ and $p = 0.001$ respectively). It turned out that identification of crowded letters is more difficult than that of isolated ones (a well-known crowding effect), and Courier New is a much less legible font than Georgia. This can be explained by the fact that proportional letters differ from each other greater than the ones of a monospaced font. Another explanation might refer to Georgia (but not Courier New) being originally developed for reading from screen. The result shows that probably proportional fonts have more grounds to be used in experimental studies of reading, for they are more readable. More importantly, significant interaction between factors “font” and “type of presentation” was found ($p = 0.002$): recognition accuracy depends on font when the letter is a part of a sequence, but not when isolated. As font influences letter recognition only when this letter is masked and we know that different fonts highlight different letter features, then it can be concluded that feature-based letter recognition mechanism prevails when letter is a part of a word during reading. In contrast, isolated letters are recognized as a whole.

REFERENCES

1. Paterson, D.G. & Tinker, M.A. (1929) Studies of typographical factors influencing speed of reading. II. Size of type. *Journal of Applied Psychology*. 13. pp. 120–130.
2. Bernard, M. et al. (2002) A comparison of popular online fonts: Which size and type is best? *Usability News*. 4. pp. 1–11.
3. Bernard, M., Liao, C. & Mills, M. (2001) Determining the best online font for older adults. *Usability News*. 3 (1).
4. Tinker, M.A. (1963) Influence of simultaneous variation in size of type, width of line, and leading for newspaper type. *Journal of Applied Psychology*. 47 (6). pp. 380–382. DOI: 10.1037/h0043573
5. Kramer, A.F. (1991) Physiological metrics of mental workload: A review of recent progress. In: Damos, D.L. (ed.). *Multiple-task performance*. London: Taylor & Francis.
6. Rayner, K. (2009) Eye Movements and Attention in Reading, Scene Perception, and Visual Search. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 62. pp. 1457–1506. DOI: 10.1080/17470210902816461

7. Slattery, T.J. & Rayner, K. (2010) The influence of text legibility on eye movements during reading. *Applied Cognitive Psychology*. 24 (8). pp. 1129–1148. DOI: 10.1002/acp.1623
8. Chu, S., Paul, N. & Ruel, L. (2009) Using eye tracking technology to examine the effectiveness of design elements on news websites. *Information Design Journal*. 17 (1). pp. 31–43.
9. Arditi, A. & Cho, J. (2005) Serifs and font legibility. *Vision Research*. 45(23). pp. 2926–2933.
10. Beymer, D., Russell, D. & Orton, P. (2008) An eye tracking study of how font size and type influence online reading. *People and Computers XXII: Culture, Creativity, Interaction*. Proceedings of HCI 2008: the 22nd British HCI Group annual conference. Vol. 2. Swindon: British Computer Society.
11. Perea, M. (2013) Why does the APA recommend the use of serif fonts? *Psicothema*. 25(1). pp. 13–17. DOI: 10.7334/psicothema2012.141
12. Boyarski, D., Neuwirth, C., Forlizzi, J. & Regli, S.H. (1998) A study of fonts designed for screen display. *Human Factors in Computing Systems: CHI'98 Conference Proceedings*. Longman Pub. Group. pp. 87–94.
13. Yager, D., Aquilante, K. & Plass, R. (1998) High and low luminance letters, acuity reserve, and font effects on reading speed. *Vision Research*. 38. pp. 2527–2531.
14. Lidwell, W., Holden, K. & Butler, J. (2010) *Universal Principles of Design, Revised and Updated: 125 Ways to Enhance Usability, Influence Perception, Increase Appeal, Make Better Design Decisions, and Teach through Design*. Rockport Publishers.
15. Rello, L. & Baeza-Yates, R. (2013) Good fonts for dyslexia. *Proceedings of the 15th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility (ASSETS '13)*. New York: ACM. [Online] Available from: <http://0-doi.acm.org.wncln.wncln.Org/10.1145/2513383.2513447>. DOI: 10.1145/2513383.2513447
16. Hautala, J., Hytsnd, J. & Aro, M. (2011) Dissociating spatial and letter-based word length effects observed in readers' eye movement patterns. *Vision Research*. 51 (15). pp. 1719–1727. DOI: 10.1016/j.visres.2011.05.015
17. Inhoff, A.W., Eiter, B., Radach, R. & Juhasz, B. (2003) Distinct subsystems for the parafoveal processing of spatial and linguistic information during eye fixations in reading. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology. Section A*. 56 (5). pp. 803–827. DOI: 10.1080/02724980244000639
18. Kliegl, R., Grabner, E., Rolfs, M. & Engbert, R. (2004) Length, frequency, and predictability effects of words on eye movements in reading. *European Journal of Cognitive Psychology*. 16 (1–2). pp. 262–284. DOI: 10.1080/09541440340000213
19. Reingold, E.M., Reichle, E.D., Glaholt, M.G. & Sheridan, H. (2012) Direct lexical control of eye movements in reading: Evidence from a survival analysis of fixation durations. *Cognitive Psychology*. 65 (2). pp. 177–206. DOI: 10.1016/j.cogpsych.2012.03.001
20. Rayner, K. (1975) The perceptual span and peripheral cues in reading. *Cognitive Psychology*. 7 (1). pp. 65–81. DOI: 10.1016/0010-0285(75)90005-5
21. Rayner, K., Slattery, T.J. & Belanger, N.N. (2010) Eye movements, the perceptual span, and reading speed. *Psychonomic Bulletin & Review*. 17 (6). pp. 834–839. DOI: 10.3758/PBR.17.6.834.
22. Banerjee, J., Majumdar, D., Pal, M.S. & Majumdar, D. (2010) An eye movement study for identification of suitable font characters for presentation on a computer screen. *Journal of Human Ergology*. 39. pp. 15–21. DOI: 10.11183/jhe.40.47
23. Josephson, S. (2011) Keeping Your Readers' Eyes on the Screen: An Eye-Tracking Study Comparing Sans Serif and Serif Typefaces. *Visual Communication Quarterly*. 15. pp. 67–79. DOI: 10.1080/15551390801914595
24. Tokar', O.V., Zil'bergleyt, M.A. & Litunov, S.N. (2009) Otsenka udobochitaemosti shrifta na materiale ofitsial'nogo dokumenta [Assessment of font readability on the material of the official document]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 2 (80). pp. 246–249.
25. Vasyuta, S.P. & Khamula, O.G. (2013) The influence of reading speed font easy to read in the electronic editions. *Naukovedenie*. 3 (16). pp. 56–61. (In Russian).
26. Morozova, L.V. & Murin, I.N. (2013) Psikhofiziologicheskaya spetsifika vospriyatiya pechatnogo shrifta. *Arctic Environmental Research*. 3. pp. 76–85.
27. Akhmadeeva, L., Tikhvatullin, I. & Veytsman, B. (2012) Do serifs help in comprehension of printed text? An experiment with Cyrillic readers. *Vision Research*. 65. pp. 21–24. DOI: 10.1016/j.visres.2012.05.013
28. Barabanshchikov, V.A. & Zhegallo, A.V. (2014) *Aytreaking: Metody registratsii dvizheniy glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike* [Eye-tracking: Methods of registering eye movements in psychological research and practice]. Moscow: Kogito-tsentr.
29. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124 (3). pp. 372–422.
30. Schotter, E.R., Angele, B. & Rayner, K. (2012) Parafoveal processing in reading. *Attention, Perception, & Psychophysics*. 74. pp. 5–35. DOI: 10.3758/s13414-011-0219-2
31. Rayner, K. & Bertera, J.H. (1979) Reading without a fovea. *Science*. 206. pp. 468–469.
32. Friedl, F., Ott, N. & Stein, B. (1998) *Typography: when, who, how*. Cologne: Konemann.
33. Bouma, H. (1971) Visual Recognition of Isolated Lower-Case Letters. *Vision Research*. 11 (5). pp. 459–474.
34. Yan, M. et al. (2014) Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language. *Cognition*. 132 (2). pp. 181–215.
35. Bates, D., Mächler, M., Bolker, B. & Walker, S. (2015) Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*. 67 (1). pp. 1–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.18637/jss.v067.i01>
36. Hohenstein, S. & Kliegl, R. (2014) Semantic preview benefit during reading. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 40. pp. 166–190.
37. Bouma, H. (1973) Visual interference in the parafoveal recognition of initial and final letters of words. *Vision Research*. 13 (4). pp. 767–782.
38. Polk, T.A. & Farah, M.J. (1997) A simple common contexts explanation for the development of abstract letter identities. *Neural Computation*. 9 (6). pp. 1277–1289.

Received: 19 September 2018

УДК 81'23

М.С. Власов, А.Н. Савостьянов, О.А. Сычев, А.Е. Сапрыгин

ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛОБАЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЭФФЕКТ ИМПЛИЦИТНОЙ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № 5819.2016.6 (руководитель – М.С. Власов).

Исследовалось влияние эффекта просодической границы на параметры движений глаз при чтении именных групп в предложениях с синтаксической неоднозначностью на втором английском языке. Установлено, что общее время чтения потенциальных вершин придаточной клаузы значимо меньше при наличии такой границы. На ранних этапах анализа активируется первая именная группа, так как увеличивается время первого прохода. Это подтверждает приоритет раннего закрытия на ранних этапах анализа, однако на поздних этапах, при интерпретации предложений, испытуемые не продемонстрировали какого-либо предпочтения в присоединении придаточной клаузы.

Ключевые слова: глобальная синтаксическая неоднозначность; определительное придаточное; просодическая граница; пунктуация; чтение; движения глаз; английский язык как второй.

Введение

Предметом изучения выступают процессы чтения предложений с глобальной синтаксической неоднозначностью в английском языке как неродном на примере сложноподчиненных предложений с определительной придаточной клаузой, присоединяемой к одной из именных групп в главной клаузе. В мировой психолингвистике данная проблема именуется *Relative Clause Attachment Ambiguity*, которая давно зафиксирована в хрестоматийном примере:

(1) *Someone shot the [maid]_{NP1} of the [actress]_{NP2} [who was on the balcony]_{RC}.*

Кто-то застрелил [служанку]_{NP1} [актрисы]_{NP2}, [которая стояла на балконе]_{RC}.

В данном предложении как в русском, так и английском варианте придаточная клауза (relative clause – RC) может относиться как к первой именной группе (noun phrase 1 – NP1), так и ко второй именной группе (noun phrase 2 – NP2), причем носители английского и русского языков при чтении данных предложений на родном языке демонстрируют разные предпочтения в присоединении придаточной клаузы: англоговорящие склоняются к *позднему закрытию* (или *низкому присоединению*, *NP2-preference*), а носители русского языка – к *раннему закрытию* (или *высокому присоединению*, *NP1-preference*). Данные предпочтения многократно доказывались на материале разных психолингвистических исследований времени чтения предложений с глобальной синтаксической неоднозначностью, которое связано с процессами синтаксического анализа в условиях априорной когнитивной сложности стимула [1–5].

В последнее время достаточно активно изучаются процессы обработки такого рода неоднозначности в неродном (втором) языке с использованием разных экспериментальных методик [6–8]. Исследования на материале английского языка как неродного позволяют сравнивать полученные результаты с результатами уже проведенных экспериментов других исследовате-

лей, поскольку проблема когнитивной обработки глобальной синтаксической неоднозначности в английском языке является наиболее изученной в мировой психолингвистике. Родной язык испытуемых рассматривается в подобных исследованиях как контрастивный языковой фактор, который, предположительно, оказывает влияние на процессы обработки предложений с глобальной синтаксической неоднозначностью при их чтении и интерпретации на втором языке.

Спектр методик для изучения указанной проблемы можно разделить на два типа: офлайнные и онлайнные методики. К первым относятся разного рода опросные методики, анкетирование, психолингвистические эксперименты «с использованием ручки и бумаги», которые имеют дело с результатом процесса интерпретации и понимания предложения; ко вторым относятся разные психолингвистические эксперименты «в режиме реального времени», например, с использованием методов регистрации эксплицитной и имплицитной просодии в заданиях на чтение вслух, методика чтения с саморегулировкой скорости, регистрации движений глаз, ЭЭГ, фМРТ.

В настоящем исследовании применяются как офлайнная методика (опрос с выбором варианта ответа испытуемого), так и онлайнная методика с использованием метода регистрации движений глаз, позволяющие не только оценить общие стратегии предпочтения раннего или позднего закрытия в английском языке как неродном, но и обнаружить oculomotorные паттерны, связанные с решением данной когнитивно сложной задачи на ранних и поздних этапах синтаксического анализа.

Стратегии разрешения синтаксической неоднозначности у двуязычных носителей в процессе чтения

Межязыковые различия в обработке неоднозначных предложений с определительными придаточны-

ми известны достаточно давно. В одних языках обнаружено общее предпочтение раннего закрытия (африкаансе, хорватском, голландском, французском, немецком, испанском и русском), в других – позднего закрытия (английском, бразильском варианте португальского языка, норвежском, румынском, шведском) у «нативных» носителей данных языков [9]. Стратегии же разрешения неоднозначности в неродном языке формулируются не настолько категорично.

Так, в работе Фернандез [10] описаны две существующие стратегии присоединения определительно-го придаточного к одному из имен сложной именной группы, которые наблюдаются у англо- и испаноговорящих билингвов в условиях эксперимента: 1) стратегия интерпретации, характерная для родного языка испытуемых (*language-dependent behavior*) и 2) стратегия интерпретации, не характерная для родного языка испытуемых (*language-independent behavior*). По мнению Фернандез, выявление данных стратегий позволяет получить представление о механизмах активации первого (L1) и второго (L2) языка у билингвов в процессе разрешения синтаксической неоднозначности. На фоне найденных ранее различий в интерпретации следующих предложений носителями английского и испанского языков на их родном языке Фернандез ставит проблему поиска механизмов активации одной из двух возможных стратегий интерпретации:

(2). *Andrew had dinner yesterday with the [nephew]_{NP1} of the [teacher]_{NP2} that was in the communist party.*

(2a). *Andrew cenó ayer con [el sobrino]_{NP1} [del maestro]_{NP2} que estaba en el partido comunista.*

Исследователи Ф. Куэрос и Д. Митчел [11] впервые ярко продемонстрировали межъязыковые различия в интерпретации данных предложений на родном языке испытуемых и определили для испанского языка предпочитаемый принцип раннего закрытия, в то время как для носителей английского языка более предпочитаемым считается принцип позднего закрытия. Так, при чтении предложения (2) носители английского языка при ответе на вопрос «Кто был в коммунистической партии?» чаще выбирают *учителя* (NP2), в то время как в испанском эквиваленте данного предложения (2a) испаноговорящие носители выбирают *племянника* (NP1). По мнению Фернандез, эти межъязыковые различия подводят к общетеоретической проблеме выявления стратегий интерпретации данных предложений билингвами.

Исследователь предложила методику экспериментального исследования онлайн-ового и офлайн-ового синтаксического анализа предложений на английском языке с использованием *метода регистрации времени чтения с саморегулировкой скорости*. Результаты ее эксперимента показали, что при анализе предложений в «скоростном режиме» у билингвов не наблюдается значимых предпочтений тому или иному виду закрытия, в то время как монолингвы последовательно предпочитают позднее закрытие. При анализе английских предложений без ограничения времени прочтения обе группы испытуемых продемонстрировали предпочтение позднего закрытия [10]. В дальнейшем данная мысль развивалась в русле разграничения ран-

них и поздних этапов синтаксического анализа: первый этап связывался с выполнением задания на скорость, второй – с итогом процесса интерпретации. Например, предпочтение позднего закрытия на раннем этапе анализа было выявлено также у русскоязычных монолингвов при обработке синтаксически неоднозначных предложений с адьюнктом при сложной именной группе, однако на поздних этапах анализа носители языка предпочитали раннее закрытие, характерное в целом для русского языка [5]. Расхождение в предпочтениях раннего и позднего закрытия при обработке предложений в режиме реального времени и при окончательной интерпретации было выявлено также на материале итальянского [12] и португальского [13] языков.

Более точным методом анализа процессов чтения предложений с синтаксической неоднозначностью является *метод регистрации движений глаз*, поскольку он позволяет регистрировать не только общее время реакции на интересующий нас фрагмент предложения, но и разграничивать разные параметры движений глаз при чтении таких фрагментов: первые и последующие фиксации зора (рефиксации), общее время чтения, время первого прохода и т.д.

Для объяснения различий в параметрах движений глаз на ранних и поздних этапах синтаксического анализа рассмотренных выше неоднозначных предложений в психолингвистике принято использовать два типа моделей. Первые предполагают, что испытуемые с самого начала обрабатывают предложения с опорой на грамматическую информацию; вторые предполагают, что испытуемые с самого начала анализируют все возможные варианты присоединения придаточной клаузы с опорой на частотность потенциальной вершины, количество ее значений, контекст и т.д. Такие модели подвели исследователей к двум типам гипотез разрешения синтаксической неоднозначности в режиме реального времени: структурно-ориентированной и лексико-ориентированной. Ярким примером структурно-ориентированной модели является модель «садовой дорожки» (*garden path theory*), в рамках которой предполагается, что предложение с локальной неоднозначностью анализируется изначально по принципу позднего закрытия (или минимального присоединения), при этом реанализ происходит только при достижении читателем критического фрагмента, разрешающего неоднозначность в пользу иного – раннего закрытия [14]. В рамках экспериментальных исследований с применением метода регистрации движений глаз данная модель проверялась через гипотезу «непринужденного пересмотра как последней попытки» (*Revision as Last Resort*) при анализе локально неоднозначных предложений [15]. Гипотеза заключается в том, что во время первого прочтения испытуемый изначально дольше фиксирует взор на наиболее предпочтительной для того или иного языка именной группе (по крайней мере, для английского языка – это всегда последняя именная группа), а затем происходит непринужденный пересмотр в пользу другой именной группы, но только если придаточная клауза разрешает неоднозначность в «ее пользу». То есть синтаксически ориентирован-

ная стратегия по принципу минимального присоединения «работает» до тех пор, пока читающий не сталкивается с иным вариантом присоединения исходя из контекста [16].

Однако данная гипотеза была опровергнута на материале глобально неоднозначных предложений японского языка [8]. Исследователи обнаружили, что вопреки сложившемуся мнению о таком «структурно ориентированном» пересмотре испытуемые уже на ранних этапах синтаксического анализа оказываются чувствительными к лексической, контекстной информации, а значит, большую роль в такой ситуации играют частотность лексем, лексическая сочетаемость и т.д. [Ibid]. Существуют также данные о том, что двуязычные испытуемые (L2 learners) в целом более чувствительны к любой лексической информации при чтении и анализе таких предложений (в частности на неродном английском языке), чем монолингвы любого возраста [6].

Таким образом, при разработке дизайна эксперимента на неродном языке испытуемых следует учитывать ограничения, связанные не только с лингвистическими и количественными характеристиками потенциальных вершин придаточной клаузы, но и фактором испытуемого (уровнем владения иностранным языком, индивидуальными особенностями и т.д.).

В ходе нашего исследования параметров движений глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью помимо контролируемых фиксированных факторов будут использованы случайные факторы испытуемого и номера стимула, позволяющие максимально точно оценить значимость полученных фиксированных эффектов при учете индивидуальных характеристик испытуемого и последовательности предъявления стимульных предложений.

Влияние просодической границы на процессы чтения предложений с синтаксической неоднозначностью

Достаточно большое количество исследований синтаксической неоднозначности определительных придаточных с двумя возможными вершинами на материале английского языка как родного и неродного связано с просодическими факторами, которые могут оказывать дополнительное имплицитное воздействие на активацию первой или второй именной группы в процессе чтения [17–23]. Изучаемые эффекты объясняются *гипотезой имплицитной просодии*, согласно которой в процессе чтения «про себя» дефолтный интонационный контур синтаксической единицы какого-либо языка обязательно накладывается на цепочку составляющих ее слов и способствует разрешению глобальной синтаксической неоднозначности в пользу наиболее выделенной в интонационном плане именной группы [9].

Наиболее обсуждаемым в настоящее время является эффект просодической границы перед придаточной клаузой, который склоняет носителей английского языка к «непредпочитаемому» раннему закрытию при прослушивании предложений с глобальной неоднозначностью типа [24]:

(3) *Someone shot the maid of the actress [prosodic boundary] who was on the balcony.*

Первая именная группа (*maid*) в таком случае оказывается более выделенной в просодическом плане, и носители языка предпочитают после прослушивания данного предложения присоединять придаточную клаузу к первой именной группе.

Данный эффект был обнаружен также при наличии или отсутствии запятой перед придаточной клаузой в условиях локальной синтаксической неоднозначности [25, 26]. Суть данного эффекта заключается в том, что просодический анализ предложения происходит независимо от анализа его синтаксической структуры. Например, в предложении-заблуждении с локальной синтаксической неоднозначностью (*garden path sentence*) типа «*While the woman cleaned, the dog that was big and brown stood in the yard*» при наличии запятой испытуемые либо вообще не перечитывают предложение в целях его реанализа, либо реанализ протекает намного легче, чем при отсутствии такой запятой [27].

Несмотря на обнаруженные достаточно устойчивые эффекты запятой и признание ключевой роли пунктуации в процессе анализа предложений с синтаксической неоднозначностью в английском языке, известно лишь небольшое количество экспериментальных работ на материале других языков [26, 27], при этом эффект запятой не проверялся на материале английского языка как неродного.

Для изучения данной проблемы в нашей работе используется метод регистрации движений глаз. Основные модели анализа процессов чтения предложений с неоднозначными составляющими строятся на предположении о том, что данные составляющие прочитываются медленнее, с большим временем фиксации взора читающего, чем однозначно интерпретируемые фрагменты предложения [3]. То есть повышенное внимание читающие уделяют именно тем фрагментам предложения, которые можно по-разному «встроить» в его синтаксическую структуру.

Вместе с тем в исследованиях процессов чтения неоднозначных предложений обнаруживается еще один эффект, удерживающий внимание на составляющих в конце предложения и клаузы, – это «эффект сворачивания» (*wrap-up effect*). Так, в неоднозначных предложениях типа (1) носители английского языка при чтении дольше фиксируют взгляд на последнем слове клаузы (NP2), последующем местоимении и на последнем слове предложения, поскольку считается, что на данных границах происходит завершение процесса интерпретации и обновления дискурсивной информации о прочитанном [28]. Данным эффектом также может объясняться и ошибка внимания в пользу второй именной группы при чтении неоднозначного предложения с двумя возможными вершинами придаточного, в котором вторая именная группа расположена на границе главной и придаточной клаузы. Вместе с тем если в эксперименте смоделировать предложение с фиксированной просодической границей (запятой между главной и придаточной клаузой), то это позволит снизить влияние эффекта сворачивания, поскольку сигналом границы придаточной клау-

зы уже будет не местоимение *who*, а пунктуационный знак. В качестве контрольных предложений в таком случае логично использовать варианты тех же самых предложений без запятой:

(4) *Someone shot the maid of the actress who was on the balcony* («no comma condition»).

(4a) *Someone shot the maid of the actress, who was on the balcony* («comma condition»).

Запятая в предложении (4a) с точки зрения грамматики английского языка допускается только при интерпретации придаточной клаузы как неограничительной (nonrestrictive relative clause). В отличие от предложения с ограничительной придаточной клаузой (4) в предложении (4a) запятая должна сопровождаться соответствующей паузой при чтении, однако для носителей русского языка данное интонационное разграничение представляется не совсем очевидным, поскольку в повседневной речевой практике они регулярно обрабатывают предложения на русском языке, в которых такая запятая обязательно присутствует на границе главной и придаточной клаузы. Кроме того, в нашем эксперименте каждая группа испытуемых получала только один вариант предложения – с запятыми или без запятых. Это позволило в определенной степени устранить возможную ошибку внимания, связанную с наличием или отсутствием запятой при чтении предложений одним и тем же испытуемым, и проверить гипотезу об имплицитном влиянии просодической (пунктуационной) границы на обработку подобных предложений с синтаксической неоднозначностью.

Эксперимент

Цель экспериментального исследования заключалась в анализе движений глаз в процессе чтения неоднозначных предложений на английском языке носителями русского языка в режиме реального времени. Рабочая гипотеза исследования заключалась в том, что:

1) при наличии просодической границы, обозначенной запятой на границе главной и придаточной клаузы, анализ двух конкурирующих между собой именных групп будет протекать легче, с меньшими когнитивными усилиями, чем анализ тех же именных групп в предложениях без запятой, поскольку испытуемый будет осознавать, что после просодической границы следует уже иная значимая составляющая предложения [27];

2) при наличии данной просодической границы первая именная группа будет обладать большим просодическим весом, чем вторая именная группа, поэтому первая именная группа должна попадать в фокус внимания читающего и чаще присоединять придаточную клаузу по принципу раннего закрытия [24].

Контрастивный языковой фактор заключался в том, что испытуемые могли следовать двум конкурирующим стратегиям разрешения неоднозначности – стратегии раннего или позднего закрытия, причем для их родного языка в целом характерна стратегия раннего закрытия, а для второго языка – позднего закрытия.

В исследовании применялись метод регистрации движений глаз и метод опроса. Совмещение данных методов позволяет соотнести выбор варианта присоединения придаточной клаузы с характеристиками чтения наиболее информативных фрагментов стимульных предложений – первой и второй именной группы, обнаружить эффекты, связанные со скоростью обработки именных групп испытуемыми на ранних и поздних этапах синтаксического анализа.

Участники. В эксперименте приняли участие 29 носителей родного русского языка (12 юношей и 17 девушек, студенты Новосибирского государственного университета в возрасте от 22 до 29 лет), владеющих вторым английским языком на уровне C1. Все испытуемые имели нормальное зрение или скорректированное до нормального с помощью очков или линз. Испытуемые не знали о цели и задачах эксперимента, принимали в нем участие добровольно, без получения вознаграждения.

Стимулы. Все стимулы предъявлялись только в зрительной модальности. В экспериментальный блок было включено 9 целевых стимулов – сложноподчиненных предложений с синтаксической неоднозначностью: главная клауза содержала две возможные вершины определительной придаточной клаузы, присоединяемой союзом *that* (для двух неодушевленных имен – потенциальных вершин придаточной клаузы) или местоимением *who* (для двух одушевленных имен – потенциальных вершин придаточной клаузы). Целевые стимулы представляли собой достаточно короткие предложения (от 12 до 16 слов), содержащие только общеупотребительные слова английского языка. Для оценки правдоподобности данных предложений были проведены претесты с привлечением трех экспертов, которые показали практически равную вероятность присоединения и первого, и второго имени к придаточной клаузе (экспертов просили ответить на вопрос, к какому из имен существительных главной клаузы вероятнее всего можно отнести придаточную часть). Кроме этого, использовались 18 контрольных предложений без синтаксической неоднозначности, которые в дальнейшем не подвергались детальному анализу.

В задачи эксперимента входила проверка гипотезы просодической границы (в нашем случае – эффекта запятой перед придаточной клаузой), поэтому целевые предложения предъявлялись в двух условиях: одной группе испытуемых (N = 15) – с запятой, другой группе (N = 14) – без запятой. Пример целевого стимула представлен в (5) и (5a):

(5) *The investigator noticed the friend of the boss who had bad reputation.*

(5a) *The investigator noticed the friend of the boss, who had bad reputation.*

Две «конкурирующие» именные группы представляли собой сбалансированные по ряду лингвистических и квантитативных характеристик пары имен существительных: одинаковые по грамматическому роду, числу, категории одушевленности / неодушевленности, практически одинаковые по длине в знаках и частотности. В качестве стандартизированной меры частотности слов использовалась

логарифмированная шкала Ципфа (Zipf value), которая предложена авторами проекта SUBTLEX-UK как наиболее «устойчивая» к варьированию размера корпуса мера и которая, по их мнению, является наиболее удачной для контролирования фактора частотности слов в психолингвистических экспериментах [29]. Частотность по Ципфу каждой из двух потенциальных вершин придаточной клаузы (NP1 и NP2) в форме единственного или множественного числа извлекалась непосредственно из базы *SUBTLEX-US frequency list with PoS and Zipf information*. Разность между логарифмами частотности «конкурирующих» имен в каждом предложении в большинстве случаев не превышала единицы, при этом данная мера использовалась в дальнейшем анализе как контролируемый фактор.

После прочтения каждого предложения испытуемым предлагались вопросы на понимание их смысла, причем вопросы задавались таким образом, чтобы испытуемый делал референциальный выбор – выбирал путем нажатия соответствующей кнопки одно из существительных, которое присоединяет к себе придаточную клаузу:

(5c) *Who had bad reputation? a) friend, b) boss.*

Полученные ответы испытуемых на целевые предложения с синтаксической неоднозначностью позволили в дальнейшем проанализировать данные движений глаз для разных предпочтений испытуемых – в пользу раннего (NP1) или позднего (NP2) закрытия.

Оборудование и процедура. Эксперимент проводился с использованием системы регистрации движений глаз SMI RED-500, с частотой регистрации 500 Гц, запись осуществлялась в монокулярном режиме без использования стойки для фиксации головы, чтобы смоделировать максимально естественные условия чтения для испытуемого.

Для предъявления стимулов использовался жидкокристаллический монитор Dell, SMI, 22" с разрешением 1680 x 1050 пикселей с интегрированным креплением для устройства регистрации движений глаз.

Для создания эксперимента использовалось программное обеспечение *Experiment Center*, для обработки полученных данных – программное обеспечение *BeGaze*, которые поставлялись вместе с системой регистрации движений глаз. Предложения предъявлялись в центре экрана, расположенные в одну строку, набранные шрифтом Times New Roman (36-й кегль, полужирный) черным цветом на сером фоне. Испытуемые находились перед монитором на расстоянии 60–65 см, поскольку режим записи допускал свободное положение головы.

Эксперимент проводился с каждым испытуемым в тихой комнате. После успешной процедуры калибровки и валидации системы (при ошибке, полученной на основе предсказаний регистратора движений глаз не более 1°) испытуемым демонстрировалась инструкция, в которой требовалось прочитать предложения на английском языке и после нажатия пробела ответить на вопросы к прочитанному предложению. Предложения предъявлялись строго на одной и той же строке редактора стимулов, чтобы исключить какие-либо дополнительные ориентировочные реакции

испытуемых. Вопросы предъявлялись после прочтения каждого предложения с возможностью выбора одного из двух вариантов ответа. Был выбран режим последовательного предъявления стимулов: после каждого целевого стимула следовало два контрольных, поскольку все предложения имели схожую длину и синтаксическую структуру. Эксперимент в каждой группе испытуемых проводился за одну серию. Контрбалансировка целевых стимулов по условию предъявления (с запятой / без запятой перед придаточной клаузой) намеренно не производилась: каждый испытуемый читал предложения только в одном условии, поскольку эффект запятой должен был носить именно имплицитный характер, не замечаемый испытуемым в процессе чтения.

Анализ данных и результаты

Результаты опроса показали, что у испытуемых обеих групп ($n = 15$, $n = 14$) выбор варианта закрытия (раннего или позднего) имеет равную вероятность: сравнение долей ответов с выбором раннего и позднего закрытия не отличались от равновероятностного выбора (доля раннего закрытия составила 51% ответов на целевые стимулы, величина критерия Z для сравнения доли с заданным значением составила 0,32 при $p = 0,75$). Кроме этого, сравнение долей ответов в каждой группе испытуемых также показало ситуацию равнозначного предпочтения раннего и позднего закрытия (предпочтение раннего или позднего закрытия в каждой группе не превышало 50% ответов). Отсутствие предпочтения того или иного вида закрытия не является в данном случае неожиданным, поскольку существуют данные об отсутствии каких-либо предпочтений у билингвов при решении такого рода задачи, в отличие от устойчивых предпочтений монолингвов [10].

Далее были проанализированы параметры движений глаз испытуемых при решении данной задачи. Статистическому анализу подвергались только данные движений глаз, полученные на целевые стимулы (всего проанализирована 261 проба). Процент успешной регистрации движений глаз у всех испытуемых был не ниже 69%. Поскольку существует логичное предположение, что обработка неоднозначных предложений на неродном языке во многом опирается на лексико-семантические характеристики потенциальных вершин придаточной клаузы и в меньшей степени – на структурный принцип [30], то для дальнейшего анализа применялась парадигма, ориентированная на «словные измерения» движений глаз (*word based measures*), т.е. изучалось время обработки двух наиболее сложных составляющих – потенциальных вершин придаточной клаузы (NP1 vs NP2).

Статистический анализ результатов проводился в среде R с использованием пакетов «lme4», «lmerTest», «sjPlot». В ходе анализа применялись линейные модели со смешанными эффектами, позволяющие учесть влияние не только фиксированных, но и случайных факторов. В нашем случае зависимыми переменными являлись временные характеристики чтения первой и второй именных групп, из них характеризующие ранние этапы процесса их когнитивной обработки при

чении (длительность первой (или единственной) фиксации и время первого прохода) и характеризующие поздние этапы процесса обработки (общее время прочтения), кроме этого анализировались зависимые переменные, отражающие в целом сложность когнитивной обработки каждой именной группы – количество фиксаций и рефиксаций на данных синтаксических составляющих.

В качестве фиксированных факторов (предикторов) выступали такие контролируемые переменные, как: условие предъявления стимула (с запятой или без запятой перед придаточной клаузой), зона интереса (NP1 vs NP2), частотность по Ципфу (NP1 vs NP2), одушевленность / неодушевленность обоих имен (NP1, NP2), ответ испытуемого о выборе варианта присоединения придаточного к первой или второй именной группе (NP1 vs NP2).

В ходе предварительной обработки данных были исключены выбросы по всем временным параметрам чтения, превышающим ± 3 стандартных отклонения от индивидуальных средних значений, а также значения менее 10 мс согласно распространенной практике.

Модели со смешанными эффектами, по существу, являются расширением обычных линейных регрессионных моделей для случаев, когда наблюдения могут быть сгруппированы по одному или нескольким основаниям (например, данные о времени чтения могут быть сгруппированы по испытуемым и по стимулам).

Величина коэффициентов фиксированных эффектов для количественных предикторов отражает, как в среднем изменяется время чтения в миллисекундах при изменении величины соответствующего предиктора на единицу (при прочих равных условиях). Для категориального дихотомического предиктора, например, для условия наличия или отсутствия запятой перед придаточной клаузой, эта величина отражает изменение среднего времени чтения (первой фиксации и т.д.) при наличии запятой в сравнении с условием отсутствия запятой. Оценка размеров фиксированных эффектов для зависимых переменных по всем наблюдениям представлена на отдельных графиках, которые отражают изменение временных характеристик чтения именных групп (NP1, NP2).

На рис. 1 отражены фиксированные эффекты, связанные с поздними этапами синтаксического анализа, т.е. с изменениями общего времени чтения именных групп (total reading time). Анализ показал, что общее время чтения первой именной группы значительно больше, чем второй именной группы. Данное наблюдение соотносится с результатами подобного исследования разрешения синтаксической неоднозначности в русском языке [4]. Однако в нашем случае этот результат не говорит однозначно об активации первой именной группы как потенциальной вершины придаточной клаузы на поздних этапах анализа, поскольку общее время чтения значительно не отличалось в случаях предпочтения испытуемыми раннего или позднего закрытия (response). Вместе с этим отмечается значимый эффект запятой: общее время чтения обеих именных групп меньше на 98,4 мс при условии наличия запятой перед придаточной клаузой. Это может говорить о том, что

имплицитная просодическая граница способна уменьшать время прочтения как первой, так и второй именной группы, при этом первая именная группа оказывается в фокусе внимания, поскольку время чтения второй именной группы значительно меньше первой на 231,69 мс. Кроме этого, наблюдается мощный эффект частотности, проявляющийся в том, что более частотные слова имеют значительно меньшее время прочтения по сравнению с менее частотными.

На рис. 2 и 3 отражены фиксированные эффекты, связанные с ранними этапами синтаксического анализа.

Время первого прохода (суммы фиксаций на именной группе при первом прочтении до того, как взор покидает данный целевой регион) оказалось значительно меньше при чтении второй именной группы на 209,24 мс, а также при чтении слов с высокой частотностью по Ципфу (рис. 2). Эффект запятой для данной переменной обнаружен не был.

При анализе времени первой фиксации взора на изучаемых именных группах (рис. 3) обнаружен только значимый эффект частотности: время первой фиксации в среднем на 18,13 мс меньше на именах с высокой частотностью по Ципфу (при уровне значимости $p \leq 0,01$), при этом другие предикторы не показали значимого влияния на изменение данного параметра.

Результаты эксперимента показали, что на ранних этапах синтаксического анализа двуязычные испытуемые ориентируются прежде всего на лексические свойства именных групп, т.е. высокочастотные слова оказываются более доступными для первоначальной обработки, чем менее частотные независимо от их синтаксической функции в предложении. Важно отметить, что только на поздних этапах анализа испытуемые подвержены влиянию эффекта просодической границы (рис. 1). Возможно, наличие запятой для читающего является сигналом границы главной клаузы, поэтому именные группы имеют не только меньшее время прочтения, но и меньшее количество фиксаций. В пользу этого свидетельствует величина эффекта запятой на количество фиксаций $b = -0,59$; $SE = 0,17$; $p < 0,0008$. То есть установление референциальной связи в предложениях с запятой протекает легче, чем в предложениях без запятой, в которых, скорее всего, испытуемые следуют стратегии «садовой дорожки» (garden path), отягощены дополнительной задачей поиска просодической границы для установления такой референциальной связи.

Сопоставляя полученные данные, в целом мы можем сказать, что при чтении неоднозначных предложений на английском языке носители русского языка следуют, прежде всего, лексико-ориентированной стратегии, но при этом подвержены и влиянию эффекта просодической границы на поздних этапах синтаксического анализа.

Обсуждение результатов

Дискуссии в поддержку структурно-ориентированных и лексико (контекстно)-ориентированных стратегий разрешения синтаксической неоднозначности в разных языках сегодня подкрепляются разными данными психолингвистических исследований с применением онлайн-методов.

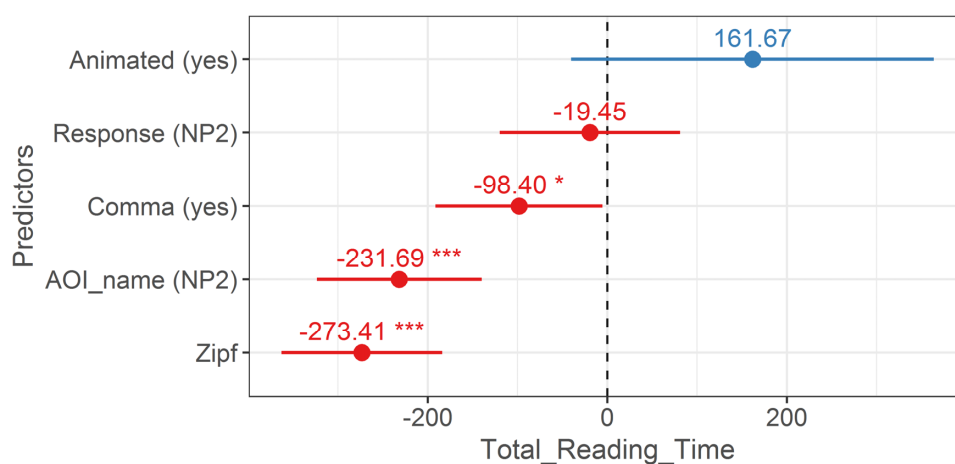

Рис. 1. Предикторы общего времени прочтения (total reading time) именных групп¹

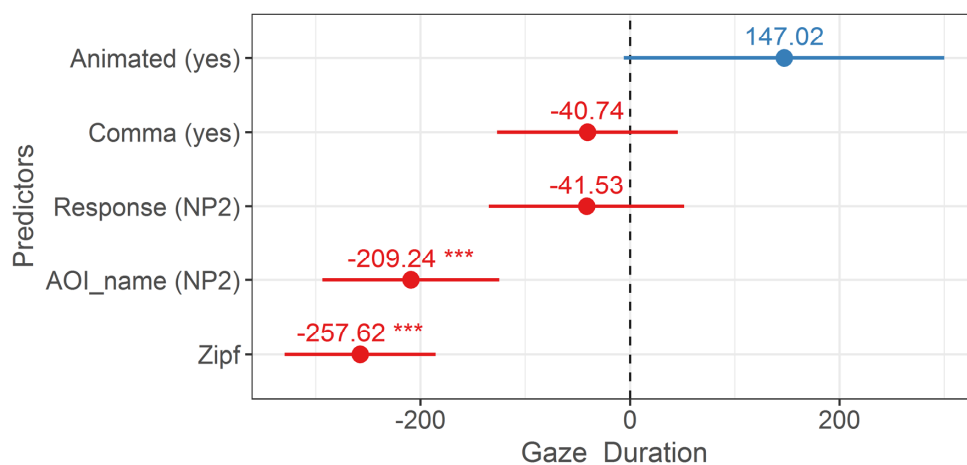

Рис. 2. Предикторы времени первого прохода (Gaze Duration) при чтении именных групп

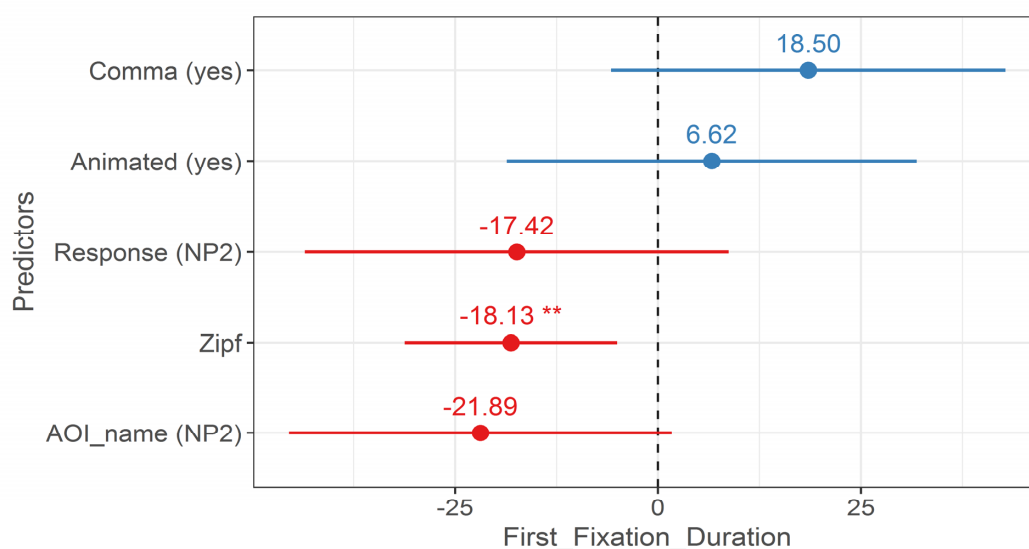

Рис. 3. Предикторы длительности первой фиксации (first fixation duration) на именных группах

Метод регистрации движений глаз активно применяется в исследованиях синтаксической неоднознач-

ности в разных языках. Приверженцы модулярного подхода отстаивают *модель последовательного син-*

таксического анализа для английских неоднозначных предложений: от изначального определенного и единственного синтаксического принципа минимального присоединения читающий переходит к интеграции синтаксических структур с лексической и дискурсивной информацией [1, 31]. Если же построенная синтаксическая структура не соответствует дальнейшему контексту, в таком случае читающий запускает реанализ неоднозначного предложения снова. Спор вокруг данной модели продолжается до сих пор, но основной контраргумент в работах с применением метода движений глаз заключается в том, что такой вынужденный реанализ неоднозначного фрагмента предложения (например, первой и второй именной группы) допускается не только в условиях локальной синтаксической неоднозначности, когда такой реанализ диктуется синтаксической структурой, но и в ситуации глобальной синтаксической неоднозначности [8]. В исследовании Ямады и соавторов на материале японского языка показано, что реанализ при чтении предложений с глобальной синтаксической неоднозначностью уже на первых этапах оказывается чувствительным к лексическим свойствам синтаксических единиц. Такой вывод согласуется с противоположной *ранговой параллельной интерактивной моделью синтаксического анализа*, которая предполагает, что в процессе синтаксического анализа неоднозначного предложения читающий сразу же задействует всю доступную ему информацию: лексическую, семантическую, контекстуальную. В основе данной модели лежит представление о том, что варианты присоединения придаточной клаузы к одной из именных групп конкурируют между собой, а правильным вариантом признается тот, который набирает наибольший вес [32–34].

В исследованиях движений глаз сложность интерпретации временных характеристик чтения предложений с синтаксической неоднозначностью связана с тем, что экспериментатору в точности не ясно, какую именно информацию о неоднозначных фрагментах предложения испытуемый обрабатывает в конкретный момент времени: лексическую, грамматическую, синтаксическую или прагматическую. Дело в том, что параметры движений глаз, связанные с восприятием любой вербальной информации, привязаны к разным «неудобным» местам в предложении: это эффекты перетекания, когда частотность употребления одного слова влияет на время чтения последующего слова (*spillover effects*); это эффект сворачивания, когда читающие дольше фиксируют взор на границах клауз и предложений (*wrap-up effect*); это эффекты имплицитной просодии, отражающие разные несинтаксические причины изменений в параметрах движений глаз при чтении.

Например, эффект запятой (или просодической границы) при разрешении неоднозначности данного типа обнаружен в нескольких экспериментальных работах с применением онлайн-методик. Показано, что запятая на месте правильной, естественной просодической границы облегчает обработку синтаксически неоднозначных фрагментов предложений, способствуя субвокальному интонационному члене-

нию и более точному и эффективному синтаксическому анализу [25, 27, 35]. Однако убедительных данных о том, что запятая способна склонять испытуемых к тому или иному варианту присоединения придаточной клаузы, пока не существует.

Исследование процесса решения данной когнитивной задачи на материале неродного языка испытуемых обладает определенными преимуществами. Как было отмечено многими исследователями, при обработке предложений на неродном языке испытуемые в большей степени подвержены влиянию лексико-ориентированной стратегии, нежели структурно-ориентированной. Это значит, что модель последовательного синтаксического анализа по принципу минимального присоединения наименее вероятна для их синтаксического анализатора. Наш эксперимент подтвердил данную гипотезу о том, что уже на ранних этапах синтаксического анализа испытуемые задействуют важную для них лексическую информацию – в нашем случае это частотность употребления слова. При обработке второго языка синтаксический и семантический процессоры работают одновременно, уже на ранних этапах обмениваются информацией, сопоставляя свои версии, и в случае конфликта между ними запускается реанализ [36]. При конкуренции вариантов присоединения придаточной клаузы влияние оказывают предыдущий контекст, лексические значения слов, входящих в именные группы, референциальный контекст [37], прагматические факторы [38], а также индивидуальные особенности испытуемого [39].

Отдельные исследователи отмечают, что в подобных психолингвистических экспериментах невозможно подобрать эквивалентные по различным лингвистическим характеристикам предложения-стимулы, при этом результаты анализа существенным образом варьируют среди испытуемых [4]. Данное ограничение возможно избежать при использовании в статистических расчетах линейных моделей со смешанными эффектами, которые дают возможность учесть случайные факторы испытуемого и стимула. Именно такие модели для разных параметров движений глаз при чтении были построены в рамках проведенного нами эксперимента.

Эксперимент с использованием метода регистрации движений глаз показал, что эффекты имплицитной просодии проявляются на поздних этапах синтаксического анализа, т.е. на уровне изменения общего времени чтения именных групп. При наличии запятой на границе главной и придаточной клауз общее время чтения обеих именных групп оказалось значительно меньше, чем время чтения тех же именных групп в предложениях без запятой, что подтверждает выдвинутую рабочую гипотезу. Уже на ранних этапах синтаксического анализа испытуемые больше внимания уделяют первой именной группе, что проявляется в увеличении не только общего времени прочтения, но и времени первого прохода. Активация первой именной группы при чтении неоднозначных предложений на английском языке подтверждает приоритет раннего закрытия у носителей русского языка (*language-dependent behavior*), для которых

первое имя является аргументом предиката и обладает большим просодическим весом в отличие от зависимого имени. На самом раннем этапе синтаксического анализа испытуемые оказываются чувствительными к частотности слов, занимающих позиции первой и второй именной группы, что проявляется в меньшем времени первой фиксации на словах с высокой частотностью по Ципфу. При интерпретации неоднозначных предложений после их прочтения испытуемые не продемонстрировали какого-либо

предпочтения в присоединении придаточной клаузы: процент выбора вариантов с ранним закрытием и с поздним закрытием был практически одинаковым. Такой результат, видимо, связан со спецификой разрешения синтаксической неоднозначности в неродном языке, поэтому в перспективе представляется актуальным сравнительное исследование оculo моторных паттернов при чтении предложений с локальной синтаксической неоднозначностью с контролем различных просодических факторов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее на рисунках показаны фиксированные эффекты частотности по Ципфу (Zipf), одушевленности именных групп (Animated), условия предъявления целевых предложений-стимулов (с запятой в сравнении с условием без запятой (Comma)), зоны интереса (второй именной группы в сравнении с первой (AOI_name)) и типа ответа испытуемого (при выборе второй именной группы в качестве ответа (Response)) на разные временные характеристики чтения «конкурирующих» именных групп в миллисекундах (горизонтальные линии отражают 95-процентный доверительный интервал, * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$; *** – уровень значимости $p \leq 0,001$).

ЛИТЕРАТУРА

- Frazier L., Rayner K. Making and correcting errors during sentence comprehension: Eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences // *Cognitive Psychology*. 1982. Vol. 14. P. 178–210. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(82\)90008-1](https://doi.org/10.1016/0010-0285(82)90008-1)
- Драгой О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности // *Вопросы языкознания*. 2006. № 6. С. 44–61.
- Clifton C.Jr., Staub A. Syntactic influences on eye movements in reading // *The Oxford Handbook of Eye Movements* / ed. by S.P. Liversedge, D. Iain Gilchrist and Stefan Everling. Oxford, UK : Oxford University Press, 2011. P. 895–909.
- Anisimov V.N., Fedorova O.V., Latanov A.V. Eye Movement Parameters in Reading Sentences with Syntactic Ambiguities in Russian // *Human Physiology (Moscow)*. 2014. Vol. 40, № 5. P. 521–531. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0362119714040033>
- Чернова Д.А. Процесс обработки синтаксически неоднозначных предложений: психолингвистическое исследование : дис... канд. филол. наук. СПб., 2016. 178 с.
- Felser C., Roberts L., Gross R., Marinis T. The processing of ambiguous sentences by first and second language learners of English // *Applied Psycholinguistics*. 2003. Vol. 24, № 3. P. 453–489. DOI: [10.1017/S0142716403000237](https://doi.org/10.1017/S0142716403000237).
- White L., Goad H., Goodhue D., Hwang H. & Lieberman M. Syntactic ambiguity resolution in L2 parsing: effects of prosodic boundaries and constituent length // *The 37-th Boston University Conference on Language Development*. 2012. Nov. 9–11.
- Yamada T., Arai M., Hirose Y. Unforced Revision in Processing Relative Clause Association Ambiguity in Japanese: Evidence Against Revision as Last Resort // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2017. Vol. 46, № 3. P. 661–714. DOI: [10.1007/s10936-016-9457-8](https://doi.org/10.1007/s10936-016-9457-8).
- Fodor J.D. Prosodic disambiguation in silent reading // *Proceedings of the North East Linguistic Society*, 32. Amherst : GSLA, University of Massachusetts, 2002. P. 113–132.
- Fernandez E.M. Relative Clause Attachment in Bilinguals and Monolinguals // *Bilingual Sentence Processing* / ed. by R.R. Heredia, J. Altarriba. 2002. P. 187–215.
- Cuetos F., Mitchell D.C. Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish // *Cognition*. 1988. Vol. 30. P. 73–105. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(88\)90004-2](https://doi.org/10.1016/0010-0277(88)90004-2)
- De Vincenzi M., Job R. Some observations on the universality of the Late Closure strategy // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1993. Vol. 22, № 2. P. 189–206.
- Maia M., Fernández E.M., Costa A., Lourenço-Gomes M. do C. Early and late preferences in relative clause attachment in Portuguese and Spanish // *Journal of Portuguese Linguistics*. 2007. Vol. 6, № 1. P. 227–250. DOI: <http://doi.org/10.5334/jpl.151>
- Fodor J.D., Frazier L. Is the human sentence parsing mechanism an ATN? // *Cognition*. 1980. Vol. 8. P. 417–459. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(80\)90003-7](https://doi.org/10.1016/0010-0277(80)90003-7)
- Sturt P., Pickering M.J., Scheepers C., Crocker M.W. The preservation of structure in language comprehension: Is reanalysis the last resort? // *Journal of Memory and Language*. 2001. Vol. 45. P. 283–307. DOI: [10.1006/jmla.2001.2776](https://doi.org/10.1006/jmla.2001.2776).
- Frazier L. On comprehending sentences: Syntactic parsing strategies (reproduced unpublished doctoral dissertation, University of Connecticut, in 1978). Bloomington: Indiana University Linguistics Club. 1979. DOI: <http://opencommons.uconn.edu/dissertations/AAI7914150>.
- Maynell L. Prosodic effects on relative clause attachment // *Poster presented at the 13th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing*, La Jolla, CA. 2000.
- Carlson K., Clifton C.L., Frazier L. Prosodic boundaries in adjunct attachment // *Journal of Memory and Language*. 2001. Vol. 45. P. 58–81. DOI: <https://doi.org/10.1006/jmla.2000.2762>
- Jun S.-A. Prosodic phrasing and attachment preferences // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2003. Vol. 32. P. 219–249. DOI: <http://dx.doi.org/10.1023/A:1022452408944>
- Dussias P.E. Syntactic ambiguity resolution in L2 learners: some effects of bilinguality on L1 and L2 processing strategies // *Studies in Second Language Acquisition*. 2003. Vol. 25. P. 529–557. DOI: [10.1017/S0272263103000238](https://doi.org/10.1017/S0272263103000238).
- Dekydtspotter L., Donaldson B., Edmonds A.C., Fultz A.L., Petrush R.A. Syntactic and prosodic computations in the resolution of relative clause attachment ambiguity by English-French learners // *Studies in Second Language Acquisition*. 2008. Vol. 30. P. 453–480. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0272263108080728>
- Hwang H., Lieberman M., Goad H., White L. Syntactic ambiguity resolution: Effects of prosodic breaks and prosodic length // *Proceedings of WCCFL 28*. Somerville, MA : Cascadia Proceedings Project / ed. by Mary Byram Washburn et al. 2011. P. 267–274.
- Zahn D. The resolution of the clause that is relative? Prosody and plausibility as cues to RC attachment in English: evidence from structural priming and event related potentials. PhD thesis. 2013. DOI: <http://theses.gla.ac.uk/5163/>
- Clifton C. Jr., Carlson K., Frazier L. Informative Prosodic Boundaries // *Language and Speech*. 2002. Vol. 45, № 2. P. 87–114. DOI: [10.1177/00238309020450020101](https://doi.org/10.1177/00238309020450020101).
- Steinhauer K., Friederici A.D. Prosodic boundaries, comma rules, and brain responses: The Closure Positive Shift in ERPs as a universal marker for prosodic phrasing in listeners and readers // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2001. Vol. 30, № 3. P. 267–295. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1010443001646>
- Kerkhofs R., Vonk W., Schriefers H., Chwilla D.J. Sentence processing in the visual and auditory modality: Do comma and prosodic break have parallel functions? // *Brain Research*. 2008. Vol. 1224. P. 102–118. DOI: [10.1016/j.brainres.2008.05.034](https://doi.org/10.1016/j.brainres.2008.05.034).

27. Niikuni K., Muramoto T. Effects of punctuation on the processing of temporarily ambiguous sentences in Japanese // *Japanese Psychological Research*. 2014. Vol. 56, № 3. P. 275–287. DOI: 10.1111/jpr.12052.
28. Rayner K., Kambe G., Duffy S.A. The effect of clause wrap-up on eye movements during reading // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2000. Vol. 53A. P. 1061–1080. DOI: <https://doi.org/10.1080/713755934>
29. Van Heuven W.J.B., Mandera P., Keuleers E., Brysbaert M. Subtlex-UK: A new and improved word frequency database for British English // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2014. Vol. 67, № 6. P. 1176–1190. DOI: 10.1080/17470218.2013.850521.
30. Papadopoulou D., Clahsen H. Parsing strategies in L1 and L2 sentence processing: a study of relative clause attachment in Greek // *Studies in Second Language Acquisition*. 2003. Vol. 25, № 4. P. 501–528. DOI: 10.1017/S0272263103000214.
31. Frazier L. Parsing modifiers. Special purpose routines in the human sentence processing mechanism? // *Comprehension Processes in Reading* / ed. by D.A. Balota, G.B. Flores d'Arcais & K. Rayner. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1990. P. 303–330.
32. McClelland J.L., Rumelhart D.E. An interactive activation model of context effects in letter perception: P. 1. An account of basic findings // *Psychological Review*. 1981. Vol. 88, № 5. P. 375–407. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0033-295X.88.5.375>
33. Tanenhaus M.K., Spivey-Knowlton M.J., Eberhard K.M., Sedivy J.C. Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension // *Science*. 1995. Vol. 268, № 5217. P. 1632–1634. DOI: 10.1126/science.7777863
34. Trueswell J.C. The role of lexical frequency in syntactic ambiguity resolution // *Journal of Memory and Language*. 1996. Vol. 35. P. 566–585. DOI: <https://doi.org/10.1006/jmla.1996.0030>
35. Speer S.R., Kjelgaard M.M., Dobroth K.M. The influence of prosodic structure on the resolution of temporary syntactic closure ambiguities // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1996. Vol. 25. P. 249–271. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01708573>
36. Vosse T., Kempen G. In Defense of Competition During Syntactic Ambiguity Resolution // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2009. Vol. 38, № 1. P. 1–9. DOI: 10.1007/s10936-008-9075-1.
37. Altmann G., Steedman M. Interaction with context during human sentence processing // *Cognition*. 1988. Vol. 30, № 3. P. 191–238. DOI: 10.1016/0010-0277(88)90020-0.
38. Zagar D., Pynte J., Rativeau S. Evidence for early-closure attachment on first-pass reading times in French // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1997. Vol. 50, № 2. P. 421–438. DOI: <https://doi.org/10.1080/713755715>
39. Pearlmuter N.J., MacDonald M.C. Individual differences and probabilistic constraints in syntactic ambiguity resolution // *Journal of Memory and Language*. 1995. Vol. 34, № 4. P. 521–542. DOI: <https://doi.org/10.1006/jmla.1995.1024>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2018 г.

Eye Movements in Reading Russian Sentences with Global Syntactic Ambiguity in L1 Russian Learners of L2 English: An Implicit Prosodic Boundary Effect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 19–29.

DOI: 10.17223/15617793/438/3

Mikhail S. Vlasov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru / vlasov_mikhailo@mail.ru

Alexander N. Savostyanov, State Scientific-Research Institute of Physiology and Basic Medicine (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of Cytology and Genetics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexander.savostyanov@gmail.com / savostyanov@bionet.nsc.ru / a.savostianov@g.nsu.ru

Oleg A. Sychev, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: osn1@mail.ru

Alexander E. Saprygin, State Scientific-Research Institute of Physiology and Basic Medicine (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: saprygin@mail.ru / sapriginae@physiol.ru

Keywords: global syntactic ambiguity; relative clause; prosodic boundary; punctuation; reading; eye movements; English as second language.

A great number of studies verified different prosodic cues to relative-clause (RC) attachment in English as L1 and L2. The controversial one is the informative prosodic boundary between the main and the relative clause that reliably biased L1 English listeners to assume a high-attachment interpretation in global syntactic ambiguity resolution. The implicit prosodic boundary effect was also detected in “comma condition” before RC in sentences with local syntactic ambiguity in L1 English. However, this “comma effect” has not been tested in L2 English. Two stimulus blocks contained complex sentences with a comma and without a comma before ambiguous RCs, e.g.: *Someone shot the maid_{NP1} of the actress_{NP2} who was on the balcony* (no-comma condition) vs. *Someone shot the maid_{NP1} of the actress_{NP2}, who was on the balcony* (comma condition). The authors used online and offline techniques in the study. The eye-movement study was conducted to verify an *implicit prosodic boundary effect* in L2 sentence processing by L1 Russian learners of L2 English because of well-researched different RC-attachment preferences in these languages: high-attachment for L1 Russian and low-attachment for L1 English. Hence, in reading the subjects could perform either L1 or L2 strategy in sentence processing. An implicit prosodic boundary indicated by a comma before the relative clause was assumed to be a facilitating factor for NP1 and NP2 reading times as opposed to “no-comma condition”. Also, in “comma condition” NP1 should gain more prosodic prominence and fixation times in silent reading than NP2 because of an informative prosodic boundary. Using linear mixed-effects models, the eye-movement study showed that implicit prosody effect appeared only in late eye-movement measures: NP1 and NP2 total reading times were shorter in “comma condition” but not in “no-comma condition”. Also, there were fewer fixations on NP1 and NP2 in “comma condition” as opposed to “no-comma condition” ($b=-0.59$; $SE=0.17$; $p<0.0008$). Early measures (gaze durations) were longer at NP1. This NP1 early activation in silent reading confirms the priority of early closure (high attachment preference) in early processing of L2 English sentences with global syntactic ambiguity by L1 Russian speakers. The observed early NP1-activation in silent reading confirms the priority of early closure (high attachment) in RC-attachment ambiguity resolution in Russian learners of L2 English according to language-dependent behavior. Russian bilinguals were sensitive to L1 grammar factor, since, in Russian, NP1 (*maid_{acc}*) in such sentences performs the argument function and has a greater prosodic weight as opposed to NP2 (*actress_{gen}*) as the dependent noun in genitive. At the earliest stage of syntactic processing the subjects were also sensitive to the word frequency of NP1 and NP2 that caused shorter first fixation latency on high-frequency words. However, no significant RC-attachment preference was observed in offline questionnaire.

REFERENCES

1. Frazier, L. & Rayner, K. (1982) Making and correcting errors during sentence comprehension: Eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences. *Cognitive Psychology*. 14. pp. 178–210. DOI: 10.1016/0010-0285(82)90008-1
2. Dragoy, O.V. (2006) Razreshenie sintaksicheskoy neodnoznachnosti: pravila i veroyatnosti [Relative clause attachment ambiguity resolution: the rules and probabilities]. *Voprosy yazykoznanija*. 6. pp. 44–61.

3. Clifton, C.Jr. & Staub, A. (2011) Syntactic influences on eye movements in reading. In: Liversedge, S.P., Gilchrist, D.I. & Everling, S. (eds) *The Oxford Handbook of Eye Movements*. Oxford, UK: Oxford University Press.
4. Anisimov, V.N., Fedorova, O.V. & Latanov, A.V. (2014) Eye Movement Parameters in Reading Sentences with Syntactic Ambiguities in Russian. *Human Physiology*. 40 (5). pp. 521–531. DOI: 10.1134/S0362119714040033
5. Chernova, D.A. (2016) Protsess obrabotki sintaksicheskikh neodnoznachnykh predlozheniy: psikholingvisticheskoe issledovanie [Processing the sentences with syntactic ambiguity: psycholinguistic study]. *Philology Cand. Diss.* St. Petersburg.
6. Felser, C., Roberts, L., Gross, R. & Marinis, T. (2003) The processing of ambiguous sentences by first and second language learners of English. *Applied Psycholinguistics*. 24(3). pp. 453–489. DOI: 10.1017/S01421716403000237.
7. White, L. et al. (2013) Syntactic ambiguity resolution in L2 parsing: effects of prosodic boundaries and constituent length. *Proceedings of the 37th Annual Boston University Conference on Language Development*. Nov. 9–11. Cascadia Press.
8. Yamada, T., Arai, M. & Hirose, Y. (2017) Unforced Revision in Processing Relative Clause Association Ambiguity in Japanese: Evidence Against Revision as Last Resort. *Journal of Psycholinguistic Research*. 46 (3). pp. 661–714. DOI: 10.1007/s10936-016-9457-8
9. Fodor, J.D. (2002) Prosodic disambiguation in silent reading. *Proceedings of the North East Linguistic Society*. 32. Amherst: GSLA, University of Massachusetts. pp. 113–132.
10. Fernandez, E.M. (2002) Relative Clause Attachment in Bilinguals and Monolinguals. In: Heredia, R.R. & Altarriba, J. (eds) *Bilingual Sentence Processing*. Amsterdam: Elsevier.
11. Cuetos, F. & Mitchell, D.C. (1988) Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the Late Closure strategy in Spanish. *Cognition*. 30. pp. 73–105. DOI: 10.1016/0010-0277(88)90004-2
12. De Vincenzi, M. & Job, R. (1993) Some observations on the universality of the Late Closure strategy. *Journal of Psycholinguistic Research*. 22 (2). pp. 189–206.
13. Maia, M., Fernández, E.M., Costa, A. & Lourenço-Gomes, M. do C. (2007) Early and late preferences in relative clause attachment in Portuguese and Spanish. *Journal of Portuguese Linguistics*. 6 (1). pp. 227–250. DOI: <http://doi.org/10.5334/jpl.151>
14. Fodor, J.D. & Frazier, L. (1980) Is the human sentence parsing mechanism an ATN? *Cognition*. 8. pp. 417–459. DOI: 10.1016/0010-0277(80)90003-7
15. Sturt, P., Pickering, M.J., Scheepers, C. & Crocker, M.W. (2001) The preservation of structure in language comprehension: Is reanalysis the last resort? *Journal of Memory and Language*. 45. pp. 283–307. DOI: 10.1006/jmla.2001.2776
16. Frazier, L. (1979) *On comprehending sentences: Syntactic parsing strategies* (reproduced unpublished doctoral dissertation, University of Connecticut, in 1978). Bloomington: Indiana University Linguistics Club. [Online] Available from: <http://opencommons.uconn.edu/dissertations/AAI7914150>.
17. Maynell, L. (2000) *Prosodic effects on relative clause attachment*. Poster presented at the 13th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing. La Jolla, CA.
18. Carlson, K., Clifton, C.L. & Frazier, L. (2001) Prosodic boundaries in adjunct attachment. *Journal of Memory and Language*. 45. pp. 58–81. DOI: 10.1006/jmla.2000.2762
19. Jun, S-A. (2003) Prosodic phrasing and attachment preferences. *Journal of Psycholinguistic Research*. 32. pp. 219–249. DOI: 10.1023/A:1022452408944
20. Dussias, P.E. (2003) Syntactic ambiguity resolution in L2 learners: some effects of bilinguality on L1 and L2 processing strategies. *Studies in Second Language Acquisition*. 25. pp. 529–557. DOI: 10.1017/S0272263103000238
21. Dekydtspotter, L. et al. (2008) Syntactic and prosodic computations in the resolution of relative clause attachment ambiguity by English-French learners. *Studies in Second Language Acquisition*. 30. pp. 453–480. DOI: 10.1017/S0272263108080728
22. Hwang, H., Lieberman, M., Goad, H. & White, L. (2011) Syntactic ambiguity resolution: Effects of prosodic breaks and prosodic length. *Proceedings of WCCFL 28*. Somerville, MA: Cascadia Proceedings Project. pp. 267–274.
23. Zahn, D. (2013) *The resolution of the clause that is relative? Prosody and plausibility as cues to RC attachment in English: evidence from structural priming and event related potentials*. PhD thesis. [Online] Available from: <http://theses.gla.ac.uk/5163/>.
24. Clifton, C.Jr., Carlson, K. & Frazier, L. (2002) Informative Prosodic Boundaries. *Language and Speech*. 45 (2). pp. 87–114. DOI: 10.1177/00238309020450020101
25. Steinhauer, K. & Friederici, A.D. (2001) Prosodic boundaries, comma rules, and brain responses: The Closure Positive Shift in ERPs as a universal marker for prosodic phrasing in listeners and readers. *Journal of Psycholinguistic Research*. 30 (3). pp. 267–295. DOI: 10.1023/A:1010443001646
26. Kerkhofs, R., Vonk, W., Schriefers, H. & Chwilla, D.J. (2008) Sentence processing in the visual and auditory modality: Do comma and prosodic break have parallel functions? *Brain Research*. 1224. pp. 102–118. DOI: 10.1016/j.brainres.2008.05.034
27. Niikuni, K. & Muramoto, T. (2014) Effects of punctuation on the processing of temporarily ambiguous sentences in Japanese. *Japanese Psychological Research*. 56 (3). pp. 275–287. DOI: 10.1111/jpr.12052
28. Rayner, K., Kambe, G. & Duffy, S.A. (2000) The effect of clause wrap-up on eye movements during reading. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 53A. pp. 1061–1080. DOI: 10.1080/713755934
29. Van Heuven, W.J.B., Mandera, P., Keuleers, E. & Brysbaert, M. (2014) Subtlex-UK: A new and improved word frequency database for British English. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 67 (6). pp. 1176–1190. DOI: 10.1080/17470218.2013.850521.
30. Papadopoulou, D. & Clahsen, H. (2003) Parsing strategies in L1 and L2 sentence processing: a study of relative clause attachment in Greek. *Studies in Second Language Acquisition*. 25 (4). pp. 501–528. DOI: 10.1017/S0272263103000214.
31. Frazier, L. (1990) Parsing modifiers. Special purpose routines in the human sentence processing mechanism? In: Balota, D.A. et al. (eds) *Comprehension Processes in Reading*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
32. McClelland, J.L. & Rumelhart, D.E. (1981) An interactive activation model of context effects in letter perception: P. 1. An account of basic findings. *Psychological Review*. 88 (5). pp. 375–407. DOI: 10.1037/0033-295X.88.5.375
33. Tanenhaus, M.K., Spivey-Knowlton, M.J., Eberhard, K.M. & Sedivy, J.C. (1995) Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension. *Science*. 268 (5217). pp. 1632–1634. DOI: 10.1126/science.7777863
34. Trueswell, J.C. (1996) The role of lexical frequency in syntactic ambiguity resolution. *Journal of Memory and Language*. 35. pp. 566–585. DOI: 10.1006/jmla.1996.0030
35. Speer, S.R., Kjelgaard, M.M. & Dobroth, K.M. (1996) The influence of prosodic structure on the resolution of temporary syntactic closure ambiguities. *Journal of Psycholinguistic Research*. 25. pp. 249–271. DOI: 10.1007/BF01708573
36. Vosse, T. & Kempen, G. (2009) In Defense of Competition During Syntactic Ambiguity Resolution. *Journal of Psycholinguistic Research*. 38 (1). pp. 1–9. DOI: 10.1007/s10936-008-9075-1
37. Altmann, G. & Steedman, M. (1988) Interaction with context during human sentence processing. *Cognition*. 30 (3). pp. 191–238. DOI: 10.1016/0010-0277(88)90020-0
38. Zagar, D., Pynte, J. & Rativeau, S. (1997) Evidence for early-closure attachment on first-pass reading times in French. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 50 (2). pp. 421–438. DOI: 10.1080/713755715
39. Pearlmutter, N.J. & MacDonald, M.C. (1995) Individual differences and probabilistic constraints in syntactic ambiguity resolution. *Journal of Memory and Language*. 34 (4). pp. 521–542. DOI: 10.1006/jmla.1995.1024

Received: 19 September 2018

Е.И. Зиновьева, Д. Дракулич-Прийма

ЛУКАВЫЙ И ЛУКАВ В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Рассматривается стереотипное представление о человеке, характеризуемом как лукавый в русском и сербском языках. Анализируются словарные определения, контексты употребления, устойчивые выражения с компонентами «лукавый / лукав», результаты проведенного анкетирования носителей русского и сербского языков. Отмечаются сходства и различия в двух славянских языковых картинах мира. Делается вывод о том, что сербское прилагательное «лукав» по семантике соответствует русскому прилагательному «хитрый».

Ключевые слова: стереотипное представление; языковая картина мира; лингвокультура; прилагательное; устойчивое сравнение.

Цель данной статьи заключается в выявлении стереотипного представления о человеке, называемом *лукавый* и *лукав* в русской и сербской языковых картинах мира. Стереотипное представление понимается нами как синоним термина «стереотип-представление» – «некий фрагмент (концептуальной) картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление. Это некая ментальная “картинка”, обладающая рядом специфических для нее свойств, некое устойчивое, минимизированно-инвариантное представление о предмете или о ситуации» [1. С. 126]. Языковая картина мира (ЯКМ) в других терминах обозначается как «языковой образ мира», «языковой промежуточный мир», «языковая организация мира», «языковая репрезентация мира» или «языковая модель мира». Е.В. Бузальская справедливо отмечает, что «понятие *образ мира*, как одна из структур сознания, пришло в лингвистику из психологии и психолингвистики; *картина мира* чаще встречается в работах по этнолингвистике, культурологии, лингвокультурологии; *модель мира* – в когнитивистике, когнитивной лингвистике» [2. С. 64]. Согласно мнению В.Б. Касевича, *модель* является сознательным результатом познания и осознания структуры мира, а *картина / образ мира* понимаются как продукты пассивного, бессознательного восприятия объектов действительности [3. С. 77]. В данном исследовании речь идет о стереотипе-представлении, сложившемся неосознанно, поэтому термин *картина мира* представляется более уместным. С.Г. Воркачëв справедливо считает понятие ЯКМ условным, объясняя это тем, что «образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее карикатурен и схематичен ... и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка» [4. С. 67]. В настоящее время в научной лингвистической литературе существует множество определений ЯКМ. В.А. Маслова, определяя термин «языковая картина мира» как метафору, объясняет это тем, что для носителей языка создается не какая-то иная картина мира, а лишь специфическая окраска этого мира, обусловленная «национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и нацио-

нальной культуры данного народа» [5. С. 66]. По мнению О.А. Корнилова, ЯКМ – система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию этих комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры» [6. С. 30–32]. В качестве рабочего в своем исследовании мы будем опираться на одно из ранних определений, предложенное Е.С. Яковлевой, которая под ЯКМ понимает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности, своего рода мировидение через призму языка» [7. С. 47]. Это определение отличается лаконичностью формы и емкостью содержания. В целом метафорический термин «языковая картина мира» следует, на наш взгляд, признать не совсем точным, так как он заставляет думать о «плоскостном» отображении реальной действительности и внутреннего мира человека в языке. Но в силу частотности, устойчивости и привычности в научной литературе этого термина будем использовать в своем исследовании именно его.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что свойства личности человека, с одной стороны, универсальны, с другой стороны, образ носителя конкретного свойства будет отличаться в разных национальных культурах. В настоящее время не существует диссертационных или монографических работ, посвященных комплексному исследованию прилагательных, обозначающих свойства личности в русском языке. Анализу подвергались отдельные единицы, такие как, например, *находчивый* [8. С. 309–313], *ушлый* [9. С. 26–29], *болтливый* [10. С. 81–94], *порядочный* [11. С. 290–302], *умный* [12. Р. 1095–1105], *успешный* (на фоне китайского языка) [13. Р. 969–976], *хитрый* (на фоне сербского языка) [14. С. 25–33], *правильный* [15. С. 336–345]. Прилагательное *лукавый* не являлось до настоящего момента объектом исследования, в том числе и в сопоставительном плане.

Рассмотрим «портрет» лукавого человека в русской и сербской языковых картинах мира, придерживаясь следующего алгоритма исследования: анализ дефиниций толковых словарей двух языков; изучение функционирования прилагательного в разных типах дискурса по данным национальных корпусов двух языков; выяв-

ление стереотипного представления о лукавом человеке в языковом сознании носителей двух родственных славянских языков на основе анкетирования. Настоящая работа является вторым этапом проведенного нами исследования, в котором впервые было проанализировано стереотипное представление о хитром человеке в русской и сербской лингвокультурах [14. С. 25–33]. Значения синонимичных пар прилагательных *лукавый* / *лукав* и *хитрый* / *хитар* в двух славянских языках пересекаются – частично совпадают и частично расходятся. Выявление стереотипных представлений о лукавом и хитром человеке в русской и сербской ЯКМ имеет практическую значимость, так как может способствовать оптимизации межкультурной коммуникации и позволит избежать ошибок в переводе.

Прилагательное *лукавый* является общеславянским по происхождению: украинское *лукавий*; древнерусское *лукавъ* обозначало 'извилистый (о течении реки); хитрый, коварный', сербохорв. *лукав*, словен. *lokav*, от *лука* 'хитрость' [16. С. 532]. Толковые словари русского языка определяют значение прилагательного как 'хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворчивый, двуличный и злонамеренный' [17. С. 272]; '1. Склонный к козням, интригам, хитрый, коварный; 2. Исполненный веселого задора, игривости; 3. В знач. сущ. Прост. Бес, дьявол, сатана' [18. С. 204]; '1. Коварный, хитрый. *Лукавый человек, лукавый поступок*. 2. Игривый, исполненный добродушной хитрости. *Лукавый взгляд, лукавая улыбка*. 3. В религиозной мифологии и в народных поверьях: черт, бес' [19. С. 418].

Согласно данным «Частотного словаря современного русского языка» С.А. Шарова и О.Н. Ляшевской прилагательное *лукавый* в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) [20] встретилось в 471 контексте, 95 сегментах (R = 95). Средняя частота употребления прилагательного *лукавый* составляет 7,6 имп, высокий коэффициент Жуйана (D = 94) свидетельствует о равномерности распределения слова в различных сегментах корпуса [21].

Контексты НКРЯ подтверждают, что прилагательное используется в первом из отмеченных толковыми словарями значений: *лукавый человек* – это хитрый, действующий в свою пользу, стремящийся извлечь выгоду для себя: «За ремонт серебристого «Сарданапала» *лукавый* механик запросил вдвое больше того, что было сэкономлено на программисте» (Елена Халецкая. Синие стрекозы Вавилона / Человек по имени Беда (2004)); «Именно поэтому, когда в вопросе о том, какие права вы считаете самыми важными, *лукавый* составитель предлагает варианты вроде прав на бесплатное образование, медобслуживание и прочие блага социализма, они собирают в два-три раза больше голосов, чем поставленные рядом классические права и свободы» (Народная демократия (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.01.15); «*Лукавый* и откормленный сундук-мичман с посейдоновскими трезубцами на петлицах решил все проблемы Кирилла за штуку» (Михаил Веллер. Белый ослик // «Октябрь», 2001).

Прилагательные *хитрый* и *лукавый* в материалах НКРЯ иногда употребляются в одном контексте, при

этом актуализируется первое словарное значение прилагательного *лукавый*, например: «– Представлялся, что из планового отдела... – *Хитрый* такой, *лукавый*, все на улыбочке. Поинтересуется: “У себя Вадим Анатольевич?” (Михаил Елизаров. Pasternak (2003)). Ср. через отрицание: «Гендиректор корпорации “Средневожжскстрой” Владимир Борисович Чупшев – человек *бесхитростный*. Не *лукавый*. Политикой не занимается, ни в одной партии не состоит» (Смирнов Владимир группа 'Публицист'. Обыкновенный Геракл // Труд-7, 2006.08.04).

Лукавый в рассматриваемом значении характеризуется как лживый и двуличный человек, склонный к обману: «– Она меня перелукавит. Все женщины *двуличные, лживы* и *лукавы*. И ты это знаешь» (Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)); «Борис Абрамович – *лукавый человек*, и если по поводу любого другого партнера еще можно сомневаться – обманет – не обманет, – то с Березовским можно не мучиться: обманет обязательно» (Илья Огнев. Максим Соколов: Борода у меня солидная. Но ведь и «будка» немаленькая! // Комсомольская правда, 2001.07.27); «Должна сказать к своей чести: несмотря на все наши споры, в огромном большинстве случаев он со мной в конечном счете соглашается. Однако *лукав*! Недавно я подслушала один телефонный разговор, где он в точности воспроизвел все то, что я накануне ему сказала, но нагло и бесстыже выдал это как свое мнение» (Бирюков Сергей. Дожить бы до столетия Никиты // Труд-7, 2003.05.22).

Лукавый в анализируемом значении – это также тот, кто может скрывать от других свои мысли, чувства и планы с какой-то целью. Например: «Но тогда еще безумным Сталин не был. Жестокий, *лукавый*, кровавый, но не безумный. Своих ближайших подручных – Молотова, Кагановича – всех он под конец жизни готовился сменить, придавить прокуренным ногтем, как с ними вместе давил других» (Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)); «– Не знаешь ты моего брата, конунг! *Лукав, коварен*, на козни горазд!.. Вот тебе правая рука – неспроста затеял он битву эту!» (Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)); «Он всегда *лукав* и себе на уме» (Давид Самойлов. Памятные записки (1971–1990)).

Метафорической характеристикой лукавого человека является *лис*: «– Этот старый *лукавый лис* Воислав ни слова не обронил о Вояте» (Борис Васильев. Вещий Олег (1996)). Словарь устойчивых сравнений русского языка фиксирует фразеологизм *лукавый как бес* [22. С. 53]. А в НКРЯ в качестве эталона сравнения находим змею: [Джером, Владимир Зельдин, муж, 63, 1915]; В какую он попал ловушку / а! (Мендосо, Евгений Леонов, муж, 52, 1926); Эти женщины / они *лукавы* / как змеи (Джером, Владимир Зельдин, муж, 63, 1915); Пустяки / милый Мендосо / они *лукавы* / пока именуют дело с дураком» (Михаил Григорьев (Гутгарц) и др. Дуэнья, к/ф (1978)).

Лукавый, по данным НКРЯ, – постоянный эпитет беса, а в субстантивированной форме – эвфемистическое название дьявола: «Всем хорош был служака, да попутал и его *бес лукавый* и любовь к деньгам» (Михаил Щукин. «Белый фартук, белый бант...» //

«Сибирские огни», 2013); «Это очень в его характере, в этом он весь – *бес лукавый*» (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)); «– Ах ты, пьяница, бездельник, Где ты видишь сапоги? Иль мутит тебя *лукавый*? Это ведра» (Генрих Сапгир. Черновики Пушкина (1999) // «Дружба народов», 1999.05.15); «Да потому, что здесь *Лукавый* использует последнюю возможность искушения у самого порога, за которым кончается его власть» (Митьки. Громпопыка (1997)); «А по осени то ли *лукавый* напомнил суеверному (как большинство футболистов) Кержакову о чертовой дюжине, то ли защитники приноровились к манере игры юркого форварда, но прицел у Александра "сбился"» (Мешков Валерий. Да не дрогнет нога у снайпера! // Труд-7, 2007.10.11).

В значении 'игривый, добродушно-хитрый' прилагательное может иметь положительную оценку: «Дина по-прежнему была нежна и *лукава*, она как будто продолжала любить его и не скупилась на ласки, и он любил ее тем острее и неуголимее, чем лучше понимал, что она отравляет его мозг и сердце своим опасным очарованием» (В.К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)); «Хома (Павел Деревянко) – молоденький, *лукавый*, трусоватый и... страсть какой обаятельный» (Игорь Вирабов. Что общего у Хома Брута, князя Мышкина и писателя Орфея? // Комсомольская правда, 2003.06.03); «Надоевший в школе, как ежедневная гречневая каша, Пушкин разбил молодым веселым кулаком стекло своего официального портрета и вышел ко мне из рамы *лукавый*, дерзкий, пахнущий снегом и шампанским» (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)).

Чаще всего мелиоративная окраска эксплицируется в контекстах, где *лукавый* сочетается с прилагательным *наивный* и расценивается как черта, присущая детям: «Он был прост, скромненький, *лукав*, в чем-то *наивен* и при этом невероятно значителен» (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)); «Мои товарищи были людьми правдивыми, искренними и прямодушными, но Сашка-инженер был хитер, часто *детски лукав*, и я не поручилась бы за отсутствие двоедушия в его натуре» (В.Н. Фигнер и др. Запечатленный труд. Т. 1 (1921)); «Воспитанница чопорного монастырского пансиона «Небесных ласточек», втайне мечтающая о театре, в котором она ни разу в жизни не была, Ни-туш в исполнении Пашковой *наивна* и *лукава*, трогательна и простодушна, *ребячлива* и робка» (Н.А. Коварский. Театральные премьеры. Разговор о спектакле (1945.01.01) // «Советское искусство», 1945); «Известно, что старики бывают болтливы, как дети, но они часто бывают и *лукавы*, как *дети*» (С.Н. Сергеев-Ценский. Устный счет (1931)).

В качестве эталонов лукавого человека в контекстах с положительной коннотацией прилагательного в составе сравнений выступают такие прецедентные имена, как *Арамис*: «Роман тоже не удался ростом, к тому же был лопух, зато *лукав*, как *Арамис*» (Виктор Некрасов. Маленькая печальная повесть (1986)); *Талейран*, *Ходжа Насреддин*: «Самые деликатные и рискованные переговоры с начальством много лет подряд брал на себя Ракит Хасанов, глав-

ный геолог нашей экспедиции, вкрадчиво-дипломатичный и *реактивно-лукавый*, как *Талейран* и *Ходжа Насреддин*, вместе взятые» (Александр Пеньков. Магнитный мой азимут // «Юность», 1976).

Лукавый, как свойство личности, часто выступает в контекстах НКРЯ как отличительная черта русского человека, вербализуя именно значение 'добродушно-хитрый': «По мнению господина Левады, современного жителя России можно охарактеризовать тремя словами: это человек пассивный, терпеливый и *лукавый*» (Итоговый выпуск (вечерний) – 30.02.06 19:20 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2006.03.31); «*Лукав* русский человек, если ему надо себя обелить» (Галина Щербакова. Не бойтесь! Мария Гансовна уже скончалась (2001)); «– Наш народ. *Лукав*, смекалист. Сосед слегка придержал Гангута рукой за грудь» (Василий Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977–1979)); «Шухов – обобщенный характер русского простого человека: жизнестойкий, «злоупорный», выносливый, мастер на все руки, *лукавый* – и добрый» (Александр Архангельский. 40 лет Ивана Денисовича. 18 ноября 1962 г. вышла в свет повесть, перевернувшая мир (2002) // «Известия», 2002.11.17).

В значении 'игривый, исполненный добродушной хитрости' в контекстах НКРЯ прилагательное *лукавый* чаще всего характеризует взгляд человека: «Он поймал *лукавый* взгляд Натальи и незаметно в свою очередь кивнул: понял, понял – «Остапа понесло»» (Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)); «*Лукавый*, дразнящий *взгляд*, который в одно мгновение становится задумчивым...» (Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)). Кроме того, прилагательное употребляется как характеристика разреза глаз, смешка, возгласа: «Зеленоватые стебельки жилок на висках. *Лукавый* *разрез* *зеленых* *глаз*» (Сергей Шаргунов. Вась-вась (2009)); «Из ее рта вырвался *лукавый* *смешок*, искоса она глянула на меня» (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013); «Раздался вслед ему *лукавый*, бодрый *возглас*, вызвавший сдержанный смех» (Юрий Долгушин. Рассказ о настоящем биологе // «Знание – сила», 2005).

Для верификации результатов, полученных в результате анализа материалов сайта НКРЯ, нами был проведен опрос носителей русского языка. В качестве информантов выступили 100 человек в возрасте от 20 до 75 лет, проживающих в Санкт-Петербурге. Респонденты имели высшее или не законченное высшее образование (большинство – гуманитарное). Среди опрошенных было 60 лиц женского пола и 40 – мужского. Информантам было предложено заполнить анкету, время выполнения задания было ограничено 10 минутами. Анкета включала в себя два вопроса:

1. Если Вы слышали, что кого-то называли *лукавым*, это для Вас (поставьте + в нужной рубрике):

- а) положительная характеристика;
- б) отрицательная характеристика;
- в) может быть и а) и б) в зависимости от ситуации;
- г) нейтральная характеристика.

2. Напишите, пожалуйста, словосочетания с прилагательным *лукавый*.

Результаты оказались следующими. 80 человек ответили, что *лукавый* является отрицательной характе-

ристичкой человека, 16 – положительной или отрицательной в зависимости от ситуации. Двое отметили, что это нейтральная характеристика, двое – положительная, мотивировав это тем, что «безусловно, такой человек талантлив, дипломатичен».

Что касается словосочетаний, то лидирующими оказались атрибутивные словосочетания с существительными *взгляд, улыбка, усмешка, вид, слова, речи, смайлик*. На втором месте по частотности сочетания с наименованиями лиц. Самое частотное – *лукавый человек*, на втором месте – *лукавый царедворец*. Остальные словосочетания этого ряда единичны: *лукавый мальчик, раб, отрок, приятель, мужик, дед, юноша, собеседник, советчик, изменник, насмешник политик (например, Талейран); лукавая кокетка, женщина, девушка*.

Применительно к человеку прилагательное *лукавый* используют 58 опрошенных, 40 информантов ответили, что не употребляют прилагательное для характеристики человека в своей речи, а двое, что используют, но очень редко.

Субъективные дефиниции, приведенные респондентами, отражают два основных словарных значения прилагательного: первая группа предложенных определений лукавого человека включает следующие толкования: *лукавый – это «тот, который не договаривает или намеренно искажает излагаемую информацию, преследуя свои интересы»; «Человек, который готов ради собственной выгоды пойти на небольшой обман (намеренно исказить факты в свою пользу)»; «Человек подлый, хитрый, но подлый»; «Хитрый»; «Тот, кто говорит одно, а задумал другое, наносящее вред собеседнику или содержащее подковырку»; «Изворотливый, лживый демагог»; «Не прямой, не искренней, не откровенный. Лживый»; «Хитрый, изворотливый, изменчивый, “себе на уме”, лживый, скрывающий свои подлинные намерения. Лживый, двуличный, изворотливый»; «Изворотливый и себе на уме».*

Вторая группа дефиниций гораздо менее многочисленна: *«добродушный, хитренький», «человек с иронической улыбкой», «игривый, насмешливый».*

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что усредненный портрет лукавого человека в русской языковой картине мира выглядит следующим образом: с одной стороны, это человек, чаще оцениваемый отрицательно, скрывающий свои истинные намерения, лживый, изворотливый, двуличный, «себе на уме», обманывающий для извлечения собственной выгоды, часто действующий во вред другому. Представляется, что не последнюю роль при создании такого стереотипного представления играет мифологическая составляющая – эвфемистическое название беса, черта, что подтверждают контексты НКРЯ. С другой стороны, если человек добр, при этом обладает смекалкой, действует во благо или акцент делается на мимике, взгляде, то такой человек воспринимается как добродушно-хитрый, игривый.

Прилагательное *лукав* толковые словари сербского языка определяют следующим образом (здесь и далее перевод наш. – Д. Д.-П.): 1) 'скрывающий свои истинные мысли и чувства, обычно из-за желания обмануть или перехитрить кого-либо'; 'хитрый'; 2) а) пресле-

дующий только собственные интересы, эгоистичный, слишком прижимистый, скупой; б) завистливый, пакостный, злобный; 3) *субстантив*. черт, сатана *архаич.* [23. С. 241]; 'умело прикрывающий свои мысли, чувства, стремясь перехитрить'; 'тот, кого нелегко обмануть; осторожный и смекалистый, хитрый, коварный' [24. С. 657]. Словарь синонимов сербского языка определяет прилагательное *лукав* как 'хитрый', 'неискренний' [25. С. 400].

Контексты, отобранные для проведения данного исследования из сербской художественной литературы и публицистики, а также из материалов «Национального корпуса сербского языка» (НКСЯ) [26], подтверждают, что *лукав человек* – это человек хитрый, действующий в свою пользу, стремящийся извлечь выгоду для себя: «Бејаше Петров пост, а неки кнез Иван испреко Дрине доноси ми рибе дринске, и он ме разговара, али уздише, или је *лукав* или врло жалостив; то ми није мило, готово би волио да ми не долази с његовим уздисањем» (П.М. Ненадовић. Мемоари); «Том је *лукав* па се врло успешно извлачи из ситуације, али тако да бежи на купање, а не у школу (Lektira); «Био је *лукав*, али наше снаге безбедности биле су *лукавије*» (Стаматовић А. Истина о четницима); «Био је похлепан, *лукав* и безосећајан, представник људи који желе да се окористе туђом несрећом» (Нушић Б. Власт).

Также *лукав* – это человек, скрывающий свои мысли, чувства и планы от окружающих с какой-то определенной целью. Например: «Чича се окрену лијево-десно, обухвати погледом читаву зараван и сав просину као да му се одједном смјести у срце то неочекивано богатство од жбуња, увала и бројних лога, од којих свака може да буде скровиште неком *лукавом* дјечаку» (Топић Б. Башта слезове боје); «– Видиш, молим те, а ништа ми не јавља *лукава* паорска бештија – вели гђа Перса љутито» (С. Сремац. Поп Ћира и поп Спира).

Лукав характеризуется и как лживый, двуличный, коварный и опасный человек: «Ко зна шта подмукли и *лукави* Керовић спрема (Чолаковић, 5, 285); «Karl Panzram bio je čovek bez emocije, krvoločan i *lukav*» (Zvali su ga čovek sa pogledom smrti), а также как человек, склонный к обману: «А сем тога био је као лопов *бескрајно лукав* и *дрзак*. Крао је где шта стигне, и по кући и по комшилуку» (С. Сремац. Поп Ћира и Поп Спира).

Лукав как свойство личности иногда выступает в качестве отличительной черты представителей различных национальностей – турок, евреев, англичан, итальянцев, греков. Например: «Како *лукави* Латини отимају Косово и Метохију» (Krstarica); «За њега су то биле бескорисне дрангулије које су измислили *лукави* Грци да би преко тих трица и кучина, тога шареног смећа, држали шапу над српским земљама» (Д. Ненадић. Доротеј); «Лукавство код Грка није грех, ко је *лукав* тај је и мудар, а ко је надмудрен, тај је и наиван» (Пол, 1958); «Među ulagačima sa manje od 100 000 evra, koji sad verovatno neće biti oporezovani, preovlađuju *lukavo tihi* Britanci, a među velikim ruske kompanije» (Vesti, Krstarica); «Među stereotipima i predrasudama ističu se kolektivna verovanja, ubeđenja

određenog naroda o drugim narodima. O pripadnicima italijanske nacije, na primer, čije se: prgavi, lukavi Italijani» (Mario Liguori, disertacija).

Лукав также является отличительной чертой представителей сербской национальности: «Дао бих товар царских дуката само да јасно предвидим шта лукави Срби у покрајини смишљају» (Poreklo.rs). Некоторые контексты показывают, что это свойство личности сербы сами себе приписывают. Нам встретились контексты с компонентом *Личанин* (уроженец Лики, область в Сербской Краине – территория нынешней Хорватии) и *Еро* (уроженец юго-западной Сербии). Этноним *Еро* (иногда *Ера*) является и литературным персонажем – в собрании В.С. Караджича много кратких народных рассказов и анекдотов («Еро и Турчин», «Еро с оног свијета» и др.), в которых главному персонажу *Ере* с помощью смекалки и ловкости всегда удается перехитрить турка. Например: «Један од Мандића, лукави Личанин, зашкиљи на десно око и рече: – Кад би се једног дана сазнало ко је уништио црну књигу, највише би страдао онај коме је то првом пало на ум» (Б. Ђопић. Магареће године); «Не да ти се тај преварити, он ти је лукав као Ера – рече Перо за свога првога комшију» (Krstarica).

Кроме того, встречаются контексты, где *лукав* выступает как свойство представителей различных профессий – политиков, кондукторов, охотников, рыболовов, спортсменов, художников. В подобных контекстах на первый план выходит сема ‘хитрость с целью обмана’ например: «Растадоше се већ у сами мрак, тајанствени и ћутљиви, а већ сутрадан лукави пољар Лијан крену у извиђање да уходи мале бјегунце» (Б. Ђопић. Орлови рано лете); «Лукавији кондуктери су најављивали путовања, други су се извлачили болешћу, док су остали једноставно обећавали да ће дати отказ или поднети тужбу ако их те ноћи опет одреде на посао, набрајајући све године у којима их је запала та незахвална дужност» (М. Капор. Најбоље године и друге приче); «Ту се налазио само један стари, полуслепи *рибар*, Милон по имену, који не беше више способан за риболов, али се, лукав какав је био, одлично разумевао у продају рибе и умео да подвали сваком купцу» (М. Милановић. Кроз царство наука); «Умјетност је у исти мах и најнаивнија и најпрепруденија од људских дјелатности. А умјетник – препредена наивчина, *предлукаво дијете*» (В. Десница. Пролета Ивана Галеба).

Метафорической характеристикой *лукавого человека* в сербском языке является *лисица*, *лисац* (*лис*), часто в словосочетании *лукави лисац*, *стари лисац*: «– Свашта се говорило међу паланачким кројачима. Да Костица већ одавно има маказе и одавно зна кројити панталоне, и сигурно и герок и пелерину; да је *лисац лукави*; да га треба избацити из друштва и из читаонице занатлијске; да с кројењем панталона још није доказао да је мушко» (И. Секулић. Хроника паланачког гробља).

Контексты функционирования прилагательного *лукав* в сербском языке показывают, что данное прилагательное чаще всего входит в состав сравнительных оборотов, обладающих значением ‘хитрый’. В качестве эталонов сравнения используются наиме-

нования различных животных, наиболее часто встречается зооним *лисица* (*лисац*, *лија*). Устойчивое сравнение с данным компонентом-зоонимом фиксируется всеми сербскими словарями: *лукав као лисица* – ‘очень хитрый, смекалистый’ [27. С. 467]. См. также в контекстах: «У разговору је био врло опрезан и лукав као лисица: могао је, кад је налазио за потребно, говорити цео дан, па ипак, на крају крајева, не знаш о чему је говорио, а видиш да је разговор паметан» (С. Ранковић. Горски цар); «Он је закључио да политичар треба да буде истовремено *лукав као лисица* и ако је потребно храбар као лав, подсећа Бранко Радун, историчар и политички аналитичар» (Фото-робот балканског политичара, Политика); «Zvezdin novajlija lukav kao lisica: i ovako može da izvede aut i pogodi koš» (Srbija danas); «Na plakatu „Kustendorfa“ je vuk. Nama je potrebna nova životinja, hrabra, nepotkupljiva kao vuk, jaka kao medved i lukava kao lisica» (Kustendorf se preselio u Srpsku, Novosti); «Није мала весла сисала: Доминика је *лукава као лија*» (Vesti, Dominika).

Следующим по частотности в рассматриваемых сравнительных оборотах является эталон *змија*. Хитрость и коварство, приписываемые змее, в языковом сознании представителей сербского народа подкрепляются ассоциацией с известным библейским сюжетом – изгнанием Адама и Евы из рая. Этот фразеологический оборот встречается преимущественно (но не только) в текстах религиозной тематики. Например: «Свети Григорије Богослов покрестио беше неког философа, по имену Максим, и толико заволи овога, да га је држао у дому своме и за трпезом својом. А тај Максим беше опак и лукав као змија, и после извесног времена издејствује сплеткама и поткупљивањима, да буде од неких Цариграђана признат за патријарха на место светог Григорија» (Пролог, Црква Добриња); «Да ли ја као православни хришћанин могу да користим у животу неке лукаве јеврејске фазоне (из кабале, талмуда...) у функцији добра за себе и друге. Схватити ово у контексту учити се да будем лукав као змија а добар ко голуб?» (Svetosavlje). Можно заметить, что во втором примере перефразирована известная цитата из Евангелия: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: будьте мудры как змии и кротки как голуби» (Мф. 10, 16).

В качестве эталона сравнения встречается также зооним *вук* (*волк*). В сербской языковой картине мира это животное воспринимается не только как кровожадный хищник, но и как наделенное хитростью существо. Ср. пословицу *вук длаку мења али ћуд никада* (рус. аналог *как волка ни корми, он все равно в лес смотрит*). Например: «Мајка је опомињала своје, иначе добро, лепо и паметно дете, обасипала га саветима и прекорима и предочавала му све опаности таквог владања у крају као што је њихов, где има увек понеки *лукав и крволочан вук*» (Андрић И. Аска и вук). В древней сербской мифологии культ волка занимает очень важное место. Известный сербский этнолог В. Чайканович считает, что каждый народ каким-то образом ассоциируется с определенным животным и даже в каком-то смысле отождествляется с ним. Волк – мифологический родственник и предшественник сербского народа, т.е. его мифологический

представитель [28. С. 60]. Древнее почитание волка нашло свое отражение и в христианский период сербской истории. Так, по свидетельству В.С. Караджича, вплоть до XIX в. сербы считали, что, назвав ребенка именем *Вук*, родители защитят его от смерти в раннем младенчестве, так как верили, что младенцев «забирают у родителей ведьмы, которые на волка боятся напасть» [29. Стб. 88]. Согласно народному поверью, самый почитаемый среди сербов святой – Святой Савва Сербский – дружил с волками и даже стал их защитником [30]. В сербских народных сказках Святой Савва представлен как пастырь, которого всегда сопровождает волк. Именно поэтому в языке встречаются и такие сравнительные обороты: «Сети се речи епископа Исаије Ђаковића, јер и нема му друге него да буде мудар као змија и лукав као хроми вук Светог Саве (Snnovine, 24.09.2016).

Наряду с эталоном *вук* в устойчивых сравнениях с основанием *лукав* встречаются наименования и других животных, например *выдры*: «Ако је та девојка Милунка Савић, онда би је требало примити у неку добровољачку јединицу. Она се већ прославила у рату са Бугарима. Неустрашива је брза, окретна, сналажлива, лукава као видра» (Paluba info).

В современном сербском языке существует много индивидуально-авторских сравнений или устойчивых, используемых в речи, но не зафиксированных словарями, где в качестве эталонов сравнения также выступают имена или фамилии исторических личностей, персонажей известных литературных произведений.

Среди сравнительных оборотов с эталоном-именем собственным наиболее частотным является имя персонажа греческой мифологии Одиссея. Следует отметить, что выражения с данным компонентом встречаются преимущественно в публицистическом дискурсе: «Uspjevalo mu je da se popne iznad mnogih i da dobije više nego što su drugi dobijali, a da ovi zapravo ne shvate što se stvarno događa. Potajice je to nazivao taktikom "uspavljivanja i zavaravanja protivnika", potajno se ponoseći što je *lukav kao Odisej*» (Dnevnik, 16.09.2006); «Iako nije bio istaknuti ratnik i hrabar borac kao vojvoda od Jorka, već lako razdražljiv i neumoran radnik, "*lukav kao Odisej*", kako je za njega rekao jedan italijanski poslanik, znatno je doprineo svrgavanju kuće Lankaster sa prestola» (Krstarica, Zagrljaj). Ср. в русской ЯКМ: *хитроумный Одиссей*.

В публицистическом дискурсе в качестве эталонов сравнения могут также выступать фамилии сербских политиков, к примеру, Ивицы Дачича (действующий министр иностранных дел Сербии): «Иван Милошевић, власник консултантске фирме МЦ-2 Public Affairs, која је спровела бројне комуникацијске кампање за комерцијалне и политичке клијенте, даје концизан одговор: згодан као Тадић, богат као Ђукановић, ефикасан као Динкић, начитан као Јосиповић, националиста као Додик, лукав као Дачић, забринут као Николић, модеран као Јовановић» (Srpska, etlebero); «Лукав је као Тадић. Гура овог Јосиповића (Хрватску) у ЕУ» (Krstarica) (Борис Тадич до недавнего времени был президентом Сербии).

Встречаются имена и других известных мировых лидеров, в частности В.В. Путина: «*Lukav kao Putin*,

mudar kao Merkel: lukavost Vladimira Putina, mudrost Angele Merkel, strpljenje Si Đipinga i strategija i vizija Josipa Broza Tita su osobine su koje bi trebalo da ima budući srpski premijer» (Politika, 2.5.2017); *Лукави Путин*: Ево зашто Русија добија битку на Блиском истоку (Internet magazin). В данных контекстах, как видим, актуализируется сема 'хитрость, сообразительность', т.е. способность политика принимать неординарные, умные решения.

Как показывают приведенные ниже примеры, в определенных контекстах прилагательное *лукав* приобретает эксплицитно положительную оценку – употребляется в значении 'смекалистый', 'хитрый', 'оборотистый', 'умелый'. Например: «Довольно је само три месеца након изласка из тамнице да ослабљени српски јунак поврати своју снагу и постане оно што и јесте – сујетан, прек и лукав човек који се храбро бори и увек побеђује, па чак и бољега од себе» (Марко Краљевић и Муса кесеџија, странице); «Ја сам господар ове питомине, мудрији сам од свих праистарих житеља ове завити. Лукавији сам, веиштији. Понекад и посумњам у то да моји ловачки успеси долазе од вештине и лукавости коју сам за кратко време овде стекао» (Д. Ненадић. Допреј); «Sesk je pametan igrač, lukav igrač, on vidi utakmicu, oseća situaciju» (Krstarica, sport); «Ti si možda *inteligentniji i lukaviji* bokser od njega, ali ti si ga pobedio, moj Šampione, i zato što ti se duša malo usmrđela» (D. Mihajlović. Kad su cvetale tikve); «Muslin je *iskusan i lukav*, a Matić ključna figura» (Blic, sport).

В контекстах с положительной коннотацией прилагательное *лукав* может встретиться в сочетании с прецедентными именами, такими как *Дартаньян*. Например: «Vešt i okretan borac, neustrašiv i lukav Dartanjan ima samo jedan problem: mora uspešno da savlada sopstvenu tvrdoglavost, koja ga često dovodi u nepijatne i opasne situacije» (Krstarica, filmovi).

Прилагательные *лукав* и *хитар* (во втором значении – 'ловкий', 'смекалистый', 'оборотистый', 'мудрый' – иногда употребляются как синонимы, например: «А Видран Видрић, ловџија стари, *хитар* и *лукав*, мудрица права» (Ћопић Б. Чаробна шума); «Лукав је не само *хитре памети*, препреден, него поглавито мудар» (Мат. 14, 199); «Иначе, ћоса је *мудар*, али и *лукав*, а понекад и необично *препреден*» (Српски митолошки речник).

Как и в русском языке, в сербском *лукав* – частый эпитет дьявола, беса: *лукави ђаво*, *лукави враг*. В субстантивированной форме *лукав* – эвфемистическое название дьявола. Например: «Знао сам да *лукави* неће мировати, већ ће Бранковиће окренути против нас» (Гавриловић, 238).

В христианстве лукавство оценивается отрицательно: «Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя» (Прис. 4, 24); «В лукавую душу не войдет премудрость <...> «Святый дух премудрости удалится от лукавства» (Сол. 1, 4–5); *Лукавство* базируется на лжи, а отцом лжи в Библии называется сам дьявол (Ин. 8, 44). Известную евангельскую цитату «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (Мф. 6, 13) Святой Иоанн Златоуст трактует следующим об-

разом: «Лукавым же здесь называет Христос дьявола, повелевая нам вести против него непримиримую брань» (Толкования Священного Писания на Мф. 6:13). В сербском же переводе Нового Завета, выполненном В.С. Караджичем, данная фраза выглядит следующим образом: «И не уведи нас у напаст; но избави нас ода зла» (Мат. 6, 13). И в некоторых других местах Евангелия В.С. Караджич также избегал употребления слова *лукави*. Ср.: «Но да будет слово ваше “да, да”, “нет, нет”, а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 36–37) и «Дакле нека буде ваша реч: “да, да”, “не, не”; а што је више од овога, ода зла је» (Мат. 5, 36–37). Это объясняется тем, что в сербском языке субстантивированная форма *лукав* в значении ‘дьявол, бес’ является архаичной, воспринимается как заимствованная из русского и в современном сербском языке употребляется крайне редко.

Сравнительные обороты *лукав као ђаво*, *лукав као враг*, актуализирующие значение ‘злой, пакостный, хитрый, коварный’, в сербском языке весьма частотны: «Непријатељ је лукав као ђаво, дело без ризика. Због тог рата нам се чак и блиски подсмевају» (m.ok.ru 13.08.95); «Лукав је као враг. Покрао им је милионе, али нико га није могао ухватити ни за главу ни за реп» (Krstarica).

С этими выражениями семантически связан оборот *лукав као хроми Даба*. Прозвище *Хроми Даба* получил в сербском переводе отрицательный персонаж популярного американского мультфильма, что способствовало закреплению выражения с данным компонентом в языке. Имя *Даба* восходит к *Дабог*, *Дажбог*, *Дажбог* – в славянской мифологии сын Сварога, бог солнца, а также бог золота и серебра, защитник кузнецов. *Дабог* – родоначальник славян, правящий подземным миром и являющийся людям на земле в образе хромого старика, часто в сопровождении хромого волка. С распространением христианства *Дабог* (также *Даба*, *Дабо*, *Хроми Даба*) – «царь на земле», воспринимается как противник Бога и отождествляется с дьяволом [22. С. 146–147]. Обороты *Хроми Даба* и *лукав као Хроми Даба* встретились нам только в публицистических текстах: «Cvijetin Milivojević: *Hromi Daba* sigurnim korakom» (NSPM Hronika); «Rješenje kojim se Dubravko Štimac, aktualni šef Obaveznog mirovinskog fonda Privredne banke Zagreb i Croatia osiguranja, postavlja za ministra financija, naime, bilo bi ravno angažmanu *Hromog Dabe*» (Novosti).

Проанализированные примеры из сербской художественной литературы и публицистики, а также из материалов сайта НКСЯ и других интернет-ресурсов были сопоставлены с данными проведенного нами анкетирования. Опрос проводился среди 100 носителей сербского языка в возрасте от 20 до 75 лет (54 мужчины и 46 женщин), проживающих в Белграде, Новом Саде, Косовской Митровице, Бани Луке, Никшиче. Информанты имели высшее (48 человек) или незаконченное высшее гуманитарное образование (52 человека). Им были предложены те же вопросы и условия заполнения анкеты, что и респондентам-носителям русского языка.

В результате анкетирования были получены следующие ответы: 78 информантов ответили, что *лукав* – это отрицательная характеристика человека; 20 информантов ответили, что *лукав* может быть поло-

жительной или отрицательной характеристикой в зависимости от ситуации; один информант определил это прилагательное как нейтральное с точки зрения оценочности.

Лидирующими словосочетаниями среди ответов информантов оказались сравнительные конструкции:

1) с наименованиями животных: *лукав као лисица* (самое частотное, 100 реакций), *лукава као лија* (21), *лукав као лисац* (12), *лукав као стари лисац* (2), *лукав као вул* (9), *лукава као видра* (1), *лукава као мачка* (1);

2) с наименованиями мифологических существ: *лукава као вила* (3), *лукав као хроми Даба* (2);

3) с наименованиями профессий: *лукав као политичар* (7), *лукав као банкар* (2), *лукав као ловац* (2), *лукав као мајстор за воду* (1);

4) с наименованием дьявола, беса: *лукав као ђаво* (6), *лукав као враг* (2);

5) с именами собственными:

а) сербских (югославских) политиков: *лукав као Вучић* (4), *лукав као Тито* (3), *лукав као Тиле* (1), *лукав као Изетбеговић* (1);

б) иностранных политиков: *лукава као Меркелова* (2), *лукав као Наполеон* (1);

в) спортсменов (футболистов) *лукав као Мркела* (1), *лукав као Меси* (1);

г) исторических персонажей / героев литературных произведений: *лукав као Одисеј* (5); *лукав као Караџоз* (1) (В романе И. Андрича «Проклятый двор» Караџоз – управляющий тюрьмой в Стамбуле, прославившийся своей хитростью и жестокостью);

б) с наименованием национальностей: *лукав као Турчин* (5), *лукав као Чифутин* (2), *лукав као ђивут* (2), *лукав као Ера* (2), *лукав као српски сељак* (1).

Среди словосочетаний, вербализующих значение ‘хитрый’, в ответах информантов наиболее частотным является *лукав поглед* (11 реакций), затем следуют *лукав поступак* (9), *лукав потез* (7), *лукав план* (7), *лукава мисао* (6), *лукав осмех* (1), *лукава помисао* (1).

Среди атрибутивных словосочетаний с наименованиями лиц частотными являются: *лукава жена* (10 реакций), *лукава цура* (4), *лукав човек* (2). Единичными являются следующие ответы информантов: *лукав као мој деда Милоје*, *лукав као мој комшија*, *лукава као моја жена*.

Лишь один информант (мужчина 68 лет, поэт и переводчик с русского языка) в анкете указал, что использует в речи субстантивированное прилагательное *лукав* для обозначения дьявола, беса.

Сербскими респондентами были даны следующие субъективные дефиниции словосочетания *лукав човек*: «Тот, который обманывает, не говорит правду, думая только о своих собственных интересах»; «Подлый»; «Лживый человек, лжец»; «Обманщик, скрывающий свои истинные намерения»; «Думающий только о себе, о собственной выгоде»; «Неискренний, двуличный»; «Человек, готовый пойти по трупам»; «Волчище, волчара»; «Изворотливый, которого нельзя поймать ни за голову, ни за хвост».

Проведенный анализ позволяет заключить следующее: *лукав човек* в сербской языковой картине мира воспринимается, прежде всего, как человек хитрый, действующий в свою пользу. Именно в этом значении при-

лагательное *лукав* используется в устойчивом сравнении *лукав као лисица*, а также в ряде других выражений, где эталонами сравнения выступают животные, представители различных народов и профессий, имена собственные, мифологические существа. Оттенки значения прилагательного, такие как ‘прижимистый’ и ‘скупой’, как показывает материал, дополнительно актуализируются применительно к представителям различных национальностей. Прилагательное *лукав* в сербском языке преимущественно дает отрицательную оценку личности.

В редких контекстах, в которых актуализируется значение ‘смекалистый, изворотливый, хитрый’, это прилагательное может иметь и положительную коннотацию. Как показывает проведенное исследование, в русской и сербской языковых картинах мира стереотипное представление о человеке, называемом *лукавым*, совпадает в значении ‘скрывающий свои истинные мысли и чувства, обычно из-за желания обмануть или перехитрить кого-либо’; ‘*хитрый*’. И в русском, и в сербском языковом сознании такой человек оценивается преимущественно отрицательно. Положительная коннотация является вторичной и встречается в контекстах, актуализирующих значение ‘смекалистый, изворотливый, ловкий’, однако только в русской лингвокультуре прилагательное *лукавый* вербализует значение ‘добродушно-хитрый’. Анализ показывает, что в двух славянских языках совпадает и метафорическая характеристика такого человека. Национальная специфика отражается в эталонах сравнения с прилагательным *лукавый* (которых в сербском языке намного больше) – зоонимах, именах собственных,

наименованиях различных профессий и мифологических существ. В русском языке в том же значении преобладают устойчивые сравнения с основанием *хитрый*.

В целом можно сделать вывод, что сербскому прилагательному *лукав* по значению соответствует русское *хитрый* ‘изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями’ [19. С. 1063]. Отличие заключается в том, что хитрость как свойство личности в русской лингвокультуре в большей степени характеризует интеллектуальные способности. Чтобы быть хитрым, нужно быть умным, изобретательным или компенсировать недостаток интеллекта изворотливостью и преднамеренным обманом в поведении. Ср. хитроумный, хитромудрый, а также пословицу Хитрость – второй ум. Следует помнить и о расхождении в семантике прилагательных двух славянских языков. Ср.: *лукав* поглед – хитрый взгляд и хитар поглед – быстрый взгляд (более подробно об этом см.: 14). Прилагательное *лукавый* в русском языке отличается от своего синонима *хитрый* меньшей употребительностью при характеристике свойства личности человека в силу преобладающей пейоративной оценки.

В обеих лингвокультурах хитрость / лукавство – свойство определенных национальностей, с которыми русский и сербский народы исторически соприкасались. Но ср. в русском: хитрый, как еврей, хохол, татарин, а в сербском – *лукав као Турчин, Чифутин*. В сербской ЯКМ лукавство чаще, чем в русской, приписывается представителям собственного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
2. Бузальская Е.В. Лингвокогнитивный анализ речевого жанра эссе / науч. ред. Н.А. Любимова. СПб., 2015. 320 с.
3. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 288 с.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
7. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–2–3. С. 47–52.
8. Кузнецов Ю.А. «Находчивый» в зеркале русского языка (к вопросу об особенностях русского национального характера) // Слово есть Дело: Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора И.П. Лысаковой. СПб., 2010. Т. 1. С. 309–313.
9. Буданова Т.А., Зиновьева Е.И. Русский национальный характер в лингвистическом аспекте: теоретические основы изучения и языковая практика // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 26–29.
10. Зиновьева Е.И. Болтливый в русской лингвокультуре // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego Ежегодник Русско-польского института. 2013. № 1 (4). Wrocław. С. 81–94.
11. Зиновьева Е.И. Стереотипное представление о порядочном человеке в русском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 290–302.
12. Зиновьева Е.И., Похлина Е.К. ‘Clever person’ in Russian linguistic worldview // 4-th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Sgem 2017. Science and society. Conference proceedings. Vol. II: Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co., 2017. August, 24–30. P. 1095–1105.
13. Зиновьева Е.И., Хруненко А.В. Stereotypic idea of a successful person in the Russian language consciousness against the background of the Chinese // 4-th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Sgem 2017. Science and society. Conference proceedings. Vol. II. Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co., 2017. August, 24–30. P. 969–976.
14. Зиновьева Е.И., Дракулич-Прийма Д. Хитрый и хитар в языковом сознании носителей родственных языков (на материале русского и сербского языков) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 25–33.
15. Зиновьева Е.И., Хруненко А.В. «Правильный человек» в русской языковой картине мира // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 336–345.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2.
18. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. I–IV.
19. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
20. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.03.2018).
21. Шаров С.А., Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru> (дата обращения: 10.07.2018).

22. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2001. 800 с.
23. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад : Матица српска. Загреб : Матица хрватска, 1967–1976. Т. 3. 911 с.
24. Речник српскога језика. Нови Сад : Матица српска, 2007. 1564 с.
25. Ђосић П. Речник синонима. Београд : Корнет, 2008. 704 с.
26. Национални корпус српског језика. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (дата обращения: 15.03.2018).
27. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад : Прометеј, 2012. 1045 с.
28. Чајкановић В. Из српске религије и митологије 1910–1924 // Сабрана дела. Књига прва. Београд : Српска књижевна задруга Београдски издавачко-графички завод Просвета Партенон, 1994. 212 с.
29. Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима / Сакупио га и на свијет издао Вук Стефановић. У Бечу, 1818. 928 с.
30. Словенска митологија: Енциклопедијски речник. Београд : Zepher book world, 2001. 393 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2018 г.

“Lukavyy” and “Lukav” in Russian and Serbian Language Pictures of the World

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 30–39.

DOI: 10.17223/15617793/438/4

Elena I. Zinovieva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e_zinovieva@mail.ru

Dragana Drakulić-Priima, Russian Academy of Sciences Library (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dpdragana@rambler.ru

Keywords: stereotypical representation; language picture of world; linguaculture; adjective; stable comparison.

The article analyzes semantics, features of functioning and axiological evaluation of the Russian adjective *lukavyy* and Serbian *lukav* to reveal stereotypes about a person nominated by these adjectives in two Slavic language pictures of the world. The presented analysis is the second stage of the study conducted by the authors; it analyzes the stereotypical representation of a cunning person in Russian and Serbian linguacultures. Material for the study consists of monolingual dictionaries of Russian and Serbian, contexts of the use of adjectives presented on the websites of the Russian National Corpus, the Serbian National Corpus, and results of questioning speakers of Russian and Serbian. As a result of the analysis, it was found that the stereotypical representation of a crafty person in the Russian language picture of the world is as follows: on the one hand, it is a person more often assessed negatively, hiding their true intentions, false, quirky and hypocritical, deceiving for their own benefit, acting often to the detriment of another person. The mythological component – the euphemistic name for a demon and the devil – plays a great role in creating this stereotype. On the other hand, if a person is kind and simultaneously ingenious, acts for good, or the emphasis is on their facial expressions, then such a person is perceived as good-naturedly cunning and playful. *Lukav chovek* in the Serbian language world picture is perceived, first of all, as a cunning person, acting in their own favor. The Serbian adjective *lukav* mostly means a negative evaluation of an individual. In rare contexts in which the meaning of ‘savvy, quirky, cunning’ is actualized, this adjective may also have a positive connotation. As the study shows, in the Russian and Serbian language pictures of the world, the stereotypical idea of a person called crafty basically coincides. In general, it is possible to conclude that the Serbian adjective *lukav* corresponds to the Russian adjective *khitryy* in the following meaning: ‘cunning, concealing one’s true intentions, going by deceptive ways’. The difference lays in the fact that cunning as a property of a person in Russian linguaculture largely characterizes intellectual abilities. A cunning person must be intelligent, inventive, or compensate for a lack of intelligence with resourcefulness and deliberate deception in behavior. The adjective *lukavyy* in Russian differs from its synonym *khitryy* by its lesser use in characterizing the property of a human personality due to the prevailing pejorative evaluation. In both linguistic cultures *khitrost’/lukavstvo* is the property of certain nationalities Russian and Serbian peoples have historically been in contact with. However, cf. Russian *khitryy kak yevrey, khokhol, tatarin* [cunning like a Jew, a Khokhol (pejorative for Ukrainian), a Tatar] and Serbian *lukav kao Turchin, Chifutin* [tricky like a Turk, a Chifutin (pejorative for a Jew)]. In the Serbian language pictures of the world, craftiness is more often attributed to representatives of its own people than in Russian.

REFERENCES

1. Kovshova, M.L. (ed.) (2017) *Slovar’ lingvokul’turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguocultural terms]. Moscow: Gnozis.
2. Buzal’skaya, E.V. (2015) *Lingvokognitivnyy analiz rechevogo zhanra esse* [Linguocognitive analysis of the speech genre of the essay]. St. Petersburg: Zlatoust.
3. Kasevich, V.B. (1996) *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. Picture of the world. Language]. St. Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe Vostokovedenie”.
4. Vorkachev, S.G. (2001) *Lingvokul’turologiya, yazykovaya lichnost’, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguistic culture studies, language personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 1. pp. 64–72.
5. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul’turologiya* [Linguistic culture studies]. Moscow: Akademiya.
6. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional’nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo.
7. Yakovleva, E.S. (1996) *K opisaniyu russkoy yazykovoy kartiny mira* [To the description of the Russian language picture of the world]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 1–2–3. pp. 47–52.
8. Kuznetsov, Yu.A. (2010) “Nakhodchivyy” v zerkale russkogo yazyka (k voprosu ob osobennostyakh russkogo natsional’nogo kharaktera) [“Resourceful” in the mirror of the Russian language (on the issue of the peculiarities of the Russian national character)]. In: Vasil’eva, G.M., Usha, T.Yu. & Yakimovich, A.I. (eds) *Slovo est’ Delo: Yubileyyny sbornik nauchnykh trudov v chest’ professora I.P. Lysakovoy* [Word is The Act: A jubilee collection of research papers in honor of Professor I.P. Lysakova]. Vol. 1. St. Petersburg: Sudarynya.
9. Budanova, T.A. & Zinov’eva, E.I. (2010) *Russkiy natsional’nyy kharakter v lingvisticheskom aspekte: teoreticheskie osnovy izucheniya i yazykovaya praktika* [Russian national character in the linguistic aspect: theoretical foundations of study and language practice]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*. 1. pp. 26–29.
10. Zinov’eva, E.I. (2013) *Bol’tivyy v russkoy lingvokul’ture* [‘Chatty’ in Russian linguaculture]. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*. 1 (4). pp. 81–94.
11. Zinov’eva, E.I. (2014) *Stereotipnoe predstavlenie o poryadochnom cheloveke v russkom yazykovom soznanii* [The stereotypical idea of a decent person in the Russian language consciousness]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 7. pp. 290–302.

12. Zinov'eva, E.I. & Rokhlina, E.K. (2017) 'Clever person' in Russian linguistic worldview. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Science and Society*. Conference proceedings. 24–30 August 2017. Vol. II: Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co. pp. 1095–1105.
13. Zinov'eva, E.I. & Khrunenkov, A.V. (2017) Stereotypic idea of a successful person in the Russian language consciousness against the background of the Chinese. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Science and Society*. Conference proceedings. 24–30 August 2017. Vol. II: Psychology and psychiatry. Language and Linguistics. Bulgaria: Albena Co. pp. 969–976.
14. Zinov'eva, E.I. & drakulich-priyma, file (2017) "Khitryy" and "khitar" in the linguistic consciousness of native speakers of cognate languages (on the Russian and Serbian language material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 25–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/4
15. Zinov'eva, E.I. & Khrunenkov, A.V. (2018) "Pravil'nyy chelovek" v russkoy yazykovoy kartine mira ["The right person" in the Russian language picture of the world]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh i russkogo yazykov* [New in linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics.
16. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Progress.
17. Dahl', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols I–IV. Moscow: Russkiy yazyk.
19. Shvedova, N.Yu. (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.
20. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 11.03.2018). (In Russian).
21. Sharov, S.A. & Lyashevskaya, O.N. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Frequency dictionary of modern Russian]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru>. (Accessed: 10.07.2018).
22. Ogol'tsev, V.M. (2001) *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy)* [Dictionary of stable comparisons of Russian (synonyms and antonyms)]. Moscow: Russkie slovari; Astrel'; AST.
23. Matitsa srpska & Matitsa khrvatska. (1967–1976) *Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevno jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary language]. Vol. 3. Novi Sad: Matitsa srpska; Zagreb: Matitsa khrvatska.
24. Matitsa srpska (2007) *Rechnik srpskoga jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Matitsa srpska.
25. Đosić, P. (2008) *Rechnik sinonima* [Dictionary of synonyms]. Beograd: Kornet.
26. Serbian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs>. (Accessed: 15.03.2018).
27. Otašević, Đ. (2012) *Frazeoloshki rechnik srpskog jezika* [Phraseological Dictionary of the Serbian Language]. Novi Sad: Prometej.
28. Čajkanović, V. (1994) Iz srpske religije i mitologije 1910–1924 [From Serbian Religion and Mythology, 1910–1924]. In: *Sabrana dela*. Book 1. Beograd: Srpska književna zadruga Beogradski izdavačko-grafički zavod Prosveta Partenon.
29. Stefanović, V. (ed.) (1818) *Srpski rječnik, istolkovan njemačkim i latinskim riječima* [Serbian Dictionary, explained by German and Latin words]. Vienna: [s.n.].
30. Zepter book world. (2001) *Slovenska mitologija: Entsiklopedijski rechnik* [Slovene Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Beograd: Zepter book world.

Received: 01 July 2018

Н.П. Каверзина

ДИСКУРСИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ОБРАЗ ПРОШЛОГО В ТЕКСТЕ ПРОГРАММЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММ ПАРТИЙ КПрФ и ЛДПР)

Исследуется реализация образа прошлого в тексте программы политической партии с учетом действия таких дискурсивных факторов, как общая интенциональность политического дискурса, жанровые установки программы и особенности политической позиции партии. Действие этих факторов в совокупности формирует особую модусно-диктумную структуру государственного прошлого, задает определенный дискурсивный стиль текста программы, определяет использование различных моделей представления времени.

Ключевые слова: программа политической партии; образ прошлого; политический дискурс; дискурсивный стиль; модель времени.

Цель статьи – проанализировать особенности реализации образа прошлого в текстах программы политической партии как ядерного жанра политического дискурса в его обусловленности дискурсивными факторами. Указанная специфика определяется дискурсивной интенциональностью, жанровой интенцией, а также особенностями политической позиции определенной партии. Исследование выполнено на материале текстов программ политических партий КПрФ [1] и ЛДПР [2].

Образ прошлого рассматривается как результат особого конфигурирования концепта «прошлое» в структуре дискурсивной картины мира [3. С. 191]. Прошлое представляет собой часть временной оси, наполненной событиями, которые уже свершились и не подлежат изменению, представления о которых хранятся в рефлексирующей памяти индивида [4. С. 329]. Фактор событийной наполненности является ключевым при определении прошлого, поскольку, как указывает Е.С. Яковлева, «время, свободное от событий, его заполняющих, является абстракцией, отвлечением от субъективного фактора человеческой интерпретации, оценки...» [5. С. 96]. В фокусе нашего внимания – дискурсивно обусловленный образ прошлого как значимая составляющая содержательной структуры программы политической партии.

Образ прошлого, согласно общей идеологии политического дискурса, предстает как совокупность политически значимых событий и фактов в жизни государства. Отношение к прошлому реализуется как важнейший аспект политической оценки настоящего и будущего с позиции конкретной политической партии. Жанровые установки программ, в свою очередь, формируются в системе общих интенциональных установок политического дискурса.

В основе политического дискурса лежит интенция борьбы за власть (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Е.И. Шейгал и др.). При этом, как отмечают исследователи, дискурсивная реализация указанной цели зависит от специфики конкретной политической позиции, определяющей как содержание продуцируемых текстов, так и способ его интерпретации (Р. Барт, К.А. Богданов, Г. Лассвелл, А.П. Романенко, П. Серно, И.В. Тубалова, Г.Г. Хазагеров и др.).

Политическая позиция партии наиболее концентрированно выражается в ее программе. Именно в

связи с этим программа партии рассматривается исследователями как ядерный жанр политического дискурса (Е.В. Бабаева, М.В. Гаврилова, И.Ю. Логинова, О.Ю. Малинова, Е.И. Шейгал и др.). Так, М.В. Гаврилова относит программы политических партий к «первичным текстам», поскольку на их основе продуцируются тексты других жанров – интервью, листовки, пресс-релизы и т.д. [6. С. 18].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что к дискурсивным факторам, оказывающим наиболее последовательное влияние на выбор и реализацию содержания в текстах программ политических партий, относятся иерархически организованные (1) фактор, заданный спецификой политического дискурса, (2) фактор, заданной жанровой установкой программы партии, и (3) фактор, заданный спецификой конкретной политической позиции.

В результате действия этих факторов фрагмент дискурсивной картины мира политического дискурса, реализованный в тексте программы партии, предстает в виде особой модусно-диктумной структуры, включающей «объективно-фактологический компонент – дискурсивный диктум – и интенционально обусловленную позицию дискурса по отношению к нему – дискурсивный модус» [7. С. 99]. Между диктумом и модусом в рамках дискурса формируются особые отношения взаимозависимости и взаимообусловленности – «Востребование и воспроизводство дискурсом определенного диктумного содержания означает его дискурсивно обусловленную модусную ориентацию» [Там же. С. 101]. Выявляя рассматриваемую специфику образа прошлого, представим его как результат дискурсивно обусловленной модусной интерпретации особого диктумного содержания, организованного под влиянием вышеобозначенных факторов.

Рассмотрим диктумное содержание, отражающее представление о прошлом в исследуемых программах под влиянием этих факторов. Дискурсивная обусловленность образа прошлого в программах партий, как части дискурсивной картины мира, проявляется в особом типе номинирования и означивания, в выдвижении на передний план определенных культурно значимых аспектов, в определенном отборе тем в диктумном содержании.

(1) Под влиянием фактора, заданного *спецификой политического дискурса*, образ прошлого в програм-

мах партий формируется через перечисление политически значимых событий государственной истории. Здесь можно выделить круг тем, общих для диктума прошлого в текстах анализируемых программ: *Великая Отечественная война, экономические достижения СССР, первый полет человека в космос, распад СССР, 90-е гг., негативная роль США, деятельность партии в прошлом.*

Помимо этого выделяются темы, присутствующие только в одной программе. В программе КПРФ – это *крестьянские войны С. Разина и Е. Пугачева, восстание декабристов, создание СССР, расстрел из танковых орудий Дома Советов, создание буржуазного государства* и т.д. В программе ЛДПР: *присоединение Крыма, образование государства Украина, договор о*

взаимных банковских привилегиях с Турцией 1997 г., Первая мировая война, создание Русского государства в 862 г., деятельность В. Жириновского в прошлом и т.д. Отбор конкретных исторических событий диктумного содержания сам по себе уже является политически мотивированным, интенционально обусловленным следствием интерпретационной деятельности политического дискурса.

Проанализировав соотношенность высказываний, моделирующих образ прошлого, с конкретным историческим периодом (Древняя Русь, период Российской империи и т.д.) и проведя количественный анализ, можно выявить что представляет прошлое в диктумном аспекте для авторов программ КПРФ и ЛДПР (рис. 1).

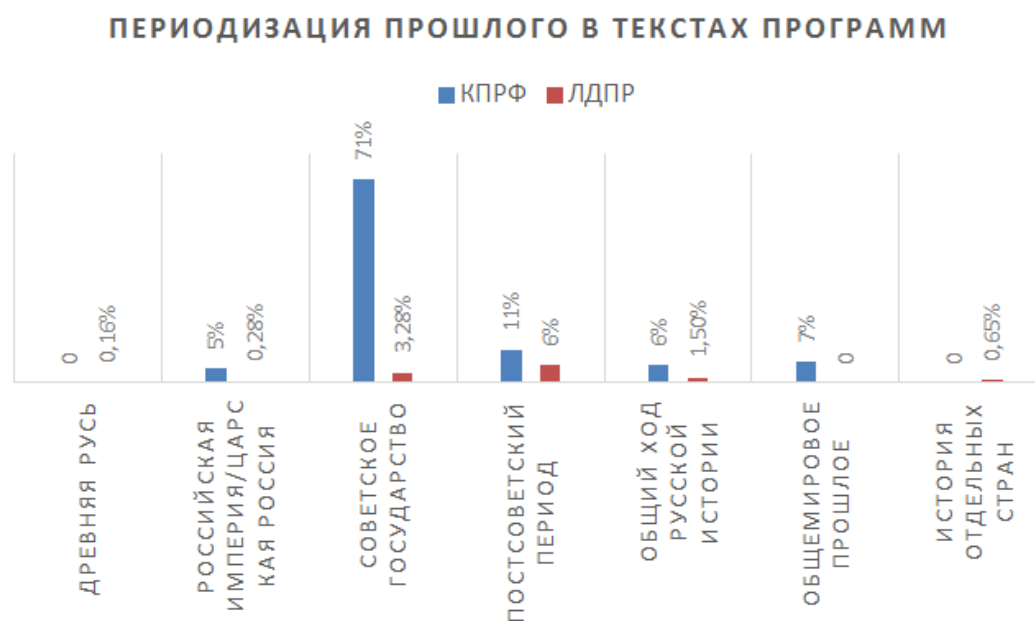

Рис. 1. Периодизация прошлого в текстах программ КПРФ и ЛДПР

Как видно из диаграммы, образ прошлого в тексте программы КПРФ преимущественно соотносится с периодом советской истории (71%). В программе же ЛДПР прошлое по большей части моделируется в образе постсоветского периода (6%), доля советского прошлого почти в два раза меньше (3,2%). Прошлое в программе КПРФ в целом занимает значительную часть текста (23% от всего текста). В программе же ЛДПР прошлое само по себе незначительно представлено в тексте (всего 11% от общего объема текста).

(2) М.В. Гаврилова подчеркивает роль прошлого при характеристике актуального положения в стране, выделяя образ прошлого в списке компонентов содержательной структуры текста партийной программы [6. С. 21]. Это позволяет рассматривать обращение к прошлому в качестве отличительной **жанровой особенности** текста партийной программы. Образ прошлого в тексте программы встраивается в механизмы легитимации определенной идейно-политической позиции партии, к которым относятся проектирование будущего через интерпретацию прошлого и переписывание прошлого с позиций настоящего [8. С. 13]. Как показывает анализ, указанные

стратегии носят универсальный характер, в равной степени присутствуя в текстах обеих анализируемых программ. Так, в частности, в следующем примере из программы КПРФ будущее моделируется на основе прошлого: *история вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917, и в 1941 гг.: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в колонию. Речь идет не о том, чтобы вернуться назад, а о том, чтобы двигаться вперед, к обновленному социализму, очищенному от ошибок и заблуждений прошлого, в полной мере отвечающему реалиям сегодняшнего дня.*

Ретроспективный взгляд на историю, представленный в следующем примере из программы ЛДПР, позволяет «переписывать» прошлое с позиции настоящего: *ситуация, сложившаяся сегодня на Украине, – это прямое следствие большевистского переворота 1917 г. и политики коммунистов по «коренизации» народов и обособлению созданных внутри СССР национальных республик.*

(3) Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «борьба за групповые политические интересы стала

включать в себя и активное предложение обществу партикулярного образа прошлого...» [9. С. 34]. Именно фактором **обусловленности политической позицией партии** объясняется использование в текстах программ различных временных моделей – линейной и циклической.

В тексте программы КПРФ время в основном циклично – развивается идея чередования, смены циклов, определенных исторических этапов: *...современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму // История вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917, и в 1941 гг.: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в колонию*. Текст отражает спиралевидную временную модель: *...капитализм одновременно выводит человечество на новый виток противоречий*. Существительное «виток» обозначает один оборот спирали. В рамках такой модели время «зеркально» [10. С. 130] – прошлое выступает «зеркалом» или эталоном, через призму которого оценивается настоящее: *Подтверждается ленинское учение об империализме как высшей и последней стадии капитализма*.

В тексте программы ЛДПР превалирует линейное или векторное отражение времени, в основе которого лежит идея развития, эволюции, необратимости и конечности временного потока. События маркируются конкретными датами, которыми изобилует текст программы (большевистский переворот 1917 г., присоединение Крыма к Украине в 1950-е гг., март 1996 г. – Постановление о признании «беловежских соглашений» недействительными, 21 сентября 862 г. – создание русского государства, 12 июня 1990 г. – признание депутатами суверенитета России в рамках Советского Союза, 1897 г. – численность населения в России 67 млн человек и т.д.).

Главное отличие линейного времени от циклического состоит в том, что при линейном подходе событие считается прошедшим безвозвратно без возможности повторения. Циклическое время подразумевает возможность его повтора на определенном этапе. В тексте программы партии эти свойства различных временных моделей позволяют конструировать различные формы будущего, коррелирующие с политической позицией партии. В программе КПРФ будущее является проекцией прошлого: *Россия внесла уникальный вклад в развитие человечества благодаря... подвижничеству поколений русских патриотов, революционеров. Будущее нашего Отечества можно строить только на этом прочном фундаменте исторической преемственности*. Образ прошлого определяется категорией «преемственности», которая означает «связь между явлениями в процессе развития в природе, обществе и познании, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе некоторые его элементы» [11]. Таким образом, будущее в представлении КПРФ сохраняется в себе черты прошлого.

В соответствии с линейным представлением о времени будущее качественно отличается от прошлого. В программе ЛДПР говорится: *Крах режима Асада станет еще одним мощным ударом по государственности в регионе, усилит распад ближневосточных держав, а поток мигрантов и возросшая терро-*

ристическая угроза будут оказывать давление на Евросоюз и Россию, ими будет проще манипулировать. Сценарий развития событий в будущем не подразумевает параллелей с прошлым, будущее носит уникальный характер.

Опора на определенную временную модель формирует дискурсивный стиль текста программы (о социально обусловленной специфике дискурсивного стиля см.: [7. С. 102]). Авторы программы КПРФ используют черты советского политического дискурсивного стиля, что проявляется в высоком уровне речевой формальности [Там же. С. 105], активнее используются соответствующие термины и политические клише (*реставрация капитализма, бескомпромиссная борьба, обобществление производства* и т.д.).

Яркой чертой дискурсивного стиля программы КПРФ является активное проявление политического пафоса [Там же. С. 104], в частности, событийный пафос прошлого [10. С. 122]. Он проявляется в форме пафоса величия (*Без деятельности В.И. Ленина и возглавляемой им большевистской партии не был бы осуществлен прорыв человечества к принципиально иному общественному строю. Не утвердился бы порожденный историческим творчеством масс новый тип власти – Республика Советов*) и пафоса мученичества (*Мирное развитие СССР было прервано вероломным нападением фашистской Германии и ее сателлитов. Агрессия привела к гибели миллионов людей и колоссальным разрушениям*).

Текст программы ЛДПР характеризуется более низким уровнем формальности – это прослеживается в «раскованной» стилистике описания исторических событий, близкой картине мира простого обывателя – отсутствие сложных для восприятия терминов и понятий, широко распространенные стертые метафоры (*идти в ногу со временем, здоровый национализм* и т.д.), ирония, переходящая в сарказм (*«Братская» Украина, не парламент, а заведение с артистами и спортсменами*), активное употребление лозунгов (*Всю казну на производство! Вернуть землю крестьянам!*).

Линейное время обладает эффектом ускорения, что совпадает с традиционным для простого обывателя стремлением приближения целей [12. С. 100]. В тексте программы ЛДПР это реализуется в виде установки на достижение значимых результатов в краткий период времени: *В ближайшие годы мы готовы добиться, чтобы минимальная зарплата в России составляла не менее 20 тыс. руб.; В ближайшем будущем сделать Магадан столицей Дальнего Востока*. Циклическое время не имеет тенденции ускорения, ассоциируется с основательностью и незыблемостью. Мышление в рамках такой модели времени в тексте программы КПРФ протекает в категориях глобальных временных структур – *эпоха, цивилизация, жизнь, историческое будущее человечества*.

Время линейное не предполагает наличия особой точки отсчета, все события относительно равнозначны. Характер смены событий определяется их последовательностью. Авторы программы ЛДПР стремятся воссоздать единую временную цепь исторического развития страны, вернувшись к досоветской хронологии [8. С. 30]. Данная коммуникативная установка ре-

ализуется в следующем высказывании о Дне России: *ЛДПР считает, что более правильным было бы отмечать памятную годовщину 21 сентября. В этот день в 862 г. русские князья собрались, чтобы провозгласить создание русского государства. Этот символический шаг позволит признать единство и неразрывность истории России.*

Время циклическое ищет внутри себя точку опоры, от которой будет отсчитываться новый цикл. В программе КПРФ это советское прошлое. Как отмечает Е.С. Яковлева, «доминанта того или другого представления о времени является своего рода мировоззренческим маркером» [5. С. 99]. Б.А. Успенский соотносит время циклическое с космологическим сознанием, а линейное – с историческим. В циклическом времени постоянно воспроизводится «один и тот же онтологически заданный текст» (цит. по: Яковлева 2004. С. 99). Циклическое сознание стремится к типизации – «отождествлению того, что есть, с тем, что уже было», а линейное тяготеет к индивидуализации [5. С. 100].

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Образ прошлого является неотъемлемым содержательным компонентом программы политической партии. Обращение к нему позволяет обосновать современную политическую позицию с опорой на оценку государственного прошлого, представленного как результат деятельности политических лидеров соответствующего времени.

Особенности реализации образа прошлого в тексте программы конкретной политической партии регулируются следующими дискурсивными факторами: 1) общая интенциональность политического дискурса; 2) жанровые установки программ как ядерного жанра политического дискурса; 3) особенности политической позиции отдельной партии, уточняющие общую политическую дискурсивную цель. Действие этих факторов в совокупности формирует особую модусно-диктумную конфигурацию государственного прошлого.

Общая дискурсивная интенция определяет характер диктумного содержания, представляющего исследуемый концепт: образ прошлого формируется путем перечисления значимых исторических событий. При этом выбор политических событий, подвергнутых политической оценке с позиции конкретной партии, различается: в тексте программы КПРФ доминирует обращение к советскому прошлому, а в программе ЛДПР – к постсоветскому периоду.

Общей дискурсивной целью борьбы за власть определяется интерпретация событий государственной истории в идеологически оценочной модусной конфигурации. Фактор жанровой обусловленности представления образа прошлого проявляется в использовании стратегий легитимации современной политической позиции партии, таких как проектирование будущего через интерпретацию прошлого и «переписывание» прошлого с позиций настоящего. Конкретная политическая позиция партии, обнаруживающая согласие / несогласие с позицией политических предшественников, выражаемое в оценке результатов их деятельности, проявляется в использовании различных временных моделей представления прошлого. В программе КПРФ доминирует спиралевидная модель времени (позитивная оценка советской политической истории – негативная оценка постсоветской политической истории – установка на создание новой политической истории по советской модели). В программе ЛДПР превалирует линейная модель времени (преимущественно негативная оценка советского прошлого – моделирование уникального политического будущего на основании политической позиции ЛДПР).

Характер модусно-диктумной интерпретации прошлого определяет специфику дискурсивного стиля текста исследуемых политических программ. В программе КПРФ позитивная оценка советского прошлого получает стилистическую поддержку в ориентации на специфику советского политического дискурсивного стиля, проявленного в более высоком (в сравнении с ЛДПР) уровне речевой формальности, использовании речевых моделей советского политического дискурса, усилении особым политическим пафосом.

Дискурсивный стиль программы ЛДПР характеризуется более низким уровнем формальности, реализацией принципов раскованного разговорного общения, что также усиливает остроту политической оценки прошлого, но другим способом. Таким образом, оценочная направленность стиля программ КПРФ и ЛДПР, используемого при реализации концепта «прошлое», обнаруживает разные позиции по отношению к нему: позитивная оценка советской политической концепции проявляется в «копировании» соответствующего дискурсивного стиля в программе КПРФ, негативная оценка концепций политических предшественников – в разрушении речевой формальности в программе ЛДПР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. URL: <https://kprf.ru/party/program>
2. Программа Либерально-демократической партии России. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR
3. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
4. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
6. Гаврилова М.В. Анализ программ политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект). СПб.: Невский ин-т яз. и культуры, 2011. 243 с.
7. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 539 с.
8. Символическая политика: сб. науч. тр. / редкол.: О.Ю. Малинова и др. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. 382 с.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы их формирования. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
10. Сухина Е.И. Пространство и время в современном британском и русском самосознании сквозь призму прессы (по материалам «The Times», «The Daily Telegraph», «Независимой газеты» и «Аргументов и фактов»): дис. ... канд. культурол. наук. М., 2004. 184 с.
11. Большая советская энциклопедия онлайн. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/>.
12. Василенко И.А. Политическая философия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2010. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 августа 2018 г.

The Discursive Representation of the Past in the Text of a Political Party Program (Based on the Programs of the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party of Russia)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 40–44.

DOI: 10.17223/15617793/438/5

Natalia P. Kaverzina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nkruss@gmail.com

Keywords: program of political party; representation of past; political discourse; discourse style; time model.

The article deals with the representation of the past in the text of the program of a political party based on the programs of the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) and the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR). The aim of the article is to identify the peculiarities of the representation of the past determined by (1) the general intention of the political discourse, (2) the genre of a party program, and (3) the political position of the party. Within the framework of the research, the analysis of the dictum-modus structure of the program texts of the political parties was chosen as the main research method that fully contributes to the aim of the article. The analysis shows that the three above-mentioned factors configure the specific dictum-modus structure of the national past, form the discourse style of the program text and determine the use of a particular time model. The representation of the past in respect to the general intention of political discourse implies the choice of specific historical events that will be included in the dictum. However, the set of these events is different: the events of the Soviet past cover a significant part of the program of the CPRF. On the contrary, the past of the post-Soviet period is prevalent in the text of the program of the LDPR, and the Soviet past is mentioned very seldom. The representation of the past determined by the program genre can be considered in using different strategies of the party platform legitimation such as future modeling based on the interpretation of the past and ‘rewriting’ the past from the perspective of the present. The political position of the party is revealed in the use of different time models. The spiral model of time is implemented in the text of the CPRF’s program (attitude of creating the future on the grounds of the Soviet model), and the linear time model is used in the LDPR’s program (modelling of a unique future). The modus-dictum interpretation of the past determines the discourse style of the party programs. The program of the CPRF tends to the Soviet political discourse style that can be seen in a very high level (in comparison with the program of the LDPR’s program) of language formality, use of Soviet clichés and specific political pathos. The discourse style of the LDPR’s program is characterized by a lower level of language formality; it is close to more informal colloquial speech. This indicates the difference in the discourse style evaluation of the concept of the past in the texts of the CPRF’s and LDPR’s programs. While positive evaluation of the Soviet political conception is shown in ‘copying’ the related discourse style in the program of the CPRF, negative evaluation of the previous politicians’ acts becomes evident in the language formality destruction in the program of the LDPR.

REFERENCES

1. CPRF. (n.d.) *Programma Kommunisticheskoy partii Rossiyskoy Federatsii* [The program of the Communist Party of the Russian Federation.]. [Online] Available from: <https://kprf.ru/party/program>.
2. LDPR. (2018) *Programma Liberal'no-demokraticheskoy partii Rossii* [The program of the Liberal Democratic Party of Russia]. [Online] Available from: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR.
3. Rezanova, Z.I. (2011) The language and the discourse picture of the world. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 184–194. (In Russian).
4. Ivin, A.A. (ed.) (2004) *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki.
5. Yakovleva, E.S. (1994) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis.
6. Gavrilova, M.V. (2011) *Analiz programm politicheskikh partiy nachala XX i XXI vekov (lingvisticheskiy aspekt)* [Analysis of the programs of political parties at the beginning of the 20th and 21st centuries (linguistic aspect)]. St. Petersburg: Nevskiy in-t yaz. i kul'tury
7. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
8. Malinov, O.Yu. et al. (eds) (2014) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 2. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS.
9. Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (2004) *Sotsial'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy ikh formirovaniya* [Social perceptions of the past: the types and mechanisms of their formation]. Moscow: HSE.
10. Sukhina, E.I. (2004) *Prostranstvo i vremya v sovremennom britanskom i russkom samosoznanii skvoz' prizmu pressy (po materialam "The Times", "The Daily Telegraph", "Nezavisimoy gazety" i "Argumentov i faktov")* [Space and time in modern British and Russian self-consciousness through the prism of the press (according to materials from The Times, The Daily Telegraph, Nezavisimaya Gazeta, and Argumenty i Fakty)]. Culture Studies Cand. Diss. Moscow.
11. Prokhorov, A.M. (ed.) (1970–1977) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya onlayn* [Great Soviet Encyclopedia online]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/>.
12. Vasilenko, I.A. (2010) *Politicheskaya filosofiya* [Political philosophy]. 2nd ed. Moscow: Infra-M.

Received: 17 August 2018

УДК 82.31

Ю.В. Каминская

«ПУШКИНСКИЙ» И «АХМАТОВСКИЙ» ТЕКСТЫ В РОМАНЕ В.В. НАБΟКОВА «ПНИН»

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
в рамках научного проекта № 18-312-00115.*

Анализируется рецепция литературного творчества и личностного поведения А.С. Пушкина и А.А. Ахматовой в романе В.В. Набокова «Пнин» с точки зрения репрезентации авторского понимания судьбы русской дореволюционной культуры во второй половине XX в. и влияния поэзии Серебряного века на духовно-ценностную ориентацию эмигрантов. По мнению писателя, золотой век литературы является отражением этико-эстетического восприятия хранителей русской культуры, в то время как ахматовский персональный текст, понимаемый как совокупность продуктивных мотивов и присущих поэту поведенческих жестов, использован для характеристики человека «нового типа».

Ключевые слова: рецепция; Набоков; Ахматова; Пушкин; литературная репутация; литература русского зарубежья.

Роман В. Набокова «Пнин» – одно из наиболее насыщенных металитературными приемами произведений, в котором автор систематизирует наследие национальной классики. Русская литература XIX в. представлена образами и мотивами, ассоциирующимися с именами Пушкина, Жуковского, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского и Чехова. Созданные ими книги показаны на полках библиотек, упомянуты в интеллектуальных дискуссиях, постоянно воскресаю в сознании профессора, филолога и русского эмигранта Тимофея Пнина. Своеобразной антитезой золотому веку становится жизнетворчество и произведение русских модернистов. Центром литературного мира, связанного в «Пнине» с Серебряным веком, оказывается Ахматова и некоторые ее подражательницы, ставшие прототипами Лизы Боголеповой, бывшей супруги главного героя. Несхожесть этих эпох показана писателем на примере произведений двух авторов: стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», о котором читает свою лекцию Пнин, и «ахматовской» лирики его возлюбленной. Целью настоящей статьи является исследование внедренных в поэтику романа персональных текстов литературных предшественников Набокова, т.е. таких мотивных структур, которые позволяют реконструировать представления писателя о двух эпохах в истории отечественной словесности. Под «персональным текстом» мы понимаем совокупность продуктивных приемов, мотивов и присущих данному художнику поведенческих жестов, оставивших след в культуре и позднее превратившихся в своего рода образные модели.

Роль «Пушкинского текста» в произведениях Набокова привлекала интерес многих исследователей, в то время как место «Ахматовского» и других персональных «текстов» русских писателей еще только начинает изучаться. Ученые неоднократно обращали внимание на то, что набоковскими героями зачастую являются не конкретные люди или типы, а обнаженные литературные приемы: в предисловии к английскому переводу романа «Дар» сам писатель подчеркнул, что «его героиня не Зина, а Русская Литература» [1. С. 44]. И. Паперно в статье «Как сделан “Дар”

Набокова» отмечает, что в произведении «предметом изображения становятся как литературная эволюция, так и сам творческий процесс» [2. С. 489].

В ходе создания «Пнина» автор работал над комментарием к «Евгению Онегину», что во многом объясняет пушкиноцентричность произведения. Ранее Набоков столь же внимательно обращался к творчеству Пушкина в романе «Дар», к сюжету которого планировал затем вернуться. Замысел предполагал, что из-под пера главного героя Фёдора Годунова-Чердынцева должно было выйти продолжение незаконченной пушкинской «Русалки», опубликованной впоследствии самим Набоковым в 1942 г. [3]. Отметим, что в своих «Лекциях по русской литературе» писатель дает безоговорочно высокую оценку только двум авторам – Л.Н. Толстому: «Толстой – непревзойденный русский прозаик. Оставляя в стороне его предшественников Пушкина и Лермонтова, всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвертый – Тургенев» [4. С. 215], и А.С. Пушкину: «Наоборот, те из нас, кто действительно знает Пушкина, поклоняются ему с редкой пылкостью и искренностью...» [Там же].

Творчество Пушкина вводится в художественное пространство «Пнина» следующими способами: 1) книга поэта на полке; 2) лекции о творчестве. Остановимся на них подробнее. Во-первых, обращает на себя внимание образ «библиотечного» Пушкина: «Надев резиновые перчатки, чтобы избежать уколов “американского” электричества, обитавшего в металлических полках, Пнин, бывало, навещал эти книги и упивался их видом: тут были малоизвестные журналы бурных шестидесятых годов в мрамористых обложках; столетней давности исторические монографии, дремотные страницы которых покрыты были буроватыми пятнами; русские классики с ужасными и трогательными камнями на переплетах, с тиснеными на них профилями поэтов, напоминавшими прослезившемуся Тимофею его отрочество, когда он, бывало, машинально водил пальцем по несколько потертому пушкинскому бакенбарду или запачканному носу Жуковского» [5. С. 100]. В данном эпизоде важными пред-

ставляются два момента: 1) роль книги для русских эмигрантов и 2) *вспоминание* Пниным литературных произведений. По словам Б. Аверина, «вспоминание для Набокова не есть любовное перебирание заветных подробностей и деталей, а духовный акт воскресения личности. Поэтому процесс воспоминания представляет собою не движение назад, а движение вперед, требующее медитативной сосредоточенности, духовного покоя» [6. С. 161].

Наделение памяти и воспоминаний важнейшим миро- и человекостроительным значением было введено в литературную практику русской эмиграции И.А. Бунинным. Несмотря на неприятие взрослым Набоковым «последнего классика», молодой Сиринов высоко оценивал его поэзию: «Стихи Бунина – лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий» [8. С. 29], и изначально считал Бунина своим наставником: «Я хочу только, чтобы вы поняли, с каким строгим восторгом я гляжу с моего холма на сверкающую вершину, где в скале вами вырезаны вечные, несравненные слова» (Цит. по: [9. С. 134]). Кроме того, при сопоставлении двух концепций (восприятие воспоминаний и книги), мы пришли к выводу, что Набоков отталкивался от идей своего предшественника, при этом основательно перерабатывая их. По наблюдению М. Шраера, «критики уже указывали на переключки между функционированием памяти в произведениях Марселя Пруста <...> и произведениями Бунина и Набокова» [Там же. С. 187]. Бунин часто использует образ книги / библиотеки в своих текстах, по-разному представляя их роль. К.В. Анисимов выделяет две разных модели восприятия артефакта у Бунина, одна из которых совпадает с пнинским: «... книга предстает перед читателем как ограниченный объект, заключающийся в своего рода семиотическую рамку, отделяющую ее от соседствующих с нею реалий предметно-вещного мира. <...> Семиотическая природа книги понимается как способность *означать* и конвенционально описывать мир» [10. С. 34]. Книга вызывает воспоминание Тимофея Пнина об отрочестве (дореволюционной России), русской классической литературе XIX в. Портреты Пушкина и Жуковского на корешках в данном случае четко историзованы: они отсылают не столько к своим прототипам, сколько к целой эпохе, помогая понять ценностную ориентацию героя. Исследователь отмечает, что, рассматриваясь в такой перспективе, в произведениях Бунина книга вызывает к себе отношение «любования»: «Любование характерно направлено “снизу вверх”: с позиции относительно образованного современника на непререкаемые в своем культурно-эстетическом качестве образцы» [Там же]. Пнин, в свою очередь, «*упивался* их видом», «машинально водил пальцем» [5. С. 100] по портретам любимых писателей.

Нельзя забывать, что для Набокова библиотека как место, где он мог заниматься самообразованием, имела особое значение. Б. Бойд отмечает: «В городе Владимир находил книги по вкусу, роясь в отцовской библиотеке или в черных коробках с карточками ее каталога. В дождливые дни в Выре он подолгу обследовал библиотеку своего деда Рукавишникова...»

[11. С. 112]. Безмерно уважая своего отца, Набоков ценил его литературный вкус. Библиотека как отцовское хранилище знаний и культурного предания оказала определяющее влияние на писателя и стала в романе символом утерянного дома, культурного наследия эмиграции. Кроме того, для литератора библиотека актуальна и как хранилище воспоминаний о России: «Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира. <...> Однажды, на рыночной площадке посреди Кембриджа, я нашел на книжном лотке <...> Толковый словарь Даля в четырех томах. Я приобрел его за полкроны и читал его по несколько страниц ежевечерне... Страх забыть или засорить единственное, что успел я выцарапать, довольно, впрочем, сильными когтями, из России, стал прямо болезнью» [12. С. 212–213]. «Вывезенные» воспоминания и знания о России, тесно связанные с русской литературой, становятся, по существу, главным психологическим достоянием эмигрантов, основой их идентичности.

Однако важно указать на различие в восприятии книг у писателей «старшего» и «младшего» поколений эмиграции, репрезентативными фигурами которых являются Бунин и Набоков соответственно. Бунин получил Нобелевскую премию, Набоков был номинирован на нее, а также признан многими представителями «старшего» поколения как хранитель русской культуры за рубежом. Если продолжить предложенное М. Шраером сравнение обоих писателей, то нельзя не упомянуть, что в амбивалентном отношении к книге у создателя «Жизни Арсеньева» содержался тезис, который Набокова решительно бы не устраивал. Звучал он как желание написать произведение «...ни о чем», без всякой внешней связи, где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь» [13. С. 66]. Для автора «Пнина», в свою очередь, важен образ книги как символа культуры XIX в. в ее непреходящем для русских эмигрантов значении. Для создания физической достоверности литератор остается в рамках описания артефакта, смещая акцент на изображения авторов на корешках или на внешнее оформление (журналы с буроватыми пятнами; «портреты русских классиков с ужасными и трогательными камнями на переплетах» и т.д.). Также Набоков не останавливается подробно на описании авторских портретов, но выделяет лишь наиболее характерную черту внешности, которая становится символом ее обладателя и эпохи в целом: бакенбарды А.С. Пушкина и «русский» нос В.А. Жуковского.

Во-вторых, образ Пушкина вводится в текст посредством лекции главного героя, посвященной подробному разбору одного его стихотворения; Пнин раскрывает важную особенность пушкинского мировосприятия – «где бы он ни был, чем бы ни был занят – предаваться размышлениям о смерти и кропотливо исследовать каждый прожитый день, пытаясь угадать в его тайном значении некую “грядущую годовщину”: день и месяц, которые где-нибудь, когда-нибудь появятся на его надгробном камне» [5. С. 89]. Обращение профессора к конкретному тексту и явная корреляция размышлений о смерти, принадлежащих пушкинскому лирическому герою и самому Пнину,

подготавливают читателя к элегическому модусу в жизнеописании эмиграции. Так, хозяева «Замка Кука», где раз в два года собирались русские эмигранты, не могут иметь детей, а отпрыски, «не знающие порусски и совершенно безразличные к тонкостям происхождения и прошлого своих родителей» [5. С. 149], которых привезли с собой гости, не являются наследниками русской культуры. Кроме того, разговоры приезжих сводятся к рассуждениям об утраченной культуре или воспоминаниям об ушедших из жизни знакомых / родственников. Таким образом, мортальная образность в лекции профессора-эмигранта позволяет читателю приблизиться к пониманию судьбы русской диаспоры.

Прежде всего, возникает вопрос, почему Набоков в «Пнине» обращается к произведению Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»². В.И. Козлов отмечает: «...лирический сюжет “кладбищенской” элегии – ценностная встреча с почившим безымянным “другим”, которая происходит на фоне кладбищенского пейзажа, погружающего лирического субъекта в состояние медитации» [14. С. 17]. Классический пример подобной модели – переводной текст Жуковского «Сельское кладбище», где путь лирического героя лежит через погост. В конце XVIII в. «кладбищенская» элегия начинает выходить за рамки жанра: «...суть этого явления в том, что лирическая тема стихотворения оказывается свободна от подчинения его сюжетной ситуации, может не совпадать с ней» [15. С. 314]. Причиной таких изменений стало желание выразить внутренний мир: «...английская поэзия в конце XVIII в. первой стала разрабатывать исповедальный язык “чувствительного человека”. Потребность в исповедальности постепенно выводила элегию на первые роли в лирике. Именно с “кладбищенской” разновидности элегии начинается в русской поэзии отсчет неканонической истории этого жанра» [14. С. 24]. С.Н. Бройтман отмечает, что для данного жанра «канонична ситуация страданий, старости, смерти (как в знаменитой “Элегии, написанной на сельском кладбище” Т. Грея), у Пушкина же “мечты” о смерти возникают в обстоятельствах, которые должны, казалось бы, напоминать о “младой” жизни и бессмертии» [15. С. 314–315]. Элегия Пушкина отличается от классической, во-первых, метром (ср. «Сельское кладбище» В.А. Жуковского), во-вторых, отсутствием образов руин, могилы или кладбища – объектов, наталкивающих на размышления о смерти, и наличием чего-то оживленного, живого («улицы шумные», «многолюдный храм», «юноши безумные», младенец, многовековой дуб). Однако это встреча с живым и мысли о смерти означают, что герой независимо от обстоятельств думает о кончине и ожидает ее. Если элегия Жуковского завершается призывом помнить об усопших, то текст Пушкина направлен на постоянное предугадывание собственной смерти.

Набокову присуще «дарить» сделанные им самим научные наблюдения своим героям-филологам³. Так, в описании мироощущения поэта Пнин концентрируется на постоянном чувстве сомнения, ожидания смерти. Такой же ход мыслей характерен для самого профессора: ощущая присутствие «высшей силы»,

контролирующей и управляющей им, догадываясь о власти повествователя над его личностью, Пнин пытается понять суть мироустройства, сопротивляется по мере своих сил воле нарратора⁴. Это внеземное знание, желание вырваться за рамки отведенной роли приводит героя к припадкам, схожим с предсмертным состоянием: «Так в вымыслах Набокова запредельное знание сопряжено с душевной болезнью и смертью, и меньшей ценою не достается (да и этой крайне редко). Иное дело *веровать* в загробную жизнь, и иное *знать* о ней нечто; в мире искусства Набокова это знание саморазрушительно, ибо оно уничтожает саму идею знания и даже саму идею идеи (здесь и далее курсив наш. – Ю.К.)» [17. С. 293]. Б. Аверин также отмечает, что для писателя «в основе познания мира лежит личный мистический опыт. Он включает в себя видения, пророческие сны, предсказания, ясновидение, непосредственное общение с потусторонним и многое другое. Такой опыт почти всегда как-то связан со страхом, с мистическим ужасом и часто скрывается как нечто почти стыдное, о чем говорить не следует» [18. С. 854].

Обратимся непосредственно к тексту Пушкина. В первой строфе появляется тема внутренней уединенности лирического героя: он не замечает происходящего вокруг, внешний момент обесценивается, намного важнее его собственные мысли и мечты, которые его не покидают: «Брожу ли я вдоль улиц шумных, / Вхожу ль во многолюдный храм, / Сижу ль меж юношей безумных, / Я предаюсь своим мечтам» [19. С. 264]. Далее он рассуждает о равноценности всех человеческих существ: все люди смертны, и, возможно, кто-то уйдет в скором времени: «Я говорю: промчатся годы, / И сколько здесь не видно нас, / Мы все сойдем под вечны своды – / И чей-нибудь уж близок час» [Там же]. В следующей части стихотворения задается тема, которая повторится в последней – долговечность природы в противопоставлении со смертностью человека и его дальнейшим забвением: «Гляжу ль на дуб уединенный, / Я мыслю: патриарх лесов / Переживет мой век забвенный, / Как пережил он век отцов» [Там же]. В четвертой и пятой строфах повторяется и обобщается основная тематика стихотворения: непрерывное рассуждение лирического героя вне зависимости от внешней обстановки о грядущей смерти и ее дате: «Младенца ль милого ласкаю, / Уже я думаю: прости! / Тебе я место уступаю: / Мне время тлеть, тебе цвести...» [Там же. С. 265]. В шестом и седьмом четверостишиях появляется новый мортальный мотив: попытка угадать конкретное место собственной смерти. Для героя важно, чтобы его тело покоилось на родной земле: «И где мне смерть пошлет судьбина? / В бою ли, в странствии, в волнах? / Или соседняя долина / Мой примет охладелый прах?» [Там же]. В последней строфе меняется эмоциональная перспектива – лирический герой осознает и принимает жизненный круговорот, неизбежную смену жизни и смерти: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Краю вечную сиять» [Там же].

Так же, как и лирически герой Пушкина, Пнин задумывается о смерти, сталкиваясь не с руинами, но с

чем-то, что отсылает к прошлой жизни. При посещении библиотеки он поскользывается и роняет том Золотого фонда литературы, раскрывшийся при падении «на снимке русского луга, по которому по направлению к фотографическому аппарату брел Лев Толстой, а за ним стояли долгогривые лошади, тоже повернувшие к фотографу свои простодушные морды. *В бою ли, в странствии, в волнах? На кампусе в Вэйнделе?* Слегка посасывая вставную челюсть, к которой приклеилась нашлапка творюга, Пнин поднялся по скользким ступеням библиотеки» [5. С. 96]. Увидев на фотографии родные места и изображение русского писателя XIX в., Пнин невольно задумывается о смерти. Данная деталь указывает не только на постоянное неконтролируемое размышление о будущей кончине и привычке подавлять подобные мысли [16. С. 30], но и о смерти русской культуры в сознании героя. Кроме того, сразу после эпизода с портретами писателей на библиотечных книгах следует описание работы профессора с трудом Костромского о русских легендах. Пнин анализирует «место с описанием древних языческих игрищ, которые всегда были распространены в лесистых верховьях Волги наряду с христианским обрядом» [5. С. 100]. Здесь появляется образ русалки: автор романа вновь сталкивает своего героя с символом смерти, после встречи с которым «у Пнина мелькнула странная словесная ассоциация; он не успел схватить ее за *русалочий* хвост, но сделал пометку на справочной карточке и снова погрузился в Костромского» [Там же]. В третий и в последний раз у профессора появляется мысль о смерти после посещения библиотеки. Он «сунул карточку в карман и тут же без всякого повода вспомнил то, чего не мог вспомнить давеча: “...плыла и пела, пела и плыла”. Ну конечно же! Смерть Офелии! “Тамлет”! В русском переводе старого доброго Андрея Кронеберга 1844 г. – отрада юных дней Пнина, и отца Пнина, и деда! Помнится, там тоже, как и у Костромского, ива, и тоже венки» [Там же. С. 102]. Набоков конструирует текст так, что во всех эпизодах, связанных с библиотекой (до посещения книгохранилища, во время и после), символами родины, утерянного дома и культуры, Пнин размышляет о смерти. Как мы уже писали, это не только сближает его с образом Пушкина, но и указывает на увядание и русской культуры, и эмиграции как последней ее хранилища.

Важно, что для развития темы угасания русской культуры Набоков выбирает фигуру Пушкина. Этот факт объясняется тем символическим значением, которым обладал образ поэта в сознании русских писателей. Как утверждает И. Паперно, для человека прошлого столетия было характерно антипозитивистское восприятие мира, т.е. отказ от линейного развития и представление о кругообразном течении времени: «Согласно этой модели, настоящее воспроизводит момент прошлого <...> и отдаленные культурные эпохи “всплывают” или “оживают” в культуре современности» [20. С. 20], подкрепленное атмосферой столетней годовщины «...представление о повторении истории дополнялось представлением о “повторении” человеческой жизни; в этом виделся залог бессмертия и “предельного утверждения [личности]

под знаком вечности”» [20. С. 20]. Поэты и писатели разными способами старались присвоить себе Пушкина, обозначив знакомство своего дальнего родственника с литератором или единое географическое расположение места рождения и воспитания или установив схожесть в биографиях и т.д.

Если золотой век русской литературы в «Пнине» представлен фигурой Пушкина, то серебряный – Ахматовой. Набоков обращается к ее ранней поэзии, прежде всего, к первым двум сборникам «Вечер» и «Четки», поэтика которых пародийно представлена в стихотворениях героини романа Лизы Боголеповой и которые, по мнению А. Арьева, выступают в качестве «закамуфлированной атаки» на творчество поэтессы [21. С. 182]. В этих вставных текстах автор произведения акцентирует следующие черты ахматовской поэзии: 1) тема неразделенной / несчастной любви; 2) сочетание двусложных и трехсложных стоп (неподходящее, с точки зрения писателя, использование метра); 3) повторение слов (губы, глаза); 4) образ монашенки-блудницы. В романе пародийно изображена также личность Ахматовой как воплощение идей модернизма. О восприятии набоковского романа самой поэтессой Лидия Чуковская писала: «Гневная тема нынешнего вечера – “Пнин” (я забросила ей книгу в промежутке). Книга ей вообще не понравилась, а по отношению к себе она нашла ее пасквилянтской. Книга мне тоже не нравится, или, точнее, не по душе мне та душа, которая создает набоковские книги, но пасквиль ли на Ахматову? или пародия на ее подражательниц? сказать трудно. Анна Андреевна усматривает безусловный пасквиль» [22. С. 458]. Как видно из приведенной цитаты, автор мемуаров не дает окончательного ответа, что именно пародирует Набоков: эпигонство или оригинал, и предоставляет читателям самостоятельно ответить на этот вопрос. Мнение А. Арьева по этому поводу однозначно: «На подражателей пародий не пишут, тем более авторы масштаба Набокова. То есть невозможно спародировать копию, не пародируя оригинал» [21. С. 182].

По наблюдению Ю.Н. Тынянова, «...направленность какого-либо произведения на какое-либо другое (тем более против другого), т.е. пародийность, тесно связана со значением этого другого произведения в литературной системе» [23. С. 297]. Набоков в отзывах на женскую поэзию в журнале «Руль» (1927) писал, что раннее творчество Ахматовой пагубно влияет на поэтесс-эмигранток. Закономерно, что основным предметом пародии в романе являются ее первые книги стихов. Один из подробнейших анализов пяти сборников представлен в работе Б.М. Эйхенбаума «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923). Первая отличительная черта поэтики, отмеченная исследователем, – лаконизм как принцип построения: «Все сжалось – размер стихотворений, размер фраз. Сократился даже самый объем эмоций или поводов для лирического повествования» [24. С. 86]. Ахматова, в отличие от символистов, демонстрирует свой интерес к ограниченному числу тем; в первых двух сборниках «Вечер» и «Четки» доминантой является неразделенная любовь: «Из всех мук сиротства она особенно облюбовала одну: муку неразделенной любви. Я люб-

лю, но меня не любят; меня любят, но я не люблю – такова была ее постоянная тема. У нее был величайший талант чувствовать себя разлюбленной, нелюбимой, нежеланной, отверженной» [25. С. 10]. В романе тематика стихотворений героини освещается так: «...она – свою психодраматическую деятельность и свою лирическую яйцекладку, повсюду кладя яички, как пасхальный кролик, и в этих зеленых и фиолетовых стихах – о ребенке, которого она хочет носить, и о любовниках, которых она хочет иметь, и о Петербурге...» [5. С. 62]. В ранней поэзии Ахматовой есть

«Пнин» Набокова

Я надела темное платье
И монашенки я скромней
Из слоновой кости распяты
Над холодной постелью моей [5. С. 75].

Во-вторых, обращает на себя внимание ритмический рисунок произведений: «Ими [акмеистами] – и больше всего Ахматовой – окончательно разработан и утвержден тот тип стиха... в котором между ударениями может быть неодинаковое количество слогов»; «В первых ее сборниках преобладает так называемый “паузник”, особенность которого заключается в сочетании трехдольных стоп с двухдольными» [24. С. 109]. Это сочетание двусложных и трехсложных размеров можно наблюдать в таких стихотворениях, как: «Все мы бражники здесь, блудницы...», «Настоящую нежность не спутаешь...», «Умирая, томлюсь в бессмертьи...», «Смятение», «Мальчик сказал мне...» и др. В подобных стихотворениях чаще всего встречается сочетание анапеста с ямбом. Как отмечает Эйхенбаум, такая ритмико-интонационная композиция характерна именно для первых двух сборников, затем постепенно поэтесса возвращается к строгим формам (преимущественно к пятистопному ямбу). Похожую тенденцию отмечает М.Л. Гаспаров в статье «Стих Ахматовой: четыре его этапа» [27]. Помимо общепринятой периодизации на раннее (пять первых сборников) и позднее творчество (стихотворения, написанные после «Anno Domini») Гаспаров предлагает разделять каждый этап еще на две части. Для первого интересующего нас периода 1909–1913-х гг. характерны господство дольника и наличие неточных рифм (около 10%). Отметим, что рассказчик в романе также акцентирует внимание на использовании поэтессами «ахматовской школы» этого типа рифм: «Такие неполные рифмы, как “сказал – глаза”, считались весьма элегантными» [5. С. 222].

Скорее всего, именно дольник (паузник или сочетание двусложных и трехсложных стоп) имел в виду автор «Пнина», говоря о «запинающемся анапесте» Лизы Боголеповой. Отношение Набокова к данному размеру явно отрицательное, так как у него ранее сложились конкретный, четкий образ каждого размера и способа его применения. Так, в сборнике «Стихи» в некоторых своих текстах он уделяет внимание анапесту. В «Размерах»: «А хочешь петь – в эоловом размахе / анапеста – звон лютен и ветрил» [28. С. 600]. Эоловая арфа становится для Набокова неким «индикатором», обозначающим эстетическую гармо-

известные, но немногочисленные, стихотворения на тему материнства, однако достаточно большое количество произведений посвящены реальным или абстрактным возлюбленным (Гумилёв, Анреп, Модильяни), а также Петербургу, Царскому Селу и другим местам, где жила поэтесса. Также если обратить внимание на размер и использованную лексику в одном из стихотворений Лизы Боголеповой, то можно сразу провести параллель с ахматовским «Все мы бражники здесь, блудницы...», что и предлагает нам сделать М.Д. Шраер [9]:

«Четки» Ахматовой

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней [26. С. 25].

нию, присутствие «потусторонности». «Я говорю о “потусторонности”, как он сам ее назвал в своем последнем стихотворении “Влюбленность”. <...> Но ближе всего он к ней подошел в стихотворении “Слава”, где определил ее совершенно откровенно как тайну, которую носит в душе и выдать которую не должен и не может» [29. С. 342–343]. Вторая часть стихотворения, посвященная тайне творчества: («Но однажды, пласты разуменья дробя, / углубляясь в свое ключевое, / я увидел, как в зеркале, мир и себя / и другое, другое, другое» [30. С. 420]), которую нельзя, невозможно раскрыть до конца, написана анапестом; в первом стихе читаем: «И тогда я смеюсь, и внезапно с пера / мой любимый слетает *анапест*...» [Там же. С. 421]. Набоков использует данный метр для описания момента рождения стихотворения, творчества, неотделимого в сознании писателя от присутствия того «потустороннего», о первостепенном значении которого для автора «Пнина» писала В. Набокова⁵. Анапест, по мнению писателя, должен использоваться при наличии в тексте темы «потустороннего», т.е. загробного мира или мира творчества, фантазии, тех вещей, которые находятся за гранью обыденного, привычного. В своих стиховедческих штудиях Набоков предвосхитил концепцию «семантического ореола», предложенную М.Л. Гаспаровым в книге «Метр и смысл»: «4–3 ст. анапест – другой вариант выравнивания того же 4–3 ударного европейского дольника в ровный трехсложный метр. Семантика та же, романтическая и патетическая...» [31. С. 390]. Пародийные стихотворения в «Пнине», написанные «запинающимся анапестом» и посвященные другой проблематике (часто любовной), воспринимаются через призму авторской иронии.

Однако Набоков реагирует не только на семантику, но и на «запинание» метра, которому противопоставляет пушкинский ровный классический ямб. В своей рецензии на стихи И.А. Бунина, являющиеся для Набокова эталоном современной лирики, критик отсылает читателя более чем к 15 произведениям поэта, отмечая, что «музыка и мысль в бунинских стихах настолько сливаются в одно, что невозможно говорить *отдельно о теме и о ритме*» [8. С. 29]. Все упомянутые в рецензии стихотворения характеризуются

ются чистотой используемого метра – для писателя важно слияние формы и вкладываемого в нее смысла. Так, например, в стихотворении Набокова «Поэту» читаем: «...но рифмою трехсложной, / *размером ломаным* не злоупотребляй. / Отчетливость нужна и *чистота* и сила» [32. С. 468]. Сам Набоков может использовать несколько размеров в одном стихотворении, например в «Славе», однако в рамках одного стиха поэт не смешивает метры, как это делала Ахматова. Каждый размер используется с четко осознаваемой целью для передачи определенного смысла. Говоря об одной из важнейших особенностей творчества Набокова, В. Ходасевич подчеркивал: «Звуки в искусстве не менее святы, чем молитвы. Искусство не исчерпывается формой, но вне формы оно не имеет бытия и, следовательно, – смысла. <...> При тщательном рассмотрении Сирин оказывается по преимуществу художником формы, писательского приема...» [33. С. 241].

Третья отличительная особенность поэтики – ограниченный состав лексики, повторяющийся из стихотворения в стихотворение, который «не столько увеличивает количество употребляемых слов, сколько сгущает и разнообразит смысловое качество выбранных ею» [24. С. 135]. В частности, в поэзии Ахматовой часто встречаются слова «глаза» и «губы», на что указывает Набоков в рассматриваемых пародийных стихотворениях: «Но есть роза еще нежней / Розовых губ моих...», «И я опустила глаза...» [5. С. 222]. Кроме того, сборник стихотворений, написанный героиней «Пнина», называется «Сухие губы». Другой важнейшей особенностью поэтики Ахматовой является оксюморонность создаваемых образов: «Образование смысловых оттенков часто достигается у Ахматовой парадоксальным, противоречивым сочетанием слов»; «Тут уже начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее – оксюморонностью) образ героини – не то “блудницы” с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у бога прощение» [24. С. 136]. Такой же образ для своей лирической героини выбирает поэтесса из набоковского романа: «И монашенки я скромней... Но огни небывалых оргий / Прожигают мое забытье...» [5. С. 75]. Приведем стихотворения «ахматовской» героини романа.

1.

Я надела темное платье,
И монашенки я скромней;
Из слоновой кости распяты
Над холодной постелью моей.
Но огни небывалых оргий
Прожигают мое забытье
И шепчу я имя Георгий –
Золотое имя твое! [5. С. 75].

2.

Самоцветов кроме очей
Нет у меня никаких,
Но есть роза еще нежней
Розовых губ моих.
И юноша тихий сказал:
«Ваше сердце всего нежней...»
И я опустила глаза... [Там же. С. 222].

В-четвертых, в первом стихотворении стоит отметить образ «женщины в черном» как характерном облачении церковной служащей («Я надела *тёмное* платье»), сочетающей религиозность и греховность («И монашенки я скромней; / Из слоновой кости распяты»; «Но огни небывалых оргий прожигают мое забытье»). Также еще одним из прототипов лирической героини Ахматовой является блоковская Незнакомка. Преклонение Ахматовой перед Блоком общеизвестно – ср. фрагмент из воспоминаний А. Наймана⁶.

По мнению Н.Г. Мельникова, прототипом поэтессы в «Пнине» следует назвать Л.Д. Червинскую: «Представительница нелюбимой Набоковым монпарнассской богемы, славившаяся, если верить воспоминаниям современников, довольно беспорядочным образом жизни, Червинская, вероятно, является одним из житейских прообразов Лизы Пниной, на чьи “каштановые кудряшки” влиятельный литературный критик Жоржик Уранский “преспокойно возложил поэтическую корону Анны Ахматовой”, равно как прототипом продажного писаки – сам Г. Адамович, в рецензии на очередной поэтический сборник своей ученицы заявивший, что “она вообще – прямая и едва ли не единственная преемница Ахматовой в нашей литературе”» [35. С. 644–645]. Георгий Адамович дает довольно высокую оценку стихотворениям Червинской; он не только сравнивает ее творчество с поэзией Ахматовой, но и ставит в один ряд с русскими классиками⁷. Отметим, что третьим мужем Лизы становится тезка Адамовича – человек с «золотым именем» Георгий. Образ набоковской героини совпадает с описанием Червинской и является воплощением популярного в начале XX в. образа *femme fatale*. Социально-культурное явление «ахматовщины», характеризовавшееся подражанием не только ее произведениям, но и жизнетворческой установке «императрицы»⁸, становится в романе «Пнин» репрезентантом поэзии Серебряного века и сопоставляется с Золотым веком русской классики.

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что Набоков противопоставляет Золотой и Серебряный век русской литературы друг другу как по форме (неканоническая элегия Пушкина, написанная ямбом с использованием точных рифм, и пародия на стихотворение Ахматовой – «запинающимся анапестом» с неточным типом рифмовки), так и по содержанию (осознание неизбежного конца человеческой жизни – тема неразделенной любви, самоубийства). Обращение к элегии Пушкина, где лирический герой постоянно ощущает присутствие смерти и ожидает ее, созвучно набоковскому восприятию скорой «смерти» русской культуры за рубежом вместе с уходом последних представителей диаспоры. «Ахматовский текст» в романе является авторской реакцией на новый тип личности, характерный для культуры модернизма и зачастую воспроизводящийся русской интеллигенцией в эмиграции. Персональные «тексты» русских поэтов используются автором как модель описания будущего русской эмиграции, а именно ее смерти и утери культурных ценностей «старой России». Кроме того, писатель составляет в романе своеобразный каталог русской литературы. Напомним, что библиотека

для Набокова – это символ Родины, ее культурного наследия, утерянного дома, поэтому неслучайным становится тот факт, что образ Пушкина воссоздается с помощью культурных артефактов – книг, портрета на обложке. Классик помещается на «полку» библиотеки русской эмиграции, в то время как Ахматова, современница автора, предстает в образе «пародий-

ной личности» и не занимает определенного места в «библиотеке».

Учитывая символическое значение, которым обладает библиотека для Набокова, можно сделать вывод, что автор позиционирует себя как систематизатор русской литературы, способный определить место каждого писателя в литературном поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Как же много изменилось с тех пор, когда молодым автором в 1921 г. Набоков признавался в любви Бунину и считал его своим эстетическим эталоном! Теперь же в 1938-м Бунин стал для Набокова предметом эпатажа...» [7. С. 117].

² Аллюзия на данное стихотворение А.С. Пушкина присутствует у Набокова и в других произведениях, например в рассказе «Занятой человек».

³ В частности, рассуждение Пнина о художественном времени в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» войдет в параграф из набоковских «Лекций по русской литературе» [4. С. 268–277].

⁴ Взаимодействию рассказчика и главного героя посвящена вторая глава монографии Л. Токер [16].

⁵ Ср.: в том же стихотворении при описании речи заказчика автор использует амфибрахий, который, по мнению Набокова, должен использоваться при обычном повествовании: «Что хочешь ты? Чтоб стих твой говорил, / повествовал? – вот мерный амфибрахий...» [29. С. 600].

⁶ «Ахматова – глуше, чем до сих пор, и потому значительней – произнесла: “А вы думаете, я не знаю, что символизм, может быть, вообще последнее великое направление в поэзии”» [35. С. 31–32]; «... я сказал: “Где-то есть стихи такие прекрасные, что всё, что написано здесь на земле, – Анна Андреевна, простите меня, и ваши тоже, – в сравнении с ними страшная грубость, неблагозвучие, косноязычие. <...> Может быть, какими-то строчками даёт о них представление, хотя и самое отдалённое, только Блок...” Прошло несколько мгновений тишины, для меня в ту минуту совершенно естественной. Нина Антоновна и Борис, видя, что А.А. молчит, стали подтрунивать надо мной в том же стиле, что и в машине. Внезапно Ахматова очень серьёзно произнесла: “Нет, он дело говорит”» [34. С. 41].

⁷ «Но Ахматова без всякого самоуменьшения могла бы сказать Червинской то, что Толстой без всякого самоуменьшения говорил Чехову: “мне уже так не написать”, то есть не овладеть уже каким-то усовершенствованием, внесенным вами в писательское ремесло. Точность Червинской идёт дальше ахматовской, проникает в новые области и обходится без образов» [36. С. 3].

⁸ См.: [37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В.В. Предисловие к английскому переводу романа «Дар» (“The Gift”) // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. Т. 1. С. 43–45.
2. Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. Т. 1. С. 485–507.
3. Грейсон Д. Метаморфозы «Дара» // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. Т. 1. С. 585–630.
4. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1998. 440 с.
5. Набоков В.В. Пнин. СПб. : Азбука, 2015. 320 с.
6. Аверин Б.В. Гений тотального воспоминания : о прозе Набокова // Звезда. 1999. № 4. С. 158–163.
7. Шпраер М.Д. Бунин и Набоков: история соперничества. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.
8. Набоков В.В. Ив. Бунин. Избранные стихи // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Издательство Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. Т. 1. С. 29–32.
9. Шпраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб. : Академический проект, 2000. 384 с.
10. Анисимов К.В. «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 148 с.
11. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы : биография. СПб. : Симпозиум, 2010. Т. 1. 696 с.
12. Набоков В.В. Другие берега. СПб. : Азбука, 2015. 384 с.
13. Устами Буниных : в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977–1982. Т. 2.
14. Козлов В.И. Элегия неканонического периода: типология, история, поэтика : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2013. 42 с.
15. Бройтман С.Н. Деканонизация жанров в поэтике художественной модальности // Теория литературы. Историческая поэтика. М. : Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
16. Toker L. Nabokov. The Mystery of Literary Structures. Ithaca : Cornell University Press, 1989. 264 p.
17. Барабтарло Г. Разрешённый диссонанс // Набоков В.В. Пнин. СПб. : Азбука, 2015. С. 235–305.
18. Аверин Б. Набоков и набоковиана // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. Т. 1. С. 846–862.
19. Пушкин А.С. Брожу ли я вдоль улиц шумных... // Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 264–265.
20. Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultura Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age / ed. by B. Gasparov, R.P. Hughes, I. Paperno. Berkeley, Los Angeles, Oxford : University of California press, 1992. P. 19–51.
21. Арьев А. Вести из вечности (о смысле литературно-философской позиции В.В. Набокова) // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 2001. Т. 2. С. 169–193.
22. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М. : Согласие, 1997. 832 с.
23. Тынянов Ю.Н. О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 284–310.
24. Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа // О поэзии. Л. : Сов. писатель, 1969. С. 75–147.
25. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 5. М. : Агентство ФТМ, 2013. 480 с.
26. Ахматова А.А. Все мы бражники здесь, блудницы... // Сад. СПб. : Амфора; М. : ИД Комсомольская правда, 2012. С. 25.
27. Гаспаров М.Л. Стих Ахматовой: четыре его этапа // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 26–28.
28. Набоков В.В. Размеры // Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 600.
29. Набокова В. Предисловие к сборнику: В. Набоков. Стихи (1979) // В.В. Набоков: pro et contra. Т. 1. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. С. 342–343.
30. Набоков В.В. Слава // Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2008. Т. 5. С. 419–422.
31. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М. : Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
32. Набоков В.В. Поэту // Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004. Т. 1. С. 468.
33. Ходасевич В. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1997. Т. 1. С. 238–244.
34. Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М. : Колибри. 2016. 384 с.

35. Мельников Н.Г. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, статьи, пародии. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
36. Адамович Г.В. Литературные заметки // Последние новости. Париж, 1937. № 5927. С. 3.
37. Жолковский А.К. Технологии власти в творчестве и жителнотворчестве Ахматовой // *Lebenskunst – Kunstleben*. Жителнотворчество в русской культуре XVIII–XX вв. Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 1998. С. 193–210.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 ноября 2018 г.

Pushkin's and Akhmatova's Personal Texts in Vladimir Nabokov's Novel *Pnin*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 45–53.

DOI: 10.17223/15617793/438/6

Yuliya V. Kaminskaya, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Keywords: aesthetic reception; V. Nabokov; A. Akhmatova; A. Pushkin; literary reputation; émigré Russian literature.

The article analyzes Vladimir Nabokov's literary predecessors' personal texts which are included in the poetics of *Pnin*. In the study, personal text is understood as motive structures that allow reconstructing the author's image of two epochs in the history of Russian literature. The basic material for the study was Nabokov's novel *Pnin*, Alexander Pushkin's elegy "Wandering the Noisy Streets" and Anna Akhmatova's and her imitators Lidia Chervinskaya and Irina Odoyevtseva's early poems. Intertextuality is one of the main tools Nabokov used for creating the artistic space in *Pnin*. Two literary periods included in the text (the classical Russian literature of the 19th century and the Silver Age) are illustrated with images and motifs which are associated with Pushkin, Zhukovsky, Gogol, Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov, and Akhmatova, her imitators (Chervinskaya and Odoyevtseva), Adamovich, respectively. In the novel, these two periods are opposed to each other like Pushkin's "Wandering the Noisy Streets" and a parody on the early Akhmatova's poems. The main character (Timofey Pnin, an emigrant, a professor of the Russian language) is giving a lecture about Pushkin's elegy whereas the parody is presented by the lyrics written by his ex-wife Liza Bogolepova. These two works differ both in form (non-canonical Pushkin's elegy is written in iambic pentameter using perfect rhymes, while the parody is written in "spavined anapaestic tetrameter", i.e. in a combination of two-syllable and three-syllable feet with inaccurate type of rhyming) and content (awareness of human life's inescapable end and the theme of unrequited love and suicide, respectively). The lyrical character in Pushkin's text is trying to guess the date of his own death and is feeling death's arrival, and Pnin's appeal to this text is similar to the author's forefeeling about the impending mass emigration and the "end of Russian culture". Nabokov also included the parody on Akhmatova as his own reaction to the brand new type of intellectual personality popularized in the Russian modernist culture. Nabokov shows these personal "texts" differently as a philologist demonstrating his own view on the previous and contemporary literature. The image of Pushkin is deliberately made of books and a portray on a cover as, for Nabokov, library is a key symbol referring to the language and cultural heritage of the involuntarily abandoned country. The classical writers of Russian literature are placed onto the library shelves, while Akhmatova does not seem to have this privilege and is described as a parody character. Setting emigrants' "correct" value orientation and placing certain writers on bookshelves, Nabokov describes his own role in literature. The author considers himself a systematizer who is able to set a place for each author in this "emigration library".

REFERENCES

1. Nabokov, V.V. (1997) Predislovie k angliyskomu perevodu romana "Dar" ("The Gift") [Preface to the English translation of the novel "The Gift"]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
2. Paperno, I. (1997) Kak sdelan "Dar" Nabokova [How Nabokov's "The Gift" is made]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
3. Grayson, D. (1997) Metamorfozy "Dara" [Metamorphoses of "The Gift"]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
4. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
5. Nabokov, V.V. (2015) *Pnin*. St. Petersburg: Azbuka. (In Russian).
6. Averin, B.V. (1999) Geniy total'nogo vospominaniya: o proze Nabokova [The genius of total memory: about Nabokov's prose]. *Zvezda*. 4. pp. 158–163.
7. Shraer, M.D. (2015) *Bunin i Nabokov: istoriya sopernichestva* [Bunin and Nabokov: the history of rivalry]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
8. Nabokov, V.V. (1997) Iv. Bunin. Izbrannyye stikhi [Ivan Bunin. Selected Poems]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
9. Shraer, M.D. (2000) *Nabokov: temy i variatsii* [Nabokov: themes and variations]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
10. Anisimov, K.V. (2015) "Grammatika lyubvi" I.A. Bunina: tekst, kontekst, smysl ["The Grammar of Love" by I.A. Bunin: text, context, meaning]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
11. Boyd, B. (2010) *Vladimir Nabokov: russkie gody: biografiya* [Vladimir Nabokov: Russian years: biography]. Vol. 1. St. Petersburg: Simpozium.
12. Nabokov, V.V. (2015) *Drugie berega* [Other Shores]. St. Petersburg: Azbuka.
13. Grin, M. (1977–1982) *Ustami Buninykh: v 3 t.* [By the mouths of the Bunins: in 3 vols]. Vol. 2. Frankfurt: Posev.
14. Kozlov, V.I. (2013) *Elegiya nekanonicheskogo perioda: tipologiya, istoriya, poetika* [Elegy of the non-canonical period: typology, history, poetics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
15. Broytman, S.N. (2004) Dekanonizatsiya zhanrov v poetike khudozhestvennoy modal'nosti [Deanonization of genres in the poetics of literary modality]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Teoriya literatury. Istoricheskaya poetika* [Theory of Literature. Historical poetics]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
16. Toker, L. (1989) *Nabokov. The Mystery of Literary Structures*. Ithaca: Cornell University Press.
17. Barabtarlo, G. (2015) Razreshennyi dissonans [The resolved dissonance]. In: Nabokov, V.V. *Pnin*. St. Petersburg: Azbuka.
18. Averin, B. (1997) Nabokov i nabokoviana [Nabokov and Nabokoviana]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
19. Pushkin, A.S. (1959) Brozhu li ya vdol' ulits shumnykh... [Wandering the Noisy Streets]. Blagoy, D.D. et al. (eds) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.
20. Paperno, I. (1992) Pushkin v zhizni cheloveka Serebryanogo veka [Pushkin in the life of a person of the Silver Age]. In: Gasparov, B. et al. (eds) *Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age*. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California press.
21. Ar'ev, A. (2001) Vesti iz vechnosti (o smysle literaturno-filosofskoy pozitsii V.V. Nabokova) [News from eternity (on the meaning of the literary and philosophical position of V.V. Nabokov)]. In: Averin, B. (ed.) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.

22. Chukovskaya, L. (1997) *Zapiski ob Anne Akhmatovoy. 1952–1962* [Notes on Anna Akhmatova. 1952–1962]. Vol. 2. Moscow: Soglasie.
23. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literary history. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 284–310.
24. Eykhenbaum, B.M. (1969) *O poezii* [On poetry]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 75–147.
25. Chukovskiy, K.I. (2013) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 5. Moscow: Agentstvo FTM.
26. Akhmatova, A.A. (2012) *Sad* [Garden]. St. Petersburg: Amfora; Moscow: ID Komsomol'skaya pravda. pp. 25.
27. Gasparov, M.L. (1989) Stikh Akhmatovoy: chetyre ego etapa [Akhmatova's Verse: its four stages]. *Literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 26–28.
28. Nabokov, V.V. (2004) Razmery [Meters]. In: Artemenko-Tolstoy, N.I. (ed.) *Russkiy period. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Russian period. Collected Works: in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Simpozium.
29. Nabokova, V. (1997) Predislovie k sborniku: V. Nabokov. Stikhi (1979) [Preface to the collection: V. Nabokov. Poems (1979)]. In: Averin, B. (ed.) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
30. Nabokov, V.V. (2008) Slava [Fame]. In: Artemenko-Tolstoy, N.I. (ed.) *Russkiy period. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Russian period. Collected Works: in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Simpozium.
31. Gasparov, M.L. (2012) *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow: Fortuna EL.
32. Nabokov, V.V. (2004) Poetu [To the poet]. In: Artemenko-Tolstoy, N.I. (ed.) *Russkiy period. Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Russian period. Collected Works: in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Simpozium.
33. Khodasevich, V. (1997) O Sirine [On Sirin]. In: Averin, B., Malikova, M. & Dolinin, A. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
34. Nayman, A. (2016) *Rasskazy o Anne Akhmatovoy* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow: Kolibri.
35. Mel'nikov, N.G. (2000) *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: kriticheskie otzyvy, stat'i, parodii* [A classic without retouching. The literary world about the works of Vladimir Nabokov: critical reviews, articles, parodies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Adamovich, G.V. (1937) Literaturnye zametki [Literary notes]. *Poslednie novosti*. (Paris). 5927. pp. 3.
37. Zholkovskiy, A. (1998) K tekhnologii vlasti v tvorchestve i zhiznetvorchestve Akhmatovoy [On the technology power in the works and life of Akhmatova]. In: Schahadat, Sch. Von (ed.) *Lebenskunst – Kunstleben. Zhiznetvorchestvo v russkoy kul'ture XVIII–XX vv.* [Life Art – Art Life. Life creation in the Russian culture of the 18th–20th centuries]. Munich: Verlag Otto Sagner.

Received: 02 November 2018

О.В. Царегородцева, З.И. Резанова

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ НА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЮ ОБЪЕКТОВ: РУССКО-ТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 34.8749.2017/9.10.*

Представлены результаты экспериментальной проверки гипотезы о влиянии грамматической категории рода на концептуализацию объектов и влияния грамматического рода во втором языке на когнитивные процессы билингвов. Гипотеза проверяется с привлечением двух групп русскоговорящих респондентов, в первой группе русский являлся родным и доминирующим, во второй группе родным материнским был татарский язык, русский – доминирующим в настоящее время. Результаты экспериментов показали наличие влияния грамматической категории рода на концептуализацию объектов в первой группе и пограничный эффект влияния русского языка в группе респондентов, для которых он был вторым языком, проявившийся, очевидно, благодаря его активности и доминированию.

Ключевые слова: грамматический род; концептуализация; русско-тюркский билингвизм; русский язык; татарский язык.

В статье представлены результаты экспериментального исследования влияния различий грамматической категоризации русского и одного из тюркских языков – татарского – на процессы категоризации объектов русско-татарскими билингвами. Работа выполнена в рамках проекта, направленного на исследование активных процессов языковой динамики и межъязыкового и межкультурного взаимодействия на юге Сибири.

Обращение к исследованию влияния различий в грамматической категоризации языковых систем русско-татарских билингвов на примере грамматической категории рода обусловлены двумя основными причинами. Во-первых, влияние специфики грамматической категоризации на осуществление когнитивных процессов, в том числе концептуализацию объектов, было зафиксировано в экспериментальных исследованиях, проведенных на материале разных языков: английского, испанского, японского, венгерского, болгарского [1–7 и др.], в том числе проведенных на материале русского языка [8, 9]. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов носителями языка проявляется в том, что носителями языков с грамматическим родом объекты, обозначенные существительными женского рода, наделяются женскими характеристиками, а объекты, обозначенные существительными мужского рода, – мужскими. Однако были обнаружены и противоречащие данные: полученные в одних экспериментальных исследованиях результаты не всегда реплицировались в аналогичных исследованиях. Так, например, влияние грамматического рода при выполнении задания на запоминание было обнаружено в исследовании Л. Бородицки и Л. Шмидта [1. С. 68], однако в другом исследовании, использующем аналогичный метод, влияние грамматического рода было обнаружено у носителей испанского языка, но не было обнаружено у носителей немецкого [10]. Противоречивость полученных экспериментальных данных и выявление факторов, влияющих на когнитивные процессы, обуславливает необходимость продолжения исследований языковых

систем с разными типами грамматической концептуализации рода, с различными вариантами наложения грамматических систем в условиях билингвизма.

Во-вторых, данное исследование является частью анализа языковых и когнитивных, психолингвистических аспектов контактирования русского и тюркских языков Южной Сибири¹. Одна из важных задач проекта – анализ влияния на речевые практики билингвов, способы когнитивной обработки речевой и неречевой информации разнотипных грамматических структур агглютинативных тюркских языков и глубокого синтетического флективного русского языка, имеющих также существенные различия как в наборе морфологических категорий, так и в структуре частных значений, выражаемых в языках своеобразным способом. В данном исследовании мы обратились к материалу русско-татарского языкового взаимодействия, поскольку в татарском языке категория рода отсутствует (как во всех тюркских языках), а в русском языке данная категория имеет трехчленную структуру с последовательным морфологическим выражением.

На предыдущих этапах исследования были проведены записи устной русской речи русско-тюркских билингвов – более 200 часов звучания, записана и анализируется речь представителей разных социальных групп, дифференцирующихся по возрасту, образованию, полу, социальному положению, носителей разных типов билингвизма. При этом доминирующим в записях является тип билингвизма, при котором родной, первый [L1] – один из тюркских языков (шорский, татарский, хакасский), второй [L2] – русский. Абсолютное большинство записанных текстов зафиксировали речь билингвов, у которых русский язык в настоящее время является активным и доминирующим, т.е. используется во всех социальных сферах коммуникации, а первый тюркский язык используется в ситуациях семейного и дружественного общения, зачастую нерегулярно. Анализ вариантов проявления интерференции в речевых практиках билингвов выявил в качестве наиболее устойчивой черты – нару-

шение норм маркирования по грамматическому роду имен существительных и согласуемых с ними имен прилагательных, глагольных форм с данной грамматической категорией. Приведем типичные проявления данного типа интерференции: *...вот так говорю: красивый и хороший ограда сделай, и крест не деревянный, а железный, чтоб долго стояла // кто будет ходить-то, смотреть, красивый или какая; Да, на сало, с одной салой делала. Туда лук не крошила. С одной салой и пиеница сами сеяли, муку делали. Мне так нехорошо сделался, я опять ночи не сплю*².

Активность и доминирование русского языка обуславливают то, что и данный тип языковой интерференции проявляется нечасто, преимущественно в речи представителей старшего поколения, имеющих более длительную историю использования родного языка и более регулярно говорящих на нем в настоящее время. У представителей среднего и младшего возраста нарушения маркирования имен по роду проявляются редко, чаще всего в конце интервьюирования, предположительно – в условиях снижения когнитивного контроля.

Имеющиеся в литературе данные о влиянии на категоризацию объектов грамматического рода родного и приобретенного языка, а также о том, что различия грамматической категоризации по роду в русском и тюркских языках проявляются в явлениях интерференции даже в условиях актуальности и доминирования русского языка, явились основанием формулирования гипотезы о том, что эффект влияния грамматического рода на категоризацию объектов будет проявлен у носителей русского языка, для которых он является родным, и русско-тюркских билингвов, у которых он является вторым и приобретенным.

При проверке гипотезы мы использовали экспериментальное задание, в котором сам грамматический род не упоминается и манипуляции с ним для испытуемого неочевидны. Испытуемым были представлены пары рисунков с изображениями разных предметов, животных и людей. Участники выполняли задания на оценку сходства этих изображений; в основе дизайна эксперимента с таким заданием лежит предположение о том, что объекты, имеющие наименования одного грамматического рода, будут оценены носителями языка как более похожие. Процедура экспериментов была взята из исследования В. Филиппа и Л. Бородицки [12], где участниками эксперимента являлись испано-английские, немецко-английские и испано-немецкие билингвы с высоким уровнем владения вторым языком. Это исследование показало, что даже в таком нелингвистическом задании, т.е. задании, где напрямую не используются наименования объектов, грамматический род родного языка оказывает влияние на процесс принятия решения о схожести объектов. Филипп и Бородицки [Ibid.], отмечают, что такой результат с большой долей вероятности объясняется тем, что наименования объектов родного языка активируются сознанием автоматически, без присутствия сознательных когнитивных процессов, а следовательно, являются частью концептуализации предметов окружающей действительности.

В исследовании мы идем вслед за оригинальными экспериментами Филиппа и Бородицки [Ibid.]. Прове-

ряемая в экспериментах гипотеза конкретизирована следующим образом. Мы предположили, опираясь на предыдущие работы, что носители русского языка (русский язык – родной, первый, активный) оценят конгруэнтные пары изображений (например, женщина – улитка) как более похожие, чем неконгруэнтные (например, мужчина – улитка). Конгруэнтными являются пары с совпадением рода существительного, обозначающего объект, и пола человека, с которым этот объект нужно сравнивать (мужской род существительного – изображение мужчины, женский род – изображение женщины), неконгруэнтными – пары с несовпадением грамматического рода и пола. Помимо реплицированного эффекта грамматического рода у русских условных монолингвов мы ожидали вариации этого эффекта у группы русско-татарских билингвов.

Логично предположить, что эффекта рода у билингвов наблюдаться не будет, если первый язык не содержит этой категории. Однако есть отличия в группе билингвов в нашей работе от группы билингвов в исследовании Филиппа и Бородицки [12]. В эксперименте среднее время использования второго языка у участников составляло 15 лет, тогда как средний возраст у них же был 30 лет. В нашем исследовании практически все билингвы начали использовать русский язык сразу за родным (в возрасте от 3 до 6 лет) или одновременно с родным, средний возраст их составлял 35 лет, среднее время использования второго языка – 30 лет. Также, в отличие от эксперимента Филиппа и Бородицки, в нашей работе первым языком участников был язык без категории грамматического рода (татарский), а вторым – язык с категорией рода (русский). В исследовании Филиппа и Бородицки [Ibid.] последовательность была обратная: первый язык обладал категорией рода, второй язык – нет (испанский / немецкий – английский).

Тон Дийкстра [13] отмечает, что большое количество исследований лексикона билингвов показывает невыборочный доступ (non-selective access) к словам как второго, так и первого языка в сознании билингвов при использовании речи, т.е. при выборе наименования для объекта активируются оба слова. Таким образом, относительно процедуры обсуждаемого исследования [12], если участник видит стол, ему доступны наименования обоих языков, а так как у одного наименования присутствует род, то он будет влиять на решение. В ситуации, когда оба языка содержат категорию рода, первый язык должен иметь большее влияние в силу последовательности усвоения и / или большего количества языкового опыта. Следуя теории невыборочного доступа, оба слова должны активироваться в случае, подобном нашему. Здесь возникает вопрос, будет ли род слов второго языка оказывать воздействие на решение участников или же, в силу отсутствия рода в первом языке, слова первого языка будут иметь большую силу при выполнении задания. Возможно, это будет зависеть от ряда факторов. Например, Дийкстра, Ван Хелл и Брендерс [14] исследуют роль контекста в активации лексики билингвов, замечая, что контекст может влиять на силу активации того или иного языка.

В нашем случае русско-татарские билингвы находятся в контексте русского языка, т.е. в условиях доминирования русского языка во всех сферах. Также стоит еще раз подчеркнуть, что билингвизм участников нашего эксперимента довольно ранний. В такой ситуации можно ожидать, что род проявится в подобном эксперименте. Хотя, как отмечалось выше, даже у молодых людей встречается языковая интерференция в речи. Чтобы понять, контекст ли является возможной причиной потенциального эффекта рода, мы решили добавить этот фактор в эксперимент с билингвальными участниками, т.е. использовать инструкции и описание на татарском и на русском языках. Подводя итог сказанному, мы ожидали, что контекст будет модулировать эффект рода у русско-татарских билингвов.

Вследствие такой конкретизации гипотезы были последовательно смоделированы и проведены два эксперимента, имеющих тождественный набор стимулов, но отличающихся по отбору респондентов, и частично – процедуры проведения экспериментальных сессий.

Первый эксперимент был направлен на определение влияния грамматической категории рода на категоризацию объекта носителями русского языка и являлся репликацией первого эксперимента, описанного в [9].

Эксперимент 1.

Участники. В эксперименте приняло участие 46 человек (13 мужчин) в возрасте от 14 до 57 лет ($CP = 25$, $СТ.О = 8^3$) с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Для каждого из участников русский язык являлся родным и первым языком, а также доминирующим во время прохождения эксперимента.

Стимулы. Стимулами были пары черно-белых векторных изображений, взятые с ресурса <https://pixabay.com/>, все иллюстрации предоставлялись ресурсом без ограничения на использование. Одной из частей пары были изображения мужчины и женщины (рис. 1), всего использовалось четыре рисунка. Второй частью стимула являлись иллюстрации неодушевленных предметов и животных (рис. 2).

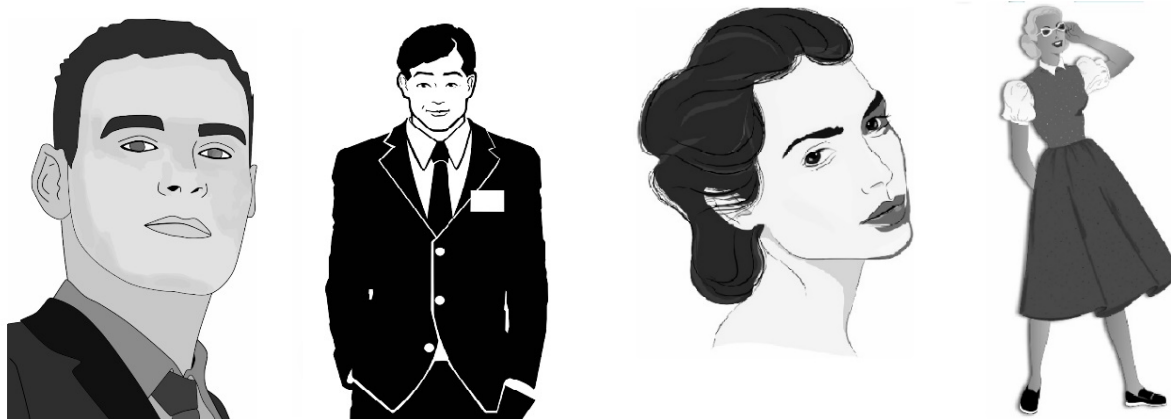

Рис. 1. Изображения мужчины и женщины, не в масштабе. Эксперимент 1

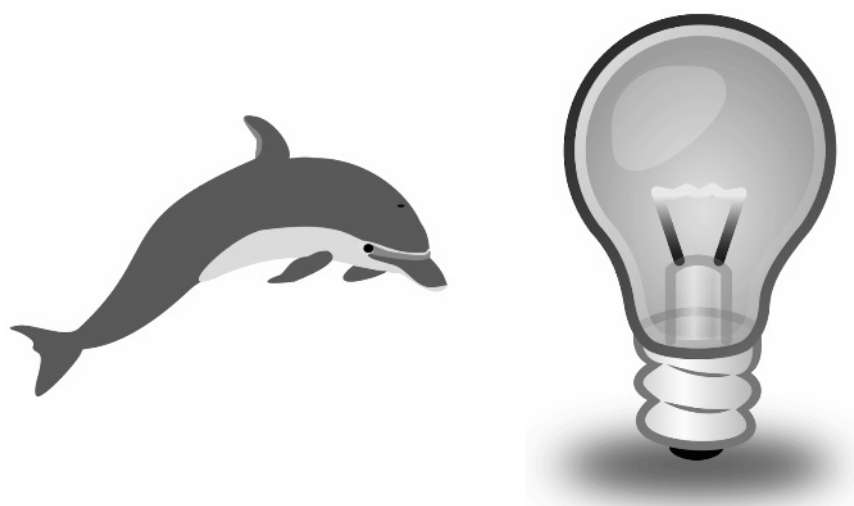

Рис. 2. Изображения предметов и животных, пример, не в масштабе. Эксперимент 1

Изображения предметов и животных были подобраны таким образом, чтобы у каждого из них было одно наименование, которое воспроизводилось носителями языка первым и воспринималось как основное.

Список всех 32 наименований, ассоциируемых с иллюстрациями, представлен в табл. 1.

Порядок представления рисунков в паре был контрбалансирован, т.е. в части стимулов первым ри-

сунком было изображение человека, в другой части стимулов на первом месте показывался рисунок предмета или животного. Подобная контрбалансировка обязательна для подобного типа экспериментов и применяется, чтобы уменьшить степень привыкания к стимулам и минимизировать эффект внимания на первую часть стимула. Графические стимулы более подробно описаны в статье [9].

Процедура и дизайн. Эксперимент начинался с заполнения формы согласия и короткого опросника,

созданного для того, чтобы определить, является ли русский язык для испытуемого первым, родным и доминирующим языком. После этого начинался эксперимент, где участника просили оценить по шкале от 1 до 7, насколько похожими являются пары изображений, где 1 означало «очень непохожи», а 7 – «очень похожи». С помощью google-форм на экране демонстрировались стимулы, под каждым из которых была расположена шкала. Пример стимула представлен на рис. 3.

Таблица 1

Список наименований к изображениям

1	Книга	17	Лампочка
2	Якорь	18	Дельфин
3	Пуговица	19	Зебра
4	Скрипка	20	Карандаш
5	Кукуруза	21	Самолет
6	Рыба	22	Жук
7	Улитка	23	Помидор
8	Стул	24	Тыква
9	Вилка	25	Ракетка
10	Колокол	26	Пальма
11	Лист	27	Ложка
12	Дом	28	Звезда
13	Велосипед	29	Зонт
14	Муравей	30	Свисток
15	Стол	31	Собака
16	Ручка	32	Слон

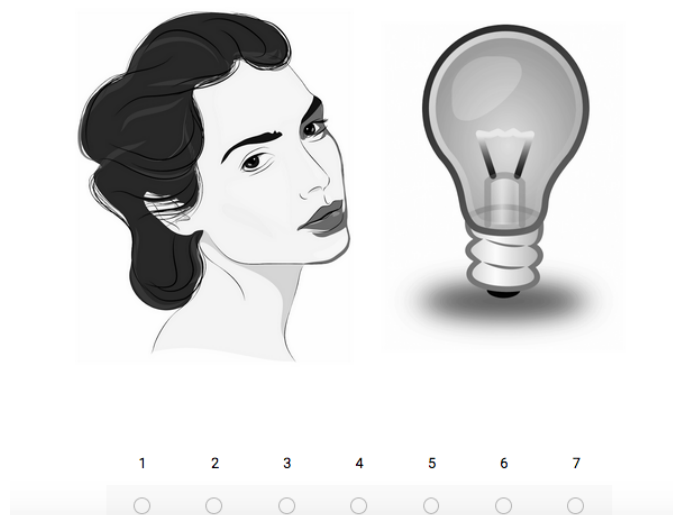

Рис. 3. Пример стимула, не в масштабе

Дизайн эксперимента включал одну независимую переменную с двумя уровнями, это был род наименований изображений (конгруэнтные vs неконгруэнтные пары), т.е. всего было два условия. Каждое из 32 изображений предметов / животных появлялось четыре раза, по одному разу на каждый из рисунков людей; итого испытуемому было представлено 128 проб, по 64 пробы на условие. Порядок предъявления проб был рандомизирован. Зависимой переменной являлись оценки участников.

Результаты и обсуждение. Ответы 5 участников были исключены из анализа, так как эти испытуемые использовали только одно деление на шкале (давали ответ 1). Таким образом, в итоговый анализ вошли данные 41 участника, 11 из них мужчины ($CP=26$, $CT.O=8$). Ответы участников были усреднены, применен дисперсионный анализ с повторными измерениями (rANOVA), так как все участники проходили все условия. Анализ проводился с усреднением по участникам (analysis by-subjects).

гANOVA показал значимый эффект рода: $F(1, 40) = 8,97$, $p = 0,005$, $\eta_p^2 = 0,18$ – конгруэнтные пары оценивались испытуемыми как более похожие по срав-

нению с неконгруэнтными парами (рис. 4), значения средних и стандартные отклонений представлены в табл. 2.

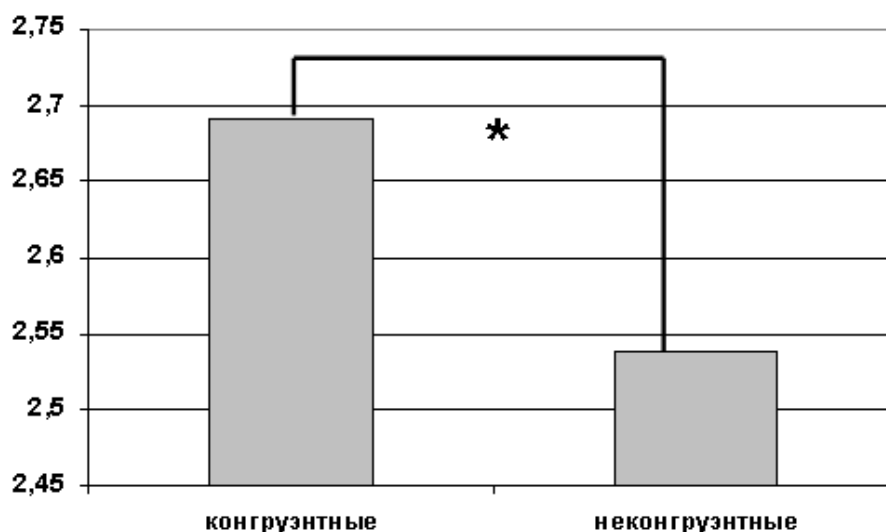

Рис. 4. Разница в оценках конгруэнтных и неконгруэнтных пар. Группа русских монолингвов. Эксперимент 1 (* – уровень значимости $p < 0,05$)

Таблица 2

Описательные статистики. Группа русских монолингвов. Эксперимент 1

Пары	СР (СТ.О)
Конгруэнтные	2,69 (1,14)
Неконгруэнтные	2,54 (1,01)

Таким образом, результат, описанный в научной литературе, в том числе на материале русского языка [9], был реплицирован, что говорит о стабильности эффекта.

Однако целью настоящего исследования было проверить, сохранится ли эффект грамматического рода у русскоговорящих носителей татарского языка, для которых татарский язык является первым родным материнским, а русский – доминирующим и актуальным в настоящее время. Для этого был смоделирован и проведен Эксперимент 2, также частично реплицирующий дизайн экспериментов, представленных в [9].

Эксперимент 2.

Участники. Участниками второго эксперимента были 25 русско-татарских билингвов (11 из них мужчины) в возрасте от 18 до 63 лет (СР = 33, СТ.О = 15) с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Такое же количество респондентов было протестировано и в работе Филлипса и Бородинки [12], Джеймс и другие [16] также отмечают, что количество респондентов (20) достаточно для подобного рода экспериментов.

Все участники указали татарский язык как родной, однако использование татарского языка в период участия в эксперименте варьировалось. 9 человек отметили, что почти не используют татарский язык или используют редко, 3 написали, что используют татарский язык постоянно, остальные 13 – используют только для общения с семьей и друзьями. Что касается русского языка, то все участники отметили, что пользуются им постоянно

во всех ситуациях. Интересно, что большинство участников эксперимента отметили русский язык как первый (14 из 25), тогда как примерное время начала использования русского языка (говорение) у большинства колеблется от 3 до 6 лет (16 из 25). После 6 начали говорить на русском 2 из 25 участников, и еще 7 отметили, что начали говорить на русском до 3 лет. Таким образом, основная часть участников представляет собой билингвов с ранним последовательным типом билингвизма (early sequential bilingualism): таким типом билингвизма, когда второй язык начинает усваиваться в раннем возрасте, но следуя за первым языком [15].

Очевидно, что когда испытуемые отмечали русский язык как первый, они имели в виду осознаваемую в настоящем доминантность русского языка.

Стимулы. Стимулы второго эксперимента были теми же, что мы использовали в первом эксперименте.

Процедура и дизайн. Процедура второго эксперимента отличалась от описанной выше. Все стимулы были разделены на два листа. На одном листе информированное согласие, опросник и инструкции были на татарском языке, на другом листе использовался русский язык. Каждый участник проходил оба листа. Порядок представления листов был контрбалансирован, т.е. часть участников получали сначала русскую версию, а потом татарскую, другая часть проходила экспериментальные листы в обратном порядке. Стоит заметить, что в начале татарской версии эксперимента участники, помимо всего прочего, должны были выполнить задание на понимание текста, написанного на

татарском языке. Это было сделано по нескольким причинам. Во-первых, мы добавили это задание, чтобы активировать у участников не только умение понимать язык (language processing), но умение воспроизводить его (language production); во-вторых, это задание увеличивало время ситуативной «представленности» языку, что в целом, как мы считаем, вело к более сильному эффекту татарского языка. Для русской версии эксперимента подобного задания не было, так как русский язык в русской среде участников занимает доминирующее положение, что и было нами отмечено выше.

Внутри каждой экспериментальной сессии (при прохождении эксперимента одним испытуемым) стимулы первого листа не повторяли стимулы второго листа. Как и в первом эксперименте, испытуемому демонстрировалось 128 проб, по 64 пробы на конгруэнтные и неконгруэнтные пары.

Дизайн эксперимента включал две независимые переменные: язык эксперимента (русский vs. татарский) и род наименований изображений (конгруэнтные vs. неконгруэнтные пары). Таким образом, участники проходили через четыре условия, по

32 стимула на каждое. Такое количество стимулов является достаточным, согласно правилам проведения экспериментального исследования, где минимальное количество стимулов на условие должно составлять 15 [16]. Зависимой переменной являлись оценки участников.

Результаты и обсуждение. Данные одного участника были исключены из анализа, так как они представляли собой повторение одного и того же ответа на каждый стимул. В итоговый анализ вошли данные 24 русско-татарских билингвов (CP = 34, CT.O = 15), 10 из 24 билингвов были мужского пола. Как и в первом эксперименте, был использован дисперсионный анализ с повторными измерениями (rANOVA). Анализ по участникам (by-subjects) показал отсутствие главного эффекта текста ($F(1, 23) = 2,59$, $p = 0,121$, $\eta_p^2 = 0,10$), а также отсутствие интеракции между факторами ($F(1, 23) = 0,66$, $p = 0,422$, $\eta_p^2 = 0,03$), однако присутствует маргинальный (пограничный к значимости) эффект рода ($F(1, 23) = 4,25$, $p = 0,051$, $\eta_p^2 = 0,16$). Значения средних и стандартных отклонений представлены в табл. 3.

Таблица 3

Описательные статистики. Группа русско-татарских билингвов. Эксперимент 2

Пары	Язык эксперимента	
	русский CP (CT.O)	татарский CP (CT.O)
Конгруэнтные	2,91 (0,94)	3,12 (1,05)
Неконгруэнтные	2,85 (0,89)	2,98 (1,00)

Таким образом, результаты второго эксперимента показали, что у русско-татарских билингвов присутствует *тенденция к влиянию грамматической категоризации* по роду при категоризации объектов, что сопоставимо с носителями русского языка, для которых русский является родным. Схожий результат отмечается в работе Филлипса и Бородинки [12]. Исследователи отмечают, что чем выше уровень владения вторым языком, тем сильнее проявляется его влияние в процессах категоризации. Все участники отметили, что пользуются русским языком постоянно, очевидно, этот фактор и определил появление эффекта рода в данном эксперименте.

Мы не зафиксировали существенных различий в двух вариантах процедуры эксперимента. Предполагалось, что эффект рода будет сильнее в варианте эксперимента, проводимого на русском языке, по сравнению вариантом, актуализирующим татарский язык. Однако язык эксперимента не оказал влияния на решения участников относительно оценки сходства предметов. Как было отмечено, предварительное анкетирование респондентов выявило, что большинство испытуемых регулярно используют татарский язык в бытовом общении (13 из 26) или постоянно (3 из 24), и только 8 из 24 используют редко или никогда. Чтобы проверить, влиял ли этот факт на решения участников, мы провели дополнительный анализ, указав использование языка как дополнительный фактор, однако анализ (mixed design rANOVA) показал, что фактор частоты использования родного языка не оказывает воздействие на общий результат эксперимента (все $p > 0,08$).

Мы сравнили полученные данные с результатами эксперимента, проведенного ранее и описанного в [9], где была обнаружена интеракция грамматических систем взаимодействующих языков при категоризации объектов.

В этом исследовании в качестве испытуемых привлекались русско-испанские билингвы, у которых: 1) русский язык был родным; 2) билингвизм формировался за счет усвоения испанского языка в вузе и может быть охарактеризован как поздний, учебный функциональный; 3) в родном и усваиваемых языках наличествует категория рода. В испанском языке категория рода является двучленной и по характеру формального маркирования имеет значительное сходство с категорией рода в русском языке: является классифицирующей и представляет собой согласовательный класс, родовые оппозиции маркируются системой флексий и, в отличие от русского языка, артиклями. Следовательно, билингвальный опыт испытуемых относительно манипулирования категорией рода накладывается и взаимодействует с системой грамматического рода родного языка.

Билингвальное взаимодействие в представляемом в данной статье эксперименте имеет принципиальные отличия: 1) у привлекаемых в качестве респондентов русско-татарских билингвов родным языком был татарский; 2) билингвизм может быть охарактеризован как ранний и естественный; 3) в родном для респондентов татарском языке отсутствует категориальное грамматическое противопоставление по роду. Однако несмотря на различия билингвизма респондентов в настоящей работе и в работе [9] в обоих исследованиях прослеживается влияние второго языка на родной.

Сравнение результатов двух экспериментов позволяет нам сделать предположение, что отмечаемое ранее исследователями взаимодействие родовых грамматических систем билингвов определяется наличием паттернов грамматической родовой категоризации в родном языке и взаимодействие с другой грамматической

системой опирается на существующую в родном языке, вступая с ней в отношения интеракции. При отсутствии грамматической категоризации в родном языке освоение грамматической категории второго языка не остается на уровне «когнитивной техники», но влияет на другие когнитивные процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание задач и направлений исследований секции лингвистических и психолингвистических и когнитивных аспектов русско-тюркского языкового взаимодействия в проекте представлено в [11].

² Приводятся контексты из базы данных Корпуса текстов русско-тюркских билингвов Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ.

³ Здесь и далее: СР – среднее, СТ.О – стандартное отклонение от среднего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W. Sex, syntax, and semantics // *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. 2003. P. 61–79.
2. Flaherty M. The influence of a language gender system on perception // *Tohoku psychologica folia*. 2000. T. 58. P. 1–10.
3. Kurinski E., Jambor E., Sera M.D. Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2016. T. 20, № 1. P. 76–93.
4. Landor R. Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects: Thesis (PhD Doctorate) – Griffith University. Brisbane, 2014. 310 p.
5. Andonova E. et al. Second language gender system affects first language gender classification // *Cognitive aspects of bilingualism – Springer Netherlands*. 2007. P. 271–299.
6. Janyan A., Vergilova Y. Biological sex context influences grammatical gender categorization of objects // *European Perspectives on Cognitive Science*. 2011.
7. Mills A.E. Acquisition of the natural-gender rule in English and German // *Linguistics*. 1986. T. 24, № 1. P. 31–46.
8. Nicoladis E., Da Costa N., Foursha-Stevenson C. Discourse relativity in Russian-English bilingual preschoolers' classification of objects by gender // *International Journal of Bilingualism*. 2016. T. 20, № 1. P. 17–29.
9. Резанова З.И., Ершова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 104–124. DOI: 10.17223/19986645/50/7.
10. Koch S.C., Zimmermann F., Garcia-Retamero R. El sol-die Sonne // *Psychologische Rundschau*. 2007. T. 58, № 3. P. 171–182.
11. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // *Русин*. 2018. № 2 (52). С. 107–117. DOI: 10.17223/18572685/52/8.
12. Phillips W., Boroditsky L. Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 2003. T. 25, № 25.
13. Dijkstra T. Lexical processing in bilinguals and multilinguals: The word selection problem // *The multilingual lexicon*. Springer, Dordrecht, 2003. C. 11–26.
14. Dijkstra T., Van Hell J.G., Brenders P. Sentence context effects in bilingual word recognition: Cognate status, sentence language, and semantic constraint // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2015. T. 18, № 4. C. 597–613.
15. Kohnert K. Second language acquisition: Success factors in sequential bilingualism // *ASHA Leader*. 2008. T. 13, № 2. C. 10–13.
16. St James J.D., Schneider W., Eschman A. PsychMate: Experiments for Teaching Psychology (Version 2.0) // *Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools*. 2005.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 декабря 2018 г.

Only Mother Tongue Matters: The Effect of Grammatical Gender on the Conceptualization of Objects in Tatar-Russian Bilinguals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 54–61.

DOI: 10.17223/15617793/438/7

Oksana V. Tsaregorodtseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: caregrad@yandex.ru

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Keywords: grammatical gender; linguistic relativity; conceptualization; bilingualism; Russian language; Tatar language.

It has been shown previously that grammatical gender affects objects' conceptualization. Specifically, it was revealed that people tend to endow objects without biological sex by masculine/feminine properties if the linguistic label for the object has a masculine/feminine gender. Data suggest that the linguistic label being part of the concept is activated automatically and affects people's judgment about the object. Despite a bulk of research that deals with the question about grammatical gender and concepts, it is still not very clear how conceptualization is built in the bilingual mind, especially, when one of the languages acquired by people does not have the grammatical gender. In the current study, the authors investigate the issue of whether the grammatical gender of the second language would affect conceptualization in Tatar-Russian bilinguals. The thing is that in the group of Tatar-Russian bilinguals bilingualism is early-sequential. Additionally, Russian is dominant, unlike Tatar, which is the first language, however, for the usage, it is subordinate to Russian. The authors conducted two experiments. One of them was a control one. Russian native speakers were engaged to test whether the effect of gender works in the chosen paradigm with the current sample. The second experiment was carried out with the Tatar-Russian bilinguals. The procedure was as follows. Participants saw pairs of pictures, with a picture of a man or a woman and an object next to it. The linguistic marker for the object could have either a masculine or a feminine grammatical gender. Thus, congruent and incongruent pairs were presented, for instance, a man and a bicycle (*velosiped*, masculine) or a man and a fish (*ryba*, feminine), respectively. The task was to evaluate to what extent two pictures are similar, using the 7-point Likert scale. The authors hypothesized that people would tend to estimate congruent pairs as more similar than incongruent ones in the first experiment. They predicted that the attenuated effect of gender would appear in the group of the Tatar-Russian bilinguals when instructions

are given in Russian. They also expected that, when instructions are given in Tatar, the effect would fade. Results revealed a strong effect of the grammatical gender in the group of Russian native speakers, whereas in the group of Tatar-Russian bilinguals only a marginal effect of gender was found, even when the authors tried to boost realization of the differences between languages, using the Tatar and Russian sentence context before the experiment. To sum up, the experiments showed that the grammatical system of the second language could have an effect on objects' conceptualization. In other words, its grammatical system is not acquired as a 'linguistic technique' but affects conceptualization deeply.

REFERENCES

1. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, syntax, and semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. The MIT Press.
2. Flaherty, M. (2000) The influence of a language gender system on perception. *Tohoku psychologica folia*. 58. pp. 1–10.
3. Kurinski, E., Jambor, E. & Sera, M.D. (2016) Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers. *International Journal of Bilingualism*. 20(1). pp. 76–93. DOI: 10.1177/1367006915576833
4. Landor, R. (2014) *Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects*. Thesis (PhD Doctorate). Brisbane: Griffith University.
5. Andonova, E. et al. (2007) Second language gender system affects first language gender classification. In: Kecskes, I. (ed.) *Cognitive aspects of bilingualism*. Dordrecht, Netherlands: Springer.
6. Janyan, A. & Vergilova, Y. (2011) Biological sex context influences grammatical gender categorization of objects. In: Kokinov, B., Karmiloff-Smith, A. & Nersessian, N.J. (eds) *European Perspectives on Cognitive Science*. Sofia: New Bulgarian University Press.
7. Mills, A.E. (1986) Acquisition of the natural-gender rule in English and German. *Linguistics*. 24(1). pp. 31–46.
8. Nicoladis, E., Da Costa, N. & Foursha-Stevenson, C. (2016) Discourse relativity in Russian-English bilingual preschoolers' classification of objects by gender. *International Journal of Bilingualism*. 20 (1). pp. 17–29. DOI: 10.1177/1367006915576826
9. Rezanova, Z.I. & Ershova, E.Yu. (2017) The influence of the grammatical gender on the conceptualisation of objects (an experimental study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 104–124. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/7/
10. Koch, S.C., Zimmermann, F. & Garcia-Retamero, R. (2007) El sol-die Sonne. *Psychologische Rundschau*. 58(3). pp. 171–182.
11. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project "Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures". *Rusin*. 2(52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8/
12. Phillips, W. & Boroditsky, L. (2003) Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 25(25).
13. Dijkstra, T. (2003) Lexical processing in bilinguals and multilinguals: The word selection problem. In: Cenoz, J., Hufeisen, B. & Jessner, U. (eds) *The multilingual lexicon*. Dordrecht: Springer.
14. Dijkstra, T., Van Hell, J.G. & Brenders, P. (2015) Sentence context effects in bilingual word recognition: Cognate status, sentence language, and semantic constraint. *Bilingualism: Language and Cognition*. 18(4). pp. 597–613. DOI: 10.1017/S1366728914000388
15. Kohnert, K. (2008) Second language acquisition: Success factors in sequential bilingualism. *ASHA Leader*. 13(2). pp. 10–13.
16. St James, J.D., Schneider, W. & Eschman, A. (2005) *PsychMate: Experiments for Teaching Psychology (Version 2.0)*. Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools.

Received: 03 December 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

И.В. Берестов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИКИ В. ЭДЕЛЬБЕРГА В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ. ЧАСТЬ II: ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ ТЕРМИНОВ

Мы предлагаем способ выведения из тупика спора историцистов (контекстуалистов) и апроприационистов о методологии истории философии. Мы показываем, что объекты из убеждений античного философа могут использоваться в убеждениях современного философа или историка философии. Однако в современных убеждениях используется не сам объект, а его «близнец», так что не происходит приписывания античному философу модернизированных концепций, в чем историцисты обвиняют апроприационистов.

Ключевые слова: историцизм; контекстуализм; апроприационизм; методология истории философии; антикваризм; анахронизм; интенциональное тождество; перспективалистская семантика; Вальтер Эдельберг.

Введение

Настоящая статья является второй частью исследования, первая часть которого отражена в [1], и посвящена анализу позиций двух противостоящих друг другу лагерей методологов истории философии – историцистов (контекстуалистов) и апроприационистов. Целью является такое представление позиций этих двух лагерей, при котором эти позиции оказываются совместимыми и взаимодополняющими. В [1] дискуссии среди методологов истории философии и цель исследования были оговорены более подробно. Указанную трактовку двух противостоящих позиций мы приняли решение основывать на модели M для языка L_1 , восходящей к [2. Р. 320–325], и в [1] мы начали построение этой модели. В [1] были сформулированы предложения (1)–(7), подлежащие переводу на L_1 , что будет сделано в настоящей статье. Также тогда был описан синтаксис языка L_1 . Статья [1] заканчивается формулировкой восьми условий, задающих модель M для языка L_1 (далее УЗМ). На принципы, задающие синтаксис языка L_1 , УЗМ 1–8 и положения (1)–(7), мы будем ссылаться в настоящей статье, не переписывая их заново.

Комментарий к УЗМ 8

Последнее УЗМ, УЗМ 8, описанное в [1], вводит отношение $\mathfrak{Z}$, и для лучшего понимания его назначения полезно небольшое неформальное пояснение. Введение отношения $\mathfrak{Z}$ между объектами o_1 и o_2 , такого что $o_1 \mathfrak{Z} o_2$ позволяет нам указать, что аргумент в дискуссии, являющийся объектом o_2 , опровергает, поддерживает, анализирует и т.д. – короче говоря, конструируется на основании объекта o_1 , который является пропозицией или объектом, о котором может быть помыслена пропозиция (если o_1 – пропозиция, то o_1 тоже может быть аргументом, поскольку аргументы здесь рассматриваются как пропозиции). Например, если допустить использование отношения $\mathfrak{Z}$ для соотнесения объектов, описываемых не на формальном языке L_1 , а на обычном русском языке, то относительно аргумента из (5) мы можем упрощенно записать: *красота отдельна $\mathfrak{Z}$ красота отдельна потому,*

что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью (здесь курсив обозначает пропозицию как то, что выражается выделенным курсивом предложением). Также пропозиция связана отношением $\mathfrak{Z}$ с тем объектом, которому эта пропозиция что-то приписывает. Например, мы можем упрощенно записать: значение термина «красота» $\mathfrak{Z}$ *красота отдельна*. Далее, при анализе (7), мы покажем, как работать с отношением $\mathfrak{Z}$ более точно, учитывая, что терм имеет значение на теории и индексе. Это внесет в запись усложнения, но мотивы введения отношения $\mathfrak{Z}$ достаточно ясны: с помощью этого отношения моделируется деятельность философов, возражающих на аргументы и отвечающих на возражения, что приводит к возникновению постоянно разветвляющихся дискуссий без окончательных ответов. Иначе говоря, отношение $\mathfrak{Z}$ позволяет моделировать в M философскую деятельность как дискуссию, в которой «за возражениями и ответами *следуют* возражения и ответы, а не определенный ответ» [3. Р. 51].

Вариант функции валюации

Для оценки истинностного значения формул с кванторами нам понадобится понятие варианта функции валюации.

Функция валюации v' называется $x_1, x_2, \dots, x_n$ -вариантом функции валюации v из модели M тогда и только тогда, когда (далее тттк) v' либо совпадает с v , либо v' отличается от v только теми (всеми или некоторыми) значениями (т.е. объектами), которые функции $v'(x_1)(T), v'(x_2)(T), \dots, v'(x_n)(T)$ назначают теориям, на которых функции $v'(x_1)(T), v'(x_2)(T), \dots, v'(x_n)(T)$ определены.

Будем считать, что эти функции определены на теориях $T_\alpha, T_\beta, \dots, T_\omega$ из множества Θ из модели M , соответственно. А именно, будем считать, что функция $v'(x_1)(T)$ определена на теории T_α и назначает теории T_α объект $v'(x_1)(T_\alpha)$, функция $v'(x_2)$ определена на теории T_β и назначает теории T_β объект $v'(x_2)(T_\beta)$, ..., функция $v'(x_n)$ определена на теории T_ω и назначает теории T_ω объект $v'(x_n)(T_\omega)$. Теория T_α есть та *единственная* теория, на которой функция $v'(x_1)$ определена и на хотя бы одном индексе которой объект

$v'(x_1)(T_a)$ определен в M (по УЗМ 5 ни один объект не может быть определен на хотя бы одном индексе более, чем одной теории); аналогично для $T_\beta, \dots, T_\omega$. Например, в случае одной переменной x , функция валюации v' , являющаяся x -вариантом функции валюации v , назначает переменной x объект $v'(x)(T^*)$, где T^* – та *единственная* теория из множества θ модели M , на хотя бы одном индексе которой объект $v'(x)(T^*)$ определен.

При этом каждая функция $v(x_j)(T)$, $1 \leq j \leq n$, функция от теорий к тому значению, которое $v(x_j)(T)$ принимает на теориях, может быть определена или не определена на той теории, на которой определена функция $v'(x_j)(T)$, хотя, по УЗМ 7, $v(x_j)$ обязательно существует для любой переменной x_j в модели M , т.е. $v(x_j)(T)$ обязательно должна быть определена на хотя бы одной теории.

Функция v' может быть записана в виде, указывающем на ее возможные отличия от v : $v' = v[v'(x_1)(T_a)/x_1][v'(x_2)(T_\beta)/x_2] \dots [v'(x_n)(T_\omega)/x_n]$. В случае одной переменной v' может быть записана в виде $v' = v[v'(x)(T^*)/x]$. Запись $v[o/x]$ эквивалентна записи $v[v'(x)(T^*)/x]$, поскольку если известно, что функция валюации $v' = v[o/x]$, являющаяся x -вариантом функции валюации v , назначает переменной x объект o , то этот объект назначается функцией $v'(x)$ на некоторой (единственной) теории T^* , на которой объект o определен. Это означает, что предложение «имеется $v[o/x]$ » истинно ттк предложение « $v[o/x]$, где $o = v'(x)(T^*)$, T^* – *единственная* теория, на хотя бы одном индексе которой o определен в M » истинно.

Записи « $v' = v[v'(x)(T^*)/x]$ » и « $v' = v[o/x]$, где $o = v'(x)(T^*)$ » эквивалентны друг другу и могут быть прочитаны как «функция валюации v' во всем совпадает с функцией валюации v за возможным исключением того, что v' назначает переменной x объект o , определенный *только* на теории T^* , так что $v'(x)(T^*)$ и функция $v'(x)(T)$ не определена ни на каких других теориях, кроме T^* ».

Аналогично модель M' , *называемая* $x_1, x_2, \dots, x_n$ -*вариантом модели* M для функции валюации v , во всем совпадает с моделью M за исключением того, что M' содержит v' вместо v .

Вместо «модель, во всем совпадающая с моделью M , за возможным исключением того, что она содержит функцию валюации v' » можно записывать: « $M[v']$ ». Относительно M' , являющейся $x_1, x_2, \dots, x_n$ -вариантом модели M для функции валюации v , истинно, что $M' = M[v']$. Вместо «модель во всем совпадающая с M , за возможным исключением того, что она содержит вместо функции v функцию v' , являющуюся таким $x_1, x_2, \dots, x_n$ -вариантом v , что $v' = v[v'(x_1)(T_a)/x_1][v'(x_2)(T_\beta)/x_2] \dots [v'(x_n)(T_\omega)/x_n]$ » можно записать в виде « $M[v'(x_1)(T_a)/x_1][v'(x_2)(T_\beta)/x_2] \dots [v'(x_n)(T_\omega)/x_n]$ ». Таким образом, если M' есть x -вариант модели M для функции валюации v , такой что в M' вместо v присутствует v' и $v'(x)(T) = o$, то $M' = M[o/x]$.

Условия истинности формул

Задавая условия истинности формул (далее УИ), мы индуктивно определим функцию V , которая

назначает каждой формуле языка L_1 истинностное значение из $\{0, 1\}$ («истина» и «ложь») относительно модели M для L_1 , теории T и индекса i в M . Выражение « $V[M, T, i, \Phi] = 1$ » читается как «формула Φ истинна в модели M на теории T на индексе i ». При этом не подразумевается ни того, что $i \in T$, ни обратного. Аналогично « $V[M, T, i, \Phi] = 0$ » читается как «формула Φ ложна в модели M на теории T на индексе i ». Для любой модели M для L_1 , любой теории T в M , любого индекса i в M , любого n -местного предиката P^n , любых переменных $x, y, x_1, x_2, \dots, x_n$, любой константы c и любых формул Ψ и Φ языка L_1 :

1. $V[M, T, i, x_1 = x_2] = 1$ ттк $v(x_1)(T)(i)$ и $v(x_2)(T)(i)$ оба определены и $v(x_1)(T)(i) = v(x_2)(T)(i)$ в M . Из этого следует, что если $i \notin T$, то $V[M, T, i, x_1 = x_2] \neq 1$.

2. $V[M, T, i, P^n(x_1, x_2, \dots, x_n)] = 1$ ттк $v(x_1)(T)(i), v(x_2)(T)(i), \dots, v(x_n)(T)(i)$ все определены и $\langle v(x_1)(T)(i), v(x_2)(T)(i), \dots, v(x_n)(T)(i) \rangle \in v(P^n)(i)$ в M . Из этого следует, что если $i \notin T$, то $V[M, T, i, P^n(x_1, x_2, \dots, x_n)] \neq 1$.

3. $V[M, T, i, \sim \Phi] = 1$ ттк $V[M, T, i, \Phi] = 0$.

4. $V[M, T, i, \Phi \& \Psi] = 1$ ттк $V[M, T, i, \Phi] = V[M, T, i, \Psi] = 1$.

5. $V[M, T, i, (c/x)\Phi] = 1$ ттк можно построить такую функцию валюации $v' = v[o/x]$, являющуюся x -вариантом функции валюации v из модели M , что для объекта o из M , *определенного хотя бы на каком-то индексе* какой-либо (единственной) теории T^* из M , $V[M[o/x], T, i, \Phi] = 1$, где $o = v'(c)(T^*)$.

6. $V[M, T, i, (\uparrow \exists x)\Phi] = 1$ ттк можно построить такую функцию валюации $v' = v[o/x]$, являющуюся x -вариантом функции валюации v из модели M , что для некоторого объекта o из M , *определенного хотя бы на каком-то индексе* какой-либо (единственной) теории T^* из M , $V[M[o/x], T, i, \Phi] = 1$, где $o = v'(x)(T^*)$.

7. $V[M, T, i, (\downarrow \exists x)\Phi] = 1$ ттк можно построить такую функцию валюации $v' = v[o/x]$, являющуюся x -вариантом функции валюации v из модели M , что для некоторого объекта o из M , *определенного на индексе i* из M , $V[M[o/x], T, i, \Phi] = 1$, где $o = v'(x)(T)$.

8. $V[M, T, i, \text{BEL}_y \Phi] = 1$ ттк:

(а) $v(y)(T)(i)$ определен в M ; v есть функция валюации модели M ; $v(y)(T)(i)$ есть некоторый элемент домена индекса i , скажем, δ ; $v(y)(T)$ есть некоторый объект, скажем, o ; $o(i) = v(y)(T)(i) = \delta$; объект o является субъектом, имеющим убеждения, значением переменной y в теории T ; δ является проявлением этого имеющего убеждения субъекта на индексе или в ситуации i ; в различных ситуациях субъект может иметь различные убеждения, т.е. придерживаться различных теорий, на индексах которых истинны различные формулы, или формулы совпадают, но валюации входящих в них термов и / или предикатов могут быть различны; поскольку в T определен объект (обозначаемый в T переменной y), которому приписываются убеждения, такая теория T является теорией, в которой могут быть оценены на истинность сообщения об убеждениях этого субъекта и которая называется домашней теорией для y ;

(б) теория T_y : $T_y = \beta[v(y)(T)(i)]$ определена в M ; теория T_y есть теория, которой придерживается одушевленный и имеющий теории субъект, который в T

обозначается через y на индексе i теории T ; этот субъект является возможным в теории T объектом, скажем, объектом o : $o = v(y)(T)$;

(с) может быть построена **функция валюации v' , являющаяся $x_1, x_2, \dots, x_n$ -вариантом функции валюации v из модели M для всех переменных $x_1, x_2, \dots, x_n$, свободно и экстенционально входящих в Φ** , удовлетворяющая условиям (i) и (ii) (переменная x_j входит в формулу Φ экстенционально ттк x не находится в Φ в области действия какого-либо эпистемического, док-састического или модального оператора; в L_1 используется только один оператор такого рода – BEL_s):

(i) для каждой переменной x_j , $1 \leq j \leq n$, свободно и экстенционально входящей в Φ , и для каждой теории T' из M , такой что функция $v(x_j)(T)$ определена на T' , $v'(x_j)(T_y) \approx v(x_j)(T')$ в M ; иначе говоря, значение, назначаемое функцией $v'(x_j)(T)$ на теории T_y переменной x_j (т.е. объект $v'(x_j)(T_y)$), является близнецом значения (т.е. объекта), назначаемого функцией $v(x_j)(T)$ на теории T' из множества θ модели M , на которой $v(x_j)$ определен;

(ii) объект $v'(x_j)(T_y)$ определен на каждом индексе теории T_y каждой переменной x_j , $1 \leq j \leq n$, свободно и экстенционально входящей в Φ ;

(d) $V[M[v'(x_1)(T_y)/x_1][v'(x_2)(T_y)/x_2] \dots [v'(x_n)(T_y)/x_n], T_y, i', \Phi] = 1$ для каждого i' : $i' \in T_y$ в M и для каждой переменной $x_1, x_2, \dots, x_n$, свободно и экстенционально входящей в Φ .

Заметим, что по определению $x_1, x_2, \dots, x_n$ -варианта функции валюации v' может назначать одной, некоторым или всем переменным то же самое значение, что и v , в последнем случае v' совпадает с v . Кроме того, следует заметить, что, по УЗМ 6, в силу рефлексивности отношения $\approx$, каждый объект является близнецом самому себе, так что совпадение v' с v не препятствует выполнению условия (i), даже если функция $v(x_j)$ не определена на домашней теории T , и в множестве θ модели M нет, кроме T и T_y , никаких других теорий.

9. $V[M, T, i, \Phi] = 0$ ттк $V[M, T, i, \Phi] \neq 1$.

Построение модели M для языка L_1 завершено. При ее построении мы основывались на подходе В. Эдельберга из [2. Р. 320–325]. В некоторых случаях мы изменили способ записи, пытаясь сделать ее проще и понятнее. Но имеются и два существенных отличия.

Первое отличие связано с пониманием объекта. У В. Эдельберга объект является функцией от индексов к элементу домена индексов, причем $o = v(t)$ (и, соответственно, $\delta = o(i) = v(t(i))$), тогда как у нас объект тоже является функцией от индексов к элементу домена индексов, но $o = v(t)(T)$ (и, соответственно, $\delta = o(i) = v(t)(T(i))$). Это потребовало внесения соответствующих изменений в УЗМ 7. Кроме того, изменены УИ 1–9, поскольку истинность формулы у В. Эдельберга зависела от модели и индекса, а у нас она должна зависеть от модели, теории и индекса. Мы внесли эти изменения, чтобы обеспечить возможность двум разным людям писать и говорить об одном и том же объекте, который они обозначают

одним и тем же термином. Допущение, что Платон и Аристотель способны писать о том, что каждый из них обозначает одним и тем же термином «красота», подразумевается в положении (7), и без этого допущения невозможно рассматривать (7) как осмысленное. Исходная же версия семантики В. Эдельберга для языка L_1 была несовместима с этим допущением: значением константы «красота» мог быть только один объект, определенный, по УЗМ 5, на всех или некоторых индексах только одной теории – либо теории Платона, либо теории Аристотеля. Рекомендация внести подобное исправление было сделано Евгением Васильевичем Борисовым в докладе «Проблема с собственными именами в перспективистской семантике Эдельберга» (Новосибирск, Институт философии и права СО РАН, 23 марта 2018 г.), и мы в настоящей статье с благодарностью приняли эту рекомендацию.

Второе отличие состоит в том, что, в дополнение к УЗМ 1–7, присутствующим у В. Эдельберга, мы ввели пункт с) в УЗМ 7, а также УЗМ 8, характеризующее отношение $\approx$. Это нужно для разведения различных типов значений лексических единиц в философских текстах, чтобы преодолеть трудности, вызванные смешиванием разных типов значений в дискуссиях о методологии истории философии. Заметим, что два последних изменения в УЗМ 7 и 8 не влияют на условия истинности формул.

Алгоритм оценки истинности формул с оператором BEL

При проверке истинности какой-нибудь сложной формулы, например, формулы вида $(\text{квантор } x)[(BEL_{s1}P(x)) \ \& \ (BEL_{s2}Q(x))]$ в предварительно заданной модели M на теории T и индексе i , т.е. при проверке истинно ли, что $V[(\text{квантор } x)\{(BEL_{s1}P(x)) \ \& \ (BEL_{s2}Q(x))\}, M, T, i] = 1$, мы должны действовать последовательно.

На первом шаге снимается квантор, это делается посредством УИ 5, 6 или 7. В соответствии с этими правилами исходная формула истинна ттк имеется функция валюации v' , являющаяся x -вариантом функции валюации v из модели M , такая что при назначении функцией валюации v' переменной x на T тех объектов, которые удовлетворяют УИ 5, 6 или 7 (в зависимости от квантора), исходная формула без кванторной приставки истинна в модели M' : $v[v'(x)(T^*)/x]$ на теории T^* и индексе i , где T^* – такая *единственная* теория из множества θ модели M , что на хотя бы одном индексе T^* объект $v'(x)(T^*)$ определен (это имеет место ттк функция $v'(x)(T)$ определена на T^*). В зависимости от квантора и модели M T^* может совпадать или не совпадать с T .

Таким образом, на первом шаге мы угадываем эту функцию валюации v' , т.е. угадываем тот объект, который $v'(x)(T^*)$ назначает переменной x . Обозначим этот угаданный нами объект через o : $o = v'(x)(T^*)$. Собственно, угадывать надо только в случае экзистенциальных кванторов: угадывать надлежит либо из всех объектов модели (для восходящего квантора, по УИ 6), либо только из тех объектов, которые опреде-

лены на индексе i теории T (для нисходящего квантора, по УИ 7). Таким образом, мы получаем: $V[(\text{квантор } x)(\text{BEL}_{s_1}P(x)) \& (\text{BEL}_{s_2}Q(x))], M, T, i] = 1$ ттк $V[(\text{BEL}_{s_1}P(x)) \& (\text{BEL}_{s_2}Q(x))], M[o/x], T^*, i] = 1$.

На втором шаге мы применяем УИ 4 и получаем: $V[(\text{BEL}_{s_1}P(x)) \& (\text{BEL}_{s_2}Q(x))], M[o/x], T^*, i] = 1$ ттк $V[\{\text{BEL}_{s_1}P(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$ и $V[\{\text{BEL}_{s_2}Q(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$. Теперь мы можем проверять истинность этих конъюнктов по отдельности, но чтобы их истинность была возможной, модель M должна удовлетворять определенным требованиям.

Если модель M задана так, чтобы проверка на истинность формул $\text{BEL}_{s_1}P(x)$ и $\text{BEL}_{s_2}Q(x)$ при валюации $v[o/x]$ могла бы начаться, то в M должна присутствовать функция β , ставящая в соответствие элементам домена, которые на индексе i домашней теории T являются проявлениями δ_1 и δ_2 имеющих теории субъектов, обозначаемых константами s_1 и s_2 , те теории, которых эти субъекты придерживаются на индексе i теории T . Эти субъекты должны являться объектами o_1 и o_2 , определенными в теории T , такими что для v из M $o_1 = v(s_1)(T)$, $o_2 = v(s_2)(T)$, $v(s_1)(T)(i) = \delta_1$, $v(s_2)(T)(i) = \delta_2$. При этом субъект s_1 должен придерживаться, в соответствии с моделью M , теории T_{s_1} – на индексе i домашней теории T , так что в M $T_{s_1} = \beta[v(s_1)(T)(i)] = \beta(\delta_1)$. А субъект s_2 должен придерживаться, в соответствии с моделью M , теории T_{s_2} – на индексе i домашней теории T , так что в M $T_{s_2} = \beta[v(s_2)(T)(i)] = \beta(\delta_2)$.

Перед проверкой истинности формул $V[\{\text{BEL}_{s_1}P(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$ и $V[\{\text{BEL}_{s_2}Q(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$ по отдельности заметим, что функция валюации v' назначает переменной x из $\text{BEL}_{s_1}P(x)$ и переменной x из $\text{BEL}_{s_2}Q(x)$, оцениваемым на теории T^* и индексе i , один и тот же объект o . Если функцию валюации для оценки одной из двух формул не изменить, то, по УЗМ 5, мы нарушим один из принципов построения моделей для L_1 , ведь объекты из теории одного субъекта не могут присутствовать в теории другого субъекта (если эти теории различны в M ; в дальнейшем мы предполагаем, что они различны). Данное соображение объясняет необходимость введения новой функции валюации для одной из формул: это позволит избавиться от указанного нарушения. Однако то, что объекты теорий двух субъектов в сообщении об их убеждении обозначаются одинаково – через x – в случае, если эти объекты не совпадают друг с другом, требует объяснения. И объяснением этого является то, что объекты должны быть близнецами в M . Для того, чтобы исходная формула была истинной, объекты из T_{s_1} , T_{s_2} , а также в некоторых случаях из T (при использовании в исходной формуле нисходящего квантора или константного квантора) должны быть близнецами, т.е. они должны быть сходны в том, что имеют на тех индексах, на которых они определены, сходные объяснительные функции, но не обязательно тождественны друг другу.

Следовательно, на третьем шаге для валюации x из одной формулы мы оставляем v' , в данном случае теория этого субъекта совпадает с T^* , объект o определен на теории этого субъекта, индекс i является индексом теории этого субъекта (допустим, что i –

единственный индекс этой теории). Пусть этой формулой будет $\text{BEL}_{s_1}P(x)$. Тогда, по УИ 8, $V[\{\text{BEL}_{s_1}P(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$ ттк $V[M[o'/x], T_{s_1}, i', P(x)] = 1$, где $o' = v''(x)(T_{s_1})$, для каждого i' : $i' \in T_{s_1}$ в M . Здесь T_{s_1} – теория субъекта s_1 . Поскольку мы условились, что $T^* = T_{s_1}$, $i' = i$, $v'' = v'$, а значит, $o' = o$ и $M[o'/x] = M[o/x]$, получаем: $V[M[o/x], T^*, i, \{\text{BEL}_{s_1}P(x)\}] = 1$ ттк $V[M[o/x], T_{s_1}, i, P(x)] = 1$.

На четвертом шаге мы оцениваем истинность последней формулы с помощью УИ 2: $V[M[o/x], T_{s_1}, i, P(x)] = 1$ ттк o определен и $P \in v(P)(i)$ в $M[o/x]$. Однако $M[o/x]$ совпадает с M в том, определен ли в ней объект o и верно ли, что $P \in v(P)(i)$, поскольку изменения в функции валюации, отличающие $M[o/x]$ от M , этого не затрагивают. Поэтому получаем: $V[M[o/x], T_{s_1}, i, P(x)] = 1$ ттк o определен и $P \in v(P)(i)$ в M . И для определения последнего больше не нужно никаких преобразований: так это или нет, видно из описания модели M непосредственно.

На пятом шаге для валюации x из другой формулы $\text{BEL}_{s_2}Q(x)$, чтобы избежать появления в теории субъекта s_2 объекта o , присутствующего в теории субъекта s_1 , мы должны применить уже другую функцию валюации v''' , v''' отлична от v' и v'' (выше мы получили, что $v'' = v'$). По УИ 8, если может быть построена функция валюации v''' , удовлетворяющая УИ 8.(c).(i) и 8.(c).(ii), то $V[\{\text{BEL}_{s_2}Q(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$ ттк $V[M[o''/x], T_{s_2}, i'', Q(x)] = 1$, где $o'' = v'''(x)(T_{s_2})$, для каждого i'' : $i'' \in T_{s_2}$ в M . Здесь T_{s_2} – теория субъекта s_2 . Пусть i'' – единственный индекс теории T_{s_2} . По УИ 8.(c).(i), $v'''(x)(T_{s_2}) \approx v'(x)(T)$ в M , где T – всякая теория из M , включая T и саму T_{s_2} , такая что $v'(x)$ определен на T . Мы уже допустили выше, что $o = v'(x)(T^*)$ и что $T^* = T_{s_1}$. Поэтому одна из теорий, такая что $v'(x)$ определен на ней, нам известна: это теория T_{s_1} , такая что $v'(x)(T_{s_1}) = o$. Поскольку $v'''(x)(T_{s_2}) = o''$ и $v'(x)(T_{s_1}) = o$, УИ 8.(c).(i) требует выполнения положения $o'' \approx o$. Если это положение содержится в описании модели M , то функция валюации v''' , удовлетворяющая УИ 8.(c).(i) и 8.(c).(ii) (последнее требует, чтобы объект $o'' = v'''(x)(T_{s_2})$ был определен на каждом индексе теории T_{s_2} , что мы допустили для единственного индекса i'' теории T_{s_2}), построена. В M могут содержаться и другие близнецы объекта o'' – например, в домашней теории T . Если в исходной формуле не используется нисходящий экзистенциальный квантор, то наличие в T близнецов объектов из T_{s_1} и T_{s_2} необязательно для ее истинности на теории T и на индексе i (если оцениваются в модели M на теории T и на индексе i формулы с кванторами или с оператором BEL, то отсутствия индекса i в теории T недостаточно для оценки формулы как неистинной – в отличие от атомарных формул без кванторов и без оператора BEL, см. УИ 1 и 2).

При сделанных допущениях относительно модели M можно считать, что мы убедились в том, что $V[\{\text{BEL}_{s_2}Q(x)\}, M[o/x], T^*, i] = 1$ ттк $V[M[o''/x], T_{s_2}, i'', Q(x)] = 1$, где $o'' = v'''(x)(T_{s_2})$.

На шестом шаге мы оцениваем истинность последней формулы с помощью УИ 2: $V[M[o''/x], T_{s_2}, i'', Q(x)] = 1$ ттк o'' определен и $Q \in v(Q)(i)$ в $M[o''/x]$. Однако $M[o''/x]$ совпадает с M в том, определен ли в

ней объект o'' и верно ли, что $Q \in v(Q)(i'')$, поскольку изменения в функции валуации, отличающие M''' от M , этого не затрагивают. Поэтому получаем: $V[M[o''/x], T_{s2}, i'', Q(x)] = 1$ ттк о определен и $Q \in v(Q)(i'')$ в M . И для определения последнего больше не нужно никаких преобразований: так это или нет, видно из описания модели M непосредственно.

Формализация (7) на языке L_1

Выше мы писали, что для осмысленности работы историка философии необходимо, что предположения вроде следующего могли быть истинными:

(7) Платон верил, что красота отдельна, и Аристотель верил, что она же не отдельна, и Рассел верил, что она же отдельна, и Платон верил, что она же отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью, и Аристотель верил, что аргумент 'она же отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью' неубедителен, поскольку не только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью.

Запишем (7) на языке L_1 в виде

(7') $(b/x)(c_1/y)(c_2/z)(c_3/w)[BEL_p S(x) \ \& \ BEL_r S(x) \ \& \ BEL_a(\sim S(x)) \ \& \ BEL_p B^2(y, z) \ \& \ BEL_a U^2(z, w)]$.

В (7') b – константа «красота», p – константа «Платон», a – константа «Аристотель», r – константа «Рассел», S – одноместный предикат «быть отдельным» (определенный на термах, не являющихся пропозициональными константами или пропозициональными переменными), D – одноместный предикат «быть определенным» (определенный на термах, не являющихся пропозициональными константами или пропозициональными переменными), B^2 – двуместный предикат «__истинно, поскольку __истинно» (определенный только на пропозициональных константах или пропозициональных переменных) U^2 – двуместный предикат «__неубедительно, поскольку __истинно» (определенный только на пропозициональных константах или пропозициональных переменных), $\lceil (b/x)[S(x)] \rceil$, $\lceil \sim(b/x)[S(x)] \rceil \rightarrow \lceil \sim(\exists \uparrow x)[D(x)] \rceil$, $\lceil (\exists \uparrow x)[D(x)] \rceil \ \& \ \sim(b/x)[S(x)] \rceil$ – пропозициональные константы, но в (7') введены для них сокращенные обозначения: $\lceil (b/x)[S(x)] \rceil = c_1$, $\lceil \sim(b/x)[S(x)] \rceil \rightarrow \lceil \sim(\exists \uparrow x)[D(x)] \rceil = c_2$, $\lceil (\exists \uparrow x)[D(x)] \rceil \ \& \ \sim(b/x)[S(x)] \rceil = c_3$ – пропозициональные константы. Кроме указанных констант, предикатов, переменных x, y, z, w , квантора $\exists \uparrow$, оператора BEL , пропозициональных связей $\sim$ и $\&$, скобок, а также угловых кавычек $\lceil \dots \rceil$ в лексиконе языка L_1 больше ничего не содержится.

Теперь запишем модель M для L_1 , которой является структура $\langle I, \theta, D, \beta, O, v, \mathfrak{Z} \rangle$, удовлетворяющая условиям, задающим модель M .

УЗМ для (7')

УЗМ для (7') № 1 – на I

$I = \{i_p, i_r, i_a, i_h\}$, где i_p – единственный индекс теории Платона T_p , i_r – единственный индекс теории Рассела T_r , i_a – единственный индекс теории Аристотеля T_a , i_h – единственный индекс домашней теории T_h .

Домашняя теория – это теория, на индексах которой (7') оценивается на истинность. Является аналогом теории, соответствующей реальности, а не убеждениям субъектов. Может быть также понята как теория автора сообщения (7') о пропозициональных установках Платона, Аристотеля и Рассела. Однако сам автор в модели M отсутствует.

УЗМ для (7') № 2 – на θ

$\theta = \{T_h, T_p, T_r, T_a\}$, где T_h – домашняя теория, T_p – теория Платона, T_r – теория Рассела, T_a – теория Аристотеля. $T_p = \{i_p\}$, $T_r = \{i_r\}$, $T_a = \{i_a\}$, $T_h = \{i_h\}$. Таким образом, каждая теория – домашняя теория, теория Платона, теория Рассела, теория Аристотеля – содержит только по одному индексу.

УЗМ для (7') № 3 – на D

$D = \{D_h, D_p, D_r, D_a\}$, где D_h – домен индекса i_h домашней теории T_h , D_p – домен индекса i_p теории Платона T_p , D_r – домен индекса i_r теории Рассела T_r , D_a – домен индекса i_a теории Аристотеля T_a .

D_h

$D_h = \{\delta_h^p, \delta_h^r, \delta_h^a\}$, где элементы домена D_h индекса i_h – $\delta_h^p, \delta_h^r, \delta_h^a$ – являются значениями объектов, определенных на всех индексах домашней теории T_h (т.е. на единственном индексе i_h теории T_h) на этих индексах.

$\delta_h^p = o_h^p(i_h)$, т.е. δ_h^p является значением или проявлением объекта, соответствующего имени p на T_h (Платона из домашней теории), т.е. объекта o_h^p из домашней теории T_h , на индексе i_h .

$\delta_h^r = o_h^r(i_h)$, т.е. δ_h^r является значением или проявлением объекта, соответствующего имени r на T_h (Рассела из домашней теории), т.е. объекта o_h^r из домашней теории T_h , на индексе i_h .

$\delta_h^a = o_h^a(i_h)$, т.е. δ_h^a является значением или проявлением объекта, соответствующего имени a на T_h (Аристотеля из домашней теории), т.е. объекта o_h^a из домашней теории T_h , на индексе i_h .

D_p

$D_p = \{\delta_p^b, \delta_p^{c1}, \delta_p^{c2}\}$, где элементы домена D_p индекса i_p – $\delta_p^b, \delta_p^{c1}$ и δ_p^{c2} – являются значениями объектов, определенных на всех индексах теории Платона T_p (т.е. на единственном индексе i_p теории T_p) на этих индексах.

$\delta_p^b = o_p^b(i_p)$, т.е. δ_p^b является значением или проявлением объекта, соответствующего имени b на T_p (платоновской красоты), т.е. объекта o_p^b из платоновской теории T_p , на индексе i_p .

$\delta_p^{c1} = o_p^{c1}(i_p)$, т.е. δ_p^{c1} является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_1 на T_p – т.е. объекта o_p^{c1} из платоновской теории T_p – на индексе i_p .

$\delta_p^{c2} = o_p^{c2}(i_p)$, т.е. δ_p^{c2} является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_2 на T_p , т.е. объекта o_p^{c2} из платоновской теории T_p , на индексе i_p .

D_r

$D_r = \{\delta_r^b\}$, где единственный элемент домена D_r индекса i_r – δ_r^b – является значением объекта, определенным на всех индексах теории Рассела T_r (т.е. на единственном индексе i_r теории T_r) на этих индексах.

$\delta_r^b = o_r^b(i_r)$, т.е. δ_r^b является значением или проявлением объекта, соответствующего имени b на T_r .

(расселовской красоты), т.е. объекта o_r^b из расселовской теории T_r , на индексе i_r .

D_a

$D_a = \{\delta_a^{c2}, \delta_a^{c3}\}$, где элементы домена D_a индекса i_a – $\delta_a^{c2}, \delta_a^{c3}$ – являются значениями объектов, определенных на всех индексах теории Аристотеля T_a (т.е. на единственном индексе i_a теории T_a) на этих индексах.

$\delta_a^b = o_a^b(i_a)$, т.е. o_a^b является значением или проявлением объекта, соответствующего имени b на T_a (аристотелевской красоты), т.е. объекта o_a^b из платоновской теории T_a , на индексе i_a .

$\delta_a^{c2} = o_a^{c2}(i_a)$, т.е. δ_a^{c2} является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_2 на T_a , т.е. объекта o_a^{c2} из аристотелевской теории T_a , на индексе i_a .

$\delta_a^{c3} = o_a^{c3}(i_a)$, т.е. δ_a^{c3} является значением или проявлением объекта, соответствующего имени c_3 на T_a , т.е. объекта o_a^{c3} из аристотелевской теории T_a , на индексе i_a .

УЗМ для (7') № 4 – на β

$\beta(\delta_h^p) = T_p; \beta(\delta_h^r) = T_r; \beta(\delta_h^a) = T_a$.

УЗМ для (7') № 5 – на O

Эти условия уже были обозначены при объяснении УЗМ 3 – на D . Других объектов в M нет, все указанные там объекты определены только на указанных индексах и не определены на других индексах.

УЗМ для (7') № 6 – на $\approx$

Красота в теории Платона и красота в теории Рассела являются близнецами. Для отражения этого достаточно двух положений: $o_p^b \approx o_r^b$ и $o_p^b \approx a^b$. В силу транзитивности $\approx$ из двух предыдущих положений следует $o_r^b \approx a^b$. В силу симметричности $\approx$ из трех предыдущих положений следует $o_r^b \approx o_p^b$, $o_a^b \approx o_p^b$ и $o_p^b \approx o_r^b$.

Пропозиция, соответствующая в теории Платона предложению «красота отдельна потому, что только отдельное может наделять причастные ему вещи определенностью» является близнецом пропозиции, соответствующей этому же предложению в теории Аристотеля: $o_p^{c2} \approx o_a^{c2}$. В силу симметричности $\approx$ из предыдущего следует $o_a^{c2} \approx o_p^{c2}$.

Кроме того, в силу рефлексивности $\approx$ каждый объект из M является близнецом самому себе.

УЗМ для (7') № 7 – на v

Валюация констант на теориях:

$T_h: v(p)(T_h) = o_h^p; v(r)(T_h) = o_h^r; v(a)(T_h) = o_h^a$.

$T_p: v(b)(T_p) = o_p^b; v(c_1)(T_p) = o_p^{c1}; v(c_2)(T_p) = o_p^{c2}$.

$T_r: v(b)(T_r) = o_r^b$.

$T_a: v(b)(T_a) = o_a^b; v(c_2)(T_a) = o_a^{c2}; v(c_3)(T_a) = o_a^{c3}$.

На всех теориях, помимо указанных, частичные функции $v(p)(\underline{I})$, $v(r)(\underline{I})$, $v(a)(\underline{I})$, $v(b)(\underline{I})$, $v(c_1)(\underline{I})$, $v(c_2)(\underline{I})$, $v(c_3)(\underline{I})$ не определены.

Валюацией переменных могут быть любые объекты из любых теорий модели M ; их валюация не используется в дальнейшем при оценки истинности (7').

Валюация предикатов на индексах:

$i_h: v(S)(i_h) = \emptyset; v(D)(i_h) = \emptyset; v(B^2)(i_h) = \emptyset; v(U^2)(i_h) = \emptyset$.

$i_p: v(S)(i_p) = \{\delta_p^b\}; (D)(i_p) = \{\delta_p^b\}; (B^2)(i_p) = \{\delta_p^{c1}, \delta_p^{c2}\};$

$v(U^2)(i_p) = \emptyset$.

$i_r: v(S)(i_r) = \{\delta_r^b\}; v(D)(i_r) = \emptyset; v(B^2)(i_r) = \emptyset;$

$v(U^2)(i_r) = \emptyset$.

$i_a: v(S)(i_a) = \emptyset; v(D)(i_a) = \emptyset; v(B^2)(i_a) = \emptyset;$
 $v(U^2)(i_a) = \{\delta_a^{c2}, \delta_a^{c3}\}.$

УЗМ для (7') № 7 – на $\mathfrak{Z}$

$o_p^b \mathfrak{Z} o_p^{c1}; o_p^{c1} \mathfrak{Z} o_p^{c2}$. В силу транзитивности $\mathfrak{Z}$ из этих двух положений следует $o_p^b \mathfrak{Z} o_p^{c2}$.

$o_p^{c1} \mathfrak{Z} o_a^{c2}; o_p^{c1} \mathfrak{Z} o_a^{c3}$. В силу транзитивности $\mathfrak{Z}$ из этих двух положений следуют $o_p^b \mathfrak{Z} o_a^{c2}; o_p^b \mathfrak{Z} o_a^{c3}$.

Проверка истинности (7')

Нам нужно подтвердить или опровергнуть гипотезу:

(8) $\forall[M, T_h, i_h, (7')] = 1$.

Применяя четыре раза УИ 5, получаем: (8) тттк:

(9) в модели M имеются такие объекты o_x, o_y, o_z, o_w , имеется такая модель M_1 : $M_1 = M[o_x/x][o_y/y][o_z/z][o_w/w] = M[v_1]$ с функцией валюации v_1 : $v_1 = v[o_x/x][o_y/y][o_z/z][o_w/w]$, что $\forall[M[o_x/x][o_y/y][o_z/z][o_w/w], T_h, i_h, \{BEL_p S(x) \& BEL_r S(x) \& BEL_a(\sim S(x)) \& BEL_p B^2(y, z) \& BEL_a U^2(z, w)\}] = 1$, где v – функция валюации из M , $o_x = v_1(b)(T_x)$ для какой-нибудь теории T_x из M_1 , $o_y = v_1(c_1)(T_y)$ для какой-нибудь теории T_y из M_1 , $o_z = v_1(c_2)(T_z)$ для какой-нибудь теории T_z из M_1 , $o_w = v_1(c_3)(T_w)$ для какой-нибудь теории T_w из M_1 , v_1 – функция валюации модели M_1 , $v_1 = v[o_x/x][o_y/y][o_z/z][o_w/w]$.

Чтобы проверить истинность (9), подберем конкретные объекты из M и теории из M , на которых эти объекты определены, для подстановки их вместо o_x и T_x , o_y и T_y , o_z и T_z , o_w и T_w . Пусть

$o_x = o_p^b, T_x = T_p$,

так что $v_1(x)(T_x) = v_1(x)(T_p) = v(b)(T_p) = o_p^b$;

$o_y = o_p^{c1}, T_y = T_p$,

так что $v_1(y)(T_y) = v_1(y)(T_p) = v(c_1)(T_p) = o_p^{c1}$;

$o_z = o_p^{c2}, T_z = T_p$,

так что $v_1(z)(T_z) = v_1(z)(T_p) = v(c_2)(T_p) = o_p^{c2}$;

$o_w = o_a^{c3}, T_w = T_a$,

так что $v_1(w)(T_z) = v_1(w)(T_a) = v(c_3)(T_a) = o_a^{c3}$.

Применяя УИ 4, получаем (9) тттк:

(10) $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p S(x)] = 1$ и $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_r S(x)] = 1$ и $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_a(\sim S(x))] = 1$ и $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p B^2(y, z)] = 1$ и $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_a U^2(z, w)] = 1$, где $v_1 = v[o_p^b/x][o_p^{c1}/y][o_p^{c2}/z][o_a^{c3}/w]$, $o_p^b = v_1(x)(T_p)$, $o_p^{c1} = v_1(y)(T_p)$, $o_p^{c2} = v_1(z)(T_p)$, $o_a^{c3} = v(w)(T_a)$.

Проверим первый конъюнкт из (10) – $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p S(x)] = 1$.

Применяя УИ 8, получаем: $\forall[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p S(x)] = 1$ тттк:

(11) имеется M_2 с функцией валюации v_2 , такие, что $\forall[M_2, T_p, i_p, S(x)] = 1$ и $v_2(x)(T_p) \approx v_1(x)(T^*)$ в M_1 , где $v_2 = v_1[o/x]$, $o = v_2(x)(T_p)$, o – некоторый объект из O в M_1 , $o = v_2(x)(T_p)$, T^* – какая-либо теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)(\underline{I})$ определена на T^* в M_1 .

Поскольку мы определили v_1 как $v_1 = v[o_p^b/x][o_p^{c1}/y][o_p^{c2}/z][o_a^{c3}/w]$, где $o_p^b = v_1(x)(T_p)$, $o_p^{c1} = v_1(y)(T_p)$, $o_p^{c2} = v_1(z)(T_p)$, $o_a^{c3} = v(w)(T_a)$, теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)(\underline{I})$ определена на ней, является единственной и есть теория T_p : $v_1(x)(T_p) = o_p^b$.

Пусть $v_2 = v_1$. В этом случае $v_2(x)(T_p) = o_p^b$, $v_1(x)(T^*) = v_1(x)(T_p) = o_p^b$; $M_1 = M_2$. Поэтому мы можем записать следующее: (11) тттк

(12) $V[M[v_1], T_p, i_p, S(x)] = 1$ и $o_p^b \approx o_p^b$.

Поскольку второй конъюнкт (12) истинен в силу рефлексивности отношения $\approx$, по УИ 2, мы можем записать: (12) ттк:

(13) $v_1(x)(T_p)(i_p)$ определен и $v_1(x)(T_p)(i_p) \in v(S)(i_p)$ в M_1 .

Но в M_1 $v_1(x)(T_p)(i_p) = o_p^b(i_p) = \delta_p^b$, $v(S)(i_p) = \{\delta_p^b\}$. Поскольку $\delta_p^b \in \{\delta_p^b\}$, (13) истинно. Значит, мы убедились в истинности $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p S(x)] = 1$.

Проверим второй конъюнкт из (10) – $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_r S(x)] = 1$.

Применяя УИ 8, получаем: $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_r S(x)] = 1$ ттк:

(14) имеется M_3 с функцией валюации v_3 , такие что $V[M_3, T_r, i_r, S(x)] = 1$ и $v_3(x)(T_r) \approx v_1(x)(T')$ в M_1 , где $v_3 = v_1[o/x]$, $o = v_3(x)(T_r)$, o – некоторый объект из O в M_1 , T' – какая-либо теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)(T)$ определена на T' .

Поскольку мы определили v_1 как $v_1 = v[o_p^b/x][o_p^{c1}/y][o_p^{c2}/z][o_a^{c3}/w]$, где $o_p^b = v_1(x)(T_p)$, $o_p^{c1} = v_1(y)(T_p)$, $o_p^{c2} = v_1(z)(T_p)$, $o_a^{c3} = v(w)(T_a)$, теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)(T)$ определена на ней, является единственной и есть теория T_p : $v_1(x)(T_p) = o_p^b$.

Пусть $v_3 = v_1[o_p^b/x]$, $o_r^b = v_3(x)(T_r)$. Как мы видим, единственная теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)$ определена на ней, есть теория T_p : $v_1(x)(T_p) = o_p^b$. Тогда требование из (14) $v_3(x)(T_r) \approx v_1(x)(T')$ выполнено, поскольку $v_3(x)(T_r) = o_r^b$, $v_1(x)(T') = v_1(x)(T_p) = o_p^b$, и в M_1 (совпадающей в этом с M) $o_r^b \approx o_p^b$.

В силу того, что второй конъюнкт из (14) истинен, и в соответствии с УИ 2 мы можем записать: (14) ттк:

(15) $v_3(x)(T_r)(i_r)$ определен и $v_3(x)(T_r)(i_r) \in v(S)(i_r)$ в M_3 .

Но в M_3 $v_3(x)(T_r)(i_r) = o_r^b(i_r) = \delta_r^b$, $v(S)(i_r) = \{\delta_r^b\}$ в M_3 . Поскольку $\delta_r^b \in \{\delta_r^b\}$, (15) истинно. Значит, мы убедились в истинности $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_r S(x)] = 1$.

Проверим третий конъюнкт из (10) – $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_a(\sim S(x))] = 1$.

Применяя УИ 8, получаем: $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_r S(x)] = 1$ ттк:

(16) имеется M_4 с функцией валюации v_4 , такие, что $V[M_4, T_a, i_a, \sim S(x)] = 1$ и $v_4(x)(T_a) \approx v_1(x)(T')$ в M_1 , где $v_4 = v_1[o/x]$, $o = v_4(x)(T_a)$, o – некоторый объект из O в M_1 , T' – каждая теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)(T)$ определена на T' .

Поскольку мы определили v_1 как $v_1 = v[o_p^b/x][o_p^{c1}/y][o_p^{c2}/z][o_a^{c3}/w]$, где $o_p^b = v_1(x)(T_p)$, $o_p^{c1} = v_1(y)(T_p)$, $o_p^{c2} = v_1(z)(T_p)$, $o_a^{c3} = v(w)(T_a)$, теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)(T)$ определена на ней, является единственной и есть теория T_p : $v_1(x)(T_p) = o_p^b$.

Пусть $v_4 = v_1[o_a^b/x]$, $o_a^b = v_4(x)(T_a)$. Как мы видим, единственная теория из M_1 , такая что функция $v_1(x)$ определена на ней, есть теория T_p : $v_1(x)(T_p) = o_p^b$. Тогда требование из (16) $v_4(x)(T_a) \approx v_1(x)(T')$ выполнено, поскольку $v_4(x)(T_a) = o_a^b$, $v_1(x)(T') = v_1(x)(T_p) = o_p^b$, и в M_1 (совпадающей в этом с M) $o_a^b \approx o_p^b$.

В силу того что второй конъюнкт из (16) истинен, мы можем записать: (16) ттк:

(17) $V[M_4, T_a, i_a, \sim S(x)] = 1$.

Используя УИ 3, получаем: (17) ттк:

(18) $V[M_4, T_a, i_a, S(x)] = 0$.

Используя УИ 2, получаем: (18) ттк:

(19) ложно, что $v_4(x)(T_a)(i_a)$ определен и $v_4(x)(T_a)(i_a) \in v(S)(i_a)$ в M_4 .

Но в M_4 $v_4(x)(T_a)(i_a) = o_a^b(i_a) = \delta_a^b$, $v(S)(i_a) = \emptyset$, совпадающей в этом с M . Поскольку $\delta_r^b \notin \emptyset$, ложно, что $v_4(x)(T_a)(i_a) \in v(S)(i_a)$ в M_4 . Значит, ложно, что $v_4(x)(T_a)(i_a)$ определен и $v_4(x)(T_a)(i_a) \in v(S)(i_a)$ в M_4 . Следовательно, (19) истинно и также истинно, что $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_a(\sim S(x))] = 1$.

Проверим четвертый конъюнкт из (10) – $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p B^2(y, z)] = 1$.

Применяя УИ 8, получаем: $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p B^2(y, z)] = 1$ ттк:

(20) имеется M_5 с функцией валюации v_5 , такие что $V[M_5, T_p, i_p, B^2(y, z)] = 1$ и $v_5(y)(T_p) \approx v_1(y)(T')$ и $v_5(z)(T_p) \approx v_1(z)(T'')$ в M_1 , где $v_5 = v_1[o_1/y][o_2/z]$, $o_1 = v_5(y)(T_p)$, $o_2 = v_5(z)(T_p)$, o_1 и o_2 – некоторые объекты из O в M_1 , T' и T'' – какие-либо теории из M_1 , такие что функция $v_1(x)(T)$ определена на T' и на T'' .

Поскольку мы определили v_1 как $v_1 = v[o_p^b/x][o_p^{c1}/y][o_p^{c2}/z][o_a^{c3}/w]$, где $o_p^b = v_1(x)(T_p)$, $o_p^{c1} = v_1(y)(T_p)$, $o_p^{c2} = v_1(z)(T_p)$, $o_a^{c3} = v(w)(T_a)$, теория из M_1 , такая что функция $v_1(y)(T)$ определена на ней, является единственной и есть теория T_p : $v_1(y)(T_p) = o_p^{c1}$. Также теория из M_1 , такая что функция $v_1(z)(T)$ определена на ней, является единственной и есть теория T_p : $v_1(z)(T_p) = o_p^{c2}$. Следовательно, $T' = T'' = T_p$.

Пусть $v_5 = v_1$. Как мы видим, единственная теория из M_1 , такая что функции $v_1(y)$ и $v_1(z)$ определены на ней, есть теория T_p : $v_1(y)(T_p) = o_p^{c1}$, $v_1(z)(T_p) = o_p^{c2}$. Тогда требование из (20) $v_5(y)(T_p) \approx v_1(y)(T')$ в M_1 выполнено, поскольку $v_5(y)(T_p) = o_p^{c1}$, $v_1(y)(T') = v_1(y)(T_p) = o_p^{c1}$, и в M_1 (совпадающей в этом с M) $o_p^{c1} \approx o_p^{c1}$. Требование из (20) $v_5(z)(T_p) \approx v_1(z)(T'')$ в M_1 тоже выполнено, поскольку $v_5(z)(T_p) = o_p^{c2}$, $v_1(z)(T'') = v_1(z)(T_p) = o_p^{c2}$, и в M_1 (совпадающей в этом с M) $o_p^{c2} \approx o_p^{c2}$.

В силу того, что второй конъюнкт из (20) истинен, и в соответствии с УИ 2 мы можем записать: (20) ттк:

(21) $v_5(y)(T_p)(i_p)$ определен, $v_5(z)(T_p)(i_p)$ определен и $\langle v_5(y)(T_p)(i_p), v_5(z)(T_p)(i_p) \rangle \in v(B^2)(i_p)$ в M_5 .

Но в M_5 $v_5(y)(T_p)(i_p) = o_p^{c1}(i_p) = \delta_p^{c1}$, $v_5(z)(T_p)(i_p) = o_p^{c2}(i_p) = \delta_p^{c2}$, $v(B^2)(i_p) = \{\langle \delta_p^{c1}, \delta_p^{c2} \rangle\}$. Поскольку $\langle \delta_p^{c1}, \delta_p^{c2} \rangle \in \{\langle \delta_p^{c1}, \delta_p^{c2} \rangle\}$, (21) истинно. Значит, мы убедились в истинности $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p B^2(y, z)] = 1$.

Проверим пятый конъюнкт из (10) – $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_a U^2(z, w)] = 1$.

Применяя УИ 8, получаем: $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_a U^2(z, w)] = 1$ ттк:

(22) имеется M_6 с функцией валюации v_6 , такие, что $V[M_6, T_a, i_a, U^2(z, w)] = 1$ и $v_6(z)(T_a) \approx v_1(z)(T')$ и $v_6(w)(T_a) \approx v_1(w)(T'')$ в M_1 , где $v_6 = v_1[o_1/y][o_2/z]$, $o_1 = v_6(z)(T_a)$, $o_2 = v_6(w)(T_a)$, o_1 и o_2 – некоторые объекты из O в M_1 , T' и T'' – какие-либо теории из M_1 , такие, что функция $v_1(x)(T)$ определена на T' и T'' .

Поскольку мы определили v_1 как $v_1 = v[o_p^b/x][o_p^{c1}/y][o_p^{c2}/z][o_a^{c3}/w]$, где $o_p^b = v_1(x)(T_p)$, $o_p^{c1} = v_1(y)(T_p)$, $o_p^{c2} = v_1(z)(T_p)$, $o_a^{c3} = v(w)(T_a)$, теория из M_1 , такая что функция $v_1(z)(T)$ определена на ней, является единственной и есть теория T_p : $v_1(z)(T_p) = o_p^{c2}$. Также теория из M_1 , такая что функция $v_1(w)(T)$ определена на ней, является единственной и есть теория T_a : $v_1(w)(T_a) = o_a^{c3}$. Следовательно, $T' = T_p$, $T'' = T_a$.

Пусть $v_6 = v_1[o_a^{c2}/z]$, $o_a^{c2} = v_6(z)(T_a)$. Как мы видим, единственная теория из M_1 , такая что функция $v_1(z)$ определена на ней, есть теория T_p : $v_1(y)(T_p) = o_p^{c2}$. Также единственная теория из M_1 , такая что функция $v_1(w)$ определена на ней, есть теория T_a : $v_1(w)(T_a) = o_a^{c3}$. Тогда требование из (22) $v_6(z)(T_a) \approx v_1(z)(T')$ в M_1 выполнено, поскольку $v_6(z)(T_a) = o_a^{c2}$, $v_1(z)(T') = v_1(z)(T_p) = o_p^{c2}$, и в M_1 (совпадающей в этом с M) $o_a^{c2} \approx o_p^{c2}$. Требование из (22) $v_6(w)(T_a) \approx v_1(w)(T')$ в M_1 тоже выполнено, поскольку $v_6(w)(T_a) = o_a^{c3}$, $v_1(w)(T') = v_1(w)(T_a) = o_a^{c3}$, и в M_1 (совпадающей в этом с M) $o_a^{c3} \approx o_a^{c3}$.

В силу того, что, $v_6(z)(T_a) \approx v_1(z)(T')$ и $v_6(w)(T_a) \approx v_1(w)(T')$ в M_1 и в соответствии с УИ 2, мы можем записать: (22) ттк:

(23) $v_6(z)(T_a)(i_a)$ определен, $v_6(w)(T_a)(i_a)$ определен и $\langle v_6(z)(T_a)(i_a), v_6(w)(T_a)(i_a) \rangle \in v(U^2)(i_a)$ в M_6 .

$v_6(z)(T_a)(i_a) = o_a^{c2}(i_a) = \delta_a^{c2}$, $v_6(w)(T_a)(i_a) = o_a^{c3}(i_a) = \delta_a^{c3}$, $v(U^2)(i_a) = \{\langle \delta_a^{c2}, \delta_a^{c3} \rangle\}$ в M_6 . Поскольку $\langle \delta_a^{c2}, \delta_a^{c3} \rangle \in \{\langle \delta_a^{c2}, \delta_a^{c3} \rangle\}$, (23) истинно. Значит, мы убедились в истинности $V[M[v_1], T_h, i_h, BEL_p B^2(y, z)] = 1$.

Из истинности всех пяти конъюнктов из (10) следует истинность (8). Следовательно, как мы показали, формула (7') истинна в M на T_h и i_h .

Дополнительные типы значений

Для того чтобы раскрыть возможности, предоставляемые моделью M для разрешения споров о методологии истории философии, введем еще несколько понятий, не входящих в структуру модели M и не требующихся для ее построения, но, напротив, получаемых с помощью этой структуры.

O^o есть множество, состоящее из множеств, таких что каждое из этих множеств является каким-либо подмножеством O (включая само O), таким что для любых двух объектов o_1 и o_2 из любого такого подмножества O либо $o_1 \mathfrak{R} o_2$, либо $o_2 \mathfrak{R} o_1$. В соответствии с УЗМ 8 $\mathfrak{R}$ есть бинарное отношение строгого частичного порядка (транзитивное, антирефлексивное, антисимметричное), так что множества, входящие в O^o , являются частично упорядоченными множествами (posets). Также, УЗМ 8, отношение $\mathfrak{R}$ может и не связывать никаких объектов из O вообще, так что O^o может быть пустым множеством. Каждое упорядоченное множество S^o из O^o имеет следующее свойство: S^o образовано объектом $o_{\min}$ и, кроме того, всеми такими объектами (и только ими), что $o_{\min} \mathfrak{R} o$, где $o_{\min}$ – некоторый (единственный или нет) минимальный элемент множества S^o , причем в M имеются такой терм t и такая теория T , что $o_{\min} = v(t)(T)$; объект $o_{\min}$ является минимальным элементом множества S^o ттк для любого элемента o множества S^o $o_{\min} \mathfrak{R} o$; у множества S^o может быть один или несколько минимальных элементов.

Функция v^d есть частичная функция *производной валюации*, такая что каждому, некоторым или ни одному терму t из языка L_1 (поскольку каждая правильно построенная формула трактуется как индивидуальная константа, сказанное о терме t относится также и к формуле Φ) частичная функция $v^d(t)$ назначает ча-

стичную функцию $v^d(t)(\mathbb{T})$ от θ к множеству всех подмножеств множества O^o .

Частичную функцию $v^d(t)(\mathbb{T})$ мы будем называть *производным суперзначением* терма t в модели M .

Значение частичной функции $v^d(t)(\mathbb{T})$ на теории T мы будем называть *производным значением терма t на теории T* в модели M . Значение функции $v^d(t)(\mathbb{T})$ на теории T , т.е. $v^d(t)(T)$, есть упорядоченное множество D_T^t из множества O^o , такое что единственным минимальным элементом частично упорядоченного множества D_T^t является объект $v(t)(T)$ и D_T^t является *максимальным частично упорядоченным множеством с минимальным элементом $v(t)(T)$* . Частично упорядоченное множество S^o из O^o называется *максимальным частично упорядоченным множеством с минимальным элементом $o_{\min}$* ттк в O^o нет такого частично упорядоченного множества $S^{o'}$ с минимальным элементом $o_{\min}$ такого, что в $S^{o'}$ присутствует объект o , не присутствующий в S^o .

Таким образом, нет необходимости включать O^d и v^d в модель M , поскольку если в M определено отношение $\mathfrak{R}$ на O , то этого достаточно для получения O^d и v^d . Действительно, если в M определено отношение $\mathfrak{R}$ на O , то определено множество частично упорядоченных множеств O^o . Если в M присутствует непустое множество частично упорядоченных множеств O^o , то мы можем однозначно определить, скажем, $v^d(t)(\mathbb{T})$ на теории T , проверив, имеется ли в M частично упорядоченное множество с минимальным элементом $v(t)(T)$. Проверка состоит в следующем: если это частично упорядоченное множество отсутствует, то $v^d(t)(\mathbb{T})$ не определена на теории T ; если же оно присутствует, то производное значение терма t на теории T в модели M есть $v^d(t)(T)$. Это значит, что для любого терма t из L_1 опосредованное суперзначение терма t в модели M однозначно определено в M , а также для любого терма t из L_1 , для любой теории T из M производное значение терма t на теории T в модели M также однозначно определено в M .

По аналогии с частичной функцией v^d вводится частичная функция v^g .

Функция v^g есть частичная функция *генеалогической валюации*, такая что каждому, некоторым или ни одному терму t из языка L_1 частичная функция $v^g(t)$ назначает частичную функцию $v^g(t)(\mathbb{T})$ от θ к множеству всех подмножеств множества O^o .

Частичную функцию $v^g(t)(\mathbb{T})$ мы будем называть *генеалогическим супер-значением* терма t в модели M .

Значение частичной функции $v^g(t)(\mathbb{T})$ на теории T мы будем называть *генеалогическим значением терма t на теории T* в модели M . Значение функции $v^g(t)(\mathbb{T})$ на теории T , т.е. $v^g(t)(T)$ – есть частично упорядоченное множество G_T^t из множества O^o , такое что единственным максимальным элементом $o_{\max}$ частично упорядоченного множества G_T^t является объект $v(t)(T)$ и G_T^t является *максимальным частично упорядоченным с максимальным элементом $o_{\max}$* . Объект $o_{\max}$ является *максимальным элементом* частично упорядоченного множества S^o ттк для любого элемента o частично упорядоченного множества S^o $o \mathfrak{R} o_{\max}$. Частично упорядоченное множество S^o из O^o называется *максимальным частично упорядоченным мно-*

жестом с максимальным элементом $o_{\max}$ ттк в O' нет такого частично упорядоченного множества $S^{o'}$ с максимальным элементом $o_{\max}$, что в $S^{o'}$ присутствует объект o , не присутствующий в S^o .

Как в случае с частичной функцией v^d и с множествами вида D_T^t , нет необходимости включать G_T^t и v^g в модель M , поскольку если в M определено отношение $\exists$ на O , то этого достаточно для получения множеств G_T^t и частичной функции v^g .

Частичные функции v^g и v^d можно понимать как отражающие последовательные этапы в деятельности историка философии, строящего свою модель теорий, выдвинутых философами. Сначала историк философии исследует *генеалогию* объектов, обозначаемых терминами, используемыми исследуемым им философом в собственной теории философа. Для этого используется функция v^g . При этом генеалогию имеют только объекты, обозначаемые пропозициональными константами. В нашем примере объектом теории Аристотеля является аргумент Платона об отдельности красоты, к которому Аристотель высказывает свое отрицательное отношение. Рассматриваемый здесь тип значения отражает интуицию: чтобы понять аргумент, необходимо понять, о каких объектах в нем идет речь. В нашем примере, чтобы понять аргумент Платона в пользу отдельности красоты, которому возражает Аристотель, необходимо наделить значением отстаиваемое в этом аргументе предложение «красота отдельна», а для этого нужно наделить значением термин «красота». Таким образом, $v^g(c_2)(T_a) = \{o_p^b, o_p^{c1}, o_a^{c2} \mid o_p^b \exists o_p^{c1}, o_p^{c1} \exists o_a^{c2}, o_p^b \exists o_a^{c2}\}$.

Только после этого историк философии может приступить к оценке роли, которую объекты из теории, например, Платона играют в генеалогии объектов других теорий, вплоть до современных, таких что эти объекты из других теорий являются *производными* от объектов из теории Платона. В нашем примере имеется один производный от значения «красоты» из теории Платона объект в теории Платона, еще один объект в теории Платона, производный от последнего, и один – в теории Аристотеля. Для этого используется функция v^d . Таким образом, $v^d(b)(T_p) = \{o_p^b, o_p^{c1}, o_p^{c2}, o_a^{c2} \mid o_p^b \exists o_p^{c1}, o_p^{c1} \exists o_p^{c2}, o_p^{c1} \exists o_a^{c2}, o_p^b \exists o_p^{c2}, o_p^b \exists o_a^{c2}\}$.

Определяемое с помощью v^g генеалогическое значение термина t на теории T , т.е. $v^g(t)(T)$, есть частично упорядоченное множество из объектов, нечто подобное «древу Порфирия», ветви которого, растущие снизу вверх, от минимальных объектов (которых может быть несколько) к единственному максимальному, достигают объекта $v(t)(T)$ как максимального. Таким образом, $v^g(t)(T)$ раскрывает генеалогию, родословную объекта $v(t)(T)$, историю порождения этого объекта, или, точнее, историю конструирования этого объекта создателем модели M . Можно сказать, что в $v^g(t)(T)$ отражена прошлая история объекта $v(t)(T)$:

«...для подлинной истории философии, которая принимает требования истории и философии всерьез, генеалогический подход, как кажется, является наиболее плодотворным путем, который следует пройти» [4. Р. 69].

Конечно, у нас речь идет не об объективной истории, а о некоторой альтернативной истории этого

объекта, об истории, которую конструирует создатель модели M . И, разумеется, такое значение необходимо для деятельности даже аналитических философов:

«Взгляд на аналитическую философию как на располагающую “позиции” внутри логического пространства поднимает вопрос о том, откуда эти “позиции” появились. “История темы” является частью ответа» [3. Р. 59].

Тезис о необходимости истории философии для современного философствования разделяют также и некоторые историки философии, не склонные к аналитическому стилю. Например, по Иву Шарлю Зарке, присоединяющемуся в этом к Эмилю Бутру, философия либо черпает свою жизнь из источника истории философии, либо не существует [5. Р. 153], поскольку философии

«для того, чтобы существовать как оригинальной науке, необходимо признать свою внутреннюю связь с историей философии» [Ibid].

Определяемое с помощью v^d производное значение термина t на теории T , т.е. $v^d(t)(T)$, есть значение, в некотором смысле обратное $v^g(t)(T)$, поскольку $v^d(t)(T)$ имеет дело не с предшествующими $v(t)(T)$ объектами, а с объектами, следующими после $v(t)(T)$, не с генеалогией или родословной объекта $v(t)(T)$, а с производными от него объектами, не с его прошлым, а с его будущим, с последующим использованием объекта $v(t)(T)$, о котором философ, придерживавшийся теории T , и не подозревал. Таким образом, генеалогическое значение и производное значение термина t на теории T в некотором смысле зеркальны. Определяемое с помощью v^d производное значение термина t на теории T , т.е. $v^d(t)(T)$, есть частично упорядоченное множество из объектов, нечто вроде «древа Порфирия», все ветви которого растут снизу вверх, от единственного минимального объекта $v(t)(T)$ к максимальным (которых может быть несколько). Иначе говоря, минимальным элементом частично упорядоченного множества $v^d(t)(T)$ является объект $v(t)(T)$. Таким образом, $v^d(t)(T)$ раскрывает процесс порождения объектом $v(t)(T)$ производных от него объектов, так сказать, историю объекта $v(t)(T)$ в будущем или, точнее, историю будущего конструирования объектов, производных от $v(t)(T)$, создателем модели M . Также можно сказать, что $v^d(t)(T)$ раскрывает генеалогию, или родословную, – вплоть до $v(t)(T)$ – объектов теорий, следующих после T , если эти объекты имеют $v(t)(T)$ в качестве своего предка, или являются производными от $v(t)(T)$.

Использование производного значения термина t на теории T позволяет отразить интуицию многих аналитических философов, что значение позиции философа определяется его ролью в дискуссиях между противниками и сторонниками этой позиции. Например, Дагфинн Фоллесдал пишет:

«Аналитический философ, который представляет и оценивает философскую позицию, задается вопросом: какие основания имеются для принятия или отклонения этой позиции? Этот вопрос делает необходимым исследование того, что следует из рассматриваемой позиции.... Каким образом можно усилить или показать несостоятельность этой позиции? Это

имеется в виду, когда спрашивают: какое именно значение имеет эта позиция?» [6. Р. 7–8].

Разведение генеалогического и производного значений термов на теории помогает прекратить некоторые дискуссии между апроприационистами и контекстуалистами. Действительно, многие дискуссии вызваны попыткой ответить на альтернативный вопрос: что следует считать значением термина (или предложения) для теории древнего философа – *генеалогию* объекта, обозначенного в теории этим термином (контекстуалисты), *либо* участие объекта, обозначенного этим термином, в *произведении* других объектов, о которых велись философские дискуссии, со времени введения термина древним философом и до наших дней (апроприационисты)? С точки зрения описываемого здесь подхода это ложная альтернатива. И первое и второе являются вполне легитимными значениями, хотя и значениями различных типов, используемыми на различных этапах построения модели, предлагающей интерпретацию убеждений древних и не очень философов.

Наш «примирительный» подход отражает интенции многих историков философии, полагающих, что в работе историка философии деятельность по выяснению того, как философ минувшей эпохи пришел к своим убеждениям, должна сочетаться с деятельностью философа, оценивающего качество аргументации рассматриваемого философа, значимость его взглядов для современности, а значит, и возможность их использования современными философами. В качестве примера приведем точку зрения Энтони Кенни, полагающего, что история философии может изучаться как ради истории, так и ради философии:

«Мы можем читать философов других эпох либо для того, чтобы решить “вечные” философские проблемы, либо для того, чтобы более полно погрузиться в интеллектуальный мир прошедшей эпохи. Но каким бы ни был мотив, историк философии не может не быть и философом, и историком. ... Историческая задача сама по себе заставляет историков философии пересказывать мнения своих клиентов, для того чтобы предложить основания, почему прошлые мыслители придерживались своих мнений, чтобы предполагать предпосылки, оставшиеся неявными в их аргументах, и чтобы оценить согласованность и убедительность тех выводов, которые эти мыслители сделали. Но предоставление оснований для философских заключений, обнаружение скрытых предпосылок в философских аргументах и логическая оценка философских умозаключений сами являются полноценными философскими занятиями. Следовательно, любая серьезная история философии сама по себе должна быть упражнением как в истории, так и в философии» [7. Р. 20].

Далее Э. Кенни заимствует пример из [8. Р. xi], где рассматривается условный античный философ Архайос, придерживающийся определенного философского взгляда p . По Э. Кенни, мы можем рассматривать p двумя способами:

1. Можно рассматривать p как философский взгляд, интересоваться, истинный он или нет, какие имеются основания для его принятия и какие он имеет следствия.

2. Можно интересоваться тем фактом, что p принадлежит именно Архайосу в тех обстоятельствах, в которых Архайос находился, и объяснять это тем способом, которым объясняют исторические факты [7. Р. 20].

Таким образом, предпринятое нами выделение нескольких типов значений лексических единиц в философских текстах соответствует намерению Э. Кенни и формально показывает, что оба подхода совместимы – в том смысле, что построение модели M является деятельностью по наделению лексических единиц философского текста как «историцистским значением» (генеалогическим значением), так и «апроприационистским или собственно философским значением» (производным значением).

Аккуратное разведение всех описанных выше типов значений и признание легитимности каждого из них может помочь прекратить дискуссии, вызванные тем, что один тип смешивается с другим, безосновательно предполагается, что тип значения может быть только один, или что использоваться значение может только одним способом – например, для определения ментальной системы убеждений философа, того, во что он верил «на самом деле». В описываемом нами подходе нет претензий на доступ историка философии к тому, что древний философ думал «на самом деле». Наличие у историка философии такого доступа всегда может быть поставлено под сомнение, ведь даже у нас есть очень точное и ясное изложение его мысли; это не гарантирует нам, что философ пытался выразить именно то содержание, которое ему приписывает историк философии, поскольку нет универсальной процедуры установления значений употребляемых философами слов. Историк философии является лишь создателем модели M , в которой моделируются убеждения философов – посредством задания теорий этих философов, объектов, возможных и / или необходимых в этих теориях, и других технических средств. Убеждения философов релятивизированы к модели M , сконструированной историком философии, изучающим этих философов.

Относительно модели M собственные убеждения философа моделируются посредством интенционала термина на теории T этого философа, т.е. посредством объекта из теории T , и других средств. Этот тип значения недостаточен, если мы, например, хотим построить модель эстетических теорий всех античных философов, а не только Аристотеля. В этом случае нам необходим не интенционал термина «красота» на теории T , а супер-интенционал термина «красота». Значение термина, таким образом, есть инструмент для достижения поставленной интерпретатором текста цели, средство для предоставления интерпретатору того, что он хочет знать, и такие инструменты могут быть разными для различных целей. Генеалогическое и производное значения также служат разным целям. Первое служит для раскрытия генеалогии объектов философа, а второе – его вклада в конструирование объектов последующих дискуссий.

Заключение

Доказательство истинности ($7'$) в M на T_h и i_h позволяет ответить на вопрос: в каком смысле различие

объектов различных из систем убеждений античных и современных философов не препятствует использованию объектов античных философов в современных дискуссиях? Мы ответили на этот вопрос посредством построения синтаксиса и семантики языка L_1 , восходящих к [2]. Если имеется способ перевода предложений с языков философских текстов на язык L_1 и если задана модель M для языка L_1 , то тем самым задано несколько различных типов значений термов и переменных языка L_1 .

Мы определили несколько типов таких значений. Тем самым мы ответили на вопрос: *что является значением предложения и термина из философского текста?* То, что таких типов несколько, показывает, что интерпретация текста античного философа не сводится к назначению лексическим единицам текста объектов из теории античного философа, но, помимо этого, состоит в назначении им объектов, которые могут присутствовать в теориях современных философов и историков философии, а также частично упорядоченных множеств, некоторые объекты из которых могут содержаться в убеждениях современных философов и историков философии.

Мы показали, что объекты из убеждений античного философа *могут использоваться* в убеждениях современного философа или историка философии, но не непосредственно, а опосредованно, так что не проис-

ходит приписывания античному философу модернизированных концепций, которых он не придерживался и не мог придерживаться, – в чем историцисты и контекстуалисты обвиняют апроприационистов, сторонников «рациональной реконструкции» и «проблемно-ориентированного подхода». А именно: в современных рассуждениях могут использоваться близнецы объектов античного философа или объекты, производные от его объектов. Признание допустимости нескольких типов значений для лексических единиц из текста античного философа позволяет говорить о том, что значение этих единиц может включать в себя объекты из убеждений современных философов, так что значением в данном случае являются объекты современных дискуссий. Таким образом, *мы показали, при каких условиях можно говорить о наличии аналога объекта из убеждений одного философа в убеждениях другого философа* и как такие аналоги могут использоваться в работе историка философии и современного философа; показали, в каком смысле и при каких условиях мы действительно *способны высказывать осмысленные сообщения об убеждениях древних*. Таким образом, мы представили способ использования современных философских инструментов, подходов, концептов и концепций для наделения некоторым типом значения текста античного философа. Иначе говоря, *мы показали, что (ИТ) совместимо с (АТ)*¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Настоящее исследование не могло бы состояться без неоценимой помощи и поддержки Евгения Васильевича Борисова, профессора философского факультета Томского государственного университета, потратившего много времени и усилий для объяснения автору семантики В. Эдельберга. Разумеется, за все ошибки и недочеты несет ответственность только автор настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Ч. I: Постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 69–81.
2. Edelberg W. A Perspectivalist Semantics for Attitudes // *Noûs*. 1995. Vol. 29, № 3. P. 316–342.
3. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / ed. by T. Sorell, G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 43–59.
4. Vermeir K. Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy // *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by Mogens Lærke, Justin E.H. Smith, Eric Schliesser. New York : Oxford University Press, 2013. P. 50–69.
5. Zarka Y.Ch. The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / ed. by T. Sorell, G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 147–159.
6. Føllesdall D. Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It? // *Rise of Analytic Philosophy* / ed. by H.-J. Glock. Oxford : Blackwell, 1997. P. 7–8.
7. Kenny A. The Philosopher's History and the History of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York : Oxford University Press, 2005. P. 13–24.
8. Frede M. *Essays in Ancient Philosophy*. Oxford : Clarendon Press, 1987.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 сентября 2018 г.

Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part II: Types of Term Meanings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 62–73.

DOI: 10.17223/15617793/438/8

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Keywords: historicism; contextualism; appropriationism; methodology of history of philosophy; antiquarianism; anachronism; intentional identity; perspectivalist semantics; Walter Edelberg.

In this paper, the author proposes a way to break the deadlock that has arisen in the dispute between historicists (contextualists) and appropriationists about the methodology of the history of philosophy. The author shows that one of the reasons for the dispute is that the proponents of both camps differ in their answers to the question: Is the application of the concepts of past philosophers in contemporary discussions possible? There are powerful arguments for the difference of the objects of ancient philosophers from the objects discussed by modern ones, and for the necessity of the study of the application of ancient objects in modern discussions. The

author shows that one of the reasons for the collision is the difference in answers given in these two camps to the question of the possibility of application of the concepts and conceptions of past philosophers in contemporary discussions. The author presents these differences in a form suitable for subsequent formalization by means of Walter Edelberg's perspectivalist semantics. As shown, the two opposing positions can be treated in such a way (based on Edelberg's perspectivalist semantics) that these positions are completely compatible. The author believes this can stop the recurring disputes between the two camps and lead the discussion to a new, more thoughtful level. Moreover, this approach preserves the powerful arguments cited by both camps in favor of their own positions, which would be very problematic to discard. In order to implement this approach, the author answers the questions: "In what sense the difference of objects in different belief systems does not prevent these objects from their involvement in up-to-date discussions?", "What is the meaning of the sentence and the meaning of the term in a philosophical text?". The author also determines the necessary and sufficient conditions for the existence of an analogue of an object from the belief system of one philosopher in the belief system of another philosopher. In order to achieve the aim, the author proposes to treat historicists and contextualists as accepting the first Edelberg's thesis that there are no identical objects in two different belief systems, and to treat appropriationists as accepting the second Edelberg's thesis that an object from one belief system can have an analogue in another belief system. The author shows that if to take Edelberg's approach objects from the beliefs of an ancient philosopher can be used in the beliefs of a modern philosopher or a historian of philosophy. However, current beliefs do not use the ancient philosophers' object itself, but its "counterpart". Because of this, ancient philosophers are not attributed modernized concepts, which they did not adhere to and could not adhere to: this is the point of accusation that historicists and contextualists make against appropriationists. So, this approach offers the semantics such that belief reports of ancient philosophers' are no longer problematic ones, unlike the historicists and contextualists' approach within which such reports are still problematic ones.

REFERENCES

1. Berestov, I.V. (2018) Application of Walter Edelberg's perspectivalist semantics in the methodology of the history of philosophy. Part I: A statement of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 69–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/8
2. Edelberg, W. (1995) A Perspectivalist Semantics for Attitudes. *Noûs*. 29(3). pp. 316–342.
3. Sorell, T. (2005) On Saying No to History of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
4. Vermeir, K. (2013) Philosophy and Genealogy: Ways of Writing History of Philosophy. In: Schliesser, E. et al. (eds) *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
5. Zarka, Y.Ch. (2005) The Ideology of Context: Uses and Abuses of Context in the Historiography of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
6. Føllesdall, D. (1997) Analytic Philosophy: What Is It and Why Should One Engage in It? In: Glock, H.-J. (ed.) *Rise of Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell.
7. Kenny, A. (2005) The Philosopher's History and the History of Philosophy In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
8. Frede, M. (1987) *Essays in Ancient Philosophy*. Oxford: Clarendon Press.

Received: 10 September 2018

В.В. Бровкин

ПЕРИПАТЕТИКИ И ПЕРИОД РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Рассматривается вопрос о влиянии политического развития Греции на философию перипатетиков в период раннего эллинизма. Установлено, что на философию перипатетиков оказали влияние две политические системы: эллинистические монархии и традиционные полисы. Установлено, что в период раннего эллинизма в философии перипатетиков проявилось две тенденции: стремление к политической активности и отчуждение индивида от общества. Доказано, что господствующей была тенденция к политической активности.

Ключевые слова: Ликей; перипатетики; Теофраст; Деметрий Фалерский; Дикеарх; политика; монархия; полис.

В научной литературе традиционно принято считать, что лицом эллинистической философии были стоики, эпикурейцы и скептики. Подчеркивается, что именно в этих философских учениях в наиболее полной мере отразились социально-исторические изменения в эпоху эллинизма и прежде всего переход от полисной системы к военно-бюрократическим монархиям. Однако в период формирования нового эллинистического мира, т.е. раннего эллинизма (334–281 гг. до н. э.) греческая философия состояла из многочисленных школ и направлений, среди которых особое место занимал Ликей и его представители – перипатетики. Ученики и последователи Аристотеля в это время были на первых ролях в философии и науке¹. О большом влиянии перипатетиков говорит тот факт, что именно они выступали в качестве главных политических мыслителей, а также советников и наставников эллинистических царей среди философов².

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что в период раннего эллинизма в греческой философии значительно усилился интерес к монархическому государственному устройству [5. Р. 269; 6. Р. 249; 7. Р. 392; 8. Р. 457–458]. Первое, что бросается в глаза, это большое количество политических сочинений, посвященных теории царствования. Греческими философами в период раннего эллинизма было написано не менее девяти работ, посвященных царской власти. Перечислим их: «Начала царской власти» Ксенократа; «О царской власти», «О царской власти» в двух книгах, «О воспитании царя», «К Кассандру о царской власти» Теофраста; «Птолемей» Деметрия Фалерского; «О царской власти» и «О царе-философе» Стратона; «О царской власти» Эпикура. Все эти сочинения были написаны в течение нескольких десятилетий в конце IV – начале III в. до н. э., и, как мы видим, большинство из них принадлежало перипатетикам. На наш взгляд, данная ситуация свидетельствует о возросшей роли монархий в политической жизни Греции в период раннего эллинизма. Образовавшиеся эллинистические царства стремительно ворвались в политическое пространство Греции. Греческие философы быстро отреагировали на эти изменения, посвятив часть своих политических работ монархии. О чем конкретно шла речь в этих сочинениях, нам не известно. Проблема заключается в том, что ни одно из многочисленных сочинений политического характера раннеэллинистических философов не со-

хранилось. В нашем распоряжении имеются лишь названия произведений и отдельные фрагменты, в которых более поздние античные авторы сообщают, причем зачастую довольно поверхностно, некоторые сведения.

Немного прояснить ситуацию позволяет один фрагмент Теофраста. В Оксиринхских папирусах неизвестный автор приводит слова Теофраста из второй книги «О царской власти»: «И это царь, который действительно правит своим скипетром, а не копьем, как Кеней»³ [9. Р. 127]. Томас Синклэр поясняет, что «даже неуязвимый Кеней был покорен кентаврами, из чего следует, что царствование должно основываться не на силе, а, как сказал Теофраст, на скипетре, который со времен Гомера был знаком законного правления» [6. Р. 249]. Как мы видим, по мнению Теофраста, власть монарха должна основываться на законе, а не на силе и произволе. Но о каком законе может идти речь в случае с эллинистическими монархиями, в которых царская власть была неограниченной и абсолютной и которые все без исключения появились в результате захвата власти насильственным путем⁴?

В этой связи вопрос, который, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, заключается не в том, как перипатетики относились к монархии, а в том, как они относились к неограниченной монархии. В научной литературе этот момент зачастую упускается из виду. А ведь именно эта форма правления сложилась в самых сильных и влиятельных государствах эллинистического мира. Еще Аристотель отмечал, что существует несколько видов монархий⁵. В III книге «Политики» у Аристотеля имеется рассуждение о неограниченной монархии. Философ называет ее «всеобъемлющей царской властью, которая состоит в том, что царь правит всем по собственной воле» [10. С. 480]. Позиция Аристотеля хорошо известна и заключается в том, что при любом виде государственного устройства господствовать должен закон, а не человек или группа лиц. Согласно Аристотелю, закон гарантирует большую беспристрастность, чем человек, поэтому полновластное господство одного над всеми не является ни полезным, ни справедливым [Там же. С. 481–483]. Но при этом Аристотель все-таки допускает возможность существования неограниченной монархии. Вот его слова: «Когда случится так, что либо весь род, либо один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетелью»

тель всех прочих вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель – полновластным владыкой и монархом» [10. С. 484]. Всеобъемлющую царскую власть Аристотель уподобляет домохозяйственной власти, а точнее, власти отца над детьми. Об этом он говорит в I книге «Политики»: «Отец властвует над детьми в силу своей любви к ним и вследствие того, что он старше их, а такой вид власти и есть именно царская власть» [Там же. С. 398]. Из этого следует, что в представлении Аристотеля, монарх, обладающий неограниченной властью, выступает в качестве царя-благотельца, который заботится о своих подданных как отец о детях.

Данное представление Аристотеля, на наш взгляд, позволяет прояснить позицию перипатетиков в отношении неограниченной монархии. Мы полагаем, что Теофраст, говоря о том, что монарх должен править, опираясь на закон, а не на силу, имел в виду как раз добродетельное правление, основанное на справедливости и заботе о подданных. Неограниченная власть эллинистических монархов была той новой политической реальностью, с которой ни один из философов не мог не считаться. Перипатетики, представляющие одну из ведущих философских школ в период раннего эллинизма, были вынуждены приспособливаться к этой реальности, адаптируя к ней идеи Аристотеля. И здесь исключительно важным является вопрос о том, в какой степени взгляды перипатетиков о добродетельном монархе соответствовали исторической реальности, т.е. правлению отдельных эллинистических монархов.

Как известно, участники борьбы за наследство Александра Македонского руководствовались принципом «цель оправдывает средства». Однако при этом, в плане моральных качеств, методов правления, политики в целом и ее результатов, диadoхи очень сильно отличались друг от друга. Среди них были те, кто покрыл свое имя злодеяниями и бесчестьем. Но были и такие, кто вошел в историю благодаря своим высоким моральным качествам и выдающимся деяниям. К числу первых можно отнести Кассандра, Лисимаха, Птолемея Керавна. К числу вторых – Птолемея I Сотера, Селевка I Никатора, Птолемея II Филадельфа, Антигона Гоната⁶.

Кассандр, Лисимах и Птолемей Керавн печально прославились как жестокие, коварные и неразборчивые в средствах тираны. Дройзен пишет, что «правление Кассандра было полно деспотизма и насилий» [3. С. 237]. Именно Кассандр, будучи регентом при малолетнем наследнике македонского престола и сыне Александра Великого Александре IV, тайно умертвил последнего и его мать Роксану, тем самым узурпировав власть [Там же. С. 238]. Порочность одного из самых могущественных диadoхов Лисимаха обернулась смертью для многих его родных и приближенных. Собственную дочь Лисимах осудил на пожизненное тюремное заключение. Зная он приказал умертвить, чтобы овладеть его царством. Своего сына и наследника Агафокла Лисимах по ложному обвинению в заговоре казнил [Там же. С. 381–382]. Птолемей Керавн, желая овладеть македонским престолом, убил своего покровителя и друга Селевка I. Далее

Птолемей решил жениться на своей сводной сестре Арсиное II, обещая усыновить ее сыновей от Лисимаха. Он даже принес клятву в храме в своих добрых намерениях. Но в день свадьбы по приказу Птолемея сыновья Арсинои были жестоко убиты на глазах у матери [3. С. 393].

Антигон Гонат по праву считается одним из самых уважаемых правителей эпохи эллинизма. В его жизни и царствовании не найдется ни одного порочащего его деяния. Неслучайно многие греческие философы считали для себя честью быть его другом⁷. Птолемей I Сотер прославился как основатель одного из самых могущественных эллинистических государств. Именно при Птолемеях в Александрии были построены Музей и библиотека, которые превратили город в невиданный доселе центр античной науки и культуры. О заботе Птолемея о своем государстве свидетельствует построенный им грандиозный Фаросский маяк⁸. Кроме этого, Птолемей считается автором несохранившегося исторического сочинения об Александре Македонском, на которое во многом опирались последующие историки вроде Арриана. Политику Птолемея I успешно продолжил его сын и наследник Птолемей II Филадельф. При нем Египет оставался одним из самых сильных и развитых эллинистических государств. Вероятно, именно на период правления Птолемея II пришелся расцвет александрийского Музея. Еще одним бесспорно выдающимся правителем был Селевк I Никатор. Селевк вошел в историю как основатель самого большого эллинистического государства. Кроме этого он основал большое количество новых городов, некоторые из них (Анtioхия на Оронте, Селевкия на Тигре, Апамея) были крупнейшими в эпоху эллинизма. Сохранившиеся источники позволяют судить о Селевке не только как о великом полководце и государственном деятеле, но и как о великодушном и благородном правителе.

Мы не склонны идеализировать одних эллинистических монархов⁹ и демонизировать других. Однако важно отметить, что идея просвещенного и добродетельного монарха не являлась фантазией греческих философов, а находила подтверждение в деятельности отдельных эллинистических царей. Тесная связь между перипатетиками и Птолемеями, а также между ранними стоиками и Антигоном Гонатом свидетельствовала о возможности благотворного влияния философов на эллинистических правителей. Безусловно, вопрос о степени такого влияния остается открытым. Но тем не менее еще раз отметим, что теория о монархе-благотельце имела под собой реальные основания. Греческие философы, прежде всего перипатетики, а позднее стоики, имели право рассчитывать на то, что их усилия в политической теории и практике могут дать положительные результаты. Поэтому мы полагаем, что интерес ведущих перипатетиков к теории монархии носил не отвлеченно-умозрительный, а вполне прикладной характер. Теофраст, Деметрий Фалерский, Дикеарх, Стратон и другие представители Ликея должны быть, разделяли мнение Аристотеля о том, что любое государственное устройство может быть усовершенствовано посредством правильных политических преобразований. В условиях господства

неограниченной монархии именно этот вид государственного устройства, по мысли перипатетиков, подлежал усовершенствованию. И здесь роль философов как царских наставников и советников была крайне высокой. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет пристальный интерес перипатетиков к политической теории в целом и к монархическому государственному устройству в частности.

Впрочем, у перипатетиков в период раннего эллинизма сохранялся интерес и к полисной проблематике. Так, известно, что Теофраст и Деметрий Фалерский продолжали изучать политическое устройство отдельных полисов, а также их законодательство. Ни одна из политических работ этих философов не сохранилась. Но перечень этих сочинений у Диогена Лаэртского не оставляет сомнения в том, что дело Аристотеля по изучению политического устройства греческих полисов было успешно продолжено его последователями в Ликее¹⁰. Другие перипатетики разрабатывали теорию идеального государства. В одном из фрагментов сообщается что Дикеарх выступал сторонником смешанного государственного устройства. В сочинении «Триполития» Дикеарх высказал мнение, что наилучшее государственное устройство состоит из элементов монархии, аристократии и демократии [11. Р. 91]. Для греческой политической мысли эта идея была далеко не новой. В Греции подобное политическое устройство традиционно было принято связывать со Спартой. Как передает Плутарх, в древности легендарный спартанский законодатель «Ликург придал государственному управлению смешанный характер» [12. С. 58], где монархия была представлена институтом царей, аристократия – герусией (советом старейшин), а демократия – народным собранием. Главное достоинство спартанского государственного устройства, по мнению Плутарха, заключалось в том, что в нем были уравновешены различные политические силы. Это обеспечило Спарте политическую устойчивость и отсутствие внутренних конфликтов на долгое время.

Как мы видим на примере Аристотеля и Дикеарха, в Ликее активно разрабатывались проекты идеального государства в рамках традиционной полисной системы. Хорошо видно, что перипатетиков не устраивало существовавшее в то время политическое устройство полисов. Греческие полисы в период раннего эллинизма раздирали внутренние конфликты и противоречия. К продолжающейся борьбе между сторонниками демократии и олигархии, а также между сторонниками и противниками Македонии, добавилось противостояние между союзниками тех или иных диадохов и эллинистических царей. Основные виды государственного устройства – олигархия и демократия, продолжали дискредитировать себя в глазах греческих философов. В частности, сторонники демократии в Афинах постоянно нападали на перипатетиков, обвиняя их в связях с Македонией. Им даже удалось на год изгнать все философские школы из Афин (306–305 гг. до н. э.), а также возбудить судебное дело против Теофраста (316–315 гг. до н. э.) [13. С. 54–55]. И при этом именно афинские демократы после падения режима Деметрия Фалерского и восстановления

демократических порядков впали в совершенно неумеренное прославление «освободителей» Афин – Деметрия Полиоркета и Антигона Одноглазого, которых они даже объявили богами. Впрочем, и олигархия не вызывала у перипатетиков симпатии. Это хорошо видно из описания олигархического человека в «Характерах» Теофраста. Сторонника олигархии Теофраст описывает как человека, стремящегося к власти, тесно связанного с корыстью, презирующего простой народ и не желающего тратить на общественные нужды [Там же. С. 35–36]. Что касается политического режима Деметрия Фалерского в Афинах, то в нем просматриваются элементы тирании, олигархии и аристократии [2. С. 547, 555–557].

Таким образом, разочарование в олигархии и демократии подталкивало перипатетиков к разработке новых проектов государственного устройства. Это, а также политические исследования, которые продолжали вести перипатетики, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что, несмотря на кризисные процессы, полисная система в эпоху эллинизма оставалась жизнеспособной. Об этом говорят и некоторые современные исследования [14. Р. 20; 15. Р. 209]. Даже в ослабленном виде греческие полисы продолжали играть важную роль в общественно-политической и культурной жизни Греции. И именно с этим, как мы полагаем, был связан сохраняющийся интерес перипатетиков к полисной проблематике.

Большой интерес представителей Ликей к политической науке, а также участие отдельных философов этой школы в государственных делах говорят о господстве в философии перипатетиков такой тенденции, как стремление к политической активности. По мнению Цицерона, именно перипатетик Деметрий Фалерский лучше всех совмещал научно-философскую деятельность с участием в делах государства. Как пишет Цицерон, Деметрий Фалерский был «первым и в занятиях наукой, и в управлении государством» [16. С. 138]. Но среди перипатетиков не один Деметрий Фалерский придерживался мнения о приоритете политической деятельности над научной или как минимум о их равноценности. В период раннего эллинизма в Ликее обострилась полемика по вопросу об образе жизни. Как сообщает Цицерон, между Теофрастом и Дикеархом имел место спор о том, какая жизнь является предпочтительной – созерцательная или деятельная [17. С. 123]. Теофраст отдавал предпочтение созерцательной жизни, Дикеарх – деятельной. Мы полагаем, что под созерцательной жизнью понималась научно-философская деятельность, а под деятельной – участие в общественно-политических делах. То, что два ведущих представителя Ликей не просто допускали возможность для философа участвовать в государственных делах, но и ставили политическую деятельность выше созерцательной, говорит о многом. Прежде всего о том, что представление о неразрывной связи между философией и политикой продолжало оставаться актуальным в раннеэллинистической философии.

Вместе с тем нельзя не упомянуть и о другой тенденции, которая проявилась в философии перипатетиков в данный период. Речь идет о тенденции к от-

чуждению индивида от общества. Святой Иероним в первой книге сочинения «Против Йовиниана» приводит большой фрагмент из работы Теофраста «О браке». В нем Теофраст доказывает, что мудрый человек не должен жениться. Семейные обязанности и заботы непременно помешают занятиям философией. Дурная и непослушная жена будет большой обузой. Но даже если попадется хорошая жена, все равно придется страдать и переживать из-за нее. Вступать в брак ради детей, по мнению Теофраста, является высшей глупостью. Никакой гарантии в том, что дети окажутся достойными людьми и продолжат род, нет. Он полагает, что вместо жены и детей лучше иметь друзей, добрых слуг и родственников [18. Р. 846–848].

Данные рассуждения Теофраста очень сильно напоминают взгляды еще одного раннеэллинистического философа – Эпикура. Мудрец Эпикура также уклонялся от брака и семейных обязанностей, предпочтя им тихую и спокойную жизнь. Но как ни странно, Теофраст в этом вопросе идет еще дальше. Согласно Эпикуру, для счастья мудрец нуждается в друзьях. Согласно Теофрасту, жизнь мудрого человека даже в одиночестве не будет хуже. Вот что он пишет: «Мудрый человек никогда не может быть один. Он имеет с собой добрых людей всех времен, и свободно направляет свой разум туда, куда он пожелает. То, что недоступно ему лично, он может охватить в мысли. И если людей мало, он беседует с Богом. Он никогда не бывает менее одинок, чем, когда одинок» [Ibid. Р. 847]. Эдуард Целлер отмечает, что стремление Теофраста к внутренней свободе и душевному спокойствию сближает его с Эпикуром и стоиками [19. Р. 405–406]. Мы согласны с данным мнением и полагаем, что именно в этом стремлении Теофраста проявилась тенденция к отчуждению индивида от общества.

Впрочем, эта тенденция не являлась господствующей у перипатетиков. Во-первых, Теофраст, в отличие от стоиков и Эпикура, не стремился к независимости от внешних обстоятельств. Наоборот, он признавал зависимость счастья от судьбы и внешних

условий. А во-вторых, спокойствие для Теофраста не являлось конечной целью жизни, а выступало в качестве необходимого условия для того, чтобы можно было полностью отдаться научно-исследовательской деятельности. У Эпикура и стоиков же теоретическая часть философии была подчинена практической цели достижения безмятежности и бесстрастия.

Подведем итоги. Как мы установили, с образованием эллинистических монархий в Ликее значительно усилился интерес к монархическому государственному устройству. В своих многочисленных сочинениях, посвященных царской власти, перипатетики развивали идею добродетельного и просвещенного монарха. Данная идея находила подтверждение в деятельности отдельных эллинистических правителей, таких как Птолемей I, Птолемей II, Селевк I, Антигон Гонат. Влияние полисной системы, которая продолжала существовать в данный период, проявилось в исследованиях перипатетиков, посвященных законам и государственному устройству греческих полисов. Кроме этого, в Ликее продолжали работать над проектами идеального государства. Значительный интерес авторов этих проектов к проблеме политической стабильности свидетельствует о развитии кризиса полисной системы в период раннего эллинизма. В философии перипатетиков проявились также две противоположные тенденции. Тенденция к отчуждению индивида от общества возникла у Теофраста в виде стремления к уклонению от брака, семьи и детей, а также представления о мудреце, который находит удовлетворение в своем одиночестве. Тенденция к политической активности особенно заметно проявилась у Дикеарха и Деметрия Фалерского, которые деятельную жизнь ставили выше созерцательной. Интерес к политической науке в Ликее и участие его отдельных представителей в государственных делах позволяют сделать вывод о том, что у перипатетиков в период раннего эллинизма тенденция к политической активности преобладала над тенденцией к отчуждению индивида от общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Ликее в то время учились и преподавали выдающиеся философы, ученые, поэты, ораторы: Теофраст, Дикеарх, Стратон из Лампсакса, Аристоксен, Деметрий Фалерский, Евдем Родосский, Гераклид Понтийский, комедиограф Менандр, оратор Динарх. Диоген Лаэртский сообщает, что Теофраста слушали до 2 тыс. учеников [1. С. 216]. И это при том, что, согласно переписи населения Аттики при Деметрии Фалерском, число полноправных граждан составляло 21 тыс. человек, а метеков – 10 тыс. [2. С. 553]. Как полагает Дройзен, в Афинах при Деметрии Фалерском на Ликей и философию перипатетиков была самая настоящая мода [3. С. 260–261].

² Деметрий Фалерский правил в Афинах в 317–307 гг. до н. э., будучи ставленником Кассандра. Позднее он оказался в Египте и стал влиятельной фигурой при дворе Птолемея I. Именно Деметрий Фалерский сыграл важную роль в создании и организации Музея и библиотеки в Александрии. Стратон из Лампсакса был учителем Птолемея II Филадельфа. Теофраст поддерживал общение с Кассандром и Птолемеем I. По мнению Йена Уэрдингтона, тесная связь между перипатетиками и эллинистическими правителями продолжала традицию общения между греческими интеллектуалами и македонскими царями начиная с конца V в. до н. э. Уэрдингтон предполагает, что большое влияние перипатетиков в Птолемеевском Египте могло быть связано с тем, что юный Птолемей I вместе с Александром обучался у Аристотеля [4. Р. 140–141].

³ Кеней – персонаж древнегреческой мифологии.

⁴ Ни один из основателей эллинистических монархий не принадлежал по крови к царской династии Аргеадов, правившей в Македонии с VIII по IV в. до н. э.

⁵ Аристотель выделяет пять видов царской власти. Первый вид – это царская власть героических времен, которая была достаточно ограниченной. Второй вид – царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону. Третий вид – выборная тирания. Четвертый вид – царская власть в Лакедемонии, которая была, по сути, наследственной и пожизненной стратегией. Пятый вид – это неограниченная власть одного над всеми [10. С. 476–477].

⁶ Строго говоря, к числу диадохов, т.е. сподвижников Александра Македонского, из этого перечня относятся только Птолемей I Сотер, Селевк I Никатор, Кассандр и Лисимах. Согласно Дройзену, Антигон Гонат, Птолемей II Филадельф и Птолемей Керанн были так называемыми эпигонами, т.е. сыновьями и наследниками диадохов.

⁷ В дружеских отношениях с Антигоном Гонатом были Зенон Китийский, Клеанф, Персей Китийский, Менедем из Эретрии, Бион Борисфенский.

⁸ Александрийский маяк был единственным сооружением из Семи чудес света, которое имело практическое предназначение. Маяк способствовал безопасному судоходству, а также выполнял военную функцию сигнальной башни [4. Р. 144].

⁹ В частности, Селевк участвовал в убийстве регента Пердикки. Птолемей I стал полноправным правителем Египта после того, как убил прежнего наместника Клеомена. Птолемей II жестоко расправился с высмеивавшим его поэтом Сотадом из Маронеи.

¹⁰ Теофраст считается автором таких сочинений, как «Обзор законов», «Законодатели», «Политики», «О наилучшем государственном устройстве», «О законах», «О наилучшем управлении государствами» и пр. [1. С. 218–220]. Деметрию Фалерскому приписываются такие сочинения, как «Об афинском законодательстве», «Об афинском государственном устройстве», «О законах», «О руководстве народом», «О политике», «О государственном устройстве» и пр. [Там же. С. 229].

ЛИТЕРАТУРА

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
2. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб. : Гуманитарная Академия, 2001.
3. Дройзен И.Г. История эллинизма. История диадохов. М. : Академический проект; Киров : Константа, 2011.
4. Worthington I. Ptolemy I: King and Pharaoh of Egypt. New York : Oxford University Press, 2016.
5. Balot R.K. Greek Political Thought. Oxford : Blackwell Publishing, 2006.
6. Sinclair T.A. A History of Greek Political Thought // Routledge Library Editions: Political Science. London : Taylor & Francis Group, 2012. Vol. 34.
7. Rowe C. The Peripatos after Aristotle // The Cambridge History of Greek and Roman Thought / C. Rowe, M. Schofield. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 390–395.
8. Hahn D.E. Kings and constitutions: Hellenistic theories // The Cambridge History of Greek and Roman Thought / C. Rowe, M. Schofield. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 457–476.
9. Oxyrhynchus Papyri. P. XIII / P. Grenfell Bernard, S. Hunt Arthur. London : Egypt Exploration Fund, 1919.
10. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4.
11. Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion // Rutgers University Studies in Classical Humanities / William W. Fortenbaugh, E. Schutrumpf. London : Taylor & Francis Group, 2001. Vol. 10.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. М. : Академия наук СССР, 1961. Т. 1.
13. Теофраст. Характеры. Ленинград : Наука, 1974.
14. Hansen M.H. The Lifespan of Hellenic Polis // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Hansen Mogens Herman and Nielsen Thomas Heine. Oxford University Press, 2004. P. 16–22.
15. Billows R. Cities // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine. Blackwell Publishing, 2003. P. 196–215.
16. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука, 1966.
17. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1949. Т. 1.
18. Nicene and Post-Nicene Fathers, Series II, Volume 6. Jerome: The Principal Works of St. Jerome. Schaff P. Christian Classics Ethereal Library, 1893.
19. Zeller E. Aristotle and the earlier Peripatetics: In Two Volumes. London : Longmans, Green, and Co., 1897. Vol. II.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 30 сентября 2018 г.

Peripatetics and the Period of Early Hellenism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 74–79.

DOI: 10.17223/15617793/438/9

Vladimir V. Brovkin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: drakar@ngs.ru

Keywords: Lyceum; peripatetics; Theophrastus; Demetrius of Phalerum; Dicaearchus; monarchy; politics; polis.

The article deals with the influence of the political development of Greece on the philosophy of peripatetics in the period of early Hellenism. The treatment of this issue in research literature is often underexplored and one-sided. It is believed that socio-historical changes in the era of Hellenism are most fully reflected in the philosophy of Epicurus, Stoics and Skeptics. It is noted that in the conditions of the formation of Hellenistic monarchies the dominant tendency in Greek philosophy was the alienation of the individual from society. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the philosophy of peripatetics was influenced by two political systems that coexisted during the early Hellenic period. The first system was represented by Hellenistic monarchies. The second system was the traditional organization of city-states. As the author has established, with the formation of Hellenistic monarchies, the Lyceum saw a significant growth of interest in the monarchical state system. In their numerous writings on the tsarist government, peripatetics developed the idea of a virtuous and enlightened monarch. This idea was confirmed by the activities of certain Hellenistic rulers, such as Ptolemy I Soter, Ptolemy II Philadelphus, Seleucus I Nicator, Antigonos II Gonatas. The impact of the Greek polis that continued to exist during this period, manifested itself in peripatetic studies on the laws and government of Greek city-states. In addition, the Lyceum continued to work on projects of the ideal state. The considerable interest of peripatetics in the problem of political stability, as well as their critical attitude to the main types of state structure – democracy and oligarchy – indicates the development of the crisis of the system of city-states in the period of early Hellenism. The philosophy of peripatetics also manifested two opposite tendencies. The trend of alienation of the individual from society was evident in Theophrastus, in the form of commitment to the avoidance of marriage, family and children, as well as ideas about the wise man who finds satisfaction in his loneliness. The tendency towards political activity is particularly evident in Dicaearchus and Demetrius of Phalerum, who placed active life above the life of contemplation. The interest in political science in the Lyceum and participation of its individual representatives in public affairs lead to the conclusion that for peripatetics in the period of early Hellenism the tendency to participate in political activity prevailed over the tendency towards the alienation of the individual from society.

REFERENCES

1. Diogenes Laertius. (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. Moscow: Mysl'.
2. Frolov, E.D. (2001) *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [Greece in the era of the late classics (Society. Personality. Power)]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.

3. Droyzen, I.G. (2011) *Istoriya ellinizma. Istoriya diadokhov* [History of Hellenism. History of Diadochi]. Moscow: Akademicheskii proekt; Kirov: Konstanta.
4. Worthington, I. (2016) *Ptolemy I: King and Pharaoh of Egypt*. New York: Oxford University Press.
5. Balot, R.K. (2006) *Greek Political Thought*. Oxford: Blackwell Publishing.
6. Sinclair, T.A. (2012) *A History of Greek Political Thought*. Routledge Library Editions: Political Science. Vol. 34. London: Taylor & Francis Group.
7. Rowe, C. (2008) The Peripatos after Aristotle. In: Rowe, C. & Schofield, M. (eds) *The Cambridge History of Greek and Roman Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Hahm, D.E. (2008) Kings and constitutions: Hellenistic theories. In: Rowe, C. & Schofield, M. (eds) *The Cambridge History of Greek and Roman Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Grenfell, B.P. & Hunt, A.S. (eds) (1919) *Oxyrhynchus Papyri*. P. XIII. London: Egypt Exploration Fund.
10. Aristotle. (1983) *Politika* [Politics]. In: Dovatur, A.I. (ed.) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek by A.I. Dovatur. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
11. Fortenbaugh, W.W. & Schutrumpf, E. (eds) Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion. In: *Rutgers University Studies in Classical Humanities*. Vol. 10. London: Taylor & Francis Group.
12. Plutarkh. (1961) *Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 3 t.* [Parallel lives: in 3 vols]. Translated from Old Greek by S.P. Markish. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
13. Theophrastus. (1974) *Kharaktery* [Characters]. Translated from Old Greek by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka.
14. Hansen, M.H. (2004) The Lifespan of Hellenic Polis. In: Herman, H.M. & Heine, N.T. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford University Press.
15. Billows, R. (2003) Cities. In: Erskine, A. (ed.) *A Companion to the Hellenistic World*. Blackwell Publishing.
16. Cicero. (1966) *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues. About the state. About the laws]. Translated from Latin by V.O. Gorenshteyn. Moscow: Nauka.
17. Gorenshteyn, V.O. (ed.) (1949) *Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu* [Letters from Marcus Tullius Cicero to Atticus, relatives, brother Quint, M. Brutus]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
18. Schaff, P. (ed.) (1893) *Nicene and Post-Nicene Fathers*. Series II. Vol. 6. Jerome: The Principal Works of St. Jerome. Christian Classics Ethereal Library.
19. Zeller, E. (1897) *Aristotle and the earlier Peripatetics: In Two Volumes*. Vol. 2. London: Longmans, Green, and Co.

Received: 30 September 2018

СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ ТИПЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Выявляются основные типы диалога культур и определяются их специфические характеристики. Предлагается классификация межкультурного диалога по пространственно-временному основанию и выделяется три его типа: вертикально-синхронный, вертикально-диахронный и горизонтально-синхронный. Установлено, что вертикально-синхронный диалог культур представляет собой опосредованное взаимодействие реципиента с инокультурной традицией; вертикально-диахронный – опосредованную взаимосвязь актуального и предшествующего состояния культуры; горизонтально-синхронный диалог выступает специфическим видом контакта между сосуществующими национальными и этническими культурами.

Ключевые слова: культура; диалог культур; межкультурное взаимодействие; текст; культура-коммуникатор; культура-реципиент; вертикально-синхронный диалог; вертикально-диахронный диалог; горизонтально-синхронный диалог.

Идея диалога культур возникла в научно-философских исследованиях в середине XX в., хотя история межкультурного взаимодействия как социокультурного феномена насчитывает тысячелетия. Как справедливо полагает исследователь С.А. Арутюнов, на протяжении всей истории человечества культуры различных обществ неизбежно вступали во взаимодействие между собой всюду, где только имел место непосредственный или опосредованный контакт между представителями социумов – носителей этих культур [1. С. 154]. Однако если раньше подобное взаимодействие носило фрагментарный, отрывочный и ситуативный характер, то в настоящее время национальные культуры оказываются перед необходимостью постоянного контакта друг с другом. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, актуализировало в последние десятилетия исследование диалога культур как наиболее адекватной формы межкультурного взаимодействия. Данный тип межкультурного контакта представляется многим исследователям единственным адекватным и перспективным способом мирного сосуществования множества различных культур в условиях современности, фактором согласования их интересов и важным условием разрешения конфликтных ситуаций. Однако, несмотря на большой объем публикаций, посвященных данной теме, единого мнения в том, что представляет собой межкультурный диалог как социокультурный феномен, до сих пор не существует. С нашей точки зрения, это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, метафоричностью самого выражения «диалог культур» и перенесением понятия межличностного диалога на более абстрактную сферу межкультурных отношений. Во-вторых, тем обстоятельством, что в исследовательской литературе, посвященной данному феномену, речь идет, как правило, о разных срезах или типах межкультурного диалога.

Цель статьи состоит в выявлении основных типов диалога культур и определении их специфических характеристик. Для этого, с нашей точки зрения, необходимо синтезировать сложившиеся в научно-философской мысли подходы к пониманию сущности данного феномена, предварительно выявив их достоинства и недостатки.

Анализ исследовательской литературы позволил нам выделить три основных подхода в понимании межкультурного диалога.

Первый из них представлен русским философом М.М. Бахтиным. Собственно данный исследователь и ввел впервые в научный оборот термин «диалог культур». Его диалогическая школа выступала против монологизма в культуре, считая диалог более перспективной формой контакта. Саму концепцию диалога культур мыслитель разрабатывает в полемике с О. Шпенглером. Последний представлял себе культуру той или иной эпохи как некий замкнутый круг. Для М.М. Бахтина же единство определенной культуры – это, прежде всего, открытое единство. «Культуру эпохи, как бы далеко эта эпоха ни отстояла от нас во времени, нельзя замыкать в себе как нечто готовое, вполне завершенное и безвозвратно ушедшее, умершее» [2. С. 352]. Исследователь исходит из представления о культурах как о «личностях», которые ведут между собой нескончаемый длящийся в веках диалог, не позволяющий смыслам той или иной культуры уйти в небытие.

Если для О. Шпенглера обособленность культур приводит к закрытости и непознаваемости чужих культурных феноменов, то для М.М. Бахтина «внеаходимость» одной культуры по отношению к другой вовсе не является препятствием на пути к их взаимопониманию, как если бы речь шла о диалоге между людьми. «Великое дело для понимания – это внеаходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [Там же. С. 353]. В области же культуры внеаходимость – это самый могучий рычаг понимания. Чужая культура, с точки зрения М.М. Бахтина, раскрывает себя полнее и глубже только в глазах другой культуры.

Анализ творчества М.М. Бахтина показывает, что понятие диалога культур служит у него своеобразной метафорой, призванной показать, что в каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми на протяжении всей исторической жизни данной культуры, но которые раскрываются, будучи «пропущены» через другой культурный мир. В этом смысле Античность сама не знала той Античности, которую мы теперь знаем, а современники У. Шекспира не знали того «великого Шекспира», который известен нам.

Диалог культур представляет у М.М. Бахтина общение, в ходе которого культура прошлого как бы и

задает нам вопросы, и отвечает на наши, переформулируя при этом свой смысл и раскрывая перед нами новые грани. В процессе такого диалога «разновременники» получают возможность стать современниками. Диалог в концепции М.М. Бахтина – это своеобразная победа над естественным ходом вещей; прошлое и настоящее сосуществуют в нем одновременно, и реципиент устанавливает момент синхронии с текстами даже весьма отдаленных от него во времени.

Диалог культур начинается с текста, понимаемого весьма широко (как отдельное произведение, так и любая знаковая система). Текст предполагает автора, который посредством текста вопрошает о чем-либо адресата, высказывает ему свои мысли и намерения. Адресат же не является простым отражателем готовых смыслов. Слово автора играет для адресата не только роль сообщения о чем-либо, но и выступает катализатором собственной мысли последнего, стимулом его творческой активности [3. С. 389]. В роли адресата, согласно М.М. Бахтину, могут выступать дифференцированный коллектив какой-либо области культурного общения, более или менее дифференцированная публика, народ, современники. Адресат может быть и совершенно неопределенным, неконкретным Другим. М.М. Бахтин полагает, что виды адресата определяются той областью человеческой деятельности, к которой относится то или иное высказывание [4. С. 275].

Резюмируя вышесказанное о диалоге культур в бахтинском понимании, можно сделать вывод, что он представляет собой творческую интерпретацию субъектом культурного наследия, зафиксированного в текстах культуры. Культура прошлого в данном процессе не является пассивным объектом нейтрального анализа, а выступает «активным собеседником»; ставя перед нами вопросы и давая основу для ответов, она раскрывает новые грани и смысловые глубины. Применительно к такому пониманию диалога культур нам представляется вполне уместным применить эпитет «диахронный» (т.е. реализующийся сквозь время).

Выявление специфики диахронного диалога культур открывает широкие перспективы для изучения культурной преемственности, но неэффективно для прояснения сущности и механизмов диалога между национальными и этническими культурами, развивающимися одновременно. Диахронный диалог культур следует отличать от синхронного, представленного в творчестве М.М. Бахтина менее явно. Подчеркивая в целом важность обращения к другой культуре для познания собственного национального облика, исследователь не прописывает условий и механизмов взаимодействия сосуществующих национальных и этнических культур. Нам представляется, что концепция М.М. Бахтина, невзирая на весь ее эвристический потенциал, может быть дополнена выявлением специфики синхронного диалога культур. Однако прежде чем преступить к подобному выявлению, сделаем одно предварительное замечание. Погружение в инонациональную культуру предполагает активизацию диахронических связей со всем тем, что включено в ее актуальную память. В этом смысле синхронический и диахронический срезы диалога культур оказы-

ваются тесно взаимосвязанными. В этом отношении автору представляется целесообразным выделить два вида синхронного диалога: горизонтально-синхронный и вертикально-синхронный. Под горизонтально-синхронным диалогом культур мы будем понимать вид контакта между сосуществующими национальными и этническими культурами; под вертикально-синхронным – ретроспективное взаимодействие реципиента с инонациональной традицией.

Наиболее ярким представителем второго выделенного нами подхода к пониманию сущности диалога культур является Ю.М. Лотман, который в анализе межкультурного диалога акцентирует внимание как раз на его синхроническом срезе. В его концепции понятия межкультурного взаимодействия, инокультурного влияния и диалога культур употребляются как синонимы.

Согласно Ю.М. Лотману, история культуры любого народа представляет собой два тесно связанных друг с другом процесса. С одной стороны, культуре присуще имманентное развитие. Однако, с другой стороны, ее внутреннее развитие не может протекать без постоянного влияния «извне» [5. С. 64]. Процесс взаимодействия с иной культурой растянут во времени и включает в себя определенные этапы. Характеризуя каждый из этих этапов в отдельности, Ю.М. Лотман достаточно подробно раскрывает механизмы данного процесса. Однако прежде чем перейти к рассмотрению основных ступеней, уровней диалога, следует отметить, что Ю.М. Лотман является сторонником семиотического подхода к пониманию культуры, поэтому в его трудах последняя предстает как знаковая система, как сложно организованный текст [6. С. 160]. Диалог ведут люди (носители взаимодействующих культур), однако посредниками в данном процессе являются культурные тексты (любые знаковые системы). В этом плане взаимодействие, диалог между национальными культурами в самом широком смысле выступает у исследователя как текстовый обмен.

Текст в концепции Ю.М. Лотмана не является пассивным вместилищем заложенного в него содержания. Его основной функцией является порождение новых смыслов [Там же. С. 144]. Текст представляет собой сложное семиотическое устройство, способное трансформировать получаемые сообщения и генерировать новые. Однако сам по себе, взятый изолированно, текст ничего порождать не может. Чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, заключенная в имманентной структуре текста, превратилась в реальность, он должен быть подвергнут внешнему воздействию [Там же. С. 152]. Текст как мыслящее устройство, для того чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике. Сквозь него должен быть пропущен какой-либо другой текст, что практически осуществляется, когда к тексту «подключается» читатель, хранящий в памяти некоторые предшествующие сообщения [Там же. С. 146].

В процессе диалога (текстообмена между культурами) Ю.М. Лотман выделяет передающую и принимающую культуры. Для того чтобы диалог состоялся, передающая культура должна обладать большим запасом накопленного опыта, а принимающая должна быть за-

интересована этот опыт усвоить. Роли передающей и принимающей культур со временем меняются, однако, в отличие от обычного представления о диалоге, в данном случае «ответ» может быть адресован совсем другой культуре, чем та, которая была его активным возбудителем. Мыслитель полагает, что в процессе межкультурного общения потоки текстов могут менять свое направление; ответный «выброс» способен охватывать довольно широкие культурные «ареалы» [6. С. 121].

С точки зрения принимающей культуры, процесс восприятия инокультурных текстов делится на пять основных этапов:

1. «Поступающие извне тексты сохраняют облик “чужих”. Они воспринимаются на чужом языке (и в значении “естественный язык”, и в широко семиотическом смысле). В воспринимающей культуре они занимают высшее ценностное место в иерархии: им приписываются истинность, красота, божественное происхождение и т.д. Чужой язык делается знаком принадлежности к “культуре”, элите, высшему достоинству. Соответственно, ранее существовавшие тексты на “своем” языке, равно как и сам этот язык, получают низкую оценку: им приписывается неистинность, грубость и “некультурность”.

2. Оба начала: “импортированные” тексты и “своя” культура – взаимно перестраиваются. Умножаются переводы, переделки и адаптации. Одновременно коды, импортированные вместе с текстами, встраиваются в метакультурную сферу. Если на первом этапе доминировала психологическая тенденция разрыва с прошлым, идеализация “нового”, то есть полученного извне миропонимания, стремление оторваться от традиции, “новое” переживалась как спасительное, то теперь господствует тяга к восстановлению прерванного пути, ищутся “корни”, “новое” истолковывается как органически вытекающее из старого, которое, таким образом, реабилитируется. Верх берут идеи органического развития.

3. Обнаруживается стремление отделить некое высшее содержание усвоенного миропонимания от той конкретной национальной культуры, в текстах которой оно было импортировано. Складывается представление, что “там” эти идеи реализовались в “неистинном” – затуманенном и искаженном – виде и что именно “здесь”, в лоне воспринимающей их культуры, они находятся в своей истинной, “естественной” среде. Культивируется неприязнь к культуре, транслировавшей данные тексты, и подчеркивается истинно национальная их природа.

4. Тексты-провокаторы полностью растворяются в культурной толще воспринимающей культуры, а сама она приходит в состояние возбуждения и начинает бурно порождать новые тексты, основанные на культурных кодах, в отдаленном прошлом стимулированных внешним вторжением, но уже полностью преобразованных путем ряда асимметричных трансформаций в новую оригинальную структурную модель.

5. Культура-приемник, в пространство которой переместился общий центр семиосферы, переходит в позицию культуры-передатчика и сама становится источником потока текстов, направляемых в другие, с ее позиций периферийные, районы семиосферы» [7. С. 198–200].

Особенность лотмановской концепции межкультурного диалога состоит в том, что данный вид контакта не всегда предполагает приязненные отношения между его участниками, даже наоборот, может сопровождаться нарастанием антипатии по отношению к носителям передающей культуры. «Уже начиная с культурной истории Рима можно отметить, что однонаправленный поток греческих текстов, вкусов, культурных навыков, учителей в Рим сопровождался ростом неприязни к грекам, крайне низкой их ценностной характеристикой в системе римской культуры» [6. С. 125].

Достоинство подхода Ю.М. Лотмана мы видим в том, что в нем подробно раскрываются механизмы трансплантации, синтеза и трансформации инокультурных текстов (фрагментов культуры) в новой культурной среде. Принимая многоэтапную модель межкультурных отношений Ю.М. Лотмана, мы, однако, не можем согласиться с ним в сведении диалога культур к любым видам межкультурного контакта. Подобная позиция противоречит тому пониманию диалога, которое сложилось в историко-философской традиции, отрицающему агрессию, вражду, нетерпимость, диктат или авторитаризм с чьей-либо стороны.

С нашей точки зрения, понятие межкультурного взаимодействия является более широким по своему содержанию, чем понятие диалога культур, поскольку, наряду с мирными и добровольными формами контакта, под него подпадают также и довольно агрессивные, конфликтные и принудительные виды общения, предполагающие «субъект-объектный» тип отношений. Мы придерживаемся другого подхода в понимании синхронного диалога культур, в котором последний рассматривается как особый вид взаимодействия между культурами, обладающий рядом специфических характеристик. Наиболее яркими представителями подобного подхода в понимании сущности диалога культур являются А.А. Гусейнов, М.С. Каган, В.А. Лекторский и В.С. Степин. Диалог культур понимается здесь как способ «цивилизованного сосуществования» различных национальных и этнических культур, как активный обмен ценностями и результатами их творческой деятельности. А.А. Гусейнов отмечает, что в методологическом плане диалог подразумевает автономию культур (в смысле их независимости как друг от друга, так и от технико-экономических аспектов общества), а в аксиологическом плане ориентирован на их равноценность [8. С. 8].

В рамках данного подхода диалог культур считается способом разрешения противоречий, альтернативным насилию, «ибо насилие есть следствие отношения к Другому как к объекту, а диалог – отношение к Другому как к субъекту» [9. С. 379]. Наряду с диалогом национальным и этническим культурам свойственны также и минусовые формы взаимодействия, такие как конфликт, ассимиляция, конкуренция, экспансия, противостояние и т.д. Нам представляется, что реальные случаи межкультурного контакта могут состоять из сочетания разных его форм и видов.

Диалог культур с его имманентной установкой на партнерство видится исследователям наиболее перспективной формой межкультурного взаимодействия.

По мнению В.А. Лекторского, диалог представляет собой общение с культурой, реализацию и воспроизводство ее достижений, обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами [10. С. 20]. Предупреждая возникновение конфликтов, диалог культур способствует формированию оптимальной основы для развития межэтнических отношений. С нашей точки зрения, понимаемый подобным образом диалог культур фиксирует конструктивную сторону межкультурных взаимодействий и превращается в некоторую эпизодическую ситуацию, в некий идеал отношений между культурами, становясь скорее исключением, нежели правилом.

Диалог культур понимается здесь как добровольная форма взаимодействия, и в этом отношении он никогда не может быть навязан искусственно в отличие, например, от культурной экспансии. Для его реализации необходимо наличие определенных условий. А.А. Гусейнов в числе таких условий называет следующие:

1. «Диалог культур предполагает особого рода единство между ними. Он не сводится к их взаимной терпимости, контактам, узнаванию, даже если эти отношения не являются вынужденными и вытекают из внутреннего убеждения каждой из них. Диалог предполагает нечто большее: такую соотнесенность и связанность культур между собой, когда они, объединенные общностью конечных жизненных целей, взаимно дополняют друг друга, нуждаются друг в друге, не могут существовать друг без друга. Диалог культур предполагает общность основоположений, которые только и могут задать адекватное пространство такого диалога.

2. Диалог культур возникает из их различий. Качественные различия культур – не только предпосылка и основание диалога. Они являются также его результатом в том смысле, что диалог не снимает этих различий, а в известном смысле обостряет их. Каждая культура замкнута на саму себя и опирается на некую, всегда так или иначе индивидуализированную культурную основу (“национальный эпос”, “святое место”, “исторические битвы”, “легендарные личности” и т.д.). В каждой из них есть своя Илиада, своя Мекка, свой Пушкин, некое начало, которое обладает особенной ценностью только для неё и в этом смысле непереводаемо на язык другой культуры. Каждая культура имеет свой символический ряд, свои схемы деятельности, поведенческие образцы, нормы, механизмы самодисциплины и т.д. Кроме того, культуры (в какой бы – этической, религиозной, социально-исторической – определенности мы их ни рассматривали) конституируют себя через противопоставление друг другу, через отношение: “мы” и “они”. Одна культура смотрит в другую для того, чтобы отличить себя от нее, противостоять ей, глубже осознать собственную идентичность» [8. С. 9].

Многие исследователи в качестве важнейшего условия диалога называют также заинтересованность обоих его участников в «сообщении». Считается, что диалоговая схема общения субъектов не может быть реализована в том случае, если одна из сторон не готова или не способна к взаимодействию.

Содержание и результаты межкультурного диалога зависят также и от способности его участников к пониманию друг друга и достижению согласия, что в свою очередь обуславливается спецификой каждой из взаимодействующих сторон, господствующих в той или иной культуре ценностями.

Достоинство последнего подхода мы видим в том, что здесь раскрывается специфика синхронного диалога культур и обозначаются условия его реализации, а ограниченность данной концепции мы усматриваем в ее излишней абстрактности и отсутствии четких механизмов реализации межкультурного диалога.

Итак, существующие исследовательские концепции диалога культур раскрывают его разные грани. Анализ данных подходов позволил нам провести их синтез и прийти к следующим выводам:

1. Целесообразно выделить три типа диалога культур: вертикально-диахронный, представляющий собой взаимосвязь актуального и предшествующего состояния культуры; вертикально-синхронный, являющийся ретроспективным взаимодействием реципиента с инациональным культурным наследием; горизонтально-синхронный, выступающий специфическим видом контакта сосуществующих национальных и этнических культур.

2. В реальном процессе межкультурных взаимодействий горизонтально-синхронный и вертикально-синхронный типы диалога культур оказываются тесно взаимосвязанными, поскольку усиление частоты синхронного диалога с инациональной культурой влечет за собой и активизацию диахронических связей со всем тем, что включено в ее актуальную память.

3. Вертикально-диахронный и вертикально-синхронный типы межкультурного диалога представляют собой ретроспективное взаимодействие реципиента либо со своим, либо с чужим культурным наследием. Культура прошлого в данном процессе не является пассивным объектом нейтрального анализа, а выступает «активным собеседником»; ставя перед нами вопросы и давая основу для ответов, она раскрывает новые грани и смысловые глубины.

4. Диалог с прошлым не может носить прямого характера. Роль посредников в подобном взаимодействии играют культурные тексты, принадлежащие к разным историческим эпохам. Текст в данном случае понимается максимально широко, как некий фрагмент культуры, способный конденсировать в себе культурный опыт предшествующих поколений. Для реципиента, обращенного к культуре прошлого, текст служит своеобразным источником для реконструкции социокультурной действительности изучаемой эпохи. Приходя во взаимодействие с сознанием реципиента, текст способен вести себя как информант, реконструируя целые пласты культуры, в рамках которой он был создан.

5. Говоря о диалоге национальных и этнических культур, следует учитывать, что ведут его не сами культуры, а люди, являющиеся их носителями. Однако подобное взаимодействие может принимать как непосредственный, так и опосредованный характер. Роль посредников в последнем случае играют тексты, т.е. любые знаковые системы данных культур. В про-

цессе межкультурного диалога происходит взаимовлияние его участников, осуществляется активный обмен ценностями, знаниями, нормами, опытом и результатами творческой деятельности.

6. Синхронный диалог культур – это сложный межсубъектный процесс, характеризующийся сменой ролей культуры-коммуникатора и культуры-реципиента. Культура-коммуникатор представляет собой культуру, имеющую большой запас накопленного опыта и предоставляющую культуре-реципиенту возможность черпать его из своих резервов. Культура-реципиент является культурой, в большей степени заимствующей инокультурный опыт и синтезирующей его с исходными культурными компонентами. Следует оговориться, что подобная дифференциация является весьма условной. Национальная или этническая культура, выступая передающей в одном отношении, прибывает принимающей в другом.

7. Синхронный диалог – процесс достаточно длительный и многоступенчатый. Он включает в себя трансляцию инокультурных элементов от одной культуры к другой, их закрепление на инородной «почве», творчество в манере иной культуры, соединение своего и чужого, исконного и заимствованного, создание чего-то принципиально нового и ответную реакцию культуры-реципиента.

8. Диалог с чужой национальной или этнической культурой выполняет креативную функцию. Он предполагает интерпретацию, творческое осмысление но-

сителями принимающей культуры поступившей извне информации. «Чужое» пропускается сквозь призму «своего», в результате чего обогащается новыми смыслами и видоизменяет исходные культурные компоненты.

9. Синхронный диалог культур оказывается похож на ситуацию диалога двух людей, поскольку каждый народ, так же как и отдельный человек, обладает некой автономностью и индивидуальностью. Он представляет собой специфический вид межкультурного взаимодействия, характеризующийся установкой на равенство, партнерство и обеспечение культурной стабильности. Диалог является способом цивилизационного сосуществования разных национальных культур и характеризуется направленностью, установкой на Другого как на некую самобытную реальность. В этом плане диалог культур противоположен монологическим, авторитарным и конфликтным формам межкультурного взаимодействия, ориентированным на подавление Другого, и превращается скорее в некоторую эпизодическую ситуацию в отношениях между культурами. Для возникновения подобного вида контакта требуется наличие определенных условий: заинтересованности обоих его участников в диалогическом взаимодействии, общности их основоположений, а также их различия, без которого межкультурный диалог теряет свой смысл, поскольку становится безрезультатным и непродуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развития и взаимодействие. М., 1989. 247 с.
2. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 346–354.
3. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 381–393.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис ; Прогресс, 1992. 270 с. (Семиотика).
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. 447 с.
8. Гусейнов А.А. Диалог культур: возможности и пределы // Вопросы культурологии. 2008. № 9. С. 6–10.
9. Кagan М.С. Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления // Глобализация: синергетический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. В.К. Егорова. М. : РАГС, 2002. С. 373–385.
10. Лекторский В.А. Личная и коллективная идентичность и диалог культур // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2009. № 4. С. 18–23.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 марта 2018 г.

Synchronic and Diachronic Types of Cross-Cultural Dialogue

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 80–85.

DOI: 10.17223/15617793/438/10

Elena B. Voznyuk, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: liina_06@mail.ru

Keywords: culture; cultural dialogue; cross-cultural interaction; text; culture-communicator; culture-recipient; vertical-synchronic dialogue; vertical-diachronic dialogue; horizontal-synchronic dialogue.

The aim of the article is to show basic types of cultural dialogue and to determine their specific characteristics. The subject of the research is synchronic and diachronic types of cross-cultural dialogue. The object of the research is dialogue as a type of cross-cultural interaction. In the course of the investigation, both general logical methods and techniques of research (analysis, synthesis, abstracting, deduction and induction) and general scientific methods (comparative, system) were used. The theoretical and methodological basis consists of principles of Mikhail Bakhtin's scientific school of cross-cultural dialogue that shows the specific character of interaction between a recipient and cultural heritage documented in culture texts; Yury Lotman's semiotic concept of culture which defines cross-cultural dialogue as a complex social and cultural phenomenon (characterized by multiple phases, roles of a culture bearer and a receiver taking turns), which is necessary for the creative development of the recipient's culture; Abdusalam Guseinov's, Moisey Kagan and Vladislav Lektorsky's ideas stating that cultural dialogue is a specific type of cross-cultural interaction characterized by intersubjectivity and an immanent attitude towards another person as some original reality. The analysis of the research approaches to the essence of cultural dialogue allows singling out three types according to the spatio-temporal grounds: vertical-synchronic, vertical-diachronic and horizontal-synchronic. It has been specified that a vertical-synchronic dialogue is an indirect interaction between a recipient and a foreign tradition; a vertical-diachronic dialogue is an indirect correlation of current and previous cultural states; a horizontal-synchronic dialogue is a specific type of connection between coexisting national and ethnic

types of culture. It is mentioned in the article that in the real process of cross-cultural interactions horizontal-synchronic and vertical-synchronic types of cultural dialogue are closely connected as the frequency increase of a synchronic dialogue involving a foreign culture leads to the activation of diachronic relations with everything included in their current memory. The study of vertical-synchronic and vertical-diachronic cultural dialogues has shown that a dialogue with the past cannot be direct. Culture texts (culture fragments) belonging to different historical periods play a role of mediators in the interactions of this kind. When analysing a synchronic cultural dialogue (of horizontal and vertical types), it has been determined that the latter is an intersubjective bidirectional process characterized by an alternate activity of a culture bearer and a receiver (communicating culture and receiving culture). This type of cultural dialogue is a multiphase process including transmission of foreign culture elements, their introduction under foreign conditions, creativity in the manner of a foreign culture, connection of own and foreign, original and borrowed elements, creation of something fundamentally new and response of the recipient's culture. The analysis of research literature has revealed that synchronic cultural dialogue is a specific type of cross-cultural interaction characterized by aiming at equality, partnership, securing cultural stability, attitude towards another person as some original reality; this way, it turns out to be an episodic situation in cross-cultural interaction.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitiya i vzaimodeystvie* [Peoples and cultures: development and interaction]. Moscow: Nauka.
2. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 346–354.
3. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 381–393.
4. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 250–296.
5. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis; Progress.
6. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra.
7. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
8. Guseynov, A.A. (2008) Dialog kul'tur: vozmozhnosti i predely [Dialogue of cultures: opportunities and limits]. *Voprosy kul'turologii*. 9. pp. 6–10.
9. Kagan, M.S. (2002) Globalizatsiya kul'turnykh protsessov: stanovlenie dialogicheskogo myshleniya [Globalization of cultural processes: the emergence of dialogical thinking]. In: Egorov, V.K. (ed.) *Globalizatsiya: sinergeticheskiy podkhod* [Globalization: a synergistic approach]. Moscow: RASS.
10. Lektorskiy, V.A. (2009) Lichnaya i kollektivnaya identichnost' i dialog kul'tur [Personal and collective identity and dialogue of culture]. *Vestnik Biblioteknoy Assamblei Evrazii*. 4. pp. 18–23.

Received: 30 March 2018

Д.К. Маслов

ЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ «ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ» В ПИРРОНИЗМЕ

Раскрывается характерный для диалектической стратегии Секста Эмпирика принцип противопоставления, наряду с заимствованием посылок и использованием их против оппонентов составляющий основу метода пирронического скепсиса. Данный принцип выполняет защитную функцию и позволяет Сексту отводить антискептические аргументы, стремящиеся продемонстрировать самоопровергающий характер скепсиса. В частности, с привлечением концепции «самозаклечения в скобки» (Кастаньоли) раскрывается автореферентный характер «скептических выражений» и аргументов против доказательства, устраняющий их догматический эффект.

Ключевые слова: Секст Эмпирик; диалектическая стратегия; аргумент против доказательства; скептическое противопоставление; скептическое самоопровержение.

Концепт «диалектической стратегии», популярный среди современных исследователей пирронизма, позволяет дать объяснение скептического образа исследования и аргументации [9; 11. Р. 147–150]. Стратегия, как утверждается, восходит к сократической диалогической практике [13. Р. 59–61]. В ходе бесед Сократ ставил вопросы и, анализируя ответы оппонентов, приводил их рассуждение в тупик, вскрывая противоречия в мнениях оппонентов. Важно, что Сократ (по меньшей мере, открыто) не вводил в рассуждение свои предпосылки и концепты, но оперировал идеями оппонентов и с их помощью приводил рассуждение к противоречию, что равнялось опровержению мнений оппонента, признанию их ложными. Показательно, что многие диалоги Платона завершаются без положительного результата и рассуждение ограничивается констатацией ложности мнения собеседника Сократа и необходимости дальнейшего поиска. Благодаря линии преемственности через Аркесилая, одного из схолархов платоновской академии (который назван наиболее близким к пирроническому скепсису, см. *PH I 232*¹), стратегия была, по всей видимости, унаследована и ассимилирована Секстом Эмпириком.

Основные принципы диалектической стратегии Секста не отличаются от тех, о которых говорилось выше. Их можно сформулировать следующим образом:

(А) Принятие посылок оппонентов.

(Б) Выведение противоречивых следствий из посылок (что равняется демонстрации неприемлемости концепций оппонентов) [2; 9. С. 60–62].

В диалектической, полемической практике Секст использует посылки догматиков против них самих и показывает их внутренние несоответствия. Это определяет скептическую аргументацию и ход изложения согласно посылкам (А) и (Б), поскольку каждый раз в своих рассуждениях Секст отталкивается от посылок оппонентов и строит свои аргументы *ad hominem*, т.е. в аргументации он привязан к тезисам и понятиям оппонентов и каждый раз возражает против них именно исходя из них. Тем самым Секст не строит собственной теории или концепции, исходя из которых он ведет опровержение оппонентов и доказывает свою собственную правоту, но пользуется методом и посылками своих противников, догматических философов, показывая их внутреннюю непоследовательность. В варианте пирронизма Секста Эмпирика стра-

тегия претерпела изменения, и в определенном смысле Секст довел ее до совершенства, приспособив против современных ему догматических теорий и аргументов. Мы утверждаем, что диалектическая стратегия Секста Эмпирика вдобавок к приведенным посылкам опирается на еще одну:

(В) Противопоставление аргументов, суждений по всем вопросам, находящимся в исследовании.

Данную посылку мы формулируем на основании пассажа *PH I 8*, в котором говорится о скептической способности противопоставления и скептик определяется как причастный к этой способности (*PH I 11*). Кроме того, след данной посылки ведет к «скептическим выражениям», в частности «не более» (*οὐ μᾶλλον*), согласно которому скептик с безразличием утверждает одно положение не более, чем другое (*PH I 188–191*). Способность противопоставления не только приносит скептику желанный результат в виде *атараксии*, но и позволяет выстраивать линию защиты против антискептических аргументов. Пирронический скепсис в версии Секста Эмпирика эксплицитно преследует практическую цель – *атараксию*, душевное спокойствие и безмятежность (*PH I 12, 25*), для достижения которой скептик нашел экстравагантный путь. Сталкиваясь с несообразностью в явлениях, талантливые люди начинают поиск истины для установления истины и лжи. Однако в ходе исследования они приходят к выводу, что по всякому вопросу всякому тезису может быть противопоставлен противоречащий ему и равный по убедительной силе. В результате они становятся скептиками и воздерживаются от суждения, после чего неожиданно наступает *атараксия* (*PH I 8–10, 12, 26–27*). Иными словами, *атараксия* достижима для скептика постольку, поскольку он практикует воздержание от суждения, что равняется отказу от признания какого-либо положения истинным или ложным (*PH I 4, 7, 13–15*).

Указанная предпосылка (В) не фигурирует в качестве принципа стратегии в современных исследованиях, что, на наш взгляд, является упущением, поскольку она существенна с точки зрения защиты скепсиса от возражений в самоопровергающем характере скептических аргументов, тем или иным образом приводящих Секста к необходимости принять некое положение за истину или ложь. Именно это обстоятельство, ввиду особенностей скепсиса, показывает необ-

ходимость эксплицировать отличительную черту пирронической диалектической стратегии среди прочих вариантов диалектической аргументации (Сократ и Аркесилай). В условиях дискуссии обращение аргументов оппонентов против них самих рассматривается как *опровержение*, т.е. утверждение ложности аргумента. Опровержение оппонентов представляет собой для скептика неприемлемый вариант ввиду скептического воздержания от суждения, которое вытекало из равной убедительности аргументов. Особенную важность в этом свете представляет аргумент, согласно которому скептическая аргументация является самоопровергающей при ее автореферентном применении². Парадигмальными примерами являются троп относительности, «скептические выражения» и аргументы против существования доказательства. В настоящей работе мы кратко рассмотрим аргументацию Секста против тезиса о необходимости принятия скептиком истинностных положений и подробно остановимся на аргументе Секста против автореферентного самоопровержения, поясняя его на примере скептических выражений и аргументов против доказательства. В результате мы намерены продемонстрировать основания Секста для отведения аргумента самоопровержения его учения.

II

В отношении самопротиворечивости всей аргументации и, следовательно, учения Секста вообще (поскольку способ скептической аргументации, вытекающий из диалектической стратегии, неотделим от сути учения пирронизма) было приведено множество аргументов. Одним из аргументов такого рода является указание на необходимость при высказывании признавать истинность или ложность высказываемых положений или их следствий. В частности, создавая аргументы против догматиков, Секст должен считать истинными их посылки и заключение для того, чтобы опровергнуть теории догматиков.

Другой версией этого аргумента является указание на использование Секстом сильных, опровергающих аргументов, таких как троп относительности (*PH I 135–141*). Этот аргумент гласит, что подлинное познание вещей «по природе» исключает все относительные, ситуативные, случайные свойства вещей, и поскольку всякий раз люди, познавая вещи, находятся в зависимости от тех или иных состояний, обстоятельств и пр., то вкупе с тем, что невозможным представляется воспринимать вещи «абсолютно», в их неотносительном состоянии, познание оказывается невозможным (мы рассматривали этот вопрос в одной из работ, см. [4]). В результате Секст должен принять истинность или ложность некоторых положений, что, с одной стороны, выводит его из состояния равновесия и воздержания, не позволяя достичь *атараксию*, с другой стороны, это приводит к противоречию с тезисом о воздержании от суждения на основе равной убедительной силы аргументов. Из этого следует, что, провозглашая воздержание от суждения, на самом деле Секст принимает истинность или ложность некоторых положений, а это показывает его неискренность и является примером самоопровержения.

Секст отводил возражение, требующее признавать истинность аргументов, используя принципы диалектической стратегии – заимствование аргументов и использование их против догматиков. В качестве ответа на возражение о необходимом принятии негативных следствий тропа относительности (невозможность познания абсолютной истины) Секст предложил концепцию «скептических выражений» (*fwnai*), объясняющих его речь с точки зрения особой пропозициональной установки, при которой он ничего не утверждает, но повествует о своих собственных ментальных состояниях (*PH I 187–209*). Следует различать два вида высказываний Секста. Философ не просто выставляет критические аргументы против догматических теорий, но каждый раз перед введением своих *апоретических* аргументов весьма подробно описывает концепции догматиков. Эта часть метода рассматривается им как экзегетическая, или реферирующая. В *M VII 28* Секст делает следующее замечание о своем методе: «...[п]оэтому, как бы предпринявши последовательное изучение универсального скепсиса, мы, поскольку предыдущее изложение выдвигает два момента – критерий и истину, должны провести рассуждение о каждом из них по очереди, а именно один раз экзегетически, показывая в скольких значениях употребляются “критерий” и “истина” и какую имеют они природу, согласно догматикам, другой же раз, исследуя больше с точки зрения апорий, может ли что-нибудь из этого существовать на деле». Ясно, что Секст реферирует основные моменты теорий догматиков и, очевидно, не принимает их в качестве истинных; он делает это для противопоставления и создания равновесия аргументов.

Что касается прямой речи Секста, при которой он выдвигает возражения против оппонентов, то несомненно, что она не должна пониматься как ряд истинностных высказываний. Статус этой речи объяснен в разделе о скептических выражениях. Выражения не являются пропозициями, поскольку они не претендуют на истинность. Они призваны передавать то расположение и состояние ума, которые испытывает скептик в настоящий момент (*PH I 187*, также *PH I 4, 14–15*). Секст комментирует это так: «невывысказывание – такое наше состояние, вследствие которого мы (скептики – *Д.М.*) говорим, что не утверждаем ничего и не отрицаем» (*PH I 192*). При этом такую характеристику, данную Секстом, нельзя понимать так, как если бы он утверждал, что несуществование природы вещей не допускает истинностных высказываний, потому что у вещей отсутствует природа или она непознаваема (вероятно, именно в этом отношении учение Секста различалось с аутентичным учением Пиррона). Эти выражения лишь передают состояние скептика в момент исследования (*PH I 193*). Секст говорит, что скептик «высказывается о том, что ему кажется относительно подлежащих вещей... рассказывая, что он испытывает» (*PH I 197*).

Таким высказываниям соответствует правило скептической речи, которое К. Фогт назвала правилом “*phainesthai*”. Согласно правилу скептик сообщает лишь о своих переживаниях, *pa>qov*, не считая их

содержание истинным или ложным [14. Р. 72–79]. Это правило разъясняет особенности скептического словоупотребления глагола «быть» (ei+nai). Используя этот глагол в речи в предложениях типа «х есть (e|sti) у», где он выступает в качестве грамматической связки субъекта и предиката³, Секст каждый раз подразумевает под ним слово «является» или «мне кажется» (fai>nomai), и тогда предложение принимает форму для говорящего «предмет х кажется мне/ является мне в виде у». Иными словами, этот особый тип речи избегает всякого высказывания, будь то утверждение или отрицание, поскольку оно подразумевает наличие мнения, т.е. высказывания «истинно/ложно, что р» (см. *PH* I 135, 198, II 18–19, *M* XI 18–20). Отсюда ясно, что скептик не обязан принимать за истину посылки и следствия из аргументов, которые он выставлял против оппонентов.

Кроме того что Секст не обязан принимать истинность посылок и их следствий, важным моментом является то обстоятельство, что Секст не просто выдвигает аргументы против догматиков, но *противопоставляет* их теориям догматиков. Поэтому даже самый сильный скептический аргумент является лишь частью такого противопоставления и не должен пониматься в качестве окончательного вывода, утверждаемого скептиком. Эту мысль можно продемонстрировать на примере выражения «не более», при котором скептик говорит, что одно положение не более истинно, чем другое, противостоящее ему (*PH* I 188–189). Аргументы скептика также являются не более убедительными, чем противостоящие им. Как мы показали, такая ситуация происходит из особого понимания скептиками эпистемологической убедительности, при котором только то доказательство будет убедительным, которому невозможно противопоставить никакое иное [3]. Следовательно, в силу этого доказательства будет устранено разногласие, приводящее в замешательство скептиков. До тех пор, пока существует разногласие и возможно противопоставление, скептические аргументы будут всего лишь частью такого разногласия и будут приводить скептиков к воздержанию от суждения. Таким образом, данный аспект скептической защиты берет свое начало в принципе противопоставления.

III

Рассмотрим антискептический аргумент, утверждающий самоопровергающий характер скепсиса, поскольку он не выдерживает критики при применении скептических принципов к себе самому. В отношении самоопровержения⁴ речь идет о двух скептических концептах: «скептические выражения» и «доказательство против доказательства» (proof against proof), это наименование предложил М. Макферран [12]. М. Макферран рассматривает концепцию «скептических выражений» как пример абсолютного самоопровержения, когда содержание высказывания ответственно за его ложность [Ibid. Р. 292–299]⁵. Исследователь полагает, что на первом шаге скептической критики, при введении *апоретических* аргументов, Секстом доказывается ложность всех догматических теорий, а на втором – ложность самих скептических

доказательств. При этом следует отметить, что Макферран полагает скептические выражения примером абсолютного самоопровержения только в том случае, если они понимаются в качестве пропозициональной речи, т.е. догматически [12. Р. 297].

Однако данная интерпретация была отвергнута как неадекватная замыслу Секста благодаря критике Л. Кастаньоли, который настаивает, что скептик не намеревался опровергать свою позицию и не делал этого в действительности. Этот исследователь предлагает различать опровержение (peritre>pein) и «отмену», «заклучение самих себя в скобки» (sumperigrafe>sqai), полагая, что Макферран упустил этот аспект. В то время как опровержение представляет собой как бы «выбрасывание чего-то в небытие», глагол «sumperigra>fein» не несет такой функции [8. Р. 279. Note 21]. Кастаньоли утверждает, что этот термин обозначает во всех случаях только одно – отмену, устранение чего-либо (to cancel) и указывает, что Секст употребляет его очень четко и однозначно (см. *M* VIII 164, *PH* II 46–47). Например, правое и левое связаны так, что при устранении одного автоматически устраняется и другое (см.: [9. S. 72–81]).

Кастаньоли констатирует, что скептик при произнесении своих скептических выражений «fwnai» не высказывается о чем-либо пропозиционально, но просто сообщает о своих ментальных состояниях (о функционировании выражений см.: [8. Р. 289–291]). Такая концепция может породить естественное возражение со стороны критика скепсиса с указанием на то, что скептик просто прибегает к догмам второго порядка, т.е. истинностным утверждениям о своих ментальных состояниях, что в сопоставлении с воздержанием от суждения будет равняться самоопровержению для скептика. Отвечая на это возражение, Кастаньоли формулирует следующее понимание – «fwnai». Эти высказывания ничем не отличаются от прочих скептических высказываний и также не являются догмами. После проведения аргументации против догматиков Секст вводит выражения и заявляет, что они не являются истинностными, догматическими утверждениями, но просто сообщают о состоянии ума скептика (1). Однако такая характеристика высказываний не устраивает догматиков, утверждающих, что в сущности выражения – это догмы второго порядка, т.е. утверждения скептика о том, что вещи по природе таковы, что всякие высказывания о них «не более» истинны, чем ложны. Тем самым догматик совершает действие, предложенное Макферраном, объявляя «выражения» примером самоопровержения (2). В ответ на такое возражение, считает Кастаньоли, скептик может выдвинуть следующее рассуждение. Секст указывает, что «выражения» не являются пропозициональными высказываниями, и показывает их возможное функционирование, если их понимать как догматические высказывания. «Выражения» не опровергают сами себя, но «заклучают себя в скобки» или «отменяются» при попытке их догматического утверждения. «Скептические выражения не заключают себя в скобки вообще, но только в том случае, когда их понимают как утверждение о природе вещей» [Там же. Р. 291]. Если скептик захотел бы считать их ис-

тинными, он бы просто не смог этого сделать (3) [8. Р. 293–294]. Для подкрепления своей мысли автор указывает на предложенную Секстом метафору очистительных средств [Ibid. Р. 291–293].

Такое заключение в скобки не опровергает, но говорит, что заключенные в скобки выражения не более достойны утверждения, чем противоположные им. Если «выражения» полагать догматически, то выражения будут подобны слабительным, очистительным средствам, они выведут, выбросят себя из ума скептика вместе с прочими мнениями. Секст пишет: «Относительно всех скептических выражений следует заранее признать то, что мы вовсе не утверждаем, что они правильны (т.е. истинны – *ὅτι περὶ τοῦ ἀληθεῖς αὐτὰς εἶναι πάντως οὐ διαβεβαιούμεθα*. – Д.М.), так как мы говорим, что они могут быть опровергнуты сами собой, будучи описаны вместе с теми вещами (*συμπεριγραφόμενας*. – Д.М.), о которых они говорят, подобно тому как очистительные лекарства не только избавляют тело от соков, но вместе с ними выгоняются и сами» (PH I 206). Таким образом, только в случае попытки мыслить высказывания догматически они становятся подобны очистительным лекарствам и выводят сами себя и все прочие положения из ума скептика. В другом месте Секст сравнивает такое действие с действием огня, когда он уничтожает горючее вещество и вместе с тем себя (M VIII 480).

Итак, Кастаньоли предложил понимать «*sumperigra*>*fein*» в смысле «*to cancel along with*», т.е. «отменять», или «описывать вместе с тем и себя само», – для тех случаев, когда «скептические выражения» применялись бы к самим себе. (В целом о «само-заключении в скобки» см.: [Ibid. Р. 274–295].) В этом случае глагол принимает форму медиального залога – «*sumperigrafe*>*sqai*» [Ibid. Р. 267, 270]. В частности, такое употребление верно для отрывка PH I 14–15, в котором Секст описывает свою собственную философию. Далее Кастаньоли уточняет смысл этого выражения, определяя его как «*deletion*», т.е. вычеркивание, устранение. Другими словами, это можно назвать «заключение себя в скобки» – «*self-bracketing*». В данном случае исследователь отсылает читателя к практике античных филологов, для которых «*sumperigra*>*fein*» был техническим термином со схожим значением. Кастаньоли считает, что Секст имел в виду именно филологическое употребление термина, когда вводил его для описания функционирования скептических выражений [Ibid. Р. 286]. В переносном значении с помощью этого термина Секст пытается передать процесс вычищения, стирания *догматических* высказываний из разума скептика. Поэтому Кастаньоли считает ложным тезис Макферрана о самоопровержении, указывая на самоочищение догматического содержания выражений, не предполагающее самоопровержения [Ibid. Р. 287]. Приведем цитату самого Кастаньоли в качестве резюме: «Скептические *fwnai*> обладают такой природой, что они *потенциально* (здесь и далее курсив мой. – Д.М.) заключают себя в скобки, т.е. [они функционируют так только в том случае] *если взять их как истинностные догматические максимы*. В этом случае они будут автореферентны и будут говорить о себе то же, что говорят

о других неочевидных вещах (грубо говоря, то, что их нельзя полагать истинными). Они являются, мы могли бы сказать, “закрывающими себя в скобки скобками” (*self-bracketing brackets*). Таким образом, догматик более не может утверждать, что скептик обманывает нас и высказывает мнения, когда произносит свои *fwnai*>. Сама логика предохраняет скептические *fwnai*> от того, чтобы в них *верили* как в истинные утверждения о реальности, и *пирронист полностью осознает это*; необходимое заключение состоит в том, что утверждение о том, что скептик выдвигает догмы при высказывании своих *fwnai*>, не только ложно *de facto*, но оно и *не может* быть истинным» [8. Р. 287–288].

IV

В заключение рассмотрим принцип противопоставления в отношении «доказательства против доказательства» (PH II 186–192; M VIII 466–481) и сформулируем общий вывод. Данный аргумент в том виде, как его изображает Секст, заключается в следующем: скептик при доказательстве несуществования доказательства выдвигает доказательство, и, следовательно, доказательство существует: «Само рассуждение, доказывающее, что нет доказательства, будучи доказательным, только подтверждает положение, что доказательство есть» (M VIII 467). Секст излагает несколько версий аргументов против «доказательства против доказательства» (M VIII 463–469), и в свою очередь предлагает несколько контраргументов для защиты своей позиции.

Макферран, как говорилось выше, усматривал в «доказательстве против доказательства» случай опровержения, однако аргументы Секста вкупе с тезисом Кастаньоли о самозаключении в скобки не позволяют принять данный тезис⁶. Кастаньоли верно указывает на то, что наименование «доказательство против доказательства» является вводящим в заблуждение, и предлагает рассматривать его как аргументацию Секста против существования доказательства [Ibid. Р. 308]. По нашему мнению, данный подход корректно иллюстрирует тактику отведения данного аргумента Секстом. Философ предлагает различные аргументы против аргумента в самоопровержении, которые, в частности, существенно отличны и опираются на различные предпосылки. В этом отношении наша задача состоит в том, чтобы показать общее диалектическое основание аргументации Секста, позволяющей ему лишить силы данный аргумент самоопровержения. Мы утверждаем, что аргументы в самоопровержении устраняются Секстом на основании третьей посылки диалектической стратегии, принципа противопоставления.

Секст использует следующие аргументы. Во-первых, он переносит бремя объяснения данного затруднения на оппонентов и демонстрирует основания, почему они не смогли бы разрешить это затруднение. Рассуждения скептиков против доказательства или доказательства, или нет. Если они недоказательны, то аргумент против скептиков рассыпается и проблема перестает существовать, если же доказательства, то вывод такого доказательства – положение о несуществовании доказательства – необходимо должен быть

истинным. Поскольку догматики находятся в подобном затруднении, они не могут упрекать скептиков за трудности при ответе на данное рассуждение (*М VIII 470–472*). Второй аргумент касается статуса скептического аргумента. Как говорилось выше с указанием на Кастаньоли, такой аргумент не следует считать доказательством. Скептики, согласно Сексту Эмпирику, полагают направленное против доказательства рассуждение не доказательным, но вероятным, или убедительным (подробно см.: [3]). Выделяются два вида убедительности, один из которых относится к ментальным состояниям убежденности скептика, а другой – к необходимой убедительной силе доказательства, которое будет неизменно истинным и поэтому внушать постоянное убеждение в истинности некоторого положения. Секст указывает, что он говорит об убедительности скептических аргументов именно в первом, психологическом смысле, поскольку эти аргументы кажутся ему убедительными в данный момент, но он осознает непостоянность такой убедительности и на этом основании не готов признать истинность содержания такого убеждения (*М VIII 473–478*). Третий аргумент касается исключения доказательства против доказательства, если его понимать именно как доказательство, и возможности признать это доказательство единственным доказательством, подобно тому как Зевс является отцом всех богов и людей, но, будучи богом, не является своим собственным отцом (*М VIII 479*). Четвертый аргумент касается самозаключения в скобки, и Секст приводит метафоры истребляющего свое топливо и тем самым себя самого огня, слабительных средств, выводящих себя и все прочее содержание из организма, а также знаменитую благодаря Витгенштейну метафору лестницы, которая отбрасывается после восхождения (*М VIII 480–481*). Иными словами, доказательство заключает само себя в скобки и не является более истинным, чем ложным.

Несмотря на различие аргументов, бросается в глаза то, что Секст рассыпает их как бы играючи, не особенно озадачиваясь их последовательностью и совместимостью друг с другом. Он не ищет единственно верного ответа и выставляет аргументы безразлично, примеряет возможные варианты ответа, которые могут послужить его цели – созданию равновесия. В пассаже *РН III 280–281* Секст указывает, что он может использовать сильные и слабые аргументы в зависимости от степени «заболевания» догматизмом. Чем сильнее догматические аргументы, тем сильнее должны быть скептические.

По нашему мнению, ход рассуждений Секста относительно самоопровергающих аргументов находится в русле создания равновесия аргументов, сохраняющего его воздержание от суждения и не позволяющего привести его рассуждения к опровержению. Защищаясь против догматического аргумента против доказательства, Секст исходит из догматического понятия доказательства, подразумевающего, что доказательство имеет функцию необходимого и непоколебимого установления, закрепления истины. В сущности, может и должно быть только одно доказательство с одним выводом по каждому вопросу, которое будет не просто убедительным,

но исключит разногласие. Если понимать доказательство так, то догматики, согласно первому аргументу, должны принять истинность вывода такого доказательства. Однако они не делают этого и противопоставляют аргументу скептиков свои аргументы, чем только воссоздают равную убедительность аргументов. В этом отношении Секст хочет показать, что его аргументы против доказательства лишь вероятны, а не доказательны, и вместе с аргументами догматиков они не более доказывают, чем опровергают существование доказательства, поскольку уравнивают друг друга и противостоят друг другу, что влечет за собой воздержание от суждения. «Ведь если рассуждения, направленные против доказательства, остаются без опровержения, а рассуждения в защиту существования доказательства, в свою очередь, сильны, то, не будучи расположены ни к тем, ни к другим, мы признаем нужным воздержание от суждения» (*М VIII 477–478*). Более того, по мнению Секста, сами догматики помогают ему в установлении равновесия и воздержания, упорствуя в доказательстве ложности скептических аргументов против доказательства: «желая показать, что рассуждение, направленное против доказательства, доказательно (и тем самым опровергает само себя. – *Д.М.*), они устанавливают его не больше, чем опровергают» (*М VIII 472*).

На этом основании мы приходим к заключению, что Секст отводит аргументы догматиков через создание равновесия второго порядка – по отношению к самим аргументам против существования доказательства. (1) Аргумент скептика выступает в пользу несуществования доказательства, вследствие чего встает вопрос о том, является ли этот самый аргумент доказательством. (2) Секст настаивает, что аргумент не является доказательством, поскольку существуют аргументы против аргумента против доказательства. В такой ситуации создается равновесие аргументов второго порядка, метадоказательств. Аргумент Секста является лишь частью противопоставления наряду с аргументом догматиков о самоопровержении скептического аргумента, понимаемого как доказательство. В этом отношении скептический аргумент, даже понимаемый как доказательство, устраняет сам себя в том смысле, что не претендует на истинность, но осознается скептиком как часть противопоставления. Для описания данной ситуации Секст вводит метафоры, описывающие устранение доказательства и аргумента против доказательства, однако это устранение не является свидетельством ложности, но, заключая аргумент против доказательства в скобки, уравнивает его с противоположным догматическим аргументом. В результате достигается воздержание от суждения.

Данная схема применима и к скептическим выражениям. Выражения заключают себя в скобки в том смысле, что после выполнения своей критической функции не утверждаются в качестве истинных, но самим актом заключения себя в скобки они уравнивают себя с противоположным тезисом о самоопровержении, приводя к ситуации равновесия. Выражения, описывая состояние скептика, являются всего лишь вероятными высказываниями, не претендующими на истинность. Поэтому они сами, выполняя свою крити-

ческую функцию и при попытке помыслить их догматически, становятся всего лишь частью разногласия и противопоставляются критическому тезису об их истинностном характере. В этом отношении принцип противопоставления выполняет свою защитную функцию, сохраняя равновесие в рассуждении второго порядка. В частности, высказывание «не более» само является истинным не более, чем ложным, и этот эффект достигается через «замыкание» этого выражения на само себя. Когда скептик утверждает, что «одно положение не более истинно, чем другое», он не стремится установить истинность принципа «не более», но распространяет его действие на сам этот принцип, который является не более истинным, чем его отрицание. Скептические выражения наряду с аргументом против

доказательства являются самозамкнутыми, заключающими себя в скобки концептами, действующими на основании посылки о противопоставлении. Они функционируют таким образом, что не являются истинными, но в автореферентном акте противопоставляют себя противоположным аргументам, в результате чего создается воздержание от суждения.

В итоге рассуждение скептиков не предстает в виде догмы, истинностного утверждения второго порядка, но встает в позицию «не более» даже относительно самого себя, когда сами скептические принципы не более истинны, чем опровергающие их. Таким образом, мы видим роль посылки о противопоставлении как выполняющей функцию защиты скепсиса от аргументов в самоопровержении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылки на трактаты Секста Эмпирика даются по принятой на сегодняшний день пагинации: *PH* обозначает «Пирроновы основоположения», а *M* – «Против ученых».

² С точки зрения методологии, наше исследование находится в рамках «проблемного подхода» [1]. Мы проводим реконструкцию аргументации Секста с точки зрения тех проблем, которые он решал в рамках своего учения ввиду догматических аргументов против скепсиса, в частности проблему самоопровержения.

³ Секст использует копулятивное, а не экзистенциальное значение глагола «быть» (см. *PH* II 4, 10).

⁴ См. формальный анализ самоопровержения [10]. Вопрос самоопровержения в античной философии поднимался в литературе [5–7].

⁵ М. Макферран предлагает рассматривать такой способ аргументации как заслуживающий внимания мыслительный ход, который представляет собой интересную опцию в ходе рассуждения и который нужно рассмотреть всерьез, а не немедленно отбрасывать как экземпляр самоопровержения. Он настаивает на том, что скептический метод не является просто блефом или трюком, но представляет собой оправданную попытку объяснения скептического хода аргументации [12. P. 290–291].

⁶ Интерпретацию Кастаньоли относительно «доказательства против доказательства» см. в [8. P. 300–312].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // *SCHOLAE*. 2007. Т. 1, вып. 2. С. 203–250.
2. Маслов Д.К. Пирроническая диалектическая стратегия // *Идеи и идеалы*. 2018. № 3. С.
3. Маслов Д.К. Равная убедительность аргументов в философии Секста Эмпирика // *Сибирский философский журнал*. 2016. Т. 14, № 4. С. 248–261.
4. Маслов Д.К. Троп относительности и «диалектическая стратегия» в философии Секста Эмпирика // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 1 (37). С. 72–82.
5. Секст Эмпирик. Сочинения : в 2 т. / изд. А.Ф. Лосев; пер. А.Ф. Лосев, Н.В. Брюллова-Шаскольская. М. : Мысль, 1976.
6. Burnyeat M. Protagoras and the Self-Refutation in Later Greek Philosophy // *The Philosophical Review*. 1976. Vol. 85, № 1. P. 44–69.
7. Castagnoli L. Ancient Self-refutation: The logic and the history of the Self-refutation argument from Democritus to Augustine. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 394 p.
8. Castagnoli L. Self-bracketing Pyrrhonism // *Oxford studies in Ancient philosophy*. 2000. Vol. XXVIII. P. 263–328.
9. La Sala R. Die Züge des Skeptikers. Der dialektische Charakter von Sextus Empiricus' Werk. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2005. 204 s.
10. Mackie J. Self-Refutation – A Formal Analysis // *Philosophical Quarterly*. 1963. Vol. 14. P. 192–203.
11. Machuca D. Moderate Ethical Realism in Sextus' Against the Ethicists // *New Essays on Ancient Pyrrhonism* / ed. by D. Machuca. Leiden : Brill, 2011. P. 143–178.
12. McPherran M. Sceptical Homeopathy and Self-refutation // *Phronesis*. 1987. Vol. 32, № 3. P. 290–328.
13. Thorsrud H. Arcesilaus and Carneades // *The Cambridge Companion to Ancient scepticism* / ed. by R. Bett. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 58–70.
14. Vogt K. Skepsis und Lebenspraxis: Das pyrrhonische Leben ohne Meinungen. München : Alber Verlag, 2015 (erste Ausgabe 1998). 202 s.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 сентября 2018 г.

Defensive Function of Pyrrhonic Dialectical Strategy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 86–92.

DOI: 10.17223/15617793/438/11

Denis K. Maslov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denn.maslov@gmail.com

Keywords: Sextus Empiricus; dialectical strategy; argument against proof; skeptical opposition; skeptical self-refutation.

The concept “dialectical strategy” has recently gained a wide acceptance among the researchers of Ancient Pyrrhonism, particularly pertaining to Sextus Empiricus. The core premises of the strategy are claimed to have been elaborated by Socrates and were probably inherited by Sextus through Arcesilaus. The strategy consists, roughly, in taking the opponents’ premises, concepts and theories in order to criticize them with their own means in a dialectical, polemical context. Nevertheless, the strategy was reshaped by Sextus for his own goal. Several antiskeptical arguments were created with a purpose to bring Sextus’s skepticism to self-refutation by showing that arguments he used would inevitably lead him to self-refutation. In face of this situation, the author’s aim is to uncover the defensive function of the dialectical strategy and its application, which, on the one hand, enables to dissolve antiskeptical arguments and, on the other, helps to distinguish Sextus’s variant of the strategy from those in Socrates and Arcesilaus. Methodological-

ly, the author was guided by a “problematic approach” according to which an argumentation is to be taken into the polemical context for uncovering the motivational source and aims Sextus had pursued. The author brings three antiskeptical arguments into consideration. In the first section, he outlines the strategy and argues that defensive function rests on a principle of the strategy that he calls an “opposition principle”. In the second section, the author presents an argument claiming that Sextus is obliged to accept premises and conclusions of arguments he uses. The author comes to the conclusion, that, according to the strategy, Sextus does not have to do this for he just dialectically borrows concepts of dogmatists and applies them against themselves. The third section represents the conception of the “self-bracketing” character of skeptical utterances suggested by Luca Castagnoli. This researcher dismantles the underlying logic of skeptical utterances that provides support against the charge of the self-refuting character of Pyrrhonism. He argues against an argument that deems skeptical utterances self-refuting. Utterances thought dogmatically as being true function as purgatives that evacuate themselves and all other content from the skeptic’s mind. As Castagnoli puts it, they are cancelled along with other content or enclose themselves in brackets. Finally, in the fourth and last section, the author argues on the basis of an example of an argument against proof that opposition of contradictory arguments is the way how Sextus conquers not only opponents’ arguments, but also his own arguments that threaten to render him dogmatic as well. The persuasive force of utterances and argument against proof are neutralized by their being opposed to dogmatists’ arguments. Thus, the author comes to an overall conclusion that the opposition principle of the strategy successfully manages to put the antiskeptical arguments presented out of force.

REFERENCES

1. Vol'f, M.N. & Berestov, I.V. (2007) Problemnyy podkhod k issledovaniyu drevnegrecheskoy filosofii [Problem approach to the study of ancient Greek philosophy]. *SCHOLE*. 1(2). pp. 203–250.
2. Maslov, D.K. (2018) Dialectical strategy in Pyrrhonism. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-125-143
3. Maslov, D.K. (2016) Equal persuasiveness of arguments in Sextus Empiricus. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 14(4). pp. 248–261. (In Russian).
4. Maslov, D.K. (2017) The relativity mode and “dialectical strategy” in Sextus Empiricus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (37). pp. 72–82. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/25/8
5. Sextus Empiricus. (1976) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from Old Greek by A.F. Losev, N.V. Bryullova-Shaskol'skaya. Moscow: Mysl'.
6. Burnyeat, M. (1976) Protagoras and the Self-Refutation in Later Greek Philosophy. *The Philosophical Review*. 85(1). pp. 44–69.
7. Castagnoli, L. (2010) *Ancient Self-refutation: The logic and the history of the Self-refutation argument from Democritus to Augustine*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Castagnoli, L. (2000) Self-bracketing Pyrrhonism. In: Sedley, D. (ed.) *Oxford studies in Ancient philosophy*. Vol. XXVIII. Oxford: Oxford University Press.
9. La Sala, R. (2005) *Die Züge des Skeptikers. Der dialektische Charakter von Sextus Empiricus' Werk* [Traits of the skeptic. The dialectical character of Sextus Empiricus's work]. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
10. Mackie, J. (1963) Self-Refutation – A Formal Analysis. *Philosophical Quarterly*. 14. pp. 192–203.
11. Machuca, D. (2011) Moderate Ethical Realism in Sextus' Against the Ethicists. In: Machuca, D. (ed.) *New Essays on Ancient Pyrrhonism*. Leiden: Brill.
12. McPherran, M. (1987) Sceptical Homeopathy and Self-refutation. *Phronesis*. 32(3). pp. 290–328.
13. Thorsrud, H. (2010) Arcesilaus and Carneades. In: Bett, R. (ed.) *The Cambridge Companion to Ancient scepticism*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Vogt, K. (2015) *Skepsis und Lebenspraxis: Das pyrrhonische Leben ohne Meinungen* [Skepticism and life practice: the pyrrhonic life without opinions]. Munich: Alber Verlag.

Received: 28 September 2018

В.А. Миронов

СПЕЦИФИКА ВЗГЛЯДОВ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ПРОБЛЕМУ НАУЧНОГО СТАТУСА ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ПЕРИОД XX–XXI вв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-311-00044.

Демонстрируются особенности развития западной мысли при решении проблемы научного статуса геологического познания, связанной с ограниченностью экспериментальной проверки геологических гипотез и, как следствие, существенным влиянием субъекта геологического познания на результаты исследований Земли. При решении данной проблемы зарубежные авторы отталкиваются от понимания геологии как исторической науки о Земле, что впоследствии заставляет обратиться к методологическим достижениям философии истории в силу схожести методологических проблем и гуманитарной истории и геологии как истории Земли.

Ключевые слова: геология; теория познания; философия науки; нарратология; методология геологии; герменевтика; интерпретация; философия геологии.

Проблема научного статуса геологии возникла в XX в. Причин постановки вопроса о научном статусе геологии и геологического познания видится как минимум две. Первой причиной является то, что в XX в. в геологические исследования стали активно внедряться достижения химии и физики, дающее более точные результаты исследований, чем традиционные геологические методы. На этом основании ряд исследователей стали склоняться к тому, что изучение геологических процессов может быть ограничено лишь физическими и химическими исследованиями Земли. Р. Фродеман, указывая на наличие таких воззрений на геологию в научном сообществе, пишет: «Геологические исследования, как считалось ранее, состоят из нескольких эмпирических правил (например, однородность, суперпозиция), регулирующих использование математики и применения законов химии и физики в объяснении геологических явлений» [1. Р. 960]. В работе Дж. Додика и Н. Ориона «Геология как историческая наука: ее восприятие в рамках науки и системы образования» отмечается, что определение абсолютного возраста Земли при помощи физики «позволило укрепить гегемонию физики над геологией» [2. Р. 199]. По мнению авторов данной статьи, приоритет физики над геологией «базировался (несколько высокомерно) на том, что физико-математические аргументы считались более важными, чем геологические доказательства» [Ibid. Р. 200]. Такого мнения придерживались учёные вследствие того, что физический метод радиоуглеродного анализа даёт более точные результаты подсчётов геологического возраста Земли, чем геологические методы, например метод актуализма.

Однако, несмотря на приоритет некоторых методов физики перед методами геологии в определении возраста Земли, значительная часть работ по философии и методологии геологии в англоязычной литературе сводится к аргументу о несводимости геологии к физике и химии. Как следствие, зарубежные ученые строят свои философско-методологические концепции геологии, доказывая в них научность и самодостаточность собственно геологических методов познания. Додик и

Орион пишут, что «образ геологии как производной науки является ошибочным, поскольку не учитывает уникальных определяющих характеристик этой дисциплины» [2. Р. 207]. На это указывают также Р.В. Ван Беммелен, Р. Фродеман и др.

Доказательство несводимости геологии к физическим и химическим законам англо-американскими исследователями строится на констатации уникальных характеристиках геологии, существенно отличающихся от базовых характеристик физики. В англо-американской литературе геология представляется в качестве науки о прошлом, или, как пишут зарубежные исследователи, геология является наукой «исторической»: «В отличие от физики, которая имеет тенденцию быть прогнозирующей, экспериментальной и редуccionистской по своей природе, геология является исторической, описательной и ориентированной системой» [Ibid.]. Фродеман указывает также на «исторический» характер геологии: «Цель геологии не в том, чтобы выявлять законы, а в том, чтобы воссоздать хронику конкретных событий, которые произошли в данном месте (в пределах обнажения, региона или всей планеты)» [1. Р. 965]. Ван Беммелен также отмечает: «Чрезвычайно исторический характер геологии <...>» [Ibid. Р. 456]. Такое представление о геологии, как науке о прошлом Земли, является отличительной чертой исследовательской школы философско-методологических проблем геологического познания XX в., выработанной в англоязычной среде.

Второй причиной постановки проблемы научного статуса геологии является не тот факт, что некоторые физические аргументы в изучении Земли более достоверны, чем геологические, а в том, что безотносительно к физике геология сама по себе имеет особенные черты, не позволяющие в полной мере охарактеризовать ее как естественную науку. Как пишет американский философ геологии Р. Фродеман, геология не соответствует критериям научности, которые были сформулированы еще в логическом позитивизме, а именно таким как: объективность выводов исследования, возможность экспериментальной проверки гипотез (верификации или фальсификации), единство

научного метода, также к этому мы могли бы добавить поиск и формулировку общих законов природы. И несмотря на то, что воззрения логических позитивистов были подвергнуты критике в рамках философии науки, тем не менее, как пишет Фродеман, «внутри философского сообщества, и в других относящихся к научному сообществу сферах знания – сохранилась принципиальная позитивистская ориентация» [1. Р. 462].

Постараемся рассмотреть основные «позитивистские» критерии научности, от которых отталкивается аргументация многих работ, посвященных философско-методологическим проблемам геологии и геологического познания. Это такие критерии научности, как возможность эмпирической проверки гипотез, объективность выводов (независимость от субъекта познания) и единство научного метода (эксперимента).

Что касается эксперимента в геологии, то не представляется возможным провести эксперимент в отношении доказательства или опровержения характера формирования геологических структур, которые формировались сотни миллионов лет и на площади в тысячи и миллионы квадратных километров. На этом основании голландский геолог Р.В. Ван Беммелен пишет: «Никакие мысленные эксперименты не могут дублировать древние события, также как и лабораторные эксперименты, хотя последние, конечно, имеют стимулирующий эффект на наше воображение» [3. Р. 456].

Кроме того, Беммелен указывает на еще одну важную особенность геологических процессов: «Естественные геологические процессы – в действительности “открытые системы”, восприимчивы к различным внешним влияниям, в отличие от закрытых систем наших физических и химических экспериментов» [Ibid.]. Иными словами, зарубежный исследователь обращает внимание на то, что геологические процессы невозможно воспроизвести не только в силу их огромного размера и сверхдолгой продолжительности, но и в силу их сложности и «открытости», не позволяющих учесть все исходные данные, при которых происходят или происходили исследуемые геологические процессы.

Такая особенность объекта геологического исследования также отражается на характере познавательных процедур, осуществляемых геологом. При проведении полевых исследований геолог имеет перед собой огромное количество данных, из которых он должен выбрать наиболее подходящие и самостоятельно решить, что существенно, а что нет, и на этом основании воссоздать картину прошлого на данном участке.

Отсюда следует, что даже при использовании химических и физических экспериментов в геологии над минералами и горными породами геолог должен решить проблему, выходящую за рамки «лабораторных» [1] наук (химии и физики), а именно воссоздать общую картину прошлого исследуемого геологического участка посредством воображения. Беммелен отмечает важность и необходимость воображения в процессе геологического познания: «Большая часть практики геологии – действительно призрачное искусство, начинающееся с творческого акта и требую-

щее управляемого воображения» [3. С. 457]. Исходя из констатации факта необходимости воображения в геологическом познании, Р.В. Ван Беммелен приходит к заключению, что в геологических исследованиях есть определенная степень субъективности: «Так как геологические взгляды пытаются формировать прошлое в особенную ментальную картину, элемент субъективности в геологических исследованиях имеет место быть» [Ibid.]. Таким образом, в геологическом познании, как отмечает Р.В. Ван Беммелен и другие исследователи (Фродеман, Додик), наличие существенного влияния субъективного фактора на результаты геологических исследований не отвечает установившемуся представлению об объективности научных выводов и их независимости от исследователя.

Согласно общепринятому взгляду, объективность научного исследования заключается в том, что при одних и тех же исходных данных результаты исследования должны оказаться идентичными у разных исследователей вне зависимости от научных, культурных и других личных особенностей ученых. В геологии же, по мнению зарубежных исследователей, осуществление такого рода объективности, которая выражается в идентичности получаемых результатов разными исследователями, невозможно. Во-первых, не всегда представляется возможным в полной мере проконтролировать правильность и корректность отбора проб на исследуемом участке. Беммелен по этому поводу пишет: «...часто является трудным, а иногда и невозможным, проверить наблюдения за другими геологами из-за недоступности или отдаленности района геологического исследования или многих обнажений (например, дорожных сокращений, траншей, стволов скважин)» [Ibid.]. То есть довольно трудно, а порой и невозможно проверить, насколько верны или не верны выводы коллег о геологических особенностях отдаленного геологического района, до которого сложно добраться.

Во-вторых, на результат акта воображения будет влиять характер предварительных установок, предварительного взгляда на объект исследования конкретного геолога, поэтому выводы об изученном геологическом объекте у разных геологов могут отличаться в той или иной степени. Беммелен пишет: «Как и в истории, материал в руке молчит, если вопросов не задавать. Характер этих вопросов зависит от “школы”, к которой принадлежит геолог, и от степени объективности его исследования» [Ibid.].

Таким образом, западная философско-методологическая традиция исследования геологического познания в лице голландского геолога в 1960-х гг. приходит к герменевтической проблематике «предрассудков», или «пред-суждений». Однако Ван Беммелен не рассматривает геологическое познание с точки зрения герменевтики, а лишь указывает на большое значение предварительных знаний, которые влияют на «управляемое воображение» геолога при построении геологической карты, или геологической модели. О связи воображения с предварительными суждениями Р.В. Ван Беммелен пишет: «Посредством творческого воображения геолог должен проектировать много возможных реконструкций прошедших событий. Некоторые из них

должны быть отклонены снова, если предварительные суждения оказываются впоследствии противоречащими приобретенным фактам» [3. Р. 457]. Такое высказывание голландского геолога в некоторой степени коррелирует с одним из алгоритмов герменевтического познания, выраженных в работе Г.Г. Гадамера «Истина и метод»: «Понимание того, что содержится в тексте и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянно пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [4. С. 318].

Если Р.В. Ван Беммелен в середине XX в. в своих размышлениях вплотную подошел к герменевтическому пониманию геологического познания, то уже в конце XX в. современный американский философ Роберт Фродеман предлагает объяснять особенности геологического познания с позиций континентальной западноевропейской философской мысли, в частности с позиций герменевтики и нарратологии. В силу того что идеи Р. Фродемана нами были детально рассмотрены в одной из предыдущих статей [5], ограничимся лишь отражением основных идей данного автора в отношении геологического познания.

По мнению американского философа, проблема научного статуса геологического познания не требует своего решения с позиций доказательства применимости научного метода в геологии в том смысле, что наука и научный метод являются не единственным средством достижения истины. Фродеман пишет: «Наука (в позитивистском понимании. – В.М.) не имеет приоритета в открытии истины, ни единством и отлаженностью своего метода, ни отдаленностью от этических, эпистемологических обстоятельств научных исследований...» [1. Р. 962]. Американский философ обращается к континентальной философии, так как его не удовлетворяли предшествующие попытки исследователей решать философско-методологические проблемы геологии с позиций аналитической философии науки: «Большинство ученых обращались к философии через традицию и положения аналитической философии, в особенности через логический позитивизм» [Ibid.]. Поэтому, как пишет американский исследователь, «проблемы и трудности, присущие геологическим исследованиям подсказали геологам

разработать разнообразные методы рассуждения, аналогичные некоторым из тех, которые описаны и используются в пределах континентальной философии» [1. Р. 960–961].

На основании рассмотренных воззрений на философско-методологическую проблематику в англоязычной традиции исследований геологического познания мы можем сделать вывод, что геология представляется в данной традиции как наука о прошлом Земли и называется исторической наукой. Также в рамках зарубежной традиции выявляются проблемы несоответствия основных методологических принципов геологии устоявшимся и сохранившимся в научном и философском сообществах представлениям о структуре научного знания, а именно: ограниченность экспериментальной проверки, отсутствие методологического единства в геологическом познании (исторические и экспериментальные методы). Отмечается значительное влияние субъекта на результаты исследования, что ставит под сомнение объективность результатов геологических исследований.

Кроме того, констатируется факт важной роли воображения в геологическом познании как инструмента конструирования целостной картины исходя из фрагментарных геологических данных. Воображение также характеризуется как субъективная способность, которая у каждого человека имеет свои отличительные особенности. Через понимание субъективности зарубежные исследователи также обращают свое внимание на необходимость изучать субъекта геологического исследования и уже на этом основании делать выводы о научном характере геологического знания.

Следующим этапом развития англо-американской традиции являются предложения ряда исследователей, которые полагают, что геологию продуктивнее представить как естественную науку с преобладающим значением гуманитарных методов, а именно герменевтического и нарративного, что дает основания для продолжения изучения с позиций гуманитарных методов, которое может дать новое понимание сущности геологического познания, а также научного знания в целом. «Поворот» философско-методологических исследований геологического познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frodeman R. Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science // Geological Society of America Bulletin. 1995. № 107. P. 959–968. URL: https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=15&SID=D4Ti2OTfZULKU8uv6BJ&page=1&doc=2 (дата обращения: 10.07.2018).
2. Dodick J., Orion N. Geology as an Historical Science: Its Perception within Science and the Education System // Science & Education. 2003. Vol. 12 (2). P. 197–211. URL: http://stwww.weizmann.ac.il/earth/geogroup/whole_articles/Science_and_Education.pdf
3. Bemmelen Van R.W. The scientific character of Geology // The Journal of Geology. 1961. Vol. 69, № 4. P. 453–463. URL: <http://www.brynmawr.edu/geology/documents/thescientificcharacterofgeology.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
5. Миронов В.А. Герменевтический и исторический аспекты геологического познания в концепции Р. Фродемана // Философия науки СО РАН. 2016. № 1 (68). С. 86–100.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 октября 2018 г.

Specifics of the Western Researchers' Views Relating to the Problem of the Scientific Status of Geology in the 20th and 21st Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 93–96.

DOI: 10.17223/15617793/438/12

The aim of this article is to identify the peculiarities of the development of the Western philosophical and methodological traditions in solving the problem of the scientific status of geological knowledge related to the limitations of experimental validation of geological hypotheses and, as a consequence, the significant impact of the subject of geological knowledge on the results of studies of the Earth. The article deals with the works of the most famous Western researchers in the field of philosophical studies of geology, such as R.W. van Bemmelen, J. Dodick, N. Orion, R. Frodeman. The article is based on the methods of historical-philosophical and comparative analysis. The article shows how foreign authors understand geology as a historical science of the Earth when solving the problem of the scientific status of geological knowledge. Subsequently, this will force Western researchers to turn to the methodological achievements of the philosophy of history due to the similarity of methodological problems and humanitarian history and geology as the history of the Earth. In the works of the researchers under consideration there are two aspects of the problem of the scientific status of geology and geological knowledge. The first aspect is that in the twentieth century the achievements of chemistry and physics, giving more accurate results than traditional geological methods, began to be actively implemented in geological research. On this basis, a number of researchers have become inclined to believe that the study of geological processes can be limited only by physical and chemical studies of the Earth. According to foreign authors, the latest achievements of physics, namely, methods in the twentieth century for determining the absolute age of rocks, allowed placing the priority of physical methods over geological ones in the study of the Earth. However, despite the priority of some methods of physics over the methods of geology in determining the age of the Earth, a significant part of works on the philosophy and methodology of geology in English-language literature are reduced to the argument about the irreducibility of geology to physics and chemistry. As a result, Western scientists build their philosophical and methodological concepts of geology proving the scientificity and self-sufficiency of geological methods of cognition. The second reason for the problem of the scientific status of geology is that regardless of physics, geology itself has special features that do not allow to fully characterize it as a natural science. According to a number of American and Western European authors, such features are: the limitations of experimental testing and the lack of methodological unity in geological knowledge (historical and experimental methods). In this regard, there is a significant influence of the subject on the results of the study, which calls into question the objectivity of the results of geological studies. Through the understanding of subjectivity, foreign researchers also pay attention to the need to study the subject of geological research, and, on this basis, to draw conclusions about the scientific nature of geological knowledge. Based on the results, it can be concluded that the consideration of geology as a historical science of the Earth (which reflects only one aspect of geological knowledge) has allowed the Western tradition of philosophical research to develop an effective approach to the consideration of geology from the standpoint of hermeneutics and narratology.

REFERENCES

1. Frodeman, R. (1995) Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science. *Geological Society of America Bulletin*. 107. pp. 959–968. [Online] Available from: https://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=15&SID=D4Ti2OTfZULKU8uv6BJ&page=1&doc=2. (Accessed: 10.07.2018).
2. Dodick, J. & Orion, N. (2003) Geology as an Historical Science: Its Perception within Science and the Education System. *Science & Education*. 12 (2). pp. 197–211. [Online] Available from: http://stwww.weizmann.ac.il/gearth/geogroup/whole_articles/Science_and_Education.pdf.
3. Bemmelen Van, R.W. (1961) The scientific character of Geology. *The Journal of Geology*. 69(4). pp. 453–463. [Online] Available from: <http://www.brynmawr.edu/geology/documents/thescientificcharacterofgeology.pdf>. (Accessed: 01.11.2016).
4. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneyitiki* [Truth and Method: The Basics of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
5. Mironov, V.A. (2016) Hermeneutical and Historical Aspects of Geological Knowledge In Concept of R. Frodeman. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 1 (68). pp. 86–100. (In Russian).

Received: 15 October 2018

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 342.518

Е.Г. Дьякова

«ЧЕСТНАЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ» ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ДИСКУРСА СОВЕЩАТЕЛЬНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ОРГАНОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Статья посвящена сравнительному анализу дискурса о совещательно-консультативных органах при органах исполнительной власти США и Российской Федерации. В дискурсе постоянно воспроизводятся проблемы, которые не находят эффективного разрешения. В США это проблема того, как «честно сбалансировать» в консультативных органах экспертов и представителей заинтересованных сообществ, а в России – проблема обеспечения независимости общественных советов от тех органов власти, при которых они функционируют.

Ключевые слова: государственное управление; консультативно-совещательные органы; дискурс; совещательные комиссии; «честная сбалансированность»; общественные советы; самостоятельность.

Функционирование при исполнительной власти совещательно-консультативных органов, чья деятельность направлена на экспертизу властных решений и обеспечение взаимодействия власти и граждан, является общемировой практикой.

Количество консультативных органов во всем мире постоянно растет. Это происходит в различных управленческих системах, функционирующих в рамках национальных административных традиций. Однако сравнительный анализ деятельности совещательно-консультативных органов в разном административном и политическом контексте практически отсутствует. В отечественной литературе, пожалуй, исключение составляет статья В.Н. Руденко [1].

В отечественной литературе деятельность общественных советов (представляющих собой российский вариант совещательно-консультативных органов) анализируется преимущественно в функциональном аспекте. Общественные советы, наряду с Общественными палатами, рассматриваются как органы общественного контроля, поэтому основное внимание уделяется тому, насколько существующая нормативно-правовая база обеспечивает выполнение ими данной функции (см., например, [2–8]). Большинство опубликованных работ на данную тему носит правовой характер и отличается ярко выраженной описательностью (при почти полном отсутствии перекрестных ссылок – каждый автор начинает исследование как бы «заново»). Отметим, что «правовой уклон» характерен и для анализа деятельности консультативных органов в зарубежной литературе (так, как будет показано ниже, американские исследователи занимаются в первую очередь анализом правоприменения Федерального акта об общественных советах 1972 г.). Но при этом анализ заметен большей глубиной и обобщенностью.

При этом следует отметить, что отечественными и зарубежными исследователями накоплен определенный опыт изучения деятельности общественных советов при органах исполнительной власти Российской Федерации «изнутри», методами качественной социологии. Мы имеем в виду прежде всего работы А.Г. Гарифуллиной

[9], исследовавшей работу консультативных органов при федеральных органах власти экономического блока, а также исследования М.Б. Горного [10], А.А. Стародубцева [11], А.В. Тарасенко, Д.И. Дубровского [12] и ряда других авторов. Особый интерес представляет проведенный в диссертационном исследовании К. Оуэн [13] сравнительный анализ официального дискурса, связанного с общественными советами (что, по сути, является темой описанных выше правовых исследований), и дискурса неформального, используемого членами общественных советов в Москве, Санкт-Петербурге и Самаре. К. Оуэн впервые обратила внимание на содержательную специфику официального дискурса, который, по ее мнению, представляет собой гибридный неоллиберальной риторики и традиционного советского дискурса «народного контроля».

Учитывая все вышесказанное, представляется целесообразным провести сравнительный анализ дискурса о совещательно-консультативных органах, ориентируясь прежде всего на то, какие проблемы чаще всего называются и анализируются при обсуждении деятельности общественных советов. Нами была высказана гипотеза, что проблемы, которые устойчиво воспроизводятся в дискурсе об общественных советах, с одной стороны, отражают национальную административную специфику, а с другой – являются принципиально не решаемыми в рамках данной административной системы / традиции. Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели сравнительный анализ ключевых проблем, которые доминируют в дискурсе об общественных советах в США и Российской Федерации, причем воспроизводятся не только в общественных дискуссиях, но и на уровне правотворчества и правоприменения.

Особую актуальность предлагаемому нами подходу придает постоянно возрастающая роль совещательно-консультативных органов в процессе принятия и реализации решений исполнительных органов власти. Данная тенденция связана с поиском новых форм государственного управления, отвечающих потребностям современного общества [14], и реализуется в рамках парадигмы «общественно-государственного

управления» («good governance»). Концептуальной основой парадигмы является признание совместной ответственности государства и гражданского общества за решение социальных проблем [15].

Устойчивое присутствие совещательно-консультативных органов в структуре государственного управления свидетельствует о том, что они выполняют важные функции. По выражению Ф. Виберта, они занимаются тем, что он назвал «эмпирией публичной политики». По его мнению, в современных условиях сложилось четкое различие между процессами сбора информации и мобилизации профессионального знания, за которые отвечают консультативные посреднические институты, и процессами принятия решений на основе этой информации и знаний, которые осуществляются в сфере публичной политики [16].

Поэтому сравнительный анализ того, каким образом совещательно-консультативные органы выполняют свои функции в различных административных системах, и того, какие проблемы порождает их функционирование, представляет значительный исследовательский интерес.

В США в 2017 г. только на федеральном уровне действовало 1 050 совещательных комиссий («advisory committees»), к работе в которых было привлечено около 68 000 человек [17]. Их деятельность регулировалась уже упоминавшимся Федеральным актом о совещательных комиссиях (The Federal Advisory Committee Act, FACA) 1972 г. [18].

Одной из основных целей разработчиков Акта было максимальное сокращение числа совещательных комиссий и установление жесткого контроля за их деятельностью со стороны Президента и Конгресса. Такое отношение к совещательным структурам в американской административной традиции связано с тем, что они плохо вписываются в базовый концепт представительной демократии, предполагающей разделение властей: членов совещательных комиссий никто не избирал, тем не менее они оказывают влияние на действия / решения органов власти. Традиционно в связи с этим в дискурсе воспроизводятся опасения о «захвате сегментов формального государственного аппарата частными группами и ассоциациями» [19]. Несмотря на то что совещательным органам задним числом приписали весьма почтенную родословную, возведя их к самому Джорджу Вашингтону (учредившему некогда комиссию для рассмотрения причин восстания из-за виски) [20], отношение к ним остается настороженным.

FACA отчасти достиг своей цели. Благодаря его принятию количество комиссий удалось сократить с 1 800 в 1971 г. до 1 242 в 1974 г. и до 816 в 1978 [21]. Однако затем количество консультативных органов на федеральном уровне, несмотря на все усилия, стало увеличиваться, пока не стабилизировалось на указанном выше уровне – около 1 000. При этом если в 1974 г. в совещательных комиссиях было 22 000 членов, то к 2016 г. их количество возросло до 68 000. Иными словами, размер средней комиссии вырос в три раза.

В рамках американской модели государственного устройства совещательные комиссии выступают как

механизм получения и использования органами власти экспертного знания, накопленного гражданским обществом. Если использовать формулировку FACA, они создаются «в целях получения советов и рекомендаций» [21], направленных на повышение качества государственного управления и укрепление поддержки принимаемых решений.

Поэтому центральным для формирования и деятельности совещательных структур является вопрос о том, какого рода экспертов им следует привлекать. Экспертное знание может носить двоякий характер: наряду с экспертами-профессионалами, являющимися носителями специализированного (в том числе научного) знания о той или иной сфере деятельности органов власти, существуют «эксперты-миряне», которые располагают житейским опытом, связанным с данной сферой, включая опыт решения проблем и защиты своих интересов. «Эксперты-миряне», таким образом, выражают интересы и / или являются представителями «заинтересованных сообществ». Эксперты обоих типов обладают важной информацией, необходимой для принятия эффективных управленческих решений, однако советы и рекомендации они дают принципиально разного типа [22]. Разница в том, что от экспертов-профессионалов ожидают «независимых и незаинтересованных советов», основанных на их знаниях, в то время как «эксперты-миряне» представляют «точку зрения или перспективу внешних заинтересованных сообществ или стейхолдеров» [17].

В 2017 г. соотношение экспертов-профессионалов и экспертов мирян в совещательных комиссиях на федеральном уровне составляло примерно два к одному [ibid.]. Как правило, эксперты-профессионалы имели статус специальных сотрудников правительства (special government employee), в то время как «эксперты-миряне» – статус представителей (representative).

В Федеральном акте о совещательных комиссиях содержится специальное требование, чтобы состав любой комиссии был «честно сбалансирован с позиций представленности разных интересов и исполняемых функций» [17]. За соблюдением принципа честной сбалансированности следят Управление государственной службы в составе администрации Президента (The General Services Administration, GSA), а также Счетная палата (The Government Accountability Office, GAO) при Конгрессе США, контролирующие деятельность совещательных комиссий.

Однако вопрос является настолько сложным и спорным, что регулярно порождает судебные иски общественных организаций против органов власти с обвинениями в том, что отказ от включения представителя той или иной организации в состав комиссии нарушает принцип честной сбалансированности. Как показал Э. Старк, проблема связана с тем, что органы власти и заинтересованные сообщества придерживаются прямо противоположных взглядов на то, как понимать «представленность» и «интересы» [23]. Так, общественные организации полагают, что их представители в совещательных комиссиях выражают позицию заинтересованного сообщества, в то время как сотрудники органов власти настаивают, что они выражают не более, чем позицию самой организации.

Таким образом, основной функцией совещательных комиссий в США является экспертная, а центральной проблемой, вокруг которой вращается обсуждение их деятельности, – проблема представленности. О том, что это действительно так, свидетельствует не только количество продуцируемых ею судебных исков, но и неоднократные (и неудачные) попытки конкретизировать § 3:2 FACA, уточнив, что же такое «честная сбалансированность». Определение остается все таким же расплывчатым, а проблема постоянно воспроизводится в ходе дискуссий о роли совещательных комиссий.

В Российской Федерации консультативные органы вписаны в принципиально иной контекст государственного управления, поэтому проблема представленности не только не является центральной, но, как будет показано ниже, даже сколько-нибудь внятно не формулируется. При этом децентрализованное гражданское участие активно поощряется, для чего создаются специальные площадки (хотя наиболее важные политические решения принимаются за пределами органов гражданского участия).

Потребность в гражданском участии в отечественных условиях зачастую недооценивается: ряд исследователей полагает, что общественные советы как институты гражданского участия носят чисто имитационный характер [24, 25]. Высказывается также мнение, что развитие системы общественных советов является вынужденным следствием низкого качества отечественной системы государственного управления [26], а не проявлением общемировой тенденции.

Безусловно, такая точка зрения имеет под собой определенную почву. Так, А.Г. Барбашев, посвятивший смене управленческих парадигм особую статью, отметил, что в государствах, где нет традиции участия гражданского общества в управлении, возможна ситуация, когда экспертные органы «превращаются в компраторские структуры, исполняющие заказ государства и способные в лучшем случае отстаивать собственные групповые или даже индивидуальные интересы» [27].

Дополнительную сложность ситуации придает то, что общественные советы вписаны не просто в иной властный контекст: в этом контексте они выполняют иные функции. Официально главной задачей общественных советов считается контроль за деятельностью органов исполнительной власти (т.е. функция, которую в США исполняют органы законодательной власти). В нормативно-правовых документах статус общественных советов определяется как «постоянно действующие совещательно-консультативные органы общественного контроля» [28].

Обилие надзорных структур, контролирующих деятельность других государственных структур, представляет собой отечественную административную специфику, и очень плохо укладывается, а по мнению Д. Христиана – вообще не укладывается в разработанные в европейском (и американском) контексте теории государственного управления [29].

Современные общественные советы воспринимаются как преемники советских комитетов народного/общественного контроля [30] (данные термины

первоначально использовались как взаимозаменяемые; существовала точка зрения, что народный контроль является высшей формой общественного контроля [31]). Превращение надзора в форму гражданского участия являлось одной из основных характеристик советской системы государственного управления. Не случайно его активное развитие связано с эпохой Н.С. Хрущева, на практике попытавшегося реализовать марксистский тезис об отмирании государства и сделавшего ставку на самостоятельность масс. При этом, исходя из тезиса об общенародном характере государства, вопрос о самостоятельности органов народного контроля не ставился. Наоборот, подчеркивалось, что его эффективность обусловлена тем, что он носит общественно-государственный характер, а органы народного контроля интегрированы в систему государственных органов.

Субъекты контроля в СССР понимались чрезвычайно широко: утверждалось, что «право общественного контроля принадлежит любому гражданину Советского Союза, независимо от того, состоит ли он в какой-либо общественной организации или нет» [32]. При таком подходе вопрос о представленности в органах народного контроля тех или иных сообществ выводился за скобки.

Это отразилось и в последующем законодательстве, регулирующем деятельность органов народного контроля: ни Положение об органах народного контроля в СССР 1968 г. [33], ни закон СССР «О народном контроле в СССР» 1979 г. [34] не содержали ничего подобного американскому принципу «честного представительства».

В «Положении» имелось только указание на то, что в группы и посты народного контроля в учреждениях и на предприятиях (т.е. на самом низовом уровне) «избираются передовые, наиболее активные и авторитетные рабочие, колхозники, служащие, студенты, а также пенсионеры и домашние хозяйки, как коммунисты, так и беспартийные» [33]. Фактически в данном пункте перечислялись все основные социальные группы советского общества (не были забыты даже домохозяйки). Аналогичным образом, когда речь заходила о более высоком уровне, т.е. о комитетах народного контроля, указывалось, что «в состав этих комитетов входят... представители партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций, рабочие, колхозники и служащие, работники печати, деятели науки и культуры, руководящие работники органов народного контроля» [Там же].

В Законе о народном контроле в СССР в разделе II о порядке формирования соответствующих органов было указано, что народными контролерами должны быть «наиболее активные и авторитетные рабочие, колхозники, служащие, учащиеся высших и средних специальных учебных заведений, а также пенсионеры и домашние хозяйки» [34], т.е. перечислялся уже знакомый нам список. Таким образом, советская система была ориентирована на максимальный охват всех социальных слоев, без выделения заинтересованных сообществ (поскольку предполагалось, что в эффективной деятельности общенародного государства заинтересованы все члены общества).

Это, вполне естественно, порождало проблемы, связанные с низкой компетентностью народных контролеров. В очень поздней, 1984 г., диссертации С.С. Толкачевой данный вопрос был рассмотрен достаточно подробно. В качестве практической рекомендации автор предлагала «привлечении[е] специалистов к контролю (постоянно или временно) и их сочетании[е] с неспециалистами, но обладающими организаторскими способностями» [35].

В постсоветскую эпоху формирование совещательных органов при органах исполнительной власти происходило достаточно стихийно, и, как правило, по инициативе самих органов власти на основе самостоятельно разработанных нормативно-правовых актов. Переход к формированию общественных советов как общегосударственной политике связан с принятием закона «Об Общественной палате Российской Федерации», в котором впервые были упомянуты общественные советы при федеральных органах исполнительной власти [36]. Следующим шагом стало принятие в 2014 г. Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в котором общественные советы были определены в качестве субъектов общественного контроля (наряду с общественными палатами всех уровней) [37].

Если в США постоянно воспроизводящейся проблемой, связанной с консультативными органами, является проблема «честной представленности», то в отечественных условиях это проблема самостоятельности и независимости от того органа власти, при котором консультативный орган был создан. Здесь наблюдается явное отличие от советского времени, когда такая проблема вообще не могла быть легально сформулирована изнутри и ставилась только внешними наблюдателями [38] (а также пропагандистами, разоблачавшими взгляды буржуазных фальсификаторов, отрицавших эффективность народного контроля [39]).

Очень быстро общим местом стало утверждение, что эффективной работе общественных советов препятствует то, что они не обладают реальной самостоятельностью и формируются согласно интересам соответствующего органа. Приведем типичный пример – высказывание регионального активиста, сделанное в сентябре 2017 г.: «Советы создаются под себя властными структурами... Председателями и членами этих советов являются сами чиновники. Парадоксальность ситуации в том, что чиновник контролирует сам себя. Профильные бюджетники (члены Советов) – однозначно зависимые люди». Далее говорится о невозможности «неудобным» гражданам, говорящим неприятные власти вещи, попасть в состав Совета» [40]. Аналогичные высказывания делаются на самом высоком уровне: в марте 2017 г. на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам президент России В.В. Путин, рассуждая о проблеме независимой оценки качества государственных услуг, отметил: «Мы с вами представляем, как формируются общественные советы. Это часто бывают такие управляемые структуры, создание которых смысла никакого не имеет» [41].

Соответственно, постоянно ставится задача обеспечить самостоятельность общественных советов.

Активную работу в этом отношении ведет Общественная палата РФ, которая осуществляет представительство интересов гражданского общества на федеральном уровне.

Уже в первоначальной редакции закона «Об Общественной палате РФ» Совет Общественной палаты РФ получил право обратиться к руководителю федерального органа исполнительной власти с предложением создать общественный совет при данном органе [42]. В дальнейшем права Общественной палаты были сильно расширены. Президент РФ своим Указом от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» поставил задачу перейти к открытому формированию составов общественных советов из организаций и экспертов, независимых от органов государственной власти. С этой целью было предложено повысить роли Общественной палаты РФ при формировании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти.

В 2014–2015 гг. Общественная палата РФ совместно с Правительственной комиссией по координации деятельности открытого правительства занималась разработкой нормативно-правовой базы, направленной на то, чтобы максимально ограничить полномочия исполнительной власти при формировании общественных советов и тем самым повысить их самостоятельность. С июня 2015 г. начал действовать Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение) [43] (это была уже вторая версия Стандарта, первая была принята в 2014 г.).

Согласно Стандарту 75% кандидатур в общественный совет при федеральном органе исполнительной власти должны были выдвигаться Общественной палатой РФ, оставшиеся 25% – Экспертным советом при Правительстве РФ. Однако о специфике двух этих групп кандидатов не говорилось ничего: мы не можем утверждать, что Общественная палата выдвигает «экспертов-мирян», а Экспертный совет – экспертов-профессионалов. Указывалось только, что списки кандидатов формируются на основании конкурсного отбора на основе заявок, поступивших от некоммерческих неправительственных организаций. Затем данные списки дополнительно согласовывались с Правительственной комиссией по координации деятельности открытого правительства и направлялись руководителю федерального органа власти. В соответствии со Стандартом сам орган исполнительной власти мог лишь утверждать предложенный ему состав общественного совета, никак не влияя на отбор членов.

Вопрос об экспертной квалификации членов общественных советов в Стандарте решался не на основе оппозиции «миряне» – «профессионалы», а на основе универсальных и специфических требований к кандидатам в общественные советы. Набор универсальных требований к кандидатам в общественные советы был тождествен тому, который предъявляется будущим членом Общественной палаты РФ (например, постулировалось отсутствие неснятых судимостей). Федеральные органы исполнительной власти получили право формулировать специфиче-

ские требования к кандидатам в члены совета, предусматривающие наличие у них квалификации, необходимой, чтобы разбираться в сфере полномочий соответствующего органа власти. Данные требования вряд ли можно считать отечественным аналогом американской «честной сбалансированности», поскольку они исходили из того, что все члены общественного совета должны обладать специфической квалификацией.

Напрямую проблемы представительства касался только один пункт Стандарта, в котором было указано, что «состав общественного совета формируется с учетом представительства профессиональных объединений и иных социальных групп, осуществляющих свою деятельность в сфере полномочий данного федерального органа» [28]. Фактически разработчики попытались указать на необходимость представительства в общественных советах заинтересованных сообществ, но предложенную формулировку трудно назвать удачной: единственным более или менее четко определенным заинтересованным сообществом оказался отраслевой профсоюз, все остальные попали под рубрику «иных социальных групп».

При этом возможности Общественной палаты как официального представителя гражданского общества были достаточно ограниченными. Стандарт с самого начала имел невысокий статус: он был утвержден Протоколом Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства (на основе заочного голосования), поэтому, строго говоря, не являлся обязательным для органов исполнительной власти.

На основе Стандарта с 2016 г. на федеральном уровне началась «перезагрузка» (термин, введенный секретарем Общественной палаты РФ в 2014–2017 гг. А.В. Бречаловым) общественных советов. На 01 июня 2018 г. по новым правилам было сформировано 36 общественных советов. Таким образом, реформатирование общественных советов было проведено далеко не всеми федеральными ведомствами (которых в России 51).

В апреле 2018 г. Правительственная комиссия одобрила приоритетные направления деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в 2018 г. [43]. На первом месте в списке приоритетов оказались обсуждение публичной декларации целей и задач федерального органа исполнительной власти и оценка ее реализации, обсуждение ведомственного плана по противодействию коррупции и оценка его исполнения, в то время как «обсуждение социально значимых вопросов в сфере деятельности федерального органа исполнительной власти по темам, которые волнуют общество, а также обсуждение инициатив и решений федерального органа исполнительной власти по этим вопросам» (т.е. темы, в наибольшей степени волнующие представителей заинтересованных сообществ, где, скорее всего, возможно расхождение позиций экспертов-профессионалов и экспертов-мирян) оказались на последнем, десятом месте.

Однако в мае 2018 г. президент России Владимир Путин подписал указ о новой структуре правительства, который упразднил Комиссию по координации

деятельности открытого правительства [44]. В результате Стандарт фактически прекратил действие.

Поэтому в июле 2018 г. Общественной палатой РФ был утвержден новый Стандарт [45]. В нем сохранилась подконтрольность процесса выдвижения членов общественных советов Общественной палате. Согласно пунктам 3.21 и 3.22 Стандарта «Общественная палата направляет руководителю федерального органа исполнительной власти список кандидатов в состав общественного совета для его утверждения», причем «исключение отдельных кандидатов из направленного Общественной палатой списка федеральным органом исполнительной власти не допускается».

Что касается состава общественных советов, то в Стандарте 2018 г. заинтересованные сообщества перечислены более подробно, что приближает Стандарт к советскому Положению об органах народного контроля пятидесятилетней давности. В число заинтересованных сообществ разработчики стандарта включили «представительства общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, социальных групп, иных негосударственных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере полномочий данного федерального органа исполнительной власти» [45].

Параллельно в Стандарт было включено и другое определение, в котором было введено различие экспертов-профессионалов и «экспертов-мирян»: «правом выдвижения кандидатов в члены общественных советов обладают общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации, целями и направлениями деятельности которых являются представление или защита (содействие защите) общественных интересов и (или) выполнение экспертной работы в сфере общественных отношений» [Там же].

Таким образом, Стандарт 2018 г. продолжил тенденцию к превращению общественных советов в структуры, независимые от органа власти, но подконтрольные Общественной палате. При этом составу общественных советов было уделено заметно большее внимание.

Однако следует учитывать, что юридический статус Стандарта 2018 г. еще ниже, чем статус Стандарта 2015 г.: он утвержден Советом Общественной палаты и поэтому для органов исполнительной власти имеет чисто рекомендательный статус.

Сам факт принятия Стандартов 2014–2018 гг. подтолкнул региональные Общественные палаты к усилению своей роли в процессе формирования общественных советов при региональных органах исполнительной власти (ОИВ). В отличие от Общественной палаты РФ, они достаточно успешно включали свои новые полномочия в региональное законодательство.

Так, например, в Свердловской области Общественная палата обрела новые полномочия только в конце 2016 г., но полномочия эти были закреплены не решением исполнительной власти, а региональным законом «Об общественном контроле в Свердловской области» [46]. В соответствии с законом половина

членов общественных советов при ОИВ назначается региональной Общественной палатой из числа членов и консультантов-экспертов Общественной палаты. Еще четверть назначается руководителем соответствующего органа исполнительной власти, а оставшаяся четверть избирается на конкурсной основе из числа кандидатур, выдвигаемых негосударственными некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность на территории Свердловской области.

Особый интерес представляет статус консультанта-эксперта. В соответствии с Положением о консультантах-экспертах Общественной палаты Свердловской области [47] консультантами-экспертами могут быть:

- представители общественных организаций, активно участвующие в развитии гражданского общества;

- граждане, ранее осуществлявшие полномочия члена Общественной палаты;

- представители общественных объединений, допущенные к выборам в Общественную палату, но не избранные в ее состав.

Нетрудно заметить, что, с точки зрения разработчиков постановления консультанты-эксперты – это прежде всего представители заинтересованных сообществ, т.е. скорее «эксперты-миряне», чем эксперты-профессионалы.

С мая 2017 г. в Свердловской области началась перезагрузка общественных советов. О том, что данный процесс еще далек от завершения, свидетельствует осуществленный нами анализ состава общественных советов при ОИВ: всего на 01 апреля 2018 г. доля членов и консультантов-экспертов региональной Общественной палаты составляла 30,1% от общего числа членов 30 общественных советов, т.е. была заметно ниже, чем предусмотрено областным законом.

Проанализированный нами нормотворческий процесс отражает позицию Общественной палаты РФ и региональных Общественных палат как института, призванного официально представлять интересы гражданского общества. Отсюда стремление разра-

ботчиков нормативно-правовых актов в свою очередь превратить общественные советы в представительства Общественных палат при органах исполнительной власти, осуществляющие функции контроля за их деятельностью.

Как показал реализованный нами исследовательский проект «Общественные советы в органах исполнительной власти: формирование и эффективность деятельности (на примере Свердловской области)» (проект был поддержан Фондом президентских грантов (Договор № 17-2-008921), сами члены общественных советов могут иметь иной взгляд на свою роль и функции и весьма сдержанно относиться к предложенной Общественной палатой модели формирования совещательных органов. Более того, они могут стремиться к максимальной интеграции общественного совета в структуру соответствующего органа власти. Однако в нормативно-правовых актах такая позиция отражения не получает.

Таким образом, проблема, которая постоянно воспроизводится в отечественных условиях, представляя собой своеобразный административный «замкнутый круг», связана с обеспечением независимости совещательно-консультативных органов от исполнительных органов власти, при которых они функционируют. Данная проблема решается в духе отечественной административной традиции: через контроль за формированием и деятельностью общественных советов со стороны структуры, внешней по отношению к органам исполнительной власти. В роли такой структуры выступают Общественные палаты всех уровней.

В целом можно сделать следующий вывод: то, какая проблема выступает в дискурсе о совещательно-консультативных органах в качестве ключевой, т.е. постоянно воспроизводится в общественных дискуссиях и процессе правотворчества и правоприменения, зависит от целого комплекса факторов, определяющих характер административной традиции: типа государственного устройства, характера политического режима, господствующего типа административной культуры и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руденко В.Н. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 116–124.
2. Исаева Е.А. Механизм формирования общественных советов при органах власти в субъектах России: сравнительно-правовое исследование // Власть. 2015. № 11. С. 48–53.
3. Казарцева Г.А., Семенов А.И. Общественные советы как инструмент повышения эффективности государственного управления в сфере деятельности ФСПП России // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3. С. 24–30.
4. Кулешова Н.Н. О современном состоянии общественного контроля в России // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 21–24.
5. Липчанская М.А. Деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти как форма участия граждан в управлении делами государства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 4. С. 27–30.
6. Носкова М.В. Об актуальных вопросах деятельности общественных советов в Российской Федерации // Вопросы управления. 2016. № 4 (41). С. 39–44.
7. Нужнова С.Л. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 115–121.
8. Щербина М.В. Общественные советы при органах исполнительной власти: социальная экспертиза и контроль // Власть. 2015. № 3. С. 129–133.
9. Гарифуллина А.Г. Совещательные органы при федеральных ведомствах: политическая роль экспертного знания : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.
10. Горный М.Б. Общественные консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга // Телескоп. 2011. № 2 (86). С. 14–24.
11. Сунгуров А.Ю. Общественные советы как институт мониторинговой демократии? Опыт Красноярского края // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 48–54.
12. Тарасенко А.В., Дубровский Д.И., Стародубцев А.А. Навести мосты между обществом и государством : общественно-консультативные структуры в регионах Северо-Запада. СПб. : Реноме, 2011. 48 с.

13. Owen C. «Obshchestvennyi Kontrol» (Public Scrutiny) from Discourse to Action in Contemporary Russia: The Emergence of Authoritarian Neoliberal Governance. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Politics. University of Exeter, 2014. 312 p.
14. Оболонский А.В. Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 145–170.
15. Osborne S. The New Public Governance? // Public Management Review. 2006. Vol. 8, № 3. P. 377–387.
16. Vibert F. The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers. Cambridge : Cambridge Univ. Press., 2007. 212 p.
17. U.S. General Services Administration (GSA): Federal Advisory Committee Act Overview. URL: <https://www.gsa.gov/policy-regulations/policy/federal-advisory-committee-act-faca-management-overview> (access date: 01.08.2018).
18. The Federal Advisory Committee Act. URL: <https://www.gsa.gov/cdnstatic/FACA-Statute-2013.pdf> (access date: 01.08.2018).
19. McConnell G. Private Power and American Democracy. New York : Random House, 1966. P. 164.
20. Ginsberg W.A. Federal Advisory Committees: An Overview. Washington, D.C. : Congressional Research Service, 2009. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44232.pdf> (access date: 01.08.2018). P. 2.
21. Cardoso M.H. The Federal Advisory Committee Act in Operation // Administrative Law Review. 1981. Vol. 33, № 1. P. 5.
22. Brown M.B. Fairly Balanced: The Politics of Representation on Government Advisory Committees // Political Research Quarterly. 2008. № 61 (4). С. 547–561.
23. Stark A. What is Balanced Committee? Democratic Theory, Public Law, and the Question of Fair Representation on Quasi-Legislative Bodies // Ethnicity and Group Rights. New York : Univ. Press, 1997. P. 377–418.
24. Markus S. Capitalists of All Russia, Unite! Business Mobilization under Debilitated Dirigisme // Polity. 2007. Vol. 3 (39). P. 277–304.
25. Petrov N., Lipman M., Hale H. Over-managed Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes // Carnegie Papers, Russia and Eurasia Program. 2010. № 106.
26. Hedberg M. Top-Down Self-Organization: State Logics, Substitutional Delegation, and Private Governance in Russia // Governance. 2016. № 1 (29). P. 67–83.
27. Барбашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
28. Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение): заочное голосование Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 г. Протокол № 3. Ст. 1, п. 1.3. URL: https://www.oprf.ru/files/2015dok/standart_OS_FOIV17082015.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
29. Christian D. The Supervisory Function in Russian and Soviet History // Slavic Review. 1982. Vol. 41, № 1. P. 73–90.
30. Owen C. A Genealogy of Kontrol in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance // Slavic Review. 2016. Vol. 75, № 2. P. 331–353.
31. Мальков В.В. Общественный контроль и его роль в советском государственном управлении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Изд-во МГУ, 1963. 18 с.
32. Попова Е.П. О понятии общественного контроля в советском государственном управлении // Правоведение. 1961. № 3. С. 147–152.
33. Положение об органах народного контроля в СССР: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета министров СССР от 19 декабря 1968 г. № 1020. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6965.htm (дата обращения: 01.08.2018).
34. О народном контроле в СССР: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1814&page=1> (дата обращения: 01.08.2018).
35. Толкачева С.С. Совершенствование народного контроля – важное направление развития социалистической демократии в условиях зрелого социализма (на материалах БССР) : дис. ... канд. филос. наук. Минск, 1984. 192 с.
36. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12139493/#ixzz5OQpCZTBQ> (дата обращения: 01.08.2018).
37. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010> (дата обращения: 01.08.2018).
38. Adams J.S. Citizen Inspectors in the Soviet Union: the People's Control Committee // Praeger Publishers. N.Y., 1977. 232 p.
39. Марченко М.Н. Политическая организация советского общества и ее буржуазные фальсификаторы. М. : МГУ, 1973. 143 с.
40. Наволоцкая А.В. Общественные советы при власти: реальность или фейк? URL: <http://infonarod.ru/info/obshchestvennye-sovety-pri-vlasti-realnost-ili-feyk> (дата обращения: 01.08.2018).
41. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 марта 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54079> (дата обращения: 01.08.2018).
42. Об Общественной палате Российской Федерации первоначальная редакция: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ Ст. 20, п. 1. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/5168669/paragraph/13183:1/> (дата обращения: 01.08.2015).
43. Приоритетные направления деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в 2018 году: Протокол № 3 заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 19 апреля 2018 г. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/4ce/4ce02780c9c70799f36f081393a90590.pdf> (дата обращения: 01.08.2018).
44. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 215, п. 4а. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297953/ (дата обращения: 01.08.2018).
45. Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение): решение совета Общественной палаты Российской Федерации от 5 июля 2018 г. № 55-С. URL: http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2018/08/Standart_Utverzhdeny_var_05.07.2018.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
46. Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 г. № 151-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/429088309> (дата обращения: 01.08.2018).
47. Положение о консультантах-экспертах Общественной палаты Свердловской области: решение Совета Общественной палаты Свердловской области от 27 февраля 2015 г. URL: http://www.opso66.ru/upload_files/polozenie-o-konsultantakh-ekspertakh-obshchestvennoy-palaty-sverdlovskoy-oblasti.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 16 октября 2018 г.

“Fairly Balanced” or Independent: Problematicization of the Discourse on Consultative Bodies in the Russian and American Administrative Traditions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 97–105.

DOI: 10.17223/15617793/438/13

Elena G. Dyakova, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gf-urfo@bk.ru

Keywords: public administration; consultative bodies; discourse; advisory committee; “fair balance”; public councils; independence.

The article deals with the problem of reflecting the national administrative tradition in the design and activities of advisory/ consultative bodies under executive authorities. Despite the fact that the number and importance of such bodies are constantly growing worldwide, there is practically no comparative analysis of the functioning of such bodies in different administrative traditions. The article fills this gap on the basis of a comparative analysis of the discourse on advisory bodies in the United States and the Russian Federation. The materials for the analysis were legal acts, expert literature prepared by the authorities and academic research. The author put forward the hypothesis that problems that are consistently reproduced in the discourse of advisory bodies, be it American advisory committees or Russian public councils, reflect the national administrative specifics and prove to be fundamentally unresolved within the framework of the given administrative system. Based on the analysis of the Federal Act on Advisory Committees (FACA) of 1972, as well as works about the practice of its enforcement, it was shown that in the US, advisory committees act as a mechanism for obtaining and using an expert knowledge accumulated by civil society. Therefore, the central problem of discourse is the question of the ratio of professional experts who are carriers of specialized (including scientific) knowledge and “lay experts” who have life experience related to this field, including experience of protecting their interests. It is shown that this problem has not received a satisfactory solution. In the Russian Federation, advisory bodies are inscribed in a fundamentally different government context. An analysis of the Russian discourse on public councils, including federal and regional legislation (on the example of the Sverdlovsk Region) showed that the main objective of public councils is to monitor the activities of executive bodies (that is, the function that the legislative bodies exercise in the US). Therefore, the main problem is the problem of independence of public councils from the authorities under which they function. This problem is solved in the spirit of the Russian administrative tradition through monitoring the formation and activity of public councils by the structure external to the executive authorities. The role of such a structure is played by Public Chambers of all levels. Based on the analysis of the activities of the Public Chamber of the Russian Federation on “resetting” public councils under federal executive bodies (2015–2017) and the activities of the Public Chamber of the Sverdlovsk Region on “resetting” public councils under regional executive bodies (2017–2018), the author came to the conclusion that the problem has not received a satisfactory solution yet. The study conducted by the author shows that the problem that appears in the discourse on advisory/consultative bodies as a key issue and is constantly reproduced in public discussions and in the process of lawmaking and law enforcement depends on a whole range of factors that determine the nature of the national administrative tradition: the type of state structure, the nature of the political regime, the dominant type of administrative culture, etc.

REFERENCES

1. Rudenko, V.N. (2007) Konsul'tativnye obshchestvennye sovety v sisteme deliberativnoy demokratii [Consultative public councils in the system of deliberative democracy]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4 (61). pp. 116–124.
2. Isaeva, E.A. (2015) The mechanism of the formation of public councils under government bodies in the regions of Russia: comparative legal research. *Vlast' -- The Authority*. 11. pp. 48–53. (In Russian).
3. Kazartseva, G.A. & Semenov, A.I. (2015) Public council as a tool for openness of the public government in the activities of the federal bailiff service of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3. pp. 24–30.
4. Kuleshova, N.N. (2011) O sovremennom sostoyanii obshchestvennogo kontrolya v Rossii [On the current state of public control in Russia]. *Yuridicheskaya nauka*. 2. pp. 21–24.
5. Lipchanskaya, M.A. (2009) Deyatel'nost' obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti kak forma uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva [The activity of public councils under the federal executive authorities as a form of citizen participation in the management of state affairs]. *Problemy v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal*. 4. pp. 27–30.
6. Noskova, M.V. (2016) On Topical Issues of Public Councils in the Russian Federation. *Voprosy upravleniya – Management Issues*. 4 (41). pp. 39–44. (In Russian).
7. Nuzhnova, S.L. (2015) The development of civil society through the establishment and functioning of the institute of public councils at the state bodies. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. 1. pp. 115–121. (In Russian).
8. Shcherbina, M.V. (2015) Public Councils at the Executive Authorities: the Social Assessment and Control. *Vlast' -- The Authority*. 3. pp. 129–133. (In Russian).
9. Garifullina, A.G. (2013) *Soveshchatel'nye organy pri federal'nykh vedomstvakh: politicheskaya rol' ekspertnogo znaniya* [Advisory bodies at federal departments: a political role of expert knowledge]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
10. Gornyy, M.B. (2011) Obshchestvennye konsul'tativnye struktury pri organakh vlasti: opyt Sankt-Peterburga [Public advisory structures under the authorities: the experience of St. Petersburg]. *Teleskop – Telescope*. 2 (86). pp. 14–24.
11. Sungurov, A.Yu. (2013) Social Councils as Institutes of Surveillance Democracy? Experience of Krasnodar Krai. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 6 (44). pp. 48–54. (In Russian).
12. Tarasenko, A.V., Dubrovskiy, D.I. & Starodubtsev, A.A. (2011) *Navesti mosty mezhdru obshchestvom i gosudarstvom: obshchestvenno-konsul'tativnye struktury v regionakh Severo-Zapada* [To build bridges between society and the state: socially consultative structures in the regions of the North-West]. St. Petersburg: Renome.
13. Owen, C. (2014) “Obshchestvennyi Kontrol” (Public Scrutiny) from Discourse to Action in Contemporary Russia: The Emergence of Authoritarian Neoliberal Governance. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Politics. University of Exeter.
14. Obolonskiy, A.V. (2014) The crisis of bureaucratic state's effectiveness and the search for the way out: USA's experience (the evolution of theory and practice of public administration during the last decade). *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 145–170.
15. Osborne, S. (2006) The New Public Governance? *Public Management Review*. 8(3). pp. 377–387.
16. Vibert, F. (2007) *The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. U.S. General Services Administration (GSA). (n.d.) *Federal Advisory Committee Act Overview*. [Online] Available from: <https://www.gsa.gov/policy-regulations/policy/federal-advisory-committee-act-faca-management-overview>. (Accessed: 01.08.2018).
18. U.S. General Services Administration (GSA). (2013) *The Federal Advisory Committee Act*. [Online] Available from: <https://www.gsa.gov/cdnstatic/FACA-Statute-2013.pdf>. (Accessed: 01.08.2018).
19. McConnell, G. (1966) *Private Power and American Democracy*. New York: Random House.
20. Ginsberg, W.A. (2009) *Federal Advisory Committees: An Overview*. Washington, D.C.: Congressional Research Service. pp. 2. [Online] Available from: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R44232.pdf>. (Accessed: 01.08.2018).
21. Cardoso, M.H. (1981) The Federal Advisory Committee Act in Operation. *Administrative Law Review*. 33(1). pp. 5.
22. Brown, M.B. (2008) Fairly Balanced: The Politics of Representation on Government Advisory Committees. *Political Research Quarterly*. 61(4). pp. 547–561.
23. Stark, A. (1997) What is Balanced Committee? Democratic Theory, Public Law, and the Question of Fair Representation on Quasi-Legislative Bodies. In: Shapiro, I. & Kymlicka, W. (eds) *Ethnicity and Group Rights*. New York: New York University Press.
24. Markus, S. (2007) Capitalists of All Russia, Unite! Business Mobilization under Debilitated Dirigisme. *Polity*. 3(39). pp. 277–304.

25. Petrov, N., Lipman, M. & Hale, H. (2010) Over-managed Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes. *Carnegie Papers, Russia and Eurasia Program*. 106.
26. Hedberg, M. (2016) Top-Down Self-Organization: State Logics, Substitutional Delegation, and Private Governance in Russia. *Governance*. 1 (29). P. 67–83.
27. Barbashev, A.G. (2016) Crisis of state governance and its influence on basic administrative paradigms of state and bureaucracy. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 163–194. (In Russian).
28. Oprf.ru. (2015) Standart deyatel'nosti obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti (Tipovoe polozenie): zaochnoe golosovanie Pravitel'stvennoy komissii po koordinatsii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 24 iyunya 2015 g. Protokol № 3 [The standard of activity of public councils under the federal executive bodies (Model Provision): in absentia voting of the Government Commission for the Coordination of Activities of Open Government of June 24, 2015. Protocol No. 3] Art. 1. p. 1.3. [Online] Available from: https://www.oprf.ru/files/2015dok/standart_OS_FOIV17082015.pdf. (Accessed: 01.08.2018).
29. Christian, D. (1982) The Supervisory Function in Russian and Soviet History. *Slavic Review*. 41(1). pp. 73–90.
30. Owen, C. (2016) A Genealogy of Kontrol' in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance. *Slavic Review*. 75(2). pp. 331–353.
31. Mal'kov, V.V. (1963) *Obshchestvennyy kontrol' i ego rol' v sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [Public control and its role in the Soviet public administration]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
32. Popova, E.P. (1961) O ponyatii obshchestvennogo kontrolya v sovetskom gosudarstvennom upravlenii [On the concept of public control in the Soviet government]. *Pravovedenie*. 3. pp. 147–152.
33. Libussr.ru. (1968) *Polozenie ob organakh narodnogo kontrolya v SSSR: Postanovlenie Tsentral'nogo Komiteta KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 19 dekabrya 1968 g. № 1020* [Regulation on the organs of people's control in the USSR: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of December 19, 1968, No. 1020]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6965.htm. (Accessed: 01.08.2018).
34. Zaki.ru. (1979) *O narodnom kontrole v SSSR: Zakon SSSR ot 30 noyabrya 1979 g.* [On the people's control in the USSR: Law of the USSR of November 30, 1979]. [Online] Available from: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1814&page=1>. (Accessed: 01.08.2018).
35. Tolkacheva, S.S. (1984) *Sovershenstvovanie narodnogo kontrolya – vazhnoe napravlenie razvitiya sotsialisticheskoy demokratiy v usloviyakh zrelogo sotsializma (na materialakh BSSR)* [Improving people's control as an important direction in the development of socialist democracy under conditions of mature socialism (on the materials of the BSSR)]. Philosophy Cand. Diss. Minsk.
36. Garant.ru. (2005) *Ob Obshchestvennoy palate Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 4 aprelya 2005 g. № 32-FZ* [On the Public Chamber of the Russian Federation: Federal Law of April 4, 2005, No. 32-FZ]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12139493/#ixzz50QpCZTBQ>. (Accessed: 01.08.2018).
37. Publication.pravo.gov.ru. (2014) *Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ* [On the foundations of public control in the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014, No. 212-FZ]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010>. (Accessed: 01.08.2018).
38. Adams, J.S. (1977) *Citizen Inspectors in the Soviet Union: the People's Control Committee*. N.Y.: Praeger Publishers.
39. Marchenko, M.N. (1973) *Politicheskaya organizatsiya sovetskogo obshchestva i ee burzhuaznye falsifikatory* [The political organization of the Soviet society and its bourgeois falsifiers]. Moscow: Moscow State University.
40. Navolotskaya, A.V. (2017) *Obshchestvennyye sovery pri vlasti: real'nost' ili feyk?* [Public councils in power: reality or fake?]. [Online] Available from: <http://infonard.ru/info/obshchestvennye-sovery-pri-vlasti-realnost-ili-feyk>. (Accessed: 01.08.2018).
41. Kremlin.ru. (2017) *Zasedanie Soveta po strategicheskemu razvitiyu i prioritnym proektam ot 21 marta 2017 g.* [Session of the Council for Strategic Development and Priority Projects of March 21, 2017]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54079>. (Accessed: 01.08.2018).
42. Garant.ru. (2005) *Ob Obshchestvennoy palate Rossiyskoy Federatsii pervonachal'naya redaktsiya: Federal'nyy zakon ot 4 aprelya 2005 g. № 32-FZ* [On the Public Chamber of the Russian Federation, the original edition: Federal Law of April 4, 2005, No. 32-FZ]. Art. 20. pp. 1. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/5168669/paragraph/13183:1/>. (Accessed: 01.08.2015).
43. Open.gov.ru. (2018) *Prioritetnye napravleniya deyatel'nosti obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti v 2018 godu: Protokol № 3 zaochnogo golosovaniya Pravitel'stvennoy komissii po koordinatsii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 19 aprelya 2018 g.* [Priority areas of activity of public councils at federal executive bodies in 2018: Minutes No. 3 of in absentia voting by the Government Commission for the Coordination of Open Government Activities April 19, 2018]. [Online] Available from: <http://open.gov.ru/upload/iblock/4ce/4ce02780c9c70799f36f081393a90590.pdf>. (Accessed: 01.08.2018).
44. Consultant.ru. (2018) *O strukture federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 15 maya 2018 g. № 215* [On the structure of federal executive bodies: Decree of the President of the Russian Federation dated May 15, 2018, No. 215]. p. 4a. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297953/. (Accessed: 01.08.2018).
45. Minsport.gov.ru. (2018) *Standart deyatel'nosti obshchestvennogo soveta pri federal'nom organe ispolnitel'noy vlasti (Tipovoe polozenie): reshenie soveta Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii ot 5 iyulya 2018 g. № 55-S* [The standard of activity of the public council under the federal executive body (Model Regulations): decision of the Council of the Public Chamber of the Russian Federation of July 5, 2018, No. 55-S]. [Online] Available from: http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2018/08/Standart_Utverzhennyy_var_05.07.2018.pdf. (Accessed: 01.08.2018).
46. Docs.cntd.ru. (2016) *Ob obshchestvennom kontrole v Sverdlovskoy oblasti: zakon Sverdlovskoy oblasti ot 19 dekabrya 2016 g. № 151-OZ* [On public control in Sverdlovsk Oblast: the law of Sverdlovsk Oblast of December 19, 2016, No. 151-OZ]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/429088309>. (Accessed: 01.08.2018).
47. Opso66.ru. (2015) *Polozenie o konsul'tantakh-ekspertakh Obshchestvennoy palaty Sverdlovskoy oblasti: reshenie Soveta Obshchestvennoy palaty Sverdlovskoy oblasti ot 27 fevralya 2015 g.* [Regulations on expert consultants of the Public Chamber of Sverdlovsk Oblast: decision of the Council of the Public Chamber of Sverdlovsk Oblast]. [Online] Available from: http://www.opso66.ru/upload_files/polozenie-o-konsultantakh-ekspertakh-obshchestvennoy-palaty-sverdlovskoy-oblasti.pdf. (Accessed: 01.08.2018).

Received: 16 October 2018

О.В. Колесова, Н.Н. Минаев, Р.В. Оплаканская

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОРОДА СИБИРИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-510-22001.

Рассмотрены современные тенденции развития двух университетских городов Сибири – Новосибирска и Томска. В литературе отсутствуют четкие критерии для сравнения университетских городов. Проанализировав европейские методики, авторы предлагают рабочие критерии. Анализ показывает, что научно-образовательный комплекс Томска и Новосибирска делает их привлекательными для отечественных и иностранных студентов, при этом уменьшение численности студенчества повышает конкуренцию между городами. Важным конкурентным преимуществом становится поддержка инфраструктурных проектов развития научно-образовательного комплекса со стороны городских властей.

Ключевые слова: университетские города; экономика знаний; университет 3.0.

В контексте глобализации высшего образования возрастает конкуренция не только между университетами, но и между регионами. По данным Международного института планирования образования (МИПО) при ЮНЕСКО, количество учащихся вузов за последние 15 лет удвоилось (214 млн чел. в 2015 г. против 100 млн в 2000 г.) [1], при этом 4,5 млн студентов обучаются в других странах по программам академической мобильности (данные Campus France, 2017). Увеличение доли студенческого населения и ориентация городской экономики, инфраструктуры на студенческое сообщество отражены, в частности, в методологии рейтинга QS Best Student City [2].

Соответственно, университеты становятся все более важным двигателем социально-экономического и социокультурного развития городов, особенно в аспекте создания новых технологий. Под влиянием технологических прорывов происходит трансформация всех сфер жизни общества. По мнению М. Кастельса, производительность и конкурентоспособность агентов «экономики знаний» (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях [3. С. 4].

Одним из инструментов формирования информационного общества и способом воспроизводства его интеллектуального потенциала является университет. Значение университетов возрастает, они становятся одним из факторов экономической и инвестиционной привлекательности городов. Поэтому городские власти заинтересованы в развитии университетов (сети вузов) и превращении городов в центры науки и образования [4]. Под «университетским городом» понимается особый тип территориальной социально-экономической системы, где основой потребления и распределения являются информация и знания (в том числе новые) как нематериальные ресурсы. Кроме того, университетскому городскому сообществу присущи особые ментальные и культурные установки. Ряд западноевропейских работ посвящен актуализации отношений «города и мантии», сравнительному страновому и международному анализу и выявлению критериев университетских городов. Наиболее близкими по теме можно считать статьи голландских ис-

следователей Виллема ван Виндена и Лео ван ден Берга [5], которые особое внимание уделяют изучению роли городов в экономике знаний. Они вводят понятие «университетский город» и предлагают определенную типологию такого рода городов для Западной Европы. Однако в этих работах отсутствует четкая формулировка критериев университетского города, не говоря о том, что российский материал авторами вообще не рассматривался.

Понятие «университетский город» фигурирует и в списке объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [6], котором университетские города представлены в качестве архитектурных (Каракас, Мехико) или культурно-исторических комплексов (Алькала-де-Энарес, Коимбра), позиционируя тем самым международную значимость университетов, их связи с глобальными культурными процессами. Понятие «университетский город» вошло в научный оборот, но пока еще не получило серьезного теоретического обоснования. Цель данного исследования – предложить рабочие критерии университетского города и проверить их с помощью анализа эмпирического материала – практик современных университетских городов. В предлагаемой статье представлены результаты компаративного исследования университетских городов – Новосибирска и Томска.

Проанализировав работы западноевропейских исследователей (подчеркнем, что примеры недавно созданных и бурно развивающихся азиатских, а также американских и южноамериканских городов не анализировались), критерии включения в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО и методику составления рейтинга QS Best Student Cities, авторы предлагают выделить несколько базовых критериев университетского города: 1) наличие сети университетов с долей студентов в городском населении, превышающей среднюю по стране; 2) значительный совокупный вклад организаций научно-образовательного комплекса в ВРП города; 3) глобальная репутация города как научно-образовательного центра (включение города в международные рейтинги университетских / студенческих городов и попадание расположенных здесь университетов в национальные и интернациональные рейтинги); 4) осознание городскими и региональными властями ключевой роли

развития научно-образовательного комплекса и включение его в стратегические приоритеты, а также самоидентификация горожан как жителей университетского города (данный критерий нуждается в верификации путем социологических исследований, которые планируются провести в конце 2018 г.).

В зависимости от формы социально-культурного и экономического взаимодействия городского и университетского сообществ можно выделить следующие типы университетских городов: *города-университеты* (университет формирует значительную долю ВРП; наиболее известные примеры – Оксфорд и Кембридж); *города с международно признанным университетом* (университет входит в топ-500 мировых вузов; хорошим примером может служить Коимбра (Португалия)); *города с сетью университетов международного, национального и регионального значения* (университеты оказывают существенное влияние на уровень диверсификации экономики города) [7], причем последнюю группу можно подразделить на несколько подгрупп с учетом размера городов.

По мнению авторов, Томск и Новосибирск относятся к третьему типу университетских городов. Томск – старый сибирский город, в котором в конце XIX в. появились первые высшие учебные заведения за Уралом – Императорский Сибирский университет (ныне ТГУ) и Технологический институт (ныне ТПИ). Новосибирск – молодой по меркам Сибири город, который стал интенсивно развиваться лишь в XX в., а первые высшие учебные заведения появились здесь в период индустриализации (1920–1930-е гг.). В настоящее время в обоих городах имеется развитая сеть вузов, которыми реализуется широкий спектр образовательных программ, что привлекает абитуриентов не только из Сибирского федерального округа и других регионов России, но и из-за рубежа. Значительным фактором привлекательности городов для абитуриентов и студентов является наличие университетов, входящих в международные рейтинги (Новосибирский государственный университет, Томский государственный университет, Томский политехнический университет). Что касается осознания ключевой роли университетов городскими властями, то в 2014 г. мэрия Томска даже зарегистрировала товарный знак «Томск – студенческая столица России» [8].

В 2017 г. Томск и Новосибирск впервые вошли в список 100 лучших студенческих городов мира по версии британской компании Quacquarelli Symonds – QS (91-я и 93-я позиции в рейтинге QS Best Student Cities – 2017). Кроме них в рейтинге QS фигурировали Москва и Санкт-Петербург (39-я и 78-я позиции соответственно) [9]. Критерии рейтинга QS указывают на новую тенденцию развития университетских городов – их привлекательность зависит не только от наличия престижных вузов, но и от условий, которые делают жизнь студенчества максимально комфортной (развитая инфраструктура, возможности для трудоустройства после завершения обучения, безопасность и пр.). Это подтверждается данными опроса британских студентов, согласно которым в выборе места учебы город начинает играть даже большую роль, чем университет [10. С. 89].

Сеть вузов. Необходимость создания и развития вузов нового типа в России привела к появлению федеральных [11], национальных исследовательских (НИУ) [12] и опорных университетов [13]. Вузы Новосибирска и Томска отвечают требованиям времени: из 29 НИУ РФ в этих городах Сибири расположены три – Новосибирский государственный, Томский государственный, Томский политехнический университеты. Перечисленные университеты стабильно входят в десятку лидирующих вузов национального рейтинга и каждый год улучшают свои позиции в международных рейтингах. В 2017 г. статус опорного университета получили Новосибирский государственный технический университет и Сибирский государственный медицинский университет (Томск).

В настоящее время в Томске кроме двух НИУ функционируют один опорный университет, три федеральных государственных образовательных организации высшего образования, четыре филиала крупных учебных заведений из других регионов России и один частный вуз. Всего в научно-образовательном комплексе Томской области задействовано более 15% экономически активного населения региона. Подготовка кадров осуществляется по 145 направлениям. В ней принимают участие более 1 350 докторов и около 4 500 кандидатов наук. В системе научно-образовательного комплекса Томской области работают 50 академиков и членов-корреспондентов различных государственных академий (включая двух Нобелевских лауреатов). Совокупный бюджет организаций научно-образовательного комплекса в 2017 г. составил более 25 млрд руб. (около 19% ВРП). Развитие комплекса входит в число приоритетных направлений развития Томской области. Цель программы «ИНОТомск» – создание инновационного территориального центра в Томской агломерации, концентрирующего передовые производства, качественные человеческие ресурсы и новую технологическую базу. Развитие научно-образовательного парка включает реализацию 24 инфраструктурных проектов – строительство общежитий, лабораторных корпусов, жилых домов для преподавателей и иностранных студентов [14].

В Новосибирске и Новосибирской области действуют 15 государственных вузов федерального подчинения, 6 филиалов государственных вузов федерального подчинения, один государственный вуз областного подчинения, в их числе один НИУ (НГУ) и один – опорный (НГТУ) [15]. Наука в Новосибирске и Новосибирской области представлена 43 академическими институтами, 7 международными исследовательскими центрами, 3 технопарками. Научными исследованиями и разработками в области занято более 120 крупных и средних организаций. Списочная численность работников, выполняющих научные исследования и разработки, составила около 22 тыс. человек. 69,5% работников научных организаций имеют высшее профессиональное образование, из них 10,7% имеют степень доктора наук и 25% – кандидата наук [16]. Согласно действующему в Новосибирской области законодательству, затраты регионального бюджета на поддержку научной и инновационной деятельности ежегодно должны составлять не менее 1,5% от

всех расходов. В 2016 г. ВРП Новосибирской области составил 1 084 635,0 млн руб. В сфере общественных услуг (в том числе образование, научные исследования и разработки) формируется более 38% ВРП. Однако в чистом виде доля науки и образования составляет лишь 6,3% ВРП [17].

На официальных порталах города и области научно-образовательный комплекс рассматривается как один из факторов инвестиционной привлекательности субъекта Федерации. Инвестиционные проекты (2018–2025 гг.), заявленные регионами в различных сферах, включают развитие локальных форм инфраструктуры экономики знаний – технико-внедренческой зоны, технопарков, университетских комплексов. Проект технопарка Новосибирского Академгородка, как и технико-внедренческой зоны в Томске, нацелен на дальнейшее развитие научных центров. Цель Программы реиндустриализации экономики Новосибирской области – ускорение развития экономики путем создания новых высокотехнологичных отраслей. Формируется запрос на подготовку кадров по определенным специальностям, что может стать модельным примером формирования связей между наукой, образованием и бизнесом. Среди проектов программы реиндустриализации Новосибирской области предусмотрены и инфраструктурные – флагманский проект «Умный регион» нацелен на внедрение интеллектуальных технологий в городскую инфраструктуру [18]. В настоящее время разрабатываются предложения по созданию новой модели комплексного развития научного центра в Новосибирской области, который получил рабочее название «Академгородок 2.0», с целью институционально оформить неформальную интеграцию Новосибирского научного центра СО РАН, НГУ, наукограда Кольцово, где расположен крупный комплекс биотехнологических предприятий и медицинский биотехнопарк, Сибирского федерального биомедицинского исследовательского центра имени академика Е.Н. Мешалкина, институтов медицинского и сельскохозяйственного профиля, Академпарка [19].

Доля студентов. По данным Росстата, в 2016–2017 учебном году в государственных и частных высших учебных заведениях Томской области обучалось 59,8 тыс. чел., в Новосибирской области – 105,6 тыс. чел. [20. С. 178]. Данные статистики демонстрируют устойчивую тенденцию уменьшения численности студенчества (главным образом за счет ликвидации неэффективных вузов, прежде всего филиалов) как в целом по стране, так и по СФО и его субъектам. С 2013 г. численность студентов высшей школы снизилась в Томской области на 9,8% (с 66,3 до 59,8 тыс. чел.), а в Новосибирской – на 16,45% (с 126,4 до 105,6 тыс. чел.). Однако по сравнению с соседними регионами с развитой сетью вузов и по СФО в целом ситуация выглядит несколько лучше: в СФО численность студентов уменьшилась на 21,5% (с 732,6 до 575,1 тыс. чел.), в Красноярском крае – на 20,39% (с 102,5 до 81,2 тыс. чел.), в Иркутской области – на 27,35% (с 98,7 до 71,7 тыс. чел.). Одновременно происходило и уменьшение доли студентов по отношению к городскому населению, которое в рас-

сматриваемый период возрастало, хотя и незначительно: в Томске – на 4,36%, в Новосибирске – на 4,92% [21].

Возможность поддержать высокую долю студенчества – привлечение иностранных студентов. В соответствии с рейтингом QS за 2016 г. Россия занимает 26 место из 50 по количеству иностранных студентов, уступая развивающимся странам, таким как Китай, Южная Корея, Тайвань, Аргентина и Индия (8-, 9-, 17-, 18-, 24-я позиции рейтинга соответственно) [22]. Чтобы исправить ситуацию, в 2017 г. Правительством РФ был запущен приоритетный проект «Экспорт образования», по итогам реализации которого количество иностранных студентов в России должно вырасти с 220 тыс. чел. в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г. [23]. Томск и Новосибирск являются активными участниками этого процесса. В настоящее время в вузах Томска обучаются студенты из 58 стран мира [14]. В Новосибирске в одном только НГУ проходят обучение иностранные студенты из 63 стран мира [24].

Акцент, сделанный на приоритетное развитие научно-образовательного комплекса, в стратегиях рассматриваемых сибирских университетских городов приводит к ожидаемому эффекту – росту привлекательности для абитуриентов. Анализ миграции студентов сотрудниками ВШЭ за 2005–2013 гг. показал, что лидерами по приросту иногородних студентов стали Санкт-Петербург (1-е место), Томск (2-е место), Москва (3-е место) и Новосибирск (4-е) [25]. Вхождение в топ-100 рейтинга QS Best Student City, где среди критериев, помимо прочих, с 2017 г. фигурируют толерантность, опыт самих студентов и их желание остаться в городе, доказывает соответствие современных тенденций развития Новосибирска и Томска актуальным мировым трендам.

Согласно выводам исследования «Креативный класс и креативный город: российское преломление», проводившегося в 2012 г. ИЭП им. Е.Т. Гайдара и РАНХиГС, Новосибирск привлекает молодых людей высоким качеством образования расположенных в городе вузов и научным потенциалом. Интерес к научной деятельности прививается в учреждениях среднего образования, в частности физико-математической школе НГУ, в которой обучается талантливая молодежь из разных регионов [26]. Привлекательность высокорейтинговых томских университетов дополняется благоприятной для студенчества городской средой. Томские исследователи Е.В. Сухушина, А.Ю. Рыкун, Н.П. Погодаев на основании опросов томичей, проведенных в 2012 г., отмечают, что все респонденты указали на самобытность Томска, наличие у него особой уникальной атмосферы, сочетающей провинциальность и уют с «молодым духом» [27].

Анализ сравнительных характеристик выбранных сибирских университетских городов позволяет сделать вывод о том, что Томск ближе к классическому университетскому городу в европейском понимании. Он, несомненно, выигрывает по критерию самоидентификации и позиционированию себя как университетского города. Это единственный город в России, в Уставе которого научно-образовательный комплекс закреплён в качестве градообразующего. По количеству студентов на 10 тыс. жителей Томск занимает

третье место в России после Москвы и Санкт-Петербурга. Для крупной сибирской метрополии – Новосибирска (по аналогии с европейскими метрополиями) – статус университетского города является второстепенным. Косвенным подтверждением этого вывода служит и изменение позиции описываемых городов в рейтинге QS Best Student City: в 2018 г. Томск поднялся на 74-ю позицию, опередив Санкт-Петербург (76), а Новосибирск опустился на 96-ю [2].

Общей для двух городов тенденцией развития в последние 5 лет стало сокращение студентов и количества вузов, в связи с чем повышается не только межвузовская, но и межрегиональная конкуренция за абитуриентов. Новосибирск и Томск являются наиболее сильными конкурентами среди сибирских университетских городов, причем конкуренция усиливается их географическим соседством. Важным конкурентным преимуществом в ближайшие годы станет поддержка инфраструктурных проектов развития научно-образовательного комплекса со стороны региональных и городских властей. В частности, можно привести в пример готовящийся по поручению Президента РФ проект развития Новосибирского научного центра «Академгородок 2.0», который подразумевает строительство новых объектов научной инфраструктуры, включая источник синхротронного излучения нового поколения СКИФ. Реализация такого проекта, несомненно, повысит привлекательность университетского города не только для отечественных абитуриентов, но и для иностранных граждан.

В условиях возрастающей конкуренции между университетскими городами ключевым фактором их развития становится сотрудничество между собой всех местных вузов и их тесное взаимодействие с региональными и городскими властями. Активизация работы Ассоциации некоммерческих организаций «Томский консорциум научно-образовательных и научных организаций», образованной 4 апреля 2012 г., может стать одним из драйверов социально-экономического развития этого университетского города. В консорциум входят 7 университетов, 10 академических институтов и Томский научный центр СО РАН. Томский консорциум является важным составным элементом проекта ИНО' Томск 2020 [28].

Модель «умной» специализации регионов требует выстраивания структурированного диалога между органами государственной власти, научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, предпринимательским сообществом, общественными организациями для формирования единого представления о стратегических направлениях развития. Для университетского города особенно важен согласованный комплексный сценарий развития экономики, обеспечивающий постоянное и долговременное участие в его реализации заинтересованных сторон, с целью минимизировать конфликтную составляющую во взаимоотношениях между жителями города и студентами, характерную для современного тренда студентификации городов [29. С. 125].

ЛИТЕРАТУРА

1. Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. URL: <http://www.iiep.unesco.org/fr/lenseignement-superieur-en-tant-que-bien-commun-4445> (дата обращения: 11.12.2017).
2. QS Best Students Cities. URL: <https://www.topuniversities.com/best-student-cities/methodology> (accessed: 25.02.2017).
3. Castells M. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford; Malden, MA : Blackwell, 2004. 295 p.
4. Конкин А.И. Университет в системе городской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2007. URL: <http://diss.seluk.ru/av-kulturologiya/777936-1-universitet-sisteme-gorodskoy-kulturi.php> (дата обращения: 03.12.2017).
5. van Winden W., van den Berg L., Pol P. European Cities in the Knowledge Economy: towards a typology. 2007. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1080/00420980601131886> (accessed: 01.02.2018).
6. World Heritage list of UNESCO. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/>
7. British university cities. URL: <http://www.huxleyreviews.co.uk/student-cities.html/> (accessed: 03.12.2017).
8. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. URL: http://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet?DB=RUTM&DocNumber=557843&TypeFile=html (accessed: 11.05.2018).
9. QS Topuniversities. Best Student Cities. URL: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2017> (accessed: 03.12.2017).
10. Белов В.Б., Колесова О.В., Поморина И.В., Оплаканская Р.В. «TOWN AND GOWN»: университет в городском социально-экономическом и культурно-историческом пространстве Европы (на примере Великобритании, Германии, Франции и Польши) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 87–97.
11. О федеральных университетах: указ Президента РФ от 7 мая 2008 г. № 716. URL: <http://base.garant.ru/193234/#ixzz51gfl6Rzm> (дата обращения: 28.12.2017).
12. Проект 5/100 // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <https://5top100.ru/> (дата обращения: 19.12.2017).
13. Опорный университет РФ. URL: <http://xn--b1agajcc1abgkngqbh6l.xn--p1ai/> (дата обращения: 19.12.2017).
14. Научно-образовательный комплекс // Инвестиционный портал Томской области. URL: http://www.investintomsk.ru/tomskaya_oblast/invest-potential/nauchnoobrazovatelnyj_kompleks/ (дата обращения: 14.12.2017).
15. Официальный сайт города Новосибирска. URL: <http://novo-sibirsk.ru/to-citizens/economy/science/> (дата обращения: 14.12.2017).
16. Общие сведения // Правительство Новосибирской области. URL: <https://www.nso.ru/page/2264> (дата обращения: 10.01.2018).
17. ВПП Российской Федерации Сибирского федерального округа и Новосибирской области // Новосибирскстат. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat.ru/statistics/grp/ (дата обращения: 11.11.2018).
18. Программа реиндустриализации Новосибирской области до 2025 года. URL: <https://www.nso.ru/page/15755> (дата обращения: 10.01.2018).
19. «Академгородок 2.0». Новые горизонты // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcd6alict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=bd48eddf-8db8-43b1-89fe-728174ab5c9a> (дата обращения: 11.11.2018).
20. Российский статистический ежегодник. 2017 : стат. сб. М., 2017. 686 с.
21. Российский статистический ежегодник. 2016 : стат. сб. М., 2016. 725 с.
22. QS Higher Education System Strength Rankings 2016. URL: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2016#sorting=rank+custom=rank+order=desc+search> (accessed: 18.12.2017).
23. О приоритетном проекте «Экспорт образования». URL: <http://government.ru/info/27864> (дата обращения: 28.12.2017).
24. Отчет ректора за 2017 г. // Новосибирский государственный университет. URL: https://www.nsu.ru/n/sveden/document/?sphrase_id=153379 (дата обращения: 11.11.2018).

25. Вести Новосибирск. URL: http://www.nsktv.ru/news/education/sotsiologi_v_tomsk_priezzhaet_bolshe_studentov_chem_v_novosibirsk_031020161045/ (дата обращения: 04.07.2017).
26. Стародубовская И.В., Лободанова Д.Л. Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика. 2013. № 5. С. 127–149.
27. Сухушина Е.В., Рыкун А.Ю., Погодаев Н.П. Городское пространство – опыт исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 84–97.
28. Ассоциация некоммерческих организаций «Томский консорциум научно-образовательных и научных организаций». URL: <http://unitomsk>
29. Smith D.P., Sage J., Balsdon S. The geographies of studentification: 'here, there and everywhere'? // Geography. 2014. Т. 99.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 декабря 2018 г.

Siberian University Cities: Trends of Development, Challenges, Opportunities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 106–111.

DOI: 10.17223/15617793/438/14

Olga V. Kolesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Novosibirsk Regional Resource Center (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kolesova@list.ru

Nikolay N. Minaev, Department of Science and Higher Education of Tomsk Region Administration (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nnminaev@mail.ru

Renata V. Oplakanskaya, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roplakanska@mail.ru

Keywords: university cities; knowledge economy; University 3.0; Best Students Cities; sustainable development.

This article represents a comprehensive study of the different types of the modern trends of development of two Siberian University Cities, Novosibirsk and Tomsk, which belong to different patterns of a university city. One of the implements of knowledge society development as well as the means of intellectual potential reproduction is a university. The age of globalization fosters universities competition, both nationally and internationally. Nowadays higher education is a necessary condition for successful economic development of countries and regions. A university as an institution makes a significant impact on a city's history and economy. Generally, a university has been the main growth factor for a city, taking into consideration new technologies and new jobs creation. University cities are the drivers of the knowledge economy. That is the reason for the interest in universities network development from the local authorities. The term 'university city' is interpreted by the research group as a complex of several interconnected elements, including material (economy, infrastructure), mental (intellectual, moral and spiritual peculiarities of specific social communities), social and cultural, economic (university as a basis for knowledge economy) and ecological (environmentally friendly university campus of the future) components. A university city has a special type of social and economic ecosystem, where information and knowledge (as non-material resources) are the basis of consumption and distribution. Recently, Tomsk and Novosibirsk were ranked 91st and 93rd, respectively, in the QS Best Student Cities World Ranking. QS Ranking criteria reflect a new tendency of university cities development – nowadays their attraction depends both on high-level universities presence and comfortable conditions for students. The comprehensive analysis included such a criterion as the availability of the network of universities and scientific centers, the leading role of the educational and scientific system in the strategy of the city's development and the share of students in the city population. The well-developed educational and scientific system raises the desirability of cities for national and international students. Programs of support from the federal and regional authorities are advantageous for university cities. The declining number of students is certainly a negative factor, which boosts competition for university entrants between university cities. The main competitive advantage will be state support of infrastructure projects in university cities. The examples of Tomsk and Novosibirsk demonstrate estimated results. Thus, since the beginning of this century, both cities have been the most attractive in Siberia for university entrants.

REFERENCES

1. UNESCO International Institute for Educational Planning. (2018) *Higher education as a global common good*. [Online] Available from: <http://www.iiep.unesco.org/fr/lenseignement-superieur-en-tant-que-bien-commun-4445>. (Accessed: 11.12.2017).
2. QS Top University. (2018) *QS Best Students Cities*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/best-student-cities/methodology>. (Accessed: 25.02.2017).
3. Castells, M. (2004) *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Oxford; Malden, MA: Blackwell.
4. Konkin, A.I. (2007) *Universitet v sisteme gorodskoy kul'tury* [University in the system of city culture]. Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don. [Online] Available from: <http://diss.seluk.ru/av-kulturologiya/777936-1-universitet-sisteme-gorodskoy-kulturi.php>. (Accessed: 03.12.2017).
5. van Winden, W., van den Berg, L. & Pol, P. (2007) *European Cities in the Knowledge Economy: towards a typology*. [Online] Available from: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1080/00420980601131886>. (Accessed: 01.02.2018).
6. UNESCO. (n.d.) *World Heritage list of UNESCO*. [Online] Available from: <http://whc.unesco.org/en/list/>.
7. Huxleyreviews.co.uk. (n.d.) *British university cities*. [Online] Available from: <http://www.huxleyreviews.co.uk/student-cities.html/>. (Accessed: 03.12.2017).
8. The Federal Service for Intellectual Property. (2014) *Tomsk – studencheskaya stolitsa Rossii* [Tomsk is the student capital of Russia]. [Online] Available from: http://www1.fips.ru/fips_serv1/fips_servlet?DB=RUTM&DocNumber=557843&TypeFile=html. (Accessed: 11.05.2018).
9. QS Top University. (2017) *Best Student Cities*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2017>. (Accessed: 03.12.2017).
10. Belov, V.B., Kolesova, O.V., Pomorina, I.V. & Oplakanskaya, R.V. (2016) "Town and gown": university in the city of socio-economic and cultural-historical space of Europe (for example of Great Britain, Germany, France and Poland). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (44). pp. 87–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/12
11. Garant.ru. (2008) *O federal'nykh universitetakh: ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2008 g. № 716* [On federal universities: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2008, No. 716]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/193234/#ixzz51gf16Rzm>. (Accessed: 28.12.2017).
12. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2017) *Proekt 5/100* [Project 5–100]. [Online] Available from: <https://5stop100.ru/>. (Accessed: 19.12.2017).
13. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2017) *Opornyy universitet RF* [Support University of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://xn--b1agajcc1abgakngqb61.xn--p1ai/>. (Accessed: 19.12.2017).

14. Investment Portal of Tomsk Region. (n.d.) *Nauchno-obrazovatel'nyy kompleks* [Scientific and educational complex]. Investitsionnyy portal Tomskoy oblasti. [Online] Available from: http://www.investintomsk.ru/tomskaya_oblast/invest_potential/nauchnoobrazovatelnyj_kompleks/. (Accessed: 14.12.2017).
15. The official website of Novosibirsk. [Online] Available from: <http://novo-sibirsk.ru/to-citizens/economy/science/>. (Accessed: 14.12.2017). (In Russian).
16. Government of Novosibirsk Oblast. (2018) *Obshchie svedeniya* [General Information]. [Online] Available from: <https://www.nso.ru/page/2264>. (Accessed: 10.01.2018).
17. Novosibirskstat. (2018) *VRP Rossiyskoy Federatsii Sibirskogo federal'nogo okruga i Novosibirskoy oblasti* [The GRP of the Russian Federation of the Siberian Federal District and Novosibirsk Oblast]. [Online] Available from: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics/grp/. (Accessed: 11.11.2018).
18. Government of Novosibirsk Oblast. (2018) *Programma reindustrializatsii Novosibirskoy oblasti do 2025 goda* [The program of re-industrialization of Novosibirsk Oblast until 2025]. [Online] Available from: <https://www.nso.ru/page/15755>. (Accessed: 10.01.2018).
19. Presidential Grants for Civil Society Development Foundation. (2018) *"Akademgorodok 2.0". Nove gorizonty* ["Akademgorodok 2.0". New Horizons]. [Online] Available from: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=bd48eddf-8db8-43b1-89fe-728174ab5c9a>. (Accessed: 11.11.2018).
20. Rosstat. (2017) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2017* [Russian statistical yearbook. 2017]. Moscow: Rosstat.
21. Rosstat. (2016) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2016* [Russian statistical yearbook. 2016]. Moscow: Rosstat.
22. QS Top University. (2016) *QS Higher Education System Strength Rankings 2016*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2016#sorting=rank+custom=rank+order=desc+search>. (Accessed: 18.12.2017).
23. O prioritetnom proekte "Eksport obrazovaniya". [Online] Available from: <http://government.ru/info/27864>. (Accessed: 28.12.2017).
24. Novosibirsk State University. (2017) *Otchet rektora za 2017 g.* [Rector's report for 2017]. [Online] Available from: https://www.nsu.ru/n/sveden/document/?sphrase_id=153379. (Accessed: 11.11.2018).
25. Vesti Novosibirsk. (2016) *Sotsiologi: Tomsk obognal Novosibirsk po chislu priyemnykh studentov* [Sociologists: Tomsk has overtaken Novosibirsk in the number of visiting students]. [Online] Available from: http://www.nsktv.ru/news/education/sotsiologi_v_tomsk_priyemnykh_bolshe_studentov_chem_v_novosibirsk_031020161045/. (Accessed: 04.07.2017).
26. Starodubrovskaya, I.V. & Lobodanova, D.L. (2013) Creative Class and Creative City: the Russian Dimension. *Ekonomicheskaya politika – Economic Policy*. 5. pp. 127–149. (In Russian).
27. Sukhushina, E.V., Rykun, A.Yu. & Pogodaev, N.P. (2014) The city space intergenerational. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (25). pp. 84–97. (In Russian).
28. Tomsk Consortium of Scientific-Educational and Scientific Organizations. [Online] Available from: <http://unitomsk.ru>. (In Russian).
29. Smith, D.P., Sage, J. & Balsdon, S. (2014) The geographies of studentification: "here, there and everywhere"? *Geography*. 99.

Received: 12 December 2018

ИСТОРИЯ

УДК 001.32:001.89:338(470.1/2)''193/194''

А.А. Бровина

СЕВЕРНАЯ БАЗА АН СССР В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (1933–1941 гг.)

На основе архивных и опубликованных источников показана история создания и деятельности Северной базы Академии наук СССР в 1930–1940-х гг. в контексте исторической роли Академии наук в изучении северных территорий России. Подробно рассмотрены ключевые сюжеты становления научного учреждения, формирование научного коллектива, научных программ и планов, организации взаимодействия научного сообщества с руководящими и хозяйственными органами Северного края, первые результаты научных изысканий.

Ключевые слова: Северная база Академии наук СССР; освоение северных территорий России.

Региональная наука – неотъемлемая часть отечественной науки, имеет свою историю, бесценный опыт и богатейшее документальное научное наследие и является недостаточно изученной научной проблемой. Европейский Север России всегда находился и находится в зоне особых приоритетов государства. Современная задача научного сообщества – действенное участие в обеспечении устойчивого развития северных, арктических и приарктических территорий России – тесно связана с историческим опытом участия академической науки в освоении этих территорий. Осмысление исторического опыта важно и актуально для решения современных проблем взаимодействия науки и власти, поиска путей взаимовыгодного сотрудничества в условиях реформирования государственной научной системы.

Интерес к северным территориям, к их природным ресурсам активизировался в период экономического кризиса, вызванного Первой мировой войной. Прерванные экономические связи обнажили проблему нехватки стратегического сырья (угля, серы, алюминия, бария, бора, сурьмы), необходимого для военной техники. По инициативе В.И. Вернадского в 1915 г. создана Комиссия по изучению естественных производительных сил [1. С. 6]. В Архангельске действовало бюро Северного отдела КЕПС [2. С. 193]. Значительное место северная тематика занимала в работах постоянной Полярной комиссии Академии наук [3. С. 336–346]. Развитие ее работ в 1930-х гг. привело к созданию в Архангельске первого стационарного академического научного учреждения – Северной базы АН СССР, деятельность которой имела большое научное и научно-организационное значение в контексте освоения территорий Европейского Севера России. Однако ее история представлена в исследованиях фрагментарно [4–7].

Цель данной статьи – реконструировать процесс создания и деятельность первого в Северном крае академического научного учреждения, показать вклад ученых-исследователей в накопление научных знаний о северном регионе в контексте решения приоритетных государственных программ и создании научных организаций на Европейском Севере России в первой половине XX в. Для решения поставленных задач бы-

ли выявлены и использованы неопубликованные архивные документы Архива РАН, Государственного архива Архангельской области, Научного архива Коми научного центра УрО РАН и Национального архива Республики Коми. Привлечены научные труды сотрудников Северной базы АН СССР.

После революционных событий 1917 г. Север стал опорой для выхода из затяжного экономического кризиса. Первые лица советского государства не понаслышке знали о природных богатствах Севера. Многие из них отбывали здесь политическую ссылку (И.В. Сталин в Сольвычегодске, А.И. Рыков в Пинежском уезде, К.Е. Ворошилов в Мезени и Холмогорах) и осознавали значение Севера для хозяйственного развития страны [5. С. 237]. В первые годы советской власти на северные территории смотрели как на стратегические районы, развитие которых могло содействовать выходу из затяжного общероссийского кризиса.

В 1920–1930-е гг. партийные и хозяйственные организации Архангельской губернии, а затем и Северного края проделали большую работу по привлечению внимания центральных правительственных и научных организаций к своему краю. В 1925 г. в Архангельске состоялась Первая областная конференция по изучению производительных сил, на которой была создана Ассоциация научных работников Севера [8. С. 50–51]. Вторая конференция по изучению производительных сил Северного края проведена 16–24 апреля 1931 г. В ее работе приняли участие свыше 200 делегатов от центральных научно-исследовательских и хозяйственных учреждений (Академии наук, Московского госуниверситета, Геологоразведочного управления, научно-исследовательских институтов Арктики, океанографии, торфа, угля, рыбного хозяйства, энергетики и электрификации и др.).

На конференции присутствовал ученый секретарь Полярной комиссии АН СССР А.И. Толмачев, который представил план научно-исследовательских работ в Северном крае. К началу 1930-х гг. коренная перестройка академической науки достигла своего апогея. Основными показателями этого процесса стали: внедрение планов в исследовательскую деятельность, включение научного потенциала в планы индустриализации путем координации теоретических исследо-

ваний с работами прикладного характера, прежде всего ресурсного направления. В русле данных требований были сформулированы задачи Академии наук, которые озвучил А.И.Толмачев на конференции. Целевой установкой стало комплексное изучение производительных сил страны путем широкого научного освещения всех сторон природы и населения Севера, выявляя те особенности, которые могут иметь решающее значение с практической точки зрения и дать предпосылки для определения основных линий хозяйственного развития страны. В условиях Севера проблема освоения территории и распространения хозяйственного строительства на нетронутые его части теснейшим образом была связана с развитием путей сообщения. Исследователи отправлялись в районы намеченного строительства и должны были направлять строительство в соответствии с результатами исследований. Основными районами, требующими комплексного освещения, были определены районы в бассейнах рек Мезени и Печоры, а также тундры Северного края [9. Л. 36–37].

По докладу на конференции было вынесено решение о необходимости учреждения краевого научно-исследовательского центра; важными были признаны работы по освоению Печорского каменноугольного бассейна, прежде всего территории бассейнов р. Печоры, Усы и Мезени, восточной части Большеземельской тундры; средней части Тиммана; южной части Новой Земли [Там же. Л. 34]. По результатам конференции были изданы три тома материалов, в которых отражено современное состояние по изучению и освоению производительных сил края и перспективы в плане создания баз для детальных работ по изучению полезных ископаемых и развитию оленеводства [10]. Проведенные научно-организационные работы способствовали тому, что в 1933 г. в Северный край была направлена Комплексная экспедиция Полярной комиссии АН СССР – Печорская бригада [11. С. 26–59]. Не останавливаясь на подробностях ее работы, отметим важнейший результат. По решению Президиума АН СССР с 1 января 1934 г. в центре Северного края, г. Архангельске был создан краевой филиал Полярной комиссии – Бюро Полярной комиссии АН СССР [12. С. 69–71]. В документах и публикациях того периода часто встречается его измененное название – Бюро по изучению Северного края, или Севбюро Полярной комиссии. Положение о Бюро было утверждено Президиумом АН СССР 15 декабря 1933 г. [13. Л. 215 об.]. Председателем стал А.И. Толмачев, в состав Совета Бюро вошли действительные члены Полярной комиссии (А.А. Чернов, Н.А. Кулик, С.В. Керцелли, Н.М. Книпович, А.П. Шенников) и ряд научных и руководящих работников краевых учреждений, руководители Крайплана (И.А. Перфильев, М.Я. Рознер, Н.Г. Рослов, В.А. Горохов, А.А. Евдокимов, М.В. Дурнов, В.И. Лебедев и др.) [14. С. 54]. В распоряжении Бюро имелась небольшая специальная библиотека. По функциям созданная организация была близка к Полярной комиссии, объединяла работы и осуществляла исследовательские работы применительно к территории Северного края. Бюро поддерживало контакты с Академией наук и

краевыми учреждениями, разрабатывало проблематику научно-исследовательских работ по краю.

Центральное положение в планах работ на 1934 г. занимали вопросы планирования научных исследований в части развития Архангельского промышленного узла и Югорского [на крайнем Северо-Востоке Северного края] народнохозяйственного узла, геологических изысканий, изучения проблем оленеводства и растительных ресурсов в связи с сельскохозяйственным развитием края. Наряду со своими задачами Бюро рассматривало и планы текущей работы краевых учреждений в целях уточнения и достижения их соответствия нуждам края. Первоочередной задачей было освоение уже накопленных на протяжении десяти лет, предшествовавших созданию Бюро, научных материалов по Северному краю. Ю.Д. Цинзерлингу было поручено закончить обработку геоботанических материалов по пойме средней Печоры (от устья р. Щугора до устья р. Усы), собранных им здесь восемь лет назад. В.Н. Андреев занимался обработкой геоботанических материалов по району Ухты. Данные районы, в связи с их промышленным освоением, нуждались в развитии сельскохозяйственной базы, поэтому обработка и опубликование названных материалов имели первостепенное значение. Для углубления знаний по стратиграфии Припечорья Бюро организовало обработку палеонтологических материалов, собранных в течение ряда лет на правобережье средней р. Печоры и левобережье р. Усы А.А. Черновым и его сотрудниками. Новой, самостоятельной темой стало начатое по просьбе Севкрайсоюза изучение промысла белой куропатки (А.Ф. Брюханов) [15. С. 35–37].

Одним из направлений деятельности Бюро стала подготовка рукописей о Северном крае. По инициативе А.П. Карпинского началась подготовка пятитомного труда «Проблемы Печорского края». Непременный секретарь АН СССР Н.П. Горбунов 16 декабря 1935 г. дал согласие готовить сборник «Проблемы Печорского края» и серию брошюр об освоении Печорского края. Президиум АН СССР 28 декабря 1935 г. утвердил состав редколлегии сборника «Проблемы Печорского края»: акад. А.П. Карпинский, акад. И.М. Губкин, Н.Г. Рослов, А.И. Толмачев, В.Н. Васильев. Ответственным редактором назначен С.В. Славин. К 1941 г. подготовлено два выпуска, но начавшаяся война помешала их публикации. И.А. Перфильев занялся подготовкой к печати определителя растений Северного края. На 1934 г. планировалось составление климатологического очерка по Печорскому краю, сводки по флоре Малоземельной тундры (А.И. Лесков) и др. [16].

Руководство Северного края с воодушевлением поддержало создание первого научного учреждения Академии. Представители Бюро работали в тесном контакте с местным партийным и хозяйственным руководством, регулярно докладывали свои планы и результаты. В сентябре 1934 г. А.И. Толмачев выступил с отчетом о работах Бюро на Президиуме Северного крайисполкома. Крайисполком особо отметил, что общий академический план работ по Печорскому краю в 1934 г. в основной части не выполнен, а Постановление Президиума Академии наук СССР от

17 октября 1933 г. о разворачивании работ в Печорском крае «проведено в жизнь лишь весьма ограниченно». Для Бюро сформулированы конкретные поручения: «усилить деятельность Бюро, как органа, объединяющего работы краевых исследовательских организаций», а также «расширить, начиная с 1935 г., исследовательские работы, проводимые непосредственно силами Севбюро Полярной комиссии в области изучения тундрового хозяйства, лесосплавного дела и лесохимии, исследования по северо-двинским гипсам, по продвижению на Север земледелия» [17. С. 81–86].

20 сентября 1934 г. на заседании Коми облисполкома был заслушан доклад А.Ф. Брюханова о планируемых работах Бюро. Президиум облисполкома выразил уверенность, что «в работе Бюро Академии наук в числе важнейших вопросов края найдут место и вопросы, непосредственно связанные с развитием хозяйства и культуры Коми области, в частности, вопросы развития Сыктывкарского промузла, проблемы транспорта, сельского хозяйства, освоение богатств Печоры и др.» [18. С. 324]. Со своей стороны Коми облисполком обязался оказывать всяческую помощь и выдвинул в состав Совета Бюро представителей от Коми автономной области: М.П. Минина (председателя Облплана), А.И. Бабушкина (зам. председателя Облплана) и Д.И. Шулепова (директора Научно-исследовательского института). В целях разработки вопросов плана народнохозяйственного развития Автономной области Коми и мобилизации научных сил на решение практических вопросов было предложено провести в г. Сыктывкаре научную конференцию.

Предложение было реализовано уже в мае 1935 г. В г. Сыктывкаре состоялась выездная сессия Бюро АН СССР по изучению Северного края, на которой рассматривались вопросы развития Сыктывкарского промышленного узла и деятельности Коми научно-исследовательского института. Заслушали несколько докладов, в том числе репрессированного геолога Н.Н. Тихоновича о развитии геологических исследований (доклад сразу засекретили) и о развитии лесоразработок. Судя по протоколам, обстановка на совещании была спокойная и не предвещала никаких угроз. Но при обсуждении деятельности научно-исследовательского института разразилась гроза. Была зачитана только разгромная резолюция о несостоятельности института в научной работе и особенно в составлении словника Коми Советской энциклопедии [19].

Период 1934–1936 гг. в деятельности Бюро по изучению Северного края является важным организационным и переходным к созданию стационарного научного учреждения, каким стала в 1936 г. Северная база Академии наук СССР. Директором базы назначен академик Н.М. Книпович, заместителем — А.И. Толмачев (с 1939 г., после кончины Н.М. Книповича, — директор) [20. Л. 27]. Научные работы базы по важнейшим отраслям возглавляли известные ученые страны А.А. Чернов, И.А. Перфильев, Н.А. Смирнов, Д.А. Ласточкин и др.

Северная база АН СССР стала преемником Бюро Полярной комиссии по изучению Северного края, но значительно отличалась от последней по объему ра-

бот и соотношению различных сторон своей деятельности. Существенное изменение статуса учреждения накладывало определенные обязательства. Это относилось к научно-исследовательским работам, игравшим в работе Севбюро Полярной комиссии подчиненную роль по отношению к его научно-совещательной деятельности. План научно-исследовательских работ Северной базы на 1936 г. представлял собой уже план нового учреждения. Сложность переходного периода отметил А.И. Толмачев: «...приходится признать искусственное разделение тем плана», «ибо само преобразование Севбюро Полярной комиссии в Северную базу АН предполагает как неременное условие значительное расширение научно-исследовательской деятельности». А.И. Толмачев считал, что преобразование должно ориентироваться не на сохранение филиала Полярной комиссии, а на «Академию наук в целом» [20. Л. 4].

Преемственность научно-исследовательских работ, проводившихся Севбюро Полярной комиссии, обеспечивалась сохранением в плане Северной базы АН СССР тематики, начатой в 1935 г. Кроме того в план включили новые темы как логическое продолжение и развитие исследований 1934–1935 гг.

Основной упор был сделан на разработку следующих проблем: развитие Печорского народнохозяйственного комплекса, методы борьбы с вредителями сельского хозяйства, реконструкция лесной промышленности, морских зверобойных промыслов и комплекса тундрового хозяйства. Такой выбор определялся актуальностью, учетом реальных возможностей Базы, а также разделением труда с другими научно-исследовательскими учреждениями, работающими в Северном крае. Проблема реконструкции лесной промышленности имела краеугольное значение для народного хозяйства Северного края. План предусматривал и проведение исследований исключительно научно-теоретического значения. Это касалось, прежде всего, флористического изучения региона, так как история развития флоры Северного края к середине 1930-х гг. была наименее известной частью Европы [21].

О становлении научного учреждения в Архангельске сохранились документальные свидетельства ее фактического руководителя А.И. Толмачева: информационные сообщения в Вестнике АН СССР, докладные и объяснительные записки в адрес руководящих органов академии и Северного края [22–24]. В объяснительной записке к плану НИР на 1936 г. Толмачев отметил, что «в первый год своего существования Северная база не имела собственных лабораторий и стабильных научно-исследовательских коллективов. Поэтому сохраняла принятую в практике Севбюро Полярной комиссии систему выполнения работ силами рабочих групп, имевших отчасти временный характер. Группы эти, при наличии возможности, строились по отраслевому принципу, чем обеспечивается возможность возложения на них любого задания по соответствующей отрасли знания, независимо от того, к кругу работ по какой проблеме данное задание относится. При таком построении рабочая группа являлась непосредственным предшественником постоян-

ной лаборатории, подлежащей оформлению в результате развертывания группы. Ряд других групп объединял разнородных специалистов, связанных работой по определенной проблеме (временный междисциплинарный творческий коллектив). Такие группы, по существу, были временными бригадами, а отдельные их функции (вместе с тем – отдельные работники) подлежали в дальнейшем распределению между постоянными отраслевыми группами, по мере оформления последних» [20. Л. 6–7].

Итак, Северная база АН СССР оформилась как самостоятельное учреждение Академии наук СССР лишь к началу 1936 г., сохранив преемственную связь с Бюро и продолжив начатые им исследовательские работы. В отличие от Бюро, органа преимущественно научно-совещательного, новый статус базы потребовал перестройки и усиления штатного научного персонала, способного выполнять основные задания по исполнению плана НИР.

К 1936 г. Северная база АН СССР уже представляла собой небольшой комплексный научный институт, занимавшийся изучением природы Северной области и Коми АССР (т.е. Северного края в границах 1929–1936 гг.) и вопросов практического использования природных ресурсов. База вела работы в области геологии, ботаники, зоологии (включая болезни домашних животных) и отчасти экономики. Формально структура Базы включала четыре рабочих группы – Геологическую, Ботаническую, Тундрового хозяйства и Водных промыслов, из которых лишь две работали в относительно развернутом виде. Кроме того, к Базе перешло руководство работами Экономической группы Печорской бригады АН СССР. В первый год значительно расширены научно-исследовательские работы, непосредственно связанные с обслуживанием нужд социалистического строительства бывшего Северного края. Прежде всего, это касалось Ботанической группы (изучение сорно-полевой растительности и кормовой базы животноводства) и группы Тундрового хозяйства (борьба с потерями оленеводства).

В области геологии до создания научного учреждения полевые работы по изучению четвертичных отложений проводили преимущественно не академические учреждения. Только М.А. Лаврова в 1934 г. изучала морские четвертичные осадки в районе нижнего течения Северной Двины, обследовав участок от с. Березник до г. Архангельска. Главнейшие научно-исследовательские работы, проведенные Северной базой в 1936 г., свелись к обработке накопленных за прошлые годы материалов по геологии бассейна р. Печоры. Обработаны ископаемые остатки растений из угленосных (пермских) отложений бассейнов рек Воркуты и Коротаихи (М.Д. Залесский), аммониты из артинских отложений Припечорья (А.А. Чернов и С.В. Максимова), материале по четвертичным отложениям востока Большеземельской тундры (Г.А. Чернов), Печорского края и Новой земли (В.А. Варсанюфьева, М.М. Ермолаева). Результаты этой работы позволили уточнить возраст угленосных толщ северного Припечорья. В 1937 г. Северная база приступила к сводке данных по четвертичным отложениям Европейского северо-востока СССР в форме карты. Со-

ставлением карты занималась группа под руководством С.А. Яковлева и И.И. Краснова на основе всех опубликованных и обширных неопубликованных материалов по геологической истории Севера, собранных главным образом в 1932–1936 гг. На карте, выполненной в масштабе 1 : 2 000 000, отражены распространение трех оледенений и связанность ледников с определенными центрами, границы морских трансгрессий и проч. [25. Л. 74 об.].

Практическую цель преследовали обзорные работы по показателям солёности Северного края, проведенные для уточнения перспектив поиска залежей каменной соли [26, 27]. Постановка проблемы впервые изложена в докладной записке А.А. Чернова Северному крайисполкому о вероятности наличия залежей каменной соли в бассейне р. Северной Двины. Параллельно, в 1936 г., сотрудник Базы А.Е. Первухина выявляла соляные источники на территории Северного края [28]. Областные организации использовали результаты работы, чтобы в центре поставить вопрос о финансировании поисков соли, проведении глубокого бурения в Котласском районе и изучения разреза пермских отложений Северодвинского бассейна [29. Л. 4–13]. Позднее, при поддержке местного руководства, эти работы проводил Северный Геолтрест [25. Л. 75].

Вопросам повышения урожайности полей Севера были посвящены работы Ботанической группы по изучению сорно-полевой растительности края (рук. А.И. Толмачев). В апреле–октябре 1936 г. проведены стационарные исследования в Грязовецком (И.С. Хантимер) и Вельском (Н.В. Дылис, В.М. Эпштейн) районах. Сотрудники Базы сделали детальные описания и составили карту засоренности полей колхозов «Искра» и «Аврора», рекогносцировочно обследовали западную и южную части Грязовецкого района. Собранные данные показали громадную засоренность почв семенами сорняков. Размеры потерь на урожае, вызываемых засоренностью посевов, достигали 20%. Ученые установили прямую зависимость этой засоренности от различных природных и хозяйственных факторов. Главными причинами являлись «несоблюдение севооборота в обоих районах», засоренность «посевного материала, с которой связано в частности распространение в последнее время некоторых сорняков в таких районах, где они еще недавно отсутствовали (например, овсюг в Грязовецком районе)» [20. Л. 27 об.]. Маршрутные обследования сорно-полевой растительности в Чебсарском, Кубино-Оверском, Кичмено-Городецком, Никольском, Павинском, Воховском (Ю.П. Юдин) Пинежском и Онежском (В.М. Эпштейн) районах значительно расширили имевшиеся сведения о распространении сорняков в Северной области и особенностях засоренности различных культур.

Актуальность этих работ определялась необходимостью повысить урожайность. Характер и состав сорно-полевой растительности Севера не были изучены, что затрудняло правильный выбор методов борьбы с сорняками. К этому времени произошло объединение земель небольших колхозов, созданы МТС. Надежды на быстрый подъем сельского хозяйства

связывали с введением социалистической системы планирования экономики. Уничтожению сорняков, серьезно влиявших на урожаи, в агротехнических мероприятиях отводилась очень важная роль. Полученные результаты позволили ученым уже осенью приступить к составлению монографической сводки по сорно-полевым растениям Северной области. Основная часть монографии посвящена способам определения сорняков, описанию их морфологии, развития и распространения (344 вида), выявленных в Архангельской и Вологодской областях. Однако подготовленная в 1935 г. научными сотрудниками И.С. Хантимером, Н.В. Дылис, И.А. Перфильевым и Ю.П. Юдиным монография «Сорно-полевые растения северных областей» под редакцией А.И. Толмачева так и не увидела свет [30]. Результаты этих работ опубликованы частично [31, 32].

Изучение кормовой базы животноводства – одно из актуальных в тот период направлений. Порайонное описание лугов проводилось под руководством сотрудника Ботанического института АН СССР А.П. Шенникова. С 1920-х гг. он участвовал в нескольких геоботанических экспедициях по обследованию лесов и изучению природных кормовых угодий лесной части Северного края, в 1920–1930-е гг. провел описания лугов и растительности на территории Коми АССР, Вологодской и Архангельской областей, по долинам рек Сысола и Северная Двина. Он считал, что в Академии наук «должное внимание должно быть уделено вопросам сельскохозяйственного освоения Северного края», подчеркивал «необходимость проведения агрономических и геоботанических исследований в районах средней Печоры, с. Ижмы, Ухтинском районе, верховьях Выми и др.» [33. Л. 95–97]. В 1936 г. Северная база организовала стационарные работы по изучению лугов и пастбищ. Для разработки вопросов повышения продуктивности лугов и пастбищ Северодвинского бассейна, в Котласском районе организована Лугопастбищная станция Северной Базы (руководитель-консультант А.П. Шенников). В 1936 г. работы проводили на территории Песчанского сельсовета (правобережье Северной Двины), а в 1937 г. – Шипицинского сельсовета (левобережье). Полевые работы осуществляли только летом (май–сентябрь). Научными сотрудниками В.Ф. Корякиной и М.М. Голубевой-Шенниковой «установлены и описаны типы лугов и пастбищ района работ, обследованного и в почвенном отношении; проведены наблюдения за развитием травостоев над влиянием сроков сенокоса на урожайность лугов; учтена урожайность различных типов лугов и дана их качественная характеристика с кормовой точки зрения». Корякина и М.М. Голубева-Шенникова изучали биологию вредных растений лугов и дали практические указания по рационализации использования лугов и пастбищ [20. Л. 27 об.].

В тематике Базы значительное место занимало *изучение животноводства*.

В 1937 г. начали работы по изучению домашних животных, способных продуктивно жить в суровых северных условиях. А.Н. Шапошников впервые опи-

сал холмогорскую породу крупного рогатого скота [34]. Дальнейшими объектами изучения должны были стать вологодско-печорская порода крупного рогатого скота и мезенская овца.

Вопросам борьбы с потерями основной отрасли животноводства Крайнего Севера – оленеводства – были посвящены работы группы тундрового хозяйства. В 1936 г. в бассейне р. Мезень сотрудники впервые провели рекогносцировочное обследование парнокопытных млекопитающих и описали своеобразную группу оленеводческих хозяйств края, не связанных с использованием тундровых пастбищ (А.Ф. Брюханов). Было установлено, что численность поголовья лесных оленей уменьшалась, развитие оленеводческого хозяйства шло самотеком. По качеству мезенские олени в перспективе могли представить ценный исходный материал для разведения лесных оленей в Архангельской области. База развернула новые исследования по кожному и носовому оленьим овцам в Тиманской тундре (З.Ф. Каразеева, руководитель-консультант К.Н. Павловский). Проводили опыты по иммунизации телят оленя личинкой кожного овца и опыты лечения скипидаром копытной болезни. Разработанный Н.Н. Соломко терапевтический метод сочли на тот момент эффективным и заслуживающим массового применения [35. С. 36–40].

Изучение объектов морского зверобойного промысла. В 1935 г. Н.А. Остроумов и А.А. Стрелков изучали беломорское стадо гренландских тюленей. Удалось выделить в Белом море наличие обособленной расы тюленей, которая в отличие от основной части стада никогда не выходила за его пределы. Разработана методика возрастного анализа стада по котьям тюленя. Несмотря на то что работы нельзя считать законченными, в 1936 г. тематика была передана во Всесоюзный арктический институт. Северная база в 1935–1937 гг. продолжила изыскания по белухе на Канинском побережье Белого моря. Для камеральной работы привлекали материалы по Белому, Баренцеву и Карскому морям, собирали материал на севере Новой Земли. Было установлено наличие трех относительно обособленных рас белухи – карской, южно-баренцевской и беломорской, отличающихся морфологически и обладающих обособленными ареалами; уточнено представление о путях и сроках миграции белухи; обнаружено наличие полового диморфизма в строении черепа [36, 37].

В 1934–1936 гг. по заданию Севкрайпотребсоюза проводили работы *по изучению промысла белой куропатки в Северном крае* (А.Ф. Брюханов). В районах Крайнего Севера местное население издавна занималось отловом белой куропатки, которая являлась одним из массовых видов птиц тундровых биоценозов. Сотрудникам базы удалось провести только первую часть работ – анализ опубликованных и архивных материалов о белой куропатке, ее промысле и практике заготовительных организаций. Была доказана необоснованность мнения об общем сокращении количества белой куропатки. Удалось сделать вывод о возможности значительного расширения промысла. Несмотря на полное одобрение Севкрайпотребсоюзом и Центросоюзом результатов первого этапа, средства

на экспедиционные работы в Большеземельской тундре не выделили и разработка проблемы не была окончена. Результаты частично опубликованы в журнале «Вестник Академии наук СССР» [38].

Научные и экспедиционные работы Северной Базы полностью подчинялись тематическим заданиям плана работ, принятым Академией наук, совместно с партийными и заинтересованными хозяйственными организациями Северного края. Анализ научной тематики показал, что она охватывала своими работами современные территории Архангельской и Вологодской областей и Республики Коми. Объем финансирования имел тенденцию к устойчивому росту, особенно после создания стационарного учреждения. Так, в 1934 и 1935 гг. Северное Бюро по изучению Северного края имело 72 499 и 96 864 руб. соответственно. В 1936 г. Северная база уже получила 197 420 руб., в 1937 – 276 543 руб., в 1938 – 405 800 руб. Штатный персонал Северной базы АН СССР из года в год увеличивался, однако сотрудников с ученой степенью доктора или в звании профессора было мало. В 1934 г. из четырех штатных сотрудников и лишь один был «остепененным». В 1935 г. – 11 и 2 чел.; 1936 г. – 18 и 4; 1937 г. – 25 и 5; 1938 г. – 28 и 4 чел. [25. Л. 78]. На начало 1939 г. общее число штатных сотрудников составляло 30 чел., в том числе 26 научных работников, на конец года – 58 и 40 соответственно [39].

Таким образом, Северная База явилась своеобразным форпостом Академии наук в Северном крае, передовым пунктом, обеспечившим становление и основу для дальнейшего развития академических исследований. Обзор работ Академии наук в Северном крае убеждает, что при весьма запланированный объем не соответствовал силам сотрудников и штатному расписанию. Количество поставленной тематики было непропорционально велико. Преобладала многотемность, что приводило к недостаточным результатам из-за непродолжительности сроков обработки и публикации результатов исследований. Эти проблемы видело и руководство Академии, и руководство Базы. А.И. Толмачев в марте 1938 г. подготовил обширный обзор «Основные итоги работ Академии наук СССР по Архангельской области во второй пятилетке», в котором отмечал эти недостатки. «Распыление сил было тем большим, что выдвигавшиеся темы были не только многочисленны, но часто стояли вне связи друг с другом, представляя каждая в отдельности как бы замкнутый эпизод в научной работе того или иного учреждения Академии. Внимание, уделявшееся темам, за которыми признавалось значение ведущих, часто на практике не выделяло их разработку в ряду других тем, второстепенных по своему характеру и практическому значению. До 1936 г. объединение отдельных тем вокруг крупных проблем часто носило условный характер». Толмачев писал, что важнейшим темам не удавалось предоставить преимущество «перед темами эпизодическими. С этим связывалась часто неясная целеустремленность работ, а работы, преследовавшие ясные, четко сформулированные цели, сменялись одна другой, разрешая порою лишь частные задачи, относящиеся к разным более объемлющим проблемам. В

этом отношении 1936–1937 гг. явились периодом некоторого перелома в сторону постепенного сосредоточения сил Академии на разработке менее многочисленных проблем крупного научного и народнохозяйственного значения» [25. Л. 79].

Работу Северной базы АН СССР осложняло отсутствие надлежащего рабочего помещения и трудности в обеспечении сотрудников жильем. В результате в г. Архангельске была сосредоточена лишь часть персонала, другая участвовала летом в экспедиционных исследованиях, а камеральную обработку проводила в Москве и Ленинграде. Контролировать выполнение конкретных работ было затруднительно, что отрицательно сказывалось на выполнении исследований. Несмотря на объективные трудности начального периода становления научного учреждения, его работа 4 августа 1938 г. была подвергнута критике. Президиум Архангельского облисполкома отметил, что «базой поставлены и разрабатывается ряд актуальных вопросов по холмогорскому скоту, по изучению ископаемых и геологии области, изучению сорной растительности области и мер борьбы с ней. Однако общий план работ Северной базы Академии наук страдает многотемностью, отсутствием работ по решающим отраслям народного хозяйства области – лесу, оторванностью разрабатываемых проблем от практики и запросов социалистического народного хозяйства области» [Там же. Л. 81].

В таком же ключе звучит и отзыв Северного геологического управления, подготовленный по запросу Архангельского облисполкома. В отзыве отмечено, что геологические работы Базы идут параллельно с задачами, намеченными Управлением на третью пятилетку. «Примером этого могут служить геологические работы Базы за 1937 г., когда были организованы ею на севере две партии: одна из них под руководством А.А. Чернова вела исследования на Северном Тимане, а другая – М.А. Плотникова, работала в бассейне Северной Двины. Работы А.А. Чернова, следует признать, полностью дублируют предшествующие работы по данному району А.П. Бархатовой и Л.Д. Берсудского. В отношении работы М.А. Плотникова, к сожалению, приходится сказать то, что она ни по своему заданию, ни по выполнению не соответствует современной постановке проблемы о полезных ископаемых Котласского промузла <...>. Обследованные названным геологом полезные ископаемые были уже в литературе описаны, и, следовательно, работу ему надлежало бы провести в более крупном масштабе» [Там же. Л. 48–48 об.]. Особо волновала управление возможность нового дублирования этих работ. В резюме управление настаивало на «необходимости в дальнейшем на безусловной своевременной согласованности плана геологических работ Северной базы Академии наук с Северным геологическим управлением, в целях увязки его с общим планом таковых исследований по нашему северу, согласно постановления СНК СССР от 17 ноября 1937 г., за № 2042, об организации геологоразведочных и поисковых работ в Союзе» [Там же. Л. 49 об.].

Для налаживания научных работ в решении народнохозяйственных проблем края облисполком

постановил обратиться в Академию наук СССР с предложением перестроить работу Северной базы и включить в планы 1939 г.: научное обоснование поисковых работ на уголь, нефть, соль, цветные и редкие металлы в пределах Тиманского кряжа; разработку соляной проблемы в центральной и северной части области; изучение северных ячменей, проблем овощеводства, высокопродуктивного животноводства, рыболовства, промысловых ресурсов. Облисполком также обязал дирекцию к 1 ноября 1938 г. сосредоточить основное ядро научного персонала Базы в городе Архангельске и поставить вопрос о скорейшем строительстве собственного здания перед Президиумом Академии наук СССР [25. Л. 2].

Поставленные Архангельским облисполкомом задачи, безусловно, отражали потребности социально-экономического развития региона в изучаемый период.

Несмотря на то что учреждения Академии наук оставались научным сообществом, имели свой устав, членство и формальное самоуправление, фактически были инкорпорированы в тоталитарную систему и были подконтрольны Совнаркому СССР. При этом на первый план для научной деятельности академических учреждений в отдаленных северных территориях были выдвинуты вопросы, связанные с выявлением и добычей полезных ископаемых, использованием природных ресурсов для экономических потребностей страны.

Реагируя на столь серьезные замечания, директор Северной базы А.И. Толмачев 21 сентября 1938 г. отправил в Комитет по заведыванию филиалами и базами АН СССР письмо с изложением своего видения ситуации. По его мнению, «осуществление этого постановления в отношении значительной части сотрудников Базы зависит исключительно от разрешения вопроса об обеспечении их постоянными рабочими местами и жилищной площадью в гор. Архангельске». Решить эту проблему неоднократно пыталась академия. Комитет филиалов и баз обращался в облисполком с просьбой о расширении помещения, необходимого для геологического и зоологического секторов Базы, о предоставлении жилья для сотрудников, подлежащих переводу из центра и частью уже приехавших в Архангельск. С этой же просьбой несколько раз обращалась к президиуму облисполкома дирекция Базы. А.И. Толмачев писал, что «вопрос о скорейшем строительстве собственного здания Базы в Архангельске сейчас становится особенно острым, т.к. оно является теперь единственным средством, обеспечивающим развертывание и нормальное развитие работ Северной Базы» [Там же. Л. 98]. Учитывая сложившуюся обстановку, руководство Базы было вынуждено сохранить на зимний период 1938–1939 гг. прежний порядок выполнения камеральных работ, сосредоточив их в Геологическом секторе в Москве, а зоологического сектора – в Ленинграде.

Положительно завершить эти переговоры не удалось. Одной из причин явилась кончина 23 февраля 1939 г. одного из крупнейших советских ученых, почетного члена АН СССР директора Базы Н.М. Книповича. В течение нескольких месяцев База не имела директора. С середины июля на эту должность назна-

чен д.б.н. А.И. Толмачев, а почетным директором Базы утвержден почетный член АН СССР Н.А. Морозов. Заместителем директора был Н.К. Каратеев, ученым секретарем – В.В. Шаблюковский, геологический сектор возглавлял д.г.-м.н. А.А. Чернов, зоологический – профессор Н.А. Смирнов, ботанический – А.И. Толмачев, водного хозяйства – Д.А. Ласточкин.

К 1939 г. изменилась структура Базы: действовали секторы геологический, ботанический, зоологический и водного хозяйства. Во втором полугодии 1939 г. в ведение Северной базы переданы работы в районе Рыбинского водохранилища, где была организована Верхне-Волжская база АН СССР, существование которой признано нецелесообразным. В Архангельске резко увеличили штат Базы и включили новую тематику. Однако передача этого учреждения Северной базе оказалась временной. В 1940 г. работы в районе верхней Волги были переданы центральному институту Отделения биологических наук АН СССР.

С 1939 г. База начала новое направление – изучение зернового хозяйства Севера. Работы по сорной растительности перенесены на территорию Коми АССР.

Бесспорным пробелом в прошлом являлось отсутствие работ по лесному хозяйству и лесной промышленности. Леса Европейского Севера России эксплуатировались в течение многих веков, но особенно интенсивное их освоение началось в 1930-е гг. И тогда же актуальными проблемами стали рациональное использование лесных ресурсов, их сохранение и восстановление. К 1939 г. был поставлен вопрос о выделении в составе ботанической группы Северной базы самостоятельного лесохозяйственного сектора. Однако ограниченные возможности Академии наук не позволили создать такой сектор и деятельность Базы свелась к частной проблеме – изучению древостоев, пройденных условно сплошными рубками (П.П. Пятков). Работы выполняли и в Ломоносовском лесничестве Холмогорского района. Лишь в конце года удалось организовать лесохозяйственный сектор во главе с И.С. Мелеховым. Лесохозяйственная группа с Архангельским лесотехническим институтом занялась новым направлением в лесной науке – лесной пирологии и взяла на себя разработку темы «Изменение анатомического строения древесины сосны под влиянием лесных пожаров» [40].

В 1939 г. Геологический сектор разрабатывал две темы – изучение девонских отложений северного Тимана и пермских отложений бассейна Северной Двины. В задачи геологов входило подведение теоретической базы под поиски и разведки полезных ископаемых, своевременная и правильная постановка прогнозов в области конкретной проблематики. В штате сектора сотрудниками Базы были только А.А. Чернов, М.А. Плотноков и А.Е. Первухина. Временно, по особым соглашениям, к работам привлекались Г.А. Чернов, М.И. Шульга-Нестеренко, Б.М. Куллетский, И.А. Преображенский. Полевые работы планировались по обоим темам, но нехватка финансовых средств позволила провести полевые изыскания только по одной. В результате освободившиеся силы были направлены на изучение материалов экспедиции

1938 г. по девонским отложениям южной части Тиманского кряжа и по железным рудам Коми АССР. А.Е. Первухина и Г.А. Чернов обработали материалы и представили обстоятельные описания исследований по базальтам и по осадочным породам девонской системы [41, 42]. Исследовались базальты бассейна рек Белой, Б. Светлой и Кумушки-Вологи общей мощностью 238 м. Детально разработаны типы базальтов, как макроскопические, так и микроскопические, установлено взаимоотношение тех и других, их связь с определенными частями базальтовых потоков. Из полезных ископаемых интерес, по мнению геологов, представляла сама базальтовая толща, с выделениями агатов, исландского шпата и признаками медных руд, а также бурые железняки. В отношении осадочных пород исследовались подбазальтовые отложения изучаемого бассейна, разработаны состав и стратиграфия отложений. Из полезных ископаемых обнаружен новый выход сапропелита, правда, маломощный, не имеющий промышленного значения. В области изучения пермских отложений бассейна Северной Двины научным сотрудником М.А. Плутниковым закончена обработка палеонтологических материалов 1938 г. Описана фауна 35 видов пелеципод (29 новых для науки). Составлена стратиграфическая схема отложений сухонских и нижней части северодвинских слоев на участке Солотное–Городок.

В период экспедиций лета 1939 г. обследованы отложения татарского яруса по рекам Сухона и Юг, на участках Опоки–В. Устюг–Гаврино. В свое время А.А. Чернов дал прогноз о возможном открытии каменной соли в ниже-пермских отложениях в районе г. Котласа. Первая скважина, заложённая Северным геологическим управлением в Сольвычегодске, не дала результатов. В 1939 г. сотрудники Северной базы провели повторное бурение скважины в районе с. Корьяма Сольвычегодского района. Были открыты на большой глубине залежи каменной соли и выявлены особенности солёности нижнепермских отложений Двинского бассейна [28. Л. 13–16].

Проблематика Ботанического сектора в 1939 г. значительно расширилась. Впервые поставлены задачи по проблемам северного овощеводства, изучению местных зерновых культур и лесного хозяйства. Начали изучение северного ячменя, чтобы выявить местные сортовые ресурсы давно возделываемой на Севере культуры. Проведены обследования посевов в Мезенском и Лешуконской районах Архангельской области (хозяйственные посевы, опытные посевы хатлабораторий и Лешуконского сорт-участка). Работы показали перспективность местных сортов для селекционной проработки и возможность создания сорта с более высокими показателями и стойкого к северным условиям. Экспериментальные работы с северным ячменем в 1940–1941 гг. проводились на базе колхоза «Огонек» Мезенского района (к.с.-х.н. В.А. Черный).

Работы по сорной растительности были проведены и на территории Коми АССР. Определена засорённость посевов республики в пределах 35%. Состав «засорителей» близок к имевшимся в Архангельской области, а причинами являлись несоблюдение правильного чередования посевов, мелкое вспахивание

земли и почти полное отсутствие ухода за посевами. Все эти моменты были изложены в докладной записке в Совнарком Коми АССР.

Анонсированные работы по лесному хозяйству из-за ограничения штатов, свелись в 1939 г. к частным проблемам – изучению древостоев, пройденных условно сплошными рубками, изменению анатомического строения древесины сосны под влиянием лесных пожаров [39. С. 15–16].

Изучение кормовой базы животноводства заключалась в окончании обследования лугов и пастбищ Котласского района и обследовании лугов в районе Холмогорского госплемпитомника (В.Ф. Корякина, С.Б. Мостинская, А.В. Калинина). Научными сотрудниками сделаны химические анализы сена, на основе которых сформулированы рекомендации о сроках сенокосения для разных групп лугов; определено влияние сенокосного и пастбищного использования на луговую растительность; предложены методы борьбы с сорными растениями лугов и варианты устойчивых высокоурожайных травосмесей. Кроме опытной работы проводились маршрутные обследования и описания лугов и пастбищ Пинежского района Архангельской области [43. Л. 1–12]. Сверх плана сотрудники сектора под руководством И.А. Перфильева вели обработку гербарного материала, накопленного за годы экспедиций.

Зоологический сектор занимался вопросами развития животноводства и изучению наземной фауны Севера, а также рыбо-промысловыми исследованиями в бассейне Северной Двины. Изучение пород крупного рогатого скота в районе нижнего течения р. Мезени, позволило сделать вывод о признании местного типа весьма высококачественным, близким к стандарту холмогорской породы и родственным ей генетически. Высокие качества этой породы были признаны полезными для племенного разведения.

Сотрудник сектора Н.Н. Соломко продолжил работы в Тиманской тундре по сбору материалов о заболеваниях оленей. В области изучения фауны млекопитающих Н.А. Смирнов и научный сотрудник Г.П. Наумов основное внимание сосредоточили на грызунах как наиболее многочисленной группе по количеству вредителей сельхозугодий. Во втором полугодии работы по млекопитающим Севера были начаты по фауне Коми АССР. По теме «Биологические условия реконструкции рыбного промысла» ставили опыты с личинками комаров-мотылей, являющихся, с одной стороны, пионерами в освоении заливной суши, а с другой – важным пищевым объектом для рыбы (О.С. Зверева, О.А. Чернова). По рыбопромысловым ресурсам бассейна Северной Двины закончена обработка ихтиологических материалов, собранных в 1938 г. в низовьях Двины (к.б.н. Е.С. Кучина) [44]. Летом 1939 г. проведено промыслово-ихтиологическое и гидробиологическое обследование Северной Двины от г. Котласа до с. Сельцо Березниковского района (к.б.н. П.А. Киреев, И.М. Лихарев). Собран обширный материал, изучено большое количество рыб. Данные о существующем промысле показали пониженное промысловое значение обследованного района, по сравнению с

низовьями Северной Двины. Основными объектами промысла были выделены лещ, минога, стерлядь, щука.

Таким образом, за сравнительно короткий период существования Северная база АН СССР провела ценные разнообразные исследования, и создание ее было полностью оправдано. Отсутствие стабильного финансирования, нехватка научного персонала, организационные вопросы и недостаточность оборудования не позволяли развернуть исследование вширь. Однако результаты имели большое значение для народного хозяйства Севера и положительно оценивались Президиумом Академии наук СССР.

Надо отметить, что научные работы Северной базы АН СССР крайне фрагментарно захватывали отдаленные районы Коми АССР. Руководство Коми АССР неоднократно обращало внимание на необходимость более регулярного и тщательного научного исследования территории республики. Просьбы о создании научного учреждения направлялись в Академию наук и в Совнарком СССР. В 20–22 июля 1939 г. при СНК Коми АССР состоялось совещание по вопросу о задачах научно-исследовательской работы на территории республики. В результате было решено создать постоянную группу Северной базы Академии наук в г. Сыктывкаре. Комплектование этой группы в основном было завершено к августу 1939 г. Группа состояла из 5 работников геологического, ботанического и зоологического секторов Базы. Заведующим группы стал инженер-геолог П.Д. Калинин, в состав вошли: ботаник В.М. Болотова, гидробиолог О.С. Зверева, зоологи Г.П. Наумов и Н.А. Остроумов. Вопросы организации и направления работ группы нашли отражение в постановлениях СНК Коми АССР [45. Л. 81–82; 46. Л. 136–137; 47. Л. 127–144 об.].

Сыктывкарской группой Северной Базы АН СССР были запланированы следующие темы: «Девонские отложения Тимана как база для поисков угля, нефти и других полезных ископаемых», «Железные руды Коми АССР», «Витаминозные растения Архангельской области Коми АССР», «Сорнополевые растения Коми АССР и борьба с ними», «Флора Европейского Севера СССР», «Ячмени районов Крайнего Севера как база для выведения высокоурожайных и приспособленных к северным условиям сортов», «Основы лесохозяйственной классификации лесов бассейна р. Вычегды как предпосылки для рационального ведения лесного хозяйства», «Определитель жуков-дровосеков и их личинок для Европейского Севера СССР», «Рыбопромышленные ресурсы верхней Вычегды как база промыслового использования и заселения Камо-Печорско-Вычегодского водохранилища», «Крупный рогатый скот северных районов и способы повышения его продуктивности» [48. Л. 1–2].

Внимание группы в основном было обращено не на поиски месторождений полезных ископаемых, которые велись здесь другими учреждениями (структуры ГУЛАГ НКВД), а в большей – на определение путей оптимизации их добычи, изучение геоморфологических и топографических условий, развитие лесного и сельского хозяйства, охотничьих промыслов и животноводства.

Предполагалось, что основная работа Северной Базы в 1940 г. и в последующие годы будет проводиться по крупным проблемам: стратиграфия палеозойских отложений Северо-Востока европейской части СССР как основа поисков полезных ископаемых; превращение районов Крайнего Севера европейской части из потребляющих в производящие на основе комплексного развития сельского хозяйства; лесные ресурсы и лесное хозяйство Северо-Востока Европейской части СССР; создание промысловой фауны озер водохранилищ, которые будут созданы в результате строительства Камо-Печорско-Вычегодского гидроузла, и выяснение предпосылок замены сельскохозяйственных угодий районов затопления. Кроме них Северная База должна была составлять научные сводки по отдельным полезным ископаемым, растительному и животному миру Севера.

Приветствуя создание академической ячейки, власти республики считали этого недостаточным для задач освоения Печорского края. 31 марта 1940 г. председатель Совнаркома Коми АССР С.Д. Турышев направил в Совнарком СССР В.М. Молотову ходатайство о переводе Северной базы АН СССР на территорию Коми АССР [49. Л. 72–73]. Пройдет совсем немного времени и это станет возможным, правда, благодаря трагическому стечению обстоятельств. С началом Великой Отечественной войны в г. Сыктывкар эвакуировали Северную Базу АН СССР и Кольскую базу АН СССР (г. Кировск Мурманской области). Почти сразу их объединили в Базу АН СССР по изучению Севера, ставшую предшественницей современного академического центра Республики Коми – Коми НЦ УрО РАН.

В Архангельске осталась небольшая группа ученых, на основе которой была создан Архангельский стационар во главе с А.И. Толмачевым. И.С. Мелехов занимался изучением последствий рубок военного времени в лесах Севера и запасами авиадревесины в разных типах леса, Л.И. Корконосова – изучением витаминных растений Архангельской области, И.А. Перфильев приводил в порядок гербарий ботанического сектора.

3 июня 1944 г. Архангельский стационар стал самостоятельной единицей в составе АН СССР (с 1957 г. – Северное отделение Института леса АН СССР, 1958 – Институт леса и лесохимии АН СССР, в 1961 г. передан в систему Государственного комитета по лесному хозяйству. Следующее академическое учреждение – Архангельский научный центр УрО РАН – было организован в 2001 г.).

Таким образом, в 1930-х гг. на территории Европейского Севера России сформировалось академическое учреждение – Северная база АН СССР, которое сыграло значительную роль в изучении природных богатств территории Северного края. Сотрудники приступили к работе в пустынном и почти неисследованном до революции районе, преодолели трудности северных климатических условий, при отсутствии рабочих, транспорта и нормального снабжения, провели колоссальную научно-исследовательскую работу, которая имела большое научное и народно-хозяйственное значение. База стала организующим началом для ака-

демических учреждений, ориентированных на изучение северных территорий. Предвоенный период – наиболее противоречивый и трагический в истории страны и деятельности Академии наук СССР, стал для Европейского Севера России периодом интенсивного развития научных исследований территорий.

Развертывание сети академических учреждений, рост кадрового потенциала, развитие тесных контактов с государственными и хозяйственными структу-

рами, ориентация научных планов на решение масштабных государственных задач по освоению природных богатств – таковы важнейшие шаги к стационарному научному изучению Европейского Севера России. Стратегический вектор деятельности Академии наук, направленный на обеспечение экономического развития хозяйственного роста страны, получил развитие практически на всех северных территориях страны на годы и десятилетия вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005. М., 2005. С. 6.
2. Тюрин Г.В. Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 193.
3. Бровина А.А. Полярная комиссия АН СССР: к истории изучения Европейского Севера России в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 3 (33). С. 336–346. DOI:10.7256/2222-1972.2016.3.18993.
4. Булатов В.Н. Наука на Архангельском Севере: исторический очерк. Архангельск: Поморский университет; М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 280 с.
5. Малкова Т.А. Исследования территории Коми края Академией наук СССР в 20–30 гг. // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 1996. Вып. 61. С. 42–50.
6. Самарин А.В. Предпосылки и истоки организации стационарных академических учреждений на европейском Севере России (XVIII–XX вв.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 3. С. 6–15.
7. Филиппова Т.П. Документы по истории Российской академии наук на Европейском Севере в Госархиве Архангельской области // Отечественные архивы. 2013. № 5. С. 41–47.
8. Санакина Т.А. Первая областная конференция по изучению производительных сил северо-восточной области // Памятные даты Архангельской области. Архангельск, 2005. С. 50–51.
9. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 75. Оп. 1. Д. 256. Л. 34–37.
10. Конференция по изучению производительных сил Северного края: материалы второй конференции по изучению производительных сил Северного края / под общ. ред. М.Я. Рознера; Сев. краев. план. комиссия. Архангельск, 1933. Т. 1: Недр. 128 с., 1 вкл. л. карт.: ил.; Т. 2: Растительный мир и почвы. 204 с., 2 л. карт.: ил.; Т. 3: Транспорт. 222 с., ил.
11. Рошевский М.П., Рошевская Л.П., Бровина А.А. Печорская бригада АН СССР: история организации и итоги деятельности // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38, № 1. С. 26–59.
12. Постановление Президиума АН СССР о работах Печорской бригады // Вестник АН СССР. 1934. № 1. С. 69–71.
13. Архив Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 15. Л. 215 об.
14. Из постановлений Президиума // Вестник АН СССР. 1934. № 2. С. 54.
15. Толмачев А.И. Организация работы Северного бюро Полярной комиссии АН СССР // Вестник АН СССР. 1934. № 9. С. 35–37.
16. Лесков А.И. Флора Малоземельской тундры // Труды Северной базы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1937. Вып. 2. 106 с.
17. Толмачев А.И. Бюро по изучению Северного края (Сеvbюро Полярной комиссии Академии наук СССР) // Вестник АН СССР. 1934. № 11–12. С. 81–86.
18. Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. 1: Коми облысполком в документах и материалах (1922–1938 гг.) / В.Н. Мастратов (авт.-сост.). Сыктывкар, 2006. 572 с.
19. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.
20. Государственный архив Архангельской области. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1а. Л. 27.
21. Перфильев И.А. Флора Северного края. Ч. I. Высшие споровые, голосеменные и однодольные. Архангельск: Севкрайгиз, 1934. 160 с.; Ч. II–III. Двудольные. Архангельск: Севкрайгиз, 1936. 398 с.
22. Толмачев А.И. Научно-совещательная работа Бюро // Вестник Академии наук. 1935. № 10. С. 60–64.
24. Толмачев А.И. Перспективы работ Всесоюзной Академии наук на Севере во второй пятилетке // Советский Север. 1933. № 2. С. 28–38.
25. Государственный архив Архангельской области. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 145. 105 л.
26. Смирнов В.И. Соли Северного края // Хозяйство Севера. 1934. № 8. С. 57–62.
27. Чернов А.А. О необходимости разведочного бурения на каменную соль // Новый Север. 1937. № 2. С. 37–41.
28. Первухина А.Е. Соляные источники Северного края как основа для поисков каменной соли // Труды Северной базы АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 5. 76 с.
29. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–13.
30. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. 642 л.
31. Хантимер И.С. Очерк сорно-полевой растительности Кичменско-Городецкого района // Труды Северной базы АН СССР. 1935. № 3. С. 67–88.
32. Толмачев А.И. Сорно-полевые травы Архангельской области и борьба с ними. Архангельск, 1938. 84 с.
33. Архив Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1(1933). Д. 30. Л. 95–97.
34. Шапошников А.Н. Холмогорский скот. М.: Сельхозиздат, 1940. 252 с.
35. Соломко Н.Н. О терпентинной терапии копытной болезни северных оленей // Советская ветеринария. 1939. № 1. С. 36–40.
36. Остроумов Н.А. О промысле белухи // Хозяйство Севера. 1935. № 10. С. 42–49.
37. Остроумов Н.А. К систематике и размещению белухи европейского Севера и Карского моря // За рыбную индустрию Севера. 1935. № 11. С. 28–35.
38. Брюханов А.Ф. Изучение промысла белой куропатки в Северном крае // Вестник Академии наук СССР. 1935. № 10. С. 64–67.
39. Отчет о научно-исследовательских работах Северной базы Академии наук СССР за 1939 год. Архангельск, 1941. С. 5.
40. Мелехов И.С. Лесные пожары и борьба с ними. Архангельск: Северное краевое изд-во, 1935. 73 с.
41. Первухина А.Е. Девонские угли Северного Тимана // Советская геология. 1940. № 8. С. 73–76.
42. Чернов А.А. Краткий обзор девонских отложений Южного Тимана в связи с девонскими отложениями Северного Тимана // Бюллетень МОИП. Отд. геологии. 1940. Т. 18 (3–4). С. 75–85.
43. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 78. 1–12 л.
44. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 10. 428 л.
45. Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-605. Оп. 1. Д. 49. Л. 81–82; Д. 81. Л. 136–137; Д. 232. Л. 127–144 об.

46. Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-605. Оп. 1. Д. 81. Л. 136–137.
47. Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-605. Оп. 1. Д. 232. Л. 127–144 об.
48. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2.
49. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 890. Л. 72–73.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2018 г.

The Northern Base of the USSR Academy of Sciences in the History of the Development of Russia's European North (1933–1941)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 112–123.

DOI: 10.17223/15617793/438/15

Alexandra A. Brovina, Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: brovina72@mail.ru

Keywords: Northern Base of USSR Academy of Sciences; development of Northern territories of Russia.

The subject of the article is the historical role of the Russian Academy of Sciences in the scientific study of the Arctic and sub-arctic regions of Russia. The aim of the author is to reconstruct the process of the creation and activity of the first academic scientific institution in the Northern Region, to show the contribution of research scientists in the accumulation of scientific knowledge about the Northern Region in the context of the decision of prior state programs and the creation of scientific organizations in the European North of Russia in the first half of the 20th century. This topic has not received adequate coverage in the scientific literature. To solve these tasks, unpublished archival documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the State Archive of Arkhangelsk Region, the Scientific Archive of the Komi Science Center of the Ural Branch of the RAS and the National Archive of the Komi Republic were identified and used. The scientific works of the researchers of the Northern Base of the USSR Academy of Sciences published on the basis of the results of research in the 1930s–1940s were brought in. The research tasks are solved on the basis of the methods of modern historical science: the principle of historicism and scientific objectivity, as well as general scientific methods: analysis and synthesis, description, construction of analogies. The period of the creation and activity of the Northern Base of the Academy of Sciences of the USSR in the 1930s–1940s was analyzed. The key subjects of the establishment of the scientific institution, the formation of the scientific team, the development of scientific programs and plans, the organization of the interaction of the scientific community with the governing and economic bodies of the Northern Region, the first results of scientific research are considered in detail. The main findings of the study are evidence that in the 1930s and 1940s the USSR Academy of Sciences accomplished the most important steps toward the steady scientific study of the European North of Russia. During this period, a network of academic institutions was formed, close contacts were established with local state and economic structures. During a relatively short period of existence, the Northern Base of the USSR Academy of Sciences carried out valuable research in the fields of geology, botany, zoology, and, in part, economy. Scientific plans were aimed at solving large-scale state problems connected with a comprehensive study of productive forces. It is proved that the work of the Northern Base of the USSR Academy of Sciences had a significant impact on the development of the circumpolar territories of Russia.

REFERENCES

1. Granberg, A.G. et al. (2005) *Sovet po izucheniyu proizvoditel'nykh sil. Etapy stanovleniya i razvitiya. 1915–2005* [Council on the study of the productive forces. Stages of formation and development. 1915–2005]. Moscow: LENAND.
2. Tyurin, G.V. (2001) Komissiya po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii (KEPS) [Commission for the Study of Natural Productive Forces of Russia (KEPS)]. In: Bulatov, V.N. (ed.) *Pomorskaya entsiklopediya* [Pomor Encyclopedia]. Vol. 1. Arkhangelsk: Pomor State University.
3. Brovina, A.A. (2016) The Soviet Academy of Sciences and industrial modernization of the country: historical experience of the development of near-Arctic territories of Russia (1920s–1930s). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya – Genesis: Historical research*. 3 (33). pp. 336–346. (In Russian). DOI: 10.7256/2222-1972.2016.3.18993
4. Bulatov, V.N. (2007) *Nauka na Arkhangel'skom Severe: istoricheskiy ocherk* [Science in the Arkhangelsk North: a historical essay]. Arkhangelsk: Pomor State University; Moscow: Moscow State University.
5. Malkova, T.A. (1996) Issledovaniya territorii Komi kraia Akademii nauk SSSR v 20–30 gg. [Investigations of the territory of the Komi region by the USSR Academy of Sciences in 1920–1930]. In: Turbanov, A.N. et al. (eds) *Voprosy sotsial'no-politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Respubliki Komi XX veka. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN* [Issues of the socio-political and socio-economic history of the Komi Republic of the XX century. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Is. 61. Syktyvkar: Komi Division of the USSR AS. pp. 42–50.
6. Samarin, A.V. (2014) Preconditions and sources of the organization of stationary academic institutions in the European North of Russia (XVIII–XX centuries). *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN – Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 6–15. (In Russian).
7. Filippova, T.P. (2013) Dokumenty po istorii Rossiyskoy akademii nauk na Evropeyskom Severe v Gosarkhive Arkhangel'skoy oblasti [Documents on the history of the Russian Academy of Sciences in the European North in the State Archives of Arkhangelsk Oblast]. *Otechestvennye arkhivy – Domestic Archives*. 5. pp. 41–47.
8. Sanakina, T.A. (2005) Pervaya oblastnaya konferentsiya po izucheniyu proizvoditel'nykh sil severo-vostochnoy oblasti [The first regional conference on the study of the productive forces of the north-eastern region]. In: Malakhov, L.A. et al. (eds) *Pamyatnye daty Arkhangel'skoy oblasti* [Memorable dates of Arkhangelsk Oblast]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
9. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 75. List 1. File 256. Pages 34–37. (In Russian).
10. Rozner, M.Ya. (ed.) (1933) *Konferentsiya po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Severnogo kraia: materialy vtoroy konferentsii po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Severnogo kraia* [Conference on the study of the productive forces of the Northern Territory: proceedings of the second conference on the study of the productive forces of the Northern Territory]. Arkhangelsk: Sev. kraev. izd-vo.
11. Roshchevskiy, M.P., Roshchevskaya, L.P. & Brovina, A.A. (2017) The Pechora brigade of the USSR Academy of Sciences: the history of creation and the results of work. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 38(1). pp. 26–59. (In Russian).
12. Vestnik AN SSSR. (1934) Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR o rabotakh Pechorskoy brigady [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on the work of the Pechora brigade]. *Vestnik AN SSSR*. 1. pp. 69–71.
13. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. List 1. 1933. File 15. Page 215 rev.
14. Vestnik AN SSSR. (1934) Iz postanovleniy Prezidiuma [From the decisions of the Presidium]. *Vestnik AN SSSR*. 2. pp. 54.

15. Tolmachev, A.I. (1934) Organizatsiya raboty Severnogo byuro Polyarnoy komissii AN SSSR [Organization of the Northern Bureau of the Polar Commission of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR*. 9. pp. 35–37.
16. Leskov, A.I. (1937) Flora Malozemel'skoy tundry [Flora of Malaya Zemlya Tundra]. In: *Trudy Severnoy bazy* [Proceedings of the Northern Base]. Is. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
17. Tolmachev, A.I. (1934) Byuro po izucheniyu Severnogo kraya (Sevbyuro Polyarnoy komissii Akademii nauk SSSR) [Bureau for the Study of the Northern Territory (Sevburo of the Polar Commission of the Academy of Sciences of the USSR)]. *Vestnik AN SSSR*. 11–12. pp. 81–86.
18. Mastrakov, V.N. (2006) *Organy ispolnitel'noy vlasti Respubliki Komi v dokumentakh i materialakh* [The executive authorities of the Komi Republic in documents and materials]. Vol. 1. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
19. Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 20. (In Russian).
20. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 927. List 1. File 1a. Page 27. (In Russian).
21. Perfil'ev, I.A. (1934) *Flora Severnogo kraya* [Flora of the Northern Territory]. Pt. I. Arkhangelsk: Sevkraygiz.
22. Tolmachev, A.I. (1935) Nauchno-soveshchatel'naya rabota Byuro [Scientific advisory work of the Bureau]. *Vestnik Akademii nauk*. 10. pp. 60–64.
24. Tolmachev, A.I. (1933) Perspektivy rabot Vsesoyuznoy Akademii nauk na Severe vo vtoroy pyatiletke [Prospects for the work of the All-Union Academy of Sciences in the North in the second five-year plan]. *Sovetskiy Sever*. 2. pp. 28–38.
25. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 5931. List 1. File 145. 105 p. (In Russian).
26. Smirnov, V.I. (1934) Soli Severnogo kraya [Salts of the Northern Territory]. *Khozyaystvo Severa*. 8. pp. 57–62.
27. Chernov, A.A. (1937) O neobkhodimosti razvedochnogo bureniya na kamennuyu sol' [On the need for exploration drilling on rock salt]. *Novyy Sever*. 2. pp. 37–41.
28. Pervukhina, A.E. (1940) Solyanye istochniki Severnogo kraya kak osnova dlya poiskov kamennoy soli [Salt springs of the Northern Territory as a basis for the search for rock salt]. *Trudy Severnoy bazy AN SSSR*. 5.
29. Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 50. Pages 4–13.
30. Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 2. File 45. 642 p.
31. Khantimer, I.S. (1935) Ocherk sorno-polevoy rastitel'nosti Kichmensko-Gorodetskogo rayona [Essay on the weed and field vegetation of Kichmensko-Gorodetsky district]. *Trudy Severnoy bazy AN SSSR*. 3. pp. 67–88.
32. Tolmachev, A.I. (1938) *Sorno-polevye travy Arkhangel'skoy oblasti i bor'ba s nimi* [Weed and field grass of Arkhangelsk Oblast and the fight against them]. Arkhangelsk: Obl. izd-vo.
33. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. List 1 (1933). File 30. Pages 95–97.
34. Shaposhnikov, A.N. (1940) *Kholmogorskiy skot* [Kholmogory cattle]. Moscow: Sel'khozizdat.
35. Solomko, N.N. (1939) O terpentennomy terapii kopytnoy bolezni severnykh oleney [On the terebenthene therapy of reindeer hoof disease]. *Sovetskaya veterinariya*. 1. pp. 36–40.
36. Ostroumov, N.A. (1935) O promysle belukhi [On the catching of the white whale]. *Khozyaystvo Severa*. 10. pp. 42–49.
37. Ostroumov, N.A. (1935) K sistematike i razmeshcheniyu belukhi evropeyskogo Severa i Karskogo morya [To the systematics and placement of the white whales of the European North and the Kara Sea]. *Za rybnyuyu industriyu Severa*. 11. pp. 28–35.
38. Bryukhanov, A.F. (1935) Izuchenie promysla beloy kuropatki v Severnom krae [Study of the white quail fishery in the Northern Territory]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 10. pp. 64–67.
39. Pravda Severa. (1941) *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh rabotakh Severnoy bazy Akademii nauk SSSR za 1939 god* [Report on the research work of the Northern Base of the USSR Academy of Sciences for 1939]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
40. Melekhov, I.S. (1935) *Lesnye pozhary i bor'ba s nimi* [Forest fires and fighting them]. Arkhangelsk: Severnoe kraevoe izd-vo.
41. Pervukhina, A.E. (1940) Devonskie ugli Severnogo Timana [Devonian coals of Northern Timan]. *Sovetskaya geologiya*. 8. pp. 73–76.
42. Chernov, A.A. (1940) Kratkiy obzor devonskikh otlozheniy Yuzhnogo Timana v svyazi s devonskimi otlozheniyami Severnogo Timana [A brief review of the Devonian deposits of Southern Timan in connection with the Devonian deposits of Northern Timan]. *Byulleten' MOIP. Otd. geologii*. 18(3–4). pp. 75–85.
43. Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 2. File 78. 1–12 p. (In Russian).
44. Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 5. File 10. 428 p. (In Russian).
45. National Archive of the Republic of Komi. F.R-605. List 1. File 49. Pages 81–82; File 81. Pages 136–137; File 232. Pages 127–144 rev. (In Russian).
46. National Archive of the Komi Republic. F.R-605. List 1. File 81. Pages 136–137. (In Russian).
47. National Archive of the Komi Republic. F.R-605. List 1. File 232. Pages 127–144 rev. (In Russian).
48. Scientific Archive of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 42. Pages 1–2. (In Russian).
49. National Archive of the Komi Republic. Fund R-605. List 1. File 890. Pages 72–73. (In Russian).

Received: 15 April 2018

УДК 321(091); 34(091)

В.А. Воропанов

СОСТАВ КОЛЛЕГИЙ ОКРУЖНЫХ СУДОВ В ТОБОЛЬСКОЙ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИях ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ИТОГИ РАЗВИТИЯ «РЕГИОНАЛЬНОЙ» ГРУППЫ ДОРЕФОРМЕННОЙ СУДЕБНОЙ БЮРОКРАТИИ

Анализируется эффективность управления кадрами государственной гражданской службы в судах и развития состава судей в Тобольской и Томской губерниях во второй четверти XIX в. Автор считает, что власти удалось сформировать устойчивый состав судей окружных судов в Западной Сибири, поддерживать надлежащий уровень их компетентности за счёт привлечения чиновников из центральной части России, стажировки в органах губернской или центральной администрации и назначения бывших работников образования.

Ключевые слова: Российская империя; государственная кадровая политика; формулярные списки; судейские чиновники.

Региональный аспект проблемы возникновения, становления и развития имперской российской бюрократии превратился в самостоятельное направление историко-социологических и историко-юридических исследований. Объективная оценка принципов и результатов реализации государственной кадровой политики требует постоянного расширения круга источников. Неотъемлемой частью государственного аппарата Российской империи являлись должностные лица, занятые осуществлением правосудия. Обращение автора к анализу документов учёта кадров – формулярных списков, судейской группы чиновников – составляет новизну данного исследования. Управление кадрами государственной гражданской службы в областях Сибири оставалось в первой половине XIX в. особым направлением деятельности царского правительства [1. С. 42–47; 2. С. 84–90]. Изменения в составе коллегий судов первого звена на территории Западной Сибири в первой четверти XIX в. проанализированы автором [3. С. 71–77]. В данной статье использованы комплексы документов, составленные в 1846–1851 гг., позволяющие оценить результаты управления кадрами государственной гражданской службы в судах на территории Западной Сибири в первой половине XIX в.

Во второй четверти XIX в. органы губернского управления Западной Сибири, в целом, справлялись с задачами подбора и отбора лиц для замещения должностей членов и председателей коллегий окружных судов, с 1822 г. являвшихся специальным типом судов первого звена в областях за Уралом. Их решение облегчал стабильный приток кадров из западных областей России. Из числа лиц, замещавших должности в окружных судах Тобольской губернии, известных по спискам 1846 и 1851 гг., только 4 заседателя начали карьеру государственных служащих в армии: 2 принадлежали к ветеранам боевых действий, ещё 1 исполнял в армии судебную и административную должности, коллежский регистратор А.Ф. фон-дер Бриген, бывший полковник, являлся политическим ссыльным. Из 32 членов коллегий 12 относились к числу лиц, приехавших на службу в льготные области азиатской части России, 9 являлись бывшими учителями и 19 в разное время работали в органах губернского или центрального управления, 14 были назна-

чены на новые должности из числа их делопроизводителей (включая заседателя Тобольского окружного суда титулярного советника А.Я. Чуловского, находившегося в штате губернского правления с июля по ноябрь 1845 г.), 5 ранее возглавляли канцелярии земских судов (органов окружной полицейской администрации), окружных приказов (органов полицейской администрации в Казахской степи), губернского правления. Только 9 получили опыт судебно-канцелярской деятельности от 11 месяцев до 19 лет 10 месяцев, включая бывшего секретаря. Наряду с прочими поощрениями 4 чиновника удостоились знаков отличия за 15 и 20 лет службы.

К 1847 г. менее года находились в составе коллегий окружных судов 5 из 20 заседателей (отсутствуют сведения об одном из трех заседателей, предусмотренных штатным расписанием 1837 г. [4. С. 288], в Ишимском и Тюменском окружных судах), включая 3 бывших учителей и 3 бывших работников органов губернского и центрального управления. От 1 года до 3 лет осуществлением правосудия были заняты ещё 6 чиновников. В число лиц с незначительным судебским стажем в 1846 г. входили 2 бывших учителя и 4 бывших работника органов губернского управления, из которых губернский секретарь П.В. Анненков в штат губернского правления был переведён из канцелярии окружного суда, где находился в период с августа 1837 г. по январь 1839 г., в ноябре 1842 г. назначен на должность в штате Березовского полицейского управления, в августе 1845 г. – заседателя Березовского окружного суда, титулярный советник А.Ф. Рудаков прошёл успешную карьеру в канцелярии губернского правления, где возглавлял стол, исполнял обязанности надсмотрщика крепостных дел и временно – секретаря, т.е. начальника канцелярии, периодически премировался и был удостоен знака отличия за 15 лет службы, наконец, в июне 1844 г. назначен членом коллегии Тобольского окружного суда. Три года 7 месяцев составил судейский стаж заседателя Тарского окружного суда губернского секретаря Ф.Д. Гуляева, более 12 лет проработавшего судебным делопроизводителем, с апреля 1840 г. до июня 1843 г. замещавшего канцелярские должности в штате Тобольского губернского правления и общего губернского управления.

Более 5–6 лет продолжалась судебная деятельность 4 чиновников: с ноября 1844 г. в состав коллегии Омского окружного суда входил коллежский асессор И.И. Попов, прослуживший в земских судах с низших вакансий до должностей секретаря и заседателя, получив благодарности как за исполнение фискальных обязанностей, так и оперативно-розыскную работу, с июня 1844 г. в состав коллегии Березовского окружного суда – титулярный советник И.И. Пушкарёв, бывший канцелярист нижнего земского суда, общего окружного управления, с мая 1832 г. заседатель окружных приказов в области сибирских киргизов, с июля 1839 г. – Омского окружного суда, с июля 1842 г. приписанный к штату общего губернского управления, с мая 1841 г. в состав Тарского окружного суда – коллежский асессор М.М. Садков, бывший канцелярист казённой палаты и губернского правления, с мая 1840 г. в состав Омского окружного суда – титулярный советник П.Ф. Денисов, принятый после выпуска из Барнаульский горного училища в октябре 1826 г. на вакансию копииста в окружной суд, с мая 1831 г. секретарь Колыванского нижнего земского суда.

Участие в осуществлении правосудия заседателей Туринского, Ишимского и Ялutorовского окружных судов коллежских асессоров И.И. Ивонина, Ф.Г. Ошарова и М.Ф. Епанчина продолжалось 11, более 14 и 20 лет. Первый, бывший рекрут, военный ветеран, в 1813–1827 гг. добросовестно служил на административно-полицейских должностях. Карьера второго с мая 1785 г. до февраля 1832 г. проходила на должностях лекарского ученика, работника почтовой конторы, лекарского помощника и смотрителя больницы, работника экспедиции о ссыльных. Третий, напротив, непрерывно служил в сфере юстиции: с сентября 1813 г. в штате уездного суда, с июня 1819 г. – гражданской палаты, затем губернского суда; в составе коллегии Ялutorовского окружного суда в 1832 г. чиновник получил благодарность от имени Совета общего губернского управления за успешное разрешение дел в 1827–1831 гг. и был премирован в размере годового жалования, в 1841 г. удостоен знака отличия «беспорочной» службы за 20 лет. Наконец, максимальным опытом судопроизводства обладал заседатель Тюменского окружного суда титулярный советник В.А. Серебряков, с января 1804 г. проходивший службу на канцелярских вакансиях в уездном и нижнем земском судах, гражданской палате, с марта 1814 г. секретарь уездного суда, с ноября 1820 г. – нижнего земского суда, с декабря 1824 г. член коллегии нижних земских судов, получивший благодарности не только за успешное обеспечение фискальных интересов государства, но и эффективную оперативно-розыскную работу. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия заседателей окружных судов в 1846 г. составила 5,5 лет [5].

К 1852 г. менее года находились в составе коллегии окружных судов 4 из 21 их членов (отсутствуют сведения об 1 из 3 заседателей, предусмотренных штатным расписанием 1837 г., в Тарском окружном суде), включая заседателя Березовского окружного суда коллежского секретаря П.Н. Михалева, с февраля

1842 г. учителя истории и географии в уездных училищах, премированного за труды в размере трети оклада жалования, и 3 бывших работников органов губернского управления, из которых заседатель Тюменского окружного суда коллежский секретарь П.Ф. Кравчуковский в период с апреля 1837 г. по март 1838 г. проходил службу в канцелярии уездного суда, затем Харьковского губернского правления, Главного управления Западной Сибири, с января 1848 г. – на должности бухгалтера, поощрялся дополнительными денежными выплатами, командировался к участию в проверке деятельности («ревизии») органов управления в Омском округе.

От 1 года до 3 лет участвовали в судопроизводстве 7 заседателей. В 1851 г. среди членов коллегий с низким стажем осуществления правосудия оказались коллежский секретарь А.Б. ?, иммигрант из Пруссии, по окончании Реформатской школы в Санкт-Петербурге поступивший на службу в Контору адресов, позднее работавший в Пятом департаменте Сената, с января 1833 г. и марта 1849 г. – в Тобольском общем губернном управлении и Главном управлении Западной Сибири, с августа 1841 г. – вновь в штате столичной полиции, с октября 1850 г. заседатель Тюменского окружного суда, губернский секретарь А.А. Башанов, единственный обладатель высшего юридического образования, с марта 1848 г. чиновник Казанской казённой палаты, с сентября 1849 г. – Тобольского общего губернского управления, Главного управления Западной Сибири, с мая 1850 г. заседатель Тобольского окружного суда, коллежский секретарь Н.М. Кротов, выпускник училища при Сибирском линейном казначействе войска, с мая 1832 г. по октябрь 1833 г. находившийся в штате казённой палаты, откуда был принят на должность солдата в линейный батальон, в сентябре 1838 г. – феврале 1840 г. исполнявший обязанности асессора в военно-судной комиссии, позднее работавший на должности казначея, с марта 1850 г. заседатель Омского окружного суда, титулярный советник А.П. Тризна, принявший в период службы в армии участие в военных действиях против польских мятежников, в июне 1835 г. приписанный к штату Омского общего окружного управления и в августе того же года назначенный на должность столоначальника в Семипалатинский окружной суд, в январе 1838 г. – на должность секретаря в земский суд, позднее работавший смотрителем поселений и заседателем земского суда, с февраля 1844 г. – членом коллегий окружных приказов, за выслугу лет поощрённый увеличением жалования, с марта 1850 г. заседатель Курганского окружного суда, титулярный советник Л.Г. Трифонов, с мая 1811 г. учитель военно-сиротского отделения, поощрявшийся за труды денежной выплатой в размере годового оклада жалования, с марта 1839 г. почтмейстер, с июля 1849 г. заседатель Ялutorовского окружного суда, обладатель знака отличия за 15 лет службы, губернский секретарь П.П. Попов, начавший службу в канцелярии гражданского губернатора, продолжавший карьеру на канцелярских должностях в Министерстве внутренних дел, после перевода на восток – в Тобольском общем губернном управлении, откуда дважды ко-

мандировался для работы в комиссию военного суда, в окружной суд и приказ о ссыльных, с июля 1849 г. заседатель Тобольского окружного суда. Наконец, 3 года 1 месяц осуществлял правосудие на должностях заседателей Курганского, затем Туринского окружных судов вышеупомянутый А.Ф. фон-дер Бриген, лишённый чинов и прав дворянского достоинства за участие в деятельности революционных организаций «Союз Благоденствия» и «Северное общество», вновь допущенный на службу в качестве работника канцелярии окружного суда в марте 1838 г., входивший в круг опытных судебных делопроизводителей.

В 6 случаях судейский стаж составлял от 5 лет 11 месяцев до 8 лет 7 месяцев, в остальных – 10 лет 2 месяца, 11 лет 8 месяцев, 14 и 25,5 лет. Титулярный советник К.Д. Кувичинский с октября 1836 г. работал учителем истории и географии в Тюменском уездном училище и был назначен в сентябре 1846 г. членом коллегии Ишимского окружного суда. Должности заседателей продолжали исполнять в Тарском окружном суде с февраля 1846 г. титулярный советник Н.П. Попов, с августа 1834 г. работник канцелярии Медико-хирургической академии, откуда уже в ноябре был командирован в Тобольск, с января 1838 г. вновь служивший в столице на канцелярских должностях в Министерстве государственных имуществ, Провиантском депо, Департаменте уделов, с июня 1842 г. – в Тобольской экспедиции о ссыльных, затем чиновником особых поручений в Томском общем губернском управлении, в Ишимском – с марта 1845 г. титулярный советник И.Ф. Петровский, переведённый в 1834 г. в штат Омского общего областного управления из канцелярии Черниговского губернского правления, дважды премированный за труды, возглавлявший стол, с января 1836 г. замещавший должности секретарей в земском суде, городской ратуше, окружном приказе, командировавшийся для временного исполнения обязанностей стряпчего и заседателя окружного приказа, в Тюменском – с июня 1845 г. титулярный советник Е.И. Плотников, после увольнения с должности учителя приходского училища в августе 1824 г. работавший в штате Главного управления Западной Сибири и Тобольского общего губернского управления, позднее – Тульского губернского и Кавказского областного правлений, с июля 1840 г. – вновь Тобольского общего губернского управления, откуда командировался для временного исполнения обязанностей заседателя в окружной суд, в декабре 1841 г. назначенный заседателем земского суда, получивший благодарность за успешное исполнение фискальных обязанностей, в феврале–июле 1844 г. вновь находившийся в составе коллегии окружного суда, затем в штате пограничного управления, в Курганском – губернский секретарь Я.М. Петухов, бывший работник духовного правления, затем Троице-Савского пограничного управления, где возглавлял стол, в период с января 1844 г. по июнь 1850 г. входивший в состав коллегии Туринского окружного суда, наконец, вышеупомянутые в Тарском – титулярный советник Ф.Д. Гуляев, в Омском – коллежский ассессор И.И. Попов и титулярный советник П.Ф. Денисов, в Туринском – коллежский ассессор

И.И. Ивонин и в Ялуторовском – коллежский ассессор М.Ф. Епанчин. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия заседателей окружных судов в Тобольской губернии в 1851 г. превысила 5,5 лет [6].

Среди окружных судей в Тобольской губернии 1846 и 1851 гг. бывших военнослужащих уже не оказалось, из 12 чиновников 4 принадлежали к числу лиц, присланных служить в областях за Уралом, 4 ранее работали школьными учителями, 11 в разное время служили в органах центрального или губернского управления, 3 возглавляли канцелярии нижних земских судов и окружного приказа, наконец, 5 получили опыт судебного делопроизводства, из которых 3 замещали должности начальников канцелярий. Четыре чиновника были награждены знаками отличия за 15 и 20 лет добросовестной службы.

В списке 1846 г. наиболее позднее назначение на должность в Тюменский окружной суд получил коллежский ассессор А.А. Потоцкий, с мая 1832 г. трудившийся в Казанской казённой палате, затем учителем и надзирателем в Казанской гимназии, смотрителем уездных училищ, в январе–июне 1846 г. находившийся в штате Омского пограничного управления. Окружным судом в Омске с сентября 1845 г. руководил надворный советник И.Ф. Бондаревский, в 1812–1822 гг. канцелярский работник духовного правления, затем чиновник Слободско-Украинской казённой палаты, с июня 1832 г. причисленный к штату Томского общего губернского управления, откуда после присвоения чина VIII класса командировался на должность советника в губернский суд в июне–октябре 1832 г., марте–апреле 1833 г., затем вновь служивший в сфере управления государственными имуществами, получив благодарность по итогам внеплановой проверки (*«внезапной ревизии»*), премию в размере годового оклада, знаки отличия за 15 и 20 лет добросовестной службы.

С января 1845 г. Тарский окружной суд возглавлял коллежский ассессор А.М. Ефремов, с июля 1814 г. служивший в канцелярии губернского правления, где систематически вознаграждался за труды денежными премиями, производством в чины, назначением на должности, включённый в 1822 г. в штат общего губернского управления, где ему вручили знак отличия за 20 лет добросовестной службы, с октября 1844 г. Ишимский – коллежский ассессор И.Я. Игнатьев, после обучения основам горной службы с декабря 1819 г. работавший на должностях унтер-шихтмейстера, затем учителя в Барнаульском горном училище, с июня 1823 г. – чиновника казённой палаты, соляного пристава, смотрителя винокуренного завода, окружного казначея, получив знак отличия за 15 лет добросовестной службы, с января 1843 г. Туринский – титулярный советник П.З. Соколов, с мая 1814 г. чиновник казённой палаты, в июне 1818 г. – марте 1822 г. – палаты уголовного суда, позднее удельной конторы, нижнего земского суда, с января 1830 г. – Енисейского губернского суда, где он возглавлял стол, с января 1831 г. секретарь земского суда, в марте 1832 г. принятый в штат Томского общего губернского управления, с октября того же года засе-

датель земского суда, с августа 1838 г. окружной стряпчий, на должности которого получил благодарность губернского прокурора за выявление правонарушений в налоговой сфере и генерал-губернатора за раскрытие кражи золота с частных промыслов, с октября 1841 г. Тобольский – надворный советник Е.А. Лузгин, после окончания Могилёвской духовной семинарии принятый в штат канцелярии Омского общего областного управления, продолжавший службу в Главном управлении Западной Сибири, с января 1832 г. – на должности секретаря окружного приказа, с июля 1835 г. – заседателя окружных приказов, с сентября 1838 г. – исправника.

Обязанности судьи в Ялutorовском окружном суде с июня 1840 г. исполнял надворный советник С.С. Бурцев, бывший делопроизводитель нижнего земского суда и губернского правления, секретарь и заседатель нижних земских судов, получивший благодарность за оперативно-розыскную работу, Березовского с октября 1843 г. – коллежский ассессор П.И. Кокин, прослуживший в 1823–1841 гг. в Курганском окружном суде с низших вакансий до должности секретаря, затем находившийся в штате Омского общего окружного управления, наконец, в Курганском с октября 1833 г. – надворный советник А.П. Забелин, наиболее опытный судебный делопроизводитель, проработавший только в уездных судах более 19 лет, с июня 1824 г. – на должности секретаря, с мая 1832 г. – члена коллегии, награждённый за труды денежной выплатой в размере 1 000 руб. и знаком отличия за 20 лет добросовестной службы. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия судей окружных судов в Тобольской губернии в 1846 г. составила более 6 лет.

В 1851 г. минимальный стаж участия в судопроизводстве принадлежал коллежскому секретарю С.Л. Тумановскому, поступившему в октябре 1826 г. на службу в канцелярию удельной конторы, не завершив обучения в Казанской духовной семинарии, с июня 1831 г. работавшему в штате Уральского горного правления, после получения свидетельства о прохождении экзаменационных испытаний в Московском университете – учителем в училищах и гимназии, с мая 1845 г. – столоначальником в Казанской казённой палате, с января 1848 г. – в Главном управлении Западной Сибири, затем окружным начальником, наконец, с февраля 1850 г. судьёй в Тарском окружном суде. Судья Березовского окружного суда с июня 1848 г. коллежский секретарь П.А. Картавцев в январе 1836 г. – октябре 1839 г. служил в Курской палате гражданского суда, затем в Министерстве государственных имуществ, командировался со столичным ревизором в Херсонскую и Курскую губернии, с апреля 1848 г. был приписан к штату Тобольского общего губернского управления. Судья Омского окружного суда с октября 1846 г. коллежский секретарь П.А. Зябликов также ранее служил в Санкт-Петербурге: с марта 1832 г. в казённой палате, с апреля 1835 г. в Пятом департаменте Сената на должностях от письмоводителя при обер-прокуроре до старшего помощника секретаря, дважды награждался дополнительными денежными выплатами, с апреля

1843 г. исполнял должность протоколиста в Царско-сельской дворянской опеке, в феврале 1844 г. – марте 1845 г. – секретаря уездного суда, затем был переведён в штат Тобольского общего губернского управления, откуда в апреле 1846 г. назначен заседателем приказа общественного призрения. Судья Курганского окружного суда с мая 1850 г. коллежский ассессор Я.А. Чуловский входил в число бывших учителей с 10-летним стажем работы, имел благодарность от дирекции училищ за службу, в июле 1845 г. был принят в штат канцелярии губернского правления, откуда в ноябре назначен заседателем в Тобольский окружной суд. На должностях судей оставались коллежский ассессор А.А. Потоцкий, надворный советник И.Я. Игнатьев, титулярный советник П.З. Соколов, коллежский советник Е.А. Лузгин, надворный советник С.С. Бурцев. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия судей окружных судов в Тобольской губернии в 1851 г. составила более 6,5 лет.

Безусловно, отличия за добросовестный труд и высокий профессионализм преобладали над сведениями о взысканиях, наложенных на чиновников в разное время прохождения государственной гражданской службы, существенно не повлиявших на темпы их карьерного роста. Заседатель Курганского окружного суда с февраля 1846 г. титулярный советник Д.Г. Любченко, работавший с декабря 1812 г. в городской полиции Чернигова и Черниговском губернном правлении, с сентября 1825 г. в штате Главного управления Западной Сибири, приказе о ссыльных, общем губернном управлении, был освобождён от обвинения в противоправных действиях в отношении начальника приказа о ссыльных. Вышеупомянутый И.И. Ивонин в числе прочих членов коллегии Туринского окружного суда получил строгий выговор за недопуск крестьянина Кайгородова к обжалованию решения, был освобождён царским манифестом от 16 апреля 1841 г., но с записью в формулярном списке. Вышеупомянутый Ф.Г. Ошаров был оставлен в «подозрении» по делу об утаении имущества в период его работы в ведомстве экспедиции о ссыльных.

Вышеупомянутый бывший заседатель нижнего земского суда И.И. Попов оказался причастен к вынесению неправомерного решения о наказании крестьян кнутом, выплатив в пользу пострадавших 133 руб. 70 коп. ассигнациями. Вышеупомянутый В.А. Серебряков в бытность секретарём Тюменского уездного суда подвергся 6-дневному аресту из-за пропажи дела и был уволен с должности заседателя нижнего земского суда за медленное выполнение поручений, а также привлекался к ответственности по доносу («извету») крестьян о вымогательстве взятки («лихоимстве»), но был оправдан [5].

В 1846 г. 1 заседатель находился в чине XIV класса, 4 – XII, 2 – X, 8 – IX и 5 – VIII, в 1851 г. 2 – XIV, 4 – XII, 4 – X, 8 – IX и 3 – в чине VIII класса. Среди судей в 1846 г. числились 2 титулярных советника, 3 коллежских ассессора и 4 надворных советника, в 1851 г. – 3 коллежских секретаря, 1 титулярный советник, 2 коллежских ассессора, 2 надворных советника и коллежский советник. В число лиц младших по

чину входили П.А. Зябликов, П.А. Картавец и С.Л. Тумановский – бывшие работники губернских и центральных органов управления, из которых 2 первых имели опыт судебного делопроизводства. Средний возраст заседателей как в 1846 г., так и в 1851 г. составил 41 год. В 1851 г. 6 членов коллегий были в возрасте от 30 лет и моложе, 5 – от 40 и моложе. Старшим среди них оставался коллежский ассессор И.И. Ивонин, находившийся в возрасте 79 лет. Средний возраст судей в 1846 г. составил 44 года, в 1851 г. – 43, их разница – от 39 до 48 и от 38 до 50 лет.

Из 44 судебских чиновников надворный советник С.С. Бурцев сообщил о «домашнем воспитании», 8 лиц имели начальное образование, полученное в духовных, горных, уездных училищах, в 1 случае – в училище для детей канцелярских служителей, ещё 3 не сумели закончить учебных заведений среднего уровня и 11 получили среднее образование, 1 из которых, титулярный советник Н.П. Попов, – в горном кадетском корпусе, не завершив обучения в Горном институте, наконец, 4 служащих имели высшее образование, из них коллежский секретарь Г.Ф. Мертлич являлся выпускником высшей художественной школы – Академии художеств, по окончании которой преподавал в Тобольской гимназии вплоть до назначения в состав коллегии Омского окружного суда, и 2 прошли обучение в Казанском университете. Общее число бывших учителей начальных и средних школ среди названных заседателей и судей окружных судов в Тобольской губернии составило 12 человек.

В 1846 г. по 5 заседателей происходили из семей потомственных и личных дворян (1 назвался сыном казачьего майора), 4 – из семей наследственных гражданских служащих, 3 – духовных лиц, по 1 – мещанина и крестьянина, Г.Ф. Мертлич писался «из незаконнорожденных». В 1851 г. 8 заседателей являлись детьми потомственных дворян и 4 – личных, 3 – наследственных гражданских служащих, по 1 – духовного лица, солдата, мещанина и крестьянина, 1 иммигрантом и 1 лишённым прав дворянского сословия. Среди судей в 1846 г. 3 происходили из семей потомственных дворян (1 являлся «военным» дворянином), 3 – обер-офицеров, 3 – духовных лиц, в 1851 г. 4 по рождению принадлежали к духовному сословию, 3 являлись детьми личных дворян и 2 – потомственными дворянами.

Имущественное положение чиновников лишь отчасти соответствовало их происхождению. Обер-офицерские сыновья надворный советник С.С. Бурцев и коллежский секретарь П.А. Зябликов сообщили о наличии в собственности 15 десятин земли и дома соответственно, потомственные дворяне коллежский ассессор М.Ф. Епанчин, титулярный советник Е.И. Плотников и коллежский ассессор И.И. Попов – дома, 1 дворового человека, деревянного дома и 1 дворового человека. За женой коллежского ассессора И.И. Иволина числился деревянный дом и семья дворовых людей из 4 человек. Сыну личного дворянина титулярному советнику И.Ф. Петровскому принадлежали дом, 25 десятин земли и 1 дворовой человек, сыну казачьего офицера титулярному советнику

В.А. Серебрякову – 15 крестьян, родителям титулярного советника Н.П. Попова – 375 десятин земли и 11 крестьян, потомственным дворянам коллежскому секретарю П.А. Картацеву – 113 десятин земли и 25 крестьян, губернскому секретарю П.П. Попову – 375 десятин земли и 26 крестьян.

Из числа лиц, известных по спискам чиновников, служивших в 1850 г. в Томской губернии (отсутствуют сведения об 1 заседателе Бийского окружного суда), только 3 – члены коллегии Каинского окружного суда с сентября 1845 г., октября и июня 1844 г., уволились из армии. Из них титулярный советник с неустановленным именем до поступления на военную службу в апреле 1841 г. работал учителем, титулярный советник Д.Д. Попов являлся ветераном Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., с 1835 г. замещал административно-полицейские должности и был награждён знаком отличия за 20 лет службы, губернский секретарь И.С. Арсеньев, выпускник кадетского корпуса в рядах армии находился в период с февраля 1838 г. по декабрь 1842 г. Из 13 заседателей 5 в разное время работали в органах губернского уровня и 6 получили опыт судебного делопроизводства от 1 года до 10 месяцев до 13 лет 9 месяцев, 2 из которых исполняли обязанности начальников канцелярий. При этом наиболее позднее назначение в состав коллегии Кузнецкого окружного суда в сентябре 1849 г. получил титулярный советник Я.П. Чайковский, оставивший в связи с присвоением ему очередного чина менее престижную по классу должность в органе губернского управления. Губернский секретарь, заместивший в апреле 1848 г. должность первого заседателя в Барнаульском окружном суде, проработал в канцелярии окружного суда с июля 1837 г. с низших вакансий до должности секретаря, в 1847 г. был приписан к штату Томского общего губернского управления. Ещё 3 чиновника оставались на должностях более 4 лет, 3 – более 5, 3 – более 6 и 1 – более 7 лет. Старшим заседателем в Томском окружном суде являлся коллежский ассессор Ф.Я. Яковлев, с июня 1810 г. входивший в штат канцелярии Томского губернского правления, в феврале 1824 г. – июле 1829 г. и с декабря 1836 г. член судейской коллегии. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия членов коллегий окружных судов в Томской губернии в 1850 г. составила 6 лет.

Из 5 известных окружных судей (отсутствуют сведения о судьбе Барнаульского окружного суда) 4 в разное время работали в губернском звене, 2 получили судебно-канцелярский опыт. Наименьший судейский стаж – 7 лет, принадлежал колыванскому судье надворному советнику А.И. Орлову, обладателю знака отличия за 25 лет добросовестного прохождения службы. Восемь лет 8 месяцев был занят в осуществлении правосудия томский судья коллежский советник А.И. Кириллов, бывший учитель, затем работник казённой палаты и при делах губернского прокурора, с июля 1830 г. – окружной стряпчий, командировавшийся к исполнению иных должностей по поручению начальства, 9 лет 11 месяцев – каинский судья коллежский советник В.А. Резанов, с февраля 1815 г. находившийся в штате совестного суда, с 1822 г. –

губернского, откуда уже в июне 1823 г. был назначен на должность окружного стряпчего, 13 лет 4 месяца – бийский судья коллежский асессор М.Л. Милькеев, с июня 1821 г. работник палаты гражданского суда, затем губернского правления, позднее секретарь в Тарском полицейском управлении, за исполнение должности которого был отмечен благодарностью, с сентября 1837 г. заседатель Тюменского окружного суда, обладатель знака отличия за 15 лет добросовестной службы, наконец, 16 лет 3 месяца – кузнецкий судья коллежский советник Ф.В. Денисов, с декабря 1805 г. работник казённой палаты и губернского правления, в феврале–августе 1819 г. заседатель уездного суда, позднее замещавший административно-полицейские должности, обладатель знака отличия за 30 лет добросовестной службы. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия 5 известных из 6 судей окружных судов в Томской губернии в 1850 г. составила 11 лет.

Из 18 чиновников только формулярный список В.А. Резанова упоминает про обвинение в совершении правонарушения в период исполнения обязанностей окружного стряпчего, от которого он был освобождён [7]. Необходимо отметить, что Совет Главного управления Западной Сибири систематически оценивал профессиональную пригодность государственных гражданских служащих. Так, «журнал» от 1837 г. зафиксировал решения Совета о прекращении производства по делу о пропаже 150 руб., оставленных крестьянами, взятыми под стражу, бывшему заседателю Кузнецкого окружного суда Титову, наказании членов коллегии Бийского окружного суда за ряд правонарушений, одного из которых уволили для назначения на низшую по классу должность, и увольнении его судьи Е.Л. Шабанова (*«как человека для оной неблагонадежного»*), перемещении на низшие по классу должности секретаря и заседателя Тарского окружного суда за нарушения, выявленные в производствах по делам, взыскании стоимости утраченного имущества и возврате денег с вынесением предупреждения – «строгого подтверждения», заседателям и судье Барнаульского окружного суда, перемещении или увольнении членов коллегии и председателя Омского областного суда в связи с необоснованным нарушением ими сроков рассмотрения дел [8]. В 1854 г. Совет Главного управления Западной Сибири, ознакомившись с итогами очередной ревизии Тюменского окружного суда, объявил строгий выговор с внесением в «штрафную книгу» бывшему секретарю Кузнецову, секретарю Серебренникову и заседателю Смирнову, уволил с должностей заседателя Плотникова и судью Потоцкого с сокращением им жалованья, и распорядился о передаче материалов по делу на рассмотрение губернского суда [9].

Среди заседателей окружных судов Томской губернии числились 4 губернских и 2 коллежских секретаря, 6 титулярных советников и 1 коллежский асессор, судьи носили чины коллежского асессора и надворного советника, 3 – коллежского советника. Их средний возраст составил 38 лет и 52 года. Из 18 чиновников 6 получили «домашнее воспитание», 4 имели свидетельства о начальном образовании и 5 – о среднем, завершив обучение в семинариях, гимна-

зии и кадетском корпусе. Пять лиц принадлежали к потомственным дворянам, включая военного дворянина и сына штаб-офицера, 4 происходили из семей личных дворян 2 – духовных лиц и 1 – наследственного гражданского служащего, Ф.Я. Яковлев являлся бывшим крепостным человеком. Среди судей 3 принадлежали к потомственным дворянам, по 1 – к сыновьям обер-офицеров и духовных лиц. Согласно записям, из 18 государственных гражданских служащих в собственности 7 находились дома, Ф.В. Денисову принадлежали дом и 4 дворовых человека, И.С. Арсеньеву – 450 десятин земли.

Итак, к середине XIX в. число бывших военнослужащих среди чиновников, задействованных в осуществлении правосудия на территории Западной Сибири, сократилось до минимального: из 4 заседателей в Тобольской губернии 2 были отмечены государственными наградами за боевые заслуги, 1 исполнял в армии судебную и административную должности и 1 являлся ссыльным, из 3 заседателей в Томской губернии 1 являлся ветераном боевых действий, служба 2 ограничилась 5 и 3 годами. Среди судей отставные офицеры отсутствовали. Ряды государственных гражданских служащих в областях за Уралом продолжали стабильно пополнять приезжие лица, мотивированные льготами: 13 из 32 лиц прибыли из Европейской части страны; 1, как отмечалось, являлся ссыльным. Качественному подбору и отбору кадров губернским руководством способствовала их стажировка в органах губернского или центрального управления, среди заседателей и судей постоянно присутствовали бывшие начальники канцелярий, а также судебные делопроизводители, к которым согласно спискам 1846–1851 гг. относились 15 из 45 заседателей и 7 из 17 судей, 6 из них исполняли обязанности секретарей. Средний судейский стаж заседателей и судей в Томской губернии в 1850 г. оказался выше, чем у чиновников в Тобольской губернии. Судейские чиновники демонстрировали положительные достижения при прохождении карьеры, официальные свидетельства об их добросовестной службе и высоком профессионализме, безусловно, доминировали над упоминаниями о привлечении к ответственности отдельных лиц.

В Тобольской губернии в 1851 г. в 6 случаях и в Томской губернии в 1850 г. в 4 случаях чины оказались ниже более чем на 1 класс должности заседателя. В число судей в Тобольской губернии входили 3 коллежских секретаря, ранее успешно трудившихся в губернских и центральных органах управления. В то же время в чинах, превосходивших классами должность судьи, находились 3 лица, в Томской губернии – 4. Соответственно стажу профессиональной деятельности средний возраст заседателей в Томской губернии – 38 лет, объективно уступал среднему возрасту судей – 52 года.

К середине XIX в. уровень образованности государственных гражданских служащих в Западной Сибири объективно вырос: согласно спискам 1846–1851 гг. из 62 заседателей и судей 31 обладали аттестатами, из которых 16 получили среднее и 4 высшее образование. Фактор образования влиял на отбор кадров для замещения должностей членов и председателей коллегий

окружных судов в Тобольской и Томской губерниях: 14 лиц (22,6%) являлись бывшими учителями начальных и средних учебных заведений. В число бывших учителей входил тарский судья в чине коллежского секретаря С.Л. Тумановский, прошедший экзаменационные испытания в Московском университете.

Происхождение государственных гражданских служащих в Западной Сибири оставалось разнородным, однако в 1851 г. в Тобольской губернии и в

1850 г. в Томской губернии преобладающими группами среди заседателей оказались сыновья потомственных и личных дворян, вместе составившие 57 и 69% соответственно. Среди судей новую крупную группу чиновников представляли лица, рождённые в духовном сословии, – 44 и 20% соответственно от их общего числа. Имущественное положение подавляющего большинства чиновников традиционно зависело от их заработной платы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропанов В.А. Проблемы кадровой политики в системе провинциальной государственной службы Российской империи: формирование канцелярского аппарата в Западной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российской государственности 1150 лет: исторический опыт и вызовы современности». Челябинск, 2012. С. 42–47.
2. Воропанов В.А. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6. С. 84–90.
3. Состав коллегий уездных и окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 71–77. DOI: 10.17223/15617793/418/9
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1838. Т. XII, ч. II. С. 287–294.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6282. Формулярные списки чиновников Министерства внутренних дел и юстиции Тобольской губернии. 1846. Л. 227–474.
6. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7752. Формулярные списки чиновников Министерства внутренних дел и юстиции Тобольской губернии. 1851. Л. 332–1219.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 498. Формулярные списки чиновников Томской губернии. 1850. Л. 303–446.
8. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 3. Оп. 1. Д. 1674. Журналы Главного управления Западной Сибири. 1837. Л. 26–381.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2733. Журналы Главного управления Западной Сибири. 1854. Л. 3–205.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2018 г.

The Membership of District Courts in Tobolsk and Tomsk Provinces in the Second Quarter of the 19th Century: Results of the Development of the “Regional” Group of Pre-Reform Judicial Bureaucracy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 124–131.

DOI: 10.17223/15617793/438/16

Vitaliy A. Voropanov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Keywords: Russian Empire; personnel policy; service records (form lists); judicial officials.

The aim of this article is to analyze the results of the personnel management of the state civil service in the courts and the development of the composition of the judges in Tobolsk and Tomsk provinces in the second quarter of the 19th century. To achieve the aim, the author used documents from the personnel records of the state civil service of 1846–1851. In this study, the author used methods of analysis and synthesis, classification, as well as descriptive, historical and typological, historical and genetic ones. The subject of the research is the formal lists of judicial officials. The author analyzed changes in the staff composition of district courts of Tobolsk and Tomsk provinces in the second quarter of the 19th century, results of the development of the regional group of pre-reform judicial bureaucracy. The author came to the conclusion that by the middle of the 19th century the Russian Supreme power managed to overcome the shortage of personnel and to form a stable composition of judges of district courts in Western Siberia, to maintain an appropriate level of their competence. However, local judges were naturally distinguished by the variety of class origin, prior experience of the state civil service. The analysis of the formal lists made it possible to conclude that the number of the former servicemen among the officials involved in implementation of justice in the territory of Western Siberia was minimized. There were no retired officers among judges. In areas beyond the Urals, new people motivated by privileges continued to join ranks of the public civil servants steadily: 13 of the 32 persons came from the European part of Russia; one was an exiled. The high-quality selection of staff by the provincial administration was promoted by the staff training in bodies of provincial or central management; among assessors and judges there constantly were former chiefs of offices and court clerks (according to lists of 1846–1851, 15 of 45 assessors and seven of 17 judges). The average judicial experience of assessors and judges in Tomsk Province in 1850 was higher than that in Tobolsk Province. Judicial officials showed positive achievements in their careers, official certificates on their conscientious service and high professionalism dominated over mentions of prosecution of individuals. By the middle of the 19th century, the level of education of public civil servants in Western Siberia had objectively grown: according to lists of 1846–1851, of 62 assessors and judges 31 possessed certificates, including 16 of secondary and four of higher education. The factor of education influenced the selection of staff for replacement of positions of members and chairmen of boards of district courts in Tobolsk and Tomsk provinces. The origin of public civil servants in Western Siberia remained diverse. The financial situation of the vast majority of officials traditionally depended on their salary.

REFERENCES

1. Voropanov, V.A. (2012) [Problems of personnel policy in the system of the provincial public service of the Russian Empire: the formation of the clerical staff in Western Siberia in the late 18th – first half of the 19th centuries]. *Rossiyskoy gosudarstvennosti 1150 let: istoricheskiy opyt i*

- vyzovy sovremennosti [Russian statehood is 1150: historical experience and the challenges of modernity]. Proceedings of the All-Russian Conference. Chelyabinsk: ChF RANKhIGS. pp. 42–47. (In Russian).
2. Voropanov, V.A. (2013) The development of the system of selecting and training the personnel for state civil service in the Russian Empire in the first period of XIX century. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 6. pp. 84–90. (In Russian).
 3. Voropanov, V.A. (2017) The membership of district courts in Tobolsk and Tomsk provinces in the first quarter of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 71–77. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/9
 4. Russian Empire. (1838) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie. II* [The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collection. II]. Vol. XII. Pt. II. St. Petersburg: Tip. II-go otd-niya Sobstvennoy E. I. V. kantselyarii. pp. 287–294.
 5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 6282. *Formulyarnye spiski chinovnikov Ministerstva vnutrennikh del i yustitsii Tobol'skoy gubernii, 1846* [Formal lists of officials of the Ministry of Internal Affairs and Justice of Tobolsk Province, 1846]. Pages 227–474.
 6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 7752. *Formulyarnye spiski chinovnikov Ministerstva vnutrennikh del i yustitsii Tobol'skoy gubernii, 1851* [Formal lists of officials of the Ministry of Internal Affairs and Justice of Tobolsk Province, 1851]. Pages 332–1219.
 7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 498. *Formulyarnye spiski chinovnikov Tomskoy gubernii, 1850* [Formal lists of officials of Tomsk Province, 1850]. Pages 303–446.
 8. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 1. File 1674. *Zhurnaly Glavnogo upravleniya Zapadnoy Sibiri, 1837* [Journals of the Main Administration of Western Siberia, 1837]. Pages 26–381.
 9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 2733. *Zhurnaly Glavnogo upravleniya Zapadnoy Sibiri, 1854* [Journals of the Main Administration of Western Siberia. 1854]. Pages 3–205.

Received: 15 April 2018

Н.Р. Жолудева

МУСУЛЬМАНЕ ВО ФРАНЦИИ: ЖИЗНЬ МУСУЛЬМАНСКИХ КВАРТАЛОВ ПАРИЖА

Статья посвящена проблемам иммигрантов-мусульман во Франции. Рассмотрен вопрос адаптации и интеграции иммигрантов-мусульман в общество Франции на примере мусульманских кварталов Парижа. Охарактеризованы социально-экономическое положение иммигрантов-мусульман, их образ жизни. Проанализированы некоторые причины существующего положения иммигрантов. Выявлены трудности в отношениях между коренными французами и иммигрантами. Приведены конкретные примеры, иллюстрирующие жизнь в мусульманских кварталах Парижа.

Ключевые слова: Франция; иммигранты; миграционная политика; мусульмане; Париж; интеграция; адаптация.

В настоящее время во Франции проживает около 67 млн человек [1], 8–10% из которых являются мусульманами-мигрантами [2. С. 100]. При этом каждый год в страну пребывает около 300–350 тыс. только легальных иммигрантов [3]. На нелегальном положении, по мнению экспертов, около 96% иммигрантов, и объясняется это тем, что получившие отказ властей в убежище, они все равно остаются на территории страны [4]. С каждым годом количество заявлений на предоставление убежища растет. Так, например, в 2015 г. было подано на 20% заявлений больше, чем в 2014 г. [5. С. 84]. С ростом количества иммигрантов растет и нагрузка на систему социальной защиты, ухудшается криминогенная обстановка, возрастает социальная нестабильность [6]. Ежегодно большое количество мусульман получает гражданство в странах Европейского союза. Так, например, в 2001 г. 67 тыс. человек из Марокко и 50 тыс. человек из Турции получили французское гражданство [7]. Поскольку прирост население в мусульманской среде гораздо выше, чем среди немусульман, то по различным прогнозам уже в 70–80 гг. XXI в. в странах Евросоюза будет преобладать мусульманское население. В 2010-х гг. число недавно прибывших во Францию иммигрантов и их потомков в нескольких поколениях составляет 12,2 млн человек, или около 19% населения страны. Так как в стране этническая статистика не ведется, то количество выходцев из стран Магриба можно определить лишь по примерным подсчетам (около 1,2 – 1,5 млн человек) [8. С. 57]. Мусульманское население Франции на $\frac{2}{3}$ состоит из выходцев стран Ближнего Востока и Магриба, а именно Алжира (700–800 тыс.), Марокко (около 600 тыс.), Туниса (300–400 тыс.), Турции (около 350 тыс.) и других (Сенегал, Мали, Нигер, Пакистан, Иран) [9. С. 129]. Кроме мусульман-иммигрантов на территории Франции проживают также мусульмане, являющиеся гражданами Франции, и этнические французы, принявшие ислам [Там же]. В религиозно-конфессиональном отношении уже к началу 2010-х гг. мусульмане по численности вышли на второе место после католиков и превосходят другие конфессиональные группы: протестантов и иудеев [2. С. 100].

По мнению В.В. Наумкина, в Западной Европе выработалось несколько моделей отношений с иммигрировавшим населением: политика ассимиляции, мультикультурализма, гастарбайтерства (уже не существует). Франция избрала модель ассимиляции, при

которой иммигранты должны адаптироваться и полностью интегрироваться во французское общество, впитать его культуру и ценности Республики [10. С. 6]. Французская модель интеграции базируется на принципах и идеалах Французской революции и республиканизма, что обуславливает предоставление Францией гражданства по праву почвы, а не праву крови, не принимая во внимание религиозные и этнические особенности кандидата. Отсюда вытекает идея автоматического признания иммигрантом республиканских ценностей (свобода, равенство, братство). «Франция страна этичности, а не этничности» [8. С. 56]. Именно поэтому во Франции сложилась модель ассимиляции иммигрантов, или «республиканская модель». Согласно французской статистике, иммигрантом считается лицо, родившееся от иностранных родителей за пределами Франции, а затем приехавшее в страну на постоянное место жительства. Однако, даже получив гражданство, такое лицо будет продолжать оставаться иммигрантом.

Во Франции есть ряд законов, которые помогают иммигрантам социализироваться и включиться в жизнь французского общества. «Закон о правах иностранцев во Франции» ставит три главные задачи: во-первых, улучшение приема и способов интеграции иммигрантов; во-вторых, привлечение специалистов и «международных талантов»; в-третьих, борьба с незаконной миграцией при условии соблюдения прав человека. После террористических атак в 2015 г. был принят «Закон о лишении французского гражданства», который распространяется на лиц, виновных в терроризме [11. С. 128]. Несмотря на то что во Франции достаточно развитое законодательство, касающееся прав иммигрантов и их интеграции, предоставления убежища беженцам и защиты их прав, существуют определенные недостатки, этих мер недостаточно. Слабая реализация законов на практике не решает сложившихся социально-экономических проблем иммигрантов и не оказывает никакого влияния на неблагополучную ситуацию в иммигрантских мусульманских районах.

Согласно законодательным и нормативным документам, безработным мигрантам французское правительство выплачивает пособие, которое составляет 281 евро на взрослого и 184 евро на ребенка [12]. Для иммигрантов это достаточная сумма, чтобы не работать. Еще в 1991 г. будущий президент Жак Ширак сказал, что не иностранцы являются для Франции

проблемой, а их количество и качество по сравнению с прошлыми волнами миграции, а также отметил, что гораздо меньше проблем создавали европейские мигранты, чем «мусульмане и черные». Французский трудящийся получает на двоих с женой 15 тыс. франков, а иммигрант, живущий в АШАЛЕМе («НЛМ» – социальное жилье с низкой арендной платой, финансируемое за счет государства [13]) с несколькими женами и десятком детей получает 50 тыс. франков пособия [12]. Получая такое пособие, которого достаточно для удовлетворения первичных потребностей, человек легко может позволить себе не работать, особенно если учитывать то, на какую заработную плату может рассчитывать неквалифицированный рабочий.

Кроме пособия мигранты получают льготную медицинскую страховку. Дети мигрантов получают гражданство по праву рождения, а родителям выплачивается пособие при рождении ребенка. С.В. Орехова считает, что большинство иммигрантов не стремятся интегрироваться в общество, понять культуру и традиции, стараясь сохранить свой образ жизни, а их интерес заключается в основном в том, чтобы пользоваться социальными благами Французской республики [14. С. 150]. Среди иммигрантов довольно высокий уровень преступности. «Социологи из национального центра научных исследований подсчитали, что дети африканского происхождения уходят в преступность в 3–4 раза чаще, чем французские. В парижской агломерации треть подсудимых – мигранты. Среди них на первом месте цыгане, следующими идут выходцы из Африки, причем большая часть преступлений совершается мусульманами из стран Магриба (Марокко, Алжир, Тунис)» [Там же]. Согласно статистике, во французских тюрьмах среди заключенных 60–70% составляют мусульмане [15. С. 34], при том что их доля в составе населения Франции значительно меньше.

Париж делится на 20 административных округов. Мусульманскими считаются 10-, 11-, 19- и 20-й округа, бульвар Барбес в 18-м округе, а также пригороды или предместья Сена-Сен-Дени и Клиши-су-Буа, где один из самых высоких уровень преступности и безработицы (40 и 20% соответственно) [12, 16]. Количество выходцев из стран Магриба здесь превышает 70% населения. В стране официально существуют так называемые чувствительные городские зоны, которые являются неблагополучными. Во Франции существует 751 такая зона, в Париже – 157. В отношении «чувствительных городских зон» проводится определенная политика, направленная на улучшение экономической ситуации, так как эти территории характеризуются высоким уровнем безработицы, бедностью и низким уровнем общественной безопасности [17. С. 125]. Иммигранты, приезжающие во Францию, селятся преимущественно в тех местах, где уже живут ранее прибывшие мигранты. 40% иммигрантов живут в городской части Парижа, в то время как французы составляют 20% жителей этих кварталов города. К примеру, выходцы из Алжира и Туниса из числа жителей города (96 и 97% соответственно) живут в крупных городских районах Парижа, а 56% из них концентрируется в районе Сена-Сен-Дени [18]. Именно этот пригород Пари-

жа является самым густонаселенным мусульманами, а образ жизни населения Сен-Дени далек от светского: по четвергам и субботам говорят только на арабском – французский язык под запретом, функционируют нелегальные мусульманские школы, где дети изучают нормы Корана, а девочки носят чадру [19]. Описывая эти районы, журналисты и туристы ощущают себя не во Франции, а как будто в одной из арабских стран: играет громкая арабская музыка, горы мусора на тротуарах, люди расстилают коврики и молятся прямо на улицах; рядом располагаются местные рынки, где зачастую торгуют краденными вещами. Высокий уровень преступности и низкий уровень защищенности отпугивают не только туристов, но и местных жителей. Купить оружие не составляет труда, его везут из соседней Бельгии, где располагается известный черный рынок оружия в мусульманском районе Моленбек. Прямо на улице предлагают наркотики [20]. Полиция в такие районы старается не приезжать, особенно ночью. Тут свои законы, которые действуют не только на улицах. К примеру, в мусульманском обществе существует традиция оскпления девочек, во Франции такие операции не проводятся, поэтому их делают в домашних условиях в антисанитарной обстановке неквалифицированными повитухами, из-за чего у женщин во взрослой жизни развивается множество болезней, причем не только физического характера [12].

Причин такого состояния мусульманских кварталов множество. К примеру, левые считают, что проблема кроется в недостаточном внимании общества и властей к социальному и экономическому положению выходцев из мусульманских стран, изъянах системы образования и «фактической сегрегации иммигрантов» [8. С. 55]. Бывший премьер-министр Мануэль Вальс сравнил мусульманские кварталы с гетто, живущими в условиях апартеида [8. С. 55].

У проживающих в светской стране представителей традиционного или религиозного мировоззрения и образа жизни существует два пути: подстроиться под образ жизни западного общества и принять его ценности либо попытаться интегрироваться, сохранив свою идентичность и традиционные ценности. Фархад Кхосрокхавар, профессор Высшей школы социальных исследований в Париже, политолог и исламовед, делит мусульманское общество Франции на три категории:

- первая категория включает в себя около 80% мусульман Франции – это интегрировавшиеся мусульмане, которые приняли ценности западного общества;
- вторая категория – около 15% – интегрировавшиеся мусульмане, но не ассимилировавшиеся и сохраняющие свою религиозную идентичность;
- третья категория – около 5% – полностью обособившиеся ортодоксальные мусульмане, которые отвергают культурные ценности светского французского общества, стремятся жить по законам шариата. В данной категории высокий уровень безработицы из-за нежелания участвовать в экономической и социальной жизни общества. «Около 1 тыс. из них по всей Франции являются членами закрытых и полуподпольных исламистских организаций, возможно, представляющих потенциальную опасность» [21. С. 27].

В христианском мире мусульмане в меньшинстве, что подталкивает многих из них к стремлению сохранить свою культуру и всячески сопротивляться интеграции в секулярное общество. Именно поэтому закон, принятый в 2011 г., запрещающий ношение хиджаба в общественных местах, включая улицы, школы и государственные учреждения, вызвал сильное недовольство [22]. Из-за проблем, связанных с запретом на ношение хиджаба, власти разрешили ношение бурки [10. С. 11].

Сами мусульмане идентифицируют себя, прежде всего, по религиозному признаку. Согласно опросам, 42% мусульман идентифицируют себя как гражданина и 46% – прежде всего как мусульманина [23. С. 255]. По результатам проведенного социологического опроса среди французских студентов было выяснено, что «религия» характеризует около 30% студентов-мусульман и 5% студентов-французов. Также социологи отмечают значимость религиозной принадлежности для иммигрантов, которая является для них фактором их этноконфессиональной идентичности и поведения [24. С. 94]. В 2004 г. Национальный консультативный комитет Франции по правам человека проводил опросы об отношении к религии. К исламу европейцы относятся неоднозначно: 23% положительно, 66% отрицательно. Такой высокий процент негативного отношения свидетельствует о стереотипах, связанных с религиозной принадлежностью.

Жизнь мусульманских мигрантов в Париже усложняется не только полярными различиями между мусульманской и христианской культурой, светским и религиозным обществом, но и ценностными приоритетами. Многие иммигранты констатируют дискриминацию по национальному либо религиозному признаку при устройстве на работу. Ярким тому примером является история Нессима Баяда, выросшего во Франции и выучившегося в хорошей коммерческой школе. Он отправил свое резюме в 75 банков, но не получил ни одного ответа. Тогда он ради эксперимента заменил свое имя на «Пьер» и ситуация сразу изменилась, появились приглашения на собеседования [9]. Существуют и исключения. Шамс из Сенегала поделился своей историей успеха. Он является главой французской IT-компании и говорит: «...то, что я мусульманин и африканец, не стало для меня дополнительной проблемой». Санаа из Марокко – директор по продажам рекламы [25]; Рашида Дати, дочь мальчика из Марокко, – министр юстиции в 2007–2008 гг.

Однако неблагоприятная социально-экономическая среда в мусульманских кварталах толкает многих иммигрантов на акции протеста против правительства Франции. Наиболее яркими и показательными примерами являются выступления и манифестации, массовые беспорядки и погромы, а также теракты в ноябре-декабре 2005 г., в январе 2015 г. в редакции сатирического журнала «Charlie Hebdo» и в ноябре 2015 г.

В ноябре-декабре 2005 г. в пригороде Парижа Клиши-су-Буа, населенном мигрантами-мусульманами, погибли два подростка туниского и мавританского происхождения, спрятавшись в трансформаторной будке от преследовавших их полицейских [26. С. 132]. Реакцией общества на этот инцидент стали массовые

манифестации и демонстрации мусульманской иммигрантской молодежи, которые сопровождались поджогами машин и массовыми беспорядками. По итогам было введено чрезвычайное положение, так как беспорядки распространились из Клиши-су-Буа по всей Франции, и было арестовано около 300 человек [27]. Если беспорядки 2005 г. были вызваны социально-экономическими факторами, в том числе ростом безработицы, неблагоустроенностью районов проживания иммигрантов и явились выплеском накопившихся недовольств, а гибель подростков стала лишь поводом для протеста, то причинами терактов 2015 г. явились уже этноконфессиональные противоречия в обществе и внешняя политика Франции. Известно, что ответственность за расстрел сотрудников (12 человек убито, 11 – ранено) журнала «Charlie Hebdo» взяли на себя две террористические организации «Аль-Каида» и «ИГИЛ». Оба участника теракта – Саид Куаши и Шериф Куаши – были рожденными во Франции, являлись детьми иммигрантов из Алжира [28]. Целая серия терактов, унесшая жизни 120–153 человек [29], произошла в ноябре 2015 г. в мусульманском пригороде Парижа Сен-Дени и 11-м округе, тоже населенном мусульманами-мигрантами. Ответственность за теракты взяло на себя «Исламское государство», которое назвало произошедшее «11 сентября Франции» как месть за Сирию [29]. На этом список терактов и выступлений не ограничивается, по подсчетам СМИ, за 1,5 года произошло около 10 терактов, в связи с чем Францию даже назвали «самой опасной страной Европы» [30].

Французы начинают чувствовать себя некомфортно в своей стране. Жители республики отмечают: «Французский язык во Франции – второй государственный после арабского» [12]. Уже зафиксировано несколько случаев «белого расизма» или «расизма наоборот». К примеру, судебное разбирательство из-за избиения мусульманами француза, евшего бутерброд с ветчиной на улице [31]; проводятся мероприятия, куда не пускают «белых» [32].

Яркой иллюстрацией видения французами будущего является вышедшая в 2015 г. книга Мишеля Уэльбека «Подчинение», в которой описывается вымышленное будущее Франции в 2022 г., когда на выборах президента побеждает Мухамед бен Аббес, возглавляющий «Мусульманское братство» – умеренную исламскую партию, обходя Марин Ле Пен. После этого жизнь в стране кардинально меняется: снижается уровень преступности, безработица перестает существовать, положение женщины теперь определяется нормами ислама, официально разрешается полигамия. Новая внешняя политика Франции переориентируется на превращение Европы в Мусульманские средиземноморские штаты [33].

Можно констатировать взаимный антагонизм среди французов и иммигрантов-мусульман. Согласно опросам, 41% мусульманского населения Франции положительно относится к французам-немусульманам, а 58% – отрицательно [10. С. 7]. Французская комиссия по правам человека периодически проводит опросы населения, которые свидетельствуют, что 77% французов относятся к французам-мусульманам как к таким же французам; 45% французов считают, что мусульмане

хотят адаптироваться к традициям и образу жизни страны, в которой живут. Но не все мусульмане положительно относятся к браку их детей с немусульманами: так, 15% мусульман против брака сына с немусульманкой и 32% – дочери с немусульманином [34. С. 255].

Миграционная политика Франции, по оценкам специалистов [8. С. 58], является крайне противоречивой и непоследовательной за весь период своего существования и заслуживает отдельного рассмотрения. В рамках нашего исследования необходимо отметить, что взятая на вооружение Францией политика ассимиляции иммигрантов не способна решить всех проблем, с которыми сталкивается общество, а невнимание властей к вопросу адаптации иммигрантов только усугубляет эти проблемы. Механизмы ассимиляции и адаптации фактически не работают в мультикультурном обществе. Такая политика, которая призывает всех стать «французами» и воспринять республиканские светские ценности, чужда традиционному мусульманскому обществу. Следствием этого становится образование анклавов мусульманской культуры, гетто, живущих по своим нормам и пытающихся сохранить свои культурные ценности. Большинство мусульман стремятся сохранить собственную конфессиональную идентичность, являющуюся для многих определяющей, свой язык, обычаи и традиции, что еще больше препятствует интеграции мусульман-мигрантов. Из-за дискриминации при трудоустройстве, растет уровень безработицы среди жителей мусульманских кварталов, что в свою очередь обуславливает высокий уровень преступности среди мусульманского населения. Однако не все поддерживают мнение о существовании дис-

криминации, многие мусульмане занимают хорошие должности. Миграционная политика призвана способствовать привлечению в страну специалистов и талантливых людей, которым всегда найдется место в обществе. Во французском законодательстве существует множество запретов в отношении ношения религиозных атрибутов, особенно касательно женщин, и других проявлений религиозности, что противоречит закреплённому в Конституции принципу о светскости Республики. Складывается атмосфера взаимного антагонизма между французами и иммигрантами, мусульманами и немусульманами, представителями светского и религиозного (традиционного) общества. Несмотря на это многие иммигранты-мусульмане адаптируются во французское общество, не теряя при этом своей конфессиональной идентичности. Иллюстрацией данного тезиса может послужить пример Фадели Амары, рожденной в семье иммигрантов из Алжира и являющейся активистом Движения светских мусульман, членом Консультативной комиссии по соблюдению прав человека и других организаций [35].

Таким образом, непродуманная и непоследовательная миграционная политика, заложниками которой уже стало все французское общество, является одной из основных причин образования мусульманских кварталов, их социально-экономического неблагополучия, что порождает многочисленные конфликты, беспорядки. Получается замкнутый круг проблем, требующих решения. Миграционная политика должна строиться на компромиссе, учитывающем интересы как отдельных групп общества, так и государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Population change – Demographic balance and crude rates at national level. 08.11.2017. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en (дата обращения: 05.12.2017).
2. Веретевская А.В. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5 (26). С. 100–102.
3. Total number of long-term immigrants arriving into the reporting country during the reference year. 15.12.2017. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00176&plugin=1> (дата обращения: 27.12.2017).
4. Гусев Д. Убежище во Франции: Счетная палата о дороговизне и бесконтрольности системы // ИНОСМИ.РУ. 2015. 21 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20151021/230946721.html> (дата обращения: 04.01.2018).
5. Матье Тардис Роль Франции в урегулировании миграционного кризиса // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 83–93.
6. Суздалева Т.Р. Миграционные процессы в контексте геополитики // Вестник ТГУ. Серия «Философия. Социология. Политология». 2016. № 3 (35). С. 237–244.
7. Погорельская А.М. Внешнеполитические инструменты регулирования иммиграции в ЕС: политика развития // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 114–118.
8. Фёдоров С.М. Франция. Трудные поиски обновления «республиканской модели» интеграции иммигрантов // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 54–68.
9. Кудрявцев А.В. «Вторая религия» Франции // «НГ-религии». 2002. 18 сентября. С. 128–135.
10. Наумкин В.В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 2 (23). С. 4–14.
11. Фёдоров С.М. Франция // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 126–129.
12. Семенова О.Ю. Повседневная жизнь современного Парижа. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1016398> (дата обращения: 20.11.2017).
13. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <https://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 05.01.2018).
14. Орехова С.В. Миграционная политика Франции // Власть. 2015. № 3. С. 149–151.
15. Наумкин В.В. Мусульмане на Западе // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). С. 31–39.
16. Генералы-песчаных карьеров – пригороды французских городов превратились в гетто для мигрантов // Первый канал. 2015. 25 января. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-01-25/25857-general_peschanyh_karierov_prigorody_frantsuzskih_gorodov_prevratilis_v_getto_dlya_migrantov (дата обращения: 18.11.2017).
17. Федосеева Г.А. Опыт функционирования и государственное регулирование деятельности особых экономических зон во Франции // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 2 (048). С. 124–130.
18. Chantal Brutel La localisation géographique des immigrés Une forte concentration dans l'aire urbaine de Paris // Insee Première. 2016. № 1591. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2121524> (дата обращения: 10.01.2018).
19. Скобелева О. Пятая республика может стать мусульманской // Вести. 2013. 24 февраля. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1040557> (дата обращения: 14.01.2018).

20. Зотов Г. Что арабы думают о террористах? Репортаж из исламских кварталов Парижа // Аргументы и факты. 2015. 25 ноября. URL: http://www.aif.ru/society/people/chto_araby_dumayut_o_terroristah_reportazh_iz_islamskih_kvartalov_parizha (дата обращения: 17.11.2017).
21. Долгов Б.В. Мусульманская диаспора во Франции: светская демократия и исламская идентификация // Ближний Восток и современность. 2011. Вып. 43. С. 18–39.
22. Погосян М. Страсбургский суд поддержал запрет на ношение хиджаба во Франции // Новая газета. 2014. 1 июля. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/07/01/102658-strasburgskiy-sud-podderzhal-zapret-na-noshenie-hidzhaba-vo-frantsii> (дата обращения: 28.12.2017).
23. Sophie Body-Gendrot Muslims: Citizenship, security and social justice in France // International Journal of Law, Crime and Justice. 2008. № 36. P. 247–256.
24. Ахинова Л.Г. Из истории изучения религиозного фактора в социализации иммигрантов-мусульман в современном французском обществе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 2. С. 90–94.
25. Французские мусульмане о терактах в Париже, жизни во Франции и отношениях с христианами // RUSBASE. 2017. 20 января. URL: <https://rb.ru/article/frantsuzskie-musulmane-o-teraktah-v-parije-jizni-vo-frantsii-i-otnosheniyah-s-hristianami/7432087.html> (дата обращения: 20.11.2017).
26. Долгов Б.В. Мусульманский ренессанс во Франции: Итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 4. С. 112–140.
27. Беспорядки во Франции: хронология событий // Made for minds. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D0%B2%D0%BE-%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%B8%D0%B9-a-1768136> (дата обращения: 22.12.2017).
28. Чем занимались братья Куаши до теракта в Париже? // Аргументы и факты. 2015. 9 января. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1420783> (дата обращения: 04.01.2018).
29. Нападения и взрывы в Париже: крупнейший теракт в истории Франции // РИА Новости. 2015. 14 ноября. URL: <https://ria.ru/world/20151114/1320235453.html> (дата обращения: 28.12.2017).
30. Самая опасная страна Европы. Во Франции за полтора года произошло 10 терактов // Meduza. 2016. 15 июля. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/15/samaya-opasnaya-strana-evropy> (дата обращения: 10.01.2018).
31. Пригороды Парижа превратились в Арабские Эмираты // Информационный центр AfterShock. 2013. 7 августа. URL: <https://aftershock.news/?q=node/34987&page=2> (дата обращения: 07.12.2017).
32. «Белым вход воспрещен». Во Франции набирает ход расизм наоборот // РИА Новости. 2017. 29 ноября. URL: <https://ria.ru/world/20171129/1509771165.html> (дата обращения: 09.12.2017).
33. Мишель У. Покорность. М.: Corpus; АСТ, 2015. 352 с.
34. Goodwin R., Krzysztof K., Shaojing Sun, Menachem Ben-Ezra Psychological distress and prejudice following terrorist attacks in France // Journal of Psychiatric Research. 2017. V. 91. P. 111–115.
35. Teeple Hopkins C. Social reproduction in France: Religious dress laws and laïcité // Women's Studies International Forum. 2015. V. 48. P. 154–164.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2018 г.

Muslims in France: The Paris Life of Muslim Quarters

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 132–137.

DOI: 10.17223/15617793/438/17

Natalya R. Zholudeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Natascha.1994@mail.ru

Keywords: Muslims; immigrants; Paris; migration policy; integration; adaptation; France.

The article aims to study Muslims immigrants' adaptation and integration into French society. The research is based on the example of Paris Muslim districts. The sources of the study are the French Republic normative legal acts, official statistics, media reports and interviews with immigrants. France is considered to be the most Islamized country in Europe. Most Muslims are immigrants (mainly from the Middle East countries and Maghreb), and they make up about 8–10 % of the country's population. The number of inquiries for a shelter increases every year, so the number of immigrants to France (both legal and illegal) grows too. The number of illegal immigrants is much greater than of legal ones; in fact, illegal immigration is beyond any control. France could be called not only a receiving country, it is also a transit point for foreigners' flows to Germany and the UK. France pursues the "new" French and potential citizens' integration policy. Citizenship is conferred based on *jus soli* in France. It means an automatic acceptance of republican values. A law has been adopted recently on the withdrawal of French citizenship for participating in terrorist activities because of the latest events and a huge number of terrorist attacks. The republican integration model means a complete assimilation. To be a citizen is to adopt republican values. Some Muslims are not ready to accept it. Many of them are trying to keep their ethno-confessional identity. In opposition, the country authorities forbid women's face covers as it contradicts the principles of a secular state. Several areas where mainly (c. 70 %) Muslim immigrants live have appeared in Paris. First of all, these areas are the 10th, 11th, 19th and 20th arrondissements, Seine-Saint-Denis and Clichy-sous-Bois suburbs. They have an unfavorable social and economic situation: weapon and drugs trade, high crime and unemployment. All this becomes a catalyst for people's disturbance and unrest in the city. There are "zones urbaines sensibles" in many cities of France, where the government pursues an economic policy to improve the situation. There are 157 zones like these in Paris. The authorities are trying to control and regulate relations with immigrants via a socio-economic policy: unemployment payments, favorable health insurance, child birth benefits. Many Muslims face discrimination when looking for a job or employing. There is also a conflict between the indigenous French and immigrants expressed in mutual incomprehension and antagonism. A situation like this has become possible because of the inconsistent and contradictory French immigration policy which does not work in the modern multicultural society any more. Thus, the main reason for Muslim zones emergence and its socio-economic disadvantage is the inconsistent and crude immigration policy. It leads to numerous conflicts and riots. The immigration policy should be based on a compromise, taking into account both separate groups of society and the state in general.

REFERENCES

1. Eurostat. (2017) *Population change – Demographic balance and crude rates at national level*. [Online] Available from: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en. (Accessed: 05.12.2017).
2. Veretevskaya, A.V. (2012) Muslim' mane vo Frantsii: osobennosti integratsionnoy modeli [Muslims in France: features of the integration model]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Journal*. 5 (26). pp. 100–102.

3. EC. (2017) *Total number of long-term immigrants arriving into the reporting country during the reference year*. [Online] Available from: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00176&plugin=1>. (Accessed: 27.12.2017).
4. Gusev, D. (2015) Ubezshishche vo Frantsii: Schetnaya palata o dorogovizne i beskontrol'nosti sistemy [Refuge in France: Accounts Chamber on the high cost and lack of control of the system]. *INOSMI.RU*. 21 October. [Online] Available from: <http://inosmi.ru/world/20151021/230946721.html>. (Accessed: 04.01.2018).
5. Tardis, M. (2016) The role of France in the adjustment of the migration crisis. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 4 (70). pp. 83–93. (In Russian).
6. Suzdaleva, T.R. (2016) Migratory processes in the context of geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (35). pp. 237–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/35/25
7. Pogorel'skaya, A.M. (2014) Common foreign policy instruments used for migration regulation: the case of Development Policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 383. pp. 114–118. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/383/17
8. Fedorov, S.M. (2015) Frantsiya. Trudnye poiski obnovleniya “respublikanskoy modeli” integratsii immigrantov [France. Difficult search for updating the “republican model” of immigrant integration]. In: Kondrat'eva, N.B. (ed.) *Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya* [Migration problems in Europe and ways to solve them]. Moscow: Institute of Europe of RAS.
9. Kudryavtsev, A.V. (2002) “Vtoraya religiya” Frantsii [The “Second Religion” of France]. *NG-religii*. 18 September. pp. 128–135.
10. Naumkin, V.V. (2010) A Muslim Diaspora in the West. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 8:2(23). pp. 4–14. (In Russian).
11. Fedorov, S.M. (2016) France. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 2 (68). pp. 126–129. (In Russian).
12. Semenova, O.Yu. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' sovremennogo Parizha* [The daily life of modern Paris]. [Online] Available from: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1016398>. (Accessed: 20.11.2017).
13. Epishkin, N.I. (2010) *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language]. [Online] Available from: <https://gallicismes.academic.ru/>. (Accessed: 05.01.2018).
14. Orekhova, S.V. (2015) The migration policy in France: history and modernity. *Vlast' – The Authority*. 3. pp. 149–151. (In Russian).
15. Naumkin, V.V. (2010) Muslims in the West. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 8:3(24). pp. 31–39.
16. 1tv.ru. (2015) *Generalny peschanykh kar'erov – prigorody frantsuzskikh gorodov prevratilis' v getto dlya migrantov* [Sandpit Generals: suburbs of French cities turned into ghettos for migrants]. [Online] Available from: https://www.1tv.ru/news/2015-01-25/25857-generalny_peschanykh_karierov_prigorody_frantsuzskikh_gorodov_prevratilis_v_getto_dlya_migrantov. (Accessed: 18.11.2017).
17. Fedoseeva, G.A. (2013) Experience of functioning and state regulation of activity of special economic zones in France. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2 (048). pp. 124–130. (In Russian).
18. Brutel, Ch. (2016) La localisation géographique des immigrés. Une forte concentration dans l'aire urbaine de Paris [The geographical location of immigrants. A big concentration in the urban area of Paris]. *Insee Première*. 1591. [Online] Available from: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2121524>. (Accessed: 10.01.2018).
19. Skobeleva, O. (2013) Pyataya respublika mozhet stat' musul'manskoy [The Fifth Republic can become Muslim]. *Vesti*. 24 February. [Online] Available from: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1040557>. (Accessed: 14.01.2018).
20. Zotov, G. (2015) Chto araby dumayut o terroristakh? Reportazh iz islamskikh kvartalov Parizha [What do Arabs think of terrorists? Report from the Islamic quarters of Paris]. *Argumenty i fakty*. 25 November. [Online] Available from: http://www.aif.ru/society/people/chto_araby_dumayut_o_terroristakh_reportazh_iz_islamskikh_kvartalov_parizha. (Accessed: 17.11.2017).
21. Dolgov, B.V. (2011) Muslim'manskaya diaspora vo Frantsii: svetskaya demokratiya i islamskaya identifikatsiya [Muslim Diaspora in France: Secular Democracy and Islamic Identification]. *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. 43. pp. 18–39.
22. Pogosyan, M. (2014) Strasburgskiy sud podderzhal zapret na noshenie khidzhaba vo Frantsii [The Strasbourg Court upheld the ban on wearing the hijab in France]. *Novaya gazeta*. 1 July. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/07/01/102658-strasburgskiy-sud-podderzhal-zapret-na-noshenie-hidzhaba-vo-frantsii>. (Accessed: 28.12.2017).
23. Body-Gendrot, S. (2008) Muslims: Citizenship, security and social justice in France. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 36. pp. 247–256.
24. Akhinova, L.G. (2016) From the history of the study of the religious factor in the process of muslim immigrants socialization in modern french society. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2. pp. 90–94. (In Russian).
25. RUSBASE. (2017) *Frantsuzskie musul'mane o teraktakh v Parizhe, zhizni vo Frantsii i otnosheniyakh s khristianami* [French Muslims about the terrorist attacks in Paris, living in France and relations with Christians]. [Online] Available from: <https://rb.ru/article/frantsuzskie-musulmane-o-teraktakh-v-parizhe-jizni-vo-frantsii-i-otnosheniyakh-s-hristianami/7432087.html>. (Accessed: 20.11.2017).
26. Dolgov, B.V. (2015) Moslem Renaissance in France: Results and prospects. *Aktual'nye problemy Evropy – Urgent Problems of Europe*. 4. pp. 112–140. (In Russian).
27. DW. (2015) *Besporyadki vo Frantsii: khronologiya sobytiy* [Unrest in France: chronology of events]. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B8-%D0%B2%D0%BE-%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%B8%D0%B9/a-1768136>. (Accessed: 22.12.2017).
28. Argumenty i fakty. (2015) Chem zanimalis' brat'ya Kuashi do terakta v Parizhe? [What did the brothers Kouachi do before the terrorist attack in Paris?]. *Argumenty i fakty*. 9 January. [Online] Available from: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1420783>. (Accessed: 04.01.2018).
29. RIA Novosti. (2015) *Napadeniya i vzryvy v Parizhe: krupneyshiy terakt v istorii Frantsii* [Attacks and explosions in Paris: the largest terrorist attack in the history of France]. 14 November. [Online] Available from: <https://ria.ru/world/20151114/1320235453.html>. (Accessed: 28.12.2017).
30. Meduza. (2016) *Samaya opasnaya strana Evropy. Vo Frantsii za poltora goda proizoshlo 10 teraktov* [The most dangerous country in Europe. In France, in a year and a half, 10 terrorist attacks occurred]. 15 July. [Online] Available from: <https://meduza.io/feature/2016/07/15/samaya-opasnaya-strana-evropy>. (Accessed: 10.01.2018).
31. AfterShock. (2013) *Prigorody Parizha prevratilis' v Arabskie Emiraty* [Suburbs of Paris turned into the United Arab Emirates]. 7 August. [Online] Available from: <https://aftershock.news/?q=node/34987&page=2>. (Accessed: 07.12.2017).
32. RIA Novosti. (2017) “Belym vkhod vospreshchen”. Vo Frantsii nabiraiet khod rasizm naoborot [“No-go areas for the Whites”. In France, reverse racism is growing]. 29 November. [Online] Available from: <https://ria.ru/world/20171129/1509771165.html>. (Accessed: 09.12.2017).
33. Houellebecq, M. (2015) *Pokornost'* [Submission]. Translated from French by M. Zorina. Moscow: Corpus.
34. Goodwin, R., Krzysztof, K., Shaojing Sun & Ben-Ezra, M. (2017) Psychological distress and prejudice following terror attack s in France. *Journal of Psychiatric Research*. 91. pp. 111–115. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2017.03.001
35. Hopkins, C.T. (2015) Social reproduction in France: Religious dress laws and laïcité. *Women's Studies International Forum*. 48. pp. 154–164. DOI: 10.1016/j.wsif.2014.09.002

Received: 02 November 2018

И.Н. Мамкина

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Рассматривается процесс формирования педагогического сообщества в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. с позиции теории местных сообществ. Охарактеризованы особенности регионального пространства, определены консолидирующие факторы. Отмечено, что с позиции профессионализации учительская среда характеризовалась дифференцированным характером. Установлено, что одним из факторов, сближавших членов сообщества, являлись система чинопроизводства и включение профессии учителя в систему государственной службы. Установлены региональные особенности педагогического сообщества. Сделан вывод о том, что накануне Революции 1917 г. в Восточной Сибири учительская среда имела черты регионального педагогического сообщества.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; педагогическая подготовка; профессия учитель; сообщество.

Потребность в обучении и передаче знаний последующим поколениям во все времена востребована в обществе. Тем не менее в России учительство как вид профессиональной деятельности сформировалось сравнительно недавно – в XIX столетии. Затяжной процесс становления системы профессионального педагогического образования обусловлен консервативно-охранительной позицией государства в сфере народного просвещения. И лишь под влиянием модернизационных процессов, затронувших социально-экономическую сферу, проблемы педагогического образования и педагогических кадров привлекли внимание властей. Во второй половине XIX в. в России сложилась правовая база, регламентирующая деятельность педагогических учебных заведений, и с началом их упорядоченной деятельности можно говорить о формировании профессионального педагогического сообщества учителей. Для изучения различного рода сообществ исследователи располагают рядом концепций, позволяющих изучить специфику их формирования. Наиболее распространенной является концепция формирования гражданского общества и правового государства. В контексте данной концепции общественные организации в области просвещения в Российской империи трактуются как институты зарождающегося гражданского общества в дореволюционный период [1, 2].

Появившаяся в XX столетии концепция местных сообществ уделяет внимание специфике профессиональных объединений. В отечественной науке теорию представляют ученые А.А. Васильев, И.В. Мерсиянова, Д.А. Левчик и др. [3–5]. И.В. Мерсиянова считает, что для профессионального сообщества характерны групповая идентичность, групповые нормы, приверженность к социальному статусу. Следовательно, профессиональное сообщество можно рассматривать как неформальное объединение лиц, обладающих одной профессией, осознающих общие интересы. В современной исторической науке наиболее актуальным является направление, изучающее местные (региональные) сообщества. По мнению исследователей, материалы по изучению региональных моделей профессиональных сообществ дают возможность сформировать основу для изучения макромоделей – профессиональных сообществ в рамках государства. В исследовании профессиональных сообществ в реги-

оне выделяют четыре ключевых критерия – наличие общности профессионалов; пространство в пределах определенных границ; социальное взаимодействие; чувство сообщества, выраженное в общности ценностей, норм поведения и др. Совокупность полученных в соответствии с установленными критериями данных позволяет судить о наличии и степени «зрелости» регионального профессионального сообщества.

Принимая во внимание существующие концепции, в настоящей статье предпринята попытка исследования процесса становления педагогического сообщества в Восточной Сибири.

Во втором десятилетии XX в. диплом учителя начальной школы можно было получить в семинарии, гимназии, институте, на различных курсах и др. Наиболее качественная подготовка учителей осуществлялась учительскими семинариями и институтами. В Восточной Сибири накануне революции действовало одиннадцать учительских семинарий и учительский институт. Инспектор четвертого района Енисейской дирекции Николай Ильич Петров в отчете за 1915/16 учебный год отмечал, что «окончившие учительскую семинарию имеют достаточную педагогическую подготовку и опытность, отличаются знанием дела, достигают, по своей настойчивости хороших успехов со стороны учащихся. ...отличаются усердием, некоторые сохраняют добрые традиции учебных заведений, где воспитывали искреннюю любовь к педагогическому делу и люди шли на работу по призванию. Окончившие женские гимназии недостаточно приспособлены к школьной жизни в сельских училищах, не завязывают отношений с сельским обществом, не умеют вести канцелярскую работу и упорядочить отчетность. Но через год или два делаются опытными и исправными. Окончившие епархиальные училища – трудолюбивы, усердны, добросовестные работницы, умеют вести преподавание Закона Божьего. Учителя из числа лиц, получивших свидетельства на звание после шестимесячной практики, несомненно должны долго работать и изучать методические руководства, чтобы поставить дело обучения и воспитания на должную высоту» [6. Л. 34].

В 1911 г. в Сибири работало 26 859 учителей, из них мужчин 8 344, женщин – 18 525 [7. С. 152]. По данным инспектирующего в 1914 г. сибирские школы П.Э. Соколовского, количество учителей в начальной

школе без специального звания не превышало 6–7 человек на инспекторский участок, из них подавляющее большинство имели диплом учительской семинарии, среди учительниц – женской гимназии. Таким образом, в Восточной Сибири занятые на службе учителя в большинстве имели профессиональную подготовку разного уровня, что свидетельствует о формировании общности профессионалов. Профессионализация педагогического сообщества имела дифференцированный характер и замедленные темпы роста.

Возрастающая потребность в учителях стала причиной утверждения государственных требований к профессии. С появлением Министерства народного просвещения педагогическая деятельность рассматривалась в Российской империи как государственная гражданская служба. Государственные служащие обладали рядом прав и привилегий. Служба в ведомстве освобождала от телесных наказаний, исключала из числа лиц облагаемых подушными сборами, освобождала от личных повинностей, давала право на получение бессрочного паспорта, исполнения обязанностей присяжного заседателя. Будучи государственными служащими, учителя имели право на чинопроизводство. Чин гарантировал ряд социальных прав и привилегий, приравнявая учителя к правительственным чиновникам.

Преподаватели гимназий, городских училищ получали классный чин при поступлении на службу. Стремясь обеспечить стабильную деятельность системы в условиях острого недостатка в учителях, Министерство нередко нарушало установленные правила чинопроизводства. В частности, не соблюдалось соответствие должности и чина. Преподавателей гимназий, городских и уездных училищ производили «тремя чинами выше класса присвоенного должности», были сокращены и сроки выслуги последующего чина. Однако эти исключения из правил не распространялись на учителей начальной школы, которые получали первый классный чин лишь спустя 12 лет «усердной и беспорочной» службы. Различие в служебных правах способствовало расколу педагогического сообщества на преподавателей гимназий, приравненных к государственным служащим, и учителей сельской школы, формально приближенным к чиновникам. В начале XX в. количество произведенных в чин учителей сельской школы было минимально. Сведения о сельских учителях, получивших чин, единичны, но, тем не менее, они известны. Так, в 1883 г. учитель Г.П. Фомин начал работу в Витимском приходском училище Киренского уезда Иркутской губернии. Чин губернского секретаря получил в 1896 г. будучи учителем Березовского начального училища Якутской области. В 1890 г. учитель Сунтарского народного училища Д.Д. Сивцев после пятнадцати лет службы получил чин губернского секретаря со старшинством [8. Л. 23].

Во втором десятилетии XX в. количество чиновников среди учителей увеличилось. Революционные события 1905 г. повлекли демократизацию в министерской системе чинопроизводства. Распоряжением министра народного просвещения «О порядке применения Высочайшего повеления 5 октября 1906 г. о

правах службы канцелярских служителей недворянского происхождения» установлен срок выслуги в зависимости от полученного образования от года до двух лет. С 1908 г. выпускники учебных заведений, равные по статусу с уездными училищами, получили право на присвоение первого классного чина без экзаменов, на что до этого имели право только выпускники гимназий, реальных и городских училищ.

Таким образом, система чинопроизводства сближала учителей общими служебными нормами и требованиями и оказала на формирующееся педагогическое сообщество консолидирующее действие.

Дополнительным фактором, оказавшим влияние на формирование педагогического сообщества Восточной Сибири, стало особое геополитическое положение региона. Для восточной окраины, находящейся в состоянии перманентного процесса интеграции в единое общеимперское пространство, кадровая проблема в начальной школе имела приоритетное значение. Экономическое развитие восточной окраины, строительство Транссибирской магистрали, работа переселенческих комитетов выводили регион на новый уровень взаимоотношений с имперским центром. Положение системы образования являлось одним из факторов, влияющих на модернизацию региона. Поэтому одной из важнейших задач государства на восточной окраине становится обеспечение системы профессиональными кадрами. В связи этим в 1886 г. правительство приняло ряд нормативных актов, установивших особые условия службы в отдаленных регионах империи. К ним были отнесены районы со сложными климатическими условиями и особым географическим положением. Закрепленные в законодательстве льготы получили названия особых и наибольших преимуществ. Особым преимуществом пользовались служащие Восточной Сибири. К регионам с наибольшими преимуществами причислили остров Сахалин; Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Николаевский округа Приморской области; Якутскую область; Туруханский край Енисейской губернии; Кольский, Кемский, Мезенский и Печорский уезды Архангельской области. Особые преимущества представляли: «...1) прогонные деньги в усиленном размере; 2) пособия на подъем и обзаведение; 3) прибавки к жалованию; 4) пособия по выслуге десятилетий; 5) пособия на воспитание детей; 6) отпуска на льготных основаниях; 7) преимущества пенсионные; 8) пособия семействам лиц, умерших на службе» [9. С. 912]. Служащим Верхоянского и Колымского округов Якутской области дополнительно полагался бесплатный продуктовый паек.

«Усиленный размер прогонных денег» для выезжающих на службу в Иркутское генерал-губернаторство выражался в получении полуторной стоимости проезда в отдаленные местности и двойной – в области с наибольшим преимуществом. Пособие на «обзаведение» для женатых чиновников полагалось в размере годового оклада их будущего жалования, для неженатых – 2/3. Половина пособия выдавалась перед отъездом, оставшаяся часть – по прибытию. Чиновники, получившие проездные деньги и единовременное пособие, обязывались в течение трех

лет проработать на новой должности, в противном случае деньги взыскивались обратно.

«Прибавки к жалованию» чиновники получали за добросовестную службу в течение пятилетия. Количество оплачиваемых пятилетий определялось законом: в Якутии и Туруханском крае засчитывалось три, в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторстве – два. За каждое пятилетие полагалась доплата из расчета 25% от жалования. Продолжительность отпуска преподавателя на льготных основаниях составляла четыре месяца. В 1913 г. преподаватель Читинской учительской семинарии В.В. Мезенев в связи с болезнью жены и необходимостью ее лечения получил трехмесячный отпуск с сохранением жалования для поездки на Кавказ [10. Л. 64]. Принятая программа особых преимуществ создала условия для повышения социального статуса учителя в регионе и отчасти способствовала разрешению проблемы кадрового обеспечения восточносибирских школ. Более того, программа имела региональный характер и определяла специфические черты педагогического сообщества восточной окраины.

С формальной стороны к концу XIX в. в Восточной Сибири учительская среда имела признаки профессионального сообщества. Однако необходимо отметить, что взаимодействие между членами сообщества было выражено слабо. С одной стороны, огромное расстояние между школами не способствовало тесному общению. С другой стороны, частая ротация кадров не позволяла установиться длительным профессиональным связям. Наиболее распространенной формой взаимодействия становятся организация обществ и участие в работе краткосрочных курсов, проводившихся для повышения профессионального уровня учителей. Отметим, что хронологически общественные организации появились несколько раньше, чем курсы.

В Восточной Сибири первые общества «вспомоществования учащимся и учившим» появились в 1897 г. в Иркутске, в 1902 г. – в Енисейске, в 1903 г. – в Чите. Изначально деятельность обществ в основном ограничивалась материальной помощью нуждающимся учителям. Но вскоре одним из направлений деятельности становится оказание методической и профессиональной помощи. Так, в 1905 г. Устав общества вспомоществования учащим и учившим Забайкальской дирекции предусматривал создание библиотеки для членов общества. Начиная с организации библиотеки, члены общества постепенно перешли к публичным лекциям. В январе 1913 г. организованы лекции А.Н. Бек «Педагогическая система Монтессори», А.Н. Гончарова «Грамматика в начальной школе», О.В. Рогалева «Арифметика в начальной школе». В августе 1914 г. планировалось провести учительский съезд, но в связи с началом войны организацию съезда отложили. Заметим, что интересы членов общества не ограничивались региональными рамками. В 1914 г. учитель С.А. Денисенко за счет средств общества принимал участие в работе первого Всероссийского учительского съезда.

В 1915 г. в Устав общества был изменен. Помимо материальной помощи, указанной в целях общества, положения Устава содействовали удовлетворению духовных потребностей общества, оказанию учебно-

методической помощи. Пункт два нового Устава предусматривал организацию специальных мероприятий, направленных на развитие культурных и профессиональных качеств учителя. Наличие у общества собственного общежития, которое располагалось на Николаевской улице напротив церкви мужской гимназии, позволяло организовывать для сельских учителей в период летних и зимних каникул публичные лекции, тематические собрания.

Нововведением Устава стала организация суда чести для решения спорных ситуаций, возникших между членами общества. По решению общего собрания в состав суда определялось нечетное число членов общества сроком на один год. Суд рассматривал спорную ситуацию на основании письменного согласия участников спора. Решения суда были окончательными и обжалованию не подлежали. Неподчинение решению суда чести влекло исключение из общества без права восстановления. Проект нового устава разработал П.И. Маульвурф, учитель высшего начального училища, председатель экзаменационной комиссии в Читинском 6-м городском приходском училище в 1914–1915 гг., секретарь, впоследствии член правления общества [11. Л. 12]. Отметим, что под именем П.И. Маульвурфа с 1914 по 1917 г. в Чите работал известный революционер И.А. Таубе, участник революции 1905 г. Годы его деятельности в составе Забайкальского общества характеризуются широким вовлечением учителей в профессиональное сообщество и в революционную деятельность в том числе. Нередко под видом публичных лекций революционеры проводили нелегальные политические собрания среди сельских учителей. Неслучайно значительная часть учительства Забайкалья приняла активное участие в революции и Гражданской войне.

Реакция со стороны властей на активную деятельность обществ выражалась в отчасти оправданном ограничении их деятельности. «Тенденциозной и угрожающей общественной безопасности» признана местными властями деятельность Иркутского общества, закрытого в 1908 г. [12. Л. 34]. И хотя в 1910 г. Сенат отменил постановление о закрытии, главный инспектор народных училищ Восточной Сибири Г.П. Василенко приостановил деятельность общества на неопределенное время. Контролировалась деятельность Забайкальского общества, со стороны дирекции «встречены были препятствия» в организации публичного доклада делегата Всероссийского учительского съезда [11. Л. 12].

В целом организация обществ становится распространенной формой взаимодействия учителей в начале XX в. Процесс создания различных обществ для оказания помощи учащимся и учителям распространился повсеместно от губернских центров до удаленных сел. В начале XX в. деятельность обществ выходит за рамки адресной благотворительности и захватывает сферу профессиональной и отчасти политической подготовки.

Власти, пытаясь предотвратить распространение не только революционных, но и демократических идей, учреждали краткосрочные курсы для повышения качества подготовки учителей.

В 1912 г. по инициативе Министерства народного просвещения в Восточной Сибири организованы краткосрочные педагогические курсы по Правилам 1875 г. для ознакомления учителей начальной школы «с лучшими способами обучения» [9. С. 1474]. Курсы проводились во всех губерниях и областях Восточной Сибири с 20 июня по 1 августа 1913 г. На их проведение из казны для каждой дирекции выделили 8 960 руб. Слушателям оплачивали дорогу, проживание и выдавали 20 руб. на питание.

В программу курсов входили Закон Божий, методика изучаемых в начальной школе предметов, естествоведение, русская литература, русская история, рисование, сельское хозяйство и гимнастика. Заметим, что изучение Закона Божьего вводилось вследствие того, что многие учителя в отдаленных районах вели этот предмет самостоятельно. Учебная программа предполагалась везде одинаковой, за исключением некоторых предметов. Например, в Чите читали историю и географию Забайкалья, в Иркутске – общий обзор современных педагогических идей, знакомили с новыми учебными пособиями. В Енисейской губернии слушатели курсов знакомились с методикой пения, в Якутской – с психологией [13. Л. 17].

В Забайкальской области на курсах преподавали Закон Божий В.А. Лахин, законоучитель Читинской женской гимназии, методику русского языка – Н.А. Соколов, методику арифметики – И.А. Иванов, преподаватель Читинского епархиального училища, педагогику и дидактику – инспектор Ф.И. Фомичев, естествоведение – инспектор П.С. Михно, историю и географию Забайкалья – А.И. Попов, русскую литературу – А.Е. Васильевский. В Якутской области курсы проводились с 25 июня по 26 июля. Обучение прошли 60 слушателей, хотя не все желающие смогли добраться до Якутска. Так, учителям Верхоянского и Абыйского двухклассных училищ было отказано в участии на курсах в связи с отдаленностью и отсутствием дорог [14. Л. 51].

Помимо курсов и обществ взаимодействие членов педагогического сообщества воплощалось в общественной деятельности. Многие учителя городских училищ и гимназий являлись членами различных общественных организаций, в том числе и Императорского Российского географического общества. Нередко учителя организовывали благотворительные вечера, спектакли, устраивали чтения. Все указанное позволяет говорить о формировании в начале XX в. в Восточной Сибири коммуникативной среды и механизма взаимодействия членов педагогического сообщества.

Таким образом, использование концепции местных сообществ позволило исследовать процесс формирования педагогического сообщества в Восточной Сибири. Очевидно, что к концу XIX в. происходит консолидация регионального педагогического сообщества. Объединяющим началом выступает территория Восточной Сибири. Включение учительства в систему государственной службы способствует появлению общих требований, правил к профессии и установлению норм поведения учителя. Дополнительным связывающим фактором становится принятие государственной программы «особых преимуществ», подчеркнувшей региональную специфику. Накануне Революции 1917 г. в педагогическом сообществе закрепились устоявшиеся формы взаимодействия, выразившиеся в организации обществ. Со стороны государства в качестве альтернативной формы взаимодействия можно считать краткосрочные курсы для повышения профессионального уровня учителя. Отметим, что обширные пространства региона затрудняли межличностное общение учителей, тем самым тормозя развитие коммуникативной среды. Тем не менее во втором десятилетии XX в. в педагогическом сообществе Восточной Сибири можно отметить активную политическую позицию учителей начальной школы, впоследствии принявших участие в Революции 1917 г. и Гражданской войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтеховская М.П. Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. № 7 (102), вып. 18. С. 158–167.
2. Ермакова Е.Е., Камышек Е.И. Общественные организации Сибири как институты зарождающегося гражданского общества в дореволюционный период // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2 (24). С. 77–84.
3. Васильев А.А. Основы территориального общественного самоуправления. Н. Новгород : ИП Гладкова О.П., 2002. 525 с.
4. Мерсиянова И.В., Чешкова А.Ф., Краснопольская И.И. Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России. М. : Высшая школа экономики, 2011. 188 с.
5. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления: тенденции развития // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 31–38.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 63. Оп. 1. Д. 43.
7. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск : Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. 256 с.
8. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 10.
9. Фальборк Г.А. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. / Г.А. Фальборк, В.И. Чарнолуский. СПб. : Знание, 1901. Т. 2. 1538 с.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 71. Оп. 1. Д. 579.
11. ГАЗК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 236.
12. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 91.
13. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 172.
14. НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 527.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 мая 2018 г.

The Formation of Teachers' Community in Eastern Siberia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 138–142.

DOI: 10.17223/15617793/438/18

Inna N. Mamkina, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Keywords: Eastern Siberia; training of teachers; profession; teacher; community.

In the article, the process of the teachers' community establishment in Eastern Siberia at the end of the 19th century and in the beginning of the 20th century is considered. The historiographic analysis shows that the teaching environment as a subject of research is analyzed from different points of view. In the context of the contemporary investigations of the modern historical science, numerous works on both the position of a teacher and social organizations in the system of education are published. The main aim of the article is to analyze the formation of the teachers' community in Eastern Siberia within the framework of the conception of local communities. Using all the approaches of the theory, the author analyzed the consolidation of the teaching environment. The process had its long history. It is emphasized that the teaching environment had a differentiated character in terms of its professional development. On the basis of regulatory legal acts, it was determined that one of the major factors which made the members of the community become closer and friendly was the system of promotion in rank and the inclusion of the profession of a teacher in the system of state service. The regional features of the teachers' community were presented in the state program which concerned teachers of remote regions, including Eastern Siberia. On the basis of the analysis of archive materials first used in science, the appearance and the activity of teachers' social organizations were investigated. It is established that charitable organizations that granted financial support to teachers were widely spread. In the second decade of the 20th century, the targeted charity of organizations transformed into the methodological and professional activities to support young teachers. A considerable attention was paid to the communicative environment and ways of interaction of members of the teachers' community. It is found that the interpersonal communication between teachers was hard because settlements and schools were located at long distances from each other. The basic ways of the interaction between teachers were short-time classes and social organizations. A special way of interaction within the community was the high degree of political activity of primary school teachers. As a result of the investigation, it was concluded that before the revolution in 1917 the teaching environment in Eastern Siberia had characteristic traits of the regional teachers' community.

REFERENCES

1. Voytekhevskaya, M.P. (2011) The societies for promoting education in the West Siberian educational county. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya – Scientific Bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political Science*. 7 (102):18. pp. 158–167. (In Russian).
2. Ermakova, E.E. & Kamyshek, E.I. (2016) Public organizations of Siberia as institutions of an incipient civil society in pre-revolutionary period. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri – Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2 (24). pp. 77–84. (In Russian).
3. Vasil'ev, A.A. (2002) *Osnovy territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya* [Basics of territorial public self-government]. N. Novgorod: IP Gladkova O.P.
4. Mersiyanova, I.V., Cheshkova, A.F. & Krasnopol'skaya, I.I. (2011) *Samoorganizatsiya i problemy formirovaniya professional'nykh soobshchestv v Rossii* [Self-organization and the problems of forming professional communities in Russia]. Moscow: Higher School of Economics.
5. Levchik, D.A. (2002) Komitety obshchestvennogo samoupravleniya: tendentsii razvitiya [Public self-government committees: development trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 31–38.
6. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 63. List 1. File 43. (In Russian).
7. Yurtsovskiy, N.S. (1923) *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri* [Essays on the history of education in Siberia]. Novonikolaevsk: Sib. obl. gos. izd-vo.
8. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS(Ya)). Fund 288-i. List 1. File 10. (In Russian).
9. Fal'bork, G.A. & Charnoluskiy, V.I. (1901) *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu: zakony, rasporyazheniya, instruktsii, ustavy, spravochnye svedeniya i pr.* [Handbook of public education: laws, regulations, instructions, statutes, background information, etc.]. Vol. 2. St. Petersburg: Znanie.
10. State Archive of Transbaikal Krai (GAZK). Fund 71. List 1. File 579. (In Russian).
11. State Archive of Transbaikal Krai (GAZK). Fund 4. List 1. File 236. (In Russian).
12. State Archive of Transbaikal Krai (GAZK). Fund 13. List 2. File 91. (In Russian).
13. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 63. List 1. File 172. (In Russian).
14. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS(Ya)). Fund 288-i. List 1. File 527. (In Russian).

Received: 02 May 2018

УДК 930.1

В.В. Миронов

Б. БУЗАН И АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена изучению роли известного международника Б. Бузана в развитии Английской школы международных отношений последних 20 лет. Выделяются важные факторы биографии ученого, анализируются проблемы применения теоретических положений школы к истории международных отношений, исследуется попытка включения наработок международной политической экономии в концепцию Английской школы, рассматривается необходимость дальнейшей теоретической разработки понятия «мировое общество».

Ключевые слова: Английская школа международных отношений; международное общество; мировое общество; Б. Бузан.

Английская школа международных отношений начала формироваться в 1950–1960 гг. Историки Г. Баттерфильд, М. Уайт, А. Уотсон, М. Ховард, философы Д. Маккиннон и Х. Булл принимали активное участие в создании этой школы. Понятие «мировое общество» стало символом и отличительным знаком данного сообщества благодаря работам Хедли Булла в 1970-х гг. Но к концу XX в. развитие Английской школы столкнулось со многими трудностями объективного и субъективного характера. Как результат, школа оказалась разделенной на два крыла – плюралистов и солидаристов. Плюралисты продолжили традиционную линию изучения международных отношений, понимаемых как международное общество. Солидаристы включили в теорию Английской школы новые проблемы международной жизни, иначе рассматривали перспективу развития международных институтов и возможность появления мирового общества. Споры между солидаристами и плюралистами не завершены и сегодня, а критики концепции международного общества уже в конце XX в. заговорили о кончине Английской школы [1. Р. 185–206].

Имя Барри Бузана хорошо известно в современном научном мире. Его научное творчество демонстрирует относительно редкий пример того, как можно заслужить мировое признание, работая на периферии теоретического мейнстрима изучения международных отношений. В конце XX в. он получил широкую известность как один из создателей Копенгагенской школы безопасности [2]. Ряд его работ признается ярким примером современного конструктивистского подхода к международным отношениям [3]. Некоторые из китайских международников отмечают его приверженность к неореализму [4. Р. 453–454]. Его творчество демонстрирует возможности работы в разных теоретических ипостасях. При этом в последние пятнадцать-двадцать лет ученый выступает и знаковой фигурой для понимания ряда тенденций развития Английской школы международных отношений. Цель данной статьи состоит в попытке определения вклада ученого в развитие и популяризацию идей Английской школы международных отношений в настоящее время.

Некоторые биографические данные об исследователе помогают прояснить и ряд важных характеристик изучения самой школы. Барри Гордон Бузан родился 28.04.1946 в Лондоне. В 1954 г. его семья переезжает в Канаду, где будущий международник по-

лучил базовое образование. В 1968 г. он получает магистерскую степень в университете Британской Колумбии (Ванкувер). Продолжает он свое образование в Лондонской школе экономики и политических исследований, где в 1973 г. защищает диссертацию и получает степень доктора философии. Его образование, как и научные взгляды, формировались, таким образом, в условиях свободного перемещения по англоязычной ойкумене, а сам он получил классическое британское образование.

Лондонская школа экономики сыграла важную роль в его научном становлении. Ряд ученых выводят истоки Английской школы именно из кафедры международных отношений, созданной в данном вузе еще в межвоенный период. Однако сам факт его обучения в этом университете вовсе не выступает показателем автоматической принадлежности ученого к Английской школе международных отношений. Лондонская школа экономики и политических исследований была и остается в значительной степени уникальным научным и образовательным проектом для Великобритании. Школа, созданная по инициативе Сидни и Беатрис Уэбб при участии Д.Б. Шоу в 1895 г. в первой половине прошлого века быстро стала одним из престижных в стране университетов, обеспечивающим воспроизводство научной и политической элиты. В годы, последовавшие за Второй мировой войной, школа трансформировалась в престижный центр получения экономического образования в мировом масштабе. В области экономических наук 16 нобелевских лауреатов по экономике либо обучались, либо преподавали в этом вузе. На сайте данного учебного заведения также отмечается, что 37% глав государств и правительств в XX в. так или иначе были связаны с вузом [5].

Видимо, здесь в 1970-е гг. Б. Бузан только начал знакомиться с некоторыми идеями Английской школы, хотя и не был членом Британского Комитета по изучению международной политики – основной площадки развития данного научного сообщества в тот период. Научная карьера Б. Бузана в последней трети XX в. демонстрировала удачные примеры участия в различных исследовательских проектах, не связанных с Английской школой международных отношений. С 1988 по 2002 г. он работал в качестве руководителя проекта по безопасности в Копенгагенском институте изучения проблем мира. С 1988 по 1990 г. он выступал в роли Председателя Британской ассоциации

международных исследований – влиятельного объединения международных, работающих в Соединенном королевстве [6]. Ассоциация, созданная по инициативе ряда видных специалистов в начале 1970 гг., с 1975 г. начинает выпускать Британский журнал международных исследований, который и сегодня выполняет объединяющую роль для многих английских международных. В известном смысле профессор Б. Бузан также использовал эту площадку и для популяризации идей Английской школы в рамках научного сообщества английских исследователей международных отношений в дальнейшем.

В 1993–1994 гг. он становится вице-президентом Ассоциации международных исследований, получая признание за рубежом Великобритании. Эта ассоциация была создана в 1959 г. для объединения усилий в изучении и научного взаимодействия исследователей международных отношений разных стран. В 1998 г. Б. Бузан становится членом Британской Академии. За свою научную и образовательную карьеру Бузан работал в ряде университетов Великобритании, Японии и Китая. В контексте заявленной темы принципиальным представляется период 1999–2011 гг., когда ученый выступал главным координатором проекта по возрождению теории Английской школы международных отношений. Таким образом, несмотря на многоплановость деятельности ученого, нет сомнений в том, что в последние два десятилетия Барри Бузан предпринял ряд важных шагов по целенаправленному развитию теории Английской школы. Отметим и проанализируем его усилия на следующих ключевых направлениях.

Одной из центральных задач современного развития данного сообщества Б. Бузан считает разработку концепта «мировое общество» в триаде ключевых понятий Английской школы. Он отмечает, что этот термин – одно из наиболее проблемных понятий в общей концепции школы. Фокус внимания исследователей был сосредоточен на «международном обществе», дискуссиях о различиях между «международным обществом» и «системой государств», в силу чего «мировое общество» оставалось общепринятым, но маргинальным термином Английской школы вплоть до 1990 гг.

Концептуальный анализ «системы государств» обеспечил развитие исследуемого научного сообщества в общем теоретическом поле изучения международных отношений в 1960–1970 гг. Это хорошо понимали Хедли Булл и Адам Уотсон в период руководства Британским комитетом по изучению международной политики в 1970 гг. Здесь открывалась возможность если не синтеза, то диалога между американским реализмом и исторической рефлексией международных отношений в исследованиях Английской школы.

С работ Х. Булла в конце 1970-х – начала 1980-х гг. понятие «международное общество» вытесняло «систему государств» из центра школьной концепции. Именно «международное общество» воспринималось отличительным маркером «национального» подхода Английской школы. Его разработка позволила создать собственное комплексное пред-

ставление о международных отношениях в истории и современности, не порывая при этом с общей логикой изучения международной системы. Однако попытки определения границ между «международным обществом» и «системой государств», «международным» и «мировым обществом» породили в 1980–1990 гг. острые внутренние дискуссии в школе между плюралистами и солидаристами.

В этих обстоятельствах произошло осознание того, что «мировое общество», как третий компонент общей концепции школы, оказывалось наименее проработанным теоретическим понятием, а сам термин воспринимался синонимом универсального космополитизма в международных отношениях внутри сообщества. Многим из числа школьников термин казался олицетворением кантианской традиции, по терминологии М. Уайта, в осмыслении международных отношений, показателем будущего формирования некоего универсального сообщества индивидов. Но коль скоро в центре предмета международных исследований находились государства, то индивиды, иные негосударственные участники международных отношений не рассматривались как значимые игроки в истории и современной международной системе. Как результат, «мировое общество» было своего рода «мусорным ведром» для всего того, что не вмещалось в практику межгосударственного взаимодействия внутри концепции школы.

С позиций Б. Бузана «мировое общество» – принципиальный элемент всей конструкции Английской школы [7. Р. 11–13]. Его разработка позволяет уйти от понимания международных отношений на рубеже двух веков только как эквивалента американского доминирования. Кроме того, концептуализация термина обеспечивает связку теоретических исканий Английской школы с мировыми дебатами о глобализации в современности. «Мировое общество» для Б. Бузана – это не столько уайтовское прочтение кантианской традиции, не только то, что должно возникнуть в международных отношениях в будущем – в финале существования общества международного, но самостоятельная повестка изучения социального пространства в международных отношениях в истории и современности [8]. Усиление в начале XXI в. солидаристского крыла в Английской школе, к которому Б. Бузан стал в последних работах относить и себя, показывает направление общей трансформации международных институтов, отражающих перемены в социальной структуре современного мира, где третий из базовых терминов школы дает ключ к пониманию логики протекания новых процессов.

Один из российских политологов, которого заинтересовала работа британского международного, в таком прочтении «мирового общества» увидел кризис политической модели неолиберального регулирования в международных отношениях на рубеже двух веков. Возникновение гипотезы Б. Бузана он объясняет попыткой уйти от ценностей сложившегося теоретического мейнстрима, включив в теоретико-методологический багаж современной науки некоторые из установок неореализма [9. Р. 143–147]. Развивая эту логику далее, можно предположить, что «ми-

ровое общество» при таком подходе выступает темой для диалога разных традиций изучения международных отношений по обе стороны Атлантики. Оно объединяет нормативный подход Английской школы и установки структурного реализма на разных уровнях изучения международной жизни.

Таким образом, гипотеза изучения мирового общества – это вариант синтезирования различных сторон социального пространства в проекции на современные международные отношения. Барри Бузан по-прежнему стремится сохранить роль Английской школы в качестве *via media* между различными направлениями в теории международных отношений, концептуализируя новое поле объекта изучения. Исследователь, безусловно, оказывается прав в том, что понятие «мировое общество» находилось на периферии внимания школы, а уайтовское прочтение термина через кантианскую традицию международной политической мысли не лишено недостатков. Оно перестало отвечать потребностям изучения современного глобального мира и процессам интернационализации знания о международных отношениях. Кроме того, тему мирового общества Б. Бузан одним из первых осмысливает не только через английский солидаризм внутри школы, но и через более широкие (транснациональные) рамки изучения международных отношений в мировой науке: появление новых акторов, изменение структуры и институтов современного мира.

Другим важным направлением работы по развитию подхода школы у Б. Бузана выступает стремление к широкому историческому осмыслению международных отношений. Историческая направленность работ по международным отношениям была свойственна Английской школе изначально. Это объясняется сильным влиянием историков Г. Баттерфильда и М. Уайта на работу первых поколений школьников в 1960–1980-х гг., критикой Х. Буллом так называемого сциентистского подхода к международным проблемам, свойственного американской науке. В дальнейшем эта линия в школе была продолжена А. Уотсоном в 1980–1990-е гг., а сегодня многие полагают, что историческая социология международных отношений – характерная черта Английской школы в целом. В этой связи обращает на себя внимание самый масштабный на сегодняшний день проект внутри школы, написанный совместно с Ричардом Литтлом «Международные системы в мировой истории» [10].

Б. Бузан обращает внимание на недостаточное с его точки зрения внимание к диалогу между историками и сторонниками концепции международного общества. Важным следствием такой ситуации выступает констатация необходимости углубленного исторического изучения международных отношений. Парадоксальным образом международники в начале XXI в. пытались вернуться к вопросу, который в начале 1960-х гг. для английских ученых сформулировал Эдвард Х. Карр: «Что есть история?» [11]. Разные поколения английских исследователей отвечали на него по-разному. Не исключение из этой ситуации и Английская школа с ее склонностью к историческому изучению международной политики. Уже Ч. Мэннинг, хотя и считал международные отноше-

ния самостоятельной наукой, но признавал необходимость исторического знания в их основе. М. Уайт, с его идеей о международных отношениях как «царстве повторов и репетиций», считал, что изучение международных отношений – это симбиоз знаний международной политической теории и умений исторической интерпретации фактов. Признавал существенное значение истории и Х. Булл, несмотря на свою склонность к философскому дискурсу и институциональному подходу к международным отношениям. История для него была своего рода противовесом безграничному сциентизму, который он активно критиковал с 1960-х гг. Фред Нортейдж одну из целей создания журнала «Миллениум» в Великобритании видел в обсуждении фундаментальных исторических вопросов изучения международной жизни, что отличало изучение международных отношений в Великобритании от США, где они рассматривались как часть политической науки.

Современные международники истоки проблемы недостаточного изучения истории в международных отношениях справедливо усматривают в том, что с течением времени прекратился диалог между историками и сторонниками теоретического их изучения. Стремясь к его возобновлению, Б. Бузан и Р. Литтл признают, что представление об исторической науке как о механическом процессе нанизывания фактов на общую нить нарративного повествования недооценивает комплексный характер работы историка. Однако и попытки адаптировать разнообразные подходы, которые предлагают сторонники теоретического изучения международных отношений, часто не принимаются научным историческим сообществом [10. Р. 30]. Для историков подобные обобщения слишком широки и категоричны, чтобы схватывать существо многообразных исторических явлений и процессов. В результате на одном конце шкалы исторического восприятия достижений теории международных отношений находятся позиции историков-всеобщников, которые принимают общую картину развития мира через международные системы, а на другом конце – историки, скептически относящиеся к любым теоретическим обобщениям.

Исходя из такого понимания, Б. Бузан и Р. Литтл предлагают собственную историческую периодизацию международных систем, которая может стать основой для диалога с историками-всеобщниками:

1. 60–40 тыс. лет до н.э. – период домеждународных отношений. Ключевыми участниками внешних процессов здесь были группы охотников-собирателей, которые заложили основы межгрупповому взаимодействию.

2. X–VI тысячелетие до н.э. – начало перехода к оседлости и земледелию. Этот процесс породил систему относительно постоянного проживания, изменил родоплеменную структуру общества, стал основой для протогосударственных форм социальной организации.

3. IV–III тысячелетие до н.э. – период появления самостоятельных государственных образований. Здесь уже можно говорить о зачатках появления системы в международных отношениях. Выделяется с

позиции исследователей эпоха 2000–1700 гг. до н.э., когда формируются так называемые мировые империи на Востоке, и эпоха 1000–800 лет до н.э., когда наблюдается рост значения кочевых государств.

4. V–VI в. новой эры стали точкой формирования европейской экономической системы международных отношений классического периода. Речь идет о генезисе феодализма в Европе, сформировавшим специфическую экономику и общее представление о европейской цивилизации.

5. Новое время. Оно начинается для авторов книги около 1500 г., когда формируется новое представление о государстве как участнике международных отношений в Европе и начинается формирование глобальной системы за счет усиления способности к взаимодействию между Европой, Азией и Америкой. В экономическом отношении исследователи говорят о начале эпохи капитализма [10. Р. 405].

Внутри этих больших исторических периодов также могут быть выделены вторичные международные системы. Так, рубежным моментом для новой истории международных отношений в социетальном смысле выступал 1648 г., когда стала формироваться новая социальная структура международных отношений в Европе. Другой такой точкой, по мысли исследователей, был 1850 г. – приблизительно дата начала промышленной революции. Она изменила способность участников международного общества к взаимодействию и закрепила преобладание Европы в международных делах на еще одно столетие. Еще один важный рубеж – 1900 г. – завершение формирования капиталистической системы в терминах соперничества великих держав. 1945 г. – наступление эпохи структурной биполярности в международных отношениях, что рассматривается исследователями как специфический этап в формировании современного глобального общества. Завершает внутренние деление истории международных систем нового времени период, начавшийся после 1989 г. Это точка движения от военно-политической к экономической и, более широкой, секторальной повестке в современных международных отношениях [Ibid. Р. 406]. При таком подходе история европейского международного общества трактуется как важный, но отнюдь не центральный компонент системного понимания истории международных отношений. Тогда связь между историей и теорией международных отношений выглядит как сущностный момент, без которого невозможно понять внутреннюю логику изучения всей международной жизни. Дело не в хронологии, которая дает историю теории, и даже не в адаптации понятия «международная система», которая позволяет теоретически привести к общему знаменателю разные тенденции исторического развития, но в необходимости синтеза этих начал для понимания исторического своеобразия систем в международных отношениях.

Таким образом, формирование современного государства изменило общий исторический характер протекания международных процессов. Изначально европейская модель организации политической власти оказалась замкнутой на институтах территориальности и суверенитете, а национализм XIX в. привнес

новые элементы в международную политику. В XX в. демократические политические режимы стали новым вектором эволюции европейского национализма. Авторы монографии признавали фашизм и коммунизм альтернативными вариантами развития национализму [10. Р. 253]. Думается, что в подобной оценке все же наблюдается смешение форм политической идеологии с типами государственного режима. Национализм не с неизбежностью порождал демократический политический режим, а фашизм и коммунизм как виды политических идеологий были не единственными альтернативами национализму как идеологии современного государства в истории XX в. Тем не менее историческая социология Бузана, как и его прочтение эволюции институтов международного общества, продолжают и углубляют общий исторический вектор развития теории Английской школы в XXI в.

Третьим важным направлением творчества Б. Бузана на современном этапе развития Английской школы стало изучение экономической проблематики международных отношений. Недостаточное внимание к этому разделу международной жизни относится к числу часто встречаемых критических замечаний в адрес данного сообщества международных. Действительно, внутри концепции международного общества экономической повестке уделялось мало внимания. Общая практика школы развивалась вокруг исследования военных и политических аспектов отношений между государствами. Впрочем, это недостаток не только данного научного сообщества, но и всей международной теории в XX в. Две мировые и холодная война заставляли концентрировать внимание на жесткой повестке безопасности. Развитие секторального подхода к международным отношениям, заложенное еще в работе 1983 г. и развитое в рамках копенгагенского проекта, заставило Б. Бузана со временем уделять значительное внимание экономическому срезам международных отношений.

В «Международных системах в истории» исследователи попытались проследить этапы формирования транснациональных фирм в качестве акторов международных отношений, справедливо замечая, что влияние экономических участников на международные процессы носило нарастающий характер. Генезис данного типа участников международной жизни Барри Бузан видит в торговых контактах античного и, особенно, классического в его понимании периода истории [Ibid. Р. 267]. Под классическим периодом понимается время, характерное для раннего и классического Средневековья, т.е. приблизительно V–XV в. европейской истории.

В средневековый период исследователь выделяет две модели становления транснациональных корпораций, которые он называет «северная» и «южная». Для северной модели формирования ТНК были характерны так называемые хартийные интересы. Они заключались в том, что более или менее организованные группы предпринимателей в складчину объединяли свои капиталы и заключали договор (хартию, устав) ради продвижения общих коммерческих интересов, которые со временем стало признавать и государство. Характерными примерами такого рода фирм

были Ост и Вест-Индская компании в Англии и Голландии, Компания купцов-авантюристов, Московская компания, созданная для торговли с Россией, Балтийская и Левантийская компании XVI в.

Южная модель, напротив, возникала непосредственно при поддержке и покровительстве государства для связи между колониями и метрополией. Здесь коммерческие интересы предпринимателей изначально были вплетены в политические интересы государства. Испания и Португалия предпочитали назначать в колониях вице-королей, в задачи которых входила и поддержка купцов. В целом этому же пути следовала и Франция, но она также использовала и дарованные привилегии компаниям при осуществлении колониальной политики.

В целом тогда можно говорить об иберо-французском и англо-голландском пути возникновения транснациональных фирм, которые со временем привели к появлению международных корпоративных норм предпринимателей в формирующейся системе государств нового времени [10. Р. 268–270]. Б. Бузан в этой работе не до конца раскрывает данный тезис. Речь, видимо, идет о формировании неких норм корпоративной идентичности, как и о том, что в средневековом праве называлось фиктивное, или воображаемое, лицо (*persona ficta*), из которого в дальнейшем выросло фундаментальное для частного права понятие юридического лица, об этических нормах европейских отношений между властью и предпринимателями.

Другим аспектом исследования экономической повестки для Б. Бузана стал анализ отношений между меркантилизмом и политикой свободной торговли в истории и современности. В изучении данной темы исследователь, напротив, демонстрирует навыки сравнительно-исторического и политического анализа, умение учитывать в теоретическом исследовании страноведческую и конкретно-историческую специфику. Так, в основе представлений об отношении двух этих типов экономической политики, по мысли Барри Бузана, лежит идея конфликта, порожденная государственной экономической политикой XVIII–XIX вв. Протекционизм как инструмент меркантилистской политики делал легитимным способом защиты рынка войну, в то время как фритрейдерство открывало дорогу мирному развитию отношений между государствами [12. Р. 2].

В основе такого упрощенного представления, по мнению ученого, лежала идея Pax Britannica XIX в. с ее акцентом на либеральные ценности викторианской эпохи. Провозглашение Великобритании «империей, в которой никогда не заходило солнце», отражало не конец эпохи меркантилизма и торжество политики свободной торговли, а завершение огромного исторического периода формирования колониальных держав. Конфликты в международных отношениях, порожденные в том числе экономической, никуда не ушли. Они стали переходить на качественной иной уровень. Поэтому некоторый упадок силового регулирования в международных отношениях исследователь связывает не с фритрейдерством, но с более широким кругом факторов и не только экономического характера. В частности, среди этих факторов, способствующих

снижению роли войны в международных отношениях во второй половине XX в., он выделяет возникновение ядерного оружия, которое делает применение силы весьма рискованным делом [12. Р. 8]. Тогда взгляд на меркантилизм в современных условиях как на агрессивную форму экономической политики государств выступает не до конца обоснованным. Кроме того, в современных отношениях, распространен гибридный вариант меркантилизма, содержащий в себе и либеральный протекционизм, позволяющий избегать форм агрессивной адаптации экономических интересов к международным отношениям [Ibid. Р. 14].

Существо проблем современного экономического либерализма ученый видит в том, что сегодня либеральная экономика должна для своего успеха суметь организовать себя в глобальном масштабе. А современный уровень политической самоорганизации международного общества до этого явно не дотягивает [Ibid. Р. 18]. Тогда экономический либерализм, как и меркантилизм, может быть миролюбивым в равной степени, как и воинственным.

Таким образом, указанные идеи дают представление о решении Б. Бузаном небольших и важных научных задач, которые бы способствовали поиску балансов между военно-политической и экономической повесткой внутри предложенного автором секторального подхода к международным отношениям. Внутри Английской школы этот проект далеко не завершен. Он не может быть сопоставим по значению и с разработанным системным уровнем изучения международных отношений, который нашел отклик в мировой науке. Однако сделаны первые осторожные шаги по включению наработок международной политической экономии в традиционную практику исследований Английской школы. Данное обстоятельство помогает преодолевать традиционно вменяемые научному сообществу недостатки и также позволяет говорить о новом этапе развитии школы в условиях XXI в.

Еще одним важным и, пожалуй, наиболее на сегодняшний день известным направлением работы Б. Бузана остается комплекс вопросов, связанных с изучением региональной проблематики в международных отношениях. Этот долгосрочный этап (1988–2002) изначально был связан с его работой в качестве руководителя проекта в Институте изучения проблем мира в Копенгагене. После публикации ряда изданий в рамках данного проекта заговорили о появлении Копенгагенской школы и формировании своеобразной концепции региональной безопасности в мировой науке. Основные контуры данной концепции изложены в следующих работах: Бузан Б. «Люди, государства и страх» (1983) [13], коллективной монографии «По безопасности» (1995) [14], исследовании Бузана, Вэйвера, де Вильде «Безопасность: новые рамки анализа» (1998) [2]. Данный перечень работ и имен исследователей Копенгагенской школы не является исчерпывающим. Сами авторы концепции приводят более внушительную библиографию собственных трудов и работ своих последователей. Наиболее любопытные попытки применения данной концепции можно найти в работах «Державы и регионы» [3] и коллективном исследовании «Региональные порядки.

Строительство безопасности в новом мире» [14]. Впрочем, в области практического применения концепции региональной безопасности последние две работы являются скорее полемизирующими друг с другом, нежели совпадающими в итоговых результатах и оценках. Важно, что европейские конструктивистские подходы получили отклик и признание в Америке. Парадоксально, но укрепление конструктивистского подхода способствовало признанию и востребованности идей Английской школы в Америке.

В центре выделения региональных подсистем в международных отношениях находится понятие «региональный комплекс безопасности». В работе Б. Бузана «Люди, государства и страх» 1983 г. региональный комплекс безопасности (РКБ) определяется как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [13. Р. 106]. Практически в том же виде данное определение присутствует и через 15 лет в работе «Безопасность: новые рамки анализа» [2. Р. 201]. Здесь очевидна близость определения Б. Бузана к понятию «международное общество», как его понимали Х. Булл и А. Уотсон в 1980-е гг.

С приведенным определением РКБ в целом оказались согласны и конструктивисты по другую сторону Атлантики. Дэвид Лейк писал, что «Региональный комплекс безопасности – совокупность государств со значительным и особенным комплексом отношений по вопросам безопасности, который обеспечивает участникам высокий уровень взаимозависимости» [14. Р. 25]. Сомнения калифорнийских ученых касались не столько самого определения, сколько понимания компонентов комплекса. Критика Копенгагенской школы американскими авторами в конце прошлого века исходила из того, что ряд критериев, положенных в основу выделения РКБ, определялся темпоральной логикой протекания холодной войны. В частности, это отразилось на таком критерии РКБ, как полярность. По мысли Д. Лейка и П. Моргана, полярность не выступает необходимым атрибутом существования региональных комплексов безопасности, а сам подход Бузана и Вэйвера несколько устарел с уходом в прошлое биполярной системы.

Сложно сказать точно, в связи ли с критикой американских конструктивистов либо по иным мотивам, но в исследовании 2003 г. данное понятие было определено Б. Бузаном и О. Вэйвером несколько иначе. Под РКБ здесь понимается «группа участников, чьи основные процессы секьюритизации и десекуритизации, (или же оба этих процесса вместе), настолько связаны, что проблемы безопасности региона невозможно проанализировать или решить силами отдельных участников» [3. Р. 24]. Таким образом, изначальное определение, характерное и понятное для концепции международного общества, было скорректировано в пользу диалога с американскими конструктивистами. При этом региональные международные подсистемы не только секьюритизируются, что как раз было привлекательно для конструктивистов, но имеют и объективную структуру, которая включает 3–4 основных составляющих:

1. Внешние пространственные границы, которые отделяют РКБ от его соседей.

2. Внутренняя анархическая структура. Это означает, что комплекс должен состоять из автономных политических единиц.

3. Полярность, которая теперь понималась как распределение власти внутри комплекса.

4. Структуры «дружбы-вражды» [2. Р. 90; 3. Р. 27].

Декомпозиция региональных комплексов на уровне объективных структурных факторов была понятна скорее неолиберальным институционалистам и структурным реалистам, чем конструктивистам. Бузан вновь призывал к обсуждению частной гипотезы разные теоретические подходы и направления, а теоретическая платформа Английской школы оказывалась примиряющей позицией для подобного диалога. Такими способами он преодолевал сильное чувство исключительности Английской школы, сформировавшееся в Британском Комитете в 1960–1980-е гг., которое со временем привело к замкнутости британской теории на собственных концептах. Изолированность теории школы, а тем более, ее раскол к концу XX в. стали препятствиями для дальнейшего развития концепции и научного сообщества. Ученый своими работами менял формат существования теории Английской школы, заявляя о ее открытости новым темам, приверженности к разным подходам и сознательно призывая к диалогу по широкому комплексу вопросов международного взаимодействия. В условиях внутреннего раскола школы он делает концепцию международного общества востребованной частью мировой международной теории, соединяющей в себе новую конструктивистскую методологию и сохраняя, при этом, традицию изучения международных отношений через международные системы.

Таким образом, Барри Бузан выступает знаковой фигурой Английской школы международных отношений на современном этапе ее развития. Его творчество показывает важные грани дальнейшей трансформации данного научного сообщества. К числу наиболее показательных достижений ученого с точки зрения перспектив дальнейшего развития школы относится разработка концепта «мировое общество» как новой повестки в эволюции предмета изучения. Ему принадлежат важные шаги по адаптации наработок международной политической экономии к концепции международного общества. Он с успехом развивает модель системного подхода Английской школы в современных условиях. Он предпринял важные шаги по укреплению исторической социологии международных отношений как площадки для диалога между историками и представителями теоретического взгляда на международные отношения. Ему удалось мобилизовать внимание не только английских, но и ученых в ряде ведущих центров мира за счет применения новых конструктивистских подходов к анализу широкого спектра вопросов международной жизни. Пожалуй, он один из тех немногих европейских исследователей, к идеям которого прислушиваются в США.

В организационном отношении Б. Бузан сумел преобразовать относительно узкое научное сообщество, оказавшееся в конце XX в. в условиях некоторого

внутреннего раскола, в новый формат нескольких междисциплинарных проектов, открытых к диалогу с другими теоретическими традициями и отдельными дисциплинами изучения международных отношений. Он совершенно осознанно конвертировал свой научный авторитет в популяризацию идей школы. Благодаря развитию институционального подхода к международным отношениям, термин «британский институционализм» сегодня стал частью мировой науки международных отношений. Прикладные возможности, которые демонстрирует творчество ученого, заставляют

говорить о нем как об основателе различных научных сообществ. Однако все они не разрывают своей идейной связи с Английской школой. Более того, без анализа работ Б. Бузана 1980–2010-х гг., написанных в проблемных традициях Английской школы, невозможно понять ни современный конструктивизм в науке о международных отношениях, ни его прикладные аспекты в рамках Копенгагенского проекта, ни открытость школы к диалогу с историками, ни интерес к британской международной теории в современном мире от Америки до Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jones R. The English School of International Relations: A Case for Closure // *Review of International Studies*. 1981. Vol. 7, № 1. P. 185–206.
2. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. L., 1998. 240 p.
3. Buzan B., Waever O. Powers and Regions. The Structure of International Security. Cambridge, 2002. 387 p.
4. Xiaoming Zhang, Buzan Barry. Debating China's Peaceful Rise // *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. Vol. 3. P. 447–460.
5. Сайт Лондонской школы экономики и политических исследований // Electronic Resource (Mode of Access). URL: <http://www.lse.ac.uk/aboutLSE/keyFacts/home.aspx> (дата обращения: 10.11.2016).
6. Сайт Британской Ассоциации международных исследований // Electronic Resource (Mode of Access): <https://www.bisa.ac.uk/index.php/past-chairs> (дата обращения: 12.11.2016).
7. Buzan B. *An Introduction to English School of International Relations: The Societal Approach*. Oxford, Polity Press. 2014. 231 p.
8. Buzan B. *From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 295 p.
9. Соловьев Э.Г. Симптом усталости от «научного либерализма» // *Международные процессы*. 2005. Т. 3, № 8. С. 143–147.
10. Buzan B., Little R. *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 452 p.
11. Carr E.H. What is History? The George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the University of Cambridge January-March 1961. 2nd ed. / ed. by R.W. Davies. Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Macmillan, 1986. 154 p.
12. Buzan B. *Economical Structure and International Security. The Limits of Liberal Case* // *International Security* / ed. by B. Buzan, L. Hansen. L., 2007. Vol. II. P. 1–25.
13. Buzan B. *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. L. : Harvester Press Group, 1983. 262 p.
14. *On Security* / ed. by R. Lipschute. N.Y. : Columbia University Press, 1995. 338 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 апреля 2018 г.

Barry Buzan and the English School of International Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 143–150.

DOI: 10.17223/15617793/438/19

Victor V. Mironov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vvm_512@rambler.ru

Keywords: English School of International Relations; international community; world community; Barry Buzan.

This article is devoted to Barry Buzan and his role in the modern development of the English School of International Relations (the School). The aim of the article is to demonstrate the main aspects and the problems of the School's theory at the turn of the 21st century. The sources for the study were the texts of published works by leading members of the School and by Buzan. The English School of International Relations was formed in the 1950s–1960s. Historians Herbert Butterfield, Martin Wight, Adam Watson, Michael Howard, philosophers Donald McKinnon and Hedley Bull took an active part in the creation of this school. The concept “international society” becomes a symbol and a distinctive mark of this community thanks to Hedley Bull's books of the 1970s–1980s. However, by the end of the 20th century, the development of the School faced with many objective and subjective difficulties. Barry Buzan is a famous and authoritative specialists in international relations in the world science. His research is generally recognized in the United States, China, and many European countries. His books demonstrate his abilities to work in different theoretical directions. At the same time, he is an important figure for understanding the main change in the School during the past 20 years. The results of his involvement in the English School theory are as following. (1) He supposes that the concept “world society” is an important part of the English School theory. Like two other principal elements of the general conception – “international society” and “system states” – the concept “world society” was key for Wight, Bull and other first members of the community; however, the content of the concept was uncertain. Buzan raises a complex of specific questions which define the content of the concept in the School's research program. (2) Buzan continues to study the history of international relations as an autonomous part of the School's agenda. He adapted the idea of an international system to the epoch before the Peace of Westphalia (1648). He continues the tradition of the School's writers (Wight, Watson), who thought that history was important part of the study of international relations. This position of the English School differs from the American discipline, in which international relations are traditionally considered as a branch of political science. (3) Buzan tries to include economic issues into the agenda of the English School theory. Ignoring economic problems in international relations is a traditional drawback of the international society concept. This part of his work is not complete, but he made first important steps in it. (4) Buzan makes a new organizational format for the School after the British Committee on the Theory of International Politics finished its work. The Committee worked for 25 years (1959–1985) and became the basis for the development of the two first generations of the English School of International Relations. Buzan made the concept of international society more open to discussions in modern science, more popular among specialists in international relations abroad. At same time, he preserved the bases of the English School theory. Thanks to his activity during the past 20 years, the English School of International Relations is considered as an autonomous part of the world theory of international relations today.

REFERENCES

1. Jones, R. (1981) The English School of International Relations: A Case for Closure . *Review of International Studies*. 7(1). pp. 185–206.
2. Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Pub.
3. Buzan, B. & Waever, O. (2002) *Powers and Regions. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Zhang, X. & Buzan, B. (2010) Debating China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*. 3. pp. 447–460.
5. The website of the London School of Economics and Political Science. [Online] Available from: <http://www.lse.ac.uk/aboutLSE/keyFacts/home.aspx>. (Accessed: 10.11.2016).
6. The website of the British International Studies Association. [Online] Available from: <https://www.bisa.ac.uk/index.php/past-chairs>. (Accessed: 12.11.2016).
7. Buzan, B. (2014) *An Introduction to English School of International Relations: The Societal Approach*. Oxford: Polity Press.
8. Buzan, B. (2004) *From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Solov'ev, E.G. (2005) Simptom ustalosti ot "nauchnogo liberalizma" [Symptom of fatigue from "scientific liberalism"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 3(8). pp. 143–147.
10. Buzan, B. & Little, R. (2000) *International System in World History. Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
11. Carr, E.H. (1986) *What is History? The George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the University of Cambridge January-March 1961*. 2nd ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan.
12. Buzan, B. (2007) Economical Structure and International Security. The Limits of the Liberal Case. *International Security*. II. pp. 1–25.
13. Buzan, B. (1983) *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Press Group.
14. Lipschute, R. (ed.) (1995) *On Security*. N.Y.: Columbia University Press.

Received: 22 April 2018

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА КООПЕРАТИВНОГО «БИЗНЕСА» В СССР (1950-е гг.)

Анализируется организационная структура промысловой кооперации, сложившаяся к концу 1950-х гг. Показаны основные звенья кооперативного аппарата и направления его совершенствования. Уделено внимание положениям Примерного устава артели, регламентировавшего ее деятельность, и подразделениям, которые осуществляли просветительную и физкультурную работу, социальное страхование и жилищное строительство. Названы причины передачи производственных кооперативов в государственную собственность.

Ключевые слова: СССР; 1950-е гг.; промысловая кооперация; устав промысловой артели; огосударствление кооперативной промышленности.

Социально-экономическую ситуацию в России продолжает определять кризис самоидентификации. Попытки реформирования социализма не предотвратили ни окончательной дискредитации коммунистических идей, ни развала СССР с последующим изменением общественного строя. Однако за четверть века господства либеральных установок эффективные механизмы саморазвития создать не удалось. В настоящее время в нашей стране, если исходить из классификации американского социолога И. Валлерстайна, сложился периферийный капитализм экспортно-сырьевой ориентации¹. Попытки его «модернизировать» нивелируются периодическими финансовыми потрясениями, вызванными действиями крупных игроков мировых фондовых и валютных рынков. Ухудшение международной ситуации, выражающееся в насильственной смене политических режимов в ряде стран, «войне санкций» и т.д., приводит к резким колебаниям мировых цен на энергоресурсы, являющиеся главным экспортным товаром РФ.

В обстановке нестабильности национальные элиты оказываются неспособными реализовывать долговременные планы экономического роста. Кризис доверия по отношению к «сверхпроектам» и их способности обеспечить приемлемый уровень благосостояния для большинства населения требуют научного анализа альтернативных хозяйственных форм, которые, как показывает практика, при этом не сокращаются, а возрастают. Тем самым актуализируется исторический опыт существования в нашей стране параллельных экономических структур в виде кооперативных предприятий и организаций, ранее свыше 40 лет успешно противостоявших натиску этатистской автократии, а теперь достаточно уверенно чувствующих себя в «стихии рынка».

Самодетальным производственным ассоциациям, получившим в России наименование промысловых артелей, свойственны традиционно-коллективистские черты, заключающиеся в извлечении экономических и социальных выгод из объединения личных средств и трудовых усилий граждан. Этим они кардинально отличаются от частнопредпринимательского и корпоративного капитализма. Но кооперация обладает и целым рядом характеристик, имманентных индустриальному обществу. Среди них: реализация индивидуальных интересов через широкое распространение

обобществляемой частной собственности; коммерческий характер деятельности; возможность дрейфа кооперативных товариществ, в случае достижения ими успеха, в сторону коллективной капиталистической собственности [2. С. 96].

Указанные обстоятельства предопределили неоднозначное отношение к отечественной практике кооперативного строительства. С первых лет советской власти в декретах и постановлениях провозглашалась необходимость всемерного укрепления и развития кооперативных объединений трудящихся, совершенствования социальных принципов кооперации. Но в реальной жизни отчетливо просматривалось стремление к национализации кооперативной собственности как менее развитой, «нижней» по сравнению с «общенародной» ее формой. Именно эта тенденция, в конце концов, победила. В 1960 г. промкооперация была полностью упразднена. Ее предприятия оказались в ведении местных властей, а самые крупные переданы совнархозам. Результатом явилась ликвидация большинства из них. Народное хозяйство лишилось существенных объемов товаров широкого потребления, продукции, требующейся сельскому хозяйству, ремесленных изделий. Были потеряны кадры специалистов, навыки и умения, накопленные поколениями мастеров, преданы забвению кооперативно-коллективистские принципы управления производством. Госпредприятия стали монополистами рынка, что привело к росту цен, вымыванию и полному исчезновению дешевых товаров [3].

Усиление негативных явлений в социальной сфере (тотальный дефицит, экспансия теневых и криминальных практик в производстве и распределении продуктов массового спроса) послужило в начале 1990-х гг. основанием для очередной, теперь уже либерально-капиталистической «революции», осуществившей демонтаж советской системы. Резкое падение валового внутреннего продукта, сокращение реальных доходов трудящихся, провал в демографическую яму – такую цену пришлось заплатить российскому обществу за некомпетентные решения, некогда продиктованные идеологической зашоренностью правящих «коммунистических» элит².

Возникает закономерный вопрос: а была ли альтернатива огосударствлению (читай: уничтожению)

промысловых кооперативов в СССР? Современные реалии развитых стран, например Японии, позволяют однозначно сказать «да». Там уже продолжительное время существуют устойчивые объединения крупных фирм со средними и мелкими предприятиями – «кей-ретсу». Их структура напоминает пирамиду, где головная фирма является вершиной. По мере приближения к основанию размеры предприятий уменьшаются, а их количество возрастает. В Италии промышленные ассоциации небольших фирм являются базисом «индустриальных округов» [4. С. 129–130; 5. С. 132].

Приведенные факты убеждают в необходимости объективной оценки прошлого, учета достижений и ошибок с тем, чтобы обеспечить устойчивое развитие национального хозяйства, повышения уровня и качества жизни россиян. В рамках гуманитарных наук накоплено достаточно данных для утверждения о большей эффективности сложных и противоречивых, даже парадоксальных по своему составу социальных систем [6. С. 111]. В этом отношении важен опыт сосуществования в Советском Союзе индустриального и кооперативно-промышленного укладов, в частности, в 1950-е гг., когда были достигнуты беспрецедентные темпы роста экономики [7. С. 87]. Тогда производственные кооперативы продемонстрировали незаурядные способности в развертывании местной инициативы и предприимчивости в обеспечении повседневных нужд людей. Напомним, что в предшествующее десятилетие – в годы Великой Отечественной войны, а затем и четвертой пятилетки – на территории России возникла и продолжала усиливаться колоссальная диспропорция в соотношении тяжелой и легкой промышленности, военного и гражданского секторов.

К началу 1950-х гг. советская промкооперация (12 667 артелей и 1 844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро) выпускала 33 444 наименования товаров на сумму 31,2 млрд руб. [8. С. 188; 9. С. 53; 10. С. 6]. В ассортимент входили предметы домашнего обихода, в том числе холодильники, пылесосы, стиральные машины, мебель, посуда, скобяные изделия, детские игрушки, культтовары, стройматериалы, продукты питания и проч. Артели занимались и бытовым обслуживанием населения: шили и ремонтировали одежду и обувь, держали химчистки, прачечные, парикмахерские, фотоателье, осуществляли транспортные, погрузочно-разгрузочные и иные работы. Их доля в данных видах деятельности достигала 60–80% [11. С. 489]. Наибольшее развитие кооперативные предприятия получили на Украине, в Московской и Ленинградской областях. В 1950 г. указанные регионы давали 40% продукции промкооперации [12, 13]. Некоторые товарищества располагали прессами, токарными станками, электромоторами и другими механизмами. Технологический парк малых негосударственных предприятий по стране в 1950 г. составлял 380 тыс. единиц [10. С. 16]. Однако в подавляющем большинстве кооперативы являлись арендаторами помещений, в них по-прежнему преобладал ручной труд.

Артели могли быть как специализированными, так и многопромышленными. Инженерно-технические кадры для них готовились в Высшей школе промышленной кооперации, где в 1954 г. открылись факультет инженеров-механиков и отделение повышения квалификации руководящих работников, а в 1960 г. – аспирантура по специальностям: «Химическая технология волокнистых материалов», «Технология швейного производства», «Механическая технология древесины», «Экономика, организация и планирование производства». В 21 среднем специальном учебном заведении промкооперативной системы готовили мастеров и технологов [14]. Рабочие профессии можно было получить на централизованных курсах, в кружках техминимума, в порядке индивидуального и бригадного ученичества.

14 июля 1950 г. вышло Постановление Правительства СССР «Об организационной перестройке и укреплении кооперативных основ», в соответствии с которым уже в августе-сентябре была произведена реорганизация кооперативной системы страны. Главное управление по делам промышленной и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (далее СМ СССР), действовавшее в годы четвертой пятилетки, упразднялось. Воссоздавались Центральный совет потребительской кооперации (Центросоюз) и Центральный совет промышленной кооперации (далее Центропромсовет, или ЦПС). Эти мероприятия находились в русле общего курса, проводимого И.В. Сталиным в послевоенный период и направленного на восстановление «демократических процедур» в партии, комсомоле, профсоюзах. Большая заслуга в возрождении выборных кооперативных органов и коллективистских начал в деятельности артелей принадлежит А.И. Микояну. Будучи заместителем Председателя союзного Правительства, он неформально курировал эту сферу [15. С. 48].

В РСФСР вместо государственного ведомства – Управления промкооперации при Совете Министров (СМ РСФСР), которое функционировало с декабря 1941 г., была учреждена общественная организация – Российский промышленный совет (Роспромсовет). Перед ним ставилась задача развязать инициативу и самостоятельность на местах при строгом соблюдении кооперативного устава. На базе существовавших ранее региональных управлений промкооперации, подчинявшихся, с одной стороны, – уполномоченному, назначаемому центром, а с другой – обл-, горисполкомам, возникли областные и городские промышленные советы. Они также имели двойное подчинение – Роспромсовету и местным властям [16. С. 330]. В структуре СМ и Госплана РСФСР были предусмотрены соответственно группа и отдел промкооперации, куда стекалась вся информация о ее деятельности [17. С. 9]. Всероссийский союз кооперации инвалидов (Всекоопинсоюз) некоторое время продолжал оставаться в компетенции Министерства социального обеспечения РСФСР, однако его в 1953 г., как и прежде самостоятельный Российский лесопромышленный совет, включили в структуру Роспромсовета.

Организационные изменения в провинции проиллюстрируем на примере Южного Урала, где имел ме-

сто средний уровень развития промсистемы. Так, в Челябинской области промысловый совет (далее ОПС) был создан в конце июля 1950 г. собранием уполномоченных областных кооперативных союзов. Оно же сформировало правление, назначило председателя (им стал С.С. Гончаров) и ревизионную комиссию (срок полномочий 2 года). В функции облпромсовета входило кооперирование кустарей-ремесленников, содействие созданию новых кооперативов и промыслов, проведение ревизий, оказание правовой помощи, представительство в вышестоящих инстанциях, определение планов производства, руководство капитальным строительством, подготовкой кадров и культурно-просветительской деятельностью. В его штатном расписании предусматривалось 6 отделов: производственно-технический, планово-экономический, организационно-ревизионный, финансово-счетный, сбыта и торговли, административно-хозяйственный; и 2 сектора: капитального строительства, кадров и трудоустройства. Итого 33 должности: руководители, инженерно-технические работники и специалисты, вспомогательный персонал [18].

К началу 1950-х гг. ОПС объединял два отраслевых подразделения – металло- и швейно-кожевенный промысловые союзы³, в которых состояло 58 артелей и 5 891 член. Они вырабатывали товаров и услуг на сумму 159 174,3 тыс. руб.⁴ Производственные площади составляли 52 788 м², в среднем по 910 м² на артель. Совокупная мощность электроустановок равнялась 1 914,15 л.с., а энерговооруженность в расчете на 1 рабочего – 0,47 кВт. Имелись 3 трактора, 71 автомашина (1 легковая), 255 лошадей, 25 волов. Тяговая сила применялась, в том числе, в подсобном хозяйстве, где засеивалось зерновыми, овощами и картофелем около 100 га угодий [22. Л. 15, 16]. Кооперация инвалидов региона насчитывала 30 артелей с 3 689 членами и годовой программой в 72 100 тыс. руб. Она выпускала гвозди, замки, металлические кровати, мыло, кожтовары, обувь, чулочно-носочные изделия, белье, мебель, безалкогольные напитки; оказывала услуги по химчистке, заготовке топлива, охране [23]. В областном лесохимическом промысловом союзе было 19 кооперативов, в которых трудилось 1 324 члена. Лесовики производили мебель, смолу, скипидар, фанеру, мочало, заготавливали деловую древесину. Валовой объем их продукции исчислялся цифрой 22 172 тыс. руб. [24]. Вырубкой леса занимались, в основном, женщины и подростки при отсутствии механизированных средств. Принимая во внимание, что по уставу до 20% численного состава можно было нанимать на стороне, общее количество занятых в кооперативной промышленности Челябинской области (107 действующих артелей) определялось цифрой 13 200 человек. Совокупный объем их валового производства составлял 250 млн руб.⁵ Свыше 80% промысловых товариществ располагалось в Челябинске и других городах области, прочие – в сельских районах. Такая конфигурация объяснялась высокой степенью урбанизации Урала, занимавшего по этому показателю 2-е место в России после Центрального экономического района [26. С. 211]. Городские предприятия, более крупные и лучше оснащенные,

вырабатывали девять десятых продукции системы, поскольку им было проще достать сырье, оборудование, получить техническую помощь экспертов. Но и те, что находились в глубинке, имели важное социальное значение. Так, в 25 км от г. Юрюзани в деревне Меседа действовала лесопромысловая артель «Красноармеец», производившая смолу и пиломатериалы. Ее членами являлись почти все жители этого населенного пункта [27, 28].

С осени 1953 г. лесная и инвалидная кооперации Челябинской области стали действовать под эгидой облпромсовета. Артели с неполноценной рабочей силой приняли участие в образовании двух новых союзов – многопромыслового и ремонтно-бытового⁶, а лесопромысловики организовали областной лесохимический промысловый союз. Первый прекратил свою деятельность в январе 1955 г. по причине специализации товариществ. Остальные были ликвидированы в марте следующего года в рамках кампании «по упорядочению структуры и сокращению административно-управленческих расходов в местных органах промкооперации»⁷. Тогда же по распоряжению Правительства СССР к государственным торгам и потребительским обществам отошли розничные торговые точки, принадлежащие южноуральским артелям. Через них реализовывалась четвертая часть произведенных товаров. В дальнейшем продажи осуществлялись со склада оптовыми партиями по договорам с заказчиками. Инициативу, исходившую от и.о. председателя Центропромсовета А. Загавельева и направленную на искоренение в системе частного предпринимательства и злоупотреблений, поддержал ЦК КПСС. Облторготделу и облпотребсоюзу было передано 80 ларьков и палаток, 3 хозрасчетных магазина с годовым товарооборотом 38 млн руб. [34, 35]. Артельщики лишились возможности торговать дешевыми товарами, изготовленными не по ГОСТу.

В марте 1954 г. по постановлению СМ РСФСР челябинским кооператорам разрешили создать строительно-монтажное управление (СМУ ОПС) для возведения цехов и мастерских по выпуску товаров широкого потребления (ТШП). Организовали 4 отдельных участка: челябинский, златоустовский, магнитогорский и троцкий. Но необходимой строительной техникой им обзавестись не удалось. Имелось лишь 10 автомашин, 17 подъемных кранов малой мощности, 16 растворо- и бетономешалок, 1 пилорама. Механизмы заимствовали у стройтрестов, но чаще работали по старинке: лопатами, тачками и мастерками. СМУ ОПС занималось еще и капитальным ремонтом. В порядок приводились здания и помещения, принадлежавшие кооперативам, муниципальные объекты соцкультбыта. Подряды, получаемые от городской казны, ощутимо укрепляли финансовое состояние управления, хотя оно продолжало оставаться планово-убыточным. За период 1954–1959 гг. кооперативный стройтрест увеличил ежегодную стоимость произведенных работ в 2,2 раза – с 2 830 до 62 16,4 тыс. руб. Процент выполнения плана вырос с 38 до 94,7 [36]. К хроническим проблемам относились: отсутствие стройматериалов, сантехники; острый недостаток плотников, штукатуров, каменщиков и электриков; нехватка оборотных средств.

Поскольку отсталость технологии являлась ахиллесовой пятой всей системы, ее пытались преодолеть посредством организации при ОПС конструкторско-технологических бюро (КТБ). В июне 1954 г. КТБ возникло и в Челябинске. Тридцать девять инженеров и техников готовили проектно-сметную документацию, модернизацию производственных процессов и станков, конструировали необходимое оборудование, помогали рационализаторам во внедрении их предложений государственной и местной промышленности. КТБ приносило устойчивый доход, в 1958 г. прибыль составила 37,321 тыс. руб. [37].

Нельзя обойти стороной одну из самых значительных организационно-управленческих новаций – передачу в ведение министерств, областных и городских советов депутатов трудящихся наиболее оснащенных и успешных артелей. Ей предшествовали постановления ЦК КПСС, СМ СССР и РСФСР «О реорганизации промысловой кооперации», принятые в апреле и мае 1956 г. [38. С. 297–302; 39. С. 458–459]. Система лишилась 1/3 производственных мощностей, на которых трудилось свыше 600 тыс. работников [40. С. 70]. Объявлялось и об упразднении Центропромсовета. Все его имущество и денежные средства передавались Роспромсовету. В Челябинской области на положении государственных фабрик и заводов оказались 22 артели (каждая четвертая) с числом занятых 3 500 человек. Они давали валовой продукции на 115 млн руб. в год. Стоимость отчуждаемых основных средств оценивалась в 16,5 млн руб. – 37% от их совокупной суммы [35].

Указанные меры знаменовали смену приоритетов в вопросе о том, каким образом следует увеличивать в стране выпуск ТШП и предоставление услуг. Еще в директивах XIX съезда ВКП(б) по пятому пятилетнему плану на 1951–1955 гг. предприятия местной промышленности и промкооперации не только не противопоставлялись друг другу, но должны были действовать сообща [41. С. 270]. Поиск оптимального взаимодействия между ними не исключал расширения кооперативной формы производства и охвата ею предприятий, относящихся к Министерству местной и топливной промышленности РСФСР. Так, в декабре 1953 г. Челябинский облпромсовет принял в свое распоряжение несколько десятков государственных пунктов бытового обслуживания от 9 райпромкомбинатов, уплатив за них сумму балансовой стоимости за вычетом износа [42]. А уже через пять лет в стенограмме XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., термин «промысловая кооперация» вообще не упоминался [43].

Невзирая на экспроприацию кооперативной собственности, инициированную высшим партийным форумом, а также очевидное стремление властей обеспечить «чистоту» коммунистического эксперимента, «торговля» муниципальными производственными объектами де-факто продолжалась. Более того, она получила поддержку СМ РСФСР, который 4 марта 1958 г. Постановлением № 218 обязал обл- и горисполкомы сосредоточить ремонтно-починочные работы и индивидуальный пошив одежды и обуви исклю-

чительно в промкооперации. Так, в августе 1958 г. из горместпрома в Челябинский областной промысловый совет перешли (за деньги) 3 швейные фабрики, 20 мастерских и ателье с помещениями и оборудованием. Членами кооперативов в одночасье стали 918 человек. Несмотря на то что они изготавливали продукции в среднем на 21,45 млн руб., ежегодный прирост их производства за период 1955–1957 гг. не превышал 7% (с марта по август 1958 г. имело место снижение выработки на 21%), а рентабельность была ниже 4%⁸. Эти цифры в 2–3 раза уступали аналогичным показателям кооперативных предприятий.

Вскоре, выполняя распоряжение Совета народного хозяйства (СНХ) Челябинского экономического административного района, к продажам швейных и обувных мастерских подключились отделы рабочего снабжения крупных промышленных предприятий. Так, в августе 1958 г. ОРС треста «Коркиноуголь» (г. Коркино) передал свои мастерские кооперативу «Новый путь», а ОРС «Еманжелинскугля» (г. Еманжелинск) – товариществу «Заря». В октябре 1959 г. ОРС завода «Магnezит» (г. Сатка) уступил свои точки бытового обслуживания артели «Восход». Причина заключалась в том, что передаваемые в артели «заводы», «фабрики» и «комбинаты бытового обслуживания» находились в неудовлетворительном финансовом состоянии, их оборудование по большей части было сильно изношено, а технологические процессы оставались такими же, что и в демидовские времена. Например, в кирпичном цехе Троицкого промкомбината, который в 1957 г. вынужденно приобрело товарищество «Красный кустарь», глину для кирпичей... месили ногами! [45]. Чтобы привести цех в порядок, потребовались немалые инвестиции из кооперативного фонда долгосрочного кредитования. Как видим, когда у чиновников появлялось желание (и возможность!) сбросить с баланса нерентабельные производства, за руководство которыми они несли персональную ответственность, идеология отступала на второй план. И, напротив, под благовидным предлогом организационных перестроек и оптимизации управления государство изымало средства из промкооперативной системы и направляло их в другие, более важные с его точки зрения сферы.

Руководствуясь этими соображениями, Российское правительство в июле 1957 г. решило сосредоточить все городские заготовки вторичного сырья в промкооперативной системе. Челябинская контора Главвторсырья перешла в ведение облпромсовета, которому удалось развить этот вид деятельности. Планы закупки и отгрузки вторичных материалов постоянно перевыполнялись, себестоимость заготовок снижалась. Контора ежеквартально приносила прибыль свыше 100 тыс. руб. Летом 1960 г. за отличные показатели ее представили к республиканской премии [46. С. 40; 47]. Очередное нововведение, предложенное Роспромсоветом, в июле 1958 г., заключалось в прекращении полномочий Челябинского городского промыслового совета и передаче опекаемых им артелей во вновь организованный областной промсоюз бытового обслуживания. Предполагалось, что это повысит уровень предоставляемых южноуральцам услуг. Че-

рез полтора года облисполком усмотрел параллелизм в работе двух руководящих структур – облбытпромсоюза и облпромсовета, и настоял на роспуске упомянутого союза [48].

Наряду с реорганизациями, инициируемыми центром, изменения в системе проводились и самими кооператорами. Существовала необходимость специализации производственных единиц. С этой целью осенью 1953 г. из многопромсоюза в лесхимпромсоюз перевели товарищество «Красный Октябрь» (г. Аша), поскольку основным в его деятельности являлась деревообработка. В швейкожсоюз из металлопромсоюза перебрали артель «Родина» (г. Усть-Катав), ввиду того, что большая часть ее валовой продукции приходилась на пошивочный цех. Освободившись от непрофильных подразделений и улучшив снабжение сырьем и материалами, эти предприятия уже в следующем году смогли внедрить поточный метод производства. Весомым основанием для перемен являлась малочисленность персонала или дублирование ассортимента. Так были слиты товарищества «им. Островского» и «им. Осипенко» (г. Миньяр), «Урал» и «1 мая» (г. Сим), «Металлобытремонт» и «Гончар» (г. Челябинск). В последнем случае (1959 г.) решающим обстоятельством стали ветхость цехов в одной артели и наличие свободных площадей для расширения производства в другой; эффект от объединения выразился в сокращении 5 управленцев с зарплатой 11 460 руб. и экономии 25 900 руб. на внутрихозяйственных расходах.

Порой вопрос о существовании кооператива возникал после рассмотрения его производственно-хозяйственной деятельности в райисполкоме. Например, объектом внимания на заседании РИКа Нязепетровского района в августе 1959 г. стало товарищество «Красный кустарь». Отмечалось, что план семи месяцев по валу выполнен на 86%, а по реализации – на 62% при плохом качестве продукции. Задолженность по заработной плате в 50 тыс. руб. привела к массовым прогулам, из-за чего возведение лесосушилки превратилось в долгострой. От председателя правления М.Ф. Вохмякова потребовали взыскать дебиторскую задолженность, наладить учет, улучшить организацию труда. ОПС попросили выделить артели грузовой автомобиль и трактор [49]. Если не помогала санация, убыточные предприятия закрывались. Подобная участь в 1954 г. постигла артель «Заря» (г. Юрюзань), в 1956 г. «Красный кожевник» (г. Копейск), в 1959 г. артель «им. Братьев Буяновых» (поселок Кропачево). Их имущество распределили среди более успешных коллег [50].

Иногда процедура ликвидации длилась годами. Так, товарищество «им. братьев Буяновых» в апреле 1955 г. проверил ревизор Челябинского ОПС Н.А. Щербатов. Отчетная документация вызвала у него подозрение. В июне в Кропачево прибыли старшие инспекторы ЦПС и РПС К.Г. Гершкович и Е.В. Васильева. Выяснилось, что пользуясь попустительством руководства металлопромсоюза, группа работников (кассир, бухгалтер и кладовщик) при содействии председателя Чистякова в течение трех лет путем хищений материальных ценностей и денежных

средств нанесли артели ущерб на сумму 362,1 тыс. руб. Чтобы скрыть следы преступления, они фальсифицировали баланс. Правление и ревизионную комиссию кооператива распустили, акт проверки передали следственным органам, которые арестовали подозреваемых [51]. В начале 1956 г. артель была признана неплатежеспособной. Вслед за этим последовала еще одна проверка, на этот раз комиссии Госконтроля РСФСР. Результаты оказались те же. Однако Роспромсовет, идя навстречу просьбам местных властей и Челябинского ОПС сохранить предприятие, распорядился выдать «братьям» беспроцентную ссуду 102,8 тыс. руб. на покрытие убытков и пополнить оборотные средства на 432 тыс. руб. Однако к концу 1958 г. долг кооператива возрос до 804,2 тыс. руб. притом, что его собственные средства выражались суммой 426 тыс. руб. Роспромсовет предложил Челябинскому облпромсовету ликвидировать предприятие. Но вмешался райисполком Миньярского района (населенный пункт Кропачево находился в его ведении), посчитавший данный шаг преждевременным. Он обратился в ОПС с требованием о повторном списании с артели убытков. Решение этого вопроса было в исключительной компетенции РПС, а он уже выразил свое мнение. В конце концов, облпромсовет заручился поддержкой облисполкома и завершил дело о банкротстве [49. Л. 109, 110].

Совершенствование организационной структуры кооперативного аппарата в Челябинской области носило перманентный характер. В январе 1959 г. была предпринята попытка создания собственной правовой службы на базе юридической консультации артели инвалидов «За Родину». Просуществовав полгода, она была распущена ввиду слабой востребованности ее услуг внутри системы и на рынке. В октябре 1959 г. секторы капитального строительства, кадров и трудоустройства ОПС были преобразованы в отделы, его штатное расписание увеличилось до 72 единиц. В июне 1960 г. обком КПСС распорядился объединить весь кооперативный автомобильный транспорт в одно автопредприятие и обязал облпромсовет выделить для возведения общего гаража 100 тыс. руб., но этим планам воплотиться уже было не суждено [52].

Итак, накануне полного упразднения и безвозмездной передачи активов промкооперации в государственную собственность в Челябинском ОПС были представлены: 21 отрасль производства, 74 артели, управление снабжения и сбыта, строительно-монтажное управление, конструкторско-технологическое бюро и курсовая база подготовки кадров. На удовлетворение повседневных нужд южноуральцев работали 214 кооперативных мастерских, в том числе по индивидуальному пошиву и ремонту одежды – 44; обуви – 46; трикотаж – 5; починке бытовой техники – 58; изготовлению и реставрации мебели – 5; ремонту квартир – 3. Имелась фабрика химчистки с 19 приемными пунктами, 25 фотоателье, 11 парикмахерских. В год на душу населения оказывалось услуг на 42 руб. На протяжении 1950-х гг. областные промысловые советы осуществляли сначала общее, а после ликвидации отраслевых союзов и передачи наиболее оснащенных артелей в государственную промышленность, – и

непосредственное управление подотчетными предприятиями. При этом преследовалась цель «дальнейшего развития промкооперации и улучшения организационно-хозяйственного обслуживания артелей». Что касается отраслевых союзов, то вплоть до своего роспуска они занимались снабжением и сбытом. Их учреждала группа промысловых артелей, близких по роду занятий или расположенных в одной местности. Руководило союзом собрание уполномоченных представителей от каждого входящего в него товарищества. Оно же избирало правление и ревизионную комиссию. Содержание аппарата целиком возлагалось на кооперативы. Один процент от себестоимости реализованной продукции отчислялся профильному союзу, а последняя половина полученных денег переводил облпромсовету. После перехода на двухзвенную систему, предполагавшую прямое подчинение артелей ОПС, расходы сократились вдвое. Очевидно, что система управления кооперативным аппаратом строилась на демократических принципах выборности и подотчетности вышестоящих органов нижестоящим. Кандидатуры руководителей промсовета и промсоюзов, в соответствии с установленным в те годы порядком, обязательно утверждались партийными комитетами, мнение которых было весомым, но не определяющим. В номенклатурный перечень должностей, контролируемый обкомом или горкомом КПСС, они не входили.

Первичным звеном кооперативной сети являлась артель, деятельность которой регламентировалась уставом. Его отправной вариант был одобрен Всесоюзным кооперативным промысловым советом в 1934 г. Существовали три редакции этого документа. Первую модифицированную версию приняло I Всесоюзное собрание уполномоченных промкооперации 20–24 ноября 1950 г. Вторую подготовил Центропромсовет 13 июля 1953 г. Третью предложил Роспромсовет 1 апреля 1958 г. Изменения мотивировались: 1) необходимостью ограничить применение надомных форм труда, чтобы воспрепятствовать проникновению в товарищества предпринимательских элементов⁹; 2) регламентированием торговых операций для борьбы с хищениями; 3) повышением роли общих собраний в управлении хозяйственной деятельностью и развитии кооперативной демократии. Воспрещалось членство в разных артелях, увеличивалось минимальное число учредителей, детально прописывалось наложение санкций на провинившихся членов и апелляции по ним. Однако фундаментальные принципы организации и функционирования артели оставались неизменными.

Вступать в нее могли граждане, достигшие 16 лет и внесшие вступительный и паевой взносы. В соответствии с постановлением Челябинского ОПС № 131 от 3 апреля 1958 г. вступительный взнос составлял 15 руб. Он был безвозвратным и зачислялся в основной фонд. Паяный взнос устанавливался в объеме среднего двухмесячного заработка, мог уплачиваться в рассрочку и возвращался владельцу при переходе на другую работу, мобилизации в армию или выходе на пенсию [54]. Для учеников устанавливался возрастной ценз 15 лет. Когда количество участников товарищества не превышало 300 человек, важные произ-

водственные и кадровые вопросы выносились на общее собрание, которое созывалось 1 раз в квартал. Если коллектив был более многочисленным или производственные объекты рассредоточены территориально, то правом решения наделялось собрание уполномоченных с той же периодичностью созыва. За текущую работу отвечало правление во главе с председателем, кандидатура которого после избрания выносилась на бюро райкома партии, где, как правило, получала одобрение¹⁰. Проверками текущей деятельности занималась ревизионная комиссия из 3–5 заслуживающих доверия членов, не входивших в правление. До апреля 1958 г. председатели обоих кооперативных органов проходили через процедуру тайного голосования на общем собрании. В последующем вердикты по ним выносились открытым голосованием на заседаниях правления или ревкомиссии, которые получили право выдвигать кандидатов на ключевые должности из своего состава. Разрешался наем специалистов и вспомогательных рабочих без оформления членства в артели. Их число квотировалось в пределах 20% списочного состава предприятия. Для Всероссийского союза кооперации инвалидов данное ограничение касалось привлечения здоровой рабочей силы.

Формы, методы, направления и интенсивность работы промысловые товарищества в значительной степени определяли самостоятельно. Опыт аналогичных отраслей государственного сектора служил им лишь ориентиром. Трудиться можно было в общей мастерской или, если имелись объективные причины (например, инвалидность, наличие иждивенцев, нуждающихся в уходе), то и на дому; шить изделия бригадным методом или на конвейере; чинить бывшие в употреблении вещи или изготавливать новые; а также выбирать степень занятости (полная, частичная, сезонная и т.д.). Размер заработка зависел не только от личных усилий каждого, но и от конечного результата деятельности коллектива. Полученный доход расходовался на уплату налогов, расширение производства, технику безопасности, пополнение страх- и культурных фондов, на отпускные. Пятую часть чистой прибыли при отсутствии убытков прошлых лет устав разрешал распределять между членами артели пропорционально их вкладу в общее дело, т.е. зарплате. Ее размер в промкооперации в середине десятилетия достигал, в среднем, 480 руб. и около 50 руб. в месяц приходилось на «дивиденды». К слову, председателю РПС полагался персональный оклад 4 тыс. руб., почти как республиканскому министру. Рабочие местной промышленности получали 586 руб. [18. С. 36–37; 56].

Анализ структуры, а также отношений между элементами кооперативной системы 1950-х гг. свидетельствует, с одной стороны, о снижении волевого администрирования, а с другой – о возрождении и укреплении самоуправленческих начал. Соответственно повышались требования к качеству «человеческого материала», его способности к приобретению и использованию разнообразных знаний, умений, навыков. Поэтому закономерно, что в числе важных задач кооперативных организаций в уставе называлось «повышение культурного уровня членов, воспитание из них активных и сознательных строителей коммунистиче-

ского общества». С учетом реалий тех лет речь шла о совершенствовании морального и физического облика индивида, подчинении личных интересов общественному идеалу, т.е. о том, что сейчас принято связывать с «активной гражданской позицией».

Эту задачу призваны были решать артельные культсоветы. Они состояли из 5–15 человек, чаще всего коммунистов и комсомольцев. В крупных предприятиях культсоветы возглавляли освобожденные работники, одновременно являвшиеся зам. председателя артели по организационно-массовой, культурно-воспитательной работе и кадрам. О значении, которое придавалось формированию духовно-нравственного облика кооператоров, говорит тот факт, что заводы получали более высокие ставки, чем занятые на производстве. Оплата их труда и формирование необходимой материальной базы осуществлялись из специального культфонда, куда поступали отчисления в размере 1,8% от объема заработной платы и часть прибыли.

В каждом ОПС в обязательном порядке функционировали клубы с кружками по интересам и лекториями. Имелись библиотеки с десятками тысяч книг, музыкальные инструменты, радиоприемники, патефоны, театральные костюмы и декорации. Проводились смотры самодеятельности. Артисты-любители были востребованы на городских концертных площадках и в парках. В обязанности культсоветов входило оформление досок почета и бюллетеней производственных показателей, обновлявшихся каждые 10–15 дней. Важной сферой ответственности культактива была работа среди подростков и молодежи. Тех, кто не имел законченного среднего образования, побуждали посещать вечернюю школу, получивших аттестат зрелости направляли в средние специальные учебные заведения и вузы.

Большое внимание уделялось физкультурной и военной подготовке по линии спортобщества «Спартак», созданного в апреле 1935 г. и также финансировавшегося за счет средств культфонда и взносов его членов. Спортсмены-кооператоры выступали на областных и республиканских соревнованиях по легкой атлетике, волейболу, баскетболу, пулевой стрельбе, плаванию, мотокроссу, конькам и лыжам. Трудовые коллективы обеспечивали их проездными и командировочными при сохранении на период состязаний и сборов средней заработной платы. Призеров поощряли денежными премиями и путевками в дома отдыха. Фундаментом спортивных достижений служила массовость. Авторитет и заслуги добровольного общества «Спартак» в развитии физкультуры и спорта общепризнанны. Когда в 1960 г. промысловую кооперацию упразднили, его не стали ликвидировать, а передали профсоюзам. Спортобщество, возникшее благодаря энтузиазму горстки кооператоров, превратилось в мощную организацию, объединившую 21 тыс. физкультурных коллективов с более чем 1,5 млн участников [57. С. 38]. Неформальное общение членов промысловых товариществ, сочетавшее отдых с развитием их творческого и физического потенциала, способствовало накоплению в рабочих коллективах опыта позитивного взаимодействия. Сейчас обществоведы

называют это социальным капиталом, способным многократно увеличивать отдачу от инвестирования в капитал овеществленный и человеческий (орудия труда, обучение и проч.) [58. С. 78]. Он служит источником жизненных сил и оптимизма, без которых трудно достичь успехов на производстве и в личной жизни.

Идея о неразрывной связи трудового энтузиазма с культмассовой работой красной нитью проходила в репортажах ежемесячника «Промысловая кооперация». Возобновления его выхода, прекращенного в 1940 г., Роспромсовету пришлось добиваться, преодолевая настороженное отношение партийных чиновников. В 1947 г. ЦМ СССР принял по этому вопросу положительное решение, но оно было «положено под сукно». Спустя три года председатель Цетромпромсовета А.Е. Петрушев в письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Суслова вновь просил содействия в организации журнала, обещая обеспечить его собственной полиграфической базой. Ту же просьбу в 1952 г. он направил Г.М. Маленкову, напомнив, что до войны промкооперация имела 13 периодических изданий. В ответ на обращение заведующий сектором ЦК партии В. Воронцов произвел проверку материальной базы кооперативного издательства, сделал вывод о ее недостаточности и подчеркнул, что «роль КОИЗа в коммунистическом строительстве явно недооценена». Потребовалось три года согласований, чтобы журнал увидел свет [59. С. 52–53]. Его тираж определили в 40 тыс. экземпляров, периодичность – 12 номеров в год, розничную цену ограничили 3 руб. Каждое товарищество подписывалось на 2–3 экземпляра, которые в библиотеках не залеживались.

Ежемесячник пропагандировал задачу увеличения производства товаров народного потребления, улучшения их качества, внедрения новой техники и технологии, повышения производительности труда, широкого использования местных видов сырья и отходов крупной индустрии, поиска заменителей дефицитных материалов. Журналисты рассказывали о передовых предприятиях местной государственной и кооперативной промышленности, идеях новаторов. Зарекомендовавшие себя рацпредложения анализировались, приводились их чертежи, технические характеристики, условия и выгоды использования. Одна из популярных рубрик посвящалась будням промысловых кооперативов в странах «народной демократии». Отдельное направление работы редколлегии заключалось в обобщении практики управления делами артели, союза, промсовета, критике тех деятелей, которые пренебрежительно относились к прогрессивным формам организации производства, допускали бесхозяйственность, нарушения кооперативного устава и законов РСФСР. Статьи и фельетоны воспитывали читательскую аудиторию в духе непримиримости к недостаткам и ответственности за порученное дело. Наличие общесоюзного печатного органа сплачивало артельщиков, вооружало их четким видением проблем и перспектив, рождало корпоративную солидарность.

В артелях наряду с полноправными членами трудились наемные работники. Они были лишены права голоса на отчетно-выборных собраниях и не могли

претендовать на получение части прибыли по результатам хозяйственной деятельности за год. К их числу относились специалисты, вспомогательный персонал и служащие кооперативного аппарата. Последние не оформляли членство в артелях, чтобы не терять различные льготы, заслуженные при осуществлении трудовой деятельности в других отраслях, в том числе профсоюзный стаж. Их интересы защищал профсоюз рабочих местной промышленности, который в конце 1957 г. был слит с профсоюзом рабочих коммунального хозяйства. Профкомы должны были следить за соблюдением администрацией правил приема и увольнения, начислением зарплаты, выполнением коллективных договоров и улучшением жилищно-бытовых условий работников. За счет своего бюджета они финансировали проведение детских праздников, выделение путевок в санатории. Их полномочия распространялись на такие сферы, как поддержание трудовой дисциплины, оптимизация производственных процессов, развитие соцсоревнования. Для победителей учреждались денежные премии. Во многих товариществах допустимый предел найма – 20% – зача-

стую оказывался превышенным. Создание профорганизации влекло за собой штрафы, налагаемые финотделами. Альтернативой служило включение положительно зарекомендовавших себя работников в члены кооператива. Этим способом «убивали сразу двух зайцев» – избегали финансовых санкций и пополняли основные фонды.

Часть полученной прибыли поступала в промышленные страховые кассы (промстрахкассы), ведавшие пенсиями, оплатой больничных листов, рекреационными мероприятиями и детскими учреждениями. Доля названных статей в бюджете кооперативного страхования к концу 1950-х гг. исчислялась соответственно в 65, 19 и 16%. Страховые тарифы постоянно повышались, что обуславливалось расширением круга получающих пенсию и социальной политикой государства, стремившегося поднять жизненный уровень пенсионеров независимо от формы их прежней занятости¹¹. Почти в 2 раза они возросли после передачи наиболее оснащенных артелей в госпромышленность. Показатели пенсионного обеспечения в промышленной кооперации РСФСР отражены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные показатели пенсионного обеспечения в системе промышленной кооперации РСФСР

	1955 г.	1959 г.
Пенсионеры	175 тыс.	280 тыс.
Средний размер пенсий	140 руб.	265 руб.
Пенсионные выплаты	265 млн руб.	831 млн руб.

Составлена автором по: [60. Л. 296–297].

В соответствии с утвержденным Роспромсоветом и Роспромстрахсоветом в июле 1956 г. «Положением о пенсиях» для мужчин, если они имели обычный, не связанный с тяжелыми условиями труда, минимальный стаж 25 лет, пенсионный возраст устанавливался

в 60 лет. Женщины, проработавшие два десятилетия, уходили на заслуженный отдых в 55 лет. Те, кто трудился на вредных производствах, и многодетные матери получали право на пенсию в 50 лет. Рассчитывалось содержание по следующей шкале (табл. 2):

Таблица 2

Порядок расчета размера пенсий в промышленной кооперации РСФСР (1956–1960 гг.) [61. С. 2]

Размер заработной платы, руб.	Размер пенсии, руб.
350	100%, не менее 300
350–500	85%, не менее 350
500–600	75%, не менее 425
600–800	65%, не менее 450
800–1 000	55%, не менее 520
Свыше 1 000	50%, не менее 550

Источник: Промысловая кооперация. 1956. № 9. С. 2.

Максимальная пенсия не могла превышать 1 200 руб. За непрерывный стаж свыше 15 лет или общий 35 лет полагалась надбавка 10%, за нетрудоспособных иждивенцев – от 10 до 15% [61. С. 2]. Пенсионное обеспечение было скромным, но оно соизмерялось со средним доходом работающего члена кооператива. Отметим немаловажную деталь: если различие в зарплате допускалось более чем втрое, то в размере пенсии – 1,8 раза. Законодатель исходил из презумпции: «старость уравнивает».

Роспромстрахсовету удалось создать солидную материальную базу здравоохранения и отдыха. I Всероссийский съезд работников кооперативного страхования (20–21 октября 1957 г., Москва) отмечал, что в системе функционировали 20 санаториев, 37 домов

отдыха, 436 здравпунктов (до передачи части артелей в госпромышленность в 1956 г. их было на треть больше). На каждую тысячу членов кооперативов ежегодно выделялось 98 бюджетных путевок, из них около 20% – бесплатно, остальные – за треть стоимости. Для малышей было организовано 555 детсадов и яслей [62. С. 33; 63. С. 38; 64. С. 13]. К концу десятилетия все они размещались уже не в арендованных, а в собственных зданиях и помещениях; на каждую сотню артельщиков репродуктивного возраста приходилось 2,9 места в детских учреждениях. Свыше 100 тыс. школьников из семей промысловиков летом выезжали в пионерские лагеря [60]. На промстрахкассы и профкомы, среди прочего, возлагалась ответственность за охрану труда, технику безопасности,

промышленную санитарию. Далеко не все тут обстояло благополучно. Только за 9 месяцев 1950 г. штрафы за различные нарушения областные службы технадзора выписали 1 700 работникам кооперативов, а на 75 человек материалы были переданы в прокуратуру для возбуждения уголовных дел, так как их халатность привела к тяжелым последствиям [65].

Руководствуясь решениями декабрьского 1958 г. Пленума ЦК КПСС о расширении полномочий фабрично-заводских комитетов профсоюзов, Роспромсовет в 1959 г. утвердил новое положение об областных советах кооперативного страхования. Они получали право участвовать в подведении итогов соцсоревнования, лишать премий и ставить вопрос о смещении нерадивых руководителей. В их компетенцию включили контроль за пунктами общественного питания, жилищным строительством, осуществляемом промкооперативной системой, и распределением новых квартир [66. С. 36].

«Большим» вопросом среди артельщиков, как, впрочем, и по стране в целом, являлся жилищный. В 1956 г. кооператоры РСФСР приняли целевую программу кредитования. Деньги аккумулировались на специальных счетах в Стройбанке, которые открывал Роспромсовет. Членам товариществ – рабочим, ИТР и служащим выдавались ссуды до 7 тыс. руб. на срок до 7 лет под 2% годовых, на просроченный платеж – 3%, с условием, что сумма не должна превышать половины сметной стоимости проекта. Остальное доплачивал сам застройщик. Конкретный размер вспомоществования устанавливался правлением и страховым советом артели, а в подразделениях кооперативного аппарата – профсоюзной организацией [67. С. 35].

Проведенный анализ показывает, что необходимость поднять жизненный уровень народа побудила власти в 1950-е гг. активизировать работу промышленной кооперации. Начались поиски организационных форм и методов работы, которые бы соответствовали ее сущности. Были восстановлены демократические механизмы управления и поставлена задача перейти от обслуживания государственных предприятий к массовому изготовлению потребительских товаров и услуг. Возвращение артелей к привычной деятельности по удовлетворению повседневного спроса сопровождалось оптимизацией кооперативного аппарата, укрупнением и специализа-

цией ряда производств. Многоотраслевой характер промысловой системы, возможность маневрирования собственными средствами, гибкость и приспособляемость к изменяющимся социальным условиям явились предпосылками, которые позволили за считанные годы превратить ее подразделения на местах в настоящие центры жизнеобеспечения. Параллельно происходило формирование особой «кооперативной» идентичности в производственных коллективах, доход которых целиком зависел от результатов хозяйствования. Этому способствовала социально-адаптационная и культурно-просветительская деятельность артельных правлений, культсоветов и профкомов. Обратной стороной процесса стало снижение восприимчивости к директивным сигналам, исходящим от партийных и советских органов. Это побудило власти в 1956 г. вернуть наиболее крупные и технически оснащенные коллективные предприятия в сферу влияния коммунистической бюрократии.

Однако взять на себя ответственность за состояние дел в каждом промышленном кооперативе правительство страны сразу не решилось, хотя именно этого требовали от него ортодоксы марксистско-ленинской идеологии. Будучи «островком» хозрасчета и самоокупаемости «в море» централизованного планирования, кооперативная промышленность сглаживала многие его огрехи и противоречия, продолжая наращивать свой потенциал и успешно осваивать новые сегменты рынка. Успехи кооперативного сектора породили глухое недовольство и раздражение партноменклатуры. В его укреплении она увидела вызов своему безраздельному господству. Для того чтобы обогатить политэкономия социализма концепцией «смешанной экономики», в тех условиях требовались недюжинные смелость и ум. Несмотря на достаточное количество свидетельств организационно-экономической эффективности и социальной полезности малых негосударственных предприятий, руководителей, интеллектуально способных к теоретическим новациям и не боящихся рисковать карьерой ради их продвижения, среди высокопоставленных функционеров «хрущевского» периода не нашлось. В итоге институт промышленной кооперации был ликвидирован, как не соответствующий цели строительства коммунизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно теории И. Валлерстайна, капиталистическая «миросистема» представляет собой иерархически организованное пространство «центр–периферия», причем «периферия» в данной системе постоянно теряет прибыль в пользу «центра» или «ядра». Из этих средств создаются фонды, обеспечивающие производителей в «зоне ядра» дополнительными преимуществами в производстве уже существующих продуктов и позволяющие им создавать все больше новых редких продуктов, с помощью которых они возобновляют процесс скрытой эксплуатации [1. С. 89].

² В этом состоянии пребывают и многие нынешние руководители. Поменялась доктрина (с коммунистической на либеральную), но доктринальные ограничения по-прежнему препятствуют выработке взвешенной экономической политики, способной адекватно отвечать на «вызовы эпохи».

³ Существовал еще областной разнотропный союз, но в июле 1951 г. его расформировали с передачей артелей двум оставшимся союзам [19].

⁴ Подсчитано автором по: [20, 21].

⁵ Для сравнения: в Москве в 1953 г. было зарегистрировано 377 артелей, объединявших 110 тыс. членов. Они выпускали промышленной продукции на 4 млрд руб. и оказывали услуг на 700 млн руб. А во всей Туркменской СССР действовало 66 товариществ, из них 22 убыточных [25].

⁶ Решение о вхождении кооперации инвалидов в промкооперативную систему было, по-видимому, неправильным. На протяжении последующих двух лет численность артелей, где трудились увечные и слабые здоровьем люди, уменьшилась по РСФСР более чем на 1 400 еди-

ниц. В Челябинской области из 21 артели (данные на конец 1954 г.) спустя три года осталось всего 3 [29. С. 22; 30]. Министр социального обеспечения Н. Муравьева в апреле 1956 г. представила в СМ РСФСР докладную записку, в которой выразила озабоченность тем, что инвалидные товарищества, существуя уже в рамках промкооперации, распадаются: «В некоторых областях почти не осталось артелей инвалидов, а ликвидация их как самостоятельных артелей проходила с ведома и по решению облисполкомов. Только за один 1955 год количество артелей инвалидов сократилось на 340. В Курской области из 17 артелей осталось 3, в Псковской из 20 – 4, в Смоленской из 20 – 8». В записке говорилось, что заработки инвалидов падают, наблюдается резкий рост безработицы, и без того обездоленные люди попадают в тяжелое материальное положение. Муравьева предлагала сохранить существующие инвалидные кооперативы и передать им из государственной промышленности средства производства, позволяющие трудиться людям с нарушениями опорно-двигательных функций [31].

⁷ Подобная мера в отношении промсоюзов уже однажды предпринималась. Осенью 1941 г. в условиях перестройки на военный лад власти посчитали их промежуточным звеном, не игравшим особой роли в кооперативном аппарате. Вскоре обнаружилась ошибочность подобных представлений. Без союзов, знавших нужды и слабые места конкретного производства, систему залихорадило. Уже в январе–феврале 1942 г. союзы повсеместно были восстановлены [32. С. 130]. В 1956 г. негативные последствия этого решения были смягчены тем обстоятельством, что сырьевой баланс кооперативов от половины до двух третей формировался за счет фондовых поставок, а готовую продукцию почти полностью выбирали различные ведомства, учреждения и торговые организации. Тем не менее в ходе отчетно-выборной кампании, проходившей в артелях области в январе–феврале 1958 г., перечень претензий в адрес облпромсовета, связанных с обеспечением сырьем, оборудованием, запчастями, занял 11 страниц машинописного текста [33]. Проведенная централизация управления деятельностью промысловых товариществ соответствовала духу июльского 1955 г. Пленума ЦК КПСС, объявившего о грядущей передаче в госпромышленность тех артелей, которые перестали носить кустарный характер, хотя точные сроки не назывались.

⁸ Подсчитано автором по: [44].

⁹ В мае 1950 г. работники Госплана провели проверку труда надомников, которыми, в основном, оформлялись инвалиды и многодетные матери. Выяснилось, что они зачастую выступали в роли субподрядчиков, т.е. сдавали заказы на сторону за некий процент либо нанимали себе «помощников». Кстати, вплоть до начала 1950-х гг. надомники широко использовались не только в промкооперации, но и в госпромышленности. Им в аренду передавалось оборудование, а они, организуя неподнадзорные «бригады», большую часть продукции реализовывали на городских рынках. Артели таким сотрудничеством были довольны, устанавливая «бригадирам» солидную доплату [53].

¹⁰ Статью 37 в новом проекте примерного устава промартели (1950 г.) о выборах председателя общим собранием членов руководитель Центрпромпосовета А.Е. Петрушев заранее согласовал с заведующим отделом легкой промышленности ЦК ВКП(б) Н.М. Пеговым [55].

¹¹ См., например, Постановление СМ РСФСР от 15.09.1956 г. № 634 «О пенсиях по кооперативному страхованию», по которому по всей Российской Федерации устанавливались единые условия и нормы пенсионного обеспечения рабочих и служащих [40. С. 597].

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.
2. Егоров В. Место и роль кооперации в цивилизационном пространстве // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 87–99.
3. История и теория кооперативного движения. URL: <http://uchebnik.kz/istoriya-i-teoriya-kooperativnogo-dvizheniya/57-opyt-razvitiya-i-likvidaciya-promyslovoy-kooperacii> (дата обращения: 11. 10. 2014 г.).
4. Япония – 2000: консерватизм и традиционализм. М. : Вост. лит., 2000. 303 с.
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М. : Прогресс, 1996. 285 с.
6. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
7. Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 72–89.
8. Социалистическая кооперация: история и современность. М. : Наука, 1989. 223 с.
9. Плановое хозяйство. 1951. № 4.
10. Промысловая кооперация. 1955. № 6.
11. История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х гг. М. : Наука, 1980. 589 с.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8101. Оп. 1. Д. 831. Л. 180.
13. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 965. Оп. 5. Д. 125. Л. 27.
14. Приложения к журналу «Промысловая кооперация». 1960. № 5, 7.
15. Назаров П.Г. История Российской промысловой кооперации. 1932–1952. Часть VIII. Челябинск, 1994. 71 с.
16. Постановление СМ РСФСР «Об образовании Советов промысловой кооперации в краях, областях, городах республиканского подчинения» № 868 от 22 июля 1950 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 4. 1948–1953. М. : Госюриздат, 1958. 619 с.
17. Назаров П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 1991. 24 с.
18. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 152. Л. 412.
19. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 90. Л. 121.
20. ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 16. Д. 308. Л. 36.
21. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.
22. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 15, 16.
23. ОГАЧО. Ф. 1318. Оп. 2. Д. 105. Л. 220, 224, 225.
24. ОГАЧО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 48. Л. 6, 9, 10.
25. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 29. Л. 284.
26. Население России в XX в. : исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М. : РОССПЭН, 2001. 416 с.
27. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.
28. Челябинский рабочий. 1954, 19 окт.
29. Промысловая кооперация. 1956. № 11.
30. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 181. Л. 110.
31. Каменева О. «Не везет им в смерти»? – судьба инвалидных кооперативов в России. Отечественные записки. 2004. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=856> (дата обращения: 20.01.2015).
32. Пасс А. А. «Другая экономика»: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг.». Челябинск : ЧелГУ, 2002. 386 с.
33. ОГАЧО. Ф.965. Оп. 5. Д.196. Л. 338–348.
34. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 832. Л. 149.
35. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 181. Л. 9.
36. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 180. Л. 147.
37. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 189. Л. 61.
38. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961. М. : Политиздат, 1968. 775 с.
39. История советского рабочего класса. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества 1945–1960 гг. М. : Наука, 1987. 519 с.

40. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1954–1956. М. : Госюриздат, 1959. 703 с.
41. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8 (1946–1955). М. : Политиздат, 1985. 542 с.
42. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 7. Д. 132. Л. 24.
43. XX съезд КПСС 14–25 февраля 1956 г. / Стенографический отчет : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. 560 с. М. 1956.
44. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 210. Л. 1, 6, 7, 61, 62, 71.
45. ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 15. Д. 770. Л. 18.
46. Промысловая кооперация. 1957. № 10.
47. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 176. Л. 12.
48. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 216. Л. 43.
49. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 216. Л. 59, 60.
50. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 122. Л. 43, 163, 236, 238.
51. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 2115. Л. 10, 11.
52. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 218. Л. 24–27.
53. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 6. Д. 7810. Л. 3, 22, 113–115.
54. ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 196. Л. 322, 323.
55. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.
56. Кудрявцев А.С. и др. Экономика труда. М. : Профиздат, 1957. URL: <http://www.tehly.ru/trud16.html> (дата обращения: 09.01.2012).
57. Промысловая кооперация. 1960. № 7.
58. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 77–86.
59. Назаров П.Г. История Российской промысловой кооперации. 1932–1960. Челябинск, 1994. 132 с.
60. ГАРФ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 496. Л. 303, 304.
61. Промысловая кооперация. 1956. № 9.
62. Промысловая кооперация. 1956. № 1.
63. Промысловая кооперация. 1956. № 8.
64. Промысловая кооперация. 1958. № 1.
65. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 29. Л. 180.
66. Промысловая кооперация. 1958. № 12.
67. Промысловая кооперация. 1960. № 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2018 г.

The Organization Structure of Cooperative “Business” in the USSR (1950s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 151–162.

DOI: 10.17223/15617793/438/20

Andrey A. Pass, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: pass_andrey@mail.ru

Keywords: Soviet Union; 1950s; producers’ cooperation; Russian Producers Board; nationalization cooperative industries.

The article analyses the principles of building the producers’ cooperative system that existed in the Soviet Union until its nationalization in 1960. The quantitative and qualitative parameters of the development of various kinds of industrial cooperation in national and regional aspects, as well as the activities of the authorities to restore the elected self-government bodies, are shown. A separate part of the article focuses on the policies of the ruling Communist Party, which, on the one hand, expressed the need to improve the workers’ standard of living and support small cooperative enterprises, which could affect the solution of the stated task, and, on the other, gradually strengthened the administrative pressure on them. A set of measures aimed at improving the effectiveness of cooperative industry is presented. Among them are specialization, including the emergence of new offices, shops and workshops; technical re-equipment; refurbishment of the balance, etc. Attention is paid to the provisions of the charter which governed activities of the cooperative. The forms, methods and criteria of remuneration of the members of producer associations, education and physical education work, organization of housing, social insurance and health care are described in detail. A separate part of the article tells about the status of employees. After a long break, the publication of the monthly profile magazine *Promyslovaya Kooperatsiya* [Producers’ Cooperative Society] was resumed. Its role in the promotion and dissemination of knowledge of best practices and advanced technologies is described. It is stated that the benefits cooperatives possessed compared with similar state enterprises of local subordination (belonging to different industries, ability to maneuver their own means, flexibility and adaptability to changing social conditions) allowed them to become real life support centers of cities and settlements in a short time. In the conclusion, reasons for the elimination of producers’ cooperatives are given. Based on self-supporting and self-sustaining bases, cooperatives quickly mastered new segments of the consumer market and constantly raised their profitability. Their successes gave rise to the discontent of the party’s “nomenclature” that saw cooperatives as a challenge to their own unbridled domination. As a result, the producers’ cooperative system was found non-conforming with the lofty goal of building communism.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2008) *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism with capitalist civilization]. Translated from English. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
2. Egorov, V. (2005) Mesto i rol’ kooperatsii v tsivilizatsionnom prostranstve [Place and role of cooperation in the civilization space]. *Voprosy ekonomiki*. 4. pp. 87–99.
3. Sakharova, D.B. & Kotov, I.S. (2005) *Istoriya i teoriya kooperativnogo dvizheniya* [History and theory of the cooperative movement]. [Online] Available from: <http://uchebnik.kz/istoriya-i-teoriya-kooperativnogo-dvizheniya/57-opyt-razvitiya-i-likvidatsiya-promyslovoy-kooperatsii>. (Accessed: 11.10.2014).
4. Zhukov, A.B. et al. (eds) (2000) *Yaponiya – 2000: konservatizm i traditsionalizm* [–2000: conservatism and traditionalism]. Moscow: Vost. lit.
5. Putnem, R. (1996) *Chto by demokratiya srabotala* [Making democracy work]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Shanin, T. (1990) Formy khozyaystva вне sistem [Forms of economy outside systems]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 109–115.
7. Khanin, G. (2002) Desyatiletie triumfa sovetskoy ekonomiki [Decade of triumph of the Soviet economy]. *Svobodnaya mysl’ – XXI*. 5. pp. 72–89.
8. Nikiforov, L.V. (ed.) (1989) *Sotsialisticheskaya kooperatsiya: istoriya i sovremennost’* [Socialist cooperation: history and modernity]. Moscow: Nauka.
9. *Planovoe khozyaystvo*. (1951) 4.

10. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1955) 6.
11. Gladkov, I.A. (ed.) (1980) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the socialist economy of the USSR]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
12. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 831. Page 180. (In Russian).
13. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 125. Page 27.
14. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1960). Supplements. 5, 7.
15. Nazarov, P.G. (1994) *Istoriya Rossiyskoy promyslovoy kooperatsii. 1932–1952* [History of the Russian producer cooperation]. Pt. VIII. Chelyabinsk: [s.n.].
16. Kopylovskaya, M.A. et al. (eds) (1958) *Postanovlenie SM RSFSR “Ob obrazovanii Sovetov promyslovoy kooperatsii v krayakh, oblastyakh gorodakh respublikanskogo podchineniya” № 868 ot 22 iyulya 1950 g.* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR “On the formation of Councils of producer cooperation in the territories and regions of cities of republican subordination” No. 868 of July 22, 1950]. In: *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR]. Vol. 4. 1948–1953. Moscow: Gosyurizdat.
17. Nazarov, P.G. (1991) *Promyslovaya kooperatsiya RSFSR i ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva. 1950–1960 gg.* [Producer cooperation of the RSFSR and the economic policy of the Soviet state. 1950–1960]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
18. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 152. Page 412. (In Russian).
19. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 90. Page 121. (In Russian).
20. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 288. List 16. File 308. Page 36. (In Russian).
21. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 94. Page 14. (In Russian).
22. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 94. Pages 15, 16. (In Russian).
23. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 1318. List 2. File 105. Pages 220, 224, 225. (In Russian).
24. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 493. List 1. File 48. Pages 6, 9, 10. (In Russian).
25. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 29. Page 284. (In Russian).
26. Zhiromskaya, V.B. (ed.) (2001) *Naselenie Rossii v XX v.: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the twentieth century: historical essays]. Vol. 2. 1940–1959. Moscow: ROSSPEN.
27. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 94. Page 14. (In Russian).
28. *Chelyabinskiy rabochiy*. (1954) 19 October.
29. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 11.
30. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 181. Page 110. (In Russian).
31. Kameneva, O. (2004) “Ne vezet im v smerti”? – sud’ba invalidnykh kooperativov v Rossii [“No luck in death”? – The fate of cooperatives of the disabled in Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 2. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=856>. (Accessed: 20.01.2015).
32. Pass, A.A. (2002) “*Drugaya ekonomika*”: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1939–1945 gg. [“A Different Economy”: production and trade cooperatives in the Urals in 1939–1945. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
33. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 196. Pages 338–348. (In Russian).
34. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 832. Page 149. (In Russian).
35. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 181. Page 9. (In Russian).
36. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 180. Page 147. (In Russian).
37. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 189. Page 61. (In Russian).
38. Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (1968) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Party and government decisions on economic issues]. Vol. 4. 1953–1961. Moscow: Politizdat.
39. Tel’pukhovskiy, V.B. et al. (eds) (1987) *Istoriya sovetского rabocheho klassa* [The history of the Soviet working class]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
40. Kopylovskaya, M.A. et al. (eds) (1959) *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and resolutions of the Government of the RSFSR]. Vol. 5. 1954–1956. Moscow: Gosyurizdat.
41. Politizdat. (1985) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s’ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 8 (1946–1955). 9th ed. Moscow: Politizdat.
42. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 7. File 132. Page 24. (In Russian).
43. Gospolitizdat. (1956) *XX s’ezd KPSS 14–25 fevralya 1956 g. Stenograficheskiy otchet: v 2 t.* [XX Congress of the CPSU, February 14–25, 1956. Stenographic report: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
44. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 210. Pages 1, 6, 7, 61, 62, 71. (In Russian).
45. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 804. List 15. File 770. Page 18. (In Russian).
46. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1957) 10.
47. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 176. Page 12. (In Russian).
48. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 216. Page 43. (In Russian).
49. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 216. Pages 59, 60. (In Russian).
50. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 122. Pages 43, 163, 236, 238. (In Russian).
51. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 2115. Pages 10, 11. (In Russian).
52. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 218. Pages 24–27. (In Russian).
53. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 259. List 6. File 7810. Pages 3, 22, 113–115. (In Russian).
54. United State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 965. List 5. File 196. Pages 322, 323. (In Russian).
55. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 65. Page 40. (In Russian).
56. Kudryavtsev, A.S. et al. (1957) *Ekonomika truda* [Economy of labor]. Moscow: Profizdat, [Online] Available from: <http://www.tehly.ru/trud16.html>. (Accessed: 09.01.2012).
57. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1960) 7.
58. Putnem, R. (1995) *Protsvetayushchaya kom’yuniti, sotsial’nyy kapital i obshchestvennaya zhizn’* [Social capital, the social economy and community development]. Translated from English. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 4, pp. 77–86.
59. Nazarov, P.G. (1994) *Istoriya Rossiyskoy promyslovoy kooperatsii. 1932–1960* [History of the Russian producer cooperation. 1932–1960]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Technical University.
60. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 396. List 1. File 496. Pages 303, 304. (In Russian).
61. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 9.
62. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 1.
63. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1956) 8.
64. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1958) 1.
65. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 8101. List 1. File 29. Page 180. (In Russian).
66. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1958) 12.
67. *Promyslovaya kooperatsiya*. (1960) 7.

Received: 06 September 2018

УДК 94 (47)

Б.С. Токмурзаев

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Представлено содержание общественно-политического дискурса полемики второй половины XIX – начала XX в. в России о колонизации Степного края. Выявлены платформы репрезентации либеральных и консервативных подходов к оценке перспектив колонизации. Установлено, что в основе либерального подхода лежала идея сибирской региональной идентичности и в целом сибирского регионализма. Основу националистического дискурса составлял вопрос безопасности империи и преодоления сепаратизма окраин. Соперничество указанных подходов определило не только содержание общественно-политического дискурса, но и оказало решающее влияние на формирование правительственных практик, направленных на включение осваиваемой территории степной полосы в общеимперский конструкт.

Ключевые слова: дискурс; аграрная колонизация; переселенческое движение; национал-консерватизм; сибирское областничество.

Земледельческая колонизация Степного края являлась важным сегментом аграрной и переселенческой политики Российской империи, отражая дискретность и логику переселенческого процесса, представления власти и общества о задачах колонизации, что находило выражение в формировании имперского проекта и разработке практических решений, направленных на процесс инкорпорации региона в имперское пространство.

Общеизвестно, что в первые пореформенные годы вопросы аграрной колонизации Зауралья находились на периферии общественно-политического дискурса, а государственные структуры были сосредоточены, главным образом, на аграрных проблемах в центре страны, практически не включаясь в организацию переселений на восточные окраины империи. В качестве прямого свидетельства индифферентности государства к вопросам аграрной колонизации окраин служит переселенческое законодательство, впервые оконтурившееся только с принятием переселенческого закона в 1889 г. Косвенным подтверждением того, что российское правительство долгие годы не связывало вопросы аграрной политики с колонизационными перспективами, служит отсутствие до 1885 г. каких бы то ни было статистических изысканий о различных сторонах переселенческого процесса: численном и половозрастном составе, районах выхода и водворения, материальной обеспеченности переселенцев. Во многом поэтому переселенческое движение продолжительное время реализовывалось вне государственной юрисдикции. Показательно в этом смысле замечание В.К. Плеве: «...Вековое народное движение упорно идёт своим путём и, как вода, не направленная в заранее проложенное русло, переполняет одни местности и обходит другие [1. С. 127]. В этой связи исследователи Сибири, размышляя о специфических чертах её колонизации, резюмировали, что «история переселенческого законодательства есть история самовольных переселений» [2. С. 96]. В результате к 1890-м гг. самовольное переселение в Сибирь достигло своего пика – 78% всего движения [3. С. 189].

Одним из важнейших следствий развития переселенческого движения как самовольного становилось его веерообразность, когда партии переселенцев в

качестве районов расселения избирали ближайшие местности, а также близкие по природно-климатическим характеристикам к местам выхода. Немаловажную роль играла и принадлежность крестьянства к обществу традиционной культуры, в котором распространение информации и способы её интерпретации инициировали принятие решения о переселении в одну местность больших групп людей. Всё это приводило к весьма печальным последствиям и, в частности, быстрому сокращению сибирского колонизационного фонда. Во многом поэтому уже с 1870-х гг. траектория переселенческих потоков смещается в направлении южной степной полосы Западной Сибири.

Важным фактором, определившим смену вектора переселенческого движения, стали военно-стратегические и этнополитические устремления России. Правительственная колонизация южных степных пространств, начавшаяся в XVIII в., уже к концу первой четверти XIX столетия была в основном завершена. Стремительное продвижение русской оседлости на юг приводило не только к расширению колонизационных владений России, но и формированию новых административно-политических центров империи, соответственно реализующих в районах колонизации имперские представления о роли и назначении окраин в составе Российского государства.

Именно в 1870–1880-х гг. складываются базовые основания общественно-политического дискурса о путях развития окраин, в контекстных рамках которого конкурировали идеи сибирского сепаратизма (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) и фундаментальные принципы теории «большой русской нации» (М.Н. Катков). В данном отношении решение инородческого вопроса посредством русской гражданской (читай: крестьянской) колонизации представлялось крайне привлекательным.

В вопросе колонизации Степного края присутствие двух конкурирующих позиций на длительную перспективу определило не только содержание общественно-политического дискурса, но и оказало решающее влияние на формирование правительственных практик в решении проблем, связанных с аграрной колонизацией степных областей, косвенно способство-

вало структурированию законодательных норм, направленных на достижение важнейшей стратегической цели имперских структур России – инкорпорацию осваиваемой территории степной полосы в общеимперский конструкт посредством фиксации в регионе земледельческой культуры, прямо и косвенно воздействовало на практики, применяемые административной бюрократией, ориентированные на вовлечение Степного края в общеимперский конструкт.

В данном отношении в эпицентре российской и сибирской общественности находился достаточно широкий круг вопросов, отражающих цели, потенциал и перспективы колонизации восточных окраин империи, репрезентируемых на страницах центральной и региональной периодической печати, научных монографий и научно-популярных сборников второй половины XIX – начала XX в.

К числу наиболее значимых проблем, включённых в дискурсивное поле, относились темы крестьянской колонизации как определяющего компонента имперской политики на окраинах, а также вариантов урегулирования инородческого вопроса, актуальность которого в имперском контенте не только не снижалась, но и по мере реализации текущих аграрно-земледельческих задач и эскалации крестьянской колонизации стремительно возрастала. К разряду ключевых аспектов дискурса следует отнести также тему локальных сообществ региона, имманентные свойства и характер взаимодействия которых определяли сложную палитру представлений власти и общества о задачах и практических приёмах, направленных на колонизационное освоение или имперское «присвоение» степных территорий. Тем самым можно говорить о том, что названные проблемы являлись неразделимыми, составляя, собственно, предмет дискурса, в семантических границах которого наиболее рельефно были запечатлены представления интеллектуальной части российского общества о Степном крае, населённом автохтонами, как районе русской земледельческой колонизации. Важно отметить, что отличительной особенностью публицистической риторики второй половины XIX в. являлось старательное избегание колониальной терминологии.

С одной стороны, это являлось свидетельством наличия «незримых» границ дискурса, установленных на имперском уровне. Действительно, европейский колониальный опыт в Северной Америке и Индии, а также использование классических, апробированных европейскими государствами стратегий колонизации, применяемых Россией в Закавказье, настраивали российские власти на изобретение альтернативных (сугубо национальных) подходов к реализации окраинной политики. В сложившейся ситуации укрепилось мнение, моментально подхваченное в публицистической среде, об исключительной роли крестьянской колонизации как важнейшем факторе имперской политики, направленной на «обживание» новых территорий.

С другой стороны, концепция приоритетной роли крестьянства и вольно-народного начала в колониационном процессе была в исследуемый период достаточно популярна и широко растиражирована в науч-

ной и публицистической среде, получив дополнительный импульс в пореформенное время, когда типично земледельческие районы Европейской России вступили в стадию крестьянского малоземелья и аграрно-экологического кризиса. Симптоматично, что по мере эскалации аграрных проблем в границах внутривосточных губерний в общественном мнении крестьянская колонизация определялась в качестве дополнения к колонизации военной. По замечанию Ф.М. Уманца, «именно для того, чтобы облегчить движение на Восток, необходимо обставить его земледельческим населением, надёжным в политическом отношении... вслед за военным занятием страны должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знамёнами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца» [4. С. 33].

Элементы «государственного заказа», присутствовавшие в начальный период формирования российского колониального дискурса, сочетались с известной «узостью» взгляда представителей общества на проблему аграрного освоения восточных окраин империи, когда переселенческое движение в целом и отдельные его проявления рассматривались исключительно с точки зрения экономических интересов центра страны, либо не вызывали у общественности какого бы то ни было отклика. Ф.М. Уманец, размышляя о колонизации свободных земель в России, с горечью констатировал незавидную роль интеллигенции в переселенческом вопросе, подчёркивая как полную индифферентность к колонизации и переселенческому вопросу в земских учреждениях, так и абсолютное непонимание существа проблемы. «В самом деле, – отмечал Ф.М. Уманец, – что такое предложение одного земского деятеля – переселить всех здоровых нищих на свободные казённые земли, если не отрицание неумолимого закона природы, или выдать 200–300 рублей каждой переселяющейся семье... что также ведёт к игнорированию основного закона природы, по которому люди, переселяющиеся пособия ради, только отягощают колонию...» [Там же. С. 4].

Корреспонденты журнала «Дело», размышляя о настроениях в обществе, констатировали: «Прислушиваясь к разговорам нашего общества, не знаешь, чем больше занято оно: положением ли крестьян, образованием народа, артельными сыроварнями или последней дракой госпожи Циклер с госпожой Трош в театре... Полнейшее отсутствие интересов и общественной жизни» [5. С. 6].

В оценке имперских планов и проектов колонизации степных пространств восточных окраин наиболее оформленной представляется позиция представителей сибирского областничества, что во многом объясняется большей включённостью региональной интеллигенции в обсуждение нужд Сибири. Так, Н.М. Ядринцев в статье, опубликованной на страницах газеты «Восточное обозрение», резюмирует: «Мы позволим себе заметить, что на окраине нашей помощи переселенцам уже положено... Трудно ожидать многого от “скужаю-

щей интеллигентной публики” столиц: она долго ещё будет философствовать, но есть люди в русских областях... которые могли бы поднять этот вопрос...” [6. С. 8]. Не случайно, что именно в публицистическом и научном наследии Н.М. Ядринцева отношение к колонизационному процессу в целом оказалось сформулировано наиболее отчётливо. Н.М. Ядринцев полагал, что колонизация являлась исключительно продуктом народного творчества, которое использовало и направляло самодержавное государство. По убеждению Н.М. Ядринцева, ставшего со временем идейным ядром областнического проекта колонизации, Сибири была уготована своего рода посредническая миссия, так как в силу своего географического положения она находилась на стыке двух миров – восточного и западного, выполняя исторически и геополитически роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала [7. С. 110]. В трудах сибирских областников ключевое значение принадлежало идее приведения Сибири в одно целое с Европейской Россией. Г.Н. Потанин, в частности, писал, что «установление единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою стра-ною, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения. Затем необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейскою частью России железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию. Тогда само собою, совершенно естественно установится должный прилив населения из Европейской России в Сибирь, и обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках. Только при этом условии и может явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацию «золотого дна» [8. С. 31].

Характерно, что в областническом дискурсе вопрос о колониальном статусе и будущем Сибири решался в тесной связи с урегулированием «инородческой» проблемы, которая являлась составной частью национального вопроса в России, что в значительной степени способствовало активизации публицистической полемики. Так, по мнению сибирских областников, Сибирь расценивалась, прежде всего, как штрафная колония, место ссылки уголовников, беззащитной эксплуатации природных богатств. При этом констатировалось отсутствие средств на культурные нужды, гарантий защиты прав народов, населяющих территории сибирского региона. Здесь важно отметить, что представления областников о существовании «инородческого» вопроса как важной составляющей колонизационной проблематики, начиная с 1860-х гг., формируются как следствие практической работы, находившей выражение в активной экспедиционной деятельности.

Г.Н. Потанин, столкнувшись в ходе поездок на Зайсан и в Тарбагатай в 1863–1864 гг. с проявлениями новой для него кочевой культуры, пришёл к выводу о том, что к существующему в степи земледелию у казахов, хотя и спорадическому, следует отнести как к законному экономическому явлению [9. С. 29]. Гово-

ря о степном хозяйстве, Г.Н. Потанин подчёркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т.е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, – писал Г.Н. Потанин, – очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия; большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен, и удобных хлебопахотных мест легко хватит для всего нынешнего населения степи. Что киргизский народ не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже и из того, что он сам, без внешних побуждений, взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях» [8. С. 331]. В дальнейшем работа по этнографическому, географическому и экономическому изучению Степного края активно продолжалась. Согласно хронологическому списку экспедиций, поездок и экскурсий, совершённых позднее (с 1877 по 1908 г.) на средства ЗСОИРГО, 12 экспедиций из 78 преследовали сугубо этнографические цели, 29 снаряжено непосредственно в направлении областей и уездов Степного края (подсчёт мой – Б.Т.; см.: [10. С. 81–85]). Особенно большую работу проводил отдел по «инородческому» (киргизскому) вопросу в связи с заселением региона земледельческим сословием. Значительный вклад в изменение в обществе представлений о коренном населении степных районов Западной Сибири был внесён исследованиями по этнологии (Зеланд), религии и быту (Шестаков, Максимов), истории автохтонов Степного края (Катанаев), их переходу от кочевого к оседлому состоянию (Владимирский, Чермак), земледельческому опыту (Вяткин, Катанаев, Остафьев).

Данный подход, впервые обозначившийся в областническом дискурсе и подтверждённый выводами узких специалистов, совершенно не соответствовал распространённым в этот период эволюционистским «клише» о примитивности кочевых цивилизаций, для которых скотоводческая экономика являлась естественной формой, тогда как земледелие не играло серьёзной роли в организации степного хозяйства.

Всё это в конечном итоге способствовало смене содержания и интонаций либерально-публицистического

сегмента дискурса. По мнению областников, в среде русских сибиряков постепенно происходил процесс утраты этнокультурных связей со средой своего первоначального обитания. Данная идея легла в основу областнической теории о формировании в сложных природно-климатических и этнических условиях колонизируемого региона своеобразного сибирского варианта русской народности. В границах означенной теории происходила фиксация взаимных заимствований и культурного обмена между русскими переселенцами и автохтонными группами сибирского населения [11. С. 53–68]. При этом в либеральном сегменте общественно-политического дискурса всё чаще ставилась под сомнение сама мысль о выдающейся культуртрегерской миссии русского народа, причём в многочисленных работах речь шла как об общей бесперспективности и ограниченных ресурсах крестьянской колонизации, так и культурно-цивилизационной слабости русского крестьянина в условиях отрыва от привычной социокультурной среды.

С точки зрения либерального экономиста А.А. Кауфмана, причина переселений кроется в кризисе системы производства, и сам акт переселения, таким образом, становился «бегством крестьянина от культуры» [12. С. 132–138]. Размышляя о влиянии новосёллов на инородческое сообщество в Степном крае, исследователь писал: «Мы уже видели, что новосёлам многие склонны приписывать благотворное влияние на хозяйство кочевников-киргиз в смысле перехода к земледелию и оседлому образу жизни... Не отрицая известного влияния русской колонизации на развитие земледелия у северных киргиз, уже по чисто хронологическим соображениям нельзя видеть во влиянии русских поселений коренную причину развития в степи земледельческого промысла» [Там же. С. 342]. По определению А.А. Кауфмана, наплыв переселенцев-арендаторов оказывал на представителей автохтонного населения деморализующее воздействие. Называя переселенческое хозяйство русских крестьян «хищническим», исследователь приходил к выводу о том, что потребительское отношение к земле, распространённое в переселенческой среде, отсутствие культуры пашни воспринимались и инородческим сообществом [Там же. С. 342–343].

В известной степени А.А. Кауфман в своих рассуждениях не был одинок, что наглядно иллюстрируется комментариями политических ссыльных. Вот некоторые из них: «Среди разнообразных элементов, населяющих сибирскую деревню, нет только одного – русского» [13. С. 133]; «русский народ совершенно одичал в Сибири... сибирское население слишком часто, если не вообще – тупое и озлобленное...» [14. С. 224]. Более того, в отношении самих инородцев, в особенности тех, кто уже переходил к оседлому образу жизни, у либеральных публицистов присутствовало иное настроение. Так, Д.А. Клеменц отмечал: «Что касается оседлых аборигенов, то они... переходя к земледелию и оседлому образу жизни... не всегда утрачивают свои национальные особенности. Выстроив русскую избу даже с горницей, он в распределении вещей, в образе жизни по-старому живет, как в юрте» [15. С. 78–79].

Наконец, в ряде произведений исследователи уверенно констатировали факт «обынородчивания» русского населения в тех регионах Сибири, где оно, соседствуя с автохтонами, усваивало их привычки и образ жизни, утрачивая собственный русский тип [16. С. 423–424].

Сочленение крестьянской и «инородческой» темы в общественно-политической плоскости дискурса, содержание и тон которого менялись вследствие мощного влияния областнических идей, формировали в либеральной части российского общества убеждения, в соответствии с которыми имперская политика, в основании которой лежали патерналистские принципы с их устойчивой ориентацией на «слом» патриархальной организации образа жизни и хозяйственного быта коренного населения вкупе с практиками его «русификации», перестала соответствовать новым условиям жизни. Под влиянием Н.М. Ядринцева и его сторонников фиксировалась и получала широкое распространение мысль о важности и необходимости естественного культурного перехода для инородческого населения, тем более той его части, которая вследствие долговременного соседства и смешанных браков без насильственных мер широко обращалась к практикам земледелия [17. С. 111].

В частности, критика «бюрократических цивилизаторских проектов» (определение Н.М. Ядринцева) заселения степей, мешавших нормальному развитию кочевой культуры и прогрессу в системе координат кочевничества, в известной мере дезавуировала имперские планы отчуждения земель кочевников, а также ставила под сомнение эффективность имперских планов, в которых содружество «меча и плуга» определялись как своеобразная народная санкция имперской экспансии [18. С. 2].

Масштабность и приобретение абриса научной теории областническим проектом, распространение ещё не идей, но уже настроений сибирского регионализма вызвали серьёзные опасения во властных кругах, определив включение в дискурс националистически настроенной части общества. Отметим, что всплеск интереса к колонизационной теме в обществе был обусловлен ещё и тем, что в исследуемый период имперские и национальные амбиции, распространяемые на восточные окраины страны, существенно амортизировались формированием и ростом сибирской региональной идентичности, воспринимаемой консервативной частью российского социума в качестве реальной угрозы, обеспеченной ростом сепаратистских настроений. Этот процесс совпал по времени с польским национальным движением начала 1860-х гг., вызвал серьёзные опасения, вылившиеся в некотором смысле в фобию сибирского сепаратизма, зародившуюся, по выражению А.В. Ремнёва, раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения и появилось сибирское областничество [19. С. 10]. В рамках усиливающегося русского национализма, ярким идеологом и проповедником которого стал известный публицист и издатель М.Н. Катков, нарастает опасение возникновения конкурирующих национальных и региональных проектов, которые, как казалось, угрожают целостности империи.

В сложившихся общественно-политических условиях, как утверждает А.И. Миллер, мотив консолидации русской нации на основе культурно-языковых и политических критериев становился определяющим в публицистике М.Н. Каткова и его единомышленников [20. С. 61].

В «правой» публицистической риторике 1860–1880-х гг. очень чётко было зафиксировано обострение политической ситуации в стране в связи с актуализацией польских событий, а также зарождения украинофильства, что выводило на первый план проблему безопасности. В этом смысле весьма показателен перечень статей, опубликованных в «Московских ведомостях» за 1877 г., демонстрирующий востребованность и актуальность националистической журналистики и риторики: «Русское народное движение минувшего года»; «Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства»; «Негодование на органы печати смущающие русское патриотическое чувство»; «Глумление “Голоса” над патриотизмом русских публицистов»; «Бессовестность турецкофильских газет» и т.д. [21. С. 1].

М.Н. Катков писал: «У нас весь народ заинтересован в общественной безопасности. Мы имеем исторически сложившиеся сословия, у нас есть сословные общества в городах и селах, которые могут всего лучше способствовать этому главному государственному делу, которое в то же время есть первый интерес всякой местности и всякого обывателя в ней. Не говорим ли нам нужны, не словоизвержения об общих принципах и вопросах. Нам нужно действительное участие действительных народных сил в охране общественного спокойствия» [Там же. С. 96]. Говоря о продуктивности и перспективах деятельности национальной партии, М.Н. Катков полагал, что это движение «может желать только того, что полезно России, что ей во благо, а не того, что либерально или консервативно. Наоборот, для людей антинациональной партии хорошо то, что ослабляет Россию в ее государственном составе, что вносит смуту в ее общественную жизнь: чем хуже, тем лучше, вот девиз этой партии» [Там же. С. 311].

Соображения безопасности, занимавшие в дискурсе адептов теории «большой русской нации» центральное место, неизбежно транслировались и на отношение к территориям, расположенным на восточных окраинах страны, занимавшим особое место среди других имперских окраин. В 1865 г. в связи с упразднением деятельности II Сибирского комитета министр народного просвещения А.В. Головин заявил, что в отличие от Польши и Финляндии Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи [22. С. 157]. По констатации М.И. Венюкова, «полное политическое спокойствие царствует на всём обширном пространстве от Урала до Тихого океана... В общегосударственном смысле северная Азия является не мятежной колонией... а простым продолжением империи...» [23. С. 114–115].

В контекстных границах националистического сегмента дискурса, в котором приоритетное положение занимала проблема безопасности империи, особое

значение придавалось инородческому вопросу. Характерно, что обоснование имперской экспансии было тесно связано с проблемой необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. В данном отношении сторонники М.Н. Каткова (В.В. Григорьев, М.И. Венюков, А.Е. Снесарев) к числу положительных качеств Российской империи относили то, что она была создана мирным (естественным) путём, вследствие органического роста и смешения русских с покорёнными народами. При этом всячески подчёркивался мотив «морального» превосходства русских. Так, рассматривая Россию в качестве европейской державы, М.И. Венюков и А.Е. Снесарев полагали, что русские как нация обладали особыми свойствами и качествами, которые позволяли им лучше понять азиатов, проникнуть в их мысли и стремления. Между тем в этой позиции отчётливо просвечивали патерналистские идеалы и настроения, подчёркивающие особую роль русского народа в окультуривании инородцев. М.И. Венюков, «разоблачая» кровожадность испанской и английской колонизаций, писал: «За сибирскими дикарями русский человек не охотится с ружьём и собакой, как англичанин за Маорисами в Новой Зеландии... Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям, и покорённые ими магометане, ламаиты и шаманы не лишены никаких гражданских прав за то, что они иноверцы» [23. С. 114–115]. В совершенно невинной, на первый взгляд, статье И. Гмелина, опубликованной на страницах «Русского вестника» и посвящённой поездке в Сибирь естествоиспытателей О. Финша и А. Брема, обнаруживаем замечательный пассаж по поводу сибирских комаров (в сущности – «инородцев». – Б.Т.): «Они враги более существенные, чем хищные киргизы...» [24. С. 424].

Идея имперского (русского) культуртрегерства в националистическом дискурсе была тесно связана с установлением православной религиозной доминанты. Показательно, что в данном аспекте происходило постепенное смещение акцентов национального вопроса: от западного (польского) к восточному (урало-сибирскому). При этом ситуация на западе задавала тон и настроение дискурса: «На западной окраине иностранные переселенцы, оставаясь в иностранном подданстве, заполнили нашу промышленность и захватывают самую землю; на восточной окраине, наоборот, мы не пускаем русских людей водворяться среди иноязычных местных населений» [25. С. 478–479]. И далее: «Вот почему, в виду стремящейся воспользоваться нашей слабостью и бездеятельностью магометанской пропаганды... расширяющей круг своего влияния и угрожающей распространить свой религиозно-нравственный авторитет на всём протяжении нашего инородческого востока, поддержание христианской миссии путём деятельных мер к организации её на прочных основаниях... должно входить в число главных задач государства, не только во имя отвлечённых принципов цивилизации, но и практических интересов его внутренней политики» [26. С. 64]. Корреспондентами «Русского вестника» также утверждалось, что «в видах не только более успешного распространения христианства, но и успехов гражд-

данственности среди инородцев и сближения их с русскими, не представляется более надёжного средства как назначение главных родоначальников, голов инородных управ и родовых старост из христиан, знающих русский язык» [27. С. 371].

Накануне 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России катковские издания стремились усилить государственное значение исторических событий трехвековой давности, констатируя, что главным результатом «священного подвига» Ермака стало превращение Сибири в неотъемлемую часть России: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток – она есть существенная часть России, и таковую ей следует быть во всем ее гражданском устройстве» [Там же. С. 996]. Газета «Московские ведомости», редактором которых с 1863 г. являлся М.Н. Катков, обозначила в своих публикациях четыре ведущие сибирские темы, погруженные в новый имперско-национальный контекст: «сибирский сепаратизм», активно проповедуемый региональной прессой; «польский вопрос» и влияние политических ссыльных; сибирский университет как оплот будущей антиправительственной оппозиции и железная дорога в качестве новейшего средства скрепления государственного и национального пространства.

Последняя тема, связанная с железнодорожным строительством, органично вплеталась в общую канву националистического дискурса, составляя единый блок с инородческой и переселенческой проблематикой. Активное обсуждение на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» железнодорожного дела с выходом на вопросы колонизации началось в 1883 г. со скромной, однако весьма претенциозной заметки «Плохое состояние нашего железнодорожного хозяйства», в которой корреспонденты обозначили основные имперские приоритеты: «Мы не раз высказывались по поводу непосредственного подчинения железных дорог правительственной власти с устранением господствующего на них произвола частных компаний...» [28. С. 230]. Обретение железной дорогой правительственного статуса, как полагал М.Н. Катков, приведёт к тому, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение» [29. С. 367]. В 1884 г. железнодорожная тематика «дрейфует» в сибирском направлении, а тон публикаций становится более агрессивным, что объяснялось полемичностью вопроса о направлениях строительства Сибирской железной дороги: «Из Петербурга идут опять недобрые вести на счёт злополучной Сибирской железной дороги. Сибирь называют “золотым дном”, но пока мы десятки лет думаем и решаем, в каком направлении вести сибирскую железную дорогу, иностранная промышленность спешит завладеть этим “дном”. Направляя железную дорогу на Нижний, Казань, Екатеринбург, мы соединяем Камско-Волжский край со всюю Россией!!!» [29. С. 127]. Показательно, что в 1884 г. «Московские ведомости» опубликовали общим числом 12 статей, в которых авторы так или иначе обращались к теме перспективы сибирской железной дороги. Наконец, в 1886 г. русские националисты, окончательно определили своё отношение к дорогам с точки зрения вовле-

чения окраин в имперское поле: «У нас в последнее время очень много писали о стратегических железных дорогах... Установился взгляд, что стратегическая дорога есть дорога бездоходная; но доходные дороги, по которым из центра к окраинам двигаются массы товаров, они то и есть самые стратегические» [30. С. 495].

Дискуссия между сторонниками колонизации и её противниками, с одной стороны, нашла отражение на страницах местной и центральной печати. Так, Г. Валихан, протестуя против изъятия зимовок под нужды переселения, писал, что «отобрание у киргиз таких мест сделает положение их в крае невозможным». С другой стороны, «Киргизская степная газета» неоднократно поддерживала переселенческую политику правительства и в 1894 г. в одной из статей заключала: «Нельзя же не только в интересах общего благосостояния, но и во имя простой справедливости допустить, чтобы в одном месте государства сельские обыватели имели ничтожные клочки земли, совершенно не обеспечивающие их семьи, а в другом – на каждую семью приходилось сотни десятин». Много противников колонизации степи было среди работников местной администрации, представители которой весьма прагматично смотрели на процесс переселения и на практике имели дело с примерами реальных осложнений в хозяйстве казахов и прочих последствий этого явления. Степной генерал-губернатор в отчете за 1901–1902 гг. обращал внимание вышестоящих органов, что «водворение переселенцев ограничило кочевнику простор не только в смысле количества, уменьшением площади кочевья, но и в отношении использования этого простора, сузив кочевые пути и отрезав от воды. Наносимый удар экономическому положению кочевника продолжает развиваться... Таково не столь культурное, а пока скорее отрицательное для массы киргизского населения значение фактора водворения переселенца в степи...» [31. С. 3]. Неудивительно, что мнение о необходимости сохранения кочевого хозяйства в Степном крае высказывалось и в самых высоких кругах. Так, совещание по вопросу об исследовании степных областей, проходившее в Петербурге 18 марта 1895 г., пришло к выводу, что «...кочевое хозяйство является в значительной мере результатом не культурной отсталости кочевников, а естественно-исторических условий, делающих земледельческую эксплуатацию тех или иных пространств невозможною» и что «кочевники должны быть сохранены как элемент полезный государству, позволяющий последнему пользу из таких площадей, которые иначе были бы мертвыми пустынями...» [31. С. 3]. Однако, как известно, победила иная точка зрения, и регион на многие годы стал объектом земледельческой колонизации крестьян-переселенцев из европейской части Российской империи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в протяжении второй половины XIX – начала XX столетий параллельно с усложнением аграрного вопроса в центре страны и расширением империи на восток, в направлении сибирских пространств и, в частности,

территорий Степного края, происходило становление базовых основ общественно-политического дискурса, репрезентировавшего на страницах периодической печати, научных монографий, сборников статей либеральный и националистический подход к оценке перспектив и вариантов аграрного освоения восточных окраин страны. Трансляторами либеральных подходов выступали такие общественно-политические издания, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Дело», «Восточное обозрение», «Сибирь». Национал-консервативная позиция наиболее последовательно отстаивалась на страницах газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

Становление общественно-политического дискурса совпало, а во многом стало следствием формирования сибирской либерально-народнической интеллигенции, профессиональная консолидация которой проходила в условиях влияния российских и западноевропейских федералистских теорий. На этой основе выстраивалась концепция колониальности Сибири, в рамках которой адепты сибирского областничества могли озвучить экономические, культурные и, отчасти, политические претензии имперскому центру. Узловым элементом либерального дискурса в связи с оценкой перспектив аграрной колонизации являлась идея сибирской региональной идентичности и в целом сибирского регионализма. В результате в локусе внимания сибирских либералов оказались вопросы, по существу чуждые имперскому пониманию задач, связанных с освоением окраин страны: решение инородческой проблемы, максимальный учёт интересов всех категорий населения в осуществлении колонизационных мероприятий. В данном отношении именно либеральная публицистика в противовес своим оппонентам высказала сомнения относительно культуртрегерского потенциала русского крестьянства, что во многом способствовало освобождению общества от идеалистических оценок культурного потенциала крестьянства и в известной степени амортизировало форсированную русификацию иноэтничного населения, активно колонизируемого на рубеже XIX–XX вв. Степного края.

Противоположный взгляд фокусировался в научных трудах, полемических заметках, отдельных высказываниях сторонников теории «большой русской нации», активно пропагандируемой её автором М.Н. Катковым и его единомышленниками – В.В. Григорьевым, А.Е. Снесаревым, М.И. Венюковым, А.И. Васильчиковым и др.

В эпицентре националистического аспекта дискурса располагался вопрос безопасности империи, интенсивно тиражируемый в связи с обострением русско-польских отношений, распространением идей украинофильства и сепаратистских настроений на западных окраинах империи. М.Н. Каткову и его сторонникам представлялось, что сепаратистские тенденции, свойственные обществу в пределах западных территорий, столь же отчётливо могут проявить себя в границах восточных окраин империи. На этой основе формировались ощущение, что именно Сибирь может выступить своеобразным «полигоном», в системе координат которого преодоление локальных этнографических особенностей и сословных различий откроет возможности для успешной реализации проекта создания единой нации и единого русского гражданства. В правом националистическом дискурсе ставка была сделана на русского крестьянина-переселенца, способности которого к колонизации рассматривались как имманентные, природные. Считалось, что именно русский крестьянин выступит в степных регионах в качестве транслятора русской культуры и православного мировоззрения, тем самым способствуя распространению начал гражданственности среди инородцев. Так, адепты теории «большой русской нации» обозначили в дискурсе основные положения «внутреннего империализма», конкурировавшие с либеральным пониманием сибирских пространств как обособленных, самостоятельно развивавшихся территорий в западноевропейских колониальных традициях. В результате продуктом подходов, зафиксированным участниками дискурса, стали имперские представления о роли региона и степных его фрагментов в колонизационном процессе, а также проектах и практиках, направленных на их освоение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991. 167 с.
2. Внутреннее обозрение // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 92–97.
3. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
4. Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб. : Б.м., 1884. 243 с.
5. Внутреннее обозрение // Дело. 1872. № 5. С. 3–12.
6. Ядринцев Н. В пустыне // Восточное обозрение. 1885. 16 мая. С. 6–22.
7. Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб. : Инфо-да, 2004. 265 с.
8. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 31–48.
9. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
10. Записки ЗСОГРГО. Т. XXXIX. Омск, 1927. Приложения. С. 81–85.
11. Головачёв П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Землеведение. 1902. Кн. 2, 3.
12. Кауфман А.А. Переселение и колонизация: [С прил.]. Ч. 1. Государство и переселения. 1861–1894. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905.
13. Елпатьевский С.Я. Чужая земля // Страна без границ: кн. Для учащихся 8–11-х классов. Тюмень, 1998. Кн. 1.
14. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
15. Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и её нужды : сб. ст. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 36–79..
16. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв и др., М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
17. Ядринцев Н.М. Инородцы Сибири и их вымирание // Русская мысль. 1883. № 3. С. 82–128.
18. Ядринцев Н.М. Заселение киргизских степей // Восточное обозрение. 1882. 5 авг. С. 1–2.

19. Ремнёв А.В. Призрак сепаратизма // Родина. 2000. № 5. С. 10–17.
20. Миллер А.И. Приобретение необходимого, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : НЛЮ, 2010. С. 42–66.
21. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. 1877–1884 гг.
22. Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : НЛЮ, 2010. С. 150–182.
23. Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб. : Б.м., 1877.
24. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. М. : Типография М.Н. Лаврова и К°, 1882. 582 с.
25. Современная летопись // Русский вестник. 1884. Т. 177. С. 471–480.
26. Юзефович Б.М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. 1883. Т. 164. С. 48–66.
27. Современная летопись: Гонение на православие в России // Русский вестник. 1883. Т. 164. С. 365–376.
28. Шенк Ф.Б. Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : НЛЮ, 2010. С. 354–381.
29. Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
30. Современная летопись: Меры против наплыва русского элемента в Привислинский край // Русский вестник. 1886. Т. 182. С. 490–497.
31. Киргизская степная газета. 1894. 19 мая. С. 2–3.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 августа 2018 г.

Colonisation of the Steppe Krai in the Socio-Political Discourse of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 163–171.

DOI: 10.17223/15617793/438/21

Bakyt S. Tokmurzayev, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakstan). E-mail: proff.om@yandex.ru

Keywords: discourse; agrarian colonisation; resettlement movement; national conservatism; Siberian regional separatism.

The aim of the article is to reveal the content of the socio-political discourse about the colonisation of the remote territories, in particular, the Steppe Krai (Governor-Generalship of the Steppes). In the 1870s and 1880s, the fundamentals of the socio-political discourse on the development of outlying regions (in particular, the Steppe Krai) were being formed. Within the contextual frame of this discourse, the ideas of Siberian separatism and the basic principles of the theory of the “Great Russian Nation” were competing with each other. The presence of the two competing positions in the agrarian colonisation of the steppe regions not only predetermined the content of the socio-political discourse but also greatly influenced the formation of governmental practices in the region directed at the incorporation of the Steppe Krai under development into the all-imperial construct. The discursive field included the issues of peasant colonisation, solution to the problems of non-Russians, organisation of local communities in the region. The main source of research is periodical materials, scientific monographs, collections of articles of liberal and nationalistic orientation that covered the key aspects of the socio-political discourse. The liberal ideas were covered by socio-political periodicals such as *Vestnik Evropy*, *Russkaya Mysl'*, *Delo*, *Vostochnoe Obozrenie*, *Sibir'*. The national-conservative position was serially advocated by the newspaper *Moskovskie Vedomosti* and the magazine *Russkiy Vestnik*. The method of continuous viewing of the texts of articles, speeches, comments used in the study allowed to reconstruct the main positions of the discourse of the authorities and society. In this way, the liberal segment of the discourse was based on the idea of Siberian regional identity and Siberian regionalism on the whole. Siberian liberals focused their attention on the issues which were alien to the imperial understanding of objectives concerning the development of the outlying regions of the country. It was liberal political journalism that, in contrast to its opponents, expressed doubts over the “kulturtraeger” potential of Russian peasantry, which contributed to the liberation of society from the idealistic assessments of the cultural potential of peasants. The nationalistic discourse was based on the security of the empire and prevention of any separatism in the outlying regions. The Steppe Krai positioned itself as a “proving ground” in which the overcoming of local ethnographic features and class distinctions would open up opportunities for a successful implementation of the project aimed at forming a unified nation and a unified Russian State of an imperial type.

REFERENCES

1. Ostrovskiy, I.V. (1991) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri perioda imperializma* [The agrarian policy of Tsarism in Siberia of the imperialist period]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Voprosy kolonizatsii. (1914) Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Voprosy kolonizatsii*. 14. pp. 92–97.
3. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [The resettlement of peasants of the black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: the determining factors of migration mobility and adaptation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
4. Umanets, F.M. (1884) *Kolonizatsiya svobodnykh zemel' Rossii* [Colonization of free lands of Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Delo. (1872) Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Delo*. 5. pp. 3–12.
6. Yadrintsev, N. (1885) V pustyni [In the desert]. *Vostochnoe obozrenie*. 16 May. pp. 6–22.
7. Emel'yanova, T.N. (2004) *Oblastnichestvo N.M. Yadrintseva kak filosofiya rossiyskoy deystvitel'nosti* [Regionalism of N.M. Yadrintsev as a philosophy of Russian reality]. St. Petersburg: Info-da.
8. Potanin, G.N. (1884) *Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri* [Conquest and colonization of Siberia]. *Zhivopisnaya Rossiya*. 11. pp. 31–48.
9. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopaedist of Siberia: Experience of understanding the personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
10. Omgospoligraf. (1927) *Zapiski ZSOGRO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. XXXIX. Omsk: Omgospoligraf.
11. Golovachev, P.M. (1902) *Vzaimnoe vliyaniye russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri* [Mutual influence of the Russian and non-Russian population of Siberia]. *Zemlevedenie*. 2, 3.
12. Kaufman, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. t-va “Obschestvennaya pol'za”.

13. Elpat'evskiy, S.Ya. (1998) Chuzhaya zemlya [Alien Land]. In: Gorbacheva, N.N. & Rogacheva, N.A. *Strana bez granits* [Country Without Borders]. Book 1. Tyumen: SoftDizayn.
14. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsennariy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th -- early 20th centuries]. Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka".
15. Klements, D. (1908) Naselenie Sibiri [Population of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
16. Dameshek, L.M. et al. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: NLO.
17. Yadrintsev, N.M. (1883) Inorodtsy Sibiri i ikh vymiranie [Siberian non-natives and their extinction]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 82–128.
18. Yadrintsev, N.M. (1882) Zaselenie kirgizskikh stepey [Settlement of the Kyrgyz steppes]. *Vostochnoe obozrenie*. 5 August. pp. 1–2.
19. Remnev, A.V. (2000) Prizrak separatizma [The phantom of separatism]. *Rodina*. 5. pp. 10–17.
20. Miller, A.I. (2010) Priobretenie neobkhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponyatiya natsiya v Rossiiyu (nachalo XVIII – seredina XIX v.) [The acquisition necessary, but not entirely convenient: transfer of the concept of a nation to Russia (beginning of the 18th – mid-19th cc.)]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: NLO.
21. Katkov, M.N. (1897) *Sobranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey* [Collection of editorial articles of Moskovskie Vedomosti]. Moscow: Izdanie S.P. Katkovoy.
22. Remnev, A.V. (2010) Rossiyskaya vlast' v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: kolonializm bez ministerstva koloniy – russkiy "sonderweg"? [Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without the ministry of colonies – the Russian "sonderweg"?]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: NLO.
23. Venyukov, M.I. (1877) *Rossiya i Vostok. Sobranie geograficheskikh i politicheskikh statey* [Russia and the East. Collection of geographical and political articles]. St. Petersburg: [s.n.].
24. Finsch, O. & Bram, A. (1882) *Puteshestvie v Zapadnuyu Sibir' d-ra O. Finsha i A. Brama* [Travel to Western Siberia]. Translated from English. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K°.
25. Russkiy vestnik. (1884) Sovremennaya letopis' [Modern chronicle]. *Russkiy vestnik*. 177. pp. 471–480.
26. Yuzefovich, B.M. (1883) Khristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnykh guberniyakh Rossii [Christianity, Mohammedanism and paganism in the eastern provinces of Russia]. *Russkiy vestnik*. 164. pp. 48–66.
27. Russkiy vestnik. (1883) Sovremennaya letopis': Gonenie na pravoslavie v Rossii [Modern chronicle: Persecution of Orthodoxy in Russia]. *Russkiy vestnik*. 164. pp. 365–376.
28. Shenk, F.B. (2010) Vliyaniye mezhnatsional'nogo i mezhiperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitel'stva v tsarskoy Rossii [Influence of interethnic and inter-imperial perception and rivalry on the policy of railway construction in Tsarist Russia]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: NLO.
29. Katkov, M.N. (2009) *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of preservation]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
30. Russkiy vestnik. (1886) Sovremennaya letopis': Mery protiv naplyva russkogo elementa v Privislinskiy kray [Modern chronicle: Measures against the influx of the Russian element in Poland]. *Russkiy vestnik*. 182. pp. 490–497.
31. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. (1894) 19 May. pp. 2–3.

Received: 06 August 2018

А.Б. Храмцов

СПИСКИ ЧЛЕНОВ УПРАВ КАК ИСТОЧНИК О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ГОРОДСКИХ СЛУЖАЩИХ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в.)

Исследованы списки членов городских управ Томской губернии в 1907–1910 гг., раскрывающие социально-статусный состав служащих: фамилия, имя, отчество и возраст лица, вероисповедание, сословная принадлежность, образование, период службы, имущество, размер содержания и др. По спискам установлено, что на должности членов управ избирались в основном лица трех сословий: купцов, мещан и отставных чиновников. Городское руководство, согласно спискам, было преимущественно православным, с образовательным цензом ниже среднего. Списки указывают на то, что члены управ были людьми среднего достатка. Многие состоятельные члены управ отказывались от жалования в пользу города.

Ключевые слова: списки личного состава; городская управа; городской голова; городской староста; помощник городского старосты.

Городская управа – исполнительно-распорядительный орган городской думы, институт местного самоуправления и хозяйствующий субъект, призванный удовлетворять потребности и интересы населения. Гласные городской думы (в малых городах – собрания уполномоченных) избирали на четырехлетний срок городского голову (старосту), его заместителя (помощников), постоянных членов и секретаря. После чего выбранные лица подлежали утверждению губернатором. Городской голова и члены управы обладали статусом государственных служащих [1. С. 456]. Другие должности управы замещались по вольному найму.

При изучении системы городского самоуправления в досоветской России неоценимую помощь исследователю могут оказать такие источники, как списки личного состава городских управ, которые по результатам выборов представлялись губернатору для утверждения. Исследование личного состава городских управ позволяет установить социально-биографические характеристики должностных лиц органов местного самоуправления, которые определяли вектор развития городского хозяйства, характер взаимоотношений с центральным правительством, губернским управлением и населением. От личных и деловых качеств, профессионализма и авторитета членов управ во многом зависела эффективность городского управления.

Информационную основу данной работы составили списки городских управ Томской губернии за 1907–1910 гг., хранящиеся в фондах государственного архива Томской области. Данные списки не являлись предметом специального исследования.

Список личного состава как источник содержит персональные сведения о городских головах (старостах), их заместителях (помощниках) и членах управ, имеет табличную форму из XIII граф, в которой указывались фамилия, имя, отчество, происхождение и сословная принадлежность лица, его возраст, образование, продолжительность проживания в городе, размер содержания в год, оценка недвижимой собственности, сведения о прохождении службы, даты избрания и утверждения в должности. Форма списка была коллективной (на весь личный состав) и структурно

унифицированной. Сравнение списков исследуемых городских управ показывает, что табличные графы списков (трафарет) были напечатаны типографским способом, куда рукописно вносились переменные сведения [2. Л. 1–2, 11–12].

Списки можно отнести к кадровым документам, они являются логическим продолжением актов «выборного производства», фиксируя сведения о лицах, избранных в исполнительный орган (управу). Списки имели служебный характер, в первичном виде они не публиковались и подлежали обязательному представлению в губернское управление, что свидетельствует о высокой степени достоверности их данных.

Сведения списков позволяют сразу решить несколько исследовательских задач, скажем, определить численный состав городских управ (таблица). Установлено, что единообразия в структуре и численном составе местных управ в городах не наблюдалось. Всего в четырех городах исследуемой губернии (Томск, Барнаул, Бийск, Новониколаевск) действовали управы в составе городского головы, заместителя и 2–3 постоянных членов, в пяти городах состав был ограничен городским головой (старостой) и одним-двумя помощниками.

Численный состав управы зависел от величины территории города и количества в нем жителей. На девять городов приходилось всего 27 членов управ, т.е. в среднем по три служащих. Можно предположить, что из-за финансовых трудностей многие городские управления даже при крайней необходимости не могли себе позволить учреждать новые должности. Очевидно, что нагрузка на руководство была внушительной.

Списки содержат данные о «вторых» лицах в местных администрациях – заместителях, помощниках. На помощника возлагался надзор за делопроизводством и казначейской частью, он выполнял личные поручения главы города, а также замещал последнего в случае его командировки, болезни, отпуска или ухода в отставку. Более того, за частыми разъездами глав городов, как по общественной службе, так и коммерческим делам, большая нагрузка приходилась на их заместителей, которые, по сути, становились «невыездными».

Личный состав городских управ Томской губернии. 1907–1910 гг. [3–5]

Город	ФИО, должность	Сословная принадлежность	Возраст	Образование	Содержание в год, руб.
Маринск	Савельев Иосиф Трифонович, городской голова	мариинский купец 1-й гильдии	43 года	домашнее	600
	Никитин Степан Ефимович, помощник головы	мариинский мещанин	54 года	домашнее	300
Нарым	Агеев Касьян Иванович, городской староста	нарымский мещанин	60 лет	домашнее	360
	Кайдалов Кузьма Павлович, помощник старосты	нарымский мещанин	36 лет	окончил городское приходское училище	200
Барнаул	Орнатский Петр Васильевич, городской голова	отставной надворный советник	43 года	окончил Казанский учительский институт	2 400
	Морозов Василий Федорович, заместитель головы	барнаульский купец 2-й гильдии	63 года	домашнее	1 200
	Пешков Аполлос Петрович, член управы	барнаульский мещанин	48 лет	домашнее	1 200
	Сеитов Мухамеделин Хисамет-димов, член управы	тобольский почетный бухарец	48 лет	окончил Березовское уездное училище	1 200
Каинск	Симбирцев Иван Дмитриевич, городской голова	каинский мещанин	40 лет	окончил низшее учебное заведение	не указано
	Шутаев Василий Панфилович, помощник городского головы	каинский мещанин	59 лет	окончил приходское училище	не указано
	Новацкий Людвиг Андреевич, помощник городского головы	потомственный дворянин	71 год	окончил уездное дворянское училище	не указано
Новониколаевск	Жернаков Владимир Ипполитович, городской голова	колыванский купец 2-й гильдии	31 год	окончил Санкт-Петербургский университет, юрист	не указано
	Кузнецов Григорий Максимович, член управы	купец 2-й гильдии	43 года	домашнее	1 800
	Захаров Ефим Михайлович, член управы	мещанин	43 года	домашнее	1 800
Колывань	Губин Михаил Дементьевич, городской староста	колыванский мещанин	41 год	домашнее	480
	Предтеченский Николай Никитьевич, помощник старосты	колыванский мещанин	46 лет	домашнее	360
Томск	Некрасов Иван Максимович, городской голова	потомственный почетный гражданин	57 лет	домашнее	5 000
	Богомоллов Иван Васильевич, заместитель головы	статский советник	60 лет	окончил Императорский Московский университет	2 500
	Медведчиков Гавриил Иванович, член управы	томский мещанин	40 лет	обучался в народном начальном училище	1 800
	Иванов Петр Иванович, член управы	канцелярский служащий	35 лет	окончил Томское уездное училище	1 800
Кузнецк	Попов Степан Георгиевич, городской староста	потомственный почетный гражданин	60 лет	домашнее	800
	Фамильцев Яков Викентьевич, помощник старосты	кузнецкий мещанин	45 лет	окончил Кузнецкое уездное училище	500
	Петухов Михаил Васильевич, помощник старосты	кузнецкий мещанин	49 лет	окончил Кузнецкое уездное училище	300
Бийск	Кузьмин Тимофей Иванович, городской голова	бийский купец 2-й гильдии	51 год	домашнее	3 000
	Дворников Федор Петрович, заместитель головы	туринский мещанин	42 года	домашнее	без содержания
	Мурин Прокопий Корнилович, член управы	бийский мещанин	53 года	домашнее	1 200
	Скобелев Ефим Васильевич, член управы	барнаульский мещанин	50 лет	домашнее	900

Согласно спискам, в составах местных управ преобладали представители мещанского сословия (55%). Однако по большому счету сословная принадлежность ничего не означала. Отставные чиновники и мещане наряду с купцами могли заниматься торговлей, извозом, содержать трактиры и постоялые дворы, не покидая своего сословия. Большинство в руководстве городов составляли люди из «торгового элемента». Например, по спискам установлено, что в г. Тюмени за 1873–1917 гг. пост главы города занимали 9 человек, из них 6 были связаны торгово-промышленной деятельностью [6. С. 214].

Среди глав сибирских городов были золотопромышленники, пароходовладельцы, заводчики, мукомолы, маслоделы, чаеоторговцы, бакалейщики, рыбопромышленники, торговцы вином и мануфактурой, владельцы типографий, фотоателье и магазинов. Например, мариинский голова И.Т. Савельев (1863–1915) и кузнецкий староста С.Г. Попов (1846 – после 1911) – золотопромышленники; томский голова И.М. Некрасов (1850–1917) торговал железом, металлическими и скобяными изделиями, имел кирпичный завод; новониколаевский голова В.И. Жернаков (1878–1943) в городском торговом корпусе имел павильон по продаже

обуви, был совладельцем торгового дома с общим капиталом в 50 000 руб., директором крупчато-мукомольного товарищества, одним из учредителей «Сибирского табачного товарищества» [7. Л. 4–4 об.].

По подсчетам В.А. Нардовой, городские головы из купцов в Сибири составляли 72%, в то время как в европейской части страны они не имели такого подавляющего перевеса: в столицах 90% градоначальников были чиновниками; в Центрально-Черноземном районе соотношение было 46% к 33%, в Юго-Восточном районе – 33% к 67% [8. С. 140–141].

В отдельных управах должности членов занимали отставные чиновники (лица с гражданскими чинами, дворяне). Например, член томской управы И.В. Богомолов, он же статский советник, с 1877–1906 гг. работал учителем и инспектором Томского Алексеевского реального училища; его коллега П.И. Иванов в 1892 г. поступил писцом в Томское отделение государственного банка, в 1897 г. – помощник кассира, в 1902 г. – помощник бухгалтера, а после избрания членом управы службу в банке оставил [3. Л. 81–83].

Довольно редки были случаи, когда в руководстве городов состояли военные чины (подполковники, капитаны, ротмистры, поручики и др.), а также крестьяне. Также отметим, что если ранее в среде городских служащих преобладали люди, родившиеся в губерниях европейской части страны, то в начале XX в. стали появляться местные уроженцы. В частности, староста С.Г. Попов проживал в Кузнецке с 1881 г., где через 4 года стал градоначальником, а его помощники являлись уроженцами города (см. таблицу).

По исследуемым спискам видно, что руководство городов было преимущественно православным. Лишь двое были иной веры: Л.А. Новацкий – римско-католической и М.Х. Сеитов – магометанской. Возрастной состав членов управ был старше 48,5 лет. Среди членов управ всех исследуемых городских управлений самым молодым градоначальником стал В.И. Жернаков (31 год), а Л.А. Новацкий оказался рекордсменом по предельному возрасту нахождения на посту (71 год).

Образовательный ценз членов управ был ниже среднего, преобладало так называемое домашнее образование (у 15 из 27). Только трое из 27 имели высшее образование. Формулировка «домашнее образование» подчас означала абсолютное отсутствие такового. Обычно люди, нигде не обучавшиеся, стремились использовать более «благозвучную» формулировку – «обучение на дому или при родителях». Некоторые лица при поступлении на службу не представляли документы об образовании, что и отмечено в списках (графа «образование») [9. Л. 6, 38]. На должности членов управ выбирались лица, имевшие избирательный ценз. Помимо общих требований к избирателям, главным критерием для утверждения на посту являлись политическая благонадежность при условии,

чтобы «под судом и следствием не состоял». Поэтому такое требование к кандидатам, как грамотность, оставалось лишь пожеланием.

Что касается имущественной состоятельности членов управ, то из списков следует, что в целом членами управ были люди среднего достатка. Большинство из них (62,5%) владели собственностью до 2 500 тыс. руб. Вместе с тем их имущественная дифференциация достигала огромных размеров. Согласно спискам, нарымский староста П.Г. Агеев имел деревянный двухэтажный дом стоимостью в 500 руб.; каинский голова И.Д. Симбирцев имел дом, оцененный в 700 руб.; томский голова И.М. Некрасов имел в собственности два каменных дома; в Новониколаевске недвижимость члена управы Е.М. Захарова оценивалась в 4 000 руб., а недвижимое имущество первого старосты И.Т. Сурикова – в 20 000 руб. [2. Л. 3–7].

По спискам можно определить, что единообразия в размерах жалования членов управ не наблюдалось. Содержание первым лицам определяла местная дума, оклад зависел от статуса города и его возможностей. Максимальное содержание в 2 000–5 000 руб. в год назначалось главам в крупных центрах – Томск, Барнаул, Бийск, Новониколаевск; в средних – 1 000–1 500 руб. и малых городах – 200–600 руб. Многие состоятельные лица отказывались от жалования в пользу города. В частности, кузнецкий староста С.Е. Попов жалование за 8 лет службы (4 800 руб.) передал для принятия санитарных мер по городу [3. Л. 106–107].

Списки членов управ содержат данные, позволяющие проследить «ротацию» должностных лиц в органах городского управления, что важно для оценки обновляемости местной власти. Можно утверждать, что состав городских служащих представлял собой достаточно закрытый круг лиц. Зачастую одни и те же люди «перемещались» по разным постам. Скажем, купец 2-й гильдии И.В. Луканин (мукомол и бакалейщик) более 13 лет служил в г. Колывани на выборных должностях: помощником члена управы – членом управы – членом торговой депутации – членом словесного суда – помощником городского головы [10. Л. 92–93].

Таким образом, списки членов управ как источники содержат многогранные сведения о социальном составе городских служащих Томской губернии в досоветский период, что можно использовать для изучения особенностей формирования институтов местного самоуправления в городах Сибири, а также рассмотрения различных вопросов развития общественной жизни региона. Данные списков свидетельствуют о персоналиях городского руководства, в значительной степени определявших характер, объем и основные направления деятельности местной власти. Детальный анализ совокупности списков позволит «нарисовать» целостный образ городской властной элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнениями. СПб., 1912. 996 с.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 4.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 16 а. Л. 3–6, 12–15 об., 23–34 об., 38–39 об., 40–48, 50–57, 81–84 об., 88–95, 96–101, 106–107.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 31. Л. 6–7.

5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 85. Л. 2–4.
6. Камынин В.Д., Храмов А.Б. Городские головы Тюмени последней трети XIX – начала XX веков: особенности выборов, правового статуса и социального состава (обзор источников) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 209–218.
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 190.
8. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. 255 с.
9. ГАТО. Оп. 70. Д. 1523.
10. ГАТО. Оп. 23. Д. 40.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 марта 2018 г.

Lists of City Council Members as an Information Source on City Civil Servants (A Case Study of Tomsk Province of the Beginning of the 20th Century)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 172–175.

DOI: 10.17223/15617793/438/22

Aleksandr B. Khramtsov, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

Keywords: lists of staff; city council; mayor; city head; assistant to city head.

In the article, the historical sources confirming the social composition of the top officials of the cities are analysed, namely, the lists of members of city councils of Tomsk Province of the early 20th century. The aim of the research is to establish social and biographic data of mayors, city heads, their deputies and assistants, i.e. surnames, names, middle names, origin and estate, age, education, duration of residence in the city, annual allowance, assessment of real property, data on service, dates of election and confirmation to posts. The lists were for internal use and were not published anywhere. The information basis for this research is lists of members of city councils of nine cities of Tomsk Province (Tomsk, Barnaul, Biysk, Novonikolayevsk, Kolyvan, Kainsk, Kuznetsk, Mariinsk and Naryn) for 1907–1910 stored in the State Archive of Tomsk Oblast. Separate publications of researchers in this sphere were used. The quantitative analysis of the sources has allowed to establish that in the nine cities 27 people, three on average, held positions of top officials. It is obvious that the load on them was impressive. The analysis of the content of the lists has shown that more than a half of the members of city councils belonged to the petty-bourgeois estate, merchants and retired officials also worked in city administrations. However, in practice the officials' estate was not of great importance. The petty bourgeois and officials along with merchants could be engaged in trade. The lists indicate that fishery managers, manufacturers, flour millers, butter manufacturers, tea dealers, grocers, shopkeepers, wine and textiles dealers, owners of printing houses, photographer studios and shops were members of city councils. According to the lists, the table of the members of city councils is made. In the city administration, people of Orthodox faith aged over 48.5 with education lower than secondary prevailed. Generally, it was people with family education, only three men had a higher education. It is remarkable that at the beginning of the 20th century local natives began to appear in the city administration; earlier, it was people who came to Siberia from the provinces of the European part of the country. According to the lists, people with average income who received allowance from the city budget became members of city councils. The amount of allowance varied depending on the size of the city and the status of the position. A number of wealthy officials refused from allowance in favor of the city. According to the lists, the "rotation" of the officials in the local governments can be traced. The studied lists contain diverse personal information which can be used for studying the history of the formation of institutions of city self-government in Russia, features of the development of public life in the region. The complex analysis of the lists allows making a social portrait of the local elite.

REFERENCES

1. Shcheglovitov, S.G. (1912) *Gorodovoe polozhenie s zakonodatel'nyimi motivami, raz'yasneniyami i dopolnениями* [City charter with legislative motives, explanations and additions]. St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 4. (In Russian).
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 16a. (In Russian).
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 31. Pages 6–7. (In Russian).
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 85. Pages 2–4. (In Russian).
6. Kamynin, V.D. & Khramtsov, A.B. (2006) *Gorodskie golovy Tyumeni posledney trety XIX – nachala XX vekov: osobennosti vyborov, pravovogo statusa i sotsial'nogo sostava (obzor istochnikov)* [The city heads of Tyumen of the last third of the 19th -- early 20th centuries: features of elections, legal status and social composition (review of sources)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*. 2. pp. 209–218.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 190. (In Russian).
8. Nardova, V.A. (1984) *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika* [Municipal self-government in Russia in the 1860s -- early 1890s. Government policy]. Leningrad: Nauka.
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). List 70. File 1523. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). List 23. File 40. (In Russian).

Received: 03 March 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.03

Л.Н. Коваль, Е.Н. Алексеева, А.М. Шевченко

К ВОПРОСУ МОТИВАЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ СПОРТЕ

Представлены результаты исследования с использованием методики диагностики мотивации личности на достижение успеха и избегание неудач. Авторы интерпретируют полученные данные и предлагают возможные способы применения их в спортивной практике. Тренерам и преподавателям предложены рекомендации по применению психологических тестов для определения мотивационной направленности личности, при формировании готовности студентов-спортсменов к самореализации в спортивной и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: мотивация достижения успеха; мотивация избегания неудач; спортивная практика; исследование.

Высокие стандарты успеха являются значимыми в современном обществе в различных видах деятельности, особенно в спорте. Соответствие таким стандартам достигается адекватным уровнем притязаний и высокой мотивацией достижения успеха [1. С. 269]. Ценностной основой мотивации достижений и высокого уровня притязаний могут быть здоровье, физическое развитие, двигательная подготовленность, общественное признание, морально-волевые качества [2. С. 21]. В нынешних условиях общественного развития особенно актуально формирование мотивационной сферы личности как компонента профессиональной направленности будущего специалиста. Интеллектуальный компонент физической культуры и мотивация студента формируются на учебно-тренировочных занятиях и в условиях спортивного противоборства. Студенческий спорт является неотъемлемой частью профессионально-прикладной физической подготовки в вузе. Планируя участие в соревнованиях, человек предполагает возможный уровень достижений. При сравнении намеченных целей и задач с достигнутыми результатами, сопоставлении желаемого и действительного возникает переживание успеха или неудачи. Таким образом, надежда на победу и боязнь неудач являются составляющими мотивации спортсмена. Первая из них связана с уверенностью в решении поставленных задач и достижении намеченной цели, вторая – с тревожным опасением не оправдать ожиданий, неуверенностью в своих способностях и возможности достижения цели [3]. При этом, с точки зрения отечественной психологической науки, мотивы находятся за целью и часто не осознаются человеком. Формирование преобладания мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач является важной и сложной психолого-педагогической задачей и требует понимания индивидуальных психологических особенностей студентов-спортсменов.

Еще в 1938 г. Г.А. Мюррей включил в перечень мотивов термин «мотив достижения». Мотивация достижения характеризует личность человека и проявляется, когда его деятельность связана с выполнением определенных социальных требований и норм и может быть подвергнута оценке [4. С. 12–40]. Мотивы, связанные с результатом деятельности, вызваны

удовлетворением потребностей личности в самосовершенствовании, самовыражении и самоутверждении [5. С. 190]. В.Г. Асеев считает, что особенностями положительной и отрицательной мотиваций является их проявление в потребностях и реализации в форме стремления достижения успеха или избегания неудач [6]. Многие исследователи доказывают, что отчетливо выраженное стремление к успеху вполне может сочетаться с не менее сильным страхом неудачи, особенно если она связана для субъекта с какими-либо тяжелыми последствиями. Имеются данные, что между выраженностью стремления к успеху и избегания неудачи может быть положительная корреляция [7. С. 160].

В 1908 г. психологи Роберт Йеркс и Джон Додсон доказали, что для достижения лучших результатов наиболее благоприятным является средний уровень мотивации. Было установлено, что существует ее оптимальный уровень, при котором деятельность выполняется лучше для данного субъекта в определенной ситуации. В ответ на увеличение уровня мотивации повышается уровень активности и напряжения, появляются эмоциональные реакции, ведущие к понижению эффективности в данном виде деятельности. Таким образом, повышение уровня мотивации не всегда приводит к наилучшим результатам. Вместе с тем при легком задании избыточная мотивация не вызывает нарушения поведения, однако такая возможность возникает при тяжелых задачах [8].

Цель нашей научно-исследовательской работы – определение мотивационной направленности личности студентов-спортсменов на достижение успеха и избегание неудач и применение полученных данных на учебно-тренировочных занятиях и соревнованиях. В эксперименте приняли участие 48 юношей и 34 девушки, занимающиеся в спортивных секциях футбола, волейбола и баскетбола Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске. Для исследования были использованы: опросник «Измерение мотивации достижения» А.А. Реана [9], тесты для диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач Т. Элерса. В исследовании использовались следующие диагностические методики: исследование мотивации избегания неудач Элерса, исследование мотивации достижения успеха Элерса,

исследование личности «Мини-мульт», тест-опросник мотивации аффилиации (ТМА) и методика «Конструктивность мотивации».

Наблюдение за психологическим состоянием студентов, анализ учебно-тренировочного процесса и результатов соревнований мы проводили совместно с тренерами студенческих команд по игровым видам спорта.

Результаты проведенного исследования (рис. 1) показывают, что у 43% юношей и 40% девушек преобладает мотивация к успеху. Студенты с преобладанием мотива достижения успеха уверены в собственных силах и возможностях, готовы реализовать свои способности в спортивной деятельности, могут ставить перед собой и решать наиболее трудные задачи со свойственной им настойчивостью и целеустремленностью. Они способны тренироваться самостоятельно, без внешнего контроля, проявляют сознатель-

ность и активность, готовы к интенсивным физическим нагрузкам для улучшения своей спортивной подготовленности, обладают высоким уровнем развития волевых качеств и, вследствие этого, могут преодолевать препятствия и трудности на пути к цели. Их отличают способность «бороться до конца», проявление положительных эмоций, стремление к риску, адекватное восприятие угрозы, низкая тревожность и наиболее полная реализация своих возможностей в экстремальных условиях соревновательной борьбы. В ходе учебно-тренировочного процесса и соревнований тренеры предлагали таким студентам задания повышенной трудности и в большинстве случаев констатировали их успешное выполнение.

При анализе результатов тестирования по методике Т. Элерса выявлены уровни проявления мотивации к успеху (рис. 2) и избегания неудач (рис. 3) у юношей и девушек, занимающихся спортом.

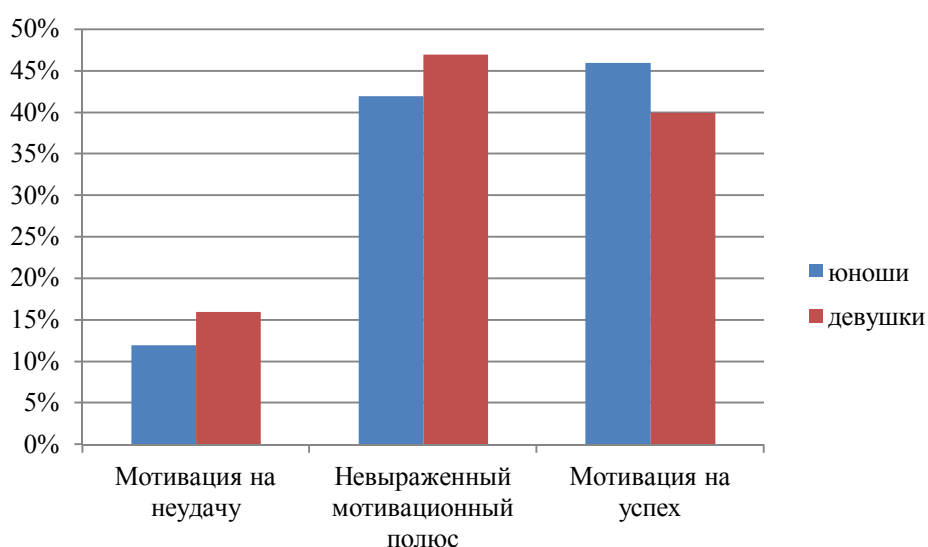

Рис. 1. Результаты тестирования по опроснику А.А. Реан «Мотивация успеха и боязнь неудачи»

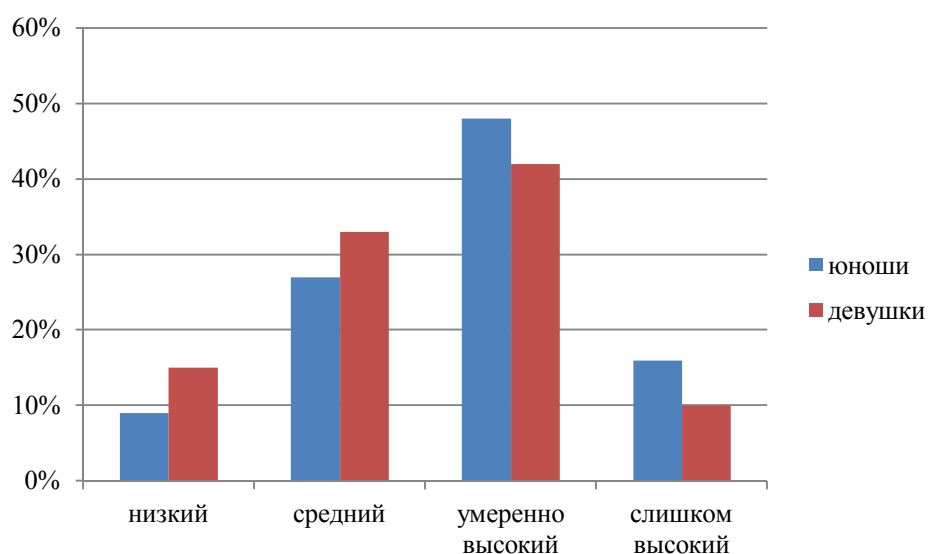

Рис. 2. Уровни проявления мотивации к успеху

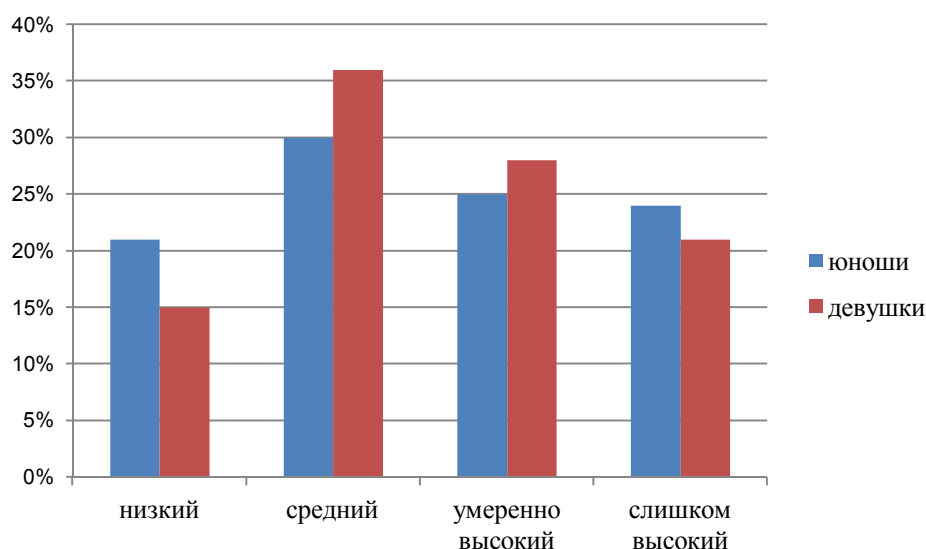

Рис. 3. Уровни проявления мотивации избеганию неудач

Умеренно высокий уровень мотивации к успеху у 48% юношей и 42% девушек и средний уровень у 27% юношей и 33% девушек выполняет положительную функцию, отражает осознание возможности поражения или неудачи и обеспечивает психическую готовность принять ситуацию такой, какая она есть. Вместе с тем ориентация 9% юношей и 15% девушек исключительно на сверхвысокий уровень мотивации к успеху повышает у них риск тревоги, напряжения, что может привести к снижению результатов на соревнованиях.

Умеренно высокий уровень мотивации к избеганию неудач отмечен у 25% юношей и 28% девушек, а слишком высокий уровень – у 24% юношей и 21% девушек. На спортивной площадке во время соревнований многие из них чаще защищаются или действуют на контратаках. Проявляя добросовестное отношение к тренировкам и трудолюбие, они склонны к нежеланию участвовать в соревнованиях, так как считают себя слабее соперников или не верят в свои возможности. При негативном ожидании и тревожности им иногда важнее не оказаться в числе отстающих, чем показать лучший результат. Эти студенты могут считать свою победу больше случайной, чем закономерной, и, таким образом, приуменьшать свою заслугу. Следует отметить, что некоторые из них по уровню физической и технико-тактической подготовленности показывали более высокий уровень готовности к соревнованиям, чем другие игроки команды.

Тренеру необходимо ставить перед такими спортсменами адекватные их возможностям задачи, уделить особое внимание психологической подготовке и целенаправленному формированию мотивационной сферы.

Таким образом, обзор литературных источников, исследование мотивационной направленности личности, анализ учебно-тренировочного процесса и результатов соревнований позволяют нам сделать следующие выводы:

1. Результаты, показанные спортсменами на соревнованиях, зависят не только от их физической,

технической, тактической подготовленности, но и от наличия достаточного уровня мотивации личности. Эта мотивация проявляется в стремлении к участию в определенной деятельности и упорстве в достижении намеченных целей.

2. Студентов-спортсменов, ориентированных преимущественно на успех, отличают способность мобилизовать свои силы в сложных ситуациях и уверенность в своих возможностях в условиях соревнований. При более выраженной ориентации на избегание неудач соревнования вызывают состояние тревожности, увеличивают эмоциональное напряжение, что может негативно сказаться на результатах в спортивной, а затем и в профессиональной деятельности.

3. Оптимальную психологическую готовность студентов-спортсменов к учебно-тренировочной, соревновательной, а впоследствии и к профессиональной деятельности обеспечивает средний и умеренно высокий уровень мотивации к успеху. Это дает им возможность стремиться к достижению лучших результатов одновременно с осознанием права на ошибку.

4. Доминирование мотивации избегания неудач приводит к повышенной тревожности, снижению самооценки и уровня притязаний, затрудняет реализацию двигательных способностей и личностного потенциала.

5. Значимые гендерные различия в исследуемых мотивационных тенденциях не обнаружены.

Практическое применение полученных результатов было реализовано в период подготовки и участия студентов-спортсменов в соревнованиях, при планировании учебно-тренировочного процесса, в частности для выбора уровня трудности заданий в зависимости от особенностей мотивации.

В заключение следует отметить, что мотивация достижения успеха подразумевает устойчивое стремление к наиболее высоким результатам в разных видах деятельности, одним из которых является спорт. Следовательно, правильное понимание вопросов мотивации, умение анализировать и активизировать побудительные факторы имеют большое значение не только для студенческого спорта, но и для

профессиональной подготовки будущих инженеров, экономистов, менеджеров и других специ-

алистов к предстоящей работе, а также для достижения намеченных целей в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинина Ю.В. Исследование ценностных ориентаций старшеклассников // Проблемы социальной психологии XXI столетия. Т. 1 / под ред. В.В. Козлова. Ярославль, 2001. С. 269–272.
2. Безрукова А.Н., Тимофеева Т.С., Коваленко С.Н. Взаимосвязь ценностных ориентаций с уровнем притязаний и мотивацией достижения успеха // Инновации в науке. 2016. № 12–2 (61). С. 17–21.
3. Виллюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
4. Сингер Р.Н. Мифы и реальность в психологии спорта : учебник для институтов физической культуры. М. : Физкультура и спорт, 1980. 152 с.
5. Алексеева Е.Н., Черкасова И.В., Голякова Н.Н. Анализ потребностно-мотивационной сферы студентов // European Social Science Journal. 2015. № 6. С. 190–194.
6. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М. : Мысль, 1976. 158 с.
7. Головкова Т.С., Асадуллаева О.В. Влияние занятий баскетболом на мотивацию к успеху у старшеклассников // Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии : сб. науч. трудов по итогам III междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2016. С. 158–161.
8. Экспериментальная психология / под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М. : Прогресс, 1978. Вып. 6. 302 с.
9. Реан А.А. Психология и психодиагностика личности: теория, методы исследования, практикум. М. : Прайм-Еврознак, 2008. 255 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 23 марта 2018 г.

On the Direction of Personal Motivation in Student Sport

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 176–179.

DOI: 10.17223/15617793/438/23

Lyudmila N. Koval, Institute of Service, Tourism and Design (Branch) of North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: lyudmila270965@mail.ru

Elena N. Alexeeva, Institute of Service, Tourism and Design (Branch) of North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: hellen-11@yandex.ru

Alexey M. Shevchenko, Institute of Service, Tourism and Design (Branch) of North-Caucasus Federal University in Pyatigorsk (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: jeq1111@gmail.com

Keywords: motivation for success; motivation for avoiding failures; sports practice; research.

In this article, the authors disclose the impact of motivation on the personality of student athletes. The aim of the study is to diagnose the direction of a person's motivation to achieve success and avoid failures in sports practice. 48 young men and 34 girls from sports sections of football, volleyball and basketball took part in the experiment at North-Caucasus Federal University. For the study, the methods of personality diagnosis for motivation to success and to avoid failures of Theodor Ehlers were used, as well as the questionnaire "Measurement of Achievement Motivation" by Artur Rean. Observation of the psychological state of students, analysis of the training process and the results of the competition were conducted in conjunction with the coaches of student teams in team sports. The results of the study show that 43% of boys and 40% of girls are motivated to success. In the course of the study, the levels of motivation to success and avoiding failure in the respondents were determined. The vast majority of the respondents showed medium and high levels of motivation for success. The results were applied in the preparation and participation of student athletes in competitions, in the planning of the training process. As a result of the review of literary sources, the study of motivational orientation of the person, the analysis of the training process and the results of the competition, the authors came to the following conclusions. (1) The results shown by the athletes in the competition depend on the presence of a sufficient level of motivation of the individual, which is manifested in the desire to participate in certain activities and perseverance in achieving the goals. (2) Athletes focused mainly on success are distinguished by the ability to mobilize their forces in difficult situations and by confidence in their capabilities in the conditions of competition. (3) Optimal psychological readiness of student athletes to training and competition provides an average and moderately high level of motivation for success. This gives them the opportunity to strive to achieve the best sports results while realizing they have the right to make mistakes. (4) The dominance of motivation to avoid failures complicates the implementation of motor abilities and personal potential. (5) Significant gender differences in the studied motivational trends were not found.

REFERENCES

1. Kalinina, Yu.V. (2001) Issledovanie tsennostnykh orientatsiy starsheklassnikov [The study of value orientations of high school students]. In: Kozlov, V.V. (ed.) *Problemy sotsial'noy psikhologii XXI stoletiya* [Problems of social psychology of the 21st century]. Vol. 1. Yaroslavl: MAPN. pp. 269–272.
2. Bezrukova, A.N., Timofeeva, T.S. & Kovalenko, S.N. (2016) The relation of values with level of aspiration and motivation for success. *Innovatsii v nauke – Innovations in Science*. 12–2 (61). pp. 17–21. (In Russian).
3. Vilyunas, V.K. (1990) *Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka* [Psychological mechanisms of a person's motivation]. Moscow: Moscow State University.
4. Singer, R.N. (1980) *Mify i real'nost' v psikhologii sporta: uchebnik dlya institutov fizicheskoy kul'tury* [Myths and reality in the psychology of sports: a textbook for the institutes of physical culture]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
5. Alekseeva, E.N., Cherkasova, I.V. & Golyakova, N.N. (2015) Analysis of need-motivational sphere of students. *European Social Science Journal*. 6. pp. 190–194. (In Russian).
6. Aseev, V.G. (1976) *Motivatsiya povedeniya i formirovaniye lichnosti* [Motivation of behavior and personality formation]. Moscow: Mysl'.
7. Golovkova, T.S. & Asadullaeva, O.V. (2016) [The influence of basketball classes on the motivation to success of high school students]. *Osnovnye voprosy teorii i praktiki pedagogiki i psikhologii* [Basic issues of the theory and practice of pedagogy and psychology]. Proceedings of the International Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 158–161. (In Russian).
8. Fraisse, P. & Piaget, J. (eds) (1978) *Ekspериментальная психология* [Experimental psychology]. Is. 6. Moscow: Progress.
9. Rean, A.A. (2008) *Psikhologiya i psikhodiagnostika lichnosti: teoriya, metody issledovaniya, praktikum* [Psychology and psychodiagnostics of personality: theory, research methods, practical work]. Moscow: Praym-Evroznak.

Received: 23 March 2018

УДК: 796.062

Н.А. Усачёв, Д.И. Сурнин, Т.А. Хорошева

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА СПОРТА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ДОСТУПНАЯ СРЕДА»

Анализируются статистические данные отчета (форма № 3-АФК) Министерства спорта Самарской области. Исследуются данные общей численности инвалидов и лиц с ОВОЗ и сопоставляются с количеством регулярно занимающихся физической культурой и спортом (ФКиС). Проводится сводная статистика количественных показателей учреждений, осуществляющих работу с инвалидами в области АФКиС. Анализируются проблема кадрового потенциала, уровень профессионального образования в сфере АФКиС.

Ключевые слова: Министерство спорта; адаптивная физическая культура; статистические данные; форма № 3-АФК; госпрограмма; инвалиды; лица с ОВОЗ.

Согласно поручениям Президента России от 5 декабря 2014 г. № Пр-2821 (пп. 17 п. 1) и перечню поручений по итогам заседания Комиссии по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития Российской Федерации (№ Пр-1067, пп. «б» п. 1) Постановлением Правительства от 15 апреля 2014 г. № 297 была утверждена государственная программа «Доступная среда» на 2011–2020 гг. [1, 2].

Цель госпрограммы – создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни.

Основными задачами программы являются:

- 1) формирование доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения, системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов;
- 2) совершенствование системы профессионального образования и занятости инвалидов, а также системы медико-социальной экспертизы.

Одной из подпрограмм является «Совершенствование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов», реализация которой невозможна без конгломерации министерств спорта, здравоохранения и социального развития, образования и т.д.

Госпрограммой, в частности, предусмотрены:

- 1) формирование доступности для инвалидов в образовательных организациях профессионального образования в рамках госпрограммы в составе региональных программ субъектов Федерации (мероприятия по обеспечению реализации комплекса мер, направленных на повышение доступности и качества профессионального обучения, среднего профессионального образования и высшего образования для студентов с инвалидностью, в том числе повышение квалификации профессорско-преподавательского и педагогического состава);
- 2) актуализация разработки, утверждения и содержания федеральных государственных образовательных стандартов и мер, реализуемых в рамках федеральной целевой программы «Развитие образования»;
- 3) разработка и внедрение методических документов и программ, направленных на сопровождение детей-инвалидов при обучении, организации профориентационной работы и социально-бытовой адаптации,

на оснащение образовательных организаций специализированными техническими средствами, которые позволяют дооборудовать помещения образовательных организаций и скорректировать образовательный процесс с учетом особых потребностей ребенка-инвалида и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

В перечень показателей (индикаторов) госпрограммы включены целевые показатели (индикаторы), предусмотренные указами Президента России от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» и № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [3].

Принятые решения позволят продолжить реализацию госпрограммы и обеспечить доступность приоритетных объектов и услуг в важнейших сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения, сформировать систему комплексной реабилитации и абилитации инвалидов.

Основной предпосылкой для серьезных перемен в исследуемой области становится «усиление внимания государства к здоровью, умственному и физическому развитию детей и воспитанию молодежи, к вопросам строительства спортивных сооружений, к значимости спорта как инструмента для решения многих социальных и экономических проблем» [1].

Актуальность исследования обусловлена реализацией в Самарской области проекта «Физическая культура и спорт среди инвалидов» в рамках государственной программы «Доступная среда».

Цель – анализ реализации государственной программы «Доступная среда» в Самарской области в сфере физической культуры и спорта.

Обзор научных работ свидетельствует о том, что изучение проблем и перспектив АФКиС необходимо осуществлять с позиций системного подхода, что невозможно без своевременного получения объективной информации, на основе которой возможно прогнозирование дальнейшего развития на различных уровнях [2].

Анализ деятельности в области АФКиС осуществляется на основании официальной статистики, предоставляемой организациями в органы исполнительной власти (форма № 3-АФК). Официальным способом мониторин-

га и контроля развития физической культуры и спорта в Российской Федерации являются формы статистической отчетности. Федеральной государственной службой статистики (Росстат) ежегодно утверждается «статистический инструментарий для организации Минспортом России федерального статистического наблюдения» для отрасли физической культуры и спорта [4, 5].

Для достижения поставленной цели сформированы задачи:

1) анализ нормативно-правовой документации федерального и регионального уровней в рамках исследуемой проблематики;

2) анализ посредством методов математической статистики деятельности Министерства спорта Самарской области по отчетам формы № 3-АФК в период 2011–2016 гг.;

3) разработка практических рекомендаций по совершенствованию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов средствами адаптивной физической культуры и спорта в структурах образовательных учреждений.

В соответствии с целями и задачами определено несколько этапов.

На первом этапе (сентябрь–ноябрь 2017 г.) исследовались нормативно-правовые акты, систематизировались требования, регламентирующие деятельность Министерства спорта Самарской области в вопросах адаптивной физической культуры и спорта. Выявлена проблемная ситуация, поставлены цель и задачи работы, выбраны методы исследования.

На втором этапе (декабрь 2017 – январь 2018 г.) посредством методов математической статистики проводился анализ ежегодных федеральных отчетов (форма № 3-АФК) Министерства спорта Самарской области за период 2011–2016 гг.

На третьем этапе (февраль–апрель 2018 г.) разрабатывались практические рекомендации по совершенствованию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов средствами адаптивной физической культуры и спорта в структурах образовательных учреждений. Отдельные положения и результаты работы докладывались и обсуждались на IV научно-практической конференции «Физическая реабилитация в спорте, медицине и адаптивной физической культуре» в рамках Национального медицинского инновационного форума, организованного Медицинским научно-образовательным кластером «Трансляционная медицина» ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова» совместно с ФГБОУ ВО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта», 7–9 июня 2018 г., Санкт-Петербург.

Результаты исследования и обсуждение

На региональном уровне основополагающими документами в реализации задач доступности в сфере физической культуры и спорта являются: государственная программа Самарской области «Доступная среда в Самарской области на 2014–2020 гг.», утвержденная Постановлением Правительства Самарской

области от 27.11.2013 № 671; распоряжение Правительства Самарской области от 01.09.2015 № 706-р «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в Самарской области на 2015–2030 гг.» [6].

Во исполнение вышеуказанных нормативных документов и на основе требований федеральных законов «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и других нормативно-правовых актов федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, организации независимо от их организационно-правовой формы должны обеспечивать инвалидам и людям с ограниченными возможностями здоровья на объектах социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, в которых расположены физкультурно-спортивные организации:

- условия для беспрепятственного доступа;
- условия, обеспечивающие возможность широкого введения в индивидуальные программы реабилитации занятий адаптивной физической культурой и (или) адаптивным спортом;
- возможность самостоятельного передвижения;
- сопровождение инвалидов и оказание помощи;
- дублирование необходимой для инвалидов звуковой и зрительной информации и т.д.

В рамках изучаемой проблемы проанализированы «Предложения по внесению изменений в текст стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г.». Наиболее приоритетными направлениями выявлены:

1) увеличение числа лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в том числе доли детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности данной категории населения (до 56,0%);

2) увеличение общей численности тренерско-преподавательского состава для проведения занятий по физической культуре и спорту с лицами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами;

3) увеличение общей численности спортивных сооружений, приспособленных для занятий по физической культуре и спорту с лицами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами [7].

В соответствии с поставленными задачами исследования и вышеперечисленными приоритетными направлениями посредством математической статистики проанализирована деятельность Министерства спорта Самарской области на основе федерального отчета «Форма № 3-АФК» за 2011–2016 гг.

Годовую форму федерального статистического наблюдения № 3-АФК «Сведения об адаптивной физической культуре и спорте» (далее – форма) запол-

няют юридические лица, осуществляющие деятельность по адаптивной физической культуре и спорту (объединения, учреждения, организации независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности; образовательные учреждения дошкольного, начального, среднего, высшего профессионального и дополнительного образования; дома, дворцы молодежи и школьников; дома и дворцы культуры; спортивные сооружения, имеющие статус юридического лица, физкультурно-спортивные клубы инвалидов; организации и объединения, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта и другие организации и объединения, проводящие физкультурно-

оздоровительную и спортивную работу с инвалидами).

Согласно федеральному отчету «Форма № 3-АФК» и «Доклад о развитии адаптивного спорта в Самарской области» в 2016 г. численность инвалидов составляет 244 779 человек, из них занимающихся физической культурой и спортом – 19 475 человек, или 7,96% от общей численности инвалидов Самарской области (в 2015 г. этот показатель составлял 15 847 человек, или 6,5%).

Из числа инвалидов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом, молодежь в возрасте от 6 до 18 лет составляет 7 744 человека, или 39,8% от общего числа занимающихся (табл. 1).

Таблица 1

Сводная статистика количественных показателей учреждений, осуществляющих работу с инвалидами в области АФКиС за 2016 г.

Учреждения, осуществляющие работу с инвалидами	Кол-во учреждений, ед.	Численность штатных работников с учетом образования, кол-во чел.			Численность занимающихся АФКиС, кол-во чел.					
		Всего	Со специальностью «АФК»		Всего	Возраст				
			Высшее	Среднее		От 0 до 3 лет	От 4 до 5 лет	От 6 до 18 лет	От 19 до 59 лет	От 60 и старше
В сфере ФКиС	79	92	49	14	5 435	264	48	1 009	3 575	607
В сфере образования	277	220	94	17	6 552	349	178	5 623	338	74
В сфере труда и социальной защиты	54	19	5	11	5 531	23	80	887	2 523	1 940
В сфере всероссийских общ. организаций	7	1	1	–	1 633	–	–	124	1 229	280

На реализацию программы развития физической культуры и спорта среди инвалидов, включая проведение физкультурных и спортивных мероприятий, строительство спортивных сооружений и реализацию государственной программы Самарской области «Доступная среда в Самарской области», в 2016 г. из бюджетов всех уровней выделено 2 197 741,8 тыс. руб.

Основными формами работы по привлечению инвалидов к регулярным занятиям физической культурой и спортом являются:

- создание в муниципалитетах физкультурно-оздоровительных клубов инвалидов (работает 19 клубов, охват занимающихся 1 592 чел.);

- открытие отделений и групп для инвалидов в учреждениях дополнительного образования детей.

Как видно из табл. 1, количество детей в возрасте до 18 лет составляет лишь 4% от общего числа инвалидов в Самарской области (по состоянию на 2016 г.). Исходя из статистических данных федерального отчета «Форма № 3-АФК» по Самарской области, доля занимающихся детей-инвалидов составляет 81%, в то время как для взрослого населения этот показатель не превышает 8%. Данная ситуация обусловлена внедрением методических программ, адаптацией учебной дисциплины «Физическая культура» в образовательных учреждениях дошкольного, начального, среднего и основного образования, в том числе направленных на сопровождение детей-инвалидов.

Однако положительная тенденция не сохраняется в более старшем возрасте ввиду отсутствия развитой социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры территорий, на которых расположены физкуль-

турно-спортивные организации, современных механизмов (доступность спортивных сооружений и т.д.), регулирующих занятия АФКиС взрослого населения по месту жительства. Одной из важнейших проблем, снижающих доступность занятий ФК и С для инвалидов и лиц с ОВЗ, является недостаток высококвалифицированных кадров. Общая численность штатных работников физической культуры и спорта составляет 6 358 человек (из них 5,1% в сфере АФК), среди которых с высшим специальным образованием – 4 211 человек (в их числе 3,5% в сфере АФК), со средним специальным образованием – 1 133 человека (3,7% в сфере АФК). В сельской местности работают 1 173 специалиста (из них 2,3% в сфере АФК). Так, например, на одного специалиста в сфере АФК в сельской местности приходится 168 занимающихся инвалидов.

Кадровое обеспечение сферы физической культуры и спорта в Самарской области осуществляют государственное учреждение высшего профессионального образования «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия», государственное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет» (адаптивная физическая культура) и федеральное государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Училище (техникум) олимпийского резерва г. Самара».

С целью пропаганды и формирования мотивации к занятиям АФКиС в рамках реализации календарного плана официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий Самарской области на

2016 г., а так же Подпрограммы 1 «Развитие физической культуры и массового спорта на 2014–2018 гг.» государственной программы Самарской области «Развитие физической культуры и спорта Самарской области» на 2014–2018 гг. в 2016 г. министерством организованы и проведены следующие физкультурные и спортивные мероприятия с лицами с ограниченными возможностями физического здоровья: формирование и командирование сборной команды Самарской области на II Всероссийскую летнюю Спартакиаду инвалидов 2015–2016 гг. (17–27 августа, г. Новочебоксарск Чувашской республики, количество участников 16 человек), областная спартакиада среди инвалидов по слуху в 2016 г. (20–30 августа, г. Самара, п. Прибрежный), XV областная спартакиада среди инвалидов в 2016 г. (8–12 сентября, г. Самара, п. Прибрежный, ООО «ОБО “Радуга”», количество участников 120 человек), областная спартакиада среди инвалидов по зрению в 2016 г. (18–20 сентября, г. Самара, п. Прибрежный, ООО «ОБО “Радуга”», количество участников 109 человек), областная спартакиада среди лиц с поражением опорно-двигательного аппарата в 2016 г. (25–27 сентября, г. Самара, п. Прибрежный, ООО «ОБО “Радуга”», количество участников 130 человек), областная спартакиада среди детей инвалидов, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (17–19 апреля, г. Самара, п. Прибрежный, ООО «ОБО “Радуга”», количество участников 101 человек), всероссийский день ходьбы в Самарской области (3 октября, г. Самара, вторая очередь набережной р. Волги, количество участников среди лиц с ограниченными возможностями физического здоровья 43 человека).

Министерством совместно с региональными федерациями инвалидов организованы и проведены спортивные мероприятия: первенство и чемпионат Самарской области по спорту лиц с поражением ОДА в дисциплине «плавание» (29 октября, плавательный бассейн СК «Олимп» г. Тольятти), первенство и чемпионат Самарской области по спорту глухих в дисциплине «плавание» (29 октября, плавательный бассейн СК «Олимп» г. Тольятти), первенство и чемпионат Самарской области по спорту слепых в дисциплине «плавание» (29 октября, плава-

тельный бассейн СК «Олимп» г. Тольятти), чемпионат Самарской области по спорту лиц с поражением ОДА в дисциплине «пулевая стрельба» (22–27 декабря, стрелковый комплекс универсальной спортивной базы филиала федерального автономного учреждения Министерства обороны Российской Федерации «Центральный спортивный клуб армии» (ЦСК ВВС г. Самара)), формирование и командирование сборных команд Самарской области на всероссийские и международные соревнования по спорту лиц с поражением ОДА в дисциплинах «плавание», «легкая атлетика», «пулевая стрельба», «спортивный туризм», «теннис на колясках», «бадминтон», «велоспорт», «академическая гребля», «пауэрлифтинг»; по спорту глухих в дисциплинах «футбол», «велоспорт», «плавание», «дзюдо», «греко-римская борьба»; по спорту слепых в дисциплинах «плавание», «дзюдо», «шахматы», «спортивный туризм». По итогам проведенных физкультурных и спортивных мероприятий, в том числе и формируются сборные команды Самарской области для участия во всероссийских соревнованиях.

В Самарской области деятельность по развитию спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья осуществляют аккредитованные министерством региональная общественная организация «Федерация физической культуры и спорта инвалидов Самарской области с поражением опорно-двигательного аппарата» (далее – федерация ПОДА), Самарское региональное отделение Общероссийской общественной физкультурно-спортивной организации «Федерация спорта слепых» (далее – федерация спорта слепых), Самарская областная общественная организация инвалидов «Спортивная федерация спорта глухих» (далее – федерация спорта глухих).

Согласно данным федераций адаптивным спортом в регионе занимаются 6 121 человек, в том числе спортом лиц с поражением опорно-двигательного аппарата 2 017 человек, спортом глухих 1 399 человек, спортом слепых 556 человек, спортом лиц с интеллектуальными нарушениями 694 человека. Наиболее популярными видами спорта являются дартс, шашки, шахматы, плавание, настольный теннис, о чем свидетельствуют данные об участниках соревнований (табл. 2).

Таблица 2

Количество участников наиболее популярных видов адаптивного спорта

Вид спорта	Количество участников соревнований		Динамика
	2014 г.	2016 г.	
Армспорт	145	248	+103
Дартс	686	921	+235
Легкая атлетика	243	237	–6
Настольный теннис	306	455	+149
Плавание	361	543	+182
Шашки	477	645	+168
Шахматы	441	551	+110
Бадминтон	110	101	–9
Футбол	183	202	+19
Бочча	167	232	+65

Несмотря на положительную динамику развития адаптивной физической культуры и спорта в Самарской области, деятельность региональных федераций по развитию видов спорта слепых, глухих и лиц с по-

ражением ОДА (далее – региональные федерации) в 2016 г. можно считать удовлетворительной условно. Ни одна из региональных федераций инвалидного спорта не реализовала в полном объеме календарный план

официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий Самарской области на 2016 г. Из 12 запланированных областных спортивных мероприятий по спорту глухих реализовано 3 спортивных мероприятия, из 10 запланированных областных спортивных мероприятий по спорту лиц с поражением ОДА реализовано 3, из 9 запланированных областных спортивных мероприятий по спорту слепых реализовано 3.

Региональные федерации практически не участвуют в представлении списков тренерско-преподавательских кадров, планируемых для работы с инвалидами по развитию избранного вида спорта и для повышения уровня квалификации (согласно требованиям существующего законодательства).

В настоящее время отсутствует аккредитованная министерством спорта региональная федерация по развитию спорта лиц с интеллектуальными нарушениями, и официально участие во всероссийских и международных соревнованиях в этой категории спортсменов от Самарской области принимает только один спортсмен.

Практические рекомендации

1. Внедрение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) с целью увеличения числа лиц с ограничен-

ными возможностями здоровья и инвалидов, систематически занимающихся физической культурой и спортом.

2. Организация учета численности инвалидов, которым по медицинским заключениям противопоказано заниматься физической культурой и спортом, а также инвалидов по основным формам заболевания (с поражением опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха, с интеллектуальными нарушениями и инвалидов по общему заболеванию).

3. Создание условий, обеспечивающих возможности широкого введения в индивидуальные программы реабилитации инвалидов трудоспособного возраста и пенсионеров (при отсутствии противопоказаний) занятий адаптивной физической культурой и (или) адаптивным спортом как наиболее эффективного средства их оздоровления, социальной и физической реабилитации и интеграции в жизнь.

4. Включение в полномочия муниципальных образований возможности обеспечения условий для развития физической культуры и массового спорта инвалидов, в том числе организации проведения официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий, также внесения физической культуры и спорта инвалидов в расходные обязательства муниципальных образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/47182> (дата обращения: 03.08.2018).
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы: Постановление Правительства от 15 апреля 2014 года № 297. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/government/133> (дата обращения: 03.08.2018).
3. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 27.07.2018).
4. Официальный сайт Министерства спорта России. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 27.07.2018).
5. Государственная программа «Доступная среда» на 2011–2025 годы. URL: <http://government.ru/docs/> (дата обращения: 07.08.2018).
6. Об утверждении государственной программы Самарской области «Доступная среда в Самарской области» на 2014–2020 годы: Постановление Правительства Самарской области от 27 ноября 2013 г. № 671. URL: [http://minsocdem.samregion.ru/sites/default/files/files/ППОСО%20671%20\(в%20ред_%20от%2014_02_18\).pdf](http://minsocdem.samregion.ru/sites/default/files/files/ППОСО%20671%20(в%20ред_%20от%2014_02_18).pdf) (дата обращения: 27.07.2018).
7. Предложения по внесению изменений в текст стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://minsport.gov.ru/.../Предложения-по-внесению-изменений-в-текст-Стратегии.pdf> (дата обращения: 30.07.2018).
8. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы «Доступная среда» за 2017 год в Самарской области. URL: <http://minsocdem.samregion.ru/sites/default/files/files/отчет%20доступная%20среда%202017%20итог.pdf> (дата обращения: 30.07.2018).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 октября 2018 г.

Statistical Analysis of the Activities of the Samara Region Ministry of Sport Within the Framework of the Accessible Environment Program

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 180–185.

DOI: 10.17223/15617793/438/24

Nikolay A. Usachev, Volga State University of Service (Togliatti, Russian Federation). E-mail: usachev24.12@mail.ru

Dmitry I. Surnin, Volga State University of Service (Togliatti, Russian Federation). E-mail: surnindima@gmail.com

Tatiana A. Khorosheva, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: tah@list.ru

Keywords: Ministry of Sport; adaptive physical culture; statistics; Form No. 3-AFK; state program; disabled persons; persons with disabilities.

The relevance of the study is due to the implementation of the project Physical Culture and Sports among the Disabled in the framework of the Accessible Environment state program in Samara Region. The aim of the study is to analyze the implementation of the Accessible Environment state program in the field of physical culture and sports in Samara Region. A review of scientific studies suggests that the study of the problems and prospects of physical culture and sports should be carried out from the standpoint of a systemic approach. This is impossible without the timely receiving of objective information, which is the basis for predicting further development at various levels. The analysis of activities in the field of physical culture and sports is carried out on the basis of official statistics provided by organizations to executive authorities. The official way to monitor and control the development of physical culture and sports in the Russian Federation is forms of statistical reports. The Federal State Statistics Service annually approves “statistical tools for organizing federal statistical observation by the Ministry of Sport of Russia” for the physical culture and sports

industry. To achieve the aim of the study, the following objectives were set: (1) analysis of regulatory documents of the federal and regional levels in the framework of the issues under study; (2) analysis of the activities of the Ministry of Sport of Samara Region by the reports of Form No. 3-AFK for 2011–2016 using methods of mathematical statistics; (3) development of practical recommendations for improving the system of comprehensive rehabilitation and habilitation of the disabled by means of adaptive physical culture and sports in the structures of educational institutions. In accordance with the aim and objectives, three stages of the study were identified. At the first stage (September–November 2017), regulatory legal acts were investigated, the requirements governing the activities of the Ministry of Sport of Samara Region in matters of adaptive physical culture and sports were systematized. The problem situation was identified, the aim and objectives of the work were set, research methods were chosen. At the second stage (December 2017 – January 2018), the annual federal reports of the Ministry of Sport of Samara Region for 2011–2016 were analyzed using methods of mathematical statistics. At the third stage (February–April 2018), practical recommendations were developed for improving the system of comprehensive rehabilitation and habilitation of people with disabilities by means of adaptive physical culture and sports in the structures of educational institutions.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2014) *Perechen' porucheniy po realizatsii Poslaniya Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu* [The list of instructions on the implementation of the Presidential Address to the Federal Assembly]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/47182>. (Accessed: 03.08.2018).
2. Rosmintrud.ru. (2014) *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Dostupnaya sreda" na 2011–2015 gody: Postanovlenie Pravitel'stva ot 15 aprelya 2014 goda № 297* [On the approval of the state program of the Russian Federation "Accessible Environment" for 2011–2015: Government Decree No. 297 of April 15, 2014]. [Online] Available from: <https://rosmintrud.ru/docs/government/133>. (Accessed: 03.08.2018).
3. The official website of the President of Russia. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/>. (Accessed: 27.07.2018).
4. The official website of the Ministry of Sport of Russia. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/>. (Accessed: 27.07.2018).
5. Government.ru. (2014) *Gosudarstvennaya programma "Dostupnaya sreda" na 2011–2025 gody* [The state program "Accessible Environment" for 2011–2025]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/>. (Accessed: 07.08.2018).
6. Minsocdem.samregion.ru. (2013) *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Samarskoy oblasti "Dostupnaya sreda v Samarskoy oblasti" na 2014–2020 gody: Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoy oblasti ot 27 noyabrya 2013 g. № 671* [On the approval of the state program "Accessible Environment in Samara Region" for 2014–2020: Resolution of the Government of Samara Region of November 27, 2013, No. 671]. [Online] Available from: http://minsocdem.samregion.ru/sites/default/files/files/%D0%9F%D0%9F%D0%A1%D0%9E%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4_%D1%80%D0%B5%D0%B4_%20%D0%BE%D1%82%2023_11_18.pdf. (Accessed: 27.07.2018).
7. Minsport.gov.ru. (2014) *Predlozheniya po vneseniyu izmeneniy v tekst strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Proposals for amending the text of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2020]. [Online] Available from: <http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2014/11/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82-%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf>. (Accessed: 30.07.2018).
8. Minsocdem.samregion.ru. (2017) *Godovoy otchet o khode realizatsii i otsenke effektivnosti realizatsii gosudarstvennoy programmy "Dostupnaya sreda" za 2017 god v Samarskoy oblasti* [Annual report on the implementation and assessment of the effectiveness of the implementation of the state program "Accessible Environment" for 2017 in Samara Region]. [Online] Available from: <http://minsocdem.samregion.ru/sites/default/files/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%202017%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf>. (Accessed: 30.07.2018).

Received: 15 October 2018

И.Ю. Шустова

СО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ВОСПИТАНИЮ ШКОЛЬНИКОВ

Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 гг. (№ 27.7091.2017/БЧ на тему: «Теоретические и методические основы подготовки будущих педагогов к воспитательной и профессиональной деятельности в системе общего и дополнительного образования»).

Описан со-бытийный подход к воспитанию современного школьника, где со-бытие рассматривается как образовательная ситуация, импульс для глубинных изменений в ценностно-смысловой сфере воспитанника, его выход на рефлекссию своего опыта. Со-бытие рассматривается как цель и средство воспитания. Обосновано введение в педагогику понятия со-бытийной детско-взрослой общности как новой тенденции развития коллективного воспитания. Детско-взрослая общность складывается в непосредственном взаимодействии, образует актуальную ситуацию развития для воспитанника.

Ключевые слова: воспитание; со-бытие; со-бытийная детско-взрослая общность; образовательная ситуация; ценностно-смысловое пространство; позиционное взаимодействие; рефлексия.

В настоящее время в теории и практике воспитания избыточное внимание уделяется личности, ее индивидуальным способностям и талантам. Между тем растут заикленность детей на собственных интересах, их инфантилизм и эгоизм, ярко выраженный эгоцентризм. К сожалению, проявляется разрыв между поколениями взрослых и детей, у них остается все меньше общих дел, значимых тем для обсуждения, интересов. Коллективное воспитание, традиционное для нашей страны, порождало условия для проявления общей жизни детей и взрослых, совместной деятельности и переживаний; в настоящее время этого не хватает.

Воспитание обязательно предусматривает формирование пространства «между» педагогом и воспитанниками, когда возникает пересечение мира ребенка и мира взрослого, взаимообогащение их жизненными и культурными ценностями. Задача педагога-воспитателя – соответствовать пространству детства, детским интересам и увлечениям, детскому любопытству, создавать совместное пространство жизни, проявлять детско-взрослую общность. Процесс воспитания должен строиться на активном взаимодействии взрослых и детей в сфере их совместного бытия, со-бытия.

Со-бытийный подход к воспитанию современных школьников должен основываться на понимании процесса воспитания как «живого», происходящего от непосредственного взаимодействия педагога и воспитанников. Со-бытие происходит всегда в настоящем, в пространстве «здесь и сейчас», определяется значимостью и включенностью в него участников: эмоциональной (общие переживания и эмоции) и деятельностной (общий интерес и цели деятельности, совместные действия, общий результат). До тех пор, пока взаимодействие волнует педагога и воспитанников, они им живут, – со-бытие существует; оно исчезает, если стало скучно и неинтересно, нет общего переживания и интереса, совместной значимой деятельности.

Со-бытийный подход определяет воспитание как институционально оформленный процесс ценностно-смыслового взаимодействия педагога и воспитанников, в котором последние осваивают культурные нор-

мы и образцы отношений и деятельности, присваивают гуманистические ценности и смыслы, выходят на новое понимание себя и других. В рамках со-бытийного подхода результатом воспитания становятся духовное взаимообогащение, взаиморазвитие взрослого и ребенка, личностное развитие участников как открытие смысла происходящего взаимодействия для себя и появление общего обновленного смысла (общего ценностно-смыслового пространства).

Идеи со-бытия и диалога вносят в педагогическую науку и практику гуманистический подход, представленный в работах Н.М. Борытко, Ю.В. Громыко, И.Д. Демаковой, И.А. Колесниковой, Н.Б. Крыловой, Л.И. Лузиной, А.В. Мудрика, Н.Л. Селивановой, А.Н. Тубельского. Со-бытие может состояться только через открытый диалог, а истинный диалог возможен только в со-бытии. «Событие бытия» рассматривается М.М. Бахтиным как место встречи, точка пересечения, из которой может быть осмыслено как индивидуальное бытие личности, так и бытие вообще. Субъекты, по выражению М.М. Бахтина, – это «выразительное и говорящее бытие», но бытие, обнаруженное двусторонне: оно осуществляется только во взаимодействии двух сознаний (Я и Другого), «это поле встречи двух сознаний, зона их внутреннего контакта» [1].

Понятие «со-бытие» в воспитании можно трактовать в двух планах. Во-первых, наличие в жизни детей ярких, эмоционально насыщенных и запоминающихся событий, причем эти события должны быть не просто и не столько развлекательными, сколько выводящими участников на осознание своих жизненных ценностей и смыслов. Такие дела становятся своеобразными ориентирами в воспитательном процессе, задают образец общей интересной жизни и открытых человеческих отношений.

Второй смысл понятия «со-бытие» глубже, это характер связей и отношений между людьми, их сопричастность друг другу, путь совместного проживания, совместного бытия. Это проявление в воспитательном процессе условий бытия взрослых и детей не «рядом», но «вместе» друг с другом, они предполагают открытое взаимодействие взрослых и детей. Две стороны понимания события и со-бытия не противо-

речит друг другу, наоборот, взаимодополняют и обуславливают друг друга.

Взаимодействие как со-бытие переводит отношения между педагогом и воспитанниками на новый уровень, выводит их из формализованных и институционально заданных в пространство человеческих отношений, что предполагает равенство и открытость, инициативу и ответственность каждого, когда педагог и воспитанник равноправны в своей человеческой сущности, обладают одинаковым правом на свободу и творческое самовыражение. Задача педагога – воспитателя найти способы и средства проявления со-бытийных ситуаций во взаимодействии с воспитанниками, в которых возникают эмоционально-психологические связи и отношения между участниками, происходит общение, созвучное внутренним смыслам, формируется общее ценностно-смысловое пространство. Важно введение в теорию и практику воспитания понятия со-бытийной детско-взрослой общности как новой тенденции развития коллективного воспитания [2].

Детско-взрослая общность является тем необходимым внешним условием, которое задает школьникам эталон культурных норм в отношениях и деятельности, одновременно поддерживает их активность в самореализации, стимулирует осознание себя, проявление субъектной позиции во взаимодействии со сверстниками и взрослыми [3]. Соответственно, внешние условия находят резонанс с внутренним миром человека (внутренними условиями), поддерживают процессы самопознания, самоопределения, самореализации, осознанного саморазвития.

Воспитание понимается в рамках научной школы Л.И. Новиковой (И.Д. Демакова, В.А. Караковский, С.Д. Поляков, Н.Л. Селиванова, П.В. Степанов, М.В. Шакурова и др.) как педагогическое управление процессом развития личности через создание благоприятных условий [4]. Важным условием и необходимым фактором воспитания современного школьника является феномен детско-взрослой общности.

В детско-взрослой общности процесс воспитания отходит от педагога как главного (его цели, средств и способов воспитания), переходит в пространство «между» педагогом и воспитанниками, в котором педагог должен ориентироваться на актуальное настоящее детей, на со-бытие, процесс взаимодействия с воспитанниками, а не на заранее поставленные цели и методы работы.

Для воспитания понятие со-бытийной детско-взрослой общности особенно важно. Общность является для человека субъективным переживанием, где он чувствует близость другому (его мыслям, чувствам, знаниям, ценностям), и его ценности и смыслы произвольно присваиваются. Если между педагогом и воспитанником не появляется общности, процесс воспитания как передача воспитанникам культурных норм и общечеловеческих ценностей затруднен, почти невыполним. Об этом же говорит В.И. Слободчиков, определяя со-бытийную общность как необходимую ситуацию развития человека: «Полнота связей и отношений между людьми обеспечивается только в структуре со-бытийной общности, основная функция

которой – развитие» [5. С. 153–157]. Д.В. Григорьев отмечает: «Воспитание в современных условиях предполагает активное социальное взаимодействие взрослых и детей в сфере их совместного бытия (со-бытия). Результатом является духовное взаимообогащение, взаиморазвитие взрослого и ребенка...» [6]. Н.Б. Крылова отмечает, что «...событие – это открытие смысла происходящего для каждого субъекта и общего обновленного смысла для взаимодействующих в данном действии субъектов» [7. С. 167–168].

Следовательно, вновь повторимся, что со-бытийный подход к воспитанию предусматривает ценностно-смысловое взаимодействие взрослых и детей, которое возможно лишь в сфере их совместного бытия (со-бытия), а результатом воспитания будет возникающее общее ценностно-смысловое пространство, которое направляет личностное самоопределение и развитие участников.

Как общественный феномен детско-взрослая общность задает систему жизненных установок, формирование жизненных ценностей и смыслов, поддерживает процесс социализации. Большое значение имеют преобладающие в общности ценности и смыслы, личная позиция и ценности взрослого. Для школьников важен круг близких людей, единомышленников, чья позиция является близкой и одновременно помогает осмыслить и проявить собственную. Для школьников значимы ситуации взаимодействия со сверстниками и взрослыми, выводящие на самоопределение, понимание своих смыслов [8]. Проявление единого ценностно-смыслового пространства в со-бытийной детско-взрослой общности происходит через открытое позиционное взаимодействие участников, где каждый может высказать свое мнение, услышать и прояснить позицию другого, сравнить и осознать разные мнения и позиции, вследствие чего им осознаются и определяются своя позиция и ее ценностные основания.

Кроме того, ценностно-смысловое пространство, которое зарождается в совместной деятельности (учебной, трудовой, художественной, спортивной, игровой, социально значимой и пр.), стимулирует проявление со-бытийной детско-взрослой общности. Педагоги и воспитанники захвачены происходящим, заинтересованы в общем результате, знают цель деятельности для всех, осознают личный смысл в общей деятельности. Совместность предусматривает, что каждый осознает свою общность со всеми, что без него результат не будет получен, деятельность теряет эффективность. Совместная деятельность зарождает открытость в отношениях, общность целей и идей, проявляет близкие интересы и увлечения. Единое ценностно-смысловое пространство является сущностной характеристикой детско-взрослой общности, проявляет ее со-бытийные свойства.

Событийный подход к воспитанию порождает введение нового принципа воспитания, принципа со-бытийности. Если рассматривать принципы воспитания как ведущие идеи, следование которым помогает лучшим образом организовать процесс воспитания, достичь поставленных целей, то наиболее важными для воспитания будут идеи, отражающие суть человеческих отношений. Принцип со-бытийности – это

принцип формирования воспитывающих отношений, значимого опыта ценностно-смыслового взаимодействия педагога и воспитанников.

Можно выделить следующие правила существования принципа со-бытийности в воспитании:

- воспитание и развитие человека происходит прежде всего через взаимодействие и взаимоотношения с другими людьми; необходимо, чтобы педагог и ребенок были заинтересованы в данном взаимодействии, в котором проявляются общие гуманистические ценности и смыслы, общее поле мысли и совместной деятельности;

- воспитательный процесс должен строиться в соответствии с интересами и стремлениями детей, педагог должен ориентироваться не на заранее определенные цели и методы работы, а на актуальное настоящее ребенка, на непосредственный процесс взаимодействия с воспитанниками;

- воспитание – это выход в со-бытийную детско-взрослую общность; со-бытие может возникнуть спонтанно, но педагог не может полагаться на случай, он должен уметь выстраивать со-бытийные ситуации, проявлять и инициировать со-бытийную общность с воспитанниками;

- со-бытие помогает каждому участнику взаимодействия открыть личный смысл происходящего для себя, стимулирует самоопределение и осознанную самореализацию в общей деятельности, одновременно дает ощущение своей причастности к общему, выводит на появление общего обновленного смысла, общих ценностей, единого ценностно-смыслового пространства;

- воспитывающее взаимодействие должно инициировать и удерживать гуманистические ценности и смыслы, которые педагог закладывает в ситуацию взаимодействия, проявляет и удерживает в ней.

Со-бытийное воспитание задается *не от внешних целей, методов и технологий (которые давно устарели), а от реальности взаимодействия с детьми в настоящем, где обнаруживаются запрос детей, их интересы и стремления в проявляемых инициативах, звучащих позициях и пр.* О.С. Газман отмечал, что воспитание – *живой процесс, «...воспитание опирается на реальные межличностные социальные отношения, процессы, явления как живые, естественные события окружающей человека действительности, способные вызвать эмоциональные переживания...»* [9. С. 23].

Со-бытийный подход к воспитанию предусматривает умение педагога понимать современную реальность детей, их интересы и склонности, умение моделировать и выстраивать взаимодействие с воспитанниками как со-бытийные ситуации, стимулируя и поддерживая у школьников рождение новых личных смыслов, понимание себя и мира в новых условиях. Со-бытийная ситуация – это образовательная ситуация, в которой воспитанник ищет «образ человеческий» в себе, открывает новые знания о себе, проявляет лучшие свои качества, осознает и принимает это как личную ценность. Со-бытие предусматривает проявление со-бытийной детско-взрослой общности, где рождаются важные смыслы, важное понимание себя и мира.

Со-бытийная детско-взрослая общность, со-бытийная ситуация – это импульс для изменений в ценностно-смысловой сфере воспитанника, она стимулирует рефлексию своего прежнего опыта и осознание нового, его значения для себя. В основе моделирования и проявления со-бытийной ситуации должна лежать свобода ребенка. По О.С. Газману, «...внутренняя свобода субъекта как свобода воли: “хочу” (потребности, интересы), “могу” (творческая способность деятельности), “надо” (моральный закон в себе)... как внешние условия для самовоплощения свободы развития личности ребенка, для саморазвития» [9. С. 11].

В.А. Караковский большое значение придавал педагогическим ситуациям: «Из современных методик воспитания хотелось бы особо отметить метод педагогической ситуации. Ситуация – это стечение обстоятельств, действующее на ребенка не в лоб, а опосредованно, косвенно, порой – совершенно незаметно. Погружение в ситуацию можно сравнить с эффектом свежего огурца в рассоле...» [10. С. 66].

Следовательно, цель воспитания в со-бытийном подходе – моделирование и проявление педагогом образовательной со-бытийной ситуации для воспитанника, поддержка его стремления к самоопределению и саморазвитию, способности осознать и отстаивать собственную позицию, свои убеждения и ценности, находить способы самореализации. Со-бытийная ситуация выступает как средство и цель воспитания. Со-бытийная ситуация – это ситуация взросления воспитанника, его внутреннего роста, проявление и осознание им своей субъектности [11]. Процесс воспитания предполагает проявление со-бытийной детско-взрослой общности с воспитанниками на основе реальных жизненных ситуаций.

Со-бытийную ситуацию можно рассмотреть как значимое событие, встречу с другим человеком (другими людьми, даже ранее знакомыми, но проявляющимися совершенно по-другому в данной ситуации), которая надолго остается в памяти и продолжает развивать человека после того, как в реальном пространстве и времени уже не существует. На жизнь человека, особенно ребенка, сильно влияют такие со-бытийные, значимые встречи с людьми, возникающая общность с ними.

Феномен со-бытийных ситуаций хорошо представлен в работах А.С. Макаренко, он описал «метод взрыва» – проявление ситуации с сильными переживаниями участников, отдельного воспитанника и целого коллектива совместно, в которой меняется отношение воспитанника к самому себе, к миру. Отмечая роль «метода взрыва» в целостном процессе воспитания коллектива и отдельной личности, А.С. Макаренко пишет: «...Я никогда не придавал особенного веса эволюционным путям. В опыте своем я убедился, что как бы здорово, радостно и правильно ни жил коллектив, никогда нельзя полагаться только на спасательное значение одной эволюции, на постепенное становление человека... В эволюционном порядке собираются, подготавливаются какие-то предрасположения, намечаются изменения в духовной структуре, но все равно для реализации их нужны какие-то более

острые моменты, взрывы, потрясения... я не имел право организовывать такие взрывы, но, когда они происходили в естественном порядке, я видел и научился учитывать их великое значение» [12. С. 177–178]. По-видимому, со-бытийная общность как значимая и эмоционально проживаемая школьниками ситуация имеет много общего с предложенным А.С. Макаренко методом взрыва.

Без собственных переживаний, своего опыта постижения ценности во внутреннем мире воспитанника не приживутся, педагог не может навязать ценность извне. В воспитательном процессе важно проявлять ситуации, где ценность порождается, становится актуальной для воспитанников, приобретает для них личный смысл. В.А. Караковский пишет о значимости особой субъективной реальности, которую могут создавать педагоги совместно с детьми: «Поэтому мы можем... создавать субъективную реальность... которая существует как будто бы внутри большого социума, но живет и строится по своим, другим правилам и законам... Наши сборы – это община. И мы переносим то, что так нравится ребятам на сборах, в повседневную жизнь школы. И эта жизнь строится по законам гуманности, честности (стараясь не врать друг другу), уважения человека к человеку, дружбы, братства. Мы организуем в школе как бы “инобытие” по сравнению с тем, что делается за стенами школы. Это не борьба с социумом. Это, повторяю, один из вариантов проживания жизни, опыт социального, человеческого взаимодействия, которого не хватает в той реальности, а детям он по природе совершенно необходим. И мы в эту реальность их погружаем, они ею пропитываются...» [10. С. 46–47].

Со-бытийная ситуация как образовательная несет в себе напряжение, энергию жизненного поиска и осмысления, пробуждает интерес и активность воспитанника. Напряжение задается значимой для участников проблемой, вокруг которой разворачивается ситуация и которая требует решения, характером проблемного позиционного взаимодействия между участниками, пробуждающим интерес и открытые позиции участников. Со-бытие учить мыслить, осознавать и отстаивать свои ценности и смыслы, свою позицию. С.Д. Поляков отмечает: «Наше современное общество весьма дифференцировано в своих взглядах, позициях, интересах. Взаимодействие, столкновение интересов, убеждений, позиций – это нормальная современная реальность. И если мы хотим формировать человека, способного жить в таком обществе... необходимо создавать проблемные ситуации, требующие от школьников анализа сложных явлений, определения, защиты своих позиций и умения конструктивно взаимодействовать с иными позициями» [13. С. 108].

Напряжение в со-бытийной ситуации, со-бытийной детско-взрослой общности складывается через возникновение в ней бинарной оппозиции «Я–Мы». Каждый участник взаимодействия проявляет свое Я, ощущает свою отдельность от других и осознает свою позицию. Одновременно возникает чувство Мы: эмоциональная и смысловая общность участников, их сопричастность. Важно, чтобы эти процессы знал и понимал педагог, поддерживая во

взаимодействии с воспитанниками. Он должен одновременно видеть и направлять проявление и удержание эмоционально-психологических связей с воспитанниками, между ними (взаимный интерес, взаимопонимание, общее эмоциональное проживание ситуации), их личное включение и причастность к происходящему, а параллельно стимулировать осознание и проявление индивидуальной позиции каждым, личное отношение к совместной деятельности, ее целям и результату. Позиция выступает как условный разрыв связей, перевод их в осмысленное отношение с учетом личных целей и смыслов.

По мнению В.И. Слободчикова, в со-бытийной общности всегда присутствует подвижный баланс связей и отношений: «Со-бытийная общность есть живое единство, сплетение и взаимосвязь двух и более жизней, их внутреннее сродство при внешней их противопоставленности... Со-бытийную общность необходимо отличать от симбиотической сращенности и формальной организованности. В симбиотической сращенности отношения практически отсутствуют, действуют только связи, именно поэтому для симбиоза характерна неразличенность его участников. В формальной организованности – другая крайность, здесь фактически отсутствуют связи... И только в со-бытийной общности совокупность связей и отношений находится в гармоническом единстве» [5. С. 155].

При со-бытийном подходе в воспитании современных школьников следует видеть и направлять процессы обособления (осознание своей отдельности, своего своего Я) и отождествления (возникновение причастности к позиции, ценностям других, возникновение чувства Мы) в их единстве, что переводит для воспитанников ситуацию взаимодействия в жизненную ценностно-смысловую плоскость, делает ее поистине со-бытийной. В неформальной со-бытийной общности со сверстниками и значимыми взрослыми воспитанник находит культурные образцы и формы для самоидентификации, одновременно осознавая свою личную позицию и находя близкие способы свободной творческой самореализации. Со-бытийную детско-взрослую общность образуют не статичные, определенные формализованные связи и отношения, а «живые» процессы, связанные с их образованием и разрушением.

Важной характеристикой воспитания в со-бытийном подходе следует считать ценностно-смысловое позиционное взаимодействие между педагогом и воспитанниками, порождающее со-бытийную детско-взрослую общность. При его организации следует соблюдать ряд требований: взрослые и дети, все участники выступают по отношению друг к другу как ценность, являются значимыми друг для друга, равны в праве проявить и отстаивать свою позицию; взаимодействие проявляет и учитывает интересы и смыслы участников, внутренние мотивы; проявляется общий предмет взаимодействия, интересный и значимый для всех и каждого; ориентация взаимодействия на стимулирование и поддержку проявления личной позиции каждым; цель взаимодействия – актуализировать для участников индивидуальные смыслы, создать об-

щее пространство пересечения ценностей и смыслов, проявить общее ценностно-смысловое пространство.

В со-бытийном подходе к воспитанию отдельного внимания заслуживает рефлексивная плоскость события, в которую следует вывести взаимодействие с воспитанниками. Важно создавать условия, стимулирующие рефлексивные процессы во взаимодействии с воспитанниками, индивидуальную и коллективную рефлексия, что позволяет участникам соотносить разные позиции, осознавать свою позицию и других, понять и осмыслить себя со стороны, увидеть, что меняется в себе самом во взаимодействии с другими.

Н.Г. Алексеев [14] подчеркивал, что образовательная технология должна быть именно образовательной, а не технико-предметной. Получаемые на ее основе результаты – знания, умения и навыки – должны вводить обучающихся в «человеческую размерность», обращать и продвигать в ней. Иными словами, образовательные технологии, в частности моделируемая образовательная ситуация, в качестве одной из целей должна иметь развитие способности школьников к рефлексивному мышлению. Рефлексия позволяет вывести педагога и воспитанников из погруженности в процесс взаимодействия, дает им возможность взглянуть на него со стороны (определить свои приоритеты, ценности, позиции), определить задачи, которые каждый из них может решить в данном взаимодействии. Через рефлексивные процессы ситуация становится образовательной для ее участников, рефлексия стимулирует проявление нового образа своего Я, новый осознанный образ мира в самом широком контексте.

С 2006 г. по настоящее время основная опытно-экспериментальная работа в данном направлении ведется на базе МБОУ «Гимназия № 33» г. Ульяновска, в 2014–2017 гг. работа велась на базе ГБПОУ «Педагогический колледж № 18 Митино» г. Москвы, кроме того, на уровне разовых мероприятий и исследования отдельных педагогических образовательных ситуаций как со-бытийных участвовали школы Москвы, Ульяновска и Ульяновской области, студенты Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.

Целью опытно-экспериментальной работы являлось выявление и обоснование педагогических условий проявления со-бытийной детско-взрослой общности в образовательном пространстве школы (колледжа, вуза).

Методами исследования служили: анкетирование (по многочисленным разработанным авторским анкетам под конкретные задачи исследования) непосредственных участников со-бытий (взрослых, школьников, студентов) – на отдельных этапах со-бытия, сразу после него, через определенный промежуток времени; психологические диагностики – социометрия, ЦОЕ, диагностика психологического климата; включенное наблюдение; изучение и обобщение педагогического опыта; анализ собственной педагогической деятельности; рефлексия всех воспитательных дел в рамках ОЭР; фиксация результатов и трудностей (на разных уровнях).

Отдельно следует выделить метод моделирования и реализации условий проявления школьных дел как

событий, выход их в пространство со-бытийной детско-взрослой общности. Проводились детальная рефлексия всех воспитательных мероприятий, фиксация результатов (на разных уровнях), фиксация трудностей (на разных уровнях) и негативных тенденций, а также моделирование педагогических ситуаций как со-бытийных, образовательных для ребенка, с последующим тщательным анализом полученных результатов.

Направлениями опытно-экспериментальной работы были работа с педагогами и работа с образовательной организацией. Работа с педагогами включала:

- формирование исследовательской группы педагогов-участников эксперимента;
- проведение обучающих научно-методических и проблемных семинаров (исходя из трудностей реализации) с педагогами в рамках опытно-экспериментальной работы;
- индивидуальное консультирование педагогов-участников эксперимента с выходом в рефлексия своих успехов и возникающих трудностей;
- работу творческих групп педагогов по моделированию и проявлению детско-взрослых общностей (разного уровня и масштаба) на основе открытого позиционного взаимодействия между участниками (педагогами, детьми и студентами).

Работа на уровне школы (колледжа):

- создание условий для проявления ДВО в школе: на уровне общешкольных дел и их творческой подготовки, на уровне индивидуального взаимодействия с ребенком, работы с классом (клубом или секцией), через проявление межвозрастных общностей, включающих школьников разных возрастов, посредством организации шефской работы и пр.;
- раскрытие потенциала ДВО в воспитании и развитии личности школьника, поддержка его самоопределения, отношения к миру, к людям, к самому себе;
- формирование демократического уклада школы как основы гуманистических отношений: развитие системы ученического самоуправления и общественного управления школы;
- моделирование и апробация новых форм и способов организации совместной деятельности детей и взрослых с выходом в со-бытийную детско-взрослую общность: в разных видах деятельности (исследовательской, спортивной, художественной, трудовой и пр.), на разных уровнях ее организации, в различных формах проведения общих дел и праздников в школе, при ориентации на общие интересы и принципы со-бытийности;
- разработка системы общешкольных дел на принципах коллективной творческой деятельности, главным из которых являются межвозрастной сбор, поддержка традиций гимназии;
- поддержка детских инициатив, самостоятельных проектов, создание кратковременных разновозрастных детско-взрослых общностей под новую творческую задачу, включающих обучающихся, педагогов, родителей и приглашенных;
- формирование открытых связей и отношений с родителями учащихся: проявление общих позиций по отношению к задачам обучения, воспитания и развития ребенка, определение направления сотрудниче-

ства родителей и педагогического коллектива школы для решения данных задач.

В пространстве школьной жизни организуются такие дела, которые становятся для детей событием: яркие, волнующие, выводящие нашу жизнь из рамок повседневного и привычного. Таким образом, меняется профессиональная деятельность педагога-воспитателя, он ориентируется не на жесткий план воспитательной работы, а на живую ситуацию взаимодействия с учениками.

Дела могут быть разными: по направлениям деятельности (исследовательская, спортивная, художественная, трудовая и пр.), по уровню организации (с малой группой школьников, в классе, в клубе или секции, в школе, гимназии или даже микрорайоне, в городе), по форме проведения, по длительности прохождения (от разрешения конкретной проблемной ситуации или одного классного часа до большого общешкольного события, которое длится целую четверть).

Важно, чтобы дело строилось, с одной стороны, на общем интересе взрослых и детей, их единой целевой устремленности, с другой – отражало индивидуальные смыслы каждого в совместной деятельности. Дела могут родиться по инициативе отдельного ребенка или группы школьников. Вокруг инициаторов при поддержке педагога создается кратковременная детско-взрослая общность, включающая инициаторов, равнодушных к идее школьников и педагогов, родителей и даже приглашенных (если они нужны для реализации идеи).

Общность формируется самими участниками в свободном общении равных субъектов, здесь нет предписанных норм и правил, они создаются самими участниками в открытом межпозиционном диалоге, в интересной, «захватившей» всех деятельности.

Деятельность педагога в со-бытийной реальности может проходить только в рефлексивном контексте, он работает по изменяющемуся «живому» процессу, должен проявлять и удерживать ценностно-смысловое педагогическое поле, видеть проблемы и сильные стороны каждого участника взаимодействия.

Деятельность педагога по реализации событийных ситуаций может быть организована на различных уровнях школьной жизни: в процессе обучения, при преподавании отдельных предметов, выводя их на межпредметный уровень; при работе с классом и отдельными учениками; при работе со школьным самоуправлением, при организации общешкольных дел разного уровня и масштаба, в том числе межвозрастных.

Инициировать со-бытие, выйти на человеческие ценности и смыслы возможно через открытый разговор. Он может возникнуть спонтанно, через рефлексию сделанного дела и понимание его значения, через анализ ситуации в классе. Своевременно начатый и хорошо выстроенный разговор с ребятами часто и является источником, порождающим со-бытийную детско-взрослую общность.

Важно моделировать и организовывать проведение открытых мировоззренческих обсуждений вокруг ценностей. Делать это лучше совместно с воспитанниками, тогда такое обсуждение будет не привнесен-

ным извне, а рожденным по инициативе и предложениям самих воспитанников. Выстраивать его можно через различные дискуссионные формы, обсуждение фильмов и книг, ситуаций из жизни и пр. Здесь важно, какую тему выбираем (ее актуальность и значимость, жизненность), кто ведет разговор (хорошо, когда взрослый и воспитанник на равных), какие вопросы задаем, как проблематизируем суждения и высказывания ребят, какие акценты расставляем, как сталкиваем и уточняем позиции. Не менее важно, в какой атмосфере проходит общение, она должна быть доброжелательной и одновременно интеллектуально напряженной, участникам должно быть интересно общаться друг с другом и со взрослыми. Важно, какую позицию занимает педагог, насколько он сам открыт, готов к диалогу, какую задает смысловую планку разговора.

Важен образовательный материал, с которым работает педагог. Сюда относится все, что использует педагог для моделирования и проявления со-бытийной ситуации: условия среды (музеи, культурные центры, лес и пр.), люди, фильмы и книги, интернет-ресурсы, любая информация в любой форме, игрушки и т.д. Сюда же относятся все педагогические методы и технологии воспитания, которыми владеет педагог и с помощью которых он выстраивает взаимодействие. Образовательный материал призван пробудить интерес воспитанников, должен отражать ценностно-смысловую составляющую ситуации, использоваться как внешний стержень, вокруг которого может раскручиваться взаимодействие, переходя в со-бытие.

Время существования педагогического события различно, от разовой короткой значимой встречи (интересный классный час, поход, праздник, встреча с интересными людьми, совместный просмотр и обсуждение фильма и пр.) до более длительного, если в классе сложился сильный коллектив со своими традициями, общей значимой деятельностью и совместной интересной жизнью. В любом случае воспитательное событие остается в субъективном мире человека (после того как в реальности оно уже закончилось) как значимое переживание и опыт, присвоенные ценности и смыслы, оно задает эталон человеческих отношений в воспитательном процессе.

На основе опытно-экспериментальной работы были выделены задачи педагога при проявлении и удержании со-бытийных ситуаций, со-бытийной детско-взрослой общности с воспитанниками:

- обеспечить свободу, добровольность выбора участия (неучастия) в коллективной деятельности, возможность выбора школьником направлений и способов деятельности, позиции;

- учитывать опыт деятельности и отношений, который школьник получит, предусматривать новый опыт творческой самореализации в деятельности и общении;

- видеть каждого и удерживать целое, постараться найти развивающий импульс в ситуации для каждого;

- создавать напряжение, поддерживать процессы обособления и отождествления (организовывать позиционное взаимодействие), эмоциональное и деятельностное включение воспитанников;

– поддерживать комфортный психологический климат, безопасную атмосферу, общее эмоциональное переживание, открытость и доверие друг к другу, формирование эмоционально-психологических связей;

– направлять и поддерживать выход в общее ценностно-смысловое пространство как пересечение и взаимообогащение ценностей, норм и правил участников, задавать культурные ориентиры деятельности и общения;

– стимулировать рефлексивные процессы у участников, организовывать индивидуальную и коллективную рефлексии во взаимодействии.

В заключение отметим, что важность со-бытийного подхода в воспитании обусловлена тем, что он строится на детско-взрослой общности, когда внешние условия находят резонанс с внутренним миром человека, его ценностями и смыслами. После того как со-бытийная детско-взрослая общность разрушена в реальных пространстве и времени, она остается в субъективном мире человека как «реперная точка», удерживающая значимый опыт отношений и деятельности, ценностно-смысловые жизненные ориентиры. Она может достаточно долго осмысливаться и переживаться отдельными участниками, находить отражение в самореализации воспитанников, проявить новую со-бытийную ситуацию для всех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук [в сокращении] // Собрание сочинений. М. : Русские словари, 1996. Т. 5. С. 7–10.
2. Шустова И.Ю., Демакова И.Д. Педагог как воспитатель: значимые характеристики воспитательной деятельности, принцип со-бытийности в воспитании // Педагогическое искусство : научно-практический журнал. 2017. № 2. С. 100–108.
3. Детская общность как объект и субъект воспитания / под ред. Н.Л. Селивановой, Е.И. Соколовой. М. : Издательский центр ИЭТ, ФГНУ ИТИП РАО, 2012. 324 с.
4. Селиванова Н.Л., Степанов П.В., Шакурова М.В. Научная школа Л.И. Новиковой // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 1. С. 37–45.
5. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. 2-е изд., перераб. и доп. Биробиджан : Изд-во БГПИ, 2005. 272 с.
6. Григорьев Д.В. Событие воспитания и воспитание как событие // Вопросы воспитания. 2007. № 1. С. 90–97.
7. Крылова Н.Б. Культурология образования. М. : Народное образование, 2000. 272 с.
8. Shustova I.Y. A community of children and adults as a condition of the development of the value-semantic orientation of a child // Psychology (Savannah, GA). 2003. Т. 1, № 28. С. 51.
9. Газман О.С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. М. : МИРОС, 2002. 296 с.
10. Караковский В.А. Воспитание для всех. М. : НИИ школьных технологий, 2008. 240 с.
11. Шустова И.Ю. Воспитание «от ребенка» // Педагогика. 2015. № 8. С. 53–58.
12. Макаренко А.С. Коллектив и воспитание личности. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 264 с.
13. Поляков С.Д. Психопедагогика школы. Ульяновск : УлГПУ, 2011. 262 с.
14. Алексеев Н.Г. Проектирование условий развития рефлексивного мышления : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М. : ИПИ РАО, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 мая 2018 г.

A Co-Existence Approach to Character Building at School

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 186–193.

DOI: 10.17223/15617793/438/25

Inna Yu. Shustova, Strategy and Theory of Personality Social Education Center of the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: innashustova@yandex.ru

Keywords: character building; co-existence; co-existent communion of children and adults; learning situation; axiological space; positional interaction; reflection.

The aim of this article is to present the summary of a multi-year research of the phenomenon called “communion of children and adults based on co-existence” and its role in modern education. This research was carried out by means of modeling and maintaining communions of children and adults based on co-existence (with varied duration, group structure and content of activities) in interactions with schoolchildren and students in which each participant could bring their personality into the common value-based space. Particular attention was focused on the reflective process of the participants and on the in-depth analysis of the experience by the organizers. The author considers it necessary to introduce the term “co-existent communion of children and adults” into pedagogy as a new tendency in the development of the collective character building concept. In terms of character building, co-existence implies an institutionally arranged reality of axiological child-adult interaction, in which children acquire universal human values and meanings and reach a new level of understanding themselves and the world around them. The result of the study is the rules of co-existence approach in education the author formulated. (1) A person’s character building and development occurs mostly through interaction and interrelationship with other people. It is vital that both the teacher and the child should be interested in such interaction which reveals common humanistic values and meanings, a shared space for thought and joint activity. (2) The character building process must be designed taking children’s interests and aspirations into consideration. The teacher should consider the child’s actual present and the current process of teacher-child interaction rather than the pre-determined goals and methods of teaching. (3) Co-existence helps each participant to discover their personal meaning of what is going on around, stimulates self-determination and conscious self-realization in joint activity while offering the feeling of belonging to the communion and revealing the renewed shared meaning, shared values and a common axiological space. A separate result should be highlighted: the co-existence approach to character building is based on the co-existent communion of children and adults. The co-existent communion of children and adults is related to situation-based means of character building. Under certain conditions, the teacher can see the possibility when the communion starts and reveals itself, while the teacher intensifies this communion and strengthens it in the participants’ minds by means of reflection. Such interaction creates an educational situation by encouraging and supporting the students’ development of new personal meanings as well as understanding of themselves and the world around. Co-existence as an educational situation is some sort of an impulse for deep-set changes in the student’s axiological sphere leading to the reflection of one’s prior and new understanding experience and its meaning. A co-existent educational situation serves as both the means and goal of character building.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 7–10.
2. Shustova, I.Yu. & Demakova, I.D. (2017) Pedagog kak vospitatel': znachimye kharakteristiki vospitatel'noy deyatel'nosti, printsip so-bytiynosti v vospitanii [The teacher as an educator: significant characteristics of educational activities, the principle of co-existence in education]. *Pedagogicheskoe iskustvo – Pedagogical Art.* 2. pp. 100–108.
3. Selivanova, N.L. & Sokolova, E.I. (eds) (2012) *Detskaya obshchnost' kak ob'ekt i sub'ekt vospitaniya* [Children's communion as an object and subject of education]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr IET, FGNU ITIP RAO.
4. Selivanova, N.L., Stepanov, P.V. & Shakurova, M.V. (2014) Scientific School of L.I. Novikova: basic ideas and development prospects. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika.* 1. pp. 37–45.
5. Slobodchikov, V.I. (2005) *Ocherki psikhologii obrazovaniya* [Essays on the psychology of education]. 2nd ed. Birobidzhan: Birobidzhan State Pedagogical Institute.
6. Grigor'ev, D.V. (2007) Sobytie vospitaniya i vospitanie kak sobytie [Event of education and upbringing as an event]. *Voprosy vospitaniya.* 1. pp. 90–97.
7. Krylova, N.B. (2000) *Kul'turologiya obrazovaniya* [Culture studies of education]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
8. Shustova, I.Y. (2003) A community of children and adults as a condition of the development of the value-semantic orientation of a child. *Psychology.* 1(28). pp. 51.
9. Gazman, O.S. (2002) *Neklassicheskoe vospitanie: ot avtoritarnoy pedagogiki k pedagogike svobody* [Non-classical education: from authoritarian pedagogy to the pedagogy of freedom]. Moscow: MIROS.
10. Karakovskiy, V.A. (2008) *Vospitanie dlya vseh* [Education for all]. Moscow: NII shkol'nykh tekhnologiy.
11. Shustova, I.Yu. (2015) Education "from the child". *Pedagogika.* 8. pp. 53–58.
12. Makarenko, A.S. (1988) *Kollektiv i vospitanie lichnosti* [The collective and the education of the individual]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo.
13. Polyakov, S.D. (2011) *Psikhopedagogika shkoly* [Psychopedagogy of school]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University.
14. Alekseev, N.G. (2002) *Proektirovanie usloviy razvitiya reflektivnogo myshleniya* [Designing the conditions for the development of reflective thinking]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow.

Received: 12 May 2018

ПРАВО

УДК 343.14

О.И. Андреева, Т.В. Трубникова

ПРИНЯТИЕ СУДОМ РЕШЕНИЯ О НАЛИЧИИ В ДЕЯНИИ ЛИЦА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

На основе результатов изучения практики, произведенного авторами в 2016–2018 гг., предлагаются определение злоупотребления правом в уголовном процессе, критерии отграничения злоупотребления правом от правомерного поведения; рассматриваются решения, принимаемые судом в ситуациях, в которых констатируется наличие злоупотребления правом со стороны участников уголовного процесса, предлагаются требования к таким решениям, обстоятельства, которые суду необходимо учитывать при их принятии.

Ключевые слова: принятие судом решений; злоупотребление правом; соотношение прав и обязанностей личности и государства; право на судебную защиту; пределы ограничения прав участника уголовного процесса.

Тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства России являются последовательная реализация принципа состязательности, расширение процессуальных возможностей участников уголовного судопроизводства, поскольку активное противоборство спорящих сторон является и должно являться наиболее эффективным способом достижения целей уголовного процесса. Реализация прав и исполнение обязанностей сторонами, отстаивающими частные и публичные интересы, влияют на принятие судом законного и обоснованного решения по делу. Между тем в условиях предоставления участникам процесса широких возможностей для защиты прав и интересов, в силу конфликтного характера уголовного процесса, где каждый действует исходя из своих собственных интересов, возможно использование участниками процесса принадлежащих им прав вопреки его назначению, в том числе с целью причинения вреда законным интересам других лиц, общественным интересам, либо исходя из ложно понятых служебных интересов [1. С. 91]. При этом такое лицо формально может действовать в рамках общего типа поведения, дозволенного законом, фактически допуская при этом злоупотребление правом [2. С. 109–110] или дискреционными полномочиями [3. С. 25–28]. В результате причиняется вред личности, обществу и государству [4. С. 14–16]. Данная проблема обуславливает необходимость решения судом сложных вопросов юридической квалификации действий управомоченного субъекта [5. С. 129–130], формально не противоречащих закону, но социально вредных [6, 7], а также возможность принятия им решения о применении мер, направленных на предотвращение или пресечение злоупотребления правом таким образом, чтобы при этом лицо не лишилось вовсе своего субъективного права [8], предусмотренного Конституцией РФ или законом.

Вопросы юридической квалификации действий управомоченного субъекта как злоупотребительных не нашли решения ни в законе, ни в разъяснениях Верховного Суда РФ; как следствие, суды испытывают затруднения при разграничении правомерного и злоупотребительного поведения и принятии соответствующего решения.

Критерии разграничения злоупотребления правом и правомерного поведения предопределяются публичной природой уголовного судопроизводства и тесно связаны с назначением и принципами уголовного процесса, направленными не только на защиту законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, но и на защиту общественных, государственных интересов. Необходимо отметить, что назначение права состоит в предоставлении лицу юридически гарантированной возможности удовлетворения своих интересов, обеспеченной защитой, в том числе судебной, не нарушая при этом интересов других лиц, общества, государства. Право осуществляется в соответствии с его назначением тогда, когда поведение наделенного правом субъекта не противоречит цели правовой нормы. Злоупотребление правом в уголовном процессе – это такое использование субъектом уголовного процесса имеющейся у него возможности (субъективного права или дискреционного полномочия), которое, формально не нарушая закрепленной в законе правовой нормы, определяющей пределы и порядок реализации соответствующей возможности, в то же время противоречит назначению указанной нормы, если вследствие этого нарушаются или могут быть нарушены конституционные права, законные интересы других участников уголовного судопроизводства, общественные интересы (например, ставится под угрозу возможность осуществления по делу справедливого судебного разбирательства). Для того чтобы признать, что злоупотребление правом имеет место, необходимо установить наличие одновременно двух вышеперечисленных признаков. Причинение вреда правам и законным интересам других лиц при осуществлении права в соответствии с его назначением не должно рассматриваться как злоупотребление правом [2. С. 109–110]. Не является злоупотреблением и такое осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, в результате которого вред участникам общественных отношений, обществу и государству не причиняется. Кроме того, необходимо отметить, что участнику уголовного судопроизводства, не являющемуся должностным лицом, может быть «поставлено в вину» только такое поведение, которое приводит

или может привести к нарушению вышеперечисленных прав в условиях, когда явно существовал вариант поведения, не приводящий к таким последствиям, т.е. поведение участника должно быть очевидно недобросовестным [9. С. 71].

Как показала изученная практика, чаще всего подвергается оценке судом на предмет наличия злоупотребления правом поведение участников уголовного судопроизводства (обвиняемых и их защитников) при ознакомлении с материалами уголовного дела. При этом следует отметить, что положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ, позволяющей в судебном порядке ограничивать срок для ознакомления с материалами уголовного дела в случае явного затягивания времени ознакомления с этими материалами, представляют собой достаточно эффективную процессуальную форму для деятельности по предупреждению и пресечению указанных действий. Эта возможность на практике дополняется установлением согласованного со следователем графика ознакомления с материалами дела, несомнительное нарушение которого обвиняемым и защитником и может служить доказательством их уклонения от ознакомления с материалами дела. В результате затягивание ознакомления с материалами дела в «чистой» форме (путем медленного прочтения и т.п.), как следует из материалов изученных нами уголовных дел, на практике встречается лишь изредка. Чаще злоупотребление правом на ознакомление с материалами уголовного дела, осуществляемое в целях затягивания процесса, реализуется в настоящее время путем «манипуляций» со стороны обвиняемого своим правом на помощь со стороны защитника по соглашению. Например, по уголовному делу по обвинению М. (материалы уголовного дела составляли 33 тома) ознакомление с материалами уголовного дела было начато 17.12.2015 г. Решением суда был ограничен срок такого ознакомления до 16 часов 30 минут 15.04.2016 г. За два дня до окончания установленного судом срока на ознакомление с материалами дела (13.04.2016 г.) обвиняемый отказался от услуг ранее защищавших его адвокатов К. и А. и обратился с ходатайством о назначении ему защитника, которое было удовлетворено; ему был назначен защитник – адвокат Ф. Постановлением суда от 03.05.2016 г. был установлен срок ознакомления защитника Ф. с материалами дела и вещественными доказательствами до 18 часов 06.05.2016 г. Однако М. вновь заключил соглашение с адвокатом К. (от услуг которой он ранее отказался) и подал 05.05.2016 г. ходатайство о допуске ее в качестве защитника и предоставлении ей возможности ознакомиться со всеми материалами уголовного дела (архив Конституционного Суда РФ, Определение № 1398-О от 27.06.2017). С достаточной степенью уверенности в данном случае можно говорить о том, что действия обвиняемого фактически были направлены не на обеспечение его права на квалифицированную юридическую помощь, а на затягивание процедуры ознакомления с материалами уголовного дела сверх установленного судом срока. Подобные ситуации в настоящее время законом не урегулированы и решаются по усмотрению суда.

Между тем необходимо отметить, что не способствует обеспечению права на защиту принятие судом решения об ограничении срока ознакомления с материалами уголовного дела без учета реальной возможности обвиняемого / его защитника реализовать указанное право в указанный срок.

В целом возможность, предоставленная ч. 3 ст. 217 УПК РФ, как правило, используется судом достаточно оптимально, с учетом баланса различных интересов, тогда, когда речь идет об ознакомлении с материалами уголовного дела, по которому окончено расследование. Тем не менее отсутствие в законе или разъяснениях Верховного Суда РФ критериев, которые могли бы использоваться судом при определении разумного срока для ознакомления с материалами уголовного дела, создает ситуацию правовой неопределенности, а в некоторых случаях – и предпосылки для установления явно завышенных требований по отношению к обвиняемому и его защитнику, предоставления им срока, явно недостаточного для полноценного ознакомления с материалами дела. Эта ситуация крайне обостряется в случае, если необходимость ознакомления защитника с материалами уголовного дела возникает уже в судебном разбирательстве (например, в связи с произошедшей заменой защитника). В этих случаях, как показала практика, вновь вступившему в дело защитнику часто предоставляется явно недостаточный срок для ознакомления с материалами уголовного дела, что делает участие данного защитника в процессе формальным, приводит к нарушению права обвиняемого защищаться от предъявленного ему обвинения, иметь достаточное время и возможности для подготовки собственной защиты. Так, например, «экстремальные» условия были установлены судом для защитников, вступивших в уголовное дело по обвинению Д., К., Г., Ж. и Г., обвиняемых в экономических преступлениях. Дело рассматривалось с августа 2012 г. 04.06.2015 г. обвиняемая Д. заявила об отказе от защитника Л., поскольку последняя, как выяснилось в судебном разбирательстве, ранее, в ходе расследования, оказывала юридическую помощь двум свидетелям обвинения в ходе их допроса. Суд предоставил Д. 5 дней для поиска другого адвоката. 10.06.2015 г. в дело (объем материалов которого на этот момент составлял 245 томов) вступили в качестве защитников Д. адвокаты С. и Г., заявившие ходатайство о предоставлении им времени до 10.08.2015 г. для ознакомления с материалами уголовного дела (т.е. 2 месяца для изучения 245 томов). Однако судья не объявил перерыв для ознакомления адвокатов с материалами уголовного дела, а продолжил судебное заседание с участием новых адвокатов, требуя от них немедленно, без ознакомления с делом, высказываться по поводу заявляемых участниками ходатайств, приобщаемых к делу материалов. Судья разрешил вступившим в дело защитникам Д. ознакомиться с материалами дела лишь в перерывах между судебными заседаниями, предоставив им время сначала до 17.06.2015 г., затем – до 26.06.2015 г. А в судебном заседании 26.06.2015 г. ограничил им срок для ознакомления с материалами уголовного дела до 13 часов 07.07.2015 г., утверждая, что это «разумный срок для

ознакомления данных адвокатов с материалами уголовного дела» и что указанные адвокаты, «злоупотребляют своими правами, недобросовестно, явно преднамеренно и умышленно затягивают рассмотрение уголовного дела судом». Между тем за 10 рабочих дней, с 10.06.2015 по 26.06.2015 г. адвокаты С. и Г., как это следует из материалов дела, ознакомились с 22 томами уголовного дела полностью и с 2 томами – частично (архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска, уголовное дело № 1-2/2016). Представляется, что вывод суда относительно наличия злоупотребления правами со стороны адвокатов не соответствовал обстоятельствам, а примененная им мера реагирования (ограничение срока для ознакомления с материалами уголовного дела), хотя формально и находилась в пределах полномочий суда, была явно непропорциональной, привела к невозможности адвокатов добросовестно осуществлять принятую на себя защиту подсудимой Д. Таким образом, в данном случае фактически именно суд (а не участники со стороны защиты) злоупотребил своими дискреционными полномочиями, необоснованно ограничив право обвиняемой на защиту.

Основной причиной указанной проблемы, как представляется, является отсутствие в законе или разъяснениях Верховного Суда РФ критериев, которые могут использоваться для определения разумности срока ознакомления с материалами уголовного дела.

Другая проблема связана с последствиями принятия судом решения, констатирующего наличие в поведении обвиняемого и / или его защитника злоупотребления правом на ознакомление с материалами уголовного дела в случае, если по делу имеется несколько обвиняемых (в отношении которых приняты или не приняты решения об ограничении для них срока ознакомления с материалами уголовного дела). Данное обстоятельство, как правило, не учитывается судом при принятии решения, а между тем оно может крайне затруднить или даже сделать невозможной для обвиняемого / его защитника реализацию права на ознакомление со всеми материалами уголовного дела в указанный судом срок. Так, например, по одному из уголовных дел, по которому на момент написания статьи не окончено ознакомление всех участников с материалами уголовного дела (по делу имеются 7 обвиняемых, большое количество потерпевших, материалы дела составляют более 230 томов, имеется большое количество вещественных доказательств), судом по ходатайству следователя был ограничен срок для ознакомления с материалами уголовного дела для одного из обвиняемых. В отношении других обвиняемых аналогичные решения не принимались. При ознакомлении обвиняемого, ограниченного судом во времени, с оставшимися материалами дела возникла проблема – запрошенные им для изучения материалы дела не предоставлялись ему следователем в течение установленного судом срока, поскольку, в соответствии с ранее установленным графиком, в соответствующий период времени с этими материалами должны были знакомиться другие участники процесса. Очевидно, что в данной ситуации формально вер-

ное решение суда привело (могло привести) к реальному нарушению права обвиняемого на защиту только потому, что при принятии этого решения судом не была учтена реальная ситуация по делу (наличие нескольких обвиняемых, потерпевших, установленный график их ознакомления с материалами уголовного дела, наличие ходатайств следователя об ограничении срока на ознакомление с делом для других обвиняемых). Суд при принятии решения об ограничении срока на ознакомление с материалами дела должен принимать во внимание и другие релевантные обстоятельства. Так, например, по уже упомянутому делу из архива Железнодорожного районного суда г. Новосибирска (уголовное дело № 1-2/2016) один из подсудимых (Г.) в ходе рассмотрения судом уголовного дела перенес инсульт, последствием чего стало то, что он почти полностью потерял зрение (утратив возможность к чтению) и сильно ухудшился слух. Между тем Г. был решением суда заключен под стражу. Ему (формально) была предоставлена судом возможность для ознакомления с материалами уголовного дела, приобщенными в судебных заседаниях, в которых он отсутствовал в период своей болезни. Данная возможность реализовывалась путем прочтения ему указанных материалов сотрудниками суда в перерывах между судебными заседаниями. В результате ознакомления, производимого таким способом, без установления судом перерыва в судебных заседаниях по делу, Г. не ознакомился полноценно с этими материалами, не получил возможности использовать их в своей защите. Не вызывает сомнения, на наш взгляд, что личная ситуация конкретного участника процесса должна учитываться судом в случае принятия решения об ограничении ему срока на ознакомление с делом. Однако действующий закон не содержит какого-либо указания на необходимость учета личной ситуации участника, конкретной ситуации по делу при установлении сроков и порядка ознакомления с материалами дела ограничиваемого участника, что представляется нам неверным и создающим предпосылки для фактического ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

Не предусмотрены в законе и последствия истечения установленного судом срока на ознакомление с материалами оконченного следствием уголовного дела для конкретного обвиняемого / его защитника на случай, если к этому моменту иные участники судопроизводства (не ограниченные в сроке) еще не закончат ознакомление с материалами уголовного дела. Формально следователь имеет все основания для того, чтобы не дать участнику, в поведении которого судом было констатировано наличие злоупотребление правом на ознакомление с материалами уголовного дела, возможность знакомиться с делом за пределами отведенного ему судом срока. Однако в случае, если к моменту окончания этого срока ознакомление других участников с материалами дела продолжается, такой запрет на ознакомление с материалами дела лишается своего смысла, направленности на ускорение срока судопроизводства, становится мерой, имеющей исключительно карательный характер. Думается, что суд, принимая решение об ограничении срока на

ознакомление с делом для одного из участников уголовного судопроизводства, в случае наличия по делу других обвиняемых, не закончивших ознакомление с материалами уголовного дела, и не ограниченных в такой возможности судом, должен учитывать (и иметь предусмотренную законом возможность учитывать) данное обстоятельство и устанавливать «плавающее» ограничение для изучения материалов дела (до определенной даты, но не менее, чем до окончания ознакомления с материалами дела другими участниками).

Второй по распространенности ситуацией, рассматриваемой судом на предмет правомерности, является неоднократное заявление ходатайств (отводов, заявлений) участниками процесса. С одной стороны, неоднократное заявление одних и тех же ходатайств ведет к затягиванию сроков рассмотрения и разрешения уголовного дела, как следствие, к возможному нарушению общественных интересов, интересов иных участников уголовного судопроизводства. С другой стороны, участники уголовного судопроизводства имеют право заявлять ходатайства с целью защиты своих прав и законных интересов или защиты прав и законных интересов иных лиц. Кроме того, ст. 120 УПК РФ предусматривает, что ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу и отклонение ходатайства не лишает заявителя права вновь заявить ходатайство. Как следствие, само по себе большое количество заявленных (пусть и неудовлетворенных судом) ходатайств, отводов не свидетельствует о злоупотреблении участниками уголовного процесса правом. Разрешение вопроса о том, имеет ли место в ситуации многократного заявления одного и того же (или аналогичного) ходатайства / отвода злоупотребление субъективным правом или же это действия, совершаемые в попытке реально защитить свое нарушенное или поставленное под угрозу нарушения право, является достаточно сложным для правоприменителя. Например, по уголовному делу по обвинению Д., К., Г., Ж. и Г., рассмотренному Железнодорожным районным судом г. Новосибирска, различными участниками, действующими на стороне защиты, в ходе судебного разбирательства многократно (10 раз) заявлялся отвод председательствующему судье (архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска, уголовное дело № 1–2/2016). Формально здесь можно усмотреть признаки злоупотребления правом на заявление отвода со стороны участников, действующих на стороне защиты. Однако обращение к конкретным обстоятельствам дела дало нам основание для вывода о том, что данные отводы не носили повторяющегося характера, они каждый раз вызывались различными причинами, мотивировались новыми проявлениями, свидетельствующими о необъективности, предвзятости судьи, новыми обстоятельствами, вызывающими сомнения в его беспристрастности. Кроме того, у стороны защиты отсутствовали иные возможности для реагирования в ситуации нарушения судьей закона в судебном разбирательстве. Таким образом, осознание того, что в удовлетворении ходатайства участнику будет отказано, еще не означает, что новое использо-

вание им того же самого способа защиты своего права представляет собой злоупотребление субъективным правом.

В то же время ходатайства могут заявляться не с целью защиты прав и законных интересов, а с иной целью. Например, по одному из изученных дел после окончания следственных действий по уголовному делу руководитель следственного органа уведомил об этом обвиняемого М. и его защитников – адвокатов А. и К., предоставив им материалы уголовного дела для ознакомления. В связи с явным затягиванием ознакомления с материалами дела решением суда им был установлен срок такого ознакомления. По истечении определенного времени обвиняемый отказался от услуг защитников и обратился с ходатайством о назначении ему защитника. Ему был назначен защитник – адвокат Ф., которому впоследствии постановлением суда был установлен срок ознакомления с материалами дела. За сутки до истечения установленного судом срока для ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый М. заявил ходатайство об отказе от услуг защитника Ф., в удовлетворении которого ему было отказано. Заключив новое соглашение с адвокатом К., от которой ранее отказался, обвиняемый М. подал ходатайство о допуске ее в качестве защитника и предоставлении ей возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, которое было удовлетворено. В связи с истечением установленного судебным решением срока руководитель следственного органа вынес постановление об окончании производства ознакомления защитника К. с материалами уголовного дела. В указанном случае отказ обвиняемого от защитников и заявление им ходатайств об ознакомлении с материалами уголовного дела очевидно были продиктованы целью не обеспечения защиты его прав и законных интересов, а затягивания сроков расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела и противоречили общественному интересу.

Представляется непростым для разрешения вопрос о том, могут ли такие злоупотребления правом быть преодолены (предотвращены или пресечены) путем совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а также путем решения об отказе в реализации права, например, отказа от рассмотрения повторных жалоб и ходатайств [10. С. 178]. Рассмотрим этот вопрос на примере заявления отводов судье. Сравнение практики заявления отводов, изученной нами в России и авторами исследования «Взгляд снизу вверх» (2011 г.) в Нидерландах, свидетельствует о том, что для Нидерландов, как и для России, актуальна проблема, связанная с реакцией системы правосудия на заявление необоснованных, в том числе повторных отводов, особенно сопряженных с злоупотреблением стороной своим правом. В Нидерландах, в связи с этим, обсуждались следующие возможные меры противодействия злоупотреблению правом на заявление отвода: установление судебного сбора за заявление отвода, введение ограничений на право заявления отвода (например, только адвокатом), введение финансовых санкций в случае ненадлежащего использования права на отвод (сейчас финансовые

санкции за необоснованный отвод могут применяться в Англии, Бельгии, Италии, Испании и Швейцарии, Франции), отказ в рассмотрении явно необоснованных отводов. Однако большинство юристов согласилось с тем, что барьеры и, в частности, финансовые барьеры являются необоснованным нарушением права на беспристрастное судебное разбирательство [11. Р. 33]. Более того, экспериментально было показано, что установление штрафных санкций за неудовлетворенный отвод уменьшает не только количество необоснованных отводов, но и обоснованных, снижая тем самым эффективность судебной защиты. Эти эффекты оказались более экстремальны для более высоких штрафов [11]. Таким образом, в ситуации, когда первостепенное значение имеет обеспечение правовой защиты, барьеры на заявление и разрешение отвода должны отсутствовать [Ibid].

Представляется, что государство (по крайней мере, в уголовном процессе) должно проявлять определенную терпимость к возможным злоупотреблениям правом, не имеющим системного характера (и в особенности к возможным злоупотреблениям правом на заявление отводов, ходатайств, подачу жалоб), рассматривая их как своего рода процессуальные издержки, необходимые для обеспечения максимально полной правовой защиты, и не пытаться пресечь возможно злоупотребительное поведение, если действия лица, хотя и создают препятствия в осуществлении правосудия, но эти препятствия не чрезмерны, они осложняют ход процесса или деятельность судьи, но не останавливают их. В том случае, когда злоупотребление правом на заявление отводов, ходатайств, подачу жалоб таково, что в силу его совершения невозможно вести процесс, то к лицу, допускающему такое злоупотребление, могут быть применены меры принуждения (например, удаление участника из зала суда на определенный срок) либо инициировано применение мер дисциплинарной ответственности (в отношении адвоката), вынесено частное определение. Меры же, заключающиеся в отказе от дальнейшего рассмотрения ходатайств, отводов или жалоб лица, мы полагаем явно чрезмерными, опасными и ликвидирующими само существо соответствующего права участника процесса.

Третья обнаруженная нами разновидность ситуации, в которой суд принимал решение о наличии в действиях обвиняемого / его защитника злоупотребления правом, была связана с принятием судом решения об удалении подсудимого из зала суда или с обращением суда в органы Адвокатской палаты субъекта РФ с требованием принять меры дисциплинарного характера по отношению к адвокату, если они, по мнению суда, несмотря на его замечания, неверно использовали в процессе свои процессуальные права (задавали «не те» вопросы свидетелям, просили суд объявить свои решения, и даже «оценивали позицию государственного обвинителя»). Материалы изученных нами уголовных дел дают основание заявить, что суды при принятии соответствующего решения не всегда делают обоснованный вывод о наличии в соответствующем поведении участника всех признаков злоупотребления правом. Иногда участник фактиче-

ски наказывается только за попытку реализовать свои процессуальные права в строгом соответствии с их назначением, или за явно незначительные упущения с его стороны, не соответствующие по степени своей опасности для прав участников или общественного интереса уровню ограничения прав, предусмотренному в принимаемом решении.

Так, по уголовному делу по обвинению М. и Г. (архив Красноярского краевого суда, дело № 2–13/16), рассмотренному с участием присяжных заседателей, М. был удален председательствующим из зала суда в момент дачи им показаний до окончания прений сторон. До этого ему давались распоряжения председательствующего относительно недопустимости постановки перед свидетелями определенных вопросов. В обоснование своих распоряжений председательствующий заявил: «Если вы пытаетесь поставить под сомнение доказательства, которые представлены присяжным заседателям, то это недопустимо, так как присяжным заседателям представляются доказательства проверенные». Председательствующий неоднократно останавливал подсудимого, когда тот, отвечая на вопросы, описывал конкретные обстоятельства, поведение других лиц, рассказывал о том, во что он был одет в день, в который, по версии обвинения, он совершил преступление, и т.д., поскольку, по мнению суда он тем самым создавал у присяжных «предубеждение относительно себя», создавая «свой положительный образ». Постановление об удалении М. из зала суда было мотивировано, в частности, тем, что М. (давая показания в качестве подсудимого) «довел до присяжных заседателей непроверенную и не подлежащую оглашению... в их присутствии информацию о своем достатке и образе жизни, своей семье и детях, а также о том, что ранее он в суде никогда не был». Таким образом, обвиняемый судом был лишен возможности дать показания, представив обстоятельства, свидетельствующие в его пользу, а также оспаривать в судебном заседании достоверность показаний свидетеля.

По уголовному делу, находящемуся в архиве Железнодорожного районного суда г. Новосибирска (уголовное дело № 1–2/2016), председательствующий неоднократно обращался в Адвокатскую палату Новосибирской области, в Управление Министерства юстиции РФ по Новосибирской области, к Президенту Федеральной палаты адвокатов России с требованиями о привлечении к дисциплинарной ответственности адвокатов, представлявших интересы подсудимых по данному делу. В том числе за период рассмотрения данного уголовного дела он восемь раз требовал привлечения к дисциплинарной ответственности, прекращения статуса адвокатов Г. и С., защищавших обвиняемую Д. В качестве мотивов он указывал, в частности, на то, что: «...судом неоднократно принимались меры воздействия по отношению к адвокатам в связи с... допущением обсуждения им действий суда и других участников процесса... высказывания требований предоставления судом разъяснения причин объявления замечаний и принятых решений, что свидетельствует о злом неподчинении данных защитников требованиям председательствующего»;

«допустили обсуждение мнения государственного обвинителя, настаивая на высказывании в данном судебном заседании... реплик»; «данные реплики и повторные высказывания адвокаты С. и Г. допускают после изложения мнения государственного обвинителя и по его поводу (комментарии, оценка)»; «в ходе судебного заседания адвокат С. заявлял ходатайство о принятии мер к повторному вызову отдельных свидетелей стороны обвинения, несмотря на то что ранее в данном судебном заседании было рассмотрено ходатайство стороны защиты по вызову данных лиц»; «...стороной защиты ряда подсудимых... в течение длительного времени на стадии дополнений заявляются ходатайства, влекущие отложение дела слушанием... в связи с чем судебное разбирательство не обоснованно затягивается...» и т.п. Таким образом, по данному делу несогласие стороны защиты с позицией государственного обвинителя, просьбы к суду разъяснить основания принятых им решений, заявление ходатайств, направленных на исследование обстоятельств дела были расценены судом как злоупотребление правом, допущенное защитниками.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что является очевидным – невозможно путем закрепления в нормативных правовых актах урегулировать все возможные нюансы, складывающиеся в процессе возникновения и развития уголовно-процессуальных отношений. Однако критерии отнесения поведения участника уголовного процесса к злоупотребительному и способы воздействия на недобросовестных участников уголовного процесса должны быть установлены в законе. В ситуации, когда законодателем к компетенции должностного лица, в производстве которого находится дело, отнесено принятие решения, констатирующего наличие злоупотребления правом в поведении участника процесса и позволяющего ограничить право такого участника, правоприменитель сам должен действовать разумно и добросовестно, с учетом всех возможных последствий и конкретной

ситуации, чтобы право участника не превратилось из конкретного и эффективно... в теоретическое и иллюзорное.

Суд может принять решение о злоупотреблении субъективным правом участником процесса – частным лицом лишь в ситуации, когда одновременно: а) поведение участника (действие или бездействие) очевидно совершается не для реализации его права на судебную защиту и не представляет собой добровольного отказа от этого права, т.е. является очевидно неразумным с точки зрения реализации его права на судебную защиту; б) поведение участника нарушает (способно нарушить) право других субъектов на судебную защиту и / или конституционные права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, либо публичный интерес при условии, что явно существует вариант поведения, не приводящий к таким последствиям. То есть поведение участника должно быть очевидно недобросовестным.

Меры реагирования, применяемые судом в случае констатации факта злоупотребления правом, должны быть строго пропорциональны последствиям такого поведения. Иначе они могут оказаться более опасными для обеспечения реализации права на судебную защиту, других конституционных прав участников процесса, нежели вред от самого злоупотребления правом. Суду каждый раз необходимо оценивать соотношение между возможным вредом, причиняемым поведением участника, и последствиями вмешательства в его поведение с точки зрения обеспечения права данного участника на судебную защиту. Все ограничения процессуальных правомочий лица, необходимых для реализации его права на судебную защиту: а) допустимы только в целях обеспечения реализации конституционных прав других лиц, б) должны быть строго соразмерны этой необходимости и в) не должны в своей совокупности приводить к фактическому лишению лица его права на судебную защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: некоторые итоги исследования // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 86–94.
2. Малиновский А.А. Злоупотребление правом: Теоретико-правовое исследование М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с
3. Даровских О.И. К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 25–30.
4. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «уголовно-процессуальное правонарушение» // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 14–19.
5. Смирнова И.Г. К вопросу о необходимости формирования новой уголовно-процессуальной стратегии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 128–132.
6. Диваев А.Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–43.
7. Даровских С.М. О совершенствовании порядка установления факта злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 30–35.
8. Щерба С., Зайцев О., Сарсенбаев Т. Потерпевший в беспомощном состоянии : особенности судебного разбирательства // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 20
9. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
10. Андреева О.И., Зайцев О.А., Емельянов Д.В. О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 20.
11. Sonnemans Joep, van Dijk Frans, Donders Bart, Bauw Eddy. An economic approach on countering the misuse of the right to challenge judges: an experiment // European Journal of Law and Economics. 2018. Vol. 45, is. 1. P. 29–57.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 января 2019 г.

A Court's Decision on the Presence of Abuse of Right in the Act of a Person and Its Consequences

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 194–200.

DOI: 10.17223/15617793/438/26

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

Tatiana V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: trubn@mail.ru

Keywords: making decision by court; abuse of legal right; correlation of rights and duties of person and state; right to judicial defense; limits on rights of criminal proceeding participant.

As part of a research team, the authors studied the legal practice within the project “Abuse of Legal Right in Criminal Proceeding: System and Non-System Aspects, Its Prevention and Restraint” in 2016–2018. The subject of the study was materials of archive criminal files, appeal and cassation proceedings, complaints filed in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, published court judgments and materials on complains from the Archive of the Constitutional Court of the Russian Federation. The aim of this article was, based on the results of the study within the project, to consider judgments of the court, in which the court stated the presence of abuse of right on the part of the participants in the criminal trial, to assess their relevance, consequences of such judgments for participants, proportion of the real restriction of rights of participants to the gravity of their behavior, and, on this basis, to formulate requirements for these legal decisions, list of consequences which the court should consider when making such judgments. In this article, the authors suggest to understand abuse of right in a criminal trial as the use by the subject of a criminal trial of an opportunity (a legal right or a discretionary authority) that formally does not break a legal rule established by the law, which sets the limits and the order of the realization of this opportunity, yet contradicts to the purpose of this legal rule, if this results in (possible) violation of constitutional rights, legal interests of other participants in a criminal trial, public interests (for example, a fair judgment in the case is jeopardised). The authors formulated several criteria to separate abuse of legal right from legally acceptable behavior, and limits of admissible interference of the state into the situations of abuse of right. Taking these criteria into consideration, general situations in which the court solved the problem of the presence (absence) of abuse of right in the participant's behavior were analyzed, the validity of the judgments is assessed. The real scope of restraint of participants' rights resulting from such judgments is considered, the level of the real possibility of the realization of rights of participants whose rights were restricted by the court is assessed. The authors give a range of consequences for the court to consider when deciding on the restriction of the period for familiarizing with the materials in a case. The authors come to a conclusion that response measures applied by the court in case of factual findings of abuse of right should be strictly proportional to the consequences of such a behavior. Each time, the court should assess the correlation between the possible damage caused by the participant's behavior and the consequences of interruption into their behavior in the context of providing for the right of this participant to judicial protection.

REFERENCES

1. Andreeva, O.I. & Trubnikova, T.V. (2017) Abuse of right in criminal proceedings: some results of the study. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 3(4). pp. 86–94.
2. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotreblenie pravom: Teoretiko-pravovoe issledovanie* [Abuse of right: Theoretical and legal research]. Moscow: Yurlitinform, 352 s
3. Darovskikh, O.I. (2017) On the signs of the abuse of rights in criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 25–30. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/5
4. Azarov, V.A. & Nurbaev, D.M. (2017) Correlation of the abuse of right and criminal procedural offenses. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 14–19. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/3
5. Smirnova, I.G. (2011) K voprosu o neobkhodimosti formirovaniya novoy ugolovno-protsessual'noy strategii [On the need to form a new criminal procedure strategy]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Orenburg State University*. 3 (122). pp. 128–132.
6. Divaev, A.B. (2017) Abuse of rights of parties to a criminal trial under adversariality. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/7
7. Darovskikh, S.M. (2017) On establishing the fact of the abuse of right in criminal procedure requires improvement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 30–35. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/6
8. Shcherba, S., Zaytsev, O. & Sarsenbaev, T. (1995) *Poterpevshiy v bespomoshchnom sostoyanii: osobennosti sudebnogo razbiratel'stva* [The victim in a helpless state: features of the court trial]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 20
9. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/17/8
10. Andreeva, O.I., Zaytsev, O.A. & Emel'yanov, D.V. (2017) On the defender's abuse of right to protect and the methods of the officer's reacting to their inequitable conduct. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 19–24. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/4
11. Sonnemans, J., van Dijk, F., Donders, B. & Bauw, E. (2018) An economic approach on countering the misuse of the right to challenge judges: an experiment. *European Journal of Law and Economics*. 45(1). pp. 29–57.

Received: 24 January 2019

А.С. Гамбарян, Л.Г. Даллакян

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Исследуется проблематика коллизионных норм и коллизионных правил толкования. Рассматриваются вопросы конкуренции коллизионных средств и правила их разрешения, вопросы понятия коллизионных средств, конкуренции коллизионных норм в российской и зарубежной доктрине, а также законодательное регулирование и практика разрешения конкуренции коллизионных норм в правовых системах РФ и некоторых постсоветских государств.

Ключевые слова: коллизионная норма; конкуренция коллизионных средств; *lex superior derogat legi inferiori*; *lex specialis derogat legi generali*; *lex posterior derogat legi prior*.

Соотношение коллизионных норм и коллизионных правил толкования

В юридической науке и практике известны иерархические, темпоральные, содержательные, предметные (отраслевые), компетенционные и другие разновидности коллизий, а также *правила их разрешения*; конкуренция между ними и является предметом нашего исследования. Если правоприменительный орган сталкивается с противоречащими друг другу нормами, возникает вопрос, какими критериями (правилами) ему необходимо руководствоваться, чтоб решить, какой именно норме отдать предпочтение. В современных правовых системах для разрешения коллизий предусмотрены соответствующие правила – коллизионные нормы, закрепленные в позитивном праве и призванные указывать уполномоченным органам и должностным лицам, какая из противоречащих друг другу норм имеет приоритет. Кроме того, в рамках юридической герменевтики были разработаны определенные критерии толкования – коллизионные правила толкования, с помощью которых уполномоченный орган решает, какую из противоречащих друг другу норм он должен применить. Хотя данные критерии не наделены нормативностью позитивного права, однако исторически применялись в качестве средств для разрешения коллизий.

Так, Д. Левин отмечал, что ни один законодатель не может предусмотреть в тексте закона все частные случаи, при которых может возникнуть коллизия. Из постулата единства права вытекает, что в тех случаях, когда закон прямо не указывает, какая из коллизионных норм должна быть применена, этот вопрос решается самим правоприменительным органом на основании общих правил, выработанных юридической наукой, как, например, правила о предпочтении более новых норм старым (*lex posterior derogat priori*), специальных норм – общим и т.п. Все эти правила исходят из непротиворечивости системы права как необходимой презумпции [1. С. 90]. Таким образом, средствами разрешения коллизий являются как коллизионные нормы, закрепленные государством в позитивном праве, так и разработанные наукой коллизионные правила толкования.

Констатируем, что в армянской правовой реальности встречаются случаи, когда возникают противоре-

чия между общепризнанным юридической наукой коллизионным правилом толкования и коллизионной нормой, установленной государством. Так, прошедший апробацию на протяжении веков и получивший научное признание общеизвестный принцип *lex posterior derogat legi priori*, казалось бы, приобрел характер аксиоматического требования. Так, А. Чашин отмечает: «принцип римского права “*Lex posterior derogat legi priori*” достиг такого уровня доктринальной общепризнанности, которая делает его общеобязательным и однообразно применимым ко всем схожим ситуациям, то есть нормативным» [2. С. 79]. Тем не менее в армянской практике сложилась другая ситуация. В части 3 ст. 24 принятого в 2002 г. Закона РА «О правовых актах» было установлено, что новый правовой акт, изданный одним и тем же органом, не должен противоречить принятым ранее и вступившим в силу правовым актам, обладающим равной юридической силой. В случае коллизии принятых одним и тем же органом правовых актов, обладающих равной юридической силой, действуют нормы правового акта, вступившего в силу ранее. Отечественные юристы на протяжении многих лет поднимали вопрос о том, что указанная норма нарушает принцип “*lex posterior derogat legi priori*”, известный еще со времен эпохи римского права и нашедший воплощение в доктрине и нормативных актах многих стран. Данный принцип гласит: «позднейшим законом отменяется более ранний». Сохранение этого принципа на протяжении веков свидетельствует о его важности и аксиоматическом характере [3. С. 520].

Казалось, что после обсуждения нового законопроекта «О нормативных правовых актах», принятого в 2018 г., прежний ошибочный подход будет устранен, однако предположения не оправдались. В пункте 3 ч. 1 ст. 24 принятого в 2018 г. Закона РА «О нормативных правовых актах» было установлено, что в случае коллизий между нормативно-правовыми актами применяются нормы нормативного акта, который вступил в силу ранее. Таким образом, законодатель во второй раз допустил ту же ошибку, закрепив в нем коллизионную норму, которая противоречит выработанной юридической наукой и практикой аксиоматической истине – «позднейшим законом отменяется более ранний», что, по-нашему мнению, является неоправданным.

Конкуренция коллизионных средств. На практике возникают ситуации, когда для устранения противоречий между правовыми нормами могут применяться несколько коллизионных средств. Так, принятая ранее вышестоящая в иерархии правовая норма может противоречить принятой позднее нижестоящей норме (сложная коллизия, состоящая из иерархической и темпоральной составляющих); позднее принятая общая норма может коллизировать с ранее принятой специальной (сложная коллизия, состоящая из темпоральной и содержательной составляющих); позднее принятая общая норма большей юридической силы может противоречить ранее принятой специальной норме меньшей юридической силы (здесь налицо три составляющие коллизии: иерархический, временной и содержательный факторы). В литературе подобные ситуации называют совпадением коллизий или сложными коллизиями [4. С. 65–66]. К примеру, между УПК РА и Судебным кодексом РА наличествует коллизия в отношении отказа в удовлетворении ходатайства о самоотводе судьи. УПК РА (принят в 1998 г.) устанавливает, что решение об отказе в удовлетворении ходатайства о самоотводе судьи не может быть обжаловано, в то время как Судебный кодекс РА (принят в 2007 г.) напрямую устанавливает, что лицо может обжаловать данное решение в апелляционный суд РА.

Для разрешения данной коллизии может быть применено несколько коллизионных средств. Если взять за основу правило *lex posteriori derogat legi priori*, то предпочтение следует отдать Судебному кодексу, так как он был принят позже; если же руководствоваться правилом предметного (отраслевого) приоритета, то необходимо применить УПК РА, поскольку институт отвода судьи является не вопросом судостроительства, а процессуальным вопросом, представляя собой предмет регулирования процессуального закона. Если же правоприменитель намерен руководствоваться третьим коллизионным правилом, т.е. каноном «благоприятный для частного лица закон отменяет действие благоприятного для государства закона», то предпочтение необходимо отдать Судебному кодексу РА, так как он, в отличие от УПК РА, предоставляет лицам возможность непосредственно обжаловать решение судьи об отказе в удовлетворении ходатайства о самоотводе судьи. В таких случаях правоприменительный орган оказывается перед сложным выбором – какую коллизионную норму применить?

К примеру, итальянский специалист по международному праву Д. Анцилотти отмечает: «В международном праве может получить применение также известное правило *lex posterior generalis non derogat priori speciali* [5. С. 109]. Здесь автор говорит о двух коллизионных нормах – *lex specialis derogate legi generali* и *lex posteriori derogat legi priori*, и приходит к заключению, что последующий общий закон не отменяет предшествующий специальный закон, иными словами, в случае конкуренции между указанными коллизионными нормами предпочтение отдается правилу «*lex specialis derogate legi generali*».

Немецкий специалист по гражданскому праву Л. Эннексерус, обсуждая вопрос соотношения законов кайзеровского периода и нового гражданского законодательства, отмечал, что новый общий закон не может отменить старый специальный закон [6. С. 55–56]; соответственно, автор в вопросе конкуренции указанных коллизионных норм также отдает предпочтение правилу «*lex specialis derogate legi generali*». Обратимся к рассмотрению проблем конкуренции коллизионных норм в истории российской юридической науки.

Конкуренция коллизионных норм в российской правовой доктрине. В дореволюционный период вопрос конкуренции коллизионных норм не становился предметом специального обсуждения, более того, в данный период в литературе, относящейся к общей теории права, такие понятия, как «правовая коллизия» и «конкуренция» не имели большого применения, данные определения больше встречались в работах, относящихся к международному частному праву, или относились к конфликтам между различными правами человека. В области толкования норм права отдельными авторами обсуждались вопросы выбора между противоречивыми выводами, вытекающими из одной или нескольких норм.

Так, Е.В. Васьковский отмечал: «Если по отношению к данному случаю можно сделать несколько противоречащих друг другу выводов из одной и той же нормы или из разных норм, то предпочтение следует отдать тому выводу, который достоверен, перед теми, которые только вероятны, а если все они только вероятны, то наиболее вероятному, применяя правила, служащие руководством при толковании двусмысленных норм. Выводы, делаемые из норм, различаются между собой по степени своей вероятности: они могут быть либо вполне достоверными, либо только вероятными. Само собою понятно, что если приходится делать выбор между достоверным и вероятным выводами, то преимущество должно быть отдано первому, так как он обнаруживает скрытое содержание нормы с полной несомненностью. Но когда коллизия происходит между двумя вероятными выводами, то не остается ничего другого, как предпочесть наиболее вероятный, основываясь на тех же предположениях, которыми определяется выбор одного из возможных значений двусмысленной нормы [7. С. 144–145].

В начальный период формирования Советского государства в рамках теории права вопросы конкуренции коллизионных норм не являлись предметом специальных исследований. В данный период наиболее систематизированным образом вопрос конкуренции был изучен Н.А. Власенко, который в своей монографии «Коллизионные нормы в советском праве» посвятил ему отдельный параграф. Н.А. Власенко отмечает, что на практике случаи, когда возникает совпадение коллизий, случаются нечасто, т.е. между нормами возникают несколько различных коллизионных отношений, в результате чего между коллизионными правилами в свою очередь возникают коллизии. Автор, ссылаясь на работы польских ученых К. Опалека и Е. Врублевского, обсуждает вопрос совпадения

и разрешения темпоральных и иерархических, темпоральных и содержательных, иерархических и содержательных коллизий [8. С. 90–95].

На начальном отрезке постсоветского периода, в 1992 г. вопрос конкуренции коллизионных норм комплексно исследовал В. Ершов, который выработал следующие предложение: в случае совпадения нескольких видов коллизий приоритет прежде всего отдается правовой норме, имеющей более высокую юридическую силу, затем исключаящим и специальным правовым нормам и, наконец, правовым нормам, принятым в более позднее время [9. С. 123].

М. Занина также обратилась к вопросу конкуренции коллизионных норм, в частности к конкуренции как минимум двух различных коллизионных норм. Она отмечает: «При столкновении двух норм одной отрасли законодательства, принятых в разное время и не являющихся общей и специальной нормами, следует применять правило «последующий закон отменяет действие предыдущего». Если нормы права, принятые в разное время, являются общей и специальной, то приоритетом должно обладать правило «*lex specialis derogat lex generalis*» [10. С. 11].

Автор полагает, что между общей и специальной нормами возникает не коллизия, а конкуренция, а относительно интересующего нас вопроса автор отмечает, что в случае конкуренции общих и специальных норм темпоральное правило действовать не может. Кроме того, автор настаивает на том, что при противоречиях двух норм разных отраслей законодательства следует применять норму, специально предназначенную для регулирования тех или иных общественных отношений, т.е. руководствоваться принципом отраслевого приоритета, а не правилами разрешения темпоральных противоречий или конкуренции общей и специальной норм [Там же].

В опубликованной недавно работе А.А. Петрова и Е.Ю. Тихонравова конкуренции коллизионных норм или, как отмечают авторы, сложным коллизиям посвящена отдельная глава. По их словам, в отечественной доктрине признано, что иерархическая коллизионная норма имеет приоритет и над содержательной, и над темпоральной. То есть ранее принятый вышестоящий закон сильнее позднее принятого нижестоящего, а общий вышестоящий закон сильнее специального нижестоящего. Такое соотношение в целом само по себе не вызывает серьезных теоретических споров, поскольку не вызывает сомнений главенство идеи иерархической соподчиненности формальных источников права относительно идеи непротиворечия воли конкретной легислатуры и идеи точности правовой регламентации [4. С. 66]. Сложнее определить применимое правило, когда друг другу противоречат позднее принятая общая и ранее принятая специальная нормы права, т.е. когда совпадают содержательная и темпоральная коллизии, поскольку неочевидно, какой критерий (*lex posteriori* или *lex specialis*) следует выбирать для ее разрешения [11. С. 31].

Правовое регулирование конкуренции коллизионных норм в Российской Федерации, Беларуси и Казахстане

Одной из особенностей формирования национального законодательства на постсоветском пространстве стала разработка и принятие законов о нормативных правовых актах, в которых помимо закрепления понятия, видов и иерархии нормативно-правовых актов и правил нормотворческой техники устанавливались основополагающие правила разрешения правовых коллизий и затрагивались вопросы конкуренции коллизионных норм.

Рассмотрим, каким образом регулируется разрешение коллизий в проекте ФКЗ РФ «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», подготовленном Министерством юстиции РФ в 2014 г. В части 1 ст. 60 проекта закреплена легальная дефиниция коллизии: «Расхождение или противоречие между нормативными правовыми актами, регулирующими одни и те же общественные отношения, означает юридическую коллизию». В части 3 той же статьи установлены правила разрешения *иерархических, содержательных и темпоральных коллизий*, а также делается акцент на *последовательности* применения данных правил, т.е. установлено правило *разрешения конкуренции коллизионных норм*.

Так, согласно ч. 3, в случае возникновения юридических коллизий применению подлежит нормативный правовой акт, приоритет которого определяется в следующей последовательности:

- 1) нормативный правовой акт высшей юридической силы имеет преимущество над нормативным правовым актом меньшей юридической силы;
- 2) специальный нормативный правовой акт имеет преимущество перед общим нормативным правовым актом;
- 3) более поздний нормативный правовой акт имеет преимущество над более ранним нормативным правовым актом.

Как видим, законодатель применяет классические каноны «специальный закон отменяет действие общего» (*lex specialis derogat generali*) и «позднейший закон отменяет более ранний» (*lex posterior derogat legi priori*). Кроме того, закон закрепляет *приоритет иерархической коллизионной нормы над содержательной и темпоральной, а также преимущество содержательной нормы над темпоральной*.

Так, приоритет норм правового акта высшей юридической силы над нормами правового акта меньшей юридической силы действует и в том случае когда:

- 1) нормативно-правовой акт меньшей юридической силы является специальным, а нормативный акт высшей юридической силы – общим;
- 2) нормативно-правовой акт меньшей юридической силы является более поздним, чем нормативно-правовой акт более высокой юридической силы.

Приоритет специального нормативного акта над общим (т.е. правило: специальный закон отменяет общий) действует и в том случае, когда специальный нормативный акт принят раньше, чем более поздний, но общий нормативный акт.

Приоритет специального акта над общим *не действует*, если специальный нормативный акт имеет меньшую юридическую силу, чем общий нормативный акт более высокой юридической силы.

Приоритет более позднего нормативно-правового акта над более ранним нормативным правовым актом не действует в случае, если:

1) более ранний нормативно-правовой акт имеет более высокую юридическую силу, чем поздний;

2) более ранний нормативно-правовой акт является специальным актом, а более поздний нормативно-правовой акт является общим.

Разрешение *компетенционных* коллизий в законопроекте регулируется следующим образом. В части 9 ст. 10 проекта закрепляется приоритет федерального законодательства над законодательством субъектов РФ, принятого по предметам исключительного ведения РФ и совместного ведения РФ и субъектов РФ. Однако согласно абз. 2 ч. 9 указанной статьи в случае противоречия между федеральным законодательством и нормативным актом субъекта РФ, который принят (издан) вне пределов ведения РФ, а также совместного ведения РФ и субъектов РФ, действует нормативный правовой акт субъекта РФ. Данное регулирование непосредственно вытекает из ст. 76 Конституции РФ, устанавливающей разграничение правового регулирования между Федерацией и ее субъектами.

Таким образом, указанный законопроект *исчерпывающим образом устанавливает правила разрешения основных видов коллизий, одновременно установив приоритет одних коллизионных норм над другими. При этом приоритет иерархической коллизионной нормы при конкуренции коллизионных норм действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии.*

Отметим, что в правоприменительной практике РФ получило регулирование разрешение *отраслевой коллизии* (между нормами равной юридической силы) посредством необходимости руководствоваться принципом отраслевого приоритета, т.е. предметной коллизионной нормой, а не правилами разрешения темпоральной и содержательной коллизий¹.

Разрешение конкуренции коллизионных норм в Республике Беларусь. Статья 70 Закона «О нормативных правовых актах» Республики Беларусь (от 10 января 2000 г.) закрепляет правила разрешения *иерархических и темпоральных коллизий, а также отдельные вопросы конкуренции коллизионных норм.* Так, согласно порядку, закреплённому в ч. 1 ст. 70 указанного закона, в случае коллизии между нормативными правовыми актами субъекты правоотношений обязаны руководствоваться предписаниями нормативного правового акта большей юридической силы. Согласно ч. 2 ст. 70 в случае коллизии между нормативными правовыми актами, обладающими равной юридической силой, и если ни один из них не противоречит акту с более высокой юридической силой, действуют положения акта, принятого (изданного) позднее.

Отдельно в ст. 23 закона регулируются правила разрешения *компетенционных коллизий*, связанных не столько с иерархией и юридической силой нормативных актов, сколько с компетенцией принявших их ор-

ганов. Так, когда наличествует коллизия между нормативными актами, принятыми органами одного уровня, то большей юридической силой обладает нормативно-правовой акт (в том числе временный), изданный нормотворческим органом (должностным лицом), который был специально уполномочен на правовое регулирование определенной сферы общественных отношений (ч. 12 ст. 23).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что согласно ст. 70 при разрешении конкуренции коллизионных норм законодатель отдает приоритет действию нормы более высокой юридической силы, расположив данное правило в порядке первоочередности («on a priority basis») в части первой данной статьи. Далее в части второй данной статьи при разрешении актов равной юридической силы, т.е. темпоральных коллизий, законодатель применяет классический канон «последующий закон отменяет действие предыдущего». Однако данное правило не действует, если:

1) один из двух противоречащих актов равной юридической силы одновременно противоречит акту с более высокой юридической силой (*сложная коллизия*). В подобном случае действует тот акт, который, возможно, и был принят ранее, но при этом не входит в противоречие с вышестоящим актом, обладающим более высокой юридической силой;

2) один из двух противоречащих актов равной юридической силы издан органом, который был специально уполномочен на регулирование определенной области общественных отношений (*компетенционная коллизия*). В данном случае действует не позднейший нормативно-правовой акт, а нормативных акт, изданный специально уполномоченным на его принятие субъектом.

Таким образом, при наличии конкуренции коллизионных норм законом установлены *приоритет иерархической коллизионной нормы над иными коллизионными нормами, а также преимущество компетенционной коллизионной нормы над темпоральной.*

В рассматриваемом законе не регулируется разрешение *содержательных коллизий* между общими и специальными нормативными актами, не уточняется вопрос конкуренции общих и специальных норм. Тем не менее, несмотря на то что согласно указанному закону кодексы имеют большую юридическую силу, чем законы (абзац 2 ч. 3 ст. 23), на уровне отраслевого законодательства приоритет может отдаваться специальной норме, а также специальному закону².

Разрешение конкуренции коллизионных норм в Республике Казахстан. Статья 12 закона Республики Казахстан «О правовых актах» (от 6 апреля 2016 г.) устанавливает правила разрешения *иерархических и темпоральных коллизий*, расположив в порядке первоочередности правило приоритета вышестоящей нормы над нижестоящей, а затем правило преимущества более поздней нормы над нормой, введенной в действие ранее.

В законе напрямую не оговорены правила разрешения *компетенционных коллизий*. Тем не менее, согласно ч. 3 ст. 34 закона, принятие нормативно-правового акта уполномоченным органом допускает-

ся только в случаях, когда компетенция уполномоченного органа по принятию данного акта прямо предусмотрена законодательством республики. Соответственно, можно сделать вывод, что при наличии коллизий между двумя нормативно-правовыми актами, один из которых является нижестоящим в иерархии, а второй – хотя и вышестоящим, но принятым органом, вышедшим за пределы своей компетенции, установленной законом, действуют нормы первого нормативно-правового акта. *Тем самым, приоритет иерархической коллизионной нормы при конкуренции коллизионных норм действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии.*

В законе не предусмотрено разрешение *содержательных коллизий*, соответственно, согласно смыслу данного закона действует универсальное правило – равноуровневые содержательные коллизии разрешаются в пользу вышестоящей нормы, одноуровневые содержательные коллизии – в пользу более поздней нормы. Тем не менее в отраслевом законодательстве в определенных областях действует *приоритет специального закона над общим и даже преимущество содержательной коллизионной нормы над иерархической*³. В уголовном законодательстве действует *приоритет специальной нормы над общей*, если деяние предусмотрено общей и специальной нормами (ч. 3 ст. 13 УК РК).

Правовое регулирование конкуренции коллизионных норм в Республике Армения

Регулирование конкуренции коллизионных норм согласно закону РА «О нормативных правовых актах». В ст. 40 закона РА «О нормативных правовых актах» (2018 г.) закреплено четкое правило разрешения конкуренции коллизионных норм. В указанной статье установлено: «В случае коллизии между нормами, содержащимися в нормативных правовых актах, согласно очередности применяются следующие правила, при этом каждое последующее правило применяется, если неприменимо предыдущее правило...» Фактически очередность изложения четырех коллизионных норм в законе выполняет функцию разрешения конкуренции коллизионных норм. Так, в случае конкуренции коллизионных норм они применяются в следующей последовательности:

Коллизионная норма первой очереди. Если друг другу противоречат нормы различной юридической силы, то вышестоящий закон отменяет действие нижестоящего (*lex superior derogat legi inferior*). Коллизионная норма *lex superior* имеет приоритет даже в тех случаях, когда:

1) норма меньшей юридической силы является специальной нормой, а норма более высокой юридической силы – общей. (К примеру, если постановление Правительства РА содержит специальную норму, а закон РА – общую);

2) норма, меньшей юридической силы была принята позже, чем норма более высокой юридической силы (к примеру, постановление Правительства РА было принято в 2017 г., а закон – в 1998 г.);

3) норма меньшей юридической силы содержит правила более благоприятные для лица, чем норма более высокой юридической силы (позиция авторов относительно конкуренции между коллизионными нормами, отдающими приоритет нормам более высокой юридической силы, и нормами, отдающими приоритет правоположениям, более благоприятным для лиц, будет представлена ниже).

Правило «норма, имеющая более высокую юридическую силу, отменяет действие нормы, имеющей более низкую юридическую силу» не имеет приоритета в случае, когда правовой акт, имеющий более высокую юридическую силу, вышел за рамки предмета своего правового регулирования. В данном случае применяется правило предметного (отраслевого) приоритета. Так, И.Е. Васев выделяет вопрос конкуренции «отраслевого (предметного) преимущества» и иных коллизионных правил и четко заключает, что правило «отраслевого (предметного) преимущества» действует как в случае норм равной, так и различной юридической силы. Иными словами, если между нормами различной юридической силы возникает коллизия, однако предмет данного правоотношения регулируется отраслью права, имеющей более низкую юридическую силу, то предпочтение необходимо отдать не коллизионной норме *lex superior*, а правилу отраслевого (предметного) преимущества [12. С. 137].

То есть если конституционный закон, имеющий более высокую юридическую силу, к примеру, принятый в 07.02.2018 конституционный закон «Судебный кодекс РА», выйдя за пределы своего предмета регулирования, устанавливает норму, относящуюся к деятельности прокуратуры и противоречащую закону РА «О прокуратуре», то в таком случае действует не правило *lex superior*, а коллизионное правило предметного (отраслевого) приоритета, т.е. применяется закон «О прокуратуре».

Коллизионная норма второй очереди. Если существует противоречие между общими и специальными нормами, то специальный закон отменяет действие общего (*lex specialis derogat legi generali*), при этом коллизионная норма *lex specialis* имеет приоритет над нормой *lex posterior* и правилом «приоритета нормы, более благоприятной для лиц». Коллизионная норма *lex specialis* имеет приоритет даже в тех случаях, когда:

1) общая норма была принята позже, чем специальная норма (*lex posterior generalis non derogat priori speciali*);

2) общая норма содержит более благоприятное для лица правило, чем специальная норма.

Правило «специальная норма отменяет действие общей нормы» не имеет приоритета, если:

1) общая норма обладает более высокой юридической силой, чем специальная норма (в этом случае применяется не специальная норма, а общая норма, имеющая более высокую силу);

2) общая норма закреплена в общей части нормативного акта, а специальная – в особенной части (в этом случае применяется не специальная, а общая норма). Так, согласно п. 2 ст. 40 закона РА «О нормативных правовых актах» в случае коллизий между общей и специальной нормой действует специальная норма,

однако если нормативный акт имеет общую и особенную части, то при коллизиях между данными частями действуют нормы общей части.

Коллизионная норма третьей очереди. Если друг другу противоречат нормы права, вступившие в силу в разное время, то в силу *правовой аксиомы* применяется правило «последующий закон отменяет действие предыдущего» (*lex posterior derogat legi priori*). Правило «последующий закон отменяет действие предыдущего» не имеет приоритета в случаях, если:

1) норма, принятая ранее, имеет более высокую юридическую силу, чем норма, принятая позднее (в данном случае применяется принятая позже, но имеющая более высокую юридическую силу норма);

2) норма, принятая ранее, является специальной нормой, а норма, принятая позднее, является общей нормой (в этом случае применяется более ранняя, но имеющая специальный характер норма);

3) изменение, внесенное в общую часть того же акта, было произведено ранее, чем изменение, внесенное в особенную часть акта (в данном случае применяется принятая ранее, но закрепленная в общей части акта норма).

Коллизионная норма четвертой очереди. Если друг другу противоречат нормы, благоприятные для лиц, и нормы, неблагоприятные для органов публичной власти, действует правило «приоритета норм, благоприятных для лиц», если нет оснований для применения вышеперечисленных коллизионных норм. Так, согласно п. 4 ст. 40 того же закона применению подлежит норма нормативного акта, благоприятного для физических и юридических лиц, если применение данной нормы не затрагивает права и законные интересы иных лиц.

Отметим, что, в отличие от рассмотренного выше законодательства, где никак не урегулирован вопрос разрешения коллизий с учетом приоритета нормативных актов, более благоприятных для физических и юридических лиц, законом Республики Армения данный вопрос специально урегулирован, что выгодно отличает его от аналогичных законов. Однако, по нашему мнению, подход законодателя о применении данного правила в порядке последней очереди является спорным. К примеру, А.А. Тилле отмечал, что старые специальные нормы не могут быть отменены новыми общими, если ранее принятое правило закрепляет права (свободы) личности или гарантии их реализации, отсутствующие в новой общей норме [13. С. 31–32].

Конкуренция между коллизионным правилом *lex superior* и правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц». Противоречие между правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц» и иными коллизионными нормами является сложным вопросом, так как здесь пересекаются несколько конституционных ценностей: с одной стороны, человек является высшей ценностью и государство обязано уважать его права, с другой стороны, существует принцип правовой определенности и безопасности. Если рассматривать правило «приоритета нормы, благоприятной для лиц» в качестве коллизионной нормы последней очереди во всех случаях (как это предусмотрено Законом РА «О нормативных правовых ак-

тах»), то получается, что во имя определенного формально-юридического подхода приносится в жертву ценностное требование о наибольшей защите прав человека. С другой стороны, если рассматривать правило «приоритета нормы, благоприятной для лиц» в качестве правила первой очереди относительно иных конкурирующих коллизионных норм, то, на первый взгляд, нарушается иерархия правовой системы и во имя частного интереса приносится в жертву ценностное требование об определенности и безопасности правовой системы.

Таким образом, попытка разрешить сложные вопросы соотношения «приоритета нормы, благоприятной для лиц» и иных коллизионных норм посредством выработки единого универсального правила или общего принципа (как это сделано в Законе «О нормативных правовых актах») является неверным подходом, соответственно, к данному вопросу необходимо подойти дифференцированно. В свою очередь, при разрешении конкуренции коллизионных правил *lex superior* и «приоритета нормы, благоприятной для лиц» необходимо провести разграничение в зависимости от того, к какой ступени правовой иерархии относится правовая коллизия – конституционной, международно-правовой, законодательной или подзаконной. Рассмотрим указанные случаи.

1. Аксиоматической истиной в юриспруденции является то, что конституционно-правовые нормы имеют приоритет над законодательными нормами, и в случае противоречий между ними безоговорочно действует конституционно-правовая норма. Таким образом, в случае противоречий конституционной и иных правовых норм применение коллизионного правила *lex superior*, в целом, является приемлемым, однако это не должно восприниматься как окаменевшая и абсолютная истина. Полагаем, что правило *lex superior* не имеет преимущества перед правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц» в тех случаях, если благоприятные для прав человека нормы имеют в своей основе конституционные ценности, закрепленные в ст. 3 (обязанность государства соблюдать права человека), 78 (принцип соразмерности при ограничении прав и свобод) и 79 (принцип правовой определенности) Конституции РА.

2. Как в Российской Федерации (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), так и в Республике Армения (ч. 3 ст. 5 Конституции РА) в случае коллизий между ратифицированными международными договорами и нормами законов применяются нормы международных договоров. Однако армянские специалисты по международному праву отмечают, что норму о приоритете ратифицированного международного договора в отношении закона не следует механически применять во всех случаях. При применении подобных норм, в особенности в области прав человека, государственные органы РА должны принимать во внимание концепцию о наибольшей защите прав человека, и в том случае, когда закон предусматривает более благоприятный режим для защиты прав человека, чем международный договор, следует отдать предпочтение именно внутрисударственному праву [14. С. 107]. Из данной цитаты следует, что при разрешении коллизии между международно-правовой

нормой более высокой юридической силы, но неблагоприятной с точки зрения защиты прав человека, и законодательной нормой меньшей юридической силы, однако, благоприятной с точки зрения защиты прав человека, необходимо отдать предпочтение не коллизионной норме *lex superior*, а коллизионной норме, устанавливающей «приоритет нормы благоприятной для лиц»⁴.

3. Еще одной аксиоматической истиной является то, что законодательные нормы имеют приоритет над подзаконными нормами и в случае противоречий безоговорочно действует законодательная норма. Так, Кассационный суд РА в постановлении от 04.03.2011 г. обратился к следующему вопросу: может ли постановление Правительства РА быть применено и иметь верховенство над законом, если оно устанавливает более благоприятные условия для лица? По указанному делу Кассационный суд РА постановил, что основой решения коллизий правовых норм является принцип верховенства закона, а правило применения более предпочтительного для лица правового акта относится к нормативно-правовым актам, имеющим равную юридическую силу. Соответственно, Кассационный суд установил, что предусмотренное в ст. 2 Закона РА «О налогах» правило применения норм, установленных законодательством в пользу налогоплательщиков, также должно быть применено на основании принципа верховенства закона, следовательно, постановление правительства РА не может иметь верховенство над законом, даже если этим актом установлены более благоприятные условия для лица.

Тем не менее полагаем, что во всех случаях, когда на основании законодательного акта у частных лиц возникают правовые ожидания, с целью осуществления которых принимаются подзаконные акты, данные подзаконные акты необходимо применять. Принцип в том, что закономерно возникшие у лица правовые ожидания должны реализоваться посредством подзаконного либо индивидуально-правового акта, даже если данные акты впоследствии будут противоречить вступившим в силу законодательным актам более высокой юридической силы. Соответственно, в случае подобного противоречия необходимо применить не правило *lex superior*, а правило «приоритета нормы, благоприятной для лица».

Из вышесказанного можно заключить следующее:

1. Средствами разрешения коллизий являются как коллизионные нормы, закрепленные государ-

ством в позитивном праве, так и разработанные наукой коллизионные правила толкования. Как показало исследование, на практике возникают ситуации, когда для устранения противоречия между правовыми нормами могут применяться несколько коллизионных средств, т.е. возникает их *конкуренция*. От выбора коллизионного средства очень часто зависит исход дела, так как при *конкуренции коллизионных норм* компетентный орган, прежде чем разрешить спор по сути, должен провести всестороннее рассмотрение вопроса относительно выбора из целого ряда коллизионных норм и принять верное решение.

2. Указанная конкуренция разворачивается между коллизионными правилами «*lex superior derogat legi interior*», «*lex specialis derogat legi generali*», «*lex posterior derogat legi priori*», а также правилом «приоритета нормы, более благоприятной для лиц», которые были разработаны юридической доктриной и получили свое закрепление в современном законодательстве посредством коллизионных норм.

3. Как правило, при конкуренции коллизионных норм действует приоритет иерархической коллизионной нормы над иными коллизионными правилами и преимущество содержательной коллизионной нормы над темпоральной нормой. При отраслевых коллизиях равнозначных норм на первый план выдвигается правило *отраслевого приоритета*, которое имеет преимущество над содержательной и темпоральной нормами. Кроме того, согласно юридической доктрине правило отраслевого приоритета может иметь преимущество и над иерархической коллизионной нормой.

Согласно законодательству приоритет иерархической коллизионной нормы действует во всех случаях, за исключением наличия компетенционной коллизии, в случае которой преимущество может быть отдано компетенционной коллизионной норме. Кроме того, согласно правовой доктрине при иерархических коллизиях преимущество иерархической коллизионной нормы «*lex superior derogat legi interior*» над коллизионным правилом «приоритета нормы, благоприятной для лиц» не является столь однозначным. Применяя подобные нормы, особенно в области прав человека, государственные органы должны учитывать концепцию наибольшей защиты прав и свобод человека и гражданина и отдавать приоритет норме, более благоприятной для человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подтверждая идею отраслевого приоритета, Конституционный Суд пояснил, что «общие правила, в силу которых институты, понятия и термины других отраслей законодательства применяются в Налоговом кодексе Российской Федерации в том значении, в каком они используются в этих отраслях, лишь в случаях, когда они не определены непосредственно самим налоговым законодательством... не имеют самостоятельного значения и могут применяться лишь во взаимосвязи с конкретными положениями законодательства о налогах и сборах и нормами актов иных отраслей законодательства» (Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 24-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3).

² Так, согласно ч. 2 ст. 42 УК Беларуси если преступление предусмотрено различными частями Особенной части настоящего Кодекса, из которых одна норма является общей, а другая – специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Согласно ст. 424 ГК в отношении регулирования купли-продажи ценных бумаг и валютных ценностей или в отношении специальных видов страхования согласно ст. 860 применяются положения кодекса, если законодательством не установлено иное. Таким образом, можно предположить, что если в указанной сфере регулирования нормами специальных законов установлено иное и наличествует коллизия с Гражданским кодексом, то приоритет отдается специальным законам.

³ Так, несмотря на то что согласно ч. 2 ст. 12 закона РК «О правовых актах» нормы кодексов имеют большую юридическую силу и иные законы не должны им противоречить, данное правило не действует в случаях:

- 1) регулирования *специальными законами* отношений в области банковского права, а также деятельности хлебоприемных предприятий (ч. 3 ст. 3 Гражданского кодекса РК);
- 2) правового регулирования залога воздушного и водного транспорта, который регулируется *специальными законодательными актами* (ч. 3 ст. 299 Гражданского кодекса РК).
- ⁴ Статья 4 Германской конституции 1919 г. гласит: «Общепризнанные нормы международного права имеют силу как обязательные составные части германского федерального права». Германский рейхсгерихт в августе 1928 г. определил, что, несмотря на ст. 4 Конституции, он обязан действовать по принципу *lex posterior derogat priori* (последующий закон отменяет предыдущий) и применить закон, противоречащий постановлению Версальского договора» (Оппенгейм Л. : Международное право. Т. I: Мир. Полутом 1 / пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом под ред. и с предисл. проф. С.Б. Крылова. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948. С. 65).

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин И.Д. Суверенитет. Институт права Академии наук СССР. М., 1948. 246 с.
2. Чашин А.Н. Римская доктрина как форма права в правовых системах СНГ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 77–81.
3. Теория государства и права : учеб. / под ред. А. Гамбаряна и М. Мурадяна. Ереван : Лусабац, 2016 (на армян. языке).
4. Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве : учеб. и науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2017. 106 с.
5. Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1: Введение – Общая теория / пер. с четвертого итальянского издания А.Л. Сакетти и Э.М. Фабрикава; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Д.Б. Левина. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 447 с.
6. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. I, полутом I: Введение и общая часть / Л. Эннексерус, Т. Кипп, М. Вольф; пер. с 13-го нем. изд. проф. К.А. Граве, Г.Н. Полянской и В.А. Альтшулера; под ред., с предисл. и вводными замечаниями заслуженного деятеля науки проф. Д.М. Генкина и проф. И.Б. Новицкого. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. 432 с.
7. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. М. : Издание бр. Башмаковых, 1913. 158 с.
8. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 99 с.
9. Ершов В.В. Судебная власть в правовом государстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 318 с.
10. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (Понятие, причины, виды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
11. Петров А.А. Совпадение содержательной и темпоральной коллизий правовых норм // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 28–41.
12. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2016. 144 с.
13. Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965. 203 с.
14. Комментарии к Конституции Республики Армения / под общ. ред. Г. Арутюняна, А. Вагаряна (на арм. яз.). Ереван : Иравунк, 2010. 1086 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 ноября 2018 г.

The Intricacy of Competition of Conflict Rules in Legal Science and Practice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 201–209.

DOI: 10.17223/15617793/438/27

Artur S. Gambaryan, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia). E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Lilit G. Dallakyan, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia). E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

Keywords: conflict rules; competition of conflict rules; *lex superior derogat legi interior*; *lex specialis derogat legi generali*; *lex posterior derogat legi priori*.

The aim of the article consists in the examination of the intricacy of conflict rules and procedures for interpretation of conflict rules, of the issue of competition between means of conflict, and rules for solving the competition. Within the framework of the subject-matter, the issues of the perception of the means of conflict, of the competition of conflict rules in Russian and foreign doctrines, in conjunction with the legislative control and practice of solving the competition of conflict rules within the legal systems of the Russian Federation and certain post-Soviet states are being examined. In order to solve conflicts, contemporary legal systems have special regulations, conflict rules, consolidated in civil law (*lex lata*) and aimed at showing the law enforcer which contradicting legal regulation is to be preferred. Furthermore, certain criteria for interpretation have been established within the framework of legal hermeneutics (the rules of interpretation of conflict rules) aimed at assisting the law enforcing body in choosing between conflicting rules in terms of their application. Nevertheless, there may arise certain circumstances, in the context of which several means of conflict rules may be used for eliminating the contradiction between the legal regulations, so that a competition may arise between them. Competition takes place between the conflict rules such as “*lex superior derogat legi interior*”, “*lex specialis derogat legi generali*”, “*lex posterior derogat legi priori*”, as well as the “priority of a more favorable rule”. This way, a superior legal regulation (which was adopted earlier) may contradict a subsequently adopted inferior regulation (the so-called complex conflict, which consists of hierarchical and temporal elements). A subsequently adopted general legal rule may contradict an earlier adopted special regulation (the so-called complex conflict, which consists of temporal and substantial elements). A subsequently adopted general legal rule with a superior legal effect may contradict an earlier adopted special rule with an inferior legal effect (three elements of conflict, such as hierarchical, temporal and substantial, can be observed here). The study of research works of Russian, German, Italian and Armenian scholars, as well as of the legislative control and practice of solving the competition of means of conflicts, shows that while solving the competition of conflict rules the following rationale is applied: a hierarchical conflict rule has a priority over other conflict rules; a substantial conflict rule is preferred over a temporal rule; in cases of legal branch conflicts, the branch conflict rule dominates over substantive, temporal and hierarchical rules. The priority of a hierarchical conflict rule does not apply in the instances of competence conflicts: in such circumstances, the priority is granted to a competence conflict rule. Furthermore, in accordance with the legal doctrine, the primacy of the hierarchical conflict rule *lex superior derogat legi interior* over the “priority of a more favorable” conflict rule is unambiguous. While applying such rules (especially in the field of human rights protection), state bodies should take into consideration the concept of the higher degree of protection of human/citizen rights and freedoms and grant priority to the rule which has more favorable consequences for persons.

REFERENCES

1. Levin, I.D. (1948) *Suverenitet. Institut prava Akademii nauk SSSR* [Sovereignty. Institute of Law of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: USSR Ministry of Justice.

2. Chashin, A.N. (2018) The Roman doctrine as a form of law in the legal systems of the CIS. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2 (42). pp. 77–81. (In Russian).
3. Gambaryan, A. & Muradyan, M. (eds) (2016) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Yerevan: Lusabats. (In Armenian).
4. Petrov, A.A. & Tikhonravov, E.Yu. (2017) *Probely i kollizii v prave* [Gaps and conflicts in the law]. Moscow: Prospekt.
5. Anzilotti, D. (1961) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of international law]. Translated from Italian by A.L. Saketti i E.M. Fabrikov. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
6. Ennekzerus, L. (1949) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [Course of German civil law]. Translated from German by Prof. K.A. Grave, G.N. Polyanskaya, V.A. Al'tshuler Vol. I. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
7. Vas'kovskiy, E.V. (1913) *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov. Dlya nachinayushchikh yuristov* [Guide to the interpretation and application of laws. For novice lawyers]. Moscow: Izdanie br. Bashmakovykh.
8. Vlasenko, N.A. (1984) *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflict norms in Soviet law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Ershov, V.V. (1992) *Sudebnaya vlast' v pravovom gosudarstve* [The judicial authority in a legal state]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Zanina, M.A. (2008) *Kollizii norm prava ravnoy yuridicheskoy sily (Ponyatie, prichiny, vidy)* [Conflicts of the norms of law of equal legal force (Concept, causes, types)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
11. Petrov, A.A. (2017) The Congruence between Substantive and Temporal Collision of Law. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 8 (248). pp. 28–41. (In Russian).
12. Vasev, I.N. (2016) *Kollizionnoe pravovoe regulirovanie* [Conflict legal regulation]. Moscow: Yurlitinform.
13. Tille, A.A. (1965) *Vremya, prostranstvo, zakon: deystvie sovetskogo zakona vo vremeni i prostranstve* [Time, space, law: the action of Soviet law in time and space]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
14. Arutyunyan, G. & Vagarshyan, A. (eds) (2010) *Kommentarii k Konstitutsii Respubliki Armeniya* [Commentaries to the Constitution of the Republic of Armenia]. Yerevan: Iravunk. (In Armenian).

Received: 02 November 2018

И.Б. Данилов

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ БЮДЖЕТОВ СИБИРИ В ПЕРИОД НЭПа В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ И КОММУНАЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ

Рассматриваются проблемы формирования городских бюджетов Сибири в период НЭПа. Проанализированы особенности формирования местных финансов в городах Сибири и РСФСР в целом, выявлены основные причины несамостоятельности бюджетов. Автором сделан вывод о том, что ключевой проблемой являлась сама модель городского управления, основывавшаяся на дуализме управленческих структур. Городские советы и коммунальные отделы находились в условиях политического противостояния и борьбы за финансовые ресурсы, что обуславливало невозможность проведения единой бюджетной политики и, как следствие, создание полноценных городских бюджетов.

Ключевые слова: местные бюджеты; местные финансы; городские бюджеты; НЭП; горсоветы; коммунальные отделы.

Исследование политико-правовых процессов, связанных с установлением системы местных бюджетов Сибири в период НЭПа, традиционно основывается на анализе нормативно-правовых актов финансового содержания, издаваемых законодателем в рассматриваемый период, материалов правоприменительной деятельности финансовых органов, юридической доктрины, а также экономических показателей и динамики их изменения. Вместе с тем ряд иных факторов и явлений, оказывающих непосредственное влияние на эффективность государственной политики в области формирования местных бюджетов, оказывается неучтенным в целом либо сильно недооцененным. В данном контексте представляется особо значимым проведение комплексного анализа правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти Сибири и РСФСР в целом в непосредственной связи с отдельными политическими процессами, происходящими в государстве в рассматриваемый период.

Учреждение местных бюджетов в РСФСР в период НЭПа представляло собой особую политическую установку, реализуемую в связи с непосредственным проведением в жизнь принципов децентрализации и либерализации общественной и государственной жизни. Данная задача была особенно подчеркнута в ходе проведения IX Всероссийского съезда Советов в конце декабря 1921 г., по итогам которого была принята специальная резолюция «О финансах и бюджете». Констатировалось, что местные бюджеты являются эффективным способом восстановления экономики, поскольку «целиком основываются на налогах и увеличении доходности местных предприятий, не опираясь на эмиссию бумажных денег» [1. С. 211].

Система местных финансов, взятая за основу, базировалась на существовавшей до революции структуре земств. В бюджетном устройстве обособленно выделялись уровни губернских, уездных, волостных и городских финансов. При этом городские и волостные бюджеты являлись основными, поскольку были непосредственно связаны с хозяйством на местах, а губернские и уездные выполняли более регулирующую функцию. Продолжающаяся урбанистическая советская политика предопределяла особую значи-

мость города как административного центра и как средства контроля территорий [2. С. 36]. В этой связи формирование полноценных городских бюджетов приобретало особенно важное значение для развития экономики РСФСР в целом.

К середине 1920-х гг. согласно данным городской переписи в РСФСР насчитывалось 1 477 городов [3. С. 9]. Город наряду с волостью являлся основной формой территориальной организации населения, располагаясь в самом основании модели местного управления. Городские бюджеты были максимально приближены к жителям и непосредственно к хозяйственной базе. Как и волостные, они были определены как основные, в то время как губернские и уездные бюджеты должны были исполнять регулирующую функцию по отношению к ним. Такой подход был впервые сформулирован в период подготовки Временного положения о местных бюджетах 1923 г. и в последующем в той или иной мере прослеживался во всех нормативно-правовых актах периода НЭПа. Финансовые ресурсы, концентрировавшиеся в городах, имели наибольший удельный вес в общем бюджете территориальных образований. По статистическим данным в 1923/24 г. бюджеты городов составили 31% общей суммы местных бюджетов, 1924/25 г. – 44% и примерно на таком же уровне оставались в течение 1925/26 и 1926/27 гг. [4. С. 121]. Такое соотношение, разумеется, предопределяло особую значимость именно городских финансов для всей системы местных бюджетов, что ясно осознавалось на уровне центральной и местной государственной власти.

Законодательное регулирование городских бюджетов периода НЭПа имеет весьма противоречивый характер. С одной стороны, создание эффективной системы городских бюджетов являлось приоритетной целью государства, с другой – само законодательство о местных бюджетах рассматриваемого периода содержит ничтожно малое количество специальных норм по данному вопросу. Представляется, что законодатель намеренно не регламентировал аспекты, связанные с образованием, порядком формирования, деятельностью, организационной структурой городских бюджетов, осознавая невозможность их фактического создания в текущих экономических реалиях.

Важность этого вопроса признавалась всегда, однако его решение откладывалось до наступления более благоприятных финансовых условий.

Парадоксально, но законодательство о местных бюджетах периода НЭПа не содержит и не позволяет вывести легальное определение самого понятия «городской бюджет». В данных условиях среди ученых сложились два противоречивых подхода к пониманию его сущности. Первый подход основывался на интерпретации городского бюджета как финансовых ресурсов, собираемых в пределах города и расходующихся на нужды городского сообщества. Это наиболее общий подход, подразумевающий весьма широкую трактовку рассматриваемого понятия. Такое понимание, в частности, использует в своих работах один из многочисленных исследователей финансового права СССР того периода Е.Д. Черниковский [5. С. 1]. Вторым подход определяет городской бюджет как средства, которые концентрируются в коммунальных отделах губернских или уездных исполкомов (коммунотделах) и предназначаются для содержания коммунальных объектов. Эта позиция прослеживается в большинстве статей, авторами которых являлись сотрудники Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ), НКВД и прочие деятели коммунальной отрасли. По понятным причинам такой подход доминирует в научных работах, публиковавшихся в отраслевом журнале «Коммунальное дело» [6. С. 160].

Последнее понимание сущности городского бюджета в значительной степени соответствовало реальному состоянию дел. На практике бюджетный процесс в городах описывался следующим образом: «Во многих городах отделы коммунального хозяйства имеют свои собственные кассы, куда поступают все доходы по коммунальному хозяйству. Такое положение сложилось фактически и не оформлено законом» [7. С. 623]. Таким образом, можно отметить расхождение между законодательными предписаниями и практикой правоприменительной деятельности.

Предпосылки для возникновения подобных противоречий были сформированы самой спецификой городского управления. В городах параллельно существовали два учреждения: городские советы и коммунальные отделы. Горсоветы изначально образовывались как органы политической власти, реализующие основные цели и задачи Октябрьской революции, при этом мало занимаясь делами по непосредственному хозяйственному управлению городскими территориями. Коммунальные отделы же представляли собой структурные подразделения губернских или уездных исполкомов, выполняющие функцию практического управления городским хозяйством. Последние, безусловно, были значительно ближе к потребностям города и принимали основные решения по текущему управлению его делами. Городские финансы зачастую находились в исключительном распоряжении коммунального отдела, не допускающего вмешательства горсовета в их распределение.

Первая критика чрезмерной самостоятельности и закрытости городских финансов Сибири прозвучала 26 июля 1923 г. на заседании Сибревкома. Тезисы к докладу «Местный бюджет 1923/24 гг.», утвер-

жденные Протоколом № 25/957», содержали общий вывод о необходимости увеличения поступлений от неналоговых источников – имущества, арендных статей, промышленности, однако при этом отмечалось, что «все эти источники находятся в руках Коммунотделов и других хозяйственных органов, которые в текущем году в бюджете участвовали лишь номинально» [8]. Негативную оценку при этом получал сам факт того, что местные Коммунотделы самостоятельно пользуются и распоряжаются городским имуществом, произвольно распределяя полученную в результате прибыль. На основе этого провозглашалась цель, именуемая «ударной задачей» – придать участию городских финансов в общей системе местных бюджетов реальный характер.

Другой документ, утвержденный указанным Протоколом заседания Сибревкома № 25/957 от 26 июля 1923 г., «Доклад по организационным вопросам», также обращал внимание на необходимость нормализовать взаимоотношения коммунальных отделов с финансовыми органами. Коммунальные отделы самостоятельно распоряжались имуществом, минуя бюджет, что, по мнению автора, являлось абсолютно недопустимым. «Коммунальные отделы подчиняются общему бюджетному порядку и поэтому должны составлять планы и сметы лишь в пределах ведения и своевременно сдавать деньги в кассу НКФ» [9]. Как видно из цитируемых материалов, городские финансы изначально представляли собой весьма закрытую систему, которая, в нарушение предписаний сибирских органов бюджетного администрирования, аккумулировалась и расходовалась коммунотделами по своему усмотрению.

Представляется, что причины обозначенных проблем крылись в самой структуре городского управления рассматриваемого периода. Коммунотделы и горсоветы Сибири находились в состоянии некоторой политической конкуренции и организационного противостояния. Горсоветы являлись представительными учреждениями, действовавшими от имени и в интересах всего населения города. Являясь старейшими органами городской власти, обеспечивавшими решение первоочередных задач революции, горсоветы со временем утрачивали свой статус и лишались ряда полномочий. Коммунотделы же, напротив, являясь подразделениями губернских или уездных исполкомов, выполняющими ряд специализированных муниципальных функций, усиливали свое влияние, зачастую концентрируя в руках большую часть финансов города.

Несмотря на то что Декрет СНК от 8 апреля 1920 г. «О коммунальных отделах исполнительных комитетов» определял коммунотделы как органы управления городским хозяйством, он не предусматривал для коммунотделов каких-либо финансовых или бюджетных функций [10]. Напротив, эти полномочия были отнесены к ведению горсоветов, в составе которых в Сибири в обязательном порядке создавались финансово-бюджетные секции. Так, во второй половине 1920-х гг. обособленные финансовые отделы формируются во всех крупнейших горсоветах Сибири, в частности, в Томском, Омском, Краснояр-

ском, Иркутском, Барнаульском и др. В декабре 1925 г. самостоятельные бюджетные права получает Новониколаевский городской Совет. Вместе с тем контроль над финансовыми ресурсами города давал необходимые возможности для управления всеми сферами городской жизни, что, очевидно, являлось целью как коммунотделов, так и горсоветов. Данное обстоятельство предопределяло противодействие коммунотделов и их борьбу за концентрацию финансов в своем ведении, что не позволяло Горсоветам реально осуществлять функции по управлению единым городским бюджетом.

Практическое воплощение в жизнь принципа децентрализации государственного управления, являющегося одним из основных в период НЭПа, очевидно, требовало предоставления горсоветам, как единственным полноценным местным органам власти, наибольшего объема полномочий и закрепления вопросов контроля всех городских финансов в их исключительном ведении. Вместе с тем в рассматриваемый период происходят обратные процессы. В работах современных историков права отмечается почти полное отсутствие каких-либо прав и полномочий как характерная черта деятельности горсоветов послереволюционных лет. Организация работы Новониколаевского горсовета описывалась следующим образом: «Начиная свою деятельность, он не имел ни средств, ни собственных органов управления. Он ничем не располагался, так как у города не было своего хозяйства и городского бюджета. Городское имущество городу не принадлежало, а являлось частью имущества губернского исполкома или краевых учреждений» [11. С. 144].

Несмотря на то что необходимость создания самостоятельных городских бюджетов ясно осознавалась уже в 1922–1923 гг., а первое упоминание о них содержится в нормативном акте еще более раннего периода – Декрете ВЦИК и СНК от 9 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» [12], реальное создание городских бюджетов началось лишь со второй половины 1920-х гг. Более раннему созданию городских бюджетов препятствовали серьезные обстоятельства. В отличие от волостных бюджетов, для них не был подготовлен специальный закон, хотя предложения о законодательной регламентации городских доходов и расходов высказывались таким авторитетным собранием, как Совещание по советскому строительству при ЦИК СССР. Специалистами Совещания были даже подготовлены соответствующие обоснования и некоторые предварительные документы [13. С. 470]. В частности, высказывались предложения о «разгрузке» губернских бюджетов, закреплении за ними лишь малого числа обязательных расходов с передачей оставшихся в бюджеты города с соответствующим перераспределением доходных источников. 24 октября 1925 г. было издано Положение о городских Советах, которое прямо выделяло городские бюджеты и впервые определяло круг их расходов и доходов [14]. С этого момента можно начинать отсчет истории развития городских бюджетов. В дальнейшем нормы о городских бюджетах были имплементированы в Положении о местных финансах

1926 г., которое вплоть до 1930 г. стало основным законодательным актом, регулирующим отношения в сфере местных финансов.

Хотя Положение только в общем виде урегулировало основные вопросы формирования городских бюджетов и создало предпосылки для их фактической реализации, в последующий период так и не было издано ни одного специального закона, расширяющего и конкретизирующего его нормы. Де-факто вплоть до 1930-х гг. городской бюджет планировался и составлялся в рамках губернского, а затем, после административно-территориальной реформы, – окружного и областного бюджета. Городские финансы были выделены из состава общего бюджета, но не были самостоятельными. Создание полноценных городских бюджетов состоялось уже за рамками НЭПа.

Неудачи в создании городских бюджетов нельзя объяснить низким уровнем финансовой обеспеченности городов. Именно городское население выступало основным плательщиком двух важнейших прямых государственных налогов – промыслового и подоходного, надбавки и отчисления от которых шли в местные бюджеты. Большинство местных налогов распространялось на такие объекты, которые преимущественно находились в городах. С горожан также взимались наибольшие суммы акцизных сборов ввиду их активности и платежеспособности как покупателей товаров. Несостоятельность городских бюджетов как финансовых единиц обуславливается особым механизмом распределения полученных с городских поселений доходов. Лишь малая их часть оставалась в ведении непосредственно города и расходовалась на содержание коммунальных объектов, большая же часть перечислялась в вышестоящие бюджеты – уездные и губернские – в целях их дальнейшего перераспределения. Часть полученных средств шла на покрытие расходов собственно вышестоящего бюджета, часть – на финансирование дефицита бюджетов территориальных единиц, имеющих более слабый экономический потенциал. Такая модель, разумеется, вызывала существенное недовольство среди горожан и коммунальных управляющих. Очевидным вариантом выхода являлся переход к формированию полноценных городских бюджетов, сопровождающийся правовой защищенностью доходных и расходных статей и недопустимостью произвольного вмешательства уездных исполкомов в финансовые дела города. Однако, по мнению НКФ РСФСР, такой переход не мог осуществиться немедленно, в силу этого переход к реальным городским бюджетам затягивался, вместо чего вводились различные переходные модели [6. С. 163].

В целом до конца исследуемого периода в Сибири сохранялась ситуация, сложившаяся еще в начале 1920-х гг. Городской бюджет, согласно проекту бюджетного планирования 1925/26 г. отождествлялся с коммунальным бюджетом, т.е. все полномочия по сбору и распределению финансовых ресурсов города сосредотачивались в коммунотделе. Коммунальные средства рекомендовалось размещать в кредитных учреждениях, выполняющих кассовое обслуживание местного бюджета, отдельно отражать на общем те-

кущем счете местного бюджета и осуществлять поквартирное открытие кредитов по коммунальным расходам, что позволяло вести их более точный учет, контроль за расходованием и тем самым добиваться более высоких показателей точности бюджетного планирования. Кроме того, от непрофильных трат защищались губернские бюджеты, которые в основном обслуживали потребности губернского города.

Данная модель, по мнению НКФ, позволяла более адекватно отражать реальные финансовые потоки, вести их учет и планирование в масштабах конкретного города с исключительной целевой направленностью доходов и расходов. Однако при этом коммунальный бюджет все еще был имплементирован в губернский и являлся всего лишь анклавом обособленных бюджетных статей. НКФ сохранял за собой значительные полномочия по финансовому регулированию.

Главное управление коммунального хозяйства (ГУКХ) критиковало сложившуюся правоприменительную практику и предлагало альтернативную модель бюджетного администрирования. Согласно его проекту, представленному на Всесоюзном совещании финансовых работников, все суммы, помимо обязательных отчислений в специальные фонды, должны были образовывать коммунальный доход, который впоследствии гибко распределялся на коммунальные траты горсовета. Предлагалось также расширить хозрасчетные права коммунальных трестов и ограничить полномочия НКФ по перераспределению коммунальных доходов по другим расходным статьям местных бюджетов. Модель, предлагаемая ГУКХ, в большей степени соответствовала представлениям о полноценном самостоятельном городском бюджете, однако встречала активное противодействие со стороны центральных государственных ведомств, стремившихся сохранить свои полномочия по регулированию городских доходов и расходов.

Таким образом, провозглашенный на государственном уровне курс на создание самостоятельных городских бюджетов не находил практической реализации в действиях центральных органов. В условиях, когда ни на местном, ни на центральном уровнях не было достигнуто соглашение о принципах организации городского бюджета, финансирование неотложных городских нужд стало осуществляться особым образом, а именно из средств специальных фондов. Можно предположить, что такой принцип организации финансов представлял собой ответную реакцию городских органов управления на давление со стороны НКФ и попытки ограничить самостоятельность городских бюджетов. Создание фондов целесообразно рассматривать как вынужденную меру, необходимость в применении которой исчезла бы с переходом к полноценным городским бюджетам. В ситуации, когда их создание было невозможным, органы коммунального управления при поддержке ГУКХ сформировали подобное квазиобразование, которое, постепенно, превращалось в основной способ организации местных финансов в рамках города.

Первоначально в 1924 г. были созданы фонды улучшения быта рабочих и служащих. Основным источником наполнения данных фондов являлся квартирный налог, а также отчисления из доходов от помещений, предоставляемых местными Советами под различные предприятия. Позднее, в 1926 г., были образованы жилищные фонды. Они аккумулировали поступления от муниципализированных жилых, торгово-промышленных и иных помещений. Расходовались средства на содержание имеющихся жилых и нежилых помещений и на новое строительство. Всего к началу 1930-х гг. было создано порядка 6–8 специальных фондов различного назначения [15. С. 23]. Необходимо особо отметить такой момент, что их деятельность не регулировалась систематизированными актами, такими как Положение о местных финансах СССР 1926 г. и Положение о местных финансах РСФСР 1926 г. Эти акты называли лишь основные фонды и не предусматривали создание дополнительных, хотя именно из их средств в большей степени финансировалось развитие городского хозяйства. Это еще раз подчеркивают «местный» характер специальных фондов и принадлежность их к инструментарию именно коммунального управления.

Таким образом, организация городских финансов в период НЭПа отличалась значительным своеобразием. С одной стороны, показатели городского бюджета закладывались в бюджеты административно-территориальных единиц и исполнялись посредством коммунотделов, с другой стороны, городской бюджет образовывали средства, концентрируемые в специальных фондах и направляемые на содержание объектов городской инфраструктуры. Объем денежных средств, создающий два этих вида городских финансов, при этом является сопоставимым. Обобщенные сведения по 18 городам показали, что в 1926/27 г. доход местных бюджетов от муниципальных строений составил 7 218 тыс. руб., а в 1927/28 г. – 7 377 тыс. руб. За эти же годы в специальные капиталы жилищного фонда, по данным 22 городов было зачислено соответственно 6 595 тыс. руб. и 6,775 тыс. руб. [16. С. 12].

В конце 1920-х гг. НКФ РСФСР признал систему организации коммунальных финансов неэффективной. В порядке пересмотра Положения о местных финансах было предложено сократить до минимума количество специальных фондов и капиталов, их дальнейшее существование, по мнению наркомата, затрудняло переход к планированию местного хозяйства. Однако, несмотря на повсеместное создание в начале 1930-х гг. обособленных городских бюджетов, специальные капиталы и фонды сохранялись вплоть до 1937 г., что нарушало единство бюджета.

Особенность организации городских финансов определили способы формирования их доходов и основные направления производимых расходов. Финансирование административных, образовательных, медицинских, культурно-просветительских учреждений осуществлялось из государственного или местного бюджета, коммунальные же ресурсы, концентрирующиеся в специальных фондах, расходовались на содержание городского хозяйства, при этом изыскивались также в процессе его эксплуатации. К объектам

городского хозяйства, образующим доход коммунального бюджета, относились городские земли, торговые, промышленные, складские помещения, торговые места на ярмарках, рынках, улицах, жилищный фонд и коммунальные предприятия. Данный перечень не закреплялся в каких-либо специальных законодательных актах, но мог быть определен из анализа некоторых подзаконных актов, таких как Циркуляр НКФ РСФСР от 15 сентября 1926 г. «Об организации работы по коммунальным доходам» [17. С. 11], Циркуляр НКФ РСФСР от 16 декабря 1926 г. «О формах и методах работы по коммунальным доходам» [18. С. 37].

Расходы коммунальных бюджетов были представлены двумя основными группами: расходы непосредственно на коммунальное хозяйство, включая коммунальные услуги и содержание городской инфраструктуры, и расходы на имущественные объекты, формирующие доход городских бюджетов: торговые и промышленные предприятия, жилищный и земельный фонд. При этом вторая группа расходов занимала доминирующее положение в разрезе расходной части коммунальных бюджетов. Затраты на коммунальное хозяйство были относительно невелики. Это объясняется, в первую очередь, тем, что, по мнению НКВД РСФСР и НКФ РСФСР, в ведении органов коммунального хозяйства находилось чрезвычайно ценное имущество. Специалистами отмечалось, что стоимость данного имущества составляла в сумме порядка 10 млрд руб, что в два раза превышало стоимость основного капитала промышленности на территории РСФСР. Делался вывод о том, что получаемые от этого хозяйства доходы должны направляться на его же воспроизводство [19. С. 22].

Представляется, что подобная «раздробленность» городского бюджета и отсутствие его единого администратора стали одной из основных причин неэффективности государственной политики по учреждению самостоятельных финансов в рамках города. Политическое противостояние между коммунальными

отделами и городскими советами Сибири не позволяло проводить единую финансовую политику и организовать оптимальную модель городского бюджета со сбалансированной доходной и расходной частью. Противоречия между двумя названными органами, а также отсутствие четкой и последовательной позиции вышестоящего НКФ породили, в определенной степени, беспорядок в области городских финансов. Коммуналдел и горсоветы имели, по определению, разные приоритеты в области расходования денежных средств. Система специальных фондов, находящихся в фактическом ведении коммуналделов, отдельно резервировала финансы на определенные нужды, не учитывая суммарный объем доходов и расходов по общегородской смете, а также стратегических планов развития города. Городские советы при этом были дистанцированы от значительного объема денежных средств, что не давало им возможности для комплексного планирования городского бюджета.

В рассматриваемый период так и не оформилось единого центра планирования и управления городским бюджетом. Отдельные финансы и контроль над ними были закреплены за горсоветами и коммуналделами, которые в условиях постоянных противоречий зачастую реализовывали противоположные курсы. Представляется, что, исходя из общих начал НЭПа, государственное регулирование должно было основываться на приоритете горсоветов в управлении городскими делами. Вопрос о статусе горсовета как единственного органа бюджетного администрирования должен был быть однозначно решен законодательно и обеспечен надлежащими правоприменительными мерами. В действительности же городские финансы находились в параллельном ведении двух противостоящих структур. Отсутствие четкой и последовательной государственной политики в указанной сфере привело к тому, что полноценные городские бюджеты в Сибири в рассматриваемый период так и не были созданы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резолюция «О финансах и бюджете» // Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик : сб. док. : в 3 т. 1917–1936 гг. М., 1960. 211 с.
2. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. М., 2003. 288 с.
3. Горсоветы и коммунальное хозяйство / под ред. Б.Б. Веселовского, Д.И. Шейниса. М., 1927. 121 с.
4. От съезда к съезду. Материалы к отчету правительства на V съезде Советов СССР. М., 1929. 33 с.
5. Черниковский Е.Д. Современные и довоенные городские финансы // Вестник финансов. 1926. № 11. С. 1–7.
6. Яшук Т.Ф. Нормативное регулирование городского управления и хозяйства в РСФСР в период нэпа : учеб. пособие. Омск, 2010. 216 с.
7. Финансовая энциклопедия / под ред. И.А. Блинова, А.И. Буковецкого. М., 1935. 512 с.
8. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО) Ф. Р-1052. Оп. I. Д. 414. Л. 2.
9. ГАНО Ф. Р-1052. Оп. I. Д. 414. Л. 13.
10. Декрет СНК от 8 апреля 1920 г. «О коммунальных отделах исполнительных комитетов» // СУ РСФСР. 1920. № 26. Ст. 131.
11. Папков С.А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. Вып. 6. 289 с.
12. Декрет ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 «О местных денежных средствах» // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 693.
13. Яшук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск, 2007. 582 с.
14. Постановление ВЦИК РСФСР от 24 октября 1925 г. «Об утверждении Положения о городских советах» // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 662.
15. Быкович К. Грацианский В. К реорганизации системы коммунальных фондов // Коммунальное дело. 1930. № 5. С. 6–24.
16. Жуков И. Муниципализированный фонд // Коммунальное дело. 1930. № 2. С. 11–16.
17. Циркуляр НКФ РСФСР от 15.09.1926 г. «Об организации работы по коммунальным доходам» // Бюллетень НКФ РСФСР. 1926. № 2. С. 11–17.
18. Циркуляр НКФ РСФСР от 16.12.1926 г. «О формах и методах работы по коммунальным доходам» // Бюллетень НКФ РСФСР. 1926. № 1. С. 37.
19. Гуревич Б. Мобилизация внутренних ресурсов в коммунальном хозяйстве // Коммунальное дело. 1930. № 2. С. 20–24.

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 ноября 2018 г.

The Organization of City Budgets of Siberia During the NEP in the Conditions of Political Opposition of City Councils and Municipal Departments

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 210–216.

DOI: 10.17223/15617793/438/28

Igor B. Danilov, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 0615222@mail.ru

Keywords: local budgets; local finances; city budgets; NEP; city councils; municipal departments.

In this historical and legal research, the author analyzed laws establishing the legal basis for organizing the municipal budgets of Siberia during the NEP period, and law enforcement materials in this area. The main problem of the study is the lack of a unified scientific approach to determine the causes of the permanent deficit of local budgets during the NEP period, and the failures of the state policy on the establishment of independent budgets at the city level. The aim of the work is the identification and a comprehensive analysis of political and legal processes that made a decisive influence on the formation of city budgets in Siberia during the NEP. The geography of the study, due to the features of Siberia as a region of the RSFSR, is associated with a large territory, a considerable differentiation of the financial and economic potential of its constituent regions, a high degree of centralization of power, and at the same time the inertia of local administrative structures. The study is based on the theoretical material from works by T.F. Yashchuk, E.D. Chernikhovskiy, S.A. Popkov, A.S. Senyavskiy, I. Zhukov, B. Gurevich, K. Bykovich, V. Gratsianskiy and other prominent researchers, as well as archival materials presented in the relevant funds of the State Archives of Novosibirsk Oblast. The methodological basis of the study was dialectical, historical and legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the term “city budget” in its formation and development. The use of the historical-legal method helped substantiate the role and importance of the political opposition of city councils and municipal departments in the city budgets formation. As a result of the study, the author formulates a conclusion that the lack of positive results in the organization of city budgets is connected with the political confrontation between two parallel structures of city administration rather than with economic indicators or incorrect legal decisions. The struggle between municipal departments and city councils for urban resources and for the actual management of city economy led to the impossibility of creating a unified city budget controlled by one body. The fragmentation of the city’s financial system and the lack of a unified state approach to resolving this crisis made the formation of independent city budgets in Siberia impossible. It seems that this conclusion can be extrapolated to the entire territory of the RSFSR, since a similar situation developed in almost all regions of the country during the entire period of the NEP.

REFERENCES

1. Georgadze, M.P. et al. (eds) (1960) Rezolyutsiya “O finansakh i byudzhete” [Resolution “On Finance and Budget”]. In: *S’ezdy Sovetov Soyuzna SSR, soyuznykh i avtonomnykh sovetskikh sotsialisticheskikh respublik: sb. dok.: v 3 t. 1917–1936 gg.* [Congresses of the Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics: collection of documents: in 3 vols. 1917–1936]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Senyavskiy, A.S. (2003) *Urbanizatsiya Rossii v XX veke* [Urbanization of Russia in the 20th century]. Moscow: Nauka.
3. Veselovskiy, B.B. & Sheynin, D.I. (eds) (1927) *Gorsovety i kommunal’noe khozyaystvo* [City Councils and utilities sector]. Moscow: PK Vnutrennikh del RSFSR.
4. CEC and SNK of the USSR. (1929) *Ot s’ezda k s’ezdu. Materialy k otchetu pravitel’sтва na V s’ezde Sovetov SSSR* [From Congress to Congress. Materials to the report of the government at the V Congress of Soviets of the USSR]. Moscow: CEC and SNK of the USSR.
5. Chernikhovskiy, E.D. (1926) Sovremennyye i dovoennyye gorodskie finansy [Modern and pre-war city finance]. *Vestnik finansov*. 11. pp. 1–7.
6. Yashchuk, T.F. (2010) *Normativnoe regulirovanie gorodskogo upravleniya i khozyaystva v RSFSR v period nepa* [Regulation of city government and economy in the RSFSR during the NEP period]. Omsk: Omsk State University.
7. Blinov, I.A. & Bukovetskiy, A.I. (eds) (1935) *Finansovaya entsiklopediya* [Financial Encyclopedia]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo.
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1052. List I. File 414. Page 2. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1052. List I. File 414. Page 13. (In Russian).
10. SU RSFSR. (1920) Dekret SNK ot 8 aprelya 1920 g. “O kommunal’nykh otdelakh ispolnitel’nykh komitetov” [The decree of the Council of People’s Commissars of April 8, 1920 “On the communal departments of executive committees”]. *SU RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 26. Art. 131.
11. Papkov, S.A. (2015) Gorodskoe samoupravlenie Novonikolaevska (Novosibirsk) v 1920-e gody [Novonikolayevsk (Novosibirsk) city government in the 1920s]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast’ i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Is. 6. Novosibirsk: Parallel’, Institute of History SB RAS.
12. SU RSFSR. (1921) Dekret VTsIK i SNK ot 10 dekabrya 1921 “O mestnykh denezhnykh sredstvakh” [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of December 10, 1921 “On local funds”]. *SU RSFSR*. 80. Art. 693.
13. Yashchuk, T.F. (2007) *Organizatsiya mestnoy vlasti v RSFSR. 1921–1929 gg.* [The organization of local government in the RSFSR. 1921–1929]. Omsk: Omsk State University.
14. SU RSFSR. (1925) Postanovlenie VTsIK RSFSR ot 24 oktyabrya 1925 g. “Ob utverzhdenii Polozheniya o gorodskikh sovetakh” [Resolution of the Central Executive Committee of the RSFSR of October 24, 1925 “On Approval of the Regulations on the City Councils”]. *SU RSFSR*. 91. Art. 662.
15. Bykovich, K. & Gratsianskiy, V. (1930) K reorganizatsii sistemy kommunal’nykh fondov [On the reorganization of the system of municipal funds]. *Kommunal’noe delo*. 5. pp. 6–24.
16. Zhukov, I. (1930) Munitsipalizirovannyi fond [Municipal funds]. *Kommunal’noe delo*. 2. pp. 11–16.
17. Byulleten’ NKF RSFSR. (1926) Tsirkulyar NKF RSFSR ot 15.09.1926 g. “Ob organizatsii raboty po kommunal’nym dokhodam” [Circular of People’s Commissariat of Finance of the RSFSR of September 15, 1926, “On the organization of work on communal income”]. *Byulleten’ NKF RSFSR* [Bulletin of People’s Commissariat of Finance of the RSFSR]. 2. pp. 11–17.
18. Byulleten’ NKF RSFSR. (1926) Tsirkulyar NKF RSFSR ot 16.12.1926 g. “O formakh i metodakh raboty po kommunal’nym dokhodam” [Circular of People’s Commissariat of Finance of the RSFSR of December 16, 1926, “On the forms and methods of work on communal income”]. *Byulleten’ NKF RSFSR*. 1. pp. 37.
19. Gurevich, B. (1930) Mobilizatsiya vnutrennikh resursov v kommunal’nom khozyaystve [Mobilization of domestic resources in the utilities sector]. *Kommunal’noe delo*. 2. pp. 20–24.

Received: 08 November 2018

Д.В. Дементьев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ

Рассмотрено правовое регулирование распределения расходов между бюджетами различных уровней. Автор обращено внимание на то, что в реестрах расходных обязательств отсутствует ранжирование расходов по критерию социальной важности. Проанализирована структура расходов бюджетной системы Новосибирской области за период 2015–2017 гг. По результатам анализа предлагается формировать реестры расходных обязательств с использованием в правовых актах кодирования приоритетности социальных расходов.

Ключевые слова: бюджеты; бюджетные полномочия; социальная значимость; ранжирование расходов; реестры расходных обязательств; приоритеты бюджетных расходов; правовое регулирование.

Расстановка приоритетов в бюджетной и налоговой политике, в социальных и общественно значимых бюджетных расходах интересует российских исследователей, экономистов и ученых. В течение последних лет российские специалисты в своих публикациях обращают внимание на важность формирования такой структуры бюджетных расходов, которая будет стимулировать дальнейший экономический рост и платежеспособный спрос населения. Высказываются рекомендации по оптимизации бюджетного планирования, рассматриваются вопросы приоритетности [1, 2] финансирования бюджетных расходов. Делаются выводы о том, что принципы федеральной бюджетной политики должны быть едиными на всех уровнях управления общественными финансами. Некоторые зарубежные авторы [3, 4] проводили исследования о зависимости между распределением государственных расходов и их функциональным составом, предполагая о положительном влиянии расходов на здравоохранение в консолидированных бюджетах.

Российский Бюджетный кодекс (ст. 87) обязывает органы государственной власти и местного самоуправления формировать реестры расходных обязательств. Реестр представляет собой перечень правовых актов, в котором взаимно сопоставлены необходимые общественные расходы и определяющие их статьи федеральных и региональных законов или пункты решений органов местного самоуправления.

Правила ведения реестра [5] для Российской Федерации установлены Правительством, однако в них не сделан акцент на приоритетность выполнения расходных обязательств, а имеются лишь указания по использованию списка нормативных документов. Форма реестра [6] разработана Министерством финансов, в которой целесообразно формировать список федеральных законов, нормативных актов правительства и разделов бюджетной классификации расходов с учетом финансовой и социальной значимости расходов. Классификация расходов ранжировала бы бюджетные расходы в порядке возрастания или убывания и позволила бы более объективно оценивать эффективность использования общественных ресурсов.

С помощью научного анализа фактических и планируемых тенденций бюджетных расходов необходимо выявить закономерности величины финансирования расходов от количества граждан, проживающих на территории. Разумеется, величина расходов будет

зависеть не только от численности людей. Идея ранжирования расходов состоит в том, что в первую очередь должны учитываться расходы, прямо или косвенно обеспечивающие качественные и комфортные условия труда и отдыха граждан страны.

С одной стороны, бюджетные расходы должны создавать благоприятную среду для трудовой и культурной деятельности человека. С другой стороны, расходы на составление бюджетной отчетности важны с точки зрения контроля и финансового анализа расходов. Например, показатели загрязнения воздуха или воды на определенной территории должны сигнализировать законодательным и исполнительным органам о жизненно необходимой приоритетности расходов на охрану окружающей среды. Показатели занятости экономически активного населения должны побуждать законодателей изменить очередность финансовых потоков в сторону создания новых общественно значимых рабочих мест и строительство территориально доступного от мест работы жилья.

Государственные программы по финансированию общественных расходов должны учитывать взаимное влияние расходов. Например, строительство автомобильной или железной дороги может повысить инвестиционную привлекательность территории, но насколько эта местность будет привлекательна для населения в будущем? Научно обоснованное правовое распределение бюджетных полномочий очень важно потому, что нельзя допустить нормативных противоречий между уровнями власти в настоящее время и, что самое важное, в перспективе.

Реестры расходных обязательств для субъектов Федерации и для муниципальных образований формально учитывают существование правовых актов федерального и регионального уровня. Свод реестров для муниципальных образований в регионах принимает во внимание также объемы расходов в муниципалитетах и оценку стоимости полномочий муниципальных образований. Кроме того, предусмотрена отдельная графа для методики оценки стоимости бюджетных полномочий. Представляется возможным осуществить ранжирование бюджетных расходов при использовании примерного справочника [7] кодов и наименований расходных обязательств с помощью номеров групп полномочий, так как перечень расходных обязательств после принятия нормативных актов, заключений и договоров очень обширный. Также за-

кодированы указы Президента России, которые пригодятся для формирования реестров субъектов Федерации и муниципальных образований. Отдельным приложением в приказе Министерства финансов закодированы государственные программы и отдельные федеральные целевые программы, предназначенные к исполнению органами государственной власти.

Бюджетный кодекс, федеральные и региональные законы, правовые акты органов местного самоуправления устанавливают и уточняют взаимные полномочия по формированию доходной части бюджетов и распределяют обязанности по финансированию расходов. Непрерывное в течение финансового года формирование доходной части бюджетов имеет очень важное значение потому, что определенная часть государственных или муниципальных расходных полномочий может быть исполнена летом или зимой, весной или осенью. Выделение ассигнований на образование, здравоохранение, жилищно-коммунальную сферу, охрану окружающей среды, физкультуру и массовый спорт в первую очередь интересуют граждан в любом регионе нашей страны. Вопросы гармоничного распределения общественных доходов, расходов, межбюджетной финансовой помощи весьма актуальны, но возникает не менее социально значимый вопрос очередности оплаты запланированных бюджетных расходов.

Современное бюджетное право (ст. 65 Бюджетного кодекса) предусматривает составление и исполнение бюджетных законов и решений в части формирования расходов на основе заранее установленных расходных обязательств. Более десяти лет, с января 2005 г., нормативы минимальной бюджетной обеспеченности, которые раньше устанавливались Правительством, не используются в бюджетном планировании. Нормативы финансовых затрат на оказание государственных или муниципальных услуг также утратили правовую силу в ст. 65. Федеральные и региональные органы власти [8], органы местного самоуправления разделили между собой налоговые и неналоговые доходы, рассчитывают и перечисляют из бюджета в бюджет финансовую помощь.

Конечно, это важная часть управления общественными финансами, но на этом невозможно остановиться. Проблема разделения государственных и муниципальных расходов между публично-правовыми образованиями не менее существенна, но все же не окончательная. Нужно не только разделить обязанности по расходам, но и научно обосновать приоритеты (очередность) бюджетных расходов. Необходимо тщательно проработать вопрос классификации расходов не только по функциональному признаку или по принадлежности к бюджетной (государственной или местной) программе, но по степени значимости в социальном плане [9].

Например, граждане в первую очередь будут обеспечены качеством медицинских услуг, а затем уже образовательными услугами или культурными мероприятиями. Очевидно, что человеку с плохим здоровьем не до спорта или театральных постановок. В личных домохозяйствах полученные доходы после уплаты налогов и необходимых сборов направлены на оплату жизненно необходимых потребностей. Структуру потребления стоит учитывать для того, чтобы

общественные финансовые потоки помогали людям устроить более комфортную и здоровую жизнь. Попытаемся разобраться, какие бюджетные ассигнования предусматривает закрытый список в ст. 69 (действует с января 2008 г.) Бюджетного кодекса:

- 1) государственные или муниципальные услуги;
- 2) социальные потребности населения;
- 3) инвестиции и субсидии для предпринимателей и граждан;
- 4) межбюджетная финансовая помощь;
- 5) платежи иностранным субъектам;
- 6) оплата процентов по государственному долгу;
- 7) компенсация ущерба населению и предпринимателям со стороны публично-правовых образований.

Почему расходы перечислены именно в таком порядке? Что важнее или существеннее: обслуживание государственного (муниципального) долга или социальные потребности населения? В этой связи следует задать следующий вопрос: почему государство, регион, муниципалитет занимают деньги и пытаются сбалансировать бюджеты? Какие факторы оказывают влияние на финансирование социальных расходов, межбюджетных трансфертов, оплату процентных расходов по государственным заимствованиям? Для ответа на подобные вопросы требуется выяснить, как в Бюджетном кодексе трактуются вышеуказанные ассигнования.

Правовые нормы в сфере межбюджетных трансфертов в Бюджетном кодексе установлены в гл. 16 и не содержат указаний на приоритеты для денежных потоков между бюджетами, однако оговариваются условия получения дотаций субъектам Федерации и помощи для внебюджетных фондов. Размеры субсидий, субвенций, прочих трансфертов для регионов отдельным порядком с октября 2014 г. регулирует Правительство РФ. Получение финансовой помощи субъектами Федерации ограничено выполнением определенных условий, например, нельзя превышать нормативы по расходам на содержание органов региональной власти. Кроме того, можно рассматривать проверки Счетной палатой РФ годовых отчетов об исполнении бюджетов в субъектах Федерации как приоритетную меру последующего финансового контроля для снижения бюджетных рисков. Результат исполнения региональных бюджетов также может контролироваться Федеральным казначейством.

Расходы на услуги общественного сектора (ст. 69.1, действует с января 2008 г.) представляют собой обеспечение деятельности казенных учреждений (с мая 2010 г.), субсидии бюджетным и автономным учреждениям (с мая 2013 г.), субсидии некоммерческим учреждениям (с мая 2010 г.), бюджетные инвестиции в объекты государственной (муниципальной) собственности (с мая 2010 г.), финансирование государственных закупок (с мая 2010 г.) и оплата товаров для государственного материального резерва.

По данным официального сайта для размещения информации о государственных (муниципальных, <http://bus.gov.ru/pub/registry>, на 10 июля 2018 г.) учреждениях число казенных учреждений в Российской Федерации составляет 45 998, автономных – 17 515 и бюджетных – 103 191. Одновременно стоит задуматься, насколько эффективно для экономики страны нали-

чие разнотипных некоммерческих организаций. Количество некоммерческих организаций по состоянию на 1 января 2018 г. (информация Росстата, <http://www.gks.ru/wps>, на 10 июля 2018 г.) составляет 90 852. Разумеется, исходя только из этих цифр, невозможно сделать вывод, какие ассигнования наиболее приоритетные и наиболее социально важные для российского общества и государства. Некоторые выводы возможно сформулировать при анализе результатов финансирования государственных программ.

Действующая бюджетная классификация расходов содержит 14 разделов, в которых межбюджетная финансовая помощь и обслуживание государственного долга выделены в самостоятельные разделы. Поэтому динамику по межбюджетным трансфертам или процентные расходы легко обобщить и проанализировать. Финансирование казенных, бюджетных, автономных учреждений присутствует во многих разделах и консолидировать информацию из общедоступных источников в целом по территории Новосибирской области существенно труднее. Для целей анализа в этом случае целесообразно было бы использовать данные бюджетного учета по расходам и суммировать в целом субсидии автономным и бюджетным учреждениям. Аналогично можно поступить с расходами по государственным закупкам: суммировать данные по всем разделам бюджетной классификации. В результате можно получить сводные данные о денежных потоках для казенных, автономных, бюджетных учреждений и наглядно увидеть величину финансирования каждого типа учреждений. В качестве примера в табл. 1 приведем статистику

величины расходов по государственным закупкам на территории Новосибирской области за период 2015–2017 гг. Фактические расходы учтены в разрезе 12 разделов функциональных расходов бюджетной классификации. При анализе государственных закупок в разрезе государственных программ возможно будет оценивать бюджетные риски нецелевого или неэффективного использования бюджетных средств.

Из табл. 1 видно, что в 2017 г. в разделе 0 100 «Общегосударственные вопросы» расходы по государственным закупкам составили примерно 2 229 млн рублей, а общая величина расходов по этому разделу была около 9 411 млн рублей. Поэтому доля финансирования закупок в итоговой сумме расходов консолидированного бюджета получается в размере 24% и аналогичный порядок расчетов распространяется на другие разделы. Почти половина (48%) бюджетных расходов по разделу 0 400 «Национальная экономика» в 2017 г. была потрачена на государственные закупки, а расходы по разделу 1 200 «Средства массовой информации» в 2017 г. на 71% состояли из ассигнований на государственные закупки. В этом разделе за три года доля государственных закупок выросла практически в два раза. Похожая картина наблюдается в разделе 0 900 «Здравоохранение», где доля закупок изменилась с 9 до 17%. При этом абсолютная сумма в течение 2015–2017 гг. имела тенденцию к уменьшению. Общая доля расходов на государственные закупки за период 2015–2017 гг. в общей сумме расходов консолидированного бюджета варьировалась в пределах 14–17%.

Таблица 1

Динамика и структура расходов консолидированного бюджета Новосибирской области на закупки товаров и услуг для государственных нужд за 2015–2017 гг., млн руб.

Раздел расходов	Код раздела и подраздела расходов	Год					
		2015		2016		2017	
		Сумма	Доля в разделе, %	Сумма	Доля в разделе, %	Сумма	Доля в разделе, %
Общегосударственные вопросы	0 100	2 558	28	2 353	28	2 229	24
Национальная оборона	0 200	1,4	3	1,4	3	1,1	2
Национальная безопасность	0 300	314	28	264	26	407	31
Национальная экономика	0 400	8 860	41	11 079	47	12 640	48
Жилищно-коммунальное хозяйство	0 500	1 839	19	1 778	22	2 307	25
Охрана окружающей среды	0 600	39	29	35	24	41	25
Образование	0 700	4 795	10	5 320	11	5 818	12
Культура, кинематография	0 800	695	14	1 084	19	914	13
Здравоохранение	0 900	1 759	9	1 627	8	1 348	17
Социальная политика	1 000	736	3	692	3	656	2
Физическая культура и спорт	1 100	79	3	70	2	78	2
Средства массовой информации	1 200	141	36	309	70	310	71
Всего расходов по закупкам	X	21 516	14	24 613	17	26 750	17
Итого расходов бюджета	X	145 050	100	146 691	100	156 032	100

Источник: отчеты об исполнении консолидированного бюджета Новосибирской области за 2015–2017 гг.

На основании данных табл. 2, с точки зрения консолидированных бюджетных расходов, стоит обратить внимание на приоритеты бюджетного планирования и контроля в сфере государственных закупок по разделам расходов национальной экономики, образования, жилищно-коммунального хозяйства, общегосударственных вопросов. Приоритеты планирования и исполнения бюджетных расходов с точки зрения ассигнований на государственные закупки по разделам классификации расходов находятся в сферах национальной экономики [10], национальной безопасности, жилищно-ком-

мунального хозяйства, охраны окружающей среды, здравоохранения. Практически не осуществляются государственные закупки в разделах социальной политики, физической культуры и спорта. Одним из направлений для научного обоснования приоритетов расходов может стать анализ структуры расходов с помощью кодов расходов из справочников по составлению реестров расходов даст возможность ранжировать правовые акты по финансовой нагрузке на различные уровни бюджетов и может быть, корректировать распределение бюджетных полномочий.

**Структура расходов консолидированного бюджета Новосибирской области
на закупки товаров и услуг для государственных нужд за 2015–2017 гг.**

Раздел расходов	Код раздела и подраздела расходов	Год					
		2015		2016		2017	
		Доля в разделе, %	Доля в расходах, %	Доля в разделе, %	Доля в расходах, %	Доля в разделе, %	Доля в расходах, %
Общегосударственные вопросы	0 100	28	2	28	2	24	1
Национальная оборона	0 200	3	0	3	0	2	0
Национальная безопасность	0 300	28	0	26	0	31	0
Национальная экономика	0 400	41	6	47	8	48	8
Жилищно-коммунальное хозяйство	0 500	19	1	22	1	25	1
Охрана окружающей среды	0 600	29	0	24	0	25	0
Образование	0 700	10	3	11	4	12	4
Культура, кинематография	0 800	14	0	19	0	13	0
Здравоохранение	0 900	9	1	8	1	17	0
Социальная политика	1 000	3	0	3	0	2	0
Физическая культура и спорт	1 100	3	0	2	0	2	0
Средства массовой информации	1 200	36	0	70	0	71	0

Источник: расчеты автора по данным отчетов об исполнении консолидированного бюджета Новосибирской области за 2015–2017 гг.

Казенные учреждения в соответствии со ст. 70 Бюджетного кодекса требуют от бюджетов финансирования таких расходов, как оплата труда работников, закупка товаров и услуг, уплата налогов, а также возмещение вреда от их деятельности. На основе открытых данных бюджетной статистики по разделам расходов можно анализировать динамику финансирования оплаты труда сотрудников казенных учреждений, что позволит задуматься: в каких сферах деятельности необходимы имен-

но казенные учреждения, а не бюджетные или автономные. Управление государственными финансами будет наиболее эффективным в том случае, когда органы финансового контроля проверяют не столько соответствие фактических расходов законодательным нормам, а сколько целесообразность финансирования конкретных проектов [11]. В нашем случае речь идет о типах учреждений, которые финансируются в различных формах из бюджетов бюджетной системы (табл. 3).

Таблица 3

Динамика и структура расходов консолидированного бюджета Новосибирской области на выплаты персоналу казенных учреждений за 2015–2017 гг., млн руб.

Раздел расходов	Код раздела и подраздела расходов	Год					
		2015		2016		2017	
		Сумма	Доля в разделе, %	Сумма	Доля в разделе, %	Сумма	Доля в разделе, %
Общегосударственные вопросы	0 100	372	4	400	5	759	8
Национальная безопасность	0 300	653	58	686	67	806	62
Национальная экономика	0 400	1 449	7	1 618	7	1 636	6
Жилищно-коммунальное хозяйство	0 500	451	5	463	6	498	5
Охрана окружающей среды	0 600	16	11	16	11	18	11
Образование	0 700	14 283	30	15 259	32	15 702	31
Культура, кинематография	0 800	1 475	29	1 652	29	2 024	29
Здравоохранение	0 900	869	4	729	4	337	4
Социальная политика	1 000	418	2	434	2	500	1
Физическая культура и спорт	1 100	62	2	71	2	80	2
Средства массовой информации	1 200	33	8	34	8	35	8
Всего расходов на персонал	X	20 081	X	21 362	X	22 395	X
Итого расходов бюджета	X	145 050	100	146 691	100	156 032	100

Источник: Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Новосибирской области за 2015–2017 гг.

Из табл. 3 видно, что практически от 58 до 67% расходов в разделе 0 300 «Национальная безопасность» сосредоточено на функционировании казенных учреждений, а доля в общих расходах не превышает 0,5%. Также значительная часть расходов казенных учреждений приходится на сферу образования, культуры и кинематографии. Вопрос о целесообразности их работы именно в этих видах экономической деятельности требует отдельного исследования. Охрана окружающей среды и средства массовой информации также от 8 до 11% финансируются с помощью казенных учреждений. Следует отметить, что за период 2015–2017 гг. расходы на персонал казенных

учреждений по разделу 0 100 «Общегосударственные вопросы» увеличились более чем в два раза и их доля в разделе достигла 8%.

Необходимость предварительного планирования наиболее приоритетных бюджетных расходов и их последующего контроля не должна вызывать сомнений. Ранжирование наиболее приоритетных расходов должно осуществляться в законодательных и нормативных документах, т.е. в кодексах, законах, решениях перечень бюджетных полномочий обязан начинаться с наиболее значимых расходов для общества и граждан. Реестры расходных обязательств для федерального, регионального и муниципального уровня

должны быть ранжированы по степени социальной важности расходов при помощи кодирования перечня расходов в бюджетных правовых актах. Такой «управленческий» учет степени приоритетности рас-

ходов позволит наиболее эффективно оценивать результаты финансирования расходов и позволит оперативно и объективно формировать правовую базу в области общественных финансов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оболенская Л.В., Голиченко Н.О. Бюджетная реформа: приоритет результатов или сокращения расходов // Друкеровский вестник. 2014. № 3 (3). С. 37–51.
2. Белостоцкий А.А. Приоритеты финансирования расходов регионального бюджета // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Сер. Экономика. 2013. № 8. С. 8–20.
3. Del Granado F.J., Martinez-Vazquez J., McNab R.M. Decentralized Governance, Expenditure Composition, and Preferences for Public Goods // Public Finance Review. 2018. Vol. 46 (3). P. 359–388. URL: <https://doi.org/10.1177/1091142116639127>
4. Leider J.P. Budget- and Priority-Setting Criteria at State Health Agencies in Times of Austerity: A Mixed-Methods Study // American Journal of Public Health. 2014. Vol. 104 (6). P. 1092–1099. URL: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2013.301732>
5. Постановление Правительства РФ от 07.07.2014 г. № 621 «О порядке ведения реестра расходных обязательств Российской Федерации...».
6. Приказ Минфина России от 27.02.2017 г. № 24н «Об утверждении формы реестра расходных обязательств Российской Федерации...».
7. Приказ Минфина России от 31.05.2017 г. № 82н «Об утверждении Порядка представления реестров расходных обязательств субъектов Российской Федерации...».
8. Пайкович П.Р. Социальные приоритеты федерального бюджета // Экономика и предпринимательство. 2015. № 2 (55). С. 80–82.
9. Поварова А.И. Региональный бюджет-2016: приоритеты не меняются // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 133–152.
10. Камаев Р.А. Федеральный бюджет как основной приоритет экономической безопасности страны // Вестник университета Российской Академии Образования. 2015. № 4. С. 120–123.
11. Гонтарь Н.В. Пространственные приоритеты федерального бюджета России-2016 // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 288–298.

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 сентября 2018 г.

Legal Regulation of the Priority of Budget Expenditures

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 216–221.

DOI: 10.17223/15617793/438/29

Dmitrii V. Dementev, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dementev@corp.nstu.ru

Keywords: budgets; budgetary powers; social significance; ranking of expenses; registers of expenditure obligations; priorities of budget expenditures; legal regulation.

The subject of the study is questions of the priority distribution of budget expenditures in legal acts at various levels of the budgetary system of the Russian Federation. The Budget Code obliges the state authorities and local self-government bodies to formulate the registers of expenditure obligations. Russian researchers pay attention to the need for legislative formation of the structure of budget expenditures, which will stimulate further economic growth and solvent demand of the population. Some foreign researchers have analyzed the interdependence between the distribution of public expenditures and their functional composition. They expected a positive impact of expenditures, for example, on health in consolidated budgets. Theoretically, the rules for maintaining the register of expenditure obligations for the budgets of the budget system are established by the government; they are only instructions on the use of the list of regulations. The rules for the compilation of registers do not presume focusing on the priority of meeting expenditure obligations. The form of the register does not require the formation of a list of regulations and corresponding sections of the budget classification of expenditures taking into account the social significance of expenditures. The classification of expenditures does not rank budget expenditures in an ascending order, and does not allow the most objective assessment of the effectiveness of using budget money. With the help of a scientific analysis of the actual and planned trends in budget expenditures, it is necessary to identify the dependence of budget expenditures on the most significant socio-economic factors in various constituent entities of the Russian Federation and in municipalities. The meaning of the ranking of expenditures is that, first of all, expenses should be taken into account which directly or indirectly provide high-quality and comfortable work and leisure conditions for the citizens of the country. The author's analysis of the structure of expenditures of the consolidated budget of Novosibirsk Oblast for 2015–2017 showed that budget expenditures are ranked by functional criteria only by sections and subsections of budget classification. The ranking of priority social budgetary expenditures should be fixed in legislative acts. In the registers of expenditure obligations, the ranking of expenditures can be ensured by coding the types of expenditures by the degree of their social importance. Accounting for the priority level of expenditures will allow the most effective assessment of the results of financing expenditures, and will allow the formation of a legal base in the field of public finance promptly and objectively.

REFERENCES

1. Obolenskaya, L.V. & Golichenko, N.O. (2014) Budget reform: the results of priority or expenditures? *Drukerovskiy vestnik*. 3 (3). pp. 37–51. (In Russian).
2. Belostotskiy, A.A. (2013) Prioritety finansirovaniya raskhodov regional'nogo byudzheta [Priorities for financing regional budget expenditures]. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra. Ser. Ekonomika*. 8. pp. 8–20.
3. Del Granado, F.J., Martinez-Vazquez, J. & McNab, R.M. (2018) Decentralized Governance, Expenditure Composition, and Preferences for Public Goods. *Public Finance Review*. 46 (3). pp. 359–388. DOI: 10.1177/1091142116639127
4. Leider, J.P. (2014) Budget- and Priority-Setting Criteria at State Health Agencies in Times of Austerity: A Mixed-Methods Study. *American Journal of Public Health*. 104 (6). pp. 1092–1099. DOI: 10.2105/AJPH.2013.301732
5. Government of the Russian Federation. (2014) *Decree of the Government of the Russian Federation of 07.07.2014, No. 621 "On the procedure for maintaining the register of expenditure obligations of the Russian Federation"*. (In Russian).

6. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2017) *Order of the Ministry of Finance of Russia of February 27, 2017, No. 24n "On approval of the form of the register of expenditure obligations of the Russian Federation"*. (In Russian).
7. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2017) *Order of the Ministry of Finance of Russia of May 31, 2017, No. 82n "On approval of the procedure for submitting registers of expenditure obligations of constituent entities of the Russian Federation"*. (In Russian).
8. Paykovich, P.R. (2015) Social priorities of the federal budget. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2 (55). pp. 80–82. (In Russian).
9. Povarova, A.I. (2016) Regional Budget–2016: Priorities do not change. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2 (44). pp. 133–152. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.8
10. Kamaev, R.A. (2015) The Federal budget as a basic priority of economic security of the country. *Vestnik universiteta Rossiyskoy Akademii Obrazovaniya*. 4. pp. 120–123. (In Russian).
11. Gontar', N.V. (2016) Prostranstvennye priority federal'nogo byudzheta Rossii-2016 [Spatial priorities of the federal budget of Russia-2016]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov*. 5. pp. 288–298.

Received: 23 September 2018

УДК 345.1

А.В. Кудрявцева, Ю.А. Морозова

НЕМОТИВИРОВАННОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ К ОТМЕНЕ И ИЗМЕНЕНИЮ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОЙ И АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЯХ

Исследуются вопросы немотивированности судебного решения по уголовным делам как основания его отмены. Посредством анализа, изучения судебной практики, а также предмета и пределов рассмотрения уголовных дел судами кассационной и апелляционной инстанций делается вывод, что немотивированность судебного решения является основанием для отмены судебного решения. Показано, что при установлении немотивированности судебного решения имеются существенные различия в действиях и решениях суда апелляционной и кассационной инстанций, которые предопределены предметом и пределами разбирательства дел в вышестоящих инстанциях. Предлагается определенный алгоритм действий суда апелляционной инстанции при установлении немотивированности обжалованного судебного решения.

Ключевые слова: судебное решение; мотивированность; апелляционная, кассационная инстанции.

Мотивированность является неотъемлемым свойством судебных решений, которое гарантирует его законность, обоснованность и справедливость и дает возможность участникам процесса реализовать свое право на обжалование решения в вышестоящие инстанции.

Мотивированность, так же как и обоснованность, тесно связано с таким понятием как законность и в этом ключе проверка мотивированности судебного решения должна стать предметом рассмотрения как в суде апелляционной, так и кассационной инстанций.

Мотивированность приговора и иного судебного решения означает приведение не только совокупности аргументов, обосновывающих установление фактических обстоятельств дела, принятие или непринятие доказательств судом, назначения определенного вида и размера наказания, приведения мотивов рассмотрения гражданского иска и решений иных вопросов, подлежащих разрешению в приговоре, и приведения внутренних мотивов, объяснения всех оснований формирования внутреннего убеждения на основе закона и доказательств. Особенно важно в приговоре привести мотивы несогласия с теми или иными доводами сторон. Именно такое мотивирование приговора дает возможность стороне в полной мере реализовать свое право на обжалование.

Различия в полномочиях апелляционной и кассационной инстанций предопределяют различные действия этих судов при установлении немотивированности приговора или иного решения суда первой инстанции.

Одной из форм пересмотра судебных решений является апелляционный порядок рассмотрения уголовных дел в отношении не вступивших в законную силу судебных решений. До принятия Федерального закона № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. апелляционный порядок пересмотра судебных решений действовал только в отношении решений мировых судей, и введению такого порядка рассмотрения уголовных дел в российское уголовно-процессуальное законодательство 7 августа 2000 г. предшествовала ратификация Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В своем первоначальном виде Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод

1950 г. не содержала права осужденного на пересмотр осуждения или приговора вышестоящим судом. Такое право также не было предусмотрено и иными международно-правовыми документами: Американской конвенцией прав человека 1969 г. и Африканской хартией прав человека и народов 1981 г.

Данный пробел восполнили Протокол № 7, который был принят 22 ноября 1984 г., а также Протокол № 11, принятый 11 мая 1994 г. Последним ст. 2 Протокола № 7 получила следующее название: «Право на апелляцию по уголовным делам» [1. С. 323]. Чаше всего в русском переводе это право звучит как право на обжалование приговора по уголовным делам во второй инстанции, причем следует отметить, что в самом международно-правовом документе не уточняется, что это должен быть обязательно апелляционный порядок.

До принятия Федерального закона № 433-ФЗ существовало две формы пересмотра решений, не вступивших в законную силу: кассация и апелляция, причем апелляционный порядок действовал для решений, принимаемых мировыми судьями по уголовным делам, за которые наказание не может превышать трех лет лишения свободы. Складывалась парадоксальная ситуация, в соответствии с которой по преступлениям, которые не обладали большой степенью общественной опасности, был возможен пересмотр решений, не вступивших в законную силу последовательно в апелляции и кассации, в отношении же преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких возможен был только кассационный пересмотр решений.

Исторически основное отличие так называемой чистой кассации от апелляции заключается в основаниях и процедуре пересмотра решений. Кассационная инстанция могла рассматривать приговоры и иные решения только: 1) в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного его толкования при определении преступления и рода наказания; 2) в случае нарушения обрядов и форм, столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения; 3) в случае нарушения пределов ведомства или власти законом предоставленной судебному установлению (ст. 854, 855, 912 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) [2. С. 421]. Другими словами, кассационная инстан-

ция могла отменить или изменить приговор только по вопросам права. Апелляция в отличие от кассации пересматривает дело и по фактическим, и по юридическим основаниям, в том числе и в силу несправедливости приговора. Если кассационная инстанция довольствуется изучением письменных материалов дела, то апелляционная инстанция вправе по собственной инициативе или по ходатайству сторон исследовать те доказательства, которые исследовались судом первой инстанции, а также дополнительные (новые) доказательства, т.е. те, которые не были исследованы судом первой инстанции непосредственно.

Такие же цели преследовал законодатель, когда вводил кассацию Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г., предмет кассации был определен как законность приговоров и иных судебных решений. Однако законодатель, вводя кассационное производство в новом виде, предусмотрел в качестве предмета рассмотрения суда кассационной инстанции только законность приговора или определения и постановления суда, вступивших в законную силу. Но при этом не воспринял позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ о том, что основания к отмене или изменению в суде апелляционной и кассационной инстанций в силу различия в их природе не должны совпадать, поскольку основания к отмене и изменению приговора в суде кассационной и апелляционной инстанций совпадают (Постановление Европейского суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П).

Вопрос о том, может ли суд кассационной инстанции отменить или изменить судебные решения, вступившие в законную силу по мотивам неверного установления фактических обстоятельств дела или несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, и всегда ли такое изменение означает, что суд вмешался в вопросы факта, а не права остается предметом дискуссии, в том числе и на уровне судебных решений.

Законодатель установил только очень веские основания для отмены или изменения приговора в сторону его ухудшения (в уголовно-процессуальной литературе их именуют фундаментальными). Эти основания должны ставить под сомнение сам смысл и суть правосудия. Данные положения соответствуют принципу определенности судебного решения, вступавшего в законную силу. Свою позицию по определенности вступившего в законную силу судебных актов выразил Конституционный Суд Российской Федерации: «Исключительная по своему существу возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов предполагает установление таких особых процедурных условий их пересмотров, которые отвечали бы требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости, что в ординарных судебных процедурах может быть поколеблено, лишь если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о

судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ею ущерба» (данная позиция содержится в Постановлениях от 11 мая 2005 г. № 5-П и от 5 февраля 2007 г. № 2-П).

Однако смысл правосудия заключается в принятии справедливого решения, которое предполагает мотивированность решения с приведением ответа на все доводы сторон. Справедливость решения имеет значение не только для осужденного, но и для потерпевшего, который нуждается в восстановлении его прав. Следует отметить, что судебная практика окончательно не определилась с предметом и пределами кассационного рассмотрения уголовных дел, о чем свидетельствует и концепция «сплошной» кассации приговоров во вновь созданных кассационных судах общей юрисдикции.

Уязвимость позиции законодателя о невозможности вмешательства суда кассационной инстанции в обоснованность и мотивированность судебного решения предопределяется тем обстоятельством, что не может считаться решение законным, если оно необоснованно и немотивированно и это также закреплено нормой закона, в частности ст. 7 УПК РФ. Обычно отменяя приговор в случаях, когда суд неверно установил фактические обстоятельства дела либо им дана неверная оценка, суд кассационной инстанции в качестве оснований отмены ссылается на ошибки, допущенные судом при исследовании или оценке доказательств. Поэтому неверное установление фактических обстоятельств дела, а также неправильная оценка судами первой или апелляционной инстанции фактических обстоятельств дела и, соответственно, ошибочный вывод о квалификации деяния также означают отсутствие законности судебного решения и могут повлечь в кассационной инстанции отмену или изменение вступившего в законную силу судебного решения. Кроме того, немотивированность приговора или иного решения, а также неприведение и игнорирование доводов сторон в судебном решении также могут служить основанием для отмены или изменения решения в суде вышестоящей инстанции. В связи с этим возникает вопрос о разграничении предмета и пределов рассмотрения уголовных дел судами апелляционной и кассационной инстанции.

Представляется, что немотивированное решение подлежит отмене в суде кассационной инстанции с направлением дела или материала на новое рассмотрение, поскольку если в решении не приведены его мотивы, ставится под сомнение сам смысл правосудия.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался на эту тему: «Положения ст. 7, 123, 388 и 408 УПК РФ не допускают отказ судов от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а предписывают мотивировать свои решения путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания по которым эти доводы отвергаются рассматривающим соответствующее обращение органом или должностным лицом (Определения от 25 января 2005 г. № 42-О и от 17 декабря 2009 г. № 1626-О-О).

Обязанность мотивировать свои решения Конституционный суд РФ распространяет на все виды решений, принимаемых в уголовно-процессуальном порядке и в отношении всех стадий уголовного судопроизводства, основываясь на принципе состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности, исходя из которых решения могут быть вынесены только после рассмотрения и опровержения доводов, выдвигаемых стороной защиты, в том числе и в жалобах на состоявшийся приговор, не опровергнутые доводы могут трактоваться только в пользу обвиняемого (Определения от 8 июля 2004 г. № 237-О, от 25 января 2005 г. № 42-О, от 27 января 2011 г. № 32-О, от 21 октября 2008 г. № 510-О-О, от 21 октября 2008 г. № 565-О-О, от 21 октября 2008 г. № 607-О-О. Постановление от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 20 апреля 1999 г. № 7-П).

Немотивированность решения, установленная в суде апелляционной инстанции, в отличие от кассационной инстанции, не всегда может повлечь за собой отмену решения и направление дела на новое рассмотрение.

В юридической литературе выделяют два основных признака апелляции: 1) рассмотрение дела по существу еще раз и постановление по нему приговора, заменяющего приговор первой инстанции; 2) действие апелляционной инстанции исключительно в пределах заявленной жалобы или представления [3. С. 249–250].

Сложность рассмотрения дела в апелляционной инстанции в порядке Федерального закона № 433-ФЗ заключается в том, что организация судов среднего и высшего звена Российской Федерации изначально не предназначалась для рассмотрения дел в апелляционном порядке. И если говорить об апелляционном производстве, которое является единственно возможным при рассмотрении не вступивших в законную силу судебных решений стран Европейского союза, то там существуют суды, специально созданные для рассмотрения дела в апелляционном порядке. Другими словами, «проходимость» судов среднего и высшего звена в России не предназначена для апелляционного порядка рассмотрения дел. Представляется, что данную проблему невозможно разрешить за счет простого увеличения штата судей в том случае, если будет введен апелляционный порядок пересмотра судебных решений в том виде, в каком он существует в странах Европейского союза. Имеется в виду такой порядок апелляционного производства, при котором апелляционная инстанция не может принять решение об отмене судебного решения и направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, а обязана во всех случаях разрешить дело по существу и постановить приговор или иное решение по существу производства. Сущность «чистой» апелляции и заключается в том, что суд этой инстанции в случае обнаружения нарушений закона судом первой инстанции, в том числе и принятия необоснованного решения в силу неправильной оценки фактических обстоятельств дела судом, должен сам устранить эти нарушения и постановить приговор или принять решение по существу производства [4. С. 234].

И.Я. Фойницкий в начале прошлого века писал: «Если бы судебный пересмотр обуславливался единственно и всецело задачами обеспечения правильности судебных решений и единства судебной деятельности, то его следовало бы допустить без всяких ограничений. Но такое положение создало бы крайне важные практические неудобства. Судебные дела тянулись бы до бесконечности, правовые отношения утратили бы всякую устойчивость» [5. С. 268].

Исходя из смысла процедуры апелляции, ее суть состоит не в полном «перерассмотрении» уголовного дела только потому, что кто-то из представителей сторон не согласен с решением суда первой инстанции, а в проверке законности, обоснованности и справедливости состоявшегося судебного решения суда первой инстанции по доводам апелляционных представления и жалоб (ст. 389⁹ УПК РФ). Суд вправе, но не обязан проверять производство по уголовному делу в полном объеме (ч. 1 ст. 389¹⁹ УПК РФ). Суть апелляции состоит в возможности переоценки выводов суда первой инстанции, включая выводы о фактических обстоятельствах уголовного дела, использованных судом первой инстанции доказательств и их совокупности, включая правовую возможность исследования принципиально новых доказательств и принятия принципиально другого решения по существу дела.

Установив немотивированность судебного решения, суд апелляционной инстанции может применить несколько вариантов действий.

Вполне возможно, что, изучив материалы дела, исследовав доказательства, суд апелляционной инстанции приходит к тем же выводам, что и суд первой инстанции. На практике возникает такая ситуация, когда суд апелляционной инстанции приходит к тем же выводам, что и суд первой инстанции, однако в самом приговоре не указаны мотивы принятия решений или не все доводы сторон рассмотрены. В такой ситуации суд апелляционной инстанции восполняет пробелы и недостатки решения суда первой инстанции в своем определении (постановлении), мотивирует принятое решение и тем самым восстанавливает мотивированность судебного решения суда первой инстанции. В этом случае не нужно отменять решение суда первой инстанции, если правильность установления фактических обстоятельств дела, квалификация деяния, вид и размер назначенного наказания не претерпевают изменений.

Если же отсутствие мотивированности решения сопровождается и иными ошибками суда первой инстанции: не все доказательства исследованы, неверно установлены фактические обстоятельства дела, им дана неверная оценка, нарушены нормы закона при назначении наказания, то суд апелляционной инстанции отменяет решение суда первой инстанции, принимает новое решение или изменяет его.

Наиболее часто встречающимся нарушением требования мотивированности приговора являются случаи назначения дополнительного наказания без указания, почему суд принимает такое решение.

Также известны случаи, когда немотивированность приговора служила основанием для рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. В качестве

примера можно привести обширную практику передачи на рассмотрение Президиума Ставропольского краевого суда судьями Верховного Суда РФ жалоб на немотивированные постановления об отказе в условно-досрочном освобождении.

В качестве оснований передачи, в частности, в таких постановлениях указывалось: «Суд не высказал каких-либо суждений относительно сведений о поведении осужденного в период отбывания наказания и не привел мотивы того, почему они не могут являться основаниями для условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания» (Постановление № 19-УКС16-637).

Основанием для передачи на рассмотрение уголовного дела судом кассационной инстанции явилось отсутствие мотивировки приговора: «Суд, квалифицировав действия виновного по ч. 1 ст. 105 УК РФ, вопреки требованиям закона, не мотивировал в приговоре ни мотив совершения И. указанного преступления, ни наличие у него умысла на его совершение. Изложенный же в описательно-мотивировочной части приговора вывод о совершении осужденным убийства ввиду возмущения поведением М. с учетом вышеизложенного является преждевременным, сделанным без анализа и учета законности действий потерпевшего, послуживших основанием для производства И. выстрелов в сторону отъезжавшей автомашины» (Постановление № 20-УД17-18). Еще один пример: судья в своем решении о передаче уголовного дела вместе с жалобой указал: «Однако вопреки требованиям ст. 307 УПК РФ суд не привел в приговоре мотивы, по которым он пришел к выводу о том, что осужденный осознал, что в результате его действий может наступить смерть потерпевшего, предвидел и желал наступления смерти, т.е. действовал с умыслом на причинение ему смерти, а также о наличии причинно-следственной связи между действиями осужденного и

наступившими последствиями в виде смерти потерпевшего» (Постановление № 19-УКС16-410).

Таким образом, немотивированность приговора и иного судебного решения является основанием для его отмены в суде кассационной инстанции с направлением на новое рассмотрение дела или материала в суд первой или апелляционной инстанции. Однако в суде апелляционной инстанции немотивированность приговора или иного решения может послужить основанием как для отмены приговора и принятия нового решения по делу, так и для изменения приговора или для оставления приговора без изменения.

Последнее решение не означает, что суд первой инстанции качественно рассмотрел дело. В такой ситуации суд апелляционной инстанции «доделал» работу за суд первой инстанции, восполнил недостатки приговора.

Такое положение может привести к массовой некачественности приговоров, выносимых судьями первой инстанции, в надежде на то, что апелляционная инстанция доделает необходимую работу: «домотивирует», «дорассмотрит», «доисследует». Однако рассмотрение дела в апелляционной инстанции, «восполнение» пробелов и устранение ошибок, допущенных судом первой инстанции, непосредственно в апелляционной инстанции существенным образом сократят сроки рассмотрения уголовных дел и в конечном итоге будут работать на эффективность уголовного судопроизводства. Именно этими интересами и ценностями должны руководствоваться суды апелляционной инстанции.

Вместе с тем необходимо предоставить суду апелляционной инстанции возможность выносить частные определения (постановления) в адрес судей, допускающих немотивированность решений, даже в случае оставления решения судьи первой инстанции без изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения. М., 2002.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие. М. : Городец, 1997.
3. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Нижний Новгород, 2002. С. 249–250.
4. Головкин Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова М. : Юрист, 2011.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 ноября 2018 г.

Lack of Reason as a Basis for the Cancellation and Change of the Court Decision in the Cassation and Appeal Instances
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 222–226.
DOI: 10.17223/15617793/438/30

Anna V. Kudryavtseva, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru
Yuliya A. Morozova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: girl.juliy@mail.ru

Keywords: judicial decision; reason; appeal and cassation instance.

The aim of this article is to show the inextricable link between such properties of court decisions as legality, validity and motivation. Reason as a property of the court decision by virtue of Part 4 of Article 7 of the RF Code of Criminal Procedure is connected with legality, validity and, accordingly, can be a subject of consideration not only in the court of appeal, but also in that of cassation. Examples are given when the court of cassation considers and cancels decisions of the court of first and appeal instances on the basis of their lack of reason. The study of judicial practice, of the subject and limits of the courts of cassation and appeal instances shows that when a court decision is not reasoned, there are significant differences in the actions and decisions of the appeal and cassation instances, which are predetermined by the subject and limits of these instances. A certain algorithm of actions for the court of appeal is proposed when it establishes a non-reasoned court decision. If, having studied the materials of the case, having examined the evidence, the court of appeal comes to the same conclusions as the court of the first instance, it leaves the decision of the court of the

first instance unchanged and gives reason for the decision in its ruling. If a non-reasoned decision is also accompanied by other errors of the court of first instance (not all the evidence was investigated, the factual circumstances of the case were incorrectly established, they were given a wrong assessment, the norms of the law were violated in sentencing), the court of appeal cancels the decision of the first instance court, changes it or makes a new decision. Thus, in the court of cassation, a non-reasoned court decision is grounds for its canceling, sending the case for a new trial to the court of first or appeal instances. In the court of appeal, a non-reasoned court decision is grounds for its canceling, making a new decision on the case and for changing the sentence or leaving the sentence unchanged. Such a situation can lead to numerous low-quality decisions by judges of the first instance courts who can hope that the court of appeal will do the necessary work on the decision: finish reasoning, hearing, investigating it, while they have a heavy workload. The consideration of the case, the “filling in” of gaps and the elimination of errors made by the court of the first instance directly in the court of appeal will significantly shorten the time for consideration of criminal cases and will ultimately work on the effectiveness of criminal proceedings. These interests and values should guide the courts of appeal. At the same time, it is necessary to provide the court of appeal with an opportunity to make private rulings addressed to judges allowing non-reasoned decisions, even if the decision of the first instance judge remains unchanged.

REFERENCES

1. Tumanov, V.A. & Entin, L.M. (eds) (2002) *Kommentariy k konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i praktika ee primeneniya* [Commentary to the convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the practice of its application]. Moscow: Izdatel'stvo Norma.
2. Viktorskiy, S.I. (1997) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal procedure]. Moscow: Gorodets.
3. Kovtun, N.N. (2002) *Sudebnyy kontrol' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [judicial control in criminal proceedings in Russia]. Nizhniy Novgorod: Nizhniy Novgorod Law Academy. pp. 249–250.
4. Golovko, L.V. (2011) Novelty UPK RF: progress ili institutsional'nyy kaos? [Innovations in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: progress or institutional chaos?]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelty GPK RF i UPK RF. Pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, supervision: innovations of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The first experience of critical thinking]. Moscow: Yurist.
5. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolvnogo sudoproizvodstva* [The course of criminal proceedings]. Vol. 2. St. Petersburg: Al'fa.

Received: 16 November 2018

А.В. Петров, А.В. Зырянов

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ФИЛОСОФСКИЙ, НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ, ПОЗИТИВИСТСКИЙ ПОДХОДЫ)

Исследуются вопросы, связанные с анализом теоретико-изыскательской особенности, продуктивности некоторых методологических подходов в современных юридических исследованиях, сфере и относительности диапазона их эффективного применения. Результатом статьи является историография, описание и методологическая оценка таких подходов научного исследования правовой действительности, как философский, натуралистический и позитивистский.

Ключевые слова: юридическая наука; методологические подходы; философия; натурализм; позитивизм.

История развития юридической науки – это история, содержащая в себе противостояние различных подходов к пониманию таких социальных явлений, как государство и право. Особое внимание этим дискуссиям уделяется в связи с тем обстоятельством, что принадлежность к определенному типу правопонимания основывается не только на теоретических предпочтениях ученых, но и на идеологических и политических тенденциях.

Вместе с тем обращение к методологическим изысканиям диктуется современной динамикой общественных отношений, продуцирующей правообразовательные тенденции, ускоряющийся поток законодательства, нормативной детализации. Данный процесс выявляет фундаментальную проблему соотношения количественных и качественных показателей правового регулирования, заставляя правоведов задаваться вопросом о фундаментальных свойствах права, его социальных первоисточниках, целях и принципах, как важнейшего инструмента, обеспечивающего жизнеспособность и развитие человека, общества и государства. Относительно исследований в области методологии права можно метафорически сказать, что, в сущности, речь идет об анализе качества «инструмента» (метода), с помощью которого производится другой «инструмент» (право), с сопутствующим выявлением причин «брака», «дороговизны», «перепроизводства» и т.д.

Так, выбор исследователем продуктивного метода познания имеет принципиальное значение для успешного решения стоящих перед ним задач. Если ученый будет действовать, пренебрегая методологическим инструментарием, он едва ли достигнет успеха, а если и достигнет, то ценой огромных усилий, затраченных на преодоление дополнительных, излишних препятствий и трудностей. Напротив, выбор эффективного средства познания, правильная организация научного исследования помогают ученому кратчайшим путем прийти к истинному знанию, обеспечивая тем самым условия для научного прогресса и общественного развития.

Не случайно еще английский материалист Ф. Бэкон сравнивал метод с фонарем, который освещает путь. Ученого, который не имеет эффективного метода познания, он уподоблял путнику, бредущему в темноте и ощупью отыскивающему себе дорогу.

Он остроумно заметил, что даже хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит по бездорожью. Подобным же образом значение выбора правильного метода познания оценивал и Лаплас, он считал, что изучить метод, которым пользовался ученый, делая гениальное открытие, не менее важно для науки, чем само это открытие. Г.В. Плеханов писал: «...те из западноевропейских социалистов, которые с гордостью “ведут свою родословную”, между прочим, “от Гегеля и Канта”, придают гораздо больше значение методу исследования общественных явлений, чем данным его результата. Ошибка в результатах непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине» [1. С. 151].

Так, особая важность вопросам, связанным с выбором метода познания и решением соответствующих проблем, т.е. методологических проблем, придается в настоящее время в современной, в том числе юридической науке.

Далее, не исключая значимость иных познавательных концепций, проанализируем некоторые, а именно философский натуралистический и позитивистские методологические подходы в современных юридических исследованиях, обратим внимание на их генезис, обозначим сферы и относительность диапазона их эффективного применения.

Так, философский подход, включающий в себя древнейший (уступающий разве что религиозному) опыт познания социальной действительности, направленный к праву, представляет собой попытку определения сущности права. В этом его отличие от формальной констатации наличия правовых норм, сводимой обычно к пониманию источников права.

То, что суть, назначение или цель права заключаются в упорядочении общественных отношений, известно с глубокой древности. Не случайно замечание Аристотеля – «Порядок и есть своего рода закон». С дифференциацией некогда единой, монистической, системы регулирования (монономы) возникло осмысление разных способов регламентации действий человека, таких как обычаи, закон, религиозные и моральные нормы. В качестве отличительной черты правового регулирования утвердилось его обеспече-

ние принудительными мерами со стороны государства. Но государственные санкции, как и письменный вид их источника, – это лишь формальные признаки права. Задача философского подхода – выявление фундаментальных умопостигаемых категориальных конструкций, которые, приобретая качество мировоззренческих установок, могли бы быть положены в основу правового регулирования.

Пожалуй, впервые эту задачу четко сформулировал и предложил решение, бесспорно, опиравшееся на наследие многих своих предшественников, И. Кант. Вопрос «...что такое право... может... смутить правоведа: что говорят или говорили законы в том или ином месте, в то или другое время, он еще может указать; но право ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое, – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме (хотя бы упомянутые законы и служили ему для этого хорошим руководством), чтобы установить основу для возможного положительного законодательства. Чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [2. С. 138].

Ответ Канта лаконичен и представляет классический образец философского подхода к праву: «Право есть совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [Там же].

Приведенная формула нуждается в небольшом лингвистическом комментарии. Слово «произвол» употребляется здесь не в современном, сугубо отрицательном, а в архаичном, положительном, смысле, как синоним свободы, проявления свободной воли. Это становится ясным из другого варианта кантовского определения, адресованного каждому гражданину: «Действуй внешним образом так, чтобы свободное проявление твоего произвола могло быть согласовано со свободой каждого по общему закону» [Там же. С. 13].

По существу, то же определение дается Кантом не в форме утверждения, а в форме ограничения свободы: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону».

В определении Канта слово «свобода» (или «произвол» как его синоним) употребляется трижды. Право призвано обеспечить свободу человека. Но, как ни парадоксально это звучит, обеспечение свободы предполагает ее ограничение в соответствии с известным философским постулатом «свобода есть осознанная необходимость». Гарантией свободы служит установление ее границ. Право основывается на том, что свободой обладает каждый. А «общий закон», или «всеобщий закон свободы», состоит в том, чтобы не посягать на свободу других лиц.

Раскрывая предложенное Кантом понимание права, воспользуемся следующим рассуждением одного из наиболее известных представителей немецкой исторической школы права Ф.К. Савиньи: «Человек

находится посреди внешнего мира, и самым важным элементом в его окружении являются контакты с подобными ему по своей природе и судьбе. Чтобы свободные люди, существующие в условиях таких контактов, способствовали, а не мешали друг другу в своем развитии, должны быть признаны невидимые границы, в которых существованию и деятельности каждого лица гарантируется свобода возможностей в условиях безопасности. Правила, посредством которых эти границы определяются, а эта возможность действовать свободно гарантируется, и есть право» [3. С. 23].

Категорией свободы широко пользовался в рассуждениях о праве и Гегель. «Идея права – свобода», «право есть... вообще свобода как идея», «система права есть царство реализованной свободы» – его известные положения, отличающиеся афористичностью и нуждающиеся в объяснении. В приведенных определениях сказываются два разных, хотя и взаимосвязанных подхода Гегеля к проблеме. С одной стороны, идеальный, он относится к идее права; с другой – практический, прикладной, ибо система права в отличие от его идеи – вполне реальное явление. Первый подход, или метод, Гегель называет философским, а второй – формальным [Там же. С. 24]. Наука о положительном праве руководствуется формальным методом «потому, что она ставит себе преимущественно целью указать, что законно». Право положительно прежде всего «потому, что оно имеет силу в государстве, – пишет Гегель, – а этот законный авторитет представляет собою принцип познания о нем, науку о положительном праве» [Там же. С. 25]. Гегель выделяет также историческое исследование, выводящее положительное право из определенных условий места и времени. Признавая научные заслуги исторического подхода, Гегель относит и его к формальному методу, к науке положительного права и противопоставляет философскому способу рассмотрения. Исторический метод «смешивает внешнее возникновение с возникновением из понятия», характерным для философии. Тем самым относительное ставится на место абсолютного, «внешнее явление – на место природы вещей» [Там же. С. 27]. Формальный и философский взгляд, или подход, находятся в разных сферах. Первый концентрируется на положительных законах, второй – на природе (или идее) права. Можно предположить, что формальный подход – удел обывателей и юристов, а философский – мыслителей и тех, кто призван заниматься правотворчеством.

Однако между теми объектами, на изучение которых обращены оба подхода, существуют не только противоречия, но и единство. Гегель утверждает: «Единство наличного бытия, тела и души, есть идея. Она есть не только их гармония, но и полное взаимопроникновение. Ничто не живет, что не было бы каким-нибудь образом идей. Идея права – свобода, и подлинного ее понимания мы достигаем лишь тогда, когда познаем ее в собственном понятии и его наличном бытии» [3. С. 23]. Положительное (позитивное) право – это наличное бытие идеи права. Но, по Гегелю, «то обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом положительного права, является для

последнего чем-то случайным и не касается его природы» [3. С. 26]. Понятие идеи права Гегель называет также «естественным или философским правом». «Превращение отличия естественного или философского права от положительного в противоположность и противоречие между ними было бы крупным недоразумением» [4. С. 322], – пишет он. Итак, несмотря на возможные по случайным и преходящим обстоятельствам расхождения, идея права как понятие и ее наличное бытие, т.е. «философское (естественное)» право и позитивное право, неразрывно связаны и лишь вместе, в совокупности представляют гегелевское понимание права.

Как соотносится гегелевский тезис «идея права есть свобода» с определением права И. Канта? Выдвинутый Гегелем тезис «Будь лицом и уважай других в качестве лиц» как будто соответствует формуле Канта. В то же время Гегель критикует определение Канта, ставшее, как он сам замечает, общепринятым.

Взяв вариант определения права через ограничение свободы (право есть ограничение моей свободы свободой всех других лиц), Гегель выделяет в нем два элемента – отрицательный (ограничение) и положительный («всеобщий закон или так называемый закон разума»). Его не устраивает то, что «в вышеприведенной дефиниции права содержится общераспространенное, преимущественно со времени Ж. Руссо, воззрение, согласно которому субстанциональной основой и первой должна быть воля не как в себе и для себя сущая разумная воля, дух, не как истинный дух, а лишь как особый индивидуум, как воля отдельного человека в ее своеобразном произволе» [3. С. 54]. Создается впечатление, что Гегель не отрицает общепринятое определение, а считает его недостаточным и расширяет его.

Кант рассматривает в данном случае право и свободу в качестве сугубо юридических категорий. Гегель вписывает их в рамки всемирно-исторического процесса, не сводится его к «формальному праву абстрактной личности». Эту особенность его подхода, в частности, демонстрирует Е.А. Воротилин, подчеркивая, что «Гегель включал в понятие права гораздо более широкий круг общественных явлений, чем это было принято в философии и юриспруденции начала XIX в.» [5. С. 313]. «Мораль, нравственность, государственный интерес представляют собою, каждое в отдельности, особое право, так как каждая из этих форм есть определение и наличное бытие свободы» [3. С. 54], – пишет Гегель. По его мнению, «идея свободы истинна лишь как государство». Все названные формы права, полагает Гегель, «ограничены и, следовательно, подчинены друг другу – лишь право мирового духа есть неограниченно абсолютное» [Там же. С. 82].

Кант концентрируется на юридической природе права и дает получившее широкое, признанное определение. Гегель, включая право в панораму самодвижения абсолютной идеи, обогащает представления о праве соображениями философского и социально-политического характера и одновременно растворяет в них и затуманивает юридическую сущность права. «Право мирового духа» – предмет не правовой науки,

а общей философии. Для философии права оно может служить лишь методологической предпосылкой, достаточно произвольной, недоказуемой и лишенной той определенности, которая всегда признавалась в качестве отличительной черты юриспруденции.

В философском подходе к праву у Канта и Гегеля немало общего. Схема их рассуждений сводится к тому, что есть положительные законы, формальное эмпирическое право. Это – явление. Но в их основе лежит или должен лежать какой-то общий принцип, представляющий их природу, сущность. Его-то и раскрывает определение права Канта, идея права Гегеля. Однако если у Канта определение права явно предстает как плод работы «чистого разума», как теоретическая абстракция, «онтологический статус» идеи права Гегеля более многосложен.

Апеллируя к традициям идеализма, ряд теоретиков права возводят идею права в ранг самостоятельного бытия. Выделяют три формы бытия права: идея права, норма права, правоотношение [6. С. 32]. В этом они видят образец перехода от абстрактного к конкретному.

С именами Канта и Гегеля философский подход к праву прочно вошел в юридическую теорию. При этом на определение права, данное Кантом, несмотря на критику Гегеля, никто не покушался, признавая его совершенство, а соблазн улучшить категорию «идея права» возникал у многих и приводил к ее частично-видоизменению или обогащению. В качестве примера коснемся суждений В.С. Соловьева.

Соловьев полагал, что «правом, прежде всего, определяются отношения лиц», следовательно, «сказать я имею право... все равно, что сказать: я – лицо!». «Лицом же, – продолжает философ, – в отличие от вещи называется существо, не исчерпывающееся своим бытием для другого, а существующее как цель в себе и для себя... А это и есть свобода в истинном смысле этого слова» [7. С. 1].

Так, В.С. Соловьев строго следует определению права Канта и тезису Гегеля «будь лицом и уважай других в качестве лиц». Выходов в понимании права за пределы отношений между лицами, в сферу абсолютного права мирового духа (как у Гегеля) у него нет.

Далее Соловьев развивает мысль, имплицитно присутствующую в упомянутых классических формулах, хотя, может быть, и не выраженную столь четко. «Итак, в основе права лежит свобода как характерный признак личности, – рассуждает он, – ибо из способности свободы вытекает требование самостоятельности, т.е. ее признание другими, которое и находит свое выражение в праве... Таким образом, моя свобода, как право, прямо зависит от признания равного права всех других. Отсюда мы получаем основное определение права. Право есть свобода, обусловленная равенством. В этом основном определении права индивидуалистическое начало свободы неразрывно связано с общественным началом равенства, так что можно сказать, что право есть не что иное, как синтез свободы и равенства» [Там же. С. 12]. (П.И. Новгородцев также вводил в понятие права «элементы равенства и свободы» [8. С. 115].)

Можно сказать, что определение В.С. Соловьева вполне соответствует пониманию права, изложенному Кантом, и носит, как и у последнего, строго юридический характер. Речь идет о правилах отношений между людьми, которые сводятся к определению границ свободы человека. Если же исходить из гегелевского понимания идеи права, оно, видимо, представлялось Соловьеву недостаточным, и он ввел в него наряду со свободой равенство.

Таким образом, можно заключить, что собственно философский подход к праву, в рамках настоящего исследования апеллирующего в большей степени к концепциям Канта и Гегеля, не направлен на анализ конкретных норм. Он абстрактен, умозрителен, как подобает философии. Подробную регламентацию он заменяет универсальным принципом, всеобщим критерием права. «Идея права, – писал В.С. Соловьев, – есть та общая алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права». Именно поэтому философский подход применим к любой теории и любой системе права. При всей своей абстрактности философский подход к праву важен и для законодателя, и для практикующего юриста, и для любого гражданина. Он, соотносимый с идеологической составляющей национального развития, представляет собой основу законодательства и применения права, незаменим при оценке, толковании и совершенствовании юридических норм. Как писал Кант, «понятие права – это чистое, но направленное на практику понятие».

Далее обратимся к анализу анонсированного ранее натуралистического подхода как парадигмы социально-гуманитарного познания, проистекающего из философских измышлений соответствующих авторов, в рамках которых природа выступает в качестве универсального принципа объяснения всего сущего.

По мнению исследователя методологии науки Д. Холтона, по-настоящему натуралистическая альтернативная точка зрения может прекратить поиск глубинных процессов и вместо этого помочь увидеть, наконец, независимые обязательства, которые руководят всеми без исключения научными исследованиями.

Натуралистский подход в методологии исследования вопросов права в своей основе предполагает идею объяснения и обоснования права через апелляцию к законам природы. Природа в данном случае выступает как сущностное основание права и как критерий справедливости существующих юридических норм [9. С. 128].

Так, наиболее распространенной формой натурализма в познании права является юснатурализм или школа естественного права, сформировавшаяся в юридической науке XVII–XVIII вв. Представители классического юснатурализма Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Пуфендорф, Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье и другие под естественным правом понимали совокупность прав, правил, ценностей, продиктованных естественной природой человека и независимых от конкретных социальных условий и государства. Природа в теоретических построениях сторонников юснатурализма выступает как главный

авторитет в защите идеи равноправия людей и критике существующих форм права. Обращение к природе как сущностному основанию права, в представлении юснатуралистов, открывало возможности превращения правоведения из знания умозрительного в знание научное.

В теоретических работах представителей натуралистического подхода, юснатуралистов природа выступала в качестве главного авторитета в защите идеи равноправия людей и критике существующих форм права, а потому обращение к ней как сущностному основанию права, в представлении исследователей, открывало возможности превращения правоведения из умозрительного знания в научное.

Концепция естественного права имела вполне практическое назначение, ее задачей было построение общества всеобщего благоденствия, она основывалась на принципе просветительского утилитаризма, который гласил: *salus populi – suprema lex* (благо народа – высший закон). И это были не просто слова – в русле этой концепции происходило отпочкование юриспруденции от традиционной моральной философии, формировался граждански правовой идеал, ставший фундаментом теории прав человека и гражданина, выраженный, например, в «Декларации независимости» (1776 г.) и Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.).

Помимо этого, натурализм школы естественного права был не всегда последовательным. Как представляется, идея обращения к природе возникла в результате стремления узаконить такие, связанные с развитием капитализма, явления, как индивидуализм, предпринимательство, частнособственнические интересы.

Рассматривая вопрос о современном состоянии натуралистического подхода, отметим, что аналитическая философия права на рубеже XX–XXI вв. развивается по большей части под воздействием не отраслевых юридических наук, а общих закономерностей научного познания, общей методологии, т.е. происходит изменение научных представлений о моделях объяснения и научной рациональности не только в отрасли права, но и в науке вообще.

На сегодняшний день одним из важнейших факторов развития аналитической философско-правовой исследовательской деятельности становятся попытки прямого применения философской и общенаучной аргументации основных концепций философии науки к анализу традиционной юридической научной проблематики, что обусловило тот факт, что классические вопросы о соотношении права и государства, о понятии и сущности права, о природе правовой системы, а также способах рассмотрения и изучения правовой реальности в настоящее время зачастую сводятся к постановке другой значимой теоретико-методологической проблемы. Эту проблему можно сформулировать в виде вопроса: какие модели юридического объяснения могут сегодня использоваться в процессе изучения философско-правовых вопросов и какими являются теоретические ограничения и постулаты, сформировавшие конечные научные представления о правовой реальности [10. С. 32].

По этим причинам соперничество основных методологических подходов в философии права XX в., среди которых традиционно выделяют натурализм, позитивизм, реализм и системный подход, трансформируется в научную дискуссию о поиске более обоснованной аргументации, модели юридического объяснения и оценки процесса натурализации юриспруденции. Это, несомненно, выступает основанием для появления эпистемологии права в качестве специфической области философско-правового знания [11. С. 201].

Говоря об интегрируемости натуралистического подхода в рамках отечественной правовой доктрины, надо отметить, что в России, в силу специфики политических и экономических отношений, исторически сформировался собственный организационный опыт, отличный от западного, тип правовой культуры. Когда не личные права выдвигались на первый план, а все же права человека в совокупности с обязанностью и ответственностью. В правопонимании людей формировалось так называемое понятие об императивности и диспозитивности норм права. Права, объединяющие людей в единое общество, а не противопоставляющие субъектов права друг другу и не разъединяющие их, права, предполагающие приоритет морально-нравственной обязанности и чувство общественно-го долга – таков «архитипичный» идеал русской правовой культуры [12. С. 810].

Приобщение российской юриспруденции к западной правовой традиции вылилось в понимание того, что государство призвано обеспечивать надлежащие гарантии осуществления прав и законных интересов граждан, а также их защиту. Именно такое понимание права – основа современной западной юридической науки и практики. Предполагается, что именно из данного понимания должна исходить и современная российская теория права. Однако на практике соответствующие положения Конституции РФ (ст. 2, 17, 18, 55 и др.) так и не получили должного теоретического осмысления. Большинство российских теоретиков права специфически толкуют принципы идеологии естественных и неотчуждаемых прав человека, зафиксированные в Конституции.

Так, Н. Колдаева говорит, что ст. 2 Конституции «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» несет лишь «идеологическую нагрузку и не является правовой нормой» [13. С. 79]. В. Кудрявцев полагает, что принципы, характеризующие правовое государство, которые закреплены в основном законе государства, означают лишь волеизъявление самого государства в понимании позитивистской теории права. По мнению Н.М. Марченко, «в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов России и других стран доминирующими являются идеи единства, неделимости права и закона, между правом и законом не проводится никакого различия» [14. С. 117]. О.В. Мартышин полагает, что одним из самых негативных явлений в правовой науке, возникших за последнее десятилетие, является приоритет прав личности. Ученый не видит в этом

существенной целесообразности, так как право личности находится в одном ряду с благом народа, интересами государства и другими социальными ценностями [15]. Доказывать иное, превозносить права отдельной личности над всем государством и обществом в целом – значит поощрять беспредельный эгоизм и индивидуализм. При этом ст. 2 Конституции, которую, на его взгляд, многие авторы интерпретируют с точки зрения верховенства прав личности, Мартышин определяет как имеющую лишь «лозунговый характер», «неудачный текст, лишенный юридической определенности» [16. С. 15]. В научной литературе имеются и другие примеры.

Примечательно, что более двух столетий назад в Европе складывалась подобная ситуация в научном мире во время принятия французской декларации прав человека и гражданина (1789 г.). Ученые и правоприменители настаивали на том, что нормы декларации не исчерпывающи, и каждый интерпретирует их в силу своего правопонимания, в этом они видели большую опасность для общества. Полагали, что она лишена строгого юридического формализма и содержит в себе множество идеологических воззрений.

Закрепление в Конституции идеологии естественных и неотчуждаемых прав человека – лишь первая ступень к ее реализации. Это предполагает не просто закрепление норм в Конституции, но и наличие серьезной теоретической базы, практического опыта, наличие своей исторической природы, только после этого получится имплементировать их в законодательство и правоприменительную практику.

Так, в качестве умозаключения относительно анализа юснатуралистической методологии можно сказать, что юриспруденция, основанная на натуралистическом подходе, находящем отражение в правовой доктрине отдельного государства в особые исторические периоды идеологической трансформации, сегодня превращается в один из разделов социологии, а юридическое знание становится разновидностью социологического, психологического, политологического или иного социального знания. Этот фактор можно рассматривать и в отрицательном, и в положительном ключе, так как, с одной стороны, утрачивается спецификация юридических исследований и присущих им специальных методов познания правовой реальности, а с другой – появляется возможность использования универсального теоретико-философского инструментария, зачастую достаточно действенного.

Далее, если мы обратимся к истории развития политико-правовой мысли, то можем увидеть, что идея позитивного права по сравнению с естественноправовым учением, возникла позже и связана со становлением эгалитарного мировоззрения как принципа регулирования общественных отношений.

Под позитивным правом принято понимать совокупность официальных правовых норм в виде формализованных нормативных актов юридического характера издаваемых и санкционируемых государством посредством определенных органов власти. Контекст правопонимания заключается в том, что права и свободы человек получает от государства, оно может как наделить правами, так и лишить либо ограничить их.

Другими словами, позитивное право – это и есть закон, оно полностью отождествляется с действующим законодательством.

Так, юридический позитивизм является одним из методов познания права. Юридический позитивизм – теория, становление которой соотносится с особым историческим периодом времени, когда буржуазное общество осуществляло переход от идеологических установок в положительное русло, происходило значительное развитие системы права. Наиболее фундаментальные научные исследования в области юридического позитивизма принадлежат Дж. Остину, Р. Иерингу, К. Бергбому, А. Эсмену, Г. Кельзену, Г. Харту, Г.Ф. Шершеневичу, Н.М. Коркунову и др.

Позитивистский метод изучения права обусловлен формально-логическим исследованием правовых текстов с целью выявления и устранения коллизий в законе. Познание позитивного права осуществляется на основе строго юридических критериев, исключая моральную составляющую права, а также наличие социально-политических особенностей. Юридический позитивизм выражает ясность, строгость, очевидность права. Назначение юридической науки, по мнению представителей позитивизма, заключается в консолидации всего объема непрерывно изменяющегося и разрастающегося законодательства.

Одной из первых стран, где зародился юридический позитивизм, была Англия в лице основоположников – И. Бентама (школа утилитаризма) и Дж. Остина.

По убеждению Остина, право, выступающее предметом юридической науки, – это право, «установленное политически господствующим для политически подчиненного». Это право он называет позитивным. По мнению Остина, источником права является суверенная власть, при этом залогом нормального функционирования права выступает привычка большинства к повиновению этой власти. Право, в свою очередь, является приказом суверенной власти, устанавливающим обязанности и находящим гарантии их реализации в государственных санкциях и принуждении. Элементами права, в его видении, являются правила или нормы, в которых находят выражение приказы суверена.

Таким образом, в работах Остина нашли претворение методологические принципы позитивизма, в частности на первый план были выдвинуты эмпирические особенности права – право как факт. Эмпирическое познание права предполагалось осуществлять на основе исключительно юридических критериев, обособленных от моральных оценок права, а также от социально-политических его характеристик.

По мнению Рудольфа фон Иеринга, методология познания права и государства опирается на описание, классификацию и анализ фактов. В его работах рассматриваются истоки и общее понятие права. Отправной пункт рассуждений таков: «Цель есть творец всего права». Творцом права выступает не всякое, а лишь государственно-организованное общество. Автор заявляет: «Государство – единственный источник права». Право, по Иерингу, характеризуется со стороны: содержания – как совокупность субъектов социального взаимодействия (общество) при неперменной их

защите, гарантированной государством (право есть защищенный законом порядок); формы – как суммы общеобязательных норм поведения. Теоретического разграничения права и закона не существует.

Дальнейшее обоснование юридический позитивизм получил в работах Карла Бергбома, который разделяя позицию Дж. Остина, отвергает принцип рассмотрения права с точки зрения его идеального представления, также считает недопустимым наличие принципов и идей, поддерживающих идеальное представление о праве, и считает разумным рассматривать право только как реальное [17]. Бергбом утверждает, что наука должна изучать, а не оценивать право; она призвана иметь дело с реальными предметами, которые необходимо исследовать посредством эмпирического метода; ее задача – изучать исключительно объективное право, которое основано на законодательном закреплении норм права, без всяческих оценочных суждений.

Единственное объективное право, по мнению Бергбома, только то, которое находит выражение в законодательных актах. Другими словами, его учение проявляется в установке «право – есть закон». Он был убежден, что право, функционирующее по принципу «закон есть закон», является основой отношений между людьми и обществом. «Сущность любого права, писал Бергбом, – состоит в том, что оно действует. Поэтому прекраснейшее идеальное право не может не оставаться позади самого жалкого позитивного права, подобно тому как любой калека видит, слышит и действует лучше, чем самая прекрасная статуя» [Там же]. Норма права, по его мнению, есть неизменная константа, начало и конец, за пределами закона нет никакого другого права. По идеологии Бергбома, только позитивное право способно обеспечить безопасность, мир, законность и порядок в государстве.

В рамках дореволюционного периода отечественной правовой науки можно выделить позицию Г.Ф. Шершеневича, рассматривающего право как совокупность правил жизни людей в обществе, поддерживаемых государственной властью; соответственно, императивный характер норм права составляет волеизъявление государственной власти. Государственная власть, в таком контексте, выступает не только как источник права и базис его общеобязательности, но и как институт, располагающийся как надстройка над правом и неограниченный его нормами. В то же время приоритет государства в отношении права, по мнению Шершеневича, не является основанием полагать, что право всецело исходит от государства. Государственная власть является лишь катализатором применения права субъектом и устанавливает соответствующие санкции за нарушение норм права. Это относится и нормам обычного права, которые создаются в большинстве своем опосредовано от власти государства, но императивность исходит только от государства. Таким образом, методологической основой учения Шершеневича является позитивизм, который интерпретируется как принцип юридического формализма [18].

По мнению Н.М. Коркунова, изменения, инициированные позитивизмом в философии и науке, откры-

вают новый этап в познании права. Предпринимая попытку внедрения позитивизма в юриспруденцию, он утверждает, что отдельные законы способствуют наблюдению в праве. Но необходимо соединить множество элементов, чтобы сложилась истинная картина права. По его мнению, чтобы синтезировать весь материал и получить целостное представление о праве, необходим особый предмет – позитивизм, так как он является востребованным методом юридических исследований.

Таким образом, в начале и середине XX в. позитивизм занимал лидирующие позиции в правоведении. Как видно из практики, в современной российской юриспруденции, унаследовавшей значительный методологический арсенал советского периода, позитивизм является лидирующим подходом. Вместе с тем с течением времени, развитием науки, появлением новых походов появляются и новые модифицированные подходы, схожие с позитивизмом, одним из которых является юридический неопозитивизм.

Юридический неопозитивизм – методология познания права, возникшая в XX в. посредством восприятия идей философского неопозитивизма и развития принципов юридического позитивизма. Юридический неопозитивизм развивается в русле такого направления юридической науки, как аналитическая юриспруденция, представителями которой являются Г. Харт, О. Вайнбергер, П. Колер.

Подобно юридическому позитивизму, аналитическая юриспруденция воспринимает право как систему законов и отраслей права. Причем закон рассматривается как словесное выражение мысли законодателя. Аналитическая юриспруденция утверждает, что в совокупности законов имеется своя внутренняя логическая связь и своя более или менее совершенная система соподчинения и распределения. Но очевидно, что такая система не может быть идеальна, логична и лаконична с точки зрения законодательного закрепления, следовательно, основной целью юридической науки, а точнее сказать, юридической техники, состоит в том, чтобы юридические тексты были не такие коллизионные, люди формировали адекватное правопонимание и могли реализовать правоприменение. В этом понимании задачи, которые были поставлены перед наукой, не имеют отличий от практики в юриспруденции, которая связана с толкованием законов в судах или правительственных учреждениях. Таким образом, юридическая наука как аналитическая юриспруденция должна быть отнесена к описательным наукам. Так как аналитическая юриспруденция связана с писаным правом, то она объединяется с «истинной» юриспруденцией.

Разумеется, такого рода подход, в определенном смысле, ограничен, поскольку едва ли главным его содержанием становятся различного рода дефиниции, определения и т.д. Тем не менее в рамках этого подхода осуществляется анализ законодательства, направленный на улучшение исполнения предписаний закона.

Г. Харт характеризует право как идеализированную систему «первичных» и «вторичных» правил, относимых к высшей норме признания [19]. В каче-

стве первичных правил ученый определяет законодательные нормы, инициированные государством, порождающие определенные обязанности, обязательства и правомочия. В качестве вторичных правил выступают правила признания, вынесения судебного решения. Правила вынесения судебного решения, по сути, являются рекомендацией к окончательному решению, т.е. данными рекомендациями должны руководствоваться все работники судебной системы и иные должностные лица, которые применяют и толкуют закон в своей деятельности. Данные рекомендации особенно актуальны в случае изменения или внесения поправок в законодательство.

Что касается правил признания, то таковые гласят: закон необходим к исполнению, только если он облечен в соответствующую форму источника права и самое главное, принятый в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица). Харт утверждает, что правовая система является эффективной, только если сочетаются первичные и вторичные правила. Он использует свой подход к делению на первичные и вторичные правила также для анализа различных правовых систем. По его мнению, если в правовой системе отсутствуют вторичные правила, то общество существует со слабо выраженной государственностью, т.е. он относит его к традиционному обществу с примитивной правовой системой. По его мнению, общество в котором нет разделения по первичным и вторичным правилам, не может быть и парламентского процесса, который оказывает содействие в их разделении и объединении. Если в обществе существуют правила признания, то и должностные лица, и рядовые граждане обеспечиваются авторитетным критерием для распознавания первичных правил обязывающего характера.

В отличие от Остина Харт более толерантен к естественно-правовой модели права. Это выражается в точке зрения, что в любой позитивистской системе права допускается «минимальное содержание естественного права», – например, в виде признания того, что все индивидуумы являются, в грубом понимании, равными физически и в меньшей мере – равными интеллектуально.

По вопросу о взаимоотношении морали и права, он все же солидарен с позицией Остина. Позиция Харта сводится к следующему: во всех сообществах неизбежно происходит частичное взаимопроникновение в содержание между правовым и моральным обязательством, однако атрибуты правовых правил являются при этом более специфическими и окружены барьером из более детализированных оговорок, нежели моральные правила.

Концепция Харта, пребывая в русле юридико-аналитической версии современного позитивизма, относится к исследовательскому направлению лингвистического юридического позитивизма или неопозитивизма.

Из вышесказанного следует, что позитивистский метод изучения права обусловлен в первую очередь формально-логическим исследованием правовых текстов. Познание позитивного права осуществляется на основе строго юридических критериев, исключая, во

благо «стерилизации» предметной области юриспруденции, моральную составляющую права, а также наличие социально-политических особенностей. Юридический позитивизм олицетворяет ясность, строгость, очевидность права. Назначение юридической науки, по мнению представителей позитивизма, заключается в консолидации всего объема непрерывно изменяющегося и разрастающегося законодательства, выявлении и устранении коллизий в законе.

Выбор методологического подхода играет определяющее значение в рамках любого исследования, потому как подход дает сущностные ориентиры, понятийный аппарат и, по большому счету, весь инструментарий, который будет использоваться для достижения желаемого, а чаще всего – предполагаемого научного результата.

Отличаясь высокой степенью субъективизма, научное познание является весьма специфичным в спектре социальных типов деятельности. «Наука – это деятельность по развитию, конструированию и созданию наших понятий, средств нашего мышления. А уже ее результаты дальше поступают в сферу образования. И там уже становятся средством развития способностей. А потом люди поступают в сферу практики и там работают» [16. С. 190]. Выходит что

научные исследования – это множественные индуктивные процессы, которые создают средства мышления, необходимые для образования практического базиса.

Таким образом, во благо развития общества и прогресса юридической науки, представляется необходимым в области исследовательской деятельности опираться на опыт предшественников и учитывать позиции современников, для того чтобы объективно конструировать научные новеллы. Видится продуктивной познавательная установка ученого, совмещающая в себе как критический, так и самокритический анализ научных достижений, что, в свою очередь, обуславливается объемом знаний о количестве и качестве существующих методологических подходов в юридических исследованиях.

Наука, в частности ее методологическая составляющая, не стоит на месте, в ходе ее формирования появляются все новые модели развития юридической науки, а также происходит сопоставление этих моделей с уже существующими концепциями (в определенных случаях симбиоз или противопоставление) – этот процесс очень долгий, важный и нужный не только для ученых и правоведов, но и для всего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1958. 824 с.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1964. Т. 4. 510 с.
3. Гегель. Философия права. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. 5. 767 с.
4. Немецкая классическая философия. Т. 1: Право и свобода. Кант И., Гегель Г., Шеллинг Ф. Москва, Харьков, 2000. 782 с.
5. Воротилин Е.А. Учение Гегеля о государстве и праве // История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. 339 с.
6. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 31–61.
7. Соловьев В.С. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. 187 с.
8. Новгородцев П.И. Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. М., 1911–1913. Год XXV, кн. 121 (I).
9. Дидикин А.Б. Натурализация эпистемологии в юридической сфере: критический анализ философско-методологического проекта Б. Лейтера // Материалы Летней философской школы «Голубое озеро-2006». Наука и философия в Сибири. Новосибирск, 2006. С. 125–129.
10. Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. 237 с.
11. Харт Г. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина, А.Б. Дидикина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 302 с.
12. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Издательская группа НОРМА; ИНФРА-М, 1998. 810 с.
13. Колдаева Н.П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995. С. 13–16.
14. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 1996. 715 с.
15. Мартышин О.В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // Право и политика. 2000. № 7.
16. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы правопонимания права // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21.
17. Апсальмов Р.Г. Юридический позитивизм: понятие, сущность, история развития // Проблемы права. 2010. № 2. С. 152–156.
18. Варламова И.В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156–166.
19. Фулер Л.Л. Позитивизм и верность праву. Ответ профессору Харту // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159.

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 декабря 2018 г.

On Some Methodological Approaches in Legal Research (Philosophical, Naturalistic, Positivist Approaches)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 227–235.

DOI: 10.17223/15617793/438/31

Alexander V. Petrov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

Aleksey V. Zyryanov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: lotos495@mail.ru

Keywords: legal science; methodological approaches; philosophy; naturalism; positivism.

The subject of the research is methodological approaches in legal research. The article deals with the problems associated with the analysis of theoretical and research features, the productivity of some methodological approaches in modern legal research, the scope and relative range of their effective application. The result of the article is historiography, description and methodological assessment of such approaches of the scientific research of legal reality as philosophical, naturalistic and positivist. The methods used include dialectics, comparative analysis, systemic approach, generalization, concretization, historical, logical, functional and comparative legal methods. The findings of the study are as follows. The history of the development of legal science is a history that contains the opposition of different approaches to the understanding of social phenomena such as state and law. Particular attention is paid to these discussions due to the fact that belonging to a certain type of legal understanding is based not only on the theoretical preferences of scholars, but also on ideological and political trends. The philosophical approach to law, within the framework of the

present study appealing to a greater extent to the concepts of Kant and Hegel, is not aimed at the analysis of specific norms. It is abstract, speculative, as befits philosophy. It replaces detailed regulation with a universal principle, a universal criterion of law. That is why the philosophical approach is applicable to any theory and any system of law. For all its abstractness, the philosophical approach to law is important for the legislator, for the practicing lawyer, and for any citizen. It, correlated with the ideological component of national development, is the basis of legislation and the application of law, it is indispensable in the assessment, interpretation and improvement of legal norms. As Kant wrote, “the concept of law is a pure but practical concept”. The task of the philosophical approach is to identify the fundamental speculative categorical structures, which, acquiring the quality of ideological attitudes, become able to be the basis of legal regulation. Law, based on the naturalistic approach, which is reflected in the legal doctrine of an individual state in the special historical periods of ideological transformation, turns into one of the sections of sociology today, and legal knowledge becomes a kind of sociological, psychological, political or other social knowledge. This factor can be considered both in a negative and in a positive way, since, on the one hand, the specification of legal studies and their special methods of cognition of legal reality is lost, and, on the other hand, the possibility of using universal theoretical and philosophical tools, often quite effective, appears. The positivist method of studying law is primarily due to the formal-logical study of legal texts. Knowledge of positive law is carried out on the basis of strictly legal criteria, excluding, for the benefit of “sterilization” of the subject area of jurisprudence, the moral component of the law, as well as the presence of socio-political features. Legal positivism embodies clarity, rigor, evidence of law. According to the representatives of positivism, the purpose of legal science is to consolidate the entire volume of continuously changing and growing legislation, identify and eliminate conflicts in the law. The cognitive orientation of a scholar, combining both critical and self-critical analysis of scientific achievements, seems productive, which, in turn, is due to the amount of knowledge about the quantity and quality of existing methodological approaches in legal research.

REFERENCES

1. Plekhanov, G.V. (1958) *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
2. Kant, I. (1964) *Sochineniya v shesti tomakh* [Works in six volumes]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
3. Hegel, G.W.F. (1934) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Translated from German. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz.
4. Shkoda, V.V. (ed.) (2000) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Vol. 1. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: Folio.
5. Vorotilin, E.A. (1997) Uchenie Gegelya o gosudarstve i prave [Hegel's doctrine on the state and law]. In: Leyst, O.E. (ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of political and legal doctrines]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Maksimov, S.I. (2013) Kontseptsiya pravovoy real'nosti [The concept of legal reality]. In: Stovby, A.V. (ed.) *Neklassicheskaya filosofiya prava: voprosy i otvety* [Non-classical legal philosophy: questions and answers]. Kharkov: Biblioteka mezhdunarodnogo zhurnala “Problemy filosofii prava”.
7. Solov'ev, V.S. (1899) *Pravo i npravstvennost': Ocherki iz prikladnoy etiki* [Law and Morality: Essays from Applied Ethics]. 2nd ed. St. Petersburg: Izd. Ya. Kantorovicha.
8. Novgorodtsev, P.I. (1911–1913) Ob obshchestvennom ideale [On the social ideal]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. XXV(121 (I)).
9. Didikin, A.B. (2006) [Naturalization of epistemology in the legal sphere: a critical analysis of the philosophical and methodological project of B. Leiter]. “Goluboe ozero-2006”. *Nauka i filosofiya v Sibiri* [“Blue Lake 2006”. Science and philosophy in Siberia]. Proceedings of the Summer Philosophical School. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 125–129. (In Russian).
10. Afonasin, E.V. & Didikin, A.B. (2006) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
11. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The concept of law]. Translated from German by E.V. Afonasin, A.B. Didikin. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Alekseev, S.S. (1998) *Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law. ABC. Theory. Philosophy. Experience a comprehensive study]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA; INFRA-M.
13. Koldaeva, N.P. (1995) K voprosu o roli ideologicheskikh faktorov v pravoobrazovanii [On the role of ideological factors in legal education]. In: Malein, N.S. et al. (eds) *Teoriya prava: novye idei* [Theory of law: new ideas]. Is. 4. Moscow: Institute of State and Law, RAS.
14. Marchenko, M.N. (1996) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of State and Law: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
15. Martyshin, O.V. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava v postsovetskoe desyatiletie. Nekotorye itogi* [Theory of state and law in the post-Soviet decade. Some results]. *Pravo i politika*. 7.
16. Martyshin, O.V. (2003) Sovmestimy li osnovnye tipy pravoponimaniya prava [Are the main types of legal understanding of law compatible?]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 13–21.
17. Apsalyamov, R.G. (2010) Yuridicheskiy pozitivizm: ponyatie, sushchnost', istoriya razvitiya [Legal positivism: the concept, essence, history of development]. *Problemy prava*. 2. pp. 152–156.
18. Varlamova, I.V. (2008) Yuridicheskiy pozitivizm i prava cheloveka [Legal positivism and human rights]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 156–166.
19. Fuller, L.L. (2005) Pozitivizm i vernost' pravu. Otvet professoru Khartu [Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart]. Translated from English. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 6. pp. 124–159.

Received: 03 December 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИМОВА Анна Сергеевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького (г. Москва). E-mail: a.s.akimova@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Елена Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске. E-mail: hellen-11@yandex.ru

АЛЕКСЕЕВА Светлана Владимировна – науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mail@s-alexeeva.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. сектора истории философии Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: berestoviv@yandex.ru

БРОВИНА Александра Александровна – канд. ист. наук, зав. отделом гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: brovina72@mail.ru

БРОВКИН Владимир Викторович – мл. науч. сотр. отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: drakar@ngs.ru

ВЛАСОВ Михаил Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru / vlasov_mikhailo@mail.ru

ВОЗНЮК Елена Борисовна – канд. культурологии, доцент кафедры философии и социологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул). E-mail: liina_06@mail.ru

ВОРОПАНОВ Виталий Александрович – канд. ист. наук, зав. кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

ГАМБАРИАН Артур Сиреканович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Российско-Армянского (Славянского) университета. E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

ДАЛЛАКЯН Лилит Георгиевна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Российско-Армянского (Славянского) университета (г. Ереван, Армения). E-mail: lilit.dallakyan@rau.am

ДАНИЛОВ Игорь Борисович – канд. юрид. наук; зав. кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: 0615222@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВ Дмитрий Витальевич – канд. экон. наук, доцент кафедры аудита, учета и финансов Новосибирского государственного технического университета. E-mail: dementev@corp.nstu.ru

ДОБРЕГО Александра Сергеевна – магистрант факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alexa2104@mail.ru

ДРАКУЛИЧ-ПРИЙМА Драгана – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: dpdragana@rambler.ru

ДЬЯКОВА Елена Григорьевна – д-р. полит. наук, ведущ. науч. сотр. отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: gf-urf@bk.ru

ЖОЛУДЕВА Наталья Романовна – магистрант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: Natascha.1994@mail.ru

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e_zinovieva@mail.ru

ЗЫРЯНОВ Алексей Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: lotos495@mail.ru

КАВЕРЗИНА Наталия Петровна – директор Центра Кореи Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); соискатель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: nkruss@gmail.com

КАМИНСКАЯ Юлия Вадимовна – магистрант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

КОВАЛЬ Людмила Николаевна – канд. пед. наук, зав. кафедрой физической культуры Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске. E-mail: lyudmila270965@mail.ru

КОЛЕСОВА Ольга Владимировна – зав. лабораторией сравнительных исследований в исторической урбанистике Томского государственного университета; директор Новосибирского регионального ресурсного центра. E-mail: kolesova@list.ru

КОНИНА Алена Артемовна – мл. науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alena.konina@gmail.com

КУДРЯВЦЕВА Анна Васильевна – д-р юрид. наук, председатель судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда. E-mail: acifna@mail.ru

МАМКИНА Инна Николаевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой теории государства и права Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

МАСЛОВ Денис Константинович – мл. науч. сотр. отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: denn.maslov@gmail.com

МИНАЕВ Николай Николаевич – д-р экон. наук, начальник Департамента науки и высшего образования Администрации Томской области. E-mail: nnminaev@mail.ru

МИРОНОВ Василий Анатольевич – ассистент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: mironov@mail2000.ru

МИРОНОВ Виктор Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: vvm_512@rambler.ru

МОРОЗОВА Юлия Аскарровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: girl.juliy@mail.ru

ОПЛАКАНСКАЯ Рената Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета. E-mail: goplakanska@mail.ru

ПАСС Андрей Аркадьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета. E-mail: pass_andrey@vmail.ru

ПЕТРОВ Александр Васильевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, зам. зав. лабораторией лингвистической антропологии, зав. лабораторией когнитивных исследований языка Томского государственного университета. E-mail: rezanovazi@mail.ru

САВОСТЬЯНОВ Александр Николаевич – д-р филос. наук, канд. биол. наук, ведущ. науч. сотр. лаборатории дифференциальной психофизиологии Института физиологии и фундаментальной медицины (г. Новосибирск); ведущ. науч. сотр. лаборатории биологических маркеров социального поведения человека, профессор кафедры общей информатики, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета; зав. лабораторией психологической генетики Института цитологии и генетики Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: alexander.savostyanov@gmail.com / savostyanov@bionet.nsc.ru / a.savostianov@ngs.ru

САПРЫГИН Александр Евгеньевич – мл. науч. сотр. лаборатории дифференциальной психофизиологии Института физиологии и фундаментальной медицины (г. Новосибирск). E-mail: saprigin@mail.ru / saprigin@physiol.ru

СУРНИН Дмитрий Игоревич – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти). E-mail: surnindima@gmail.com

СЫЧЕВ Олег Анатольевич – канд. психол. наук, науч. сотр. управления научно-исследовательской деятельности Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: osn1@mail.ru

ТОКМУРЗАЕВ Бакыт Салманович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Университета «Сырдария» (г. Жетысай, Казахстан). E-mail: proff.om@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Татьяна Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: trubn@mail.ru

УСАЧЁВ Николай Александрович – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти). E-mail: usachev24.12@mail.ru

ХОРОШЕВА Татьяна Анатольевна – канд. биол. наук, и. о. зав. кафедрой физического воспитания Тольяттинского государственного университета. E-mail: tah@list.ru

ХРАМЦОВ Александр Борисович – канд. ист. наук, доцент кафедры сервисного инжиниринга и правового обеспечения в жилищно-коммунальном и строительном комплексе Тюменского индустриального университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ЦАРЕГОРОДЦЕВА Оксана Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, ст. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. E-mail: caregrad@yandex.ru

ЧЕРНОВА Дарья Алексеевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории когнитивных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: chernovadasha@yandex.ru

ШЕВЧЕНКО Алексей Михайлович – ст. преподаватель Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске. E-mail: jeg1111@gmail.ru

ШУСТОВА Инна Юрьевна – д-р пед. наук, вед. науч. сотр. Центра стратегии и теории воспитания личности Института стратегии развития образования Российской академии образования (г. Москва). E-mail: innashustova@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 438. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 января 2019 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 30. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 50 экз.
Заказ № 3680. Цена свободная.

Дата выхода в свет 21 марта 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru